

ПІЧЭТАЎСКІЯ ЧЫТАННІ / 2023

ІНСТЫТУЦЫЯНАЛЬНЫЯ ЗМЭНЫ Ў ГУМАНІТАРНАЙ СФЭРЫ ЯК АДЛЮСТРАВАННЕ ПАЛІТЫЧНЫХ І ЭКАНАМІЧНЫХ ПРАЦЭСАЎ

Матэрыялы
міжнароднай навуковай канферэнцыі,
прысвечанай 80-годдзю аднаўлення работы БДУ
на стацыі Сходня і 145-годдзю з дня нараджэння У. І. Пічэты

Мінск, 11 кастрычніка 2023 г.

БЕЛАРУСКІ ДЗЯРЖАЎНЫ ЎНІВЕРСІТЭТ
ГІСТАРЫЧНЫ ФАКУЛЬТЭТ

**ПІЧЭТАЎСКІЯ ЧЫТАННІ – 2023:
інстытуцыянальныя змены
ў гуманітарнай сферы як адлюстраванне
палітычных і эканамічных працэсаў**

**Матэрыялы
міжнароднай навуковай канферэнцыі,
прысвечанай 80-годдзю аднаўлення работы БДУ
на стацыі Сходня і 145-годдзю з дня нараджэння
У. І. Пічэты**

Мінск, 11 кастрычніка 2023 г.

Мінск
БДУ
2023

УДК 93/94:378.4(476-25)096(06)

ББК 63р31(4Беи)я431

ПЗ6

Рэдакцыйная калегія:

доктар гістарычных навук прафесар *А. Г. Каханоўскі* (гал. рэд.);

доктар гістарычных навук прафесар *Л. С. Белавусаў*;

доктар гістарычных навук прафесар *С. І. Міхальчанка*;

доктар гістарычных навук прафесар *С. М. Ходзін*;

кандыдат гістарычных навук дацэнт *А. Я. Верамейчык*;

кандыдат гістарычных навук дацэнт *Т. Д. Герновіч*;

кандыдат гістарычных навук дацэнт *Г. І. Маскевіч*;

кандыдат гістарычных навук дацэнт *М. Ф. Шумейка*;

кандыдат гістарычных навук прафесар *А. А. Яноўскі*

Рэцэнзенты:

доктар гістарычных навук прафесар *А. М. Літвін*;

доктар гістарычных навук прафесар *А. Л. Самовіч*

Пічэтаўскія чытанні – 2023: інстытуцыянальныя змены ў гуманітарнай сферы як адлюстраванне палітычных і эканамічных працэсаў : матэрыялы міжнар. навук. канф., прысвеч. 80-годдзю аднаўлення работы БДУ на станцыі Сходня і 145-годдзю з дня нараджэння У. І. Пічэты, Мінск, 11 кастр. 2023 г. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: А. Г. Каханоўскі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2023. – 438 с.

ISBN 978-985-881-558-5.

Разглядаюцца актуальныя праблемы, звязаныя з гісторыяй развіцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў кантэксце еўрапейскіх і сусветных універсітэцкіх традыцый, навуковай і грамадска-палітычнай дзейнасцю У. І. Пічэты, развіццём славістыкі на сучасным этапе. Аўтары з Беларусі і Расіі прадстаўляюць свой вопыт выкарыстання інавацыйных метадаў у вывучэнні сусветнай гісторыі і гісторыі Беларусі, гістарыяграфіі, дакументальнай, этнакультурнай і археалагічнай спадчыны.

УДК 93/94:378.4(476-25)096(06)

ББК 63р31(4Беи)я431

ISBN 978-985-881-558-5

© БДУ, 2023

ЗМЕСТ

ЗМЕСТ	3
ПРАДМОВА	9

Прывітальныя словы прарэктара па навукавай рабоце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту, доктара хімічных навук, прафесара Блахіна Андрэя Віктаравіча.....	11
---	----

ПЛЕНАРНАЕ ПАСЯДЖЭННЕ

А. А. Яноўскі ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА: НЕВЫЧАРПАЛЬНАСЦЬ ТЭКСТАВЫХ І ВІЗУАЛЬНЫХ КРЫНІЦ.....	12
С. И. Михальченко МАТЕРИАЛЫ РУССКИХ ПРОФЕССОРОВ-ПРАВОВЕДОВ 1920-1940-х гг. В ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ СУБОТИЦЫ	21
С. Н. Ходин ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ.....	26

РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА Ў КАНТЭКСЦЕ ЕЎРАПЕЙСКІХ УНІВЕРСІТЭЦКІХ ТРАДЫЦЫЙ

А. Г. Кохановский ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ БГУ: ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ИННОВАЦИИ.....	32
О. А. Яновский СОВЕТСКОЕ РОССИЕВЕДЕНИЕ КАК ДОМИНАНТА «ИСТОРИИ СССР».....	39
М. Ф. Шумейко В. И. ПИЧЕТА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭГО-ДОКУМЕНТОВ	57

А. М. Белявский, И. А. Вишневский, А. С. Шапко	
ОТ ТИТУЛЯРНОГО СОВЕТНИКА ДО СОВЕТСКОГО УПРАВЛЕНЦА: КАРЬЕРА ЛЬВА ГЕОРГИЕВИЧА СИДЛЯРЕВСКОГО, УПРАВЛЯЮЩЕГО ДЕЛАМИ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1922-1924 гг.....	71
Н. Р. Беляева	
MEMORY STUDIAS И ПОКОЛЕНИЯ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ.....	79
А. У. Вайтовіч	
ЗАБЫТЫЯ ІМЁНЫ ЁЎНІВЕРСІТЭЦКАГА КРАЯЗНАЎЧАГА РУХУ 1920-Х ГАДОЎ. ВАДЗІМ НЕВЯДОМСКІ.....	84
О. И. Ершова	
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В 1920–1930 гг: ОТ МНОГООБРАЗИЯ К УНИФИКАЦИИ.....	91
Г. А. Петаченко	
РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СССР В 1920-е гг.	98
В. С. Русецкий	
ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ БГУ ИЗ ФОНДОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	104

АКТУАЛЬНЫЯ ПРАБЛЕМЫ СУЧАСНАЙ ГІСТАРЫЧНАЙ НАВУКІ І АДУКАЦЫІ

С. С. Александрович	
УЧАСТИЕ ЮГОСЛАВЯН В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ (1917–1923 гг.)	110
О. В. Бригадина	
ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1930-е гг.	118
М. С. Довгялло	
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО КУРСУ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ	125
И. А. Ефременко	
ТРАНСФОРМАЦИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В III ВЕКЕ НАШЕЙ ЭРЫ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ КУЛЬТА ИМПЕРАТОРА.....	132
Н. А. Закрочинский	
ХРОНИКИ ФРУАССАРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНГЛИИ XIV в.	138

И. А. Заикина	
ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА ПРИМЕРЕ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА»	145
Е. С. Зиновьев	
РОЛЬ СССР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ	151
Р. А. Зубачёв	
СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМАТИКИ	158
А. В. Козленко	
ГРАММАТИКИ И ЦЕНТУРИОНЫ	168
А. А. Кондраль	
ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ	174
В. И. Короневский	
РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ СПАСО-ЕВФРОСИНИЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В НАРРАТИВАХ XIX в.	181
Н. В. Кошелева	
САЛАФИТСКИЙ ДЖИХАДИЗМ: ТЕРМИНОЛОГИЯ, ДОКТРИНА, ОСОБЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)	186
В. В. Репин	
НОВЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ	193
Д. В. Саватеева	
ВВЕДЕНИЕ МИНИМАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ФРГ	198
А. П. Сальков	
ИСТОРИКИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ ...	205
Е. Д. Смирнова	
ИЕРАРХИЧЕСКИЙ DRESS CODES И ЗАКОНЫ ПРОТИВ РОСКОШИ (SUMPTUARY LAW) СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ	217
П. К. Хорьков	
ПРЕДПОСЫЛКИ К АКТИВИЗАЦИИ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В 1930-х гг.	222
М. А. Шабасова	
ЗАПАДНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.	228

В. Д. Шалькевич	
ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРФОРМАНСА В РОССИЙСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИЯХ.....	238
А. К. Шымак	
ТОМА НИГЕР – ПАПСКИ НУНЦЫЙ У ПОЛЬШЧЫ (1522-1523 гг.).....	243

ТРАДЫЦЫІ І ІНАВАЦЫІ Ў ВЫВУЧЭННІ І ВЫКЛАДАННІ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

А. Е. Веремейчик	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.	247
В. А. Будницкий	
БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О БРЕСТСКОМ МИРНОМ ДОГОВОРЕ....	255
А. А. Жданов, Н. Д. Тихонов	
ОТБРАЖЕНИЕ В ЛЕТОПИСЯХ МОСКОВСКОЙ И ЛИТОВСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ XVI ВЕКА.....	261
К. Р. Кімбар	
ЗАКАНАДАЎЧЫЯ АСНОВЫ ДЗЕЙНАСЦІ СІРОЦКІХ СУДОЎ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX ст.....	267
А. Н. Латушкин	
ПОВЕТОВЫЕ СУДЫ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ СВЕТСКОГО НОТАРИАТА БЕЛАРУСИ.....	275
І. В. Лебедзева	
САЦЫЯЛЬНЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ Ў ДАЧЫНЕННІ ДА ДЗЯЦЕЙ У БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.	285
Г. І. Маскевіч	
ФАРМІРАВАННЕ СІСТЭМЫ САМАКІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНЫХ СЯЛЯН У БЕЛАРУСІ Ў КАНЦЫ XVIII – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIX ст.....	293
В. С. Макаревич	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЯНСКИХ ОПЕК ПО ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДВОРЯНСТВА В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.....	300
А. Э. Сакольчык	
ПРАВАПАРУШЭННІ МАСАВАГА ХАРАКТАРУ НАСЕЛЬНІЦТВА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ.....	306

С. Н. Темушев	
ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	313
М. В. Таций	
ВОПРОС СОХРАНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ.....	321
И. И. Янушевич	
ПОПЫТКИ ОРГАНИЗАЦИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ В БССР (1930-е гг.).....	325
Г. С. Хадасевіч	
РЭАРГАНІЗАЦЫЯ АДУКАЦЫЙНАЙ СІСТЭМЫ Ў ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІМ РЭГІЁНЕ ПАСЛЯ ВЕРАСНЁЎСКІХ ПАДЗЕЙ 1939 г.	331

АРХІЎ І ДАКУМЕНТ У КУЛЬТУРЫ, НАВУЦЫ, АДУКАЦЫІ І ДЗЯРЖАЎНЫМ КІРАВАННІ

Т. М. Агеенка	
ГІСТПАРТ ЦБ КП(б)Б У 1921–1922 гг.	338
Т. Д. Гернович	
СТЕФАН РЫГЕЛЬ КАК ЭКСПЕРТ ПО ВОПРОСАМ ВОЗВРАЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В 20-е ГОДЫ XX в.	344
Л. Ч. Дрожжа	
ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ СОХРАННОСТИ И ДОСТУПНОСТИ АРХИВНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПРИ СОЗДАНИИ ФОНДА ЦИФРОВЫХ КОПИЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ	356
В. С. Иванова	
ІНВЕНТАРНЫЯ КНІГІ БЕЛАРУСКАГА МУЗЕЯ ІМЯ І. ЛУЦКЕВІЧА Ў ВІЛЬНІ	363
И. В. Латушкин	
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЕДИНАЯ (ИНТЕГРИРОВАННАЯ) РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА УЧЕТА И ОБРАБОТКИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	374
К. М. Медведев	
«НЕ ТАК ТОГДА СХИЗМА ГРЕЧЕСКАЯ ИЗ ГРЕЦИИ, КАК ИЗ МОСКВЫ КРАЯ РУС(С)КИЕ ЗАРАЗИЛА»: РОЛЬ ЕЛЕНА ИВАНОВНА (МОСКОВСКОЙ) В ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ ГЛАЗАМИ УНИАТСКИХ И КАТОЛИЧЕСКИХ АВТОРОВ XVII-XVIII вв.	380

В. Ю. Монзуль	
ДЕФИЦИТ И КУЛЬТУРА ТОРГОВЛИ В БССР В 1948–1953 гг. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ МИНСКА).....	386
А. А. Недашковская	
ПОНЯТИЕ «МОДЕЛЬ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА».....	393
Н. С. Соломкина	
ВЫСТАВКИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В 1930-е гг.: ОПИСАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ.....	402
Е. Н. Филатова	
ИОСИФ ИОСИФОВИЧ ГОШКЕВИЧ И ЕГО РАБОТА «ВИЛЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ».....	406
О. Ю. Юркевич	
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ В 1920-1930-е гг.: К 100-ЛЕТИЮ ВВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА В БССР.....	409
Д. А. Якуш	
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ «НАРОДНЫЙ АРХИВ» МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ.....	416

ЭТНАКУЛЬТУРНАЯ І АРХЕАЛАГІЧНАЯ СПАДЧЫНА

Л. С. Иваничева	
БЕЛОРУССКИЙ ТУРИЗМ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НАПРАВЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	421
А. А. Приборович, В. А. Будницкий	
ПАМЯТЬ ОБ АНТИФАШИСТСКИХ ПОДПОЛЬЩИКАХ В УРБАНИСТИКЕ МИНСКА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ПАТРИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ.....	428
Д. У. Філіпчык	
ПЕРСПЕКТЫЎНЫЯ ВІДЫ ТУРЫЗМУ НА АСНОВЕ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ СЯДЗІБНА-ПАРКАВЫХ КОМПЛЕКСАЎ БЕЛАРУСІ.....	433

ПРАДМОВА

Традыцыйныя для гістарычнага факультэта БДУ і ўсяго ўніверсітэта «Пічэтаўскія чытанні» у 2023 г. прайшлі пад знакам двух выдатных гістарычных дат. Па-першае, гэта 145-я гадавіна з дня нараджэння нашага першага рэктара, а па-другое, – 80-годдзе ўзнаўлення працы БДУ на станцыі Сходня недалёка ад Масквы, што можна лічыць як бы другім яго «нараджэннем». Некаторыя ўдзельнікі «Чытанняў» прадставілі свае даклады якраз у рэчышчы дадзеных дат, якія зрушылі аўтараў да разумення ў цэлым ролі і значэння БДУ на розных этапах яго гісторыі. Таму натуральна, што на гэты конт і на пленарным пасяджэнні, і на асобнай, першай (!), секцыі прагучалі цікавыя і часцей за ўсё невядомы факты, іх аўтарскае асэнсаванне.

Зразумела, што «Пічэтаўскія чытанні» – канферэнцыя шматвектарная па накірунках навуковых прыярытэтаў яе ўдзельнікаў. Таму яна сабрала ва аўдыторыях гістфака БДУ тых, хто выступіў і даслаў свае тэксты па тэматыцы айчыннай і ўсеагульнай гісторыі розных храналагічных перыядаў і розных навуковых праблем. Не дзіўна, што другая і трэцяя секцыі найбольш насычаныя самымі рознымі дакладамі, якія прагучалі пад час пасяджэнняў. Тым больш, што прадстаўленне некаторымі выступоўцамі праблем развіцця айчыннай адукацыі гарманічна дапоўніла навукова-тэматычны спектр дадзеных секцый. Адзначым, што даклады былі прачытаныя як сталымі, так і маладымі даследчыкамі. Гэта дала магчымасць актывізаваць дыскусіі, а ў некаторых выпадках прайшлі як бы «майстар-класы» для навуковай моладзі. У тэкстах, якія друкуюцца, не заўсёды вытрыманы, асабліва пачынаючымі свой шлях у навуцы гісторыкамі, прынцып «*sine ira et studio*» – відавочны паліталагічны падыход пры разглядзе некаторых хаця і сучасных, але ўжо стаўшых прадметам навуковага гістарычнага асэнсавання праблем. Відавочнае і акцэнтаванае выкарыстанне інтэрнэт-рэсурсаў без належнага крытычнага ўспрыняцця іх навуковай годнасці. Асабліва тады, калі падаецца бягучая інфармацыя, якая не набыла поўнаўважанага правяркі часам. Тым не менш, рэдкалегія палічыла магчымым змясціць у зборніку матэрыялаў усе даклады, агучаныя аўтарамі пад час працы секцый.

Як заўсёды, на канферэнцыі працавалі две секцыі, аб'яднаўшыя даследчыкаў, якія займаюцца пытаннямі архівазнаўства і дакументазнаўства, вывучэннем этнакультурнай і археалагічнай спадчыны.

Такія накірункі з'яўляюцца адмысловымі для гістарычнага факультэта БДУ. І яны прадэманстравалі, што ў цэлым у Беларусі на дадзены час ужо сфарміраваліся адпаведныя навуковыя школы.

«Пічэтаўскія чытанні – 2023» прайшлі як у рэжыме офлайн, так і онлайн. Таму стала магчымым прыняць удзел нашым расійскім калегам, даклады якіх арганічна дапоўнілі сэнс штогадовага, традыцыйнага навуковага форуму беларускіх гісторыкаў. Прадстаўленыя ў зборніку тэксты, на думку арганізатараў і рэдкалегіі, дэманструюць не толькі завяршаныя даследаванні, але і перспектывы далейшага пранікнення ў сутнасць многіх актуальных праблем.

**ПРЫВІТАЛЬНЫЯ СЛОВЫ
ПРАРЭКТАРА ПА НАВУКОВАЙ РАБОЦЕ БЕЛАРУСКАГА
ДЗЯРЖАЎНАГА ЁНІВЕРСІТЭТУ, ДОКТАРА ХІМІЧНЫХ НАВУК,
ПРАФЕСАРА БЛАХІНА АНДРЭЯ ВІКТАРАВІЧА**

Уважаемые участники конференции, коллеги!

Сердечно рад приветствовать вас на Международной научно-практической конференции «Пичетовские чтения – 2023: «Институциональные изменения в гуманитарной сфере как отражение политических и экономических процессов (к 80-летию возобновления работы БГУ на ст. Сходня и 145-летию со дня рождения В. И. Пичеты)».

Приятно отметить, что с 1998 г. «Пичетовские чтения» стали для Белорусского государственного университета доброй традицией. Традицией, которая не только создает возможность для взаимодействия и обмена опытом между специалистами, но и позволяет нам отдать должное памяти Первого ректора университета В. И. Пичете.

Доклады, озвученные на Пичетовских чтениях в 2019, 2020, 2021, 2022 гг., стали импульсом для разработки вопросов по изучению актуальных проблем исторической науки и образования, а также позволили отметить вклад преподавателей и студентов Белорусского государственного университета в развитие белорусского общества.

История нашей «Alma mater» является связующим звеном между различными поколениями интеллектуальной элиты Беларуси и дает надежду, что Белорусский государственный университет будет сохранять лидирующие позиции в науке, общественной, политической жизни страны еще долгие годы.

Проведение нынешних «Пичетовских чтений – 2023 г.» 11 октября, в день начала занятий в воссозданном в 1943 г. на ст. Сходня Белорусском государственном университете, заставляет нас еще раз задуматься о той важной миссии, которую выполняет наш Университет в развитии белорусского государства и общества. Я надеюсь, что представленные сегодня доклады будут способствовать укреплению исторической памяти об основоположниках белорусского образования и науки, заложивших фундаментальные основы для развития нации и страны, определивших вектор и источник единства нашего общества.

Надеюсь, что полученные в ходе научно-практической конференции результаты будут полезны всем участникам и, в первую очередь, молодым специалистам, а предложенные рекомендации действительно найдут своё применение в практической деятельности.

Желаю всем участникам и организаторам конференции плодотворной работы, конструктивного диалога и эффективного взаимодействия!

ПЛЕНАРНАЕ ПАСЯДЖЭННЕ

ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА: НЕВЫЧАРПАЛЬНАСЦЬ ТЭКСТАВЫХ І ВІЗУАЛЬНЫХ КРЫНІЦ

А. А. Яноўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, helgoleg@mail.ru*

Сцвярджаецца, што за больш чым 100 гадоў дзейнасці Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта яго гісторыя даследавана досыць добра. Аднак наяўныя магчымасці дазваляюць казаць аб тым, што перспектывы для паўнаўнаважнага і ўсебаковага яе вывучэння велізарныя. Стаіць задача ў бліжэйшы час падрыхтаваць не толькі фундаментальную работу абагульняючага характару, але і шэраг кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый. Гаворка ідзе аб тым, што пакуль не вывучаны вялізныя масівы тэкставых дакументаў (архіўных спраў, успамінаў, артыкулаў і паведамленняў у прэсе і інш.), а тым больш візуальных (у першую чаргу, фатаграфій), якія неабходна выяўляць і ўводзіць у канву ўніверсітэцкай гісторыі.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; гісторыя; крыніцы; архіўныя дакументы; успаміны; фатаграфіі; перспектывы даследаванняў.

ИСТОРИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА: НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ ТЕКСТОВЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

О. А. Яновский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, helgoleg@mail.ru*

Утверждается, что за более чем 100 лет деятельности Белорусского государственного университета его история исследована достаточно хорошо. Однако имеющиеся возможности позволяют говорить о том, что перспективы для полноценного и всестороннего ее изучения огромны. Стоит задача в ближайшем времени подготовить не только фундаментальную работу обобщающего характера, но и ряд кандидатских и докторских диссертаций. Речь идет о том, что пока не изучены огромные массивы текстовых документов (архивных дел, воспоминаний, статей и сообщений в прессе и др.), а тем более визуальных (в первую очередь, фотографий), которые необходимо выявлять и вводить в канву университетской истории.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; история; источники; архивные документы; воспоминания; фотографии; перспективы исследований.

HISTORY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY: INEXHAUSTIBILITY OF TEXTUAL AND VISUAL SOURCES

O. A. Yanousky

*Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,
helgoleg@mail.ru*

It is argued that for more than 100 years of activity of the Belarusian State University, its history has been studied quite well. However, the available opportunities allow us to say that the prospects for a full and comprehensive study of it are enormous. The task is to prepare in the near future not only a fundamental work of a generalizing nature, but also a number of candidate and doctoral dissertations. The point is that huge amounts of text documents (archival files, memoirs, articles and press reports, etc.), and even more so visual ones (primarily photographs), which need to be identified and introduced into the outline of university history, have not yet been studied.

Keywords: Belarusian State University; story; sources; archival documents; memories; photos; research prospects.

Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта два гады назад павяла адлік свайго другога стогоддзя. Здаецца, за гэты час даследчыкі-гуманітарыі (гісторыкі, філосафы, юрысты і інш.) і нават прадстаўнікі прыродазнаўчых навук зрабілі шмат, каб яна набыла годныя, маштабныя памеры. Каб знакавая дзейнасць першага і на працягу ўсіх гадоў галоўнага ўніверсітэта Беларусі была прапісана ў грунтоўных працах. І на самой справе, можна канстатаваць, што ёсць чым ганарыцца, бо ў розныя гады былі надрукаваныя некалькі абагульняючых кніг, некалькі кніг па гісторыі факультэтаў і інстытутаў БДУ, а таксама сотні артыкулаў. Пад знакам ушанавання ўніверсітэцкай гісторыі амаль што з самага пачатку і да цяперашніх часоў праводзіліся і праводзяцца навуковыя канферэнцыі. Па іх выніках пабачылі свайго чытача тэматычна разнастайныя зборнікі матэрыялаў – дакладаў, выступленняў, прадстаўлення крыніц і інш.

Тым не менш: калі сам займаешся на працягу дзесяткаў гадоў даследаваннем менавіта гісторыі сваёй alma mater, то ўсведамляеш, што зроблена шмат для ўшанавання БДУ, але не настолькі, каб супакоіцца і не бачыць перспектывы. Тым больш, што тыя прыклады, якія вядомыя, наконт правядзення такой жа працы нашымі калегамі з розных універсітэтаў свету, а болей за ўсё – нашым партнёрам, сябрам і дарадчыкам МДУ імя М. В. Ламаносова – паказваюць, што патрэбна ўжо цяпер заняцца падрыхтоўкай адмысловай праграмы самага дасканалата ва ўсіх праявах збірання, аналізу, сістэматызацыі і прадстаўлення ў розных формах багацця гісторыі БДУ. А пасля зацвярджэння гэтай праграмы – на ўзроўні кіраўніцтва ўніверсітэта стварыць некалькі дзейздольных творчых груп (і не толькі з

ліку гісторыкаў), якія б на працягу азначанага тэрміну правялі першасныя абагульняючыя зборы інфармацыі, стварылі своеасаблівы «банк даных», пачынаючы з асэнсавання гістарыяграфіі гісторыі БДУ. Зразумела, у гэтым банку перш-наперш павінны накоплівацца новыя даныя – архіўныя, тэкставыя (з розных крыніц – СМІ, успаміны, звесткі з афіцыйных дакументаў, літаратурныя ўрыўкі і многае-многае іншае). Асобнай тэмай для адшуквання звестак універсітэцкай гісторыі павінны стаць візуальныя крыніцы – фотаздымкі, кінастужкі, мастацкія карціны, рознага роду замалёўкі ды сапраўдныя карціны (яны рабіліся як студэнтамі і выкладчыкамі, так і самымі рознымі неардынарнымі асобамі).

Адным словам, калі згадаць назву заяўленай тэмы, існуе безумоўная «невычарпальнасць тэкставых і візуальных крыніц» па гісторыі БДУ. Застаецца толькі грунтоўна і мэтанакіравана заняцца іх спасціжэннем дзеля захавання памяці аб нашым універсітэце і яго людзях. І дзеля падцвярджэння ягонай славы, якая мае многія тысячы ўвасабленняў і характарыстык. Нельга толькі ў рэчышчы розных юбілейных мерапрыемстваў звяртацца да гісторыі, адшукваць у ёй прыклады на патрэбу бягучым абставінам. Неабходна быць адданымі гісторыі таго ўніверсітэта, які 102 гады ўвасабляе цэнтр разнастайнай і прадуктыўнай навукі, вышэйшых узороў адукацыі, культуры слова і справы. А тым самым – цэнтр цывілізацыйнага стану Беларусі. Тут нельга не спаслацца на словы Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь, якія ім былі выказаны пад час нядаўняга наведвання БДУ: «БДУ не проста ўніверсітэт. Гэта гісторыя, будучыня краіны» [12].

Некаторымі штрыхамі абазначым імкненне зафіксаваць у розных формах універсітэцкую гісторыю на працягу больш чым за стогадовы час. Гэтая праца распачалася літаральна з першых дзён яго дзейнасці. Папершае, неабходна згадаць, як гісторыя БДУ пісалася. Тут размова можа быць доўгай, бо за больш чым 100 гадоў зроблена нямала. Як сістэмна і асэнсавана, так і спантанна і нават стыхійна. Так, у 1920-я гг. ў розных фарматах адзначаліся гадавіны, пражытыя ўніверсітэтам – 1-я, 2-я і г. д. І прэса тых часоў была напоўнена рознымі публікацыямі, звесткамі, пазначэннямі і абагульненнямі здзейсненага. Адзначаліся з размахам не толькі факты першых выпускаў – рабфака (1923 г.), факультэта грамадскіх навук (20 лютага 1925 г.), медфака (таксама ў 1925 г.) – але і ўсіх наступных – педфака, факультэта права і гаспадаркі, хіміка-тэхналагічнага.

Можна лічыць, што першымі летапісцамі БДУ быў сам рэктар У. І. Пічэта і яго бліжэйшыя паплечнікі – С. З. Кацэнбоген, Ф. Ф. Турук, С. Я.

Вальфсон, У. М. Ігнатоўскі. Не заставаліся ў баку і некаторыя іншыя прафесары, якія штораз друкавалі розныя артыкулы, канстатацыі ходу вучобы і навуковых доследаў. У дадзеным выпадку варта звяртацца да шматлікіх тэкстаў, якія на тыя гады літаральна запаўнялі палосы цэнтральных і іншых газет, друкаваліся ў разнастайных часопісах.

Усё гэтае інфармацыйнае багацце нам у большасці вядома. Але няма і на сёння грунтоўнага яго абагульнення – ні даследчыцкага, ні выдавецкага. Хаця б зыходзячы з таго, што важна не толькі падсумаваць надрукаваныя ў СМІ непасрэдныя аўтарскія тэксты, але і спасылкі на іх у той ці іншай форме. Напрыклад, калі часта друкаваліся афіцыйныя тэксты з уключэннем у іх справаздач і дакладаў таго ж У. І. Пічэты на дзяржаўных нарадах. А гэта было рэгулярна і грунтоўна па фактах і думках [2]. Сапраўднай скарбонкай найважнейшых фактаў па гісторыі БДУ 1930-х гг. – першай палове 1941-га г. можна лічыць шматтыражку «За ленінскія кадры», доступ да большасці нумароў якой стаў магчымым толькі нядаўна.

Па-другое, неабходна згадаць імёны тых, хто нямала зрабіў для першага зводу шматлікіх і разнастайных тэматычна звестак аб менавіта ПЕРШЫМ універсітэце Беларусі. Тут відавочную цікавасць прадстаўляюць зборнікі, выдадзеныя да 1-га выпуску першых падрыхтаваных у БДУ спецыялістаў (юрыстаў і эканамістаў), да 10-й гадавіны кастрычніцкай рэвалюцыі і да 10-й жа гадавіны самага БДУ [11; 1; 3]. У іх адчуваецца адміністрацыйны рэсурс не столькі самага ўніверсітэта, але і ўрада рэспублікі. І гэта надае асаблівую важкасць і інфармацыі, і агучаных высокіх ацэнак зробленага ўніверсітэцкім калектывам, і самой сутнасці ўніверсітэта.

Гэты рэсурс быў задзейнічаны і потым, на працягу многіх дзесяцігоддзяў. Спачатку ставілася задача шыкоўна адзначыць 15-годдзе, і С. Я. Вальфсону было даручана напісаць адпаведную абагульняючую кнігу. Не атрымалася! Наступалі 1936–37 гады... Не адбылася кніга і да 20-годдзя БДУ – ішоў 1941 год!

Толькі пасля Перамогі аднавіліся інфармацыйныя і аналітычныя прадстаўленні БДУ ў сродках масавай інфармацыі. Але па-ранейшаму не было абагульваючых прац. Знакавай падзеяй стаў у 1950 г. невялікі артыкул «Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина», змешчаны ў 4-м томе «Большой Советской Энциклопедии» (другое выданне) за подпісам дацэнта кафедры гісторыі СССР Міры Бенцыянаўны Фрыдман [13]. Дарэчы, падобны энцыклапедычны тэкст планавалі надрукаваць значна раней – у адным з дзесяці тамоў так і не рэалізаванага

праекту выпуску ў 1930-я гады Беларускай савецкай энцыклапедыі. Яго час надыйдзе толькі ў 1970-я гады. Спачатку ў 12-томнай БелСЭ мімаходзь будзе згадана вельмі невыразнае пазначэнне БДУ ў агульным артыкуле аб развіцці ў Беларусі розных форм народнай адукацыі: у раздзеле аб вышэйшай адукацыі з вельмі пасрэднай інфармаванасцю згаданы і першы ўніверсітэт [6]. Потым, ужо у час пачатку незалежнага развіцця беларускай дзяржавы, у першым томе «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» нарэшце з’явіцца даволі аб’ёмны артыкул (з трыма фотаздымкамі) аб гісторыі і сучасным стане БДУ [5].

Але гэта былі толькі тэксты агульнага, прадстаўнічага характару. Юбілейны 1961 год падштурхнуў кіраўніцтва БДУ да стварэння першай кнігі аб 40-гадовым шляху, пройдзеным першым універсітэтам савецкай рэспублікі. Такім чынам, пасля Вялікай Айчыннай вайны спатрэбіліся 15 гадоў, каб нарэшце з’явілася кніга аб БДУ. Гэта было выданне, як бы казаць, «мазаічнае», бо складалася з асобных артыкулаў пра факультэты, даволі недасканалых па ўсіх параметрах. Вялікую складальніцкую працу ажыццявіў гісторык Л. С. Абецэдарскі. Ён звярнуў увагу на відавочнае – неабходнасць карпатлівай працы па пошуку і зберажэнню нават дробязей універсітэцкай гісторыі. І такая праца распачалася з канца 1940 – пачатку 1950-х гг. На працягу ўсіх 1950-х гг. паслядоўна збіраліся розныя факты ды рэчы, каб на гэтай аснове стварыць асобны музей гісторыі БДУ. Гэтай справай займаліся многія гісторыкі, асабліва з кафедры гісторыі СССР: М. Б. Фрыдман, яе маладыя калегі М. П. Баранава, Я. П. Іконнікава (Навуменка), Л. А. Міхайлоўскі, крыху пазней – Ф. І. Адашчык, Ю. І. Драгун, В. Р. Рудкін. Справу трымалі ў руках дэкан П. З. Савачкін і загадчык кафедры гісторыі БССР Л. С. Абецэдарскі. Было сабрана шмат дакументальнай інфармацыі. Напрыклад, з Масквы ўдалося прывезці ў Мінск рарытэтныя дакументы з архіва першага рэктара У. І. Пічэты, гіпсавую копію яго мармуровага бюста, што быў устаноўлены на Новадзевічым могілніку (скульптар – Маргарыта Удальцова).

Але ідэю стварэння музея не атрымалася завяршыць у тыя гады. Яна рэалізуецца толькі за 1973–1977 гг. Не лішне згадаць прозвішчы тых, хто прыклаў шмат намаганняў і ведаў, каб праз музейныя экспазіцыі для шырокіх колаў была даведзена думка, абсалютна натуральная і аб’ектыўная па сваёй сутнасці: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт заўсёды быў і застаецца ПЕРШЫМ і ГАЛОЎНЫМ, асабліва ВАЖНЫМ для краіны і кожнага з яе жыхароў. Гэта: тагачасны рэктар БДУ, гісторык У. М. Сікорскі, дэкан гістфака І. В. Царук, прафесар Л. С. Абецэдарскі, дацэнты А. І. Кажушкоў,

В. Н. Рабцэвіч, Л. А. Міхайлоўскі, выкладчыкі А. А. Стуканаў і В. С. Касмылёў, дырэктары агульнага музейнага комплексу Вячаслаў Камінскі і Мікалай Цімахоўцаў (за імі потым гэтую пасаду будуць займаць зберагальнікі зробленага – Артур Зельскі, Аляксандр Плавінскі, Віталь Сідаровіч, Эмма Маліноўская, Дар’я Прыгодзіч). І нельга не згадаць тых, хто апантанна вышукваў самыя розныя звесткі: гэта Сяргей Скварчэўскі, Андрэй Максімчык, Аляксандр Гужалоўскі, Алег Малюгін, Ігар Кандратовіч, а асабліва – Юрый Тамковіч.

Калі зноў звярнуцца да прыкладаў паступовага, можа не так хуткага і плённага, назапашвання інфармацыі ў выглядзе візуальных і тэкставых крыніц аб самых розных праявах дзейнасці БДУ і яго ўнёсках у агульную цывілізацыйную справу, то прыдзецца канстатаваць, што зроблена не так і мала. А зрабіць патрэбна значна больш.

Асаблівы «штурм» на гэтым шляху адбыўся пры напісанні некалькі кніг да 100-годдзя ўніверсітэта. Асабліва шмат новай інфармацыі было «паднята» з глыбінь часу аўтарамі пяцітомніка «Інтэлектуальная эліта Беларусі». Выкладчыкі гістфака, ад прафесара да аспіранта, з вялікім энтузіязмам і творчай крэатыўнасцю падрыхтавалі для гэтага выдання 132 нарысы аб выдатных людзях універсітэта. І праз іх лёсы прасачылі важныя этапы і вынікі дзейнасці ўсяго БДУ. У архівах, бібліятэках, сеціве інтэрнэта было выўлена мноства новых матарыялаў і візуальнага іх суправаджэння. Асаблівую каштоўнасць маюць факты, дакументы, фотаздымкі, якія ўдалося запазычыць для ўсіх нас у прыватных архівах, праз гутаркі з нашчадкамі тых, пра каго пісаліся нарысы.

Згадаю толькі некалькі прыкладаў:

Дзяніс Ігаравіч Пьянкоў падараваў выдатны архіў свайго дзеда – дэкана гістфака Аляксея Пятровіча П’янкава.

Р. Я. Вершкайн і Н. М. Цімчанка пасля публікацыі ў першым томе пяцітомніка «Інтэлектуальная эліта Беларусі» нарыса, напісанага дацэнтам А. М. Максімчыкам аб іх дзядулі – першым прарэктары БДУ С. З. Кацэнбогене, прынеслі аўтару вялікі стос фотаздымкаў і дакументаў, якія дазволілі па-новаму прачытаць некаторыя старонкі гісторыі БДУ першага дзесяцігоддзя яго дзейнасці. Новыя тэкставыя візуальныя дакументы не толькі папоўнілі архіў музея гісторыі ўніверсітэта, але дазволілі падрыхтаваць і надрукаваць у серыі «Памяць і слава» цэлую кнігу і аб Саламоне Захаравічу, і аб БДУ [10].

Алег Валянцінавіч Лукашоў, прафесар і загадчык кафедры геафака БДУ, прадставіў шмат каштоўнай інфармацыі (асабліва ўнікальных фота) аб сваім дзядулі і рэктару БДУ Канстанціне Ігнатавічу Лукашове.

Тацяна Лукінічна Юркштовіч, намеснік дэрэктара Інстытута фізіка-хімічных праблем, дала некалькі інтэрв'ю, прадставіла шмат здымкаў і пра свайго бацьку – дэкана гістфака Луку Васільевічу Шашкове, і пра свайго навуковага кіраўніка і рэктару БДУ Фёдару Мікалаевічу Капуцкім.

Увогуле, на публікацыі нядаўняга часу адгукнуліся розныя зацікаўленыя людзі. Зацікаўленыя як у тым, каб больш даведацца пра сваіх продкаў, што мелі дачыненне да БДУ, так і даслаць некаторыя ўнікальныя матарыялы і здымкі для ўдакладнення фактаў, прыведзеных у нарысах. З Масквы прыслаў найцікавейшыя дакументы ўнук студэнта-прававеда ФГН і адначасова намесніка пракурора рэспублікі Рыгора Іванавіча Нямытых. Толькі адно фота дало магчымасць адразу ўбачыць разам з гэтым неардынарным чалавекам і дзяржаўным дзеячом і наркама юстыцыі, а адначасова пракурора БССР ды намесніка дэкана БДУ Маісея Абрамавіча Сегалю, і прафесара-юрыста БДУ Сямёна Маркавіча Гохмана. І гэта ў той час, калі Генеральная пракуратура Рэспублікі Беларусь не так даўно звярталася ва ўніверсітэт за дапамогай знайсці хоць нейкі фотаздымак першага беларускага пракурора. Дасланы групавы здымак дапамог уявіць не толькі вобразы гістарычных дзеячоў, але і антураж рабочага кабінета наркама і пракурора.

Адна з роду нашчадкаў першага дэкана гістфака БДУ В. К. Шчарбакова, выкладчыца з Магілёва Святлана Аўчыннікава даслала дакументы, якія патрабуюць новага прачытання апошніх дзён жыцця Васіля Карпавіча. Такі ж штуршок да новых пошукоў зрабіла пісьмо нашчадкаў аднаго з 60 першых выпускнікоў універсітэта – Я. Ю. Рыценбанда. Зноў жа – прыклады такога кшталту можна множыць і множыць.

Асобнай крыніцай інфармацыі аб розных напрамках дзейнасці БДУ з'яўляюцца ўспаміны яго выкладчыкаў, супрацоўнікаў, студэнтаў. Яны, за рэдкім выключэннем, не набылі друкарскія формы і часцей за ўсё знаходзяцца ў прыватных шафах ды скрынях пісьмовых сталоў. Праўда, некаторыя матарыялы ў розны час былі перададзены ў музей гісторыі БДУ. Напрыклад, два аркушы рукапіснага тэксту, атрыманыя ў 1995 г. ад былой студэнткі гістфака перадваенных гадоў і ветэрана вайны А. Н. Марцьянавай. Або ўспаміны студэнтаў гістфака 1938–1946 гг. А. І. Мачуленкі і 1946–1951 гг. Я. Я. Захарава. І зусім выдатнымі па ўсіх сваіх характарыстыках з'яўляюцца ўспаміны выпускніка першага выпуска (20

лютага 1925 г.) В. З. Метліна, прафесара 1920-х гг. М. М. Пятуховіча, адных з першых беларускіх акадэмікаў У. М. Перцава і М. М. Нікольскага. Як і жонкі апошняга – дацэнта гістфака Рахіль Абрамаўны, якія надрукаваныя, але не ўнесены ў агульны тэкставы «мемарыял» нашага ўніверсітэта [4; 9; 8]. У гэтым сэнсе больш даступная кніга ўспамінаў дэкана гістфака 1973–1986 гг. Іраіды Восіпаўны Царук [14]. А названыя толькі прадстаўнікі гістарычнага факультэта! На іншых факультэтах БДУ маецца немалая падобная інфармацыя асабістага паходжання, вельмі важная для дэталізацыі агульнай універсітэцкай гісторыі.

Але асноўная маса інфармацыі ўтрымліваецца ў масіве спраў самых розных архіўных фондаў. Тут першаснае значэнне мае Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Сярод іншых яго фондаў найбольш значны па ўтрымліваемым у ім дакументах «універсітэцкі фонд» – 205-ы. Толькі трэці ягоны вопіс утрымлівае 9744 адзінкі захоўвання з разгорнутай і лапідарнай інфармацыяй аб выкладчыках, супрацоўніках і студэнтах БДУ. Вялікую колькасць важных звестак можна знайсці ў фондах 4 і 4п, у фондах 15-м, 42-м, 142-м і іншых. Некаторыя матарыялы ўжо выкарыстаны даследчыкамі, але ў параўнанні з інфармацыйнымі магчымасцямі названых і іншых фондаў гэта «кропля ў моры». Тым больш мы амаль не дасведчаныя ў магчымасцях іншых архіваў – не толькі Беларусі (Архіў БДУ, БДАМЛМ, БДАКФФД і інш.), але перш за ўсё суседняй Расіі. У фондах маскоўскіх архіваў (Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі, Расійскі дзяржаўны гістарычны архіў, Архіў РАН і інш.), у архівах Смаленска гісторыя БДУ напачатку яго арганізацыі і першых гадоў дзейнасці, а таксама ўключна да чэрвеня 1941 г. прадстаўлена найцікавейшымі дакументамі, якія ў большасці сваёй даследчыкам невядомы. Размова толькі аб наяўнасці адпаведных вопісаў і спраў у гэтых архівах – прадмет асобнага даследавання. Тым больш аналіз выяўленай там інфармацыі мог бы стаць асновай не адной дысертацыі. У якасці прыклада можна назваць знаходкі апошніх гадоў. Так, доўгі час быў невядомы лёс аднаго з рэктараў БДУ сярэдзіны 1930-х гг. Аляксея Пятровіча Кучынскага. З дапамогай расійскіх архівістаў Масквы і Смаленска ён быў звернуты з небыцця [15]. Як і выдатны гістарычны тэкст У. І. Пічэты аб падзеях 1830-х гг., непасрэдна звязаных з гісторыяй Беларусі. Натуральным дапаўненнем да яго стала перапіска Уладзіміра Іванавіча са сваімі калегамі і вучнямі, праз якую ўдалося высветліць шэраг раней невядомых фактаў з гісторыі і БДУ, і асобных біяграфій членаў яго калектыву [7].

Можна было б працягваць называць прыклады напрамкаў, па якіх можна і патрэбна весці пошук звестак аб тых ці іншых праявах універсітэцкай гісторыі. Але і так відавочна: мы знаходзімся толькі на пачатку глыбокага і даказальнага асэнсавання велічы нашай alma mater. Што гаварыць, калі да гэтага часу амаль нічога не зроблена ў навуковым афіцыйным фармаце – няма ні кандыдацкіх, ні доктарскіх дысертацый па гісторыі БДУ. Як няма і шматтомнай яго гісторыі. Не адбыліся зборнікі ўспамінаў пра ўніверсітэт (прыклад нашых калег з Саратаўскага дзяржуніверсітэта тут добры арыентыр). Няма дасканалай хронікі-летапісу (прыклады выданняў аб розных баках гісторыі і дзейнасці МДУ імя М. В. Ламаносова і апантанасці яго рэктара, акадэміка РАН В. А. Садоўнічага паказальныя для нас).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Беларускі Дзяржаўны Універсітэт. 1921–1927. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск: б. в., 1927.
2. В Президиуме ЦИК'а БССР. О белорусизации // Рабочий. 1928. 24 июня.
3. Дзесяць год Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. 1921–11/VII–1931. Менск: Выданьне ўрадавае камісіі па сьвяткаваньні дзесяцігодзьдзя вышэйшае школы ў БССР, 1931.
4. З успамінаў дацэнта гістарычнага факультэта БДУ Р. А. Нікольскай пра свайго мужа – прафесара ўніверсітэта, акадэміка АН БССР М. М. Нікольскага. 31 ліпеня 2000 г. / З асабістых архіваў прафесараў В. А. Фядосіка і А. А. Яноўскага.
5. Кажушкоў А. І., Яноўскі А. А. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 1. Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1993. С. 429–431.
6. Красоўскі М. І. Вышэйшая адукацыя // БелСЭ. Том 12. Мінск: БелСЭ, 1975. С. 385–386.
7. Незвестный В. И. Пичета / сост. М. Ф. Шумейко, В. В. Яновская, О. А. Яновский. Минск: Изд. центр БГУ, 2021.
8. Никольская Р. А. Воспоминания. Харьков: Права людини, 2013.
9. Никольская Р. А. Живу исключительно любовью // Здоровье. 2003, декабрь. С. 96–98.
10. Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген. К 130-летию со дня рождения / сост. А. Н. Максимчик. Минск: БГУ, 2019.
11. Першы выпуск Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. 20 лютага 1925 году. Витебск: Выданьне БДУ, 1925. 31.
12. Універсітэт. 2023. 26 верасня.
13. Фрыдман М. Б. Белорусский государственный университет имени В. И. Ленина // БСЭ. Том 4. М.: 1950. С. 530.
14. Царюк И. От родного порога. Минск: БГУ, 2011.
15. Яноўскі А. Расстраляны лёс рэктара БДУ Аляксея Кучынскага // Беларускі гістарычны часопіс. 2017. № 10. С. 4–14.

**МАТЕРИАЛЫ РУССКИХ
ПРОФЕССОРОВ-ПРАВОВЕДОВ 1920-1940-х гг.
В ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ СУБОТИЦЫ ¹**

С. И. Михальченко

*Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского,
ул. Бежицкая, 14, 241036, Брянск, Россия smikh10@mail.ru*

Анализируются документы по истории русской эмиграции первой волны (1920-1940-х гг), содержащиеся в Историческом архиве Суботицы в Сербии. Показывается их важность для воссоздания биографий профессоров-правоведов С. В. Троицкого, Г. В. Демченко, М. П. Чубинского. которые преподавали на Юридическом факультете в этом городе в межвоенное время.

Ключевые слова: Демченко Г. В.; Троицкий С. В.; Чубинский М. П.; Исторический архив Суботицы.

**MATERIALS OF RUSSIAN LAW PROFESSORS 1920-1940s.
IN THE HISTORICAL ARCHIVE OF SUBOTICA**

S. I. Mikhailchenko

*Bryansk State academician I. G. Petrovsky University,
Bezhitskaya str., 14, 241036, Bryansk, Russia smikh10@mail.ru*

Documents on the history of Russian emigration of the first wave (1920-1940s) contained in the Historical Archive of Subotica in Serbia are analyzed. Their importance is shown for recreating the biographies of law professors S. V. Troitsky, G. V. Demchenko, M. P. Chubinsky, who taught at the Faculty of Law in this city in the interwar period.

Keywords: Demchenko G. V.; Troitsky S. V.; Chubinsky M. P.; Historical archive of Subotica.

Исследование русской послереволюционной эмиграции не перестает быть актуальным направлением исторических исследований. Между тем, уже высказывались мнения о том, что основной массив источников известен и использован [9]. Если это так, то тем важнее вводить в научный оборот новые, ранее не известные, либо известные, но не доступные источники. Это относится, прежде всего, к архивным документам, хранящимся за рубежом, в том числе, в Сербии. Исследователям хорошо знакомы белградские архивы (Архив Сербии, Архив Югославии, Архив Академии наук и искусств). Однако, архивы провинциальных центров используются пока недостаточно (хотя на их ценность, как хранилищ документов по истории Сербии, уже указывалось в отечественной науке [6]). А между тем и в них есть немало интересного по истории русской эмиграции. Это касается и такой небольшой, но яркой группы русских

¹ Подготовлено при поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-28-00024.

эмигрантов-интеллектуалов как профессора-правоведа, в том числе, историки русского права. Созданию их подробных биографий весьма способствуют документы, хранящиеся, например, в Историческом архиве Суботицы (Историјски архив Суботица).

Суботица – город на крайнем севере Сербии, в нескольких километрах от границы с Венгрией, которой он и принадлежал до 1918 г. После перехода города ко вновь образованному Королевству сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. – Югославия) перед властями нового государства встал вопрос об уменьшении венгерского культурного влияния в Бачке (историческая область на севере страны, где расположена Суботица). И одним из путей этого было признано основание высшего учебного заведения, которым стал Юридический факультет – филиал Белградского университета [10; 13]. Нехватка преподавателей в университетах вновь образованного государства привела к широкому использованию труда профессоров из русских эмигрантов. Не стал исключением и факультет в Суботице, на преподавание в котором также было направлено несколько русских специалистов [8]. Наибольший вклад в развитие факультета внесли трое ученых – С. В. Троицкий, Г. В. Демченко и М. П. Чубинский.

Сергей Викторович Троицкий (1878–1972) до эмиграции, будучи магистром церковного права, недолго в 1919 г. преподавал в Новороссийском университете в Одессе. С 1920 г. он, оказавшись в эмиграции в КСХС, стал доцентом-почасовиком по церковному праву на факультете в Суботице. Кроме того, он был профессором богословского факультета в Белграде с 1920 по 1929 и с 1941 по 1945 гг. После Второй мировой войны активно сотрудничал с Московским патриархатом, получил в 1961 г. степень доктора церковного права. Он написал множество работ по церковному праву и византиноведению [5].

Чуть позже в Суботице оказался Г. В. Демченко (1869–1958) – бывший профессор Киевского университета, представитель научной школы западно-русского права [7, с. 58–126]. К 1919 г. Г. В. Демченко прошел в России обычный путь университетского преподавателя. В бытность студентом университета св. Владимира он получил золотую медаль за сочинение «Наказание по Литовскому Статуту в его трех редакциях (1529, 1566 и 1588 г.)» (Киев, 1894. Ч. 1) и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Получив в 1903 г. степень магистра уголовного права за сочинение «Судебный прецедент» (Харьков), стал профессором Варшавского, а с 1906 г. Киевского университета св. Владимира, где

проработал вплоть до эмиграции. Наряду с С. В. Троицким, Демченко стал одним из первых профессоров в Суботице и фактически прослужил на факультете до его закрытия венгерскими оккупантами в 1941 г. Он читал курсы энциклопедии права, истории славянского права и иногда уголовного права. В 1925 г. принял подданство КСХС. Выйдя в 1936 г. на пенсию, тем не менее, продолжил читать курс истории права на условиях почасовой оплаты. Так, 3 декабря 1940 г. он писал коллеге по Киевскому университету и по югославской эмиграции Е. В. Спекторскому: «по-видимому, 23-го [декабря. – Авт.] у меня еще будут лекции на факультете», таким образом, Демченко прослужил на факультете весь срок его существования [1].

Несколько позже Демченко в Суботицу приехал еще один профессор-киевлянин, специалист по уголовному праву и процессу Михаил Павлович Чубинский (1871–1943). В 1905 г. в Киевском университете он получил степень доктора уголовного права, в разные годы преподавал в Харьковском и Юрьевском университетах, в Демидовском юридическом лицее в Ярославле, в Александровской Военно-юридической академии. Летом 1917 г. был назначен Временным правительством сенатором Уголовного кассационного департамента Правительствующего сената, в 1918 г. был членом правительства гетмана П. П. Скоропадского, а в 1919 г. стал обер-прокурором Правительствующего сената Правительства Юга России (заверенная копия приказа о его назначении на эту должность за подписью генералов А. И. Деникина и П. Х. Попова (и. д. атамана Войска Донского) сохранилась в суботицком архиве) [2, л. 109; 4, с. 8]. В мае 1920 г. эмигрировал в КСХС, где стал профессором Белградского университета, а двумя годами позже – профессором в Суботице. Кроме того, почасовиками, приезжавшими читать лекции из Белграда, были в разные годы известные специалисты историк и теоретик права Ф. В. Тарановский и экономист и социолог П. Б. Струве.

Архив суботицкого факультета хранится сейчас в Историческом архиве города в форме фонда № 228. «Правни факультет Суботица (1920–1941)». Сохранность материалов фонда, к сожалению, невелика, чему виной военное лихолетье. Однако и имеющиеся документы обладают высокой информационной ценностью. Прежде всего, это протоколы заседаний Совета (первые несколько месяцев существования факультета в связи с недостаточным количеством профессоров – Конференции) факультета. Протоколы («Записници») – это три объемных рукописных книги. Первая относится к 1920–1926 гг., вторая – к 1926–1932 гг., третья – к 1932–1941 гг. В протоколах отражено, прежде всего, движение русских профессоров

по служебной лестнице, что особенно ценно в связи с тем, что не у всех из них сохранившимися CV. Так, при начале работы на факультете на заседании Конференции 2 октября 1920 г. Г. В. Демченко выразил от имени русских эмигрантов чувство глубочайшей благодарности за то, что они были приняты профессорами-почасовиками («хонорарни») на юридический факультет в Суботице. Он подчеркнул, что русские эмигранты не забудут братского приема и сердечного гостеприимства, оказанного им в КСХС. В своем выступлении он выразил надежду, что между их родиной и страной, в которой они нашли убежище, восстановятся добрые отношения [2, ф. 228. 1, л. 18].

19 июня 1922 г. преподаватели-почасовики, которыми были до того времени русские эмигранты, были переведены в штатные («редовни») профессора (Демченко и Чубинский) и доценты («ванредни професор») (Троицкий) [2, ф. 228. 1., л. 136]. В 1929 г. Троицкий был переведен на должность штатного профессора и оставался им до 1941 г. [8, с. 109]. В последующих протоколах отражается избрание профессоров деканами факультета (все русские занимали в разные годы этот пост: Демченко был деканом факультета в 1929–1930 гг., Чубинский в 1931–1932 гг., Троицкий – в 1934–1935 гг.). Ранее всех был «пензионисан», т. е. перешел на пенсию, Чубинский. Это случилось в 1934 г. Важная информация об этом содержится в сохранившихся в архиве письмах Чубинского секретарю факультета, также русскому эмигранту, Федору Ивановичу Рдекину [2, ф. 228. 109. 2; 4, л. 11–14].

Вообще, единица хранения Ф. 228. 109. 2. 4 «Чубински» наиболее информативна по сравнению с делами других профессоров. В ней, наряду с упомянутыми письмами, присутствует также «Службенички лист» (Послужной список, CV), с подробной информацией о службе Чубинского за все годы его ученой деятельности. Кроме того, в архиве есть ряд написанных им книг. Стоит отметить, что Чубинский в конце 1920-х – начале 1930-х гг. выступал в качестве не только ученого-теоретика, но и практика: он был одним из составителей Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Югославии, автором комментариев к ним [11; 12]. Единица хранения «Демченко» (Ф. 228. 109. 2. 6), к сожалению, представлена только одним финансовым документом 1936 г. Однако архив содержит отдельные оттиски редких изданий статей Демченко, которые он рассматривал как главы будущей книги, которую, к сожалению, так и не издал [3; 4].

Что касается биографических материалов известного историка права Ф. В. Тарановского, то дело «Тодор Тарановски» (Ф. 228. 109. 2. 31) включает только его послужной список. Причем, видимо, неполный и торопливо составленный. Однако, учитывая то обстоятельство, что архив Тарановского в Белграде (где проживал профессор) был уничтожен при бомбардировке города в 1941 г., этот послужной список достаточно ценен, ибо позволяет уточнить ряд дат его эмигрантской биографии [2, ф. 228. 109. 2. 31, л. 1–2].

Таким образом, несмотря на имеющиеся лакуны, материалы Исторического архива Суботицы по истории русской эмиграции представляют несомненную ценность и позволяют внести немало новых штрихов в воссоздание ее полной истории.

Библиографические ссылки

1. Arhiv Republike Slovenije. SI AS 1901/I/24. Ф. 228.
2. Историјски архив Суботица.
3. Демченко Г. В. Нормативне науке и право. Београд, 1940.
4. Демченко Г. В. Предмет знания в науке о праве. Любляна, б. г.
5. Ириной (Середний), архим. Профессор С. В. Троицкий; его жизнь и труды в области канонического права // Богословские труды. 1974. № 12. С. 217–247.
6. Михайлова А. А. История Сербии в материалах межопштинских архивов // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 271–281.
7. Михальченко С. И. Киевская школа в российской историографии (школа западно-русского права). М. -Брянск: Прометей, 1996.
8. Петковић Т. Руска емиграција на суботичком Правном факултету (1920–1941) // Ех Ратнопа. Гласник Историјског архиву. Суботица, 1997. № 2. С. 105–119.
9. Сабенникова И. В. Русское зарубежье: итоги и перспективы исследования // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 130–143.
10. Симић М. Београдски и Суботички Правни факултет. 1941-1945. Београд: Издање аутора, 1998.
11. Чубински М. П. Научни и практични коментар Кривичног законика Краљевине југославије од 27 јануара 1929 г. Београд, 1930.
12. Чубински М. П. Научни и практични коментар Законика о судском кривичном поступку Краљевине југославије од 16 фебруара 1929 г. Београд, 1933.
13. Kuntić K. Pravni fakultet u Subotici. 1920-1941. Subotica: Hrvatsko akademsko društvo, 2016.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В ТВОРЧЕСТВЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВОЕННОГО ПОКОЛЕНИЯ

С. Н. Ходин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь, Khodzin@bsu.by*

На примере произведений В. С. Короткевича и И. О. Царюк рассматриваются героические и трагические страницы Великой Отечественной войны. Основной акцент сделан на специфике личностного восприятия войны такими представителями военного поколения как «дети войны», специфики отражения войны в их послевоенном творчестве. Характеризуются произведения художественной литературы и мемуаристики как источники личного происхождения. Подчёркивается важность изучения творчества представителей военного поколения для воспитательной работы.

Ключевые слова: В. С. Короткевич; И. О. Царюк; военное поколение; «дети войны»; источники личного происхождения; воспитательная работа.

THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE WORKS OF REPRESENTATIVES OF THE MILITARY GENERATION

S. M. Khodzin

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, Khodzin@bsu.by

The heroic and tragic pages of the Great Patriotic War are considered on the example of the works of V. S. Korotkevich and I. O. Tsaryuk. The main emphasis is placed on the specifics of the personal perception of war by such representatives of the military generation as «children of war», the specifics of the reflection of war in their post-war work. The works of fiction and memoiristics are characterized as sources of personal origin. The importance of studying the creativity of representatives of the military generation for educational work is emphasized.

Keywords: V. S. Korotkevich; I. O. Tsaryuk; military generation; «children of war»; sources of personal origin; educational work.

Тема Великой Отечественной войны вызвала к жизни огромное количество исследований. Но парадокс состоит в том, что до настоящего времени мы многого не знаем о ней и как факт: она остается одним из самых актуальных предметов исследования. В центре нашего изучения, казалось бы, два разных человека, с абсолютно разными взглядами и судьбой. Но есть то, что их безусловно объединяет – они «дети войны». Стресс, пережитый военным поколением, был самым большим в силу целого ряда причин: во-первых, сильно проявились физическое и психическое истощение, вызванные военными событиями и долгим пребыванием людей в состоянии наивысшего напряжения физических и душевных сил; во-вторых, не менее тяжелыми были послевоенные испытания и потрясения. У детей война не только разрушила дома и отняла их близких, она забрала у них детство.

Личности В. С. Короткевича и И. О. Царюк известны в стране. Вместе с тем (хотелось бы ошибиться), далеко не каждый, знакомый с их жизнью и творчеством, отметит, как война отразилась в произведениях Владимира Семеновича и Ираиды Осиповны. В. С. Короткевич со школьной скамьи близок нам своими романами на историческую тематику, его называют отцом белорусской исторической романистики. Историографы отметят И. О. Царюк как многолетнего первого декана-женщину и исследователя национально-освободительного движения и культуры Западной Беларуси. Вместе с тем, совершенно очевидно, что война оставила значительный след в их памяти.

В. С. Короткевич уже в 6 лет написал свои первые стихотворения. И несмотря на то, что подавляющему большинству белорусов он известен больше как прозаик, подраставший Володя преимущественно в поэтической форме делился своими эмоциями и пережитым [1; 2; 3]. Ему, как и сотням тысяч его сверстников, довелось познать ужасы Великой Отечественной войны, как он писал – хлебнуть «войны выше глотки». В начале лета 1941 г. Владимир Короткевич приехал в Москву погостить к своей старшей сестре Наталье, которая училась в институте и не смог вернуться домой в Оршу. Вместе с московскими детьми он был эвакуирован в Рязанскую область, затем на Урал в Молотовскую (Пермскую) область. Через некоторое время выяснилось, что его родители смогли эвакуироваться и жили в городе Чкалов (Оренбург). В августе 1943 г. сестра смогла отвезти Володю к своим родителям. Уже потом он узнал, что его старший брат Валерий погиб на фронте в октябре 1941 г. Жена Валерия Ольга, оставшаяся на оккупированной территории, погибла от рук фашистских захватчиков. Об этом писатель напишет потом в автобиографическом произведении – повести «Листья каштанов». Часть эпизодов жизни главного героя, безусловно является вымыслом. Но именно здесь В. Короткевич поднимает тему памяти, того, что нельзя забыть: «Ну вась, хлопец, і адказ. Такія, як ты, страшэнна патрэбныя будучь. Як памяць. Сёй-той можа і забудзе, бо на свае вочы не бачыў. А ты не забудзеш. І ўжо ніколі спакойна не заснеш. Цень гэтага пабачыш – у званы біць пачнеш. Пах адчуеш – не супакоішся, пакуль не торкнеш усіх носам... А ты кажаш...» [4, с. 336].

И действительно, тема войны долго не оставляла молодого писателя. Поэмы, баллады, стихи В. Короткевича посвящены различным событиям войны. Целый ряд своих произведений поэт посвящает обычным людям, которые в чрезвычайно жестоких условиях проявили свои лучшие качества.

Он как бы напоминает читателю о его гражданском долге, о его личной роли в историческом развитии (поэмы «Отцовское сердце» и «Слово о человечности», «Партизанская баллада», «Баллада о смертниках», «Баллада о голубиных перьях», стихи «Разведчик» и др.) [5]. В. Короткевич показывает истоки мужества и героизма, человечности советских людей, трагичность многих человеческих судеб. Будучи приверженным гуманизму, он противопоставляет злу добро, войне любовь. Самая высокая человечность, по его мнению, проявляется в уничтожении фашистской агрессии («Слова пра чалавечнасць») [6, с. 95–135].

Для произведений В. Короткевича, посвященных борьбе с фашистскими оккупантами, характерен показ жертвенности, готовности пожертвовать своей жизнью ради другого человека, не только знакомых и любимых («Партизанская баллада»), но и незнакомых, чужих людей («Баллада о смертниках»). Как набат, звучат слова этого произведения: «У час вялікага свята, – помніце, помніце нас. Каб заўсёды была чалавечнасць, каб шчасце сялілася ў хатах. Каб давеку жыла Радзіма, – не забывайце нас» [6, с. 58]. Тема памяти точно также раскрывается в кратком, но эмоционально насыщенном стихотворении «Тростенец» [6, с. 139].

Но даже для тех, кто выжил, война стала страшнейшей трагедией: она разрушила дома, сломала судьбы, забрала близких. Так в стихотворении В. Короткевича «Желанный гость», написанном в самом начале литературной деятельности, рассказывается о трагедии, которая стала судьбой многих тысяч вдов [6, с. 34–36]. Особенность поэтических произведений В. Короткевича в том, что война в ней воспринимается прежде всего через трагическую судьбу женщины. Борьба любви и смерти, воплощенных в образах женщины и войны, является одной из основных проблем в творчестве В. Короткевича. Наиболее образно это, на наш взгляд, представлено в «Балладе о голубиных перьях». Именно здесь проходят все основные линии его творчества о войне: любви и трагедии, верности и памяти [6, с. 72–74].

В годы «холодной войны» поэтом особо ощущалось стремление к миру и гордость за народ-победитель. В поэме «Земля дедов» появляется и новый мотив о противопоставлении истории Беларуси и стран Запада, которые как будто бы «приносили культуру» на наши земли. С гордостью за свою историю В. С. Короткевич обращается к новым поколениям, которые «разберутся в старых преданиях и не забудут судьбу отцов и войну». И далее он как бы напоминает западным доброжелателям: «Калі у замках вы

жылі па-свінску, палілі на агні жанчын старых – у нас тварылі Будны і Цяпінскі, паэты, дойдзіды і разьбяры» [6, с. 320].

Текущий год – это год 95-летия со дня рождения Ираиды Осиповны Царюк. Она – первая женщина декан в истории БГУ, известный специалист по истории Западной Беларуси, сестра Сергея Осиповича Притыцкого, замечательный человек [7]. «Мы жили жизнью страны, всего народа» – напишет Ираида Осиповна. Специфика воспоминаний – они, как правило, пишутся уже в зрелом возрасте [8]. В своих воспоминаниях, И. О. Царюк предстаёт не как сестра знаменитого брата, а как человек своей эпохи, прошедший через все её испытания [9; 10; 11].

Эмоциональное повествование младшей сестры, которую затронули испытания Великой Отечественной войны, не окрашено ни обидой, ни завистью. Хотя маленькая Ира прошла через все испытания. С началом войны она с братом Виктором оказалась в потоке беженцев: «И так мы плетемся целый день. Остановиться в деревне невозможно. Куда ни подойдем – там уже полно беженцев. Наконец, помню, на взгорке – деревня. Не знаю названия. Витя зашел в одну из хат и стал просить, говоря, что его сестренка не может идти дальше: «Пустите передохнуть хоть в сарай». Женщина, усталая, немолодая, только рукой повела, мол, смотри: действительно на полу, скамейках лежали такие же, как и мы, беженцы. Но когда она глянула на меня, на мои сбитые ноги – заплакала и повела за занавеску. Она уступила нам свою кровать, а сама с двумя детьми легла на печи» [9, с. 93].

Ираида Осиповна с теплотой вспоминает ребят в детском доме, о том, как пыталась адаптироваться в Московском ремесленном училище, как тушила по ночам зажигалки на крышах домов и своего общежития. Она пытается доказать, осмысливая смерть своего брата Виктора (который, как только ему исполнилось восемнадцать лет, сбежал на фронт), что это не исключение, а пример целого поколения. Ираида Осиповна пишет об этом и как сестра, и как человек, воспитывавший многие поколения патриотов своей страны. Вместе с тем, эти страницы очень эмоционально окрашены (последнее письмо, написанное кровью, реакция брата Александра) [9, с. 102–103]. Личная линия, передающая боль и одновременно трагедию целого поколения избавляют воспоминания от публицистичности. Наибольшую часть страниц воспоминаний Ираида Осиповна посвящает своим близким, описанию судеб людей, с которыми ее сталкивала жизнь.

Победа для И. О. Царюк становится водоразделом в судьбе. На другой стороне, хоть и были печали и потери, но это была часть жизни,

наполненная пафосом созидания, личного роста. Ираида Осиповна в 1948 г. окончила Несвижское педучилище с отличием и приняла решение учиться на истфаке БГУ. Описывает это по-юношески задорно: «Как сейчас помню, одела я свое лучшее платье, что моя старшая сестра Люба отдала мне, цвета кофе с молоком и коричневым воротничком, брезентовые туфли-лодочки, модные в те годы. Взяла старенький, но со многими отделениями портфель, в который сложила все необходимое на первое время; какую-то сумму денег, завернутую в платочек, и поехала учиться, грызть гранит науки». Она поселилась в комнате на 30 человек в общежитии, которое размещалось в сохранившемся довоенном корпусе химического факультета. Образно описывает Ираида Осиповна послевоенный Минск 1948 г.: «пустые глазницы окон, развалины домов, завалы из кирпича и щебня на улицах. Необходимо было не завоевывать, а восстанавливать столицу всем народом, молодыми силами, и моими в том числе» [9, с. 112–118].

Для авторов анализируемых произведений война стала огромным горем и большим испытанием, которые они пропустили через себя, через своё сердце. Вместе с тем, мы можем видеть, что в своих произведениях и В. С. Короткевич, и И. О. Царюк не только и не столько пишут о своих страданиях в годы войны, сколько о своих близких, об общей большой беде. Чувство общей трагедии и общей победы объединяет их творчество и судьбы, несмотря на различие конкретных обстоятельств, в которые их погрузила война.

Война на многое заставила взглянуть по-другому, обращая не только к горькой действительности, но и к подлинным ценностям, требуя сознательного выбора и решительных действий. Сегодня сложно представить, как вынесли дети на своих слабых плечах своих те великие тяготы войны. Но при всей жестокости война не смогла убить в них человека, уничтожить человечность. Эти поколения уходят вслед за фронтовиками. Поэтому сегодня так важно обращаться к их памяти. Чтобы помнили мы и последующие поколения. чтобы они могли ценить то, что досталось в жизни, чтобы они поняли, какое горе приносит война.

Библиографические ссылки

1. Мальдзіс А. Жыцце і ўзнясенне Уладзіміра Караткевіча: Партрэт пісьменніка і чалавека. Мінск, 1990.
2. Верабей А. Абуджаная памяць: Нарыс жыцця і творч. У. Караткевіча. Мінск, 1997.
3. Русецкі А. Уладзімір Караткевіч: праз гісторыю ў сучаснасць: Нататкі літ. творчасці. Мінск: Мастацкая літаратура, 2000.

4. Караткевіч У. Збор твораў: У 8 т. Т. 3. Раман. Аповесці. Мінск: Мастацкая літаратура, 1988.
5. Літвінава Ю. М. Асэнсаванне вайны ў паэтычнай творчасці Уладзіміра Караткевіча // Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка. Мінск: БДУ. 2005. № 2. С. 36–40.
6. Караткевіч У. Збор твораў: У 8 т. Т. 1. Вершы, паэмы / [Аўт. прадм. В. Быкаў]. Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. – 431 с.
7. Ходин С. Н. Ираида Осиповна Царюк. Известный историк-белорусовед, сформировавший уникальную научную школу // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–2021). Минск: БГУ, 2021. С. 306–317.
8. Ходин С. Н. Воспоминания Ираиды Осиповны Царюк как исторический источник // Актуальные проблемы источниковедения. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2021. С. 389–391.
9. Царюк, И. О. От родного порога. Минск: БГУ, 2011.
10. Царюк И. О. Крутые дороги: (воспоминания о семье Притыцких) // Нёман. 2009. № 9. С. 59–98.
11. Царюк И. О. Крутые дороги: Сергею Притыцкому посвящается. Минск: Рифтур, 2012.

РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА Ў КАНТЭКСЦЕ ЕЎРАПЕЙСКІХ УНІВЕРСІТЭЦКІХ ТРАДЫЦЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ БГУ: ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ИННОВАЦИИ

А. Г. Кохановский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kohanovsky@bsu.by*

В статье дана характеристика исторического факультета БГУ как научно-образовательного центра, определяется востребованность белорусским обществом реализации проектов по сохранению и популяризации истории и историко-культурного наследия Беларуси, в том числе в контексте реализации государственной исторической политики. Выделен опыт деятельности исторического факультета БГУ в этом направлении.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; исторический факультет; историческая память; историческая политика.

THE FACULTY OF HISTORY OF THE BSU: TRADITIONS, CONTEMPORARY CHALLENGES AND INNOVATIONS

A. G. Kakhanouski

*Belarusian State University, Nezavisimosti Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
kohanovsky@bsu.by*

The article examines the Faculty of History of the BSU as a research and educational center, determines the being in demand of projects execution to preserve and popularize the history and historical and cultural legacy of Belarus in Belarusion society, as well as in the context of the state historical policy implementation. The experience of the Faculty of History of the BSU in this field is pointed out.

Keywords: the Belarusian State University; the Faculty of History; historical memory; historical policy.

В 2024 г. исполняется 90 лет с момента официального начала работы исторического факультета Белорусского государственного университета. Однако фактически преподавание и изучение истории стало осуществляться в стенах БГУ с первых дней его деятельности – 102 года назад. За прошедшие десятилетия накоплен значительный опыт, появились проверенные временем традиции, сформировались научные школы, ведутся исследования по приоритетным для Республики Беларусь направлениям, готовятся востребованные специалисты. На сегодняшний день исторический факультет БГУ – крупнейший в нашей стране научный

и образовательный центр соответствующего профиля. Однако, оглядываясь на прошлый опыт, хотелось бы в первую очередь акцентировать внимание на тех вызовах современности, которые стоят не только перед студентами и преподавателями факультета, но и перед белорусским обществом в целом. И связаны они с тем вниманием, которое уделяется в последние годы в нашей стране сохранению исторической памяти, выработке государственной исторической политики.

В своем выступлении на патриотическом форуме «Мы – беларусы!», посвященном Дню народного единства, 17 сентября 2023 г. Президент Беларуси А. Г. Лукашенко отметил: «Чем больше мы видим, как рушатся современные государства, как народы теряют родину, дом, традиции, – тем пристальней всматриваемся в историю родной земли. Земли, которая тысячи лет назад встретила наших древних предков суровым климатом, научила держаться вместе, чтобы выжить и стать хозяином в своем доме. И мы понимаем, что по сути нет новых вызовов. Нет неожиданных поворотов в истории. Есть забытые старые уроки и угрозы. И есть защита – многовековой опыт, который научил нас быть вместе и в счастливые, и в трудные времена» [1].

Сегодня, как никогда ранее, мы должны с особым вниманием обратить свои взоры на наши исторические корни, на наши истоки и традиции. Обратиться не с целью удовлетворения абстрактного академического интереса, а с целью поиска ответов на вопросы о том, какой путь нам предначертан.

В Беларуси на уровне академического сообщества и общественного запроса ощущается недостаток в добротных научных и особенно научно-популярных изданиях по истории Беларуси, представляющих собственный – национально-государственный взгляд на прошлое. Многие аспекты более чем тысячелетней истории остаются мало изученными, их рассмотрение нередко носит дискуссионный характер. В белорусском обществе присутствует недостаточный уровень знания и понимания собственной истории, востребованности исторического опыта.

Одним из наиболее актуальных направлений до сегодняшнего дня остается разработка проблемы исторической терминологии, репрезентация ее в общедоступной и по возможности мало конфликтной форме для учебных и научно-популярных изданий по истории Беларуси. Данный аспект неоднократно поднимался и становился предметом для обсуждения на ряде совместных научных форумов белорусских и российских историков. Историками БГУ, МГУ имени М. В. Ломоносова, Академии

управления при Президенте Республики Беларусь, Института истории НАН Беларуси подготовлено к печати одно из первых совместных учебных изданий «История Союзного государства Беларуси и России». Темой совместных же научно-популярных и учебных изданий стала и история Великой Отечественной войны. Во многом актуализации общих белорусско-российских научно-образовательных проектов содействует открытие в 2019 г. и функционирование первой белорусско-российской (с выдачей двух дипломов – БГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова) магистерской программы «История белорусской диаспоры». Кроме того, коллективом историков БГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова, Академии управления при Президенте Республики Беларусь под руководством В. В. Даниловича и О. В. Солоповой было подготовлено и опубликовано учебное пособие «История белорусских земель и белорусского государства», ориентированное на студентов как белорусских, так и российских вузов [8]. В основу была положена белорусская концепция истории национальной государственности. Данное пособие предполагает единое видение белорусской истории как белорусскими, так и российскими историками и станет концепцией преподавания белорусской истории в российских вузах.

Студенты и магистранты исторических факультетов БГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова регулярно участвуют в совместных международных научных конкурсах и проектах, среди которых: конкурс научно-публицистических работ молодых исследователей в области государственной национальной политики сохранения и популяризации этнокультурного наследия Российской Федерации; международный проект Постоянного комитета Союзного государства в партнерстве с Федеральным агентством по делам молодежи; Всероссийская лига дебатов; РОО «Белая Русь»; «Союзная лига дебатов». В рамках сотрудничества с 2014 г. сторонами проводится ежегодный международный российско-белорусский конкурс студенческих научных работ по истории «Общий путь к Великой Победе: подвиг народов бессмертен». Всего в Конкурсе к настоящему моменту приняло участие около 370 студентов-историков, из них победителями стали 31 студент из российских и 32 студента из белорусских вузов.

С целью укрепления связей, традиций и развития межвузовского сотрудничества в области образовательных и научно-исследовательских отношений с 2018 г. ежегодно проводятся Дни дружбы БГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова и Межуниверситетский форум Союзного государства Беларуси и России «Образование и наука в МГУ имени М. В. Ломоносова

и БГУ: традиции и перспективы». Большой популярностью среди студентов пользуются открытые лекции, читаемые учеными российских и белорусских университетов в рамках ежегодных Дней дружбы БГУ и МГУ имени М. В. Ломоносова. В 2019 г. учрежден «Почетный знак Дружбы БГУ и МГУ» и создан совместный издательский проект – серия «Труды МГУ и БГУ».

Сотрудники исторического факультета БГУ составили основу коллектива авторов учебного пособия «История белорусской государственности» [2]. Оно призвано не только заложить у студентов систему устойчивых знаний об истории белорусской государственности, ее этапах и отличительных чертах, богатом историко-культурном наследии белорусского народа, но и сформировать аргументированную гражданско-патриотическую позицию, умение осмысливать события современности в тесной взаимосвязи прошлого, современности и будущего.

На сегодняшний день историческим факультетом БГУ реализуется несколько крупных историко-культурных проектов гражданско-патриотической направленности. В их числе «Память и Слава», «Память живёт в поколениях», «Масюковщина. Шталаг – 352. Биография побега». Проекты направлены на увековечивание памяти о героизме и трагизме белорусского народа в годы Великой Отечественной войны. Каждый из них – это десятки мероприятий: конференции, диалоговые площадки, поисковая работа, приведение в порядок мест погребения героев и жертв войны. Более 5200 студентов БГУ, в том числе абсолютное большинство студентов исторического факультета, приняло в них участие. Многие мероприятия проводятся по инициативе самих студентов. Сотрудниками исторического факультета БГУ подготовлена серия книг «Интеллектуальная элита Беларуси». В ней рассказывается о судьбах 132 выдающихся ученых, педагогов, стоявших у истоков формирования национальной системы образования и науки Беларуси и причастных к укреплению основ белорусской государственности [3 – 7].

Формирование исторической политики, определение ее приоритетов в Беларуси и России имеет много общих черт. Отличие касается, в первую очередь, во времени и границах применения исторического нарратива в государственной политике. История Беларуси – это опыт реализации культурных взаимовлияний. Любое макроисторическое изменение имело здесь свой специфический след. Нередко белорусские публицисты подчеркивали противоречивое воздействие этой особенности развития Беларуси. В советской исторической литературе в свое время возник миф о

Беларуси как отсталой аграрной окраине Российской империи, некоем постоянно дотационном регионе. Однако и в период Российской империи, и в советское время Беларусь всегда становилась полигоном передовых реформ. Столыпинская аграрная реформа, вызвавшая неоднозначные отклики в российском обществе, сопротивление части крестьян, проводилась на востоке Беларуси более быстрыми темпами и произвела значительный эффект.

Белорусское общество, исследователи-историки более склонны к компромиссам в отношении согласования национально-государственных нарративов, особенно общих этапов прошлого, по сравнению с академическим сообществом, общественным мнением и исторической политикой соседних государств. Проявление такой достаточно толерантной позиции воспринимается соседями нередко как возможность не считаться с мнением и выводами белорусских исследователей в оценках совместных страниц истории, особенно в попытках трансляции ее вовне на уровне выработки общеевропейского контекста. Подтверждением этого может служить отказ в последние десятилетия литовских исследователей от сотрудничества с белорусскими коллегами в выработке совместной концепции истории Великого княжества Литовского (ВКЛ), настойчивая популяризация внутри и вовне страны собственного взгляда на современную Литву как непосредственную преемницу наследия ВКЛ, отрицание за Беларусь и белорусами права на субъектность в создании и истории ВКЛ.

Тема Второй мировой войны, для нас – история Великой Отечественной войны, остается центральной и во многом определяющей в формировании национального исторического нарратива, определении государственной исторической политики. Так есть в Беларуси, так есть во всех без исключения соседних странах, так есть в странах Запада. Более того, в отдельных случаях на международных форумах историков без научных дискуссий принимались резолюции, которые не допускали пересмотр принятых оценок, относящихся к вопросам сохранения исторической памяти. В первую очередь, это касалось трагических страниц Холокоста, недопущения героизации нацизма. На мой взгляд, трагическое и героическое в истории Великой Отечественной войны требует бережного сохранения в исторической памяти народа и не может становиться предметом политических спекуляций.

Важным элементом польской исторической политики является концепция «Востока Центральной Европы», выдвинутая с целью отделить,

дистанцировать Польшу от так называемого «нецивилизованного имиджа Восточной Европы» и формировать среди поляков новую центрально-европейскую идентичность. Польша пытается использовать историческую политику для усиления внешнеполитических позиций. В этой связи центральное место занимает представление о Польше как о стране-жертве в годы Второй мировой войны. При этом польские элиты стараются не акцентировать внимание на агрессивных действиях самой Польши в отношении соседних стран и народов в межвоенный период (пакт Пилсудского – Гитлера, присоединение к Польше Тешинской области). Кроме того, в историческом нарративе Польши все еще сохраняется постимперское мессианство в отношении бывших земель первой Речи Посполитой, так называемых «кресов». Для поддержания памяти и представлений поляков о том, что «кресы» (Литва, Украина, Беларусь) некогда были частями польского государства, создаются соответствующие музейные экспозиции, научно-исследовательские центры, публикуется многочисленная литература по данной проблематике, организуются экскурсии для молодежи и др. Среди молодого поколения поддерживается память о границах 1772 г. первой Речи Посполитой, миф о великой и свободной Речи Посполитой. Это позволяет транслировать молодежи через исторические сюжеты то, о чем польские политики предпочитают не говорить в публичном пространстве. Фактически Польша посредством реализуемой исторической политики пытается заявить о своих особых интересах на пространствах, расположенных между Польшей и Россией.

Современные государства используют в своих политических целях собственную историю. Во многом официальная историческая политика является индикатором государственности. Соседние с Беларусью страны в той или иной мере сформировали собственную суверенную историческую политику, нередко встраивая в линейное видение своего прошлого отдельные компоненты историко-культурного наследия Беларуси. Противодействие попыткам фальсификации истории, защита исторической правды, сохранение исторической памяти являются первоочередными целями и задачами белорусских историков, в том числе и, безусловно, исторического факультета БГУ.

Библиографические ссылки

1. Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко на патриотическом форуме «Мы – беларусы!», посвященном Дню народного единства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/patrioticheskiy-forum-my-belarusy> – Дата доступа: 26.11.2023.

2. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці: вучэб. дапам. / І.А. Марзалюк [і інш.]; пад агул. рэд. І.А. Марзалюка; навук.рэд. Г. Г. Краско. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2022.
3. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / А. Д. Король [и др.]; под общ.ред. А.Д. Короля; науч. ред. О. А. Яновский (серия: Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества). Кн. 1. 2-е изд. – Минск: БГУ, 2021.
4. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1961) / А. Д. Король [и др.]; под общ. ред. А.Д. Короля; науч. ред. О. А. Яновский (серия: Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества). Кн. 2. 2-е изд. – Минск: БГУ, 2021.
5. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1981) / А. Д. Король [и др.]; под общ. ред. А.Д. Короля; науч. ред. О. А. Яновский (серия: Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества). Кн. 3. 2-е изд. – Минск: БГУ, 2021.
6. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–2001) / А. Д. Король [и др.]; под общ. ред. А.Д. Короля; науч. ред. О. А. Яновский (серия: Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества). Кн. 4. 2-е изд. – Минск: БГУ, 2021.
7. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–2001) / А. Д. Король [и др.]; под общ. ред. А.Д. Короля; науч. ред. О. А. Яновский (серия: Белорусский государственный университет: 100 лет на благо Отечества). Кн. 5. 2-е изд. – Минск: БГУ, 2021.
8. История белорусских земель и белорусского государства. Краткий очерк. Материалы к лекционному курсу. Учебное пособие для вузов: учебное пособие / под ред. В. В. Даниловича, О. В. Солоповой. – СПб.: Алетейя, 2023.

СОВЕТСКОЕ РОССИЕВЕДЕНИЕ КАК ДОМИНАНТА «ИСТОРИИ СССР»¹

О. А. Яновский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, helgoleg@mail.ru*

На основе анализа в основном учебной литературы по истории СССР, изданной в Советском Союзе в 1940–1980-х гг., предназначенной для студентов и школьников, прослежены структурные и смысловые парадигмы, которые в это время утвердились в содержании учебного курса «история СССР». Отмечается, что данная учебная дисциплина закрепила понимание истории СССР как истории России. История же народов союзных республик излагалась поверхностно и в основном в контексте, во-первых, «закономерности» их «воссоединения» с русским народом и вхождения в состав российской государственности, и во-вторых, – благотворного воздействия российского «царства» и «империи» на развитие их культуры и экономики. Исходя из этого делается вывод, что есть все основания видеть в становлении и эволюции сначала учебной дисциплины (разумеется, и предмета научных исследований) «история народов СССР», уже к концу 1940-х гг. утвердившейся как «история СССР», развитие в первую очередь советского россиеведения. Оно, опираясь на новую идеологическую платформу, в принципе продолжило в науке и образовании наработки и традиции дореволюционного россиеведения.

Ключевые слова: история народов СССР; история СССР; россиеведение; высшая школа; учебная дисциплина; наука.

САВЕЦКАЕ РАСІЯЗНАЎСТВА ЯК ДАМІНАНТА «ГІСТОРЫІ СССР»

А. А. Яноўскі

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, helgoleg@mail.ru*

На аснове аналізу ў асноўным вучэбнай літаратуры па гісторыі СССР, выдадзенай у Савецкім Саюзе ў 1940–1980-х гг., якая прызначалася для студэнтаў і вучняў школ, прасочаны структурныя і сэнсавыя парадыгмы, якія менавіта ў гэты час зацвердзіліся ў месце навучальнага курсу «гісторыя СССР». Адзначаецца, што дадзеная дысцыпліна замацавала разуменне гісторыі СССР як гісторыі Расіі. Гісторыя ж народаў саюзных рэспублік выкладалася паверхоўна і ў асноўным у кантэксце, па-першае, «заканамернасці» іх «уз’яднання» з рускім народам і ўваходжання ў склад расійскай дзяржаўнасці, і па-другое, – дабратворнага ўздзеяння расійскага «царства» і «імперыі» на развіццё іх культуры і эканомікі. Зыходзячы з гэтага робіцца выснова, што ёсць усе падставы бачыць у станаўленні і эвалюцыі спачатку вучэбнай дысцыпліны (зразумела, і прадмета навуковых даследаванняў) «гісторыя народаў СССР», якая ўжо да канца 1940-х гг. зацвердзілася як «гісторыя СССР», развіццё ў першую чаргу савецкага

¹ Подготовлено в рамках выполнения научного проекта 1.03.21 Институционализация образования и науки Беларуси в условиях общественно-политических процессов 1920–1930-х гг. подпрограммы 1 «История» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы.

расіязнаўства. Яно, абапіраючыся на новую ідэалагічную платформу, у прынцыпе працягнула ў навуцы і адукацыі напрацоўкі і традыцыі дарэвалюцыйнага расіязнаўства.

Ключавыя словы: гісторыя народаў СССР; гісторыя СССР; расіязнаўства; вышэйшая школа; вучэбная дысцыпліна; навука.

SOVIET RUSSIAN STUDIES AS A DOMINANT OF «HISTORY OF THE USSR»

O. A. Yanousky

Based on the analysis of mainly educational literature on the history of the USSR, published in the Soviet Union in the 1940s–1980s. and intended for students and schoolchildren, the structural and semantic paradigms are traced, which at that time were established in the content of the educational course «History of the USSR». It is noted that this academic discipline consolidated the understanding of the history of the USSR as the history of Russia. The history of the peoples of the union republics was presented superficially and mainly in the context, firstly, of the «patterns» of their «reunification» with the Russian people and joining the Russian statehood, and secondly, of the beneficial effects of the Russian «kingdom» and «empire» to the development of their culture and economy. Based on this, it is concluded that there is every reason to see in the formation and evolution of the first academic discipline (of course, the subject of scientific research) «the history of the peoples of the USSR», by the end of the 1940s. established as the «history of the USSR», the development of Soviet Russian studies in the first place. It, relying on a new ideological platform, in principle continued the developments and traditions of pre-revolutionary Russian studies in science and education.

Keywords: history of the peoples of the USSR; history of the USSR; Russian studies; graduate School; academic discipline; the science.

Название статьи, по мнению автора, позволило объединить несколько важнейших смысловых парадигм. Вместе с тем, это название по своему возможному наполнению максимально широкое и требует всестороннего анализа как развития самой науки «советское россиеведение» (в отличие от зарубежного россиеведения и советологии), так и ее преломления/воздействия на учебно-образовательное пространство. В данном случае как раз и будут рассмотрены некоторые характеристики, которые развивались и закреплялись в учебной литературе, имевшей общее название – «история СССР».

С момента утверждения в научном и образовательном «обиходе» термина-понятия «история СССР» прошло почти 90 лет. И если первые 20 лет советские историки и общественность, властные круги (различного уровня партийно-идеологические структуры) свои когнитивные усилия направляли на осмысление содержательного наполнения или собственно «истории СССР», или более сложной в восприятии и однозначности понимания «истории народов СССР», то с рубежа 1940–1950-х гг. окончательно утвердилось первое понятие. Но для его «канонической»

данности потребовалось пройти все 1950-е и 1960-е гг. Так что в сущности завершенная в научной обоснованности и государственно-политической приемлемости «история СССР» в учебной литературе и преподавательской практике просуществовала в сбалансированности различных ее смысловых постулатов, обоснованности хронологических периодов и информационной доказательности не более 20 лет.

Современное руссиеведение во многом зиждется как на скрепах, заложенных историографией дореволюционной России, так и в значительной степени на научных традициях «истории СССР». Хотя на научно-публичном поле ссылки на второй компонент не особо популярны.

Автор нижеприводимого анализа различных учебных пособий по истории СССР – «продукт» советской школы «истории СССР», прошедший после распада СССР непростой путь переквалификации в «россиеведа». По прошествии десятков лет работы в новой ипостаси оказалось весьма поучительно и любопытно обратиться к некоторым образчикам учебной литературы по «истории СССР». На основе их содержательно-смысловых парадигм проходило формирование собственных профессиональных компетенций, а затем на протяжении более чем 20 лет эти компетенции реализовывались в студенческих аудиториях. Теперь представилась возможность на своем субъективном уровне заново прочесть эту литературу и поразмышлять о соотношении национальной «русско-российской» составляющей «истории СССР» и ее «государственно-российских» характеристик. При том, что сегодня эти две части единого целого – «истории России» – вовсе не предполагают прежних ухищрений в подведении истории собственно великорусского народа к гармонизации с историей больших и малых народов, входивших разными путями и способами на разных этапах истории в состав формирующейся и крепнущей российской государственности («царства», «империи», «союза советских республик»).

Займемся кратким разбором-анализом некоторых примеров. Представляется интересным издание, в котором определяющую роль сыграл К. В. Базилевич, известный в Беларуси тем, что в середине 1930-х гг. преподавал курс лекций по истории «народов СССР» на истфаке БГУ [1]. С 1935–1936 гг. Константин Васильевич работал старшим научным сотрудником сектора истории СССР Института истории АН СССР, профессором кафедры истории СССР истфака МГУ. В это время и состоялось привлечение талантливого ученого и лектора к работе в БГУ. Тем более, что он вошел в состав одной из групп историков, которым было

поручено создать школьные и вузовские учебники по истории СССР. Наиболее известным стал учебник для средней школы под редакцией А. М. Панкратовой и авторством К. В. Базилевича, С. В. Бахрушина и А. В. Фохта, вышедший в предвоенные годы двумя изданиями, а затем со второй половины 1940-х гг. и на протяжении 1950-х в разных вариантах издавался более десятка раз. Подобный авторитет как раз и был нужен для придания новому учебному курсу смысловых и идеологически выверенных импульсов, а одновременно и всему истфаку БГУ. Вот только преподавание в Минске университетским студентам «наездами» (это определение можно встретить в материалах тех лет) отдельных периодов истории СССР оказалось недолгим. БГУ во второй половине 1930 гг. взял курс на подготовку своих знатоков истории СССР, но при регулярных консультациях с российскими коллегами.

Рассматриваемое учебное пособие 1946 г., в котором авторством отмечен К. В. Базилевич, одно из первых послевоенных изданий с изложением системного курса лекций, прочитанных уже зарекомендовавшими себя специалистами слушателям Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б). Оно в принципе повторяло структуру и смысловые акценты, утвердившиеся в конце 1930-х гг. Авторство последней главы «о борьбе царизма с Французской буржуазной революцией» принадлежит Э. Н. Бурджалову – специалисту по советскому периоду истории СССР и соавтору двух других пособий для слушателей ВПШ, вышедших в этом же 1946-ом году. Но в данном случае он почему-то не назван в качестве одного из авторов.

И сегодня поражает обилие фактического материала, которым буквально заполнены страницы всех глав-лекций. Правда, огромная информация подается без особых комментариев и авторских обобщений и как бы напрашивающейся (имея ввиду читательскую аудиторию) политической морализации. Язык прост, чеканен, а фразы максимально короткие. Авторы называют один-другой факт и сразу переходят к очередному. Так что читателю (а это, напомним, слушатели ВПШ) надо не только многое усвоить, запомнить, но и о многом самим догадаться: как трактовать, как расставить акценты и пр. Правда, подсказки содержатся в самих названиях глав и разделов, определяются общей структурой пособия, в которой история России и русских абсолютно доминирует.

По-хорошему удивляет представление национальных историй, уважительное авторское отношение. Например, когда рассказывается о важности внутренних процессов экономического и культурного развития

для образования украинской и белорусской народностей. А тем более важности в различных называемых характерных особенностях, едва ли не доминирующей роли формирующихся украинского и белорусского языков. Отдается дань Франциску Скорине как «пионеру книгопечатания», оказавшему огромное влияние на «развитие национальной белорусской культуры» [1, с. 266]. А утверждение к середине XIV в. названия «Белая Русь», по мнению авторов, означало «усиление этнического и культурного единства населения» данной территории [1, с. 264]. В данном случае можно отметить возможный (но, конечно, отсутствующий в тексте пособия) вывод, который могли сделать слушатели и читатели, – значит, этот важнейший процесс белорусы прошли гораздо раньше, нежели великоросы.

Подобная трактовка не прижилась как в публичной сфере, так и научной среде. Она на то короткое время послевоенного либерализма, возможно, была изложена К. В. Базилевичем и в силу его прежней практики (середины 1930-х гг.) преподавания курса лекций по истории СССР на истфаке БГУ. Она потребовала более пристального обращения к истории Беларуси, более глубокого ее понимания. Как и знания конкретного материала. Историк-россиевед, чтобы быть понятым в аудитории белорусского студенчества, был обязан в определенной степени стать и белорусоведом.

Если обратиться к подобным учебным пособиям, по которым учились слушатели ВПШ в «хрущёвско-брежневские времена», то среди прочих определённой «классикой», выдержавшей не одно переиздание, было пособие, общую редакцию которого осуществлял Б. Д. Дацюк. Оно предназначалось для заочников ВПШ при уже ЦК КПСС и впервые было опубликовано в 1960 г. [10]. Борис Дмитриевич к этому времени отметился в советской историографии рядом публикаций – от разбора наследия Юрия Крыжанича до рассмотрения характеристик российской журналистики XIX в. и издания совершенно популяризаторских брошюр [4]. Важно, что его пособие многие годы рекомендовалось абитуриентам для успешного преодоления экзаменационных требований опытными преподавателями и репетиторами. В особенности они были востребованы при поступлении на истфаки БССР в условиях, когда конкурсы составляли 10–15 человек на место. Однако в учебном процессе самих исторических факультетов в принципе пособия не были востребованными не столько из-за своей очевидной заполитизированности, но более всего по причине схематичности подачи исторического материала и его очевидной недостаточности для освоения на университетском уровне.

Бегло пролистаем некоторые страницы второй части названного пособия, вышедшего уже четвертым изданием, дополненным и усовершенствованным в соответствии с изменениями в концептуальном отношении, накопившимися почти за 15 лет. Не вдаваясь в детализацию авторских новаций в прочтении «истории СССР», а тем более в целом в обновленную общую ее концепцию, отметим лишь подробнейшую (хотя и названную «краткой») хронологию, которая дана во второй части пособия [11, с. 416–444]. Все даты приведены в единственной для того времени системе – в соответствии с формационным подходом, продиктованным и закрепленным «историческим материализмом». То есть, в одной данности совмещены все те народы и территории, которые в конце концов станут воплощением уникальности российской государственности (переросшей в государственность Союза советских республик). Конечно, абсолютное центроостремительное движение всех определено марксистско-ленинским пониманием «закономерности» исторического развития, историей Руси–России. Некоторые даты и их определения-дефиниции весьма и на нынешнее время любопытны (в разных смысловых измерениях). Например, «Отечественная война народов России» (это 1812 год), «1863–1864 гг. – восстания в Польше, Литве и Белоруссии» и др. [11, с. 418, 419]. Среди прочих дат в разделе «Хронология» приведены несколько имен с годами жизни некоторых деятелей национальных культур (преимущественно литераторов). Вот только в XIX веке авторы не рассмотрели ни одного незаурядного представителя белорусских территорий Империи.

Однако, сколь бы ни были выверенными на официально-партийном уровне эти и иные пособия по истории СССР, которые использовались в обучении партийных кадров страны, массовыми и формирующими кадры профессиональных историков являлись учебники и учебные пособия, предназначенные для исторических факультетов университетов и пединститутов. Их в разные годы, в разных издательствах и под авторством разных историков за 1940–1980-е гг. вышло огромное количество. Рассмотрим лишь некоторые, следуя хронологическому принципу и беря во внимание учебники, написанные признанными в те годы авторитетами с высокими учеными степенями и званиями.

Наверное, не было более авторитетного прочтения «истории СССР», нежели то, которое связывалось с именем академика Б. Д. Грекова. После окончания Великой Отечественной войны вышло издание, которое на протяжении многих последующих лет было востребованным преподавателями и студентами университетских истфаков. Кроме трех

указанных в оглавлении редакторов, а они же и одни из авторов текстов учебника, в предисловии авторами названы еще четыре известных советских историка, в том числе В. И. Пичета. Они определены как «основные» [7, с. 5]. Но всего это 2-е издание готовили более 20 историков. В том числе А. А. Савич и В. И. Пичета. Так, Владимиру Ивановичу принадлежит авторство главы XV – «Великое княжество Литовское в XIII–XVI вв. » [7, с. 214–237], главы XX-й – «Крестьянская война начала XVII в. и польско-шведская интервенция» [7, с. 353–397], а также тексты в главах XXVI и XXVII о разделах Польши (так, а не Речи Посполитой. – Авт.) (это 8 и 7 страниц). По приблизительным подсчетам, истории «Руси–России», то есть великорусской истории, в учебнике отведено 82,5% текста, тогда как истории Украины и Беларуси (без особой индивидуализации их очевидной исторической уникальности) – не более 2% (соответственно – 22 и 10 страниц). История же народов Кавказа, Закавказья, Средней Азии и Прибалтики «уместилась» на 103 страницах, а это где-то 15,5% всего объема учебника.

Данный учебник предназначался для исторических факультетов университетов. То есть, это было «высшее прочтение» истории великой страны. И, конечно же, требовало продолжения. Оно последовало в 1949 г., когда вышел учебник для студентов-историков университетов и пединститутов. Он содержит 31 главу. Среди прочих, собственно по российской-великорусской истории, представлены несколько глав о «региональной» истории в связи с обстоятельствами и значением завоевания огромных территорий в данном веке. Так, отдельно поданы глава III-я «Народы Прибалтики. Финляндия и ее завоевание» [8, с. 66–81] и глава XXIII-я по истории Средней Азии, завоеванной во второй половине века. Глава же XI-я «Народы Кавказа в первой половине XIX в. Борьба горских народов под руководством Шамиля» повествует уже об утверждении России на немногим ранее присоединенных территориях. Подобная логика присуща и главе VIII-й «Украина, Молдавия, Белоруссия, Литва в первой половине XIX в. », когда авторам хватило около 40 страниц [8, с. 172–212], чтобы рассказать не столько об особенностях истории этих уже российских территорий, сколько об истории утверждения на них российской государственности. Подобная парадигма в особенности очевидна и закреплена в структуре и тексте учебника. Как и акцентированное употребление термина «народы» в названиях глав и разделов, что должно было подчеркнуть первичность и историческую важность «вхождения» в состав России многочисленных народов в

высоком смысле последующего воздействия на них благотворного цивилизационного влияния русского мира. При этом приращение колоссальных территорий не столь важный факт. Конечно, с непременной уничтожающей критикой национальной политики «царизма». Этот идеологический постулат однозначно проведен в отдельной главе учебника – «Народы России и национально-колониальная политика царизма в 1860–1880-е годы [8, с. 694–767]. Однако в целом, как и в предыдущих вариантах учебников по истории СССР, и в данном случае присутствует абсолютный приоритет за историей великорусской – доминанты во всей многонациональной многогранности России.

Тем не менее, для 1940-х годов даже такое прочтение «истории СССР» вполне понимаемо: очевидно стремление авторов найти «золотую середину» в представлении «русской истории» и истории многих народов России, ставших в силу различных обстоятельств частью многонациональной страны. А тем более, принимая в расчет необходимость взвешенного распределения внимания к истории собственно «русской» и истории «российской» в логике ее превращения в историю «союза советских республик». Прочтение истории народов этих республик требовало от авторитетов-историков нахождения баланса не только в объемах подаваемого читателю (различного уровня подготовки) материала, но, самое главное, выявление в столь далеких от русской истории обстоятельствах истории иных народов неких предопределенных их «тяготений к Москве».

Если продолжить даже поверхностное рассмотрение содержания и структуры учебников по истории СССР, вышедших в последующие годы и ставших «законодателями мод» в преподавании соответствующей учебной дисциплины (кстати, второй по своей идеологической важности после курса «история КПСС»), то можно констатировать: неуклонно происходило слияние «русского» и «российского» контекста. Например, в новом варианте вузовского учебника авторы подали 32 главы [9]. В текстах более изящно и изощренно вплетена история «народов России» в историю России. В особенности в связи с их контактами с Русью–Московией, развитием их «освободительной борьбы», находя ее даже в XIV веке. И, конечно же, особо значимыми определялись «воссоединение» Украины, «включение» народов Поволжья и Сибири в состав России. Правда, наконец обращено внимание (сделан экскурс) на собственно культуру украинцев, белорусов и других народов – «не русских». Однако от этого процент чисто русской истории не уменьшился, а даже возрос.

Нельзя обойти стороной учебник для истфаков пединститутов, который выходил в нескольких изданиях и был отредактирован профессором В. В. Мавродиным. Обратим внимание, что Владимир Васильевич в середине 1930-х гг. первым возглавил впервые в БССР созданную отдельную кафедру истории народов СССР истфака БГУ! В 4-м издании в 22-х главах при освещении истории от первобытности до Крымской войны середины XIX в. авторы не стали акцентировать внимание студентов на особенностях и обстоятельствах исторического пути народов Союза ССР [12]. Даже история украинцев и белорусов подана как бы «всуе» с историей собственно русских. В «воссоединении» с романовской Россией определен важнейший смысл всей многовековой и весьма сложной с политически и культурной сторон истории предков украинцев XX века. Более того – это оценено как «спасение их как нации от порабощения и поглощения иноземными захватчиками» [12, с. 308]. Историю же белорусов вообще сложно найти в главах учебника. Даже при изложении трёх разделов Речи Посполитой не просматривается о ней почти ничего, хотя сделаны достаточно противоречивые посылы: результатом разделов «...явилось объединение украинских и белорусских земель в единое этническое целое и воссоединение их с Россией», тогда как «...польский народ оказался под гнетом русского и австрийского императоров и прусского короля» [12, с. 449].

На учебнике под редакцией Б. А. Рыбакова и его многочисленных переизданиях учились студенты советских университетов и пединститутов времени, непосредственного кануна распада СССР [13]. Он на десяток лет стал для преподавателей этого курса неизменным в использовании в подготовке к занятиям, «вытеснив» иные. С высоты времени, теперь, можно в сравнительном контексте отметить: тенденция унификации национальных историй и истории русской в этом учебнике достигла апогея. Да, остались несколько особых глав по истории Беларуси («Белоруссии»), Украины, Поволжья, Средней Азии, Молдовы («Молдавии»), Казахстана. Но в них лишь лапидарно прослеживалась собственно история этих народов, стран, территорий (по подсчетам автора – 85% текста отведено русской истории, а на историю остальных народов – около 15%). Но однозначно проведено утверждение об исторической предопределенности им быть в составе России. Оно без обиняков сделано в «Заключении»: «В процессе образования единого Российского государства, превращения его в мощную Российскую империю вокруг великой Руси объединялись многие народы, воссоединялись с ней... В XVII–XVIII вв. с Россией

воссоединились Украина и Белоруссия» [13, с. 396]. Таким образом, исчезли прежние весьма порой неуклюжие пояснения насчет «правомерности завоеваний», присоединений военной силой, манипуляции такими как бы нейтральными и даже позитивными терминами, как «воссоединение» и «вхождение».

Проводя краткий экскурс по содержанию и его эволюции вузовских учебников, необходимо взглянуть и на учебники школьные. Ведь именно в школе закладывались основы знаний, понимания, а даже и мировоззрения гражданина СССР. И в этом история СССР играла определяющую роль. Писать школьные учебники, на первый взгляд, было легче, нежели уровня университетов и институтов. Авторы как бы шли проторенными путями, вслед за парадигмами, утвержденными в учебниках вузовских. Тем более, что авторами и тех, и других, как правило, были самые известные, проверенные временем историки из Москвы и Ленинграда. Однако в школьных учебниках некоторые обстоятельства, а в особенности установки на однозначность понимания «острых» вопросов совместной и особенной истории народов СССР должны были быть прописаны без обиняков, четко утвердительно. Так в учебнике для 8-го класса все 16 глав целиком представляют ученикам российско-русскую историю XIX века [19]. Главы 11-я и 12-я выделены лишь потому, что именно в этом веке произошло включение Кавказа, Казахстана и Средней Азии в состав империи. Но это лишь 7 плюс 6 страниц всего 224-страничного объема учебника. То есть для автора и всей системы школьного образования было важно дать ученику не историю этих народов, государств, территорий, а именно обстоятельства их «присоединения» в России с акцентом на «большое прогрессивное значение для грузин, армян, азербайджанцев и других народов» [19, с. 76].

В унисон учебникам подавались и методические (с очевидным политическим подтекстом) работы, типа «пособий для учителей», которые всегда чуть ли не в 2 раза были объемнее соответствующих тому или иному периоду школьных учебников. Среди такого рода «методичек» изначально в выгодную сторону (сторону науки, объективности) выделялись ставшие на долгие годы популярными в среде преподавателей школ и вузов «хрестоматии». Несколько слов об одной из таковых, вышедшей в 1948 г. под редакцией профессора С. С. Дмитриева [5]. Изначально подкупает точность в определении хронологических рамок представляемых документов. Этот толстенный том замечателен не только важной и полезной даже на сей день подборкой порой уникальных документов, но, прежде всего, стремлением составителя найти гармонию между

представлением «великорусской истории» и истории других народов и республик СССР. Как, впрочем, и историей наиболее многочисленных народов РСФСР. Так, реформы 1860-х гг. даются в разрезе в том числе и Беларуси и Польши, когда приводятся выдержки из более чем 15 документов о событиях 1863–1864 гг. (по Закавказью – 4 документа).

Особо значима глава III-я под характерным названием – «Национально-колониальная политика царизма в шестидесятых-семидесятых годах и национально освободительное движение» [5, с. 211–284]. Здесь приведены материалы о событиях на украинских территориях империи, в Поволжье, Приуралье, на Кавказе, в Средней Азии. В главе IV-й дан раздел в продолжение темы – «Национально-колониальная политика царизма в восьмидесятых и в начале девяностых годов», в котором собраны документы по проблематике среднеазиатской, событиях в Бурятии и др. Но более всего подборка об еврейских погромах [5, с. 437–461]. Правда, документов о состоянии культуры не только великороссийской, но особенностях процессов в культурах народов России (в разрезе «школа», «печать», «литература», «искусство» и т. д.) приведено ничтожно мало. А по Беларуси вообще нет! Даны 7 выдержек из произведений Ивана Франко, Ильи Чавчавадзе, Микаэла Налбандяна, Косты Хетагурова, Сеид-Азим Ширвани и Абая Кунанбаева. Иные же проявления культур многонациональной России, которые не укладывались в идеологему «совместной борьбы», а просто отражали их уникальность, исторические корни, проявления иной эстетики, просто остались втуне.

В еще большей степени подобная парадигма в представлении «не великорусской истории», которую должны были освоить учителя-историки, проведена в содержании пособия, вышедшего в 1971 г. [14]. Из 26 глав лишь одна дает установки учителям о том, как правильно преподавать события «присоединения Средней Азии к России» (глава X) [14, с. 134–141]. На 8 страницах излагаются некоторые подробности тех событий, олицетворявших факт очередного приращения российских земель, рост империи. Вряд ли это можно считать полноценной историей данных государств (ханств и эмирата) – Кокандского, Бухарского, Хивинского, а также ряда отдельных полусамостоятельных владений (Шахрисяб, Китаб, Карши) [14, с. 136]. Хотя уже это должно было нацеливать учителя истории на познания более глубокие, готовность отвечать на возможные вопросы «продвинутых» учеников. Подкупает то, что автор пособия открыто говорит о «завоевании», проведении Россией колониальной политики, превращении территорий в сырьевой придаток. Но

одновременно в очередной раз закрепляется тезис «прогрессивности» присоединения, хотя и отягощенном «национальным гнетом». И, конечно же, о том, что «Год от года крепла взаимная связь и совместная борьба русского народа и народов Средней Азии против угнетателей и эксплуататоров всех мастей...» [14, с. 139–141].

Особое место в утверждении и закреплении на всех уровнях преподавания истории СССР, в общественной среде занимают 1950-е годы. Тогда историки и представители иных гуманитарных наук буквально заполнили всевозможные лакуны информационно-аналитических доказательств древности и закономерности развития «истории СССР». И, конечно, при этом повсеместно и преимущественно опираясь на великорусскую историю. История советских республик как бы должна была писаться местными силами, хотя при строжайшем контроле, внутренней и внешней верификации каждого факта и утверждения зарекомендовавшими себя историками из Центра. Свидетельством тому, хотя бы же, была настоящая «эпопея» с написанием «Истории Белорусской ССР», затянувшаяся на 1920–1950-е гг. Вот только результат усилий нескольких поколений белорусских историков в виде двухтомника (вышедшего в 1954г. и 1958 г.) так и не удовлетворил ни авторов, ни власти, ни общественность, ни учащихся.

Наконец, несколько субъективных оценок еще одного пособия для учителей [3]. Авторы почему-то в «Оглавлении» [3, с. 383] не обратили внимание учителей, что история XIX – начала XX в. для тогдашней российской империи, а затем «истории СССР» это не только история «русской России». Однако в структуре и содержании текста с методикой его осмысления и последующего преподавания ученикам присутствует не только «единая Россия». В нескольких разделах даны методики проведения уроков по темам о народах Кавказа в первой половине, а затем середине XIX века [3, с. 104–105], о «присоединении Средней Азии к России» (почему-то вкупе с темой «Сибирь и Дальний Восток в XIX в. »). Впрочем, эти события лишь обозначены, и для «продвинутого» в своих знаниях учителя не могли расширить его профессиональный кругозор. А тем более сформировать новый уровень познания у учителя начинающего. Учителю голословно рекомендовано «на конкретных фактах раскрывать диалектическую противоречивость..., положительное значение включения в состав России народов Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока» и «отрицательные последствия колониаторской политики царизма» [3, с. 180].

Разумеется, даже бегло невозможно (да и нет особой надобности) дать анализ составных элементов огромной массы историко-юридико-экономико-философской, методической и иной литературы, содержание которой объединено двумя словами – «история СССР». Общую для нее, по нашему мнению, смысловую парадигму выразило «Предисловие» к третьему тому «Памятники русского права» [17]. Все-таки это издание выходило под руководством мэтра-россиеведа, медиевиста Льва Владимировича Черепнина – будущего (1972) академика АН СССР. Весь том состоит из подборок документов юридического характера исключительно касательно русской истории. Это и объяснимо: уже в «Предисловии» дано однозначное утверждение, что «Важную роль в объединении народов нашей Родины сыграли великороссы» [17, с. 6]. Затем в этом пространном вступительном слове [17, с. 5–40] чеканными фразами, без аргументации фактами сделана попытка составителя закрепить изначальное весьма пафосное определение: «Сплочение нерусских народностей в составе Русского централизованного государства способствовало росту экономических и культурных связей этих народностей с русским народом и было прогрессивным явлением, спасая их от поглощения отсталыми государствами, объективно создавая для них возможности развития в условиях воздействия более высокой по своему уровню экономики и культуры России» [17, с. 28].

Рассматривая огромное количество подобной литературы, созданной известными и не очень советскими российскими россиеведами на потребу всей большой страны, нельзя не отметить неуклонное движение к некому фундаментализму – то есть к написанию многотомных, всеобъемлющих прочтений «истории СССР». Эти издания должны были не только дать исчерпывающий фактический материал и расставить все «нужные» акценты по всему хронологическому периоду и по всем сюжетам, но и собрать под единой (хотя и многотомной) обложкой полномасштабное представление истории советской родины. В данном случае первым таким изданием стали «Очерки истории СССР». Все 9 увесистых томов (всего – около 8 тыс. страниц) имели простое разделение – по хронологии, которая не всегда выглядела убедительной, однако давала авторам (а это крупнейшие тогдашние россиеведы: Б. А. Рыбаков, Б. Д. Греков, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, А. Н. Насонов, А. А. Зимин, А. А. Новосельский, Б. Б. Кафенгауз, Н. И. Павленко, Л. Г. Бескровный и др.) возможность рассмотреть детали в огромном массиве информации. И, конечно, разделение осуществлено по формационному принципу. В этих томах

рассматривалось зарождение, расцвет и разложение феодализма в России (до конца XVIII в.). Но что важно – в принципе читатель мог обратиться к конкретике национальных историй (ей посвящены значительные блоки в каждом томе), безусловно, рассматривая их как предтечу закономерного вхождения то ли в «Русское централизованное государство», то ли в «Российскую империю». Всевозможные противоречия в этой связи легко преодолевались с помощью уже освоенного историками логического построения, основанного на марксизме: «Политика царизма в отношении нерусских народов была политикой национального угнетения. Но присоединение народов Сибири и Поволжья к Русскому государству, стоявшему на более высоком уровне развития, имело для этих народов прогрессивное, цивилизующее значение» [16, с. 15]. Насчет же, например, неуклонного движения Великого княжества Литовского к своей гибели в результате «обострения классовых и национальных противоречий» рассказывалось в контексте поучительного умозаключения о том, что де население «Белоруссии» в ходе Ливонской войны «видело в русском народе, в Русском государстве своего защитника против панско-католической агрессии». Авторов не смущали факты. Главное, что в ходе этой войны «освобождение западнорусских земель диктовалось и жизненно необходимыми интересами Русского государства» [16, с. 738]. В целом целью всего этого более чем столетнего отрезка времени российской истории авторы определили в области внешней политики государства последних Рюриковичей развертывание борьбы за «воссоединение в составе Русского государства тех русских, украинских и белорусских земель, которые находились под властью Польского и Литовского государств», а также оборона от крымчаков и борьба с Турцией за Казанское и Астраханское ханства [16, с. 8].

Через десять лет решением Президиума АН СССР было начато издание академического обобщающего многотомника «История СССР с древнейших времен до наших дней». Оно в результате оказалось в двух сериях. И опять же к написанию и редактированию были привлечены крупнейшие российские... России же. О ходе обсуждения на Президиуме АН СССР достаточно подробно информировалась научная общественность [15]. Она информировалась с акцентированным обозначением политической значимости работы академических историков. Сам президент АН СССР М. В. Келдыш подчеркивал «необходимость создать документально достоверный труд, который явится серьезным политическим оружием». Свои суждения на том заседании высказал

выпускник БГУ, знаменитый советско-российский физик Л. А. Арцимович [15, с. 141]. Так что академическое сообщество в целом было крайне заинтересовано в демонстрации завершеного прочтения столь сложной и противоречивой «истории СССР». Сегодня же эта работа подается в качестве полного прочтения истории России (но не СССР), а ее авторы – как «специалисты-историки нашей страны», то есть России [20].

Всего с 1966 г. было написано и издано 11 томов – шесть до февраля 1917 г. и пять от октября этого года по тогдашнее «настоящее время». А точнее – от «Первобытнообщинного строя, древнейших государств Закавказья, Средней Азии и Древней Руси» до «Советский Союз на пути к развитому социализму» – с 1945 г. по 1961 г. Главное, что уже с третьего тома, названного «Превращение России в великую державу», именно российская-русская история становится всеобщей доминантой повествований.

Научная и политическая важность проекта подчеркивалась академичным соавторством многих российских историков и публикацией томов в издательстве «Наука». Главным редактором с общим руководством немалым коллективом был Б. Н. Пономарев – секретарь ЦК КПСС, академик и орденоносец, и опять же главный редактор много раз переиздававшейся «Истории КПСС» – учебника для вузов. Вот только оказалось, что из запланированных 12-ти томов ученые осилили к 1980 г. только 11. Хотя с 1968 г. после разделения Института истории АН СССР вся история СССР сконцентрировалась в специальном Институте истории СССР.

Издание не произвело нужного эффекта. В принципе в нем были повторены и уже устоявшиеся парадигмы «истории СССР» как истории России с поверхностным обзором истории тех народов, которые ее наполнили в то или иное историческое время. В этих обзорах все внимание обращалось на неминуемость их включения (воссоединения) в российскую государственность с последующим расцветом экономики и культуры и совместной борьбой с разного рода «эксплуататорами». На уровне преподавания курса «история СССР» на профильных специальностях в университетах и педвузах с 1960-х гг. утвердилось абсолютно завершенное прочтение всех главных и не совсем обстоятельств истории страны «победившего социализма». Была выработана четкая структура курса, набор фактического материала, его идеологическое сопровождение. Все это нашло полное воплощение в Программе курса, составленной, конечно же, историками МГУ имени М. В. Ломоносова (хотя без указания имен авторов)

и предназначенной для всех государственных университетов СССР. Во «Введении» определялся не только «предмет исторической науки» в целом и «основные задачи и проблемы курса истории СССР», но студенты нацеливались на постижение значения истории СССР для изучения мировой истории, а главное – они должны были усвоить, что «отечественная история» является средством коммунистического воспитания [18, с. 3]. Через лапидарность формулировок однозначно подавались все еще спорные в научных кругах страницы истории Руси, Московии, России царской и имперской. Для «национальных историй» был избран вполне аргументированный принцип сначала обращения к истории «Закавказья и Средней Азии», «Великого княжества Литовского» с его украинскими и белорусскими «землями» [18, с. 8, 10, 11, 25, 26], а потом до 1917 г. стала доминировать формула «народы России», преимущественно с акцентом на представление развития их культур в контексте «русской культуры».

Подводя некоторые итоги достаточно пространного, но по существу весьма беглого рассмотрения эволюции «истории СССР» в направлении «истории России» (преимущественно в образовательной сфере), можно констатировать, что советское россиеведение, проходя новый виток в своем развитии, определяемый властными установками 1930–1950-х гг., вполне оформилось, утвердило каноны и постулаты восприятия и интерпретации «большой» истории – великорусской, но в неременном сопровождении экивоков в сторону историй «малых» – народов советских республик и десятков народов не «титупной нации» собственно России. В последующие 1960–1980-е гг. эти каноны и постулаты приобрели непререкаемую в научной, а тем более в образовательной среде авторитетность, излагались (письменно и устно) без особой доказательности. Она, доказательность, за предшествующие десятилетия приобрела как бы завершенность в фактах и выводах, произошла настоящая «стандартизация» набора информации и оценок. И все это закреплялось титулами, званиями, наградами тогдашних «гуру» от советского россиеведения, что для широких кругов потребителей и распространителей этого интеллектуального продукта много значило.

Для последующего времени, уже в рамках суверенизации бывших республик распавшегося Союза, собственно советское россиеведение без перегруппировки сил и позиций стало наращивать знания о своей стране – Российской Федерации. И уже в малой степени заботясь о том, чтобы не затронуть чувства, а тем более амбиции национальных историй. Для

белорусских же историков, которые все годы прежде постигали названные выше «московско-ленинградские канонические постулаты» и принаравливали свою белорусскую историю под них, после 1991 г. встала сложнейшая задача постичь уникальность и особенность по всем хронологическим и тематическим парадигмам родную историю. И не продолжая ранее освоенную методику преподавания истории СССР, когда приходилось буквально «встраивать» свою национальную историю в прокрустово ложе как бы общей истории национальных республик, но на самом деле собственно истории российской [2; 6]. Это тот путь, который и сейчас продолжают торить ученые-гуманитарии Беларуси. А в особенности ее белорусоведы и россияневеды.

Библиографические ссылки

1. Базилевич К. В., Новицкий Г. А. История СССР от древнейших времен до конца XVIII века. Учебное пособие для слушателей ВПШ при ЦК ВКП(б). Часть I. М.: без изд-ва, 1946.
2. Баранова М. П., Павлова Н. Г. Изучение истории БССР в курсе истории СССР; 9–10 классы. Минск: Народная асвета, 1983.
3. Волобуев О. В., Клокова Г. В. Методика преподавания истории СССР (VIII–IX кл.). Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1979.
4. Дацюк Б. Д. Москва – светоч славянства. М.: Московский рабочий, 1947.
5. Дмитриев С. С. Хрестоматия по истории СССР. Пособие для учителей средней школы. Т. III: 1857–1894. М.: Гос. учеб. -пед. изд-во Мин-ва просв. РСФСР, 1948.
6. История Белоруссии в курсе истории СССР (IX в. – 1917 г.). Методические указания для слушателей подготовительного отделения / сост. С. В. Позняк, М. Ф. Чудаев, О. А. Яновский. Минск: БГУ, 1983.
7. История СССР. Т. I: С древнейших времен до конца XVIII века / под ред. акад. Б. Д. Грекова, чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушина, проф. В. И. Лебедева. М.: ОГИЗ, 1948.
8. История СССР. Россия в XIX веке. Т. II / под ред. М. В. Нечкиной. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1949.
9. История СССР. Т. I / под ред. М. В. Нечкиной, Б. А. Рыбакова, А. А. Новосельского, А. В. Фадеева, Л. В. Черепнина (отв. ред.) и В. И. Лебедева. М.: Госполитиздат, 1956.
10. История СССР: Учеб. пособие / Высш. парт. школа при ЦК КПСС. М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960.
11. История СССР. Учебное пособие. Изд-е 4-е, доп. / под общ. ред. Б. Д. Дацюка. Ч. 2. М.: «Мысль», 1973.
12. История СССР. Ч. I. 4-е изд., испр. / под ред. проф. В. В. Мавродина. М.: «Просвещение», 1979. .
13. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / под ред. Б. А. Рыбакова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. .
14. Кузнецов И. В. История СССР. Эпоха капитализма: 1861–1917 гг. Пособие для учителей. М.: «Просвещение», 1971.

15. Куманев В. А. О ходе подготовки двенадцатитомной «Истории СССР» (1966) // Вопросы истории, № 3. Март, 1966. С. 139–142). URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/> (Дата обращения: 03. 09. 2023).
16. Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в. / под ред. А. Н. Насонова, Л. В. Черепнина, А. А. Зимина. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
17. Памятники русского права. Вып. третий. Памятники права периода образования Русского централизованного государства. XIV–XV вв. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955.
18. Программа курса «история СССР» для государственных университетов. Специальность 2008 – История. М.: Изд-во Московского университета, 1982.
19. Федосов И. А. История СССР. Учебник. 8 класс. Изд-е второе. М.: «Просвещение», 1984.
20. URL: <https://istoriirossii.ru/sss/385-istoriya-sssr-s-drevnejshix-vremen-do-nashix-dnej.html> (Дата обращения: 04. 09. 2023).

В. И. ПИЧЕТА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭГО- ДОКУМЕНТОВ

М. Ф. Шумейко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4. 220030, г. Минск, Беларусь; jesti@inbox.ru*

Рассматривается научно-педагогическая, организаторская и общественная деятельность первого ректора БГУ В. И. Пичеты накануне и в годы Великой Отечественной войны через анализ документов личного происхождения, недавно введенных в научный оборот посредством их опубликования. Отмечается, что находясь в 1941–1943 гг. в эвакуации в Ташкенте, несмотря на возраст и неудовлетворительные бытовые условия, ученый не снижал своей научной активности, что прослеживается по имеющим к нему отношениям эго-документам.

Ключевые слова: В. И. Пичета; П. К. Пономаренко; Т. С. Горбунов; И. Ф. Лочмель; К. Калиновский; Ташкент; Академия наук БССР; «История Белоруссии».

V. I. PICHETA ON THE EVE AND DURING THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR THROUGH THE PRISM OF EGO- DOCUMENTS

M. F. Shumeiko

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, jesti@inbox.ru*

The scientific, pedagogical, organizational and social activities of the first rector of BSU V. I. Picheta on the eve and during the Great Patriotic War are considered through the analysis of documents of personal origin, recently introduced into scientific circulation through their publication. It is noted that during the evacuation in Tashkent in 1941-1943, despite his age and unsatisfactory living conditions, the scientist did not reduce his scientific activity, which can be seen from the ego-documents related to him.

Keywords: V. I. Picheta; P. K. Ponomarenko; T. S. Gorbunov; I. F. Lochmel; K. Kalinovsky; Tashkent; Academy of Sciences of the BSSR; «History of Belarus».

В рамках обозначенной в названии статьи темы будет рассмотрена научно-педагогическая, организаторская и общественная деятельность В. И. Пичеты, протекавшая накануне и в годы войны и полностью ей подчиненная. Ученый, как и ряд его коллег, незаслуженно пострадавших в 1930-е гг., забыл о нанесенных обидах, включившись с помощью всех доступных ему, «человеку пера, а не ружья» средств, в дело реализации объединившего страну лозунга «Все для фронта, все для Победы!».

О деятельности В. И. Пичеты в годы военного лихолетья имеется незначительная литература, в которой лишь упоминается о том, что ученый не прекращал своих научных занятий ни находясь в эвакуации в Ташкенте, ни вернувшись летом 1943 г. в Москву; что он вел активную

пропагандистскую работу, выступая с лекциями и докладами в воинских частях, трудовых коллективах [см., напр. : 1, с. 41–44]. Некоторую лепту в освещение данной темы внес и автор этих строк, опираясь преимущественно на источники официального происхождения [23]. В настоящее время, когда расширился круг доступных источников, в том числе и личного происхождения [2; 8–10; 15–18], появилась возможность более подробно познакомиться с деятельностью ученого в предвоенные и военные годы. И сделать это, опираясь не только на официальные источники, но привлекая и так называемые эго-документы (письма, воспоминания, дневники как самого ученого, так и тех, с кем он поддерживал контакты в предвоенные и военные годы), интерес к которым чрезвычайно вырос у современных исследователей.

Особого внимания здесь, на наш взгляд, заслуживают недавно увидевшие свет воспоминания, личный дневник и переписка с учениками выдающегося российского историка-медиевиста, источниковеда, археографа, академика М. Н. Тихомирова (1893–1965), которого с Пичетой связывали не только общие научные интересы, но и приятельские человеческие отношения. Последние особенно проявились в их переписке периода войны, когда ученые находились в эвакуации: Тихомиров – в Ашхабаде, Пичета – в Ташкенте [подр. об этом см. : 20]. Да и до войны Тихомиров неоднократно подчеркивал в не предназначенных для огласки документах более чем уважительное отношение к Пичете. Так, описывая свою поездку в Киев летом 1940 г. в составе делегации московских историков, в которую входили В. И. Пичета, С. В. Бахрушин, З. Р. Неядлы, С. В. Юшков и др., он отмечал: «Лучше всех в нашей делегации вели себя настоящие крупные ученые. Замечателен был по обыкновению и по своей доброте, и по своему отношению к людям Владимир Иванович Пичета. Ко мне он и Зденек Романович Неядлы относились по-дружески с тем хорошим оттенком (отношения к молодым) старых и опытных людей, который существовал в свое время в хороших академических кругах» [2, с. 230].

В другом месте воспоминаний М. Н. Тихомиров вновь обращается к характеристике качеств своего старшего коллеги по историческому цеху: «Что касается В. И. Пичеты, то это был замечательный человек не только по своей доброте и искренности, но и по какой-то особой благожелательности к людям» [2, с. 291]. Мемуарист даже отмечал, что благожелательностью Пичеты иногда злоупотребляли студенты, которые вели себя весьма шумно на занятиях, порой превращая их в «настоящий польский сейм XVII века» [2, с. 291].

Подобные оценки вовсе не противоречат характерным для ученого строгим требованиям, которые он предъявлял к студентам и особенно к своим аспирантам, обучая их основам профессионального мастерства, о чем весьма красочно излагал в воспоминаниях один из его учеников – Н. Н. Улащик [21, с. 463–466, 468].

Возвращение ученого к полнокровной научной жизни после пятилетней административной ссылки происходило непросто. Как отмечает один из современных исследователей, если после ссылки Пичета вернул себе в Москве прежнее уважение, то в Минске он по-прежнему оставался персоной «нон-грата».

Восстановленный в 1940 г. в звании академика АН БССР и избранный годом ранее членом-корреспондентом всесоюзной академии, ученый, тем не менее, продолжал оставаться под негласным надзором белорусских органов госбезопасности, регулярно информировавших партийное руководство республики о его «вольномудстве» [см., напр.: 16, с. 319–320]. Впрочем и в Москве отношение к Пичете было неоднозначным. На это обращал внимание в своих воспоминаниях преемник академика Б. Д. Грекова на посту директора Института истории АН СССР А. Л. Сидоров, размышляя, кто из историков мог бы возглавить созданный в 1936 г. академический Институт истории: «Несомненно, более других подходил к руководящей роли на историческом фронте В. И. Пичета – историк-демократ, образованный славянин, репутация которого стояла высоко среди историков московской школы... Но с ним в Белоруссии что-то произошло. Говорили потом, что он был обвинен в национализме, был снят и выслан. Он уже появился на московском горизонте, но не пользовался доверием, и к нему относились как к подозрительному человеку (выделено мною – М. Ш.)» [10, с. 465].

Сам Пичета своими, порой не вписывавшимися в официальные концепции суждениями, также давал повод для формирования соответствующего отношения к себе со стороны властей. Показательным в этом смысле может быть пример с его рецензией на изданные в 1940 г. в Минске и Москве книги белорусского историка И. Ф. Лочмеля «Барацьба беларускага народа супраць інтэрвентаў (Да 20-й гадавіны вызвалення Беларусі ад белапольскіх акупантаў)» и «Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов». Предназначавшаяся для печатного органа Института истории АН СССР, журнала «Историк-марксист», рецензия была направлена в начале марта 1941 г. в ЦК КП(б)Б с просьбой «высказать свои соображения об освещении [роли] ... Кастуся

Калиновского, считая, что этот вопрос имеет не только историческое, но и политическое значение» [14, л. 171]. Дело в том, что рецензент, не разделяя реанимированного и ставшего к этому времени официальным тезиса о К. Калиновском как «вожде крестьян Белоруссии и Литвы в борьбе за национальное и социальное возрождение» считал, что Калиновский – польский революционный демократ, сторонник «независимой демократической Польши, в которую территориально должны были войти и Белоруссия с Литвой». Разумеется, рецензия с таким выводом не была опубликована, а ее автор получил очередную «черную метку» со стороны партийного руководства Беларуси в лице секретарей ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко и Т. С. Горбунова, претендовавших, кстати говоря, на роль белорусских историографов [подр. об этом см. : 22].

Несмотря на сохранявшиеся достаточно прохладные отношения Пичеты с белорусским партийным руководством, последнее, тем не менее, не могло не привлекать его в качестве эксперта при решении вопросов, связанных с установлением в ноябре 1939 г. административной границы между Белорусской ССР и Украинской ССР, судьбой вывезенного в конце октября 1939 г. из Вильны в Минск Исторического архива, статусом Гродненского исторического музея и др. [подр. об этом см. : 23].

29 сентября 1939 г. директор Института истории АН БССР академик Н. М. Никольский, которого с Пичетой связывала совместная работа в БГУ в 1920-е гг., передал ему просьбу Минского обкома партии прочитать для «партоблсекции г. Минска» лекцию на тему об исторических судьбах Западной Беларуси и Западной Украины во время очередного приезда в Минск, который планировался 5 октября. Ученый исполнил эту просьбу 16 октября [15, с. 311–312]. Однако, пребывание Пичеты в Минске в это время вызвало появление и другой информации, указывающей на продолжавший сохраняться за ним надзор со стороны республиканских органов госбезопасности. Речь идет о докладной записке наркома внутренних дел БССР Л. Ф. Цанавы на имя первого секретаря ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко от 20 декабря 1939 г., в которой говорилось, что Пичета 14 ноября 1939 г., возвратясь из Минска, в кругу своих знакомых распространял провокационные слухи, что, якобы благодаря невежеству Красной Армии при занятии Западной Белоруссии было сделано много ошибок, и привел пример: «Нагнали ненужное количество танков, а пехоту в пути задержали и, благодаря этому, бывшее польское войско обливало танки бензином, керосином и живьем сжигали танкистов» [16, с. 319]. В записке отмечались и другие высказывания Пичеты, носившие «крайне

озлобленные антисоветские настроения». Была ли реакция на этот донос? Да, и она выразилась в форме резолюции П. К. Пономаренко с поручением ознакомить с содержанием записки второго секретаря ЦК В. Н. Малина и высказать свое мнение о «кандидатуре академика Пичеты».

Насколько приводимые в записке факты могли соответствовать действительности? Для ответа на этот вопрос обратимся к записям в личном дневнике Пичеты, сделанным в 1944 году и конечно же не предназначенным для чужих глаз. В них автор высказывал мысли, во многом созвучные тем, о которых осенью 1939 года доносил Л. Ф. Цанава со слов своих информаторов. «Мы все великие молчальники – писал он. – Нам разрешено петь “аллилуйя” и “осанна”, но Боже сохрани сказать правду, сказать то, что говорят втихомолку, когда знают, что никто не донесет. Жизнь в Германии строилась на поклонении “фюреру”, а у нас – “вождю”. А, в сущности, мы ничего не знаем о кремлевском затворнике, который отгорожен плотной стеной от народных масс. Всемогущий вождь не знает [ни] народного горя, ни страданий и слез. Не видел он вырождающихся 16-летних мальчиков, слабых и низкорослых. Вероятно, от “радостной” жизни. Слепота и безумие, поддерживаемые хором воспевал, ибо положение всех этих ничтожеств зависит только от благосклонного взора сидящих за Кремлевской стеной» [19, с. 333].

14 октября 1940 г. В. И. Пичета выступил с докладом «Барацьба беларускага народа за сваё вызваленне» на выездной сессии АН БССР, которая проходила в Белостоке с 12 по 14 октября и была посвящена годовщине освобождения Западной Беларуси. Участвовавший в ее работе Народный поэт Беларуси Янка Купала, с которым Пичета был знаком с 1920-х годов, высоко оценил доклад, но в то же время упрекнул докладчика за то, что тот не вспомнил о затушевывавшейся, по его мнению, польскими историками инквизиции, особенно свирепствовавшей в Полоцке, о колонизации Беларуси татарами [13, с. 201]. Подобные замечания, но уже носившие политический характер, от не компетентных в белорусской историографии лиц Пичете пришлось выслушивать и накануне выступления с докладом на сессии АН БССР в Ташкенте в ноябре 1942 г. [подр. об этом см.: 12, с. 14].

Обратимся к неофициальным источникам, в которых нашли отражение события войны и особенно сложного его начального периода. Здесь в очередной раз отдадим дань признательности той поистине подвижнической роли жены ученого, Александре Петровне Пичета (Соборовой) (1892–1973), которую она сыграла в деле собирания,

сохранения и описания личного архива мужа. Это имеет особое значение, учитывая более чем неразборчивый почерк Владимира Ивановича, над расшифровкой которого порой безуспешно бились его корреспонденты¹. Многие рукописи Пичеты содержат надписанные карандашом, рукой Александры Петровны «расшифровки»; это же относится и к ряду писем в адрес ученого.

Одним из первых, известных нам эго-документов военного времени, является письмо бывшего в 1921–1928 гг. профессором БГУ Д. А. Жаринова (1875–1943) В. И. Пичете, датированное 12 июля 1941 г., когда адресат находился в Москве и не думал еще ни о какой эвакуации. Автор письма, живший по соседству с В. И. Пичетой на ул. Остоженка, д. 8 (адрес историка – Остоженка, д. 7), переехал в 1938 г. в Самарканд, где некоторое время работал в местном университете. Полагая, что В. И. Пичета поддерживает контакты с преподавателями БГУ, Дмитрий Алексеевич спрашивал его о Никольских, Перцевых, ректоре БГУ П. П. Савицком, передавал приглашение декана истфака Самаркандского университета на работу профессорам и преподавателям истфака БГУ, эвакуировавшимся из Минска, сообщал о начавшем работать в университете Г. М. Трухнове, закончившем в 1934 г. Минский пединститут.

С эвакуацией В. И. Пичеты осенью 1941 г. в соседний с Самаркандом Ташкент их переписка продолжилась. Последнее письмо Д. А. Жаринова, датированное 21 января 1943 г., написано за почти три недели до его смерти [опубл.: 15, с. 294–295]. Оно, равно как и письмо из Самарканда дочери Жаринова Татьяны от 10 марта 1943 г. [5, л. 1–2] и 7 писем оттуда же вдовы историка Е. А. Елисеевой за 1943–1946 гг. [4, л. 1–11], позволяют исправить допущенную автором очерка о Жаринове [11] неточность, касающуюся даты его смерти, одновременно существенным образом дополняя биографию историка. К письмам Жаринова Пичете периода войны мы еще вернемся.

О пребывании В. И. Пичеты в Ташкенте в 1941–1943 гг. свидетельствуют и весьма любопытные воспоминания сына Якуба Коласа Данилы, жившего с ученым в одном доме по адресу: ул. Пушкинская, 84. «У. І. Пічэта займаў два пакоі па суседству з намі – пишет мемуарист. – У адным жыў са сваёй жонкай Ганнай Іванаўнай² і дачкой Ксеніяй, а ў другім

¹ См. напр., письмо акад. Н. М. Никольского В. И. Пичете в Вятку от 3 июня 1932 г., в котором автор пишет: «Разбирали мы усердно Ваши иероглифы, но так и не разобрали, над чем Вы сейчас работаете» [7, л. 1]

² Мемуарист ошибается в имени отчестве второй жены ученого, которую звали Александрой Петровной.

жыла яго першая жонка, старэнькая ўжо жанчына. Некаторыя паблажліва кпілі з такой сітуацыі, але пераважная большасць бачыла ў такім учынку Пічэты акт высокародства – не кінуў у бядзе адзінокую, нямоглую жанчыну» [17, с. 331–332]. Мемуарист приводит ряд примеров бытового характера, включая и описание курьезного случая знакомства Пичеты (при посредничестве Якуба Коласа) с приехавшим в ноябре 1941 г. из Беларуси секретарем Вилейского обкома КП(б)Б И. Ф. Климовым, который был избран секретарем Ташкентского обкома (горкома) КП(б)Узбекской ССР.

Зденек Неедлы, выехавший из Москвы на второй после В. И. Пичеты день, но не доехавший до Ташкента, поскольку был задержан руководителем Совинформбюро С. А. Лозовским в Куйбышеве, куда, как известно, было эвакуировано Правительство Союза ССР, информирует 13 ноября 1941 г. коллегу по академическому Институту истории о своем положении и предлагает ему написать ряд статей по истории чешского народа, истории Словакии и др. для готовящегося сборника [6, л. 1]. Речь шла, вероятно, о сборнике «Вековая борьба западных и южных славян против германской агрессии», который выйдет под редакцией Неедлы в 1944 г. и в котором будут опубликованы четыре статьи Владимира Ивановича о борьбе русского народа, западных славян, Чехии и Польши против германской агрессии. Его в начале 1943 г. просматривал вернувшийся из Ашхабада в Москву М. Н. Тихомиров, оценив как «хороший и ценный сборник», о чем он сообщал В. И. Пичете 25 февраля 1943 г. [15, с. 387]

16 ноября 1941 г. директор Института истории академик Б. Д. Греков информировал В. И. Пичету, что Институт направляют в Алма-Ату, но он хотел бы быть в Ташкенте. В этой связи он просил адресата сообщить о жилищных условиях в Ташкенте и в случае благоприятного ответа (его устроит комната в 12 метров на троих) он прибыл бы в Ташкент [15, с. 267].

18 ноября 1941 г., едва добравшись до Ашхабада, М. Н. Тихомиров высылает Пичете в Ташкент открытку, а вслед за ней 6 декабря 1941 г. и письмо, в котором спрашивает о судьбе коллег по академическому Институту, оказавшихся в Казани, Ташкенте. «Напишите, дорогой Владимир Иванович, – завершает он письмо, – а то так грустно на душе, что мы уехали из Москвы. При сем хотел приложить свое творчество в стиле XVII века, но не послал» [15, с. 369].

25 декабря 1941 г. Пичета сообщает Тихомирову о получении письма; «а открытка, – пишет он, – видимо не дошла». Он сожалеет, что адресат не попал в Ташкент, но надеется, что с помощью писем они будут

поддерживать связь, «которая бодрит и дает силы преодолевать настоящее». Письмо проникнуто нотками грусти, усугубляемыми не только слухами о тяжелом положении на фронте, но и плохим самочувствием (опухла нога, не может ходить): «13 октября мне исполнилось 63 года. Видите, я почти старик» [3, л. 1 об.]. Тем не менее Пичета надеется на скорое возвращение в Москву, не позднее марта 1942 г., хотя и понимает, что это будет не так легко сделать.

М. Н. Тихомиров как может успокаивает своего старшего товарища, неизменно подчеркивая не только его научные заслуги, но и заслуги его верной спутницы, жены, в деле обеспечения более или менее пристойного быта мужа, а также помощи и другим эвакуированным ученым и их семьям: «Привет Александре Петровне; вот и в Ташкенте она, вероятно, хлопочет о всех странствующих и путешествующих, недугующих и плененных» [15, с. 370]. 8 марта 1942 г. он направляет лично ей письмо, в котором пытается подбодрить супругов, в том числе и с помощью бытующего среди студентов юмора: «Вместо слова пообедали студенты говорят “насупились”; человека же, отпускающего супы, они называют “супостатом”, а свой обед “большим супом” в честь известного фильма» [15, с. 375]. Тихомиров сообщает, что много работает, бывает в местном архиве, где помогает консультациями. Эта информация заслуживает особого внимания, поскольку она касается знакомства будущего академика с будущим руководителем архивной службы Беларуси А. И. Азаровым.

В воспоминаниях М. Н. Тихомирова читаем: «Тогда я работал в Ашхабадском архиве, которым заведовал мой ученик Абрам Игнатьевич Азаров. Время было очень тяжелое, и весной в 1942 году есть в Ашхабаде было почти нечего, а пайков тогда не давали. Желая помочь моему тяжелому положению, а заодно и извлечь некоторую выгоду для архива, А. И. пригласил меня описывать дела канцелярии начальника Закаспийской области, что я и делал с большим удовольствием. Попутно я собирал архивный материал о походе Скобелева и о присоединении Мерва, а также о Закаспийской области до 1890 г.» [2, с. 294–295].

27 сентября 1955 г. М. Н. Тихомиров писал в дневнике: «В 4 ч. защита [в МГИАИ] диссертации Азарова. Абрам Игнатьевич защитил и получил единогласие. Сейчас ему 49 лет. Он полный и уже седоватый мужчина. Познакомились мы с ним в Ашхабаде. Я был приглашен им описывать архив Закаспийской области, и он мне давал завтрак учреждений НКВД: тарелку супу, яйцо или 2 яйца, 2 куска сахара. И я ему, доброй душе, по гроб жизни благодарен. Ведь тогда, первые месяцы, до пайка, этот завтрак был

то же, что кружка воды в знойной пустыне. Теперь я ему как бы отплатил. Он меня благодарит, а я поминаю старые слова благодарности» [2, с. 408].

Содействие попавшим в еще худшую, нежели они, ситуацию, оказывала не только Александра Петровна, о чем писал Тихомиров, но и сам Владимир Иванович. Подтверждением тому может служить письмо ему от находившегося в административной ссылке в кишлаке Пахта-Арал Чимкентской обл. Д. И. Довгялло. Автор письма был знаком с адресатом еще по Витебску 1880-х гг., в котором Дмитрий Иванович учился в местной духовной семинарии (ректором ее был отец В. И. Пичеты). С созданием БГУ Довгялло был приглашен Пичетой на работу в университет. В 1937 г. его арестовали по надуманному обвинению в принадлежности к «Саюзу вызвалення Беларусі», через год, как в свое время и В. И. Пичету, отправили в пятилетнюю административную ссылку. «Дорогой и глубокоуважаемый Владимир Иванович, – пишет 26 ноября 1941 г. пахта-аральский ссыльнопоселенец. – Сегодня я получил от Вас почтовый перевод на двадцать червонцев. Крепко обнимаю Вас и сердечно благодарю за это большое подкрепление и Ваше участие и память, тем более – при настоящем Вашем собственном тяжелом материальном положении, когда Вы очутились сами в незавидной доле эвакуированного из пышной столицы СССР в Ташкент» [15, с. 269].

В связи с этим письмом нельзя не отметить не только проявления акта милосердия и гуманизма со стороны Владимира Ивановича, но и его гражданской позиции: ведь переписка с административным поселенцем, да еще в условиях строгой военной цензуры, могла самым негативным образом повлиять на судьбу ученого. И тем не менее он не убоился этого, морально и материально поддержав старого товарища.

С просьбой о высылке денег к В. И. Пичете обращается 22 марта 1942 г. и археолог К. М. Поликарпович, оказавшийся, как пишет он, в казахстанском городе Балхаше «в очень тяжелом материальном положении». Пичета исполнил и эту просьбу, подтверждением чему является приложенная к письму Поликарповича квитанция о высылке ему 300 руб. [17, с. 188–189].

Белорусский след в переписке В. И. Пичеты наиболее четко прослеживается с 1942 г., когда более или менее улеглась «эвакуационная лихорадка». В Ташкенте концентрируются основные научные силы Беларуси – академики АН БССР; среди эвакуированных из Беларуси ходят слухи, что сюда будет переведен и БГУ [8, с. 145]. По данным И. Ф. Климова, на начало февраля 1942 г. 10 белорусских академиков под

руководством вице-президента С. М. Липатова приступили к работе. В Ташкент предполагалось «стянуть» еще 5 членов Академии, которые «отыскались в разных городах Сибири» [8, с. 37].

12–13 марта 1942 г. в Казани состоялась сессия АН БССР, на которую, правда, В. И. Пичета, как и многие его коллеги, не смог приехать. 12 июня 1942 г. СНК БССР принял постановление о восстановлении БГУ в составе филологического, исторического и географического факультетов с временным его размещением «в одном из учебных заведений областей РСФСР» [8, с. 126]¹.

29 ноября 1942 г. уже в Ташкенте начала свою работу очередная сессия АН БССР, на которой с докладом «Белорусский народ среди славянских народов» выступил В. И. Пичета. Правда, ему предшествовала носившая характер цензуры процедура, инициированная прибывшей в Ташкент из Москвы делегацией под руководством зам. председателя СНК БССР И. Ф. Волошина, о чем последний сообщал председателю СНК 14 декабря 1942 г.: «...было предложено просмотреть на заседании президиума тезисы доклада академика Пичеты – “Белорусский народ среди славянских народов”, так как в этих тезисах имели место отдельные политические ошибки» [подр. об этом см.: 23, с. 41].

Успехи Красной Армии весной 1942 г. породили у эвакуированных, в том числе и у В. И. Пичеты, надежду на то, что 1942 год станет победным, что враг будет разбит и изгнан из пределов страны. Об этом, в частности, шла речь в письме уже упоминавшегося Д. А. Жаринова от 11 марта 1942 г. «Очень рад, дорогой Владимир Иванович, – писал он, – что Ваше настроение... все крепнет, что перед Вами уже рисуются светлые перспективы. В частности, насчет Белоруссии. Т. Сталин сказал, что наступило то время, когда мы выгоним фашистское отродье со всей нашей территории, а до сих пор не было случая, чтобы слово т. Сталина не сбывалось. Знаменателен и созыв сессии БАН. Но если и возродится Белоруссия, и возродится ее славный университет, то Вы, конечно, возглавите его работу, а я ..., боюсь, что у меня не хватит сил удовлетворить тем несомненно высоким требованиям, которые предъявит своим работникам возрожденный университет» [15, с. 286].

Отсутствие ответного письма В. И. Пичеты (а оно было, судя по сохранившемуся письму Д. А. Жаринова от 19 апреля 1942 г.) не дает возможности выяснить реакцию Владимира Ивановича на предположение

¹ Как известно, это решение не было реализовано. Только 15 мая 1943 г. СНК СССР принял распоряжение о восстановлении работы БГУ с 1943/44 учебного года.

Дмитрия Алексеевича в части возможного его ректорства. Вероятно, В. И. Пичета не считал возможным комментировать его, ибо в письме коллеги нет ничего на этот счет. Из него следует, что В. И. Пичета сообщил адресату о гибели в Минске семьи Н. М. Никольского (что, как известно, не соответствовало действительности), о пропавшем без вести в Минске С. Я. Вольфсоне, умершем в Москве Д. Н. Ушакове. В следующем письме от 16 мая 1942 г., являвшемся ответом на открытку Пичеты с известием о смерти Никольского, Жаринов, правда, возвращается к университетской теме. «Где находится в настоящее время Белорусский университет? – спрашивает он. – Вы, кажется, писали, что и он где-то в Средней Азии. Как идут его дела, в какой обстановке он работает? Нет ли там необходимости в преподавателе методики истории и нельзя ли как-нибудь мне продвинуть свою кандидатуру по этой дисциплине?» [15, с. 292].

В ставшем последним, написанном 21 января 1943 г. письме, Д. А. Жаринов, чувствуя приближение смерти, сообщает: «Дорогой друг, Владимир Иванович! Простите меня, умирающего старика, который не нынче-завтра и совершенно выйдет из строя... Радуют, и как-то посылают мне все-таки невероятную бодрость и утешения наши успехи на фронте. Наша Отечественная война – попросту блестящая страница в истории XX в., да, думаю, и на все времена. Если б дожить до конца войны! Может быть, тогда бы и поправился и еще мог бы внести что-нибудь в дорогую для меня современную советскую науку. Жму Вашу руку. Привет Вам, Александре Петровне и Ксении. Неужели же я пишу Вам последнее письмо? В сущности, я никак не могу смириться с этим» [15, с. 295].

10 марта 1943 г. дочь Жаринова Татьяна, в семье которой историк жил в Самарканде, благодарит Владимира Ивановича за письмо и сочувствие «нашему общему горю». «Нет больше папы, – пишет она, – я до сих пор не могу привыкнуть к этому, несмотря на то, что прошел уже месяц» [5, л. 1–2]. Она сообщает, что у отца остались кое-какие начатые и незаконченные работы, о которых В. И. Пичете писала вдова Жаринова – Е. А. Елисеева [см. сн. 4, л. 1–11]. Последняя, по словам дочери, не соглашается передать бумаги в Самаркандский пединститут, который хотел их забрать, и поэтому Татьяна просила Владимира Ивановича написать, как быть с архивом умершего отца¹.

¹ К сожалению, наши попытки разыскать следы архива Д. А. Жаринова пока что не увенчались успехом. Коллеги из Госархива Самаркандской обл., куда мы обращались с запросом о возможном нахождении в фонде местного пединститута (университета) бумаг белорусского историка, не откликнулись на него.

Об участии В. И. Пичеты в работе АН БССР свидетельствует ряд источников. в том числе и личного происхождения. Так, 3 декабря 1942 г. он направляет секретарю ЦК КП(б)Б по пропаганде Т. С. Горбунову письмо с предложением напечатать в журнале «Славяне» статью, в основу которого он намерен положить свой доклад на только что состоявшейся сессии АН БССР. «Считаю долгом Вас уведомить, – пишет он, – что я по указанию ЦК БССР [sic! – Авт.] выполню любую работу по истории белорусского досоветского периода» [18, с. 335]. Владимир Иванович сообщает об авторстве завершеного еще в 1940 г. 1-го тома «Истории Белоруссии», основная часть которого написана им. Им же было написано и предисловие к тому, которое, по его словам, «куда-то исчезло». Ученый высказывает свои соображения о необходимости внести в книгу с учетом современных событий ряд изменений. Суть их сводится к следующим: усилить первоначальную общность славян; поставить борьбу с германцами в связь с общеславянской борьбой русского народа; показать, что Беларусь является авангардом русского народа в борьбе против интервентов; ослабить антипольский характер освещения событий XVI–XVIII вв.; отметить более значительную борьбу за православие как борьбу за народность, культуру, язык; усилить освещение культурных связей России и Беларуси; отчетливее подчеркнуть, что Киевская Русь продолжала свое политическое развитие в составе Великого княжества Литовского.

К письму В. И. Пичета прилагал проект 32 брошюр объемом 2 печ. листа каждая (исключение составила значившаяся в списке под 19-м номером брошюра «Основные моменты в истории белорусского народа», на которую автор отводил 4 печ. листа), которые, по его словам, могли быть написаны немедленно, основываясь на уже имевшейся большой работе о немецкой агрессии. Брошюры были сгруппированы в три тематических раздела: 1. Братство белорусского и русского народов; 2. Культурное прошлое Белоруссии; 3. Героическое прошлое белорусского народа.

Однако, как нетрудно догадаться, предложения В. И. Пичеты и в части журнальной статьи и подготовки брошюр не были приняты Горбуновым. 26 декабря 1942 г. последний пишет Якубу Коласу, благодарит за доклад на ноябрьской сессии АН БССР и предлагает написать для журнала «Славяне» статью на тему «Вековая дружба белорусского и русского народов». Одновременно секретарь ЦК КП(б)Б информирует Якуба Коласа о том, что группой сотрудников Академии наук написан 1-й том «Истории Белоруссии» объемом около полутора тысяч страниц. «Читали ли Вы эту работу? – спрашивает он писателя, – Один экземпляр ее находится у

академика Пичета или же у Шемпеля. Свои замечания по этой работе я высказал в письме к академику Пичета. (выделено мною. – Авт.). Просил бы Вас ознакомиться с этой работой» [17, с. 337].

12 мая 1943 г. накануне реэвакуации В. И. Пичеты в Москву он направил в президиум АН БССР письмо, являвшееся ответом на полученное им оттуда отношение от 27 апреля, из которого ученый узнал, что тема «История Белоруссии 1861–1914 гг.», над которой он по договоренности с президентом К. В. Горевым в начале 1943 г. работал почти полгода, передается под руководство Якуба Коласа. Он считает недопустимым и вредным такое решение. Как акт проявления невнимания к себе прокомментировал он лишение его лаборанта. «При таком отношении к себе, – отмечал он, – я предпочту совсем уйти из Академии... Что же касается тома 1 «Истории Белоруссии», то довожу до сведения Президиума, что я никому не позволю использовать мой труд. Я принимаю во внимание все политические замечания, но в научном отношении я являюсь специалистом по истории БССР и считаю других лиц мало компетентными. Поэтому я не нуждаюсь в чьей бы то ни было редакции» [17, с. 338–339].

Письмо В. И. Пичеты вызвало появление 27 августа 1943 г. докладной записки Т. С. Горбунова на имя П. К. Пономаренко, в которой секретарь по пропаганде припомнил ученому его рецензию на книги И. Ф. Лочмеля, попутно приписав ему и то, что Владимир Иванович не совершал. Ничтоже сумняшеся Горбунов обвинил историка в недобросовестности, проявившуюся, по его мнению, в приписывании себе текстов 1-го тома «Истории Белоруссии», написанных находившимися на фронте или погибшими авторами. «Это политически компрометирует Пичету, – писал он, – и поэтому мы не предлагаем его кандидатуру в число авторов для написания истории Белоруссии» [17, с. 341].

Обстоятельный разбор и анализ ситуации, связанной с участием В. И. Пичеты в написании трехтомной и однотомной «Истории БССР» содержится в статье современных белорусских историков, к которой мы и отсылаем читателей [12, с. 11–18].

Разносторонняя научно-педагогическая, пропагандистская, организаторская деятельность В. И. Пичеты, которую он особенно активно вел в годы войны, была отмечена Почетной грамотой Военного совета Среднеазиатского военного округа и Центрального союза деятелей высшей школы. В 1945 г. ученый был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1946 г. – медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.». Ученый оставил огромное научное

наследие, в том числе и созданное накануне и в годы войны. Значительная его часть, до сих пор не ставшая достоянием научной общественности, хранится как в составе личного архивного фонда ученого в российском академическом архиве, так и в хранилищах Беларуси и ждет своего исследователя. И помочь в освоении этого бесценного наследия призваны эго-документы ученого.

Библиографические ссылки

1. Академик В. И. Пичета. Страницы жизни. Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1981. С. 41–44.
2. Академик М. Н. Тихомиров: Воспоминания. Дневники. Переписка с учениками. М.; СПб.: Нестор-История, 2022.
3. АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 477.
4. АРАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 86.
5. АРАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 88.
6. АРАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 148.
7. АРАН. Ф. 1548. Оп. 3. Д. 151.
8. Белорусы в советском тылу. Вып. 1. Июль 1941 г. –1942. Минск: НАРБ, 2010.
9. Белорусы в советском тылу. Вып. 2 1943–1944. Минск: НАРБ, 2010.
10. Греков Б. Д. Письма (1905–1952 гг.). М.: Памятники исторической мысли, 2019.
11. Петаченко Г. А. Дмитрий Алексеевич Жаринов (??. 1875 – 09.02.1942) // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941). Минск: БГУ, 2017. С. 264–269.
12. Кузьменка У. І., Скалабан В. У. Акадэмік У. І. Пічэта: выпрабаванне лёсам // Беларускі гістарычны часопіс. 2003. № 6. С.11–18.
13. Купала Я. Поўны збор твораў. У 9 т. Т. 8. Артыкулы, нататкі, выступленні. Калектыўныя творы. Мінск: Маст. літ., 2002.
14. НАРБ. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 15598. Л. 171.
15. Неизвестный В. И. Пичета. Минск: БГУ, 2021.
16. НКВД в Западной Беларуси: сентябрь–декабрь 1939 г.: документы и материалы. Минск; М.: Фонд «Историческая память», 2019 .
17. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта. Мінск: БДУ, 2011.
18. Переписка Н. М. и Е. И. Дружининых с историками, литературоведами, писателями. М.: Памятники исторической мысли, 2018.
19. Пичета В. И. Дневниковые записи. 1944–1946 гг. (подг. Л. И. Уткина) // Российские и славянские исследования. Вып. 4. Минск: БГУ, 2009. С. 333–337.
20. Руколь Б. М. Переписка М. Н. Тихомирова с В. И. Пичетой (1941–1943 гг.) // Археографический ежегодник за 1982 год. М.: Наука, 1983. С. 224–232.
21. Улашчык М. Выбранае. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001.
22. Шумейко М. Ф. Владимир Иванович Пичета о К. Калиновском: неопубликованная рецензия ученого // Российские и славянские исследования. Вып. VIII. Минск: БГУ, 2013. С. 215–222.
23. Шумейко М. Ф. Научно-педагогическая и общественная деятельность В. И. Пичеты накануне и в годы Великой Отечественной войны // Пичетовские чтения-2020: войны в истории человечества. К 75-летию Победы над фашизмом. Минск: БГУ, 2020. С. 33–45.

**ОТ ТИТУЛЯРНОГО СОВЕТНИКА ДО СОВЕТСКОГО
УПРАВЛЕНЦА: КАРЬЕРА
ЛЬВА ГЕОРГИЕВИЧА СИДЛЯРЕВСКОГО,
УПРАВЛЯЮЩЕГО ДЕЛАМИ БЕЛОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1922-1924 ГГ.**

А. М. Белявский¹⁾, И. А. Вишнеvский²⁾, А. С. Шапко³⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, bialiauski@bsu.by*

*²⁾ Национальный архив Республики Беларусь,
пр. Независимости 116, 220114, г. Минск, Беларусь, vishnevskiy_il@mail.ru*

*³⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 9681277.98@mail.ru*

В статье рассматривается профессиональный путь одного из ведущих сотрудников канцелярии Белорусского государственного университета Л. Г. Сидляревского, приводятся биографические сведения о нем как личности и профессионале. Исследовательская работа по обнаружению данных о Л. Г. Сидляревском основана на документах и материалах Национального архива Республики Беларусь. Статья позволяет увидеть реальные условия, в которых создавалось и велось делопроизводство в период основания Белорусского государственного университета, в частности подготовленность сотрудников в соответствующих отделах к возложенной на них работе.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; Лев Георгиевич Сидляревский; биография; делопроизводство; канцелярия; архивные документы; документы Национального архива Республики Беларусь; история университета, канцелярия БГУ.

**FROM TITULAR COUNSELOR TO SOVIET MANAGER:
THE CAREER OF LEV GEORGIEVICH SIDLYAREVSKY,
ADMINISTRATOR
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN 1922-1924**

M. Bialiauski^{a)}, I. A. Vishnevsky^{b)}, A. S. Shapko^{c)}

*a) Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, bialiauski@icloud.com*

*b) National Archives of the Republic of Belarus, 116 Independence Ave., 220114, Minsk,
Belarus, vishnevskiy_il@mail.ru*

*c) Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, 9681277.98@mail.ru*

The article discusses the professional path of one of the leading employees of the Office of the Belarusian State University L. G. Sidlyarevsky, provides biographical information about him as a person and a professional. The research work on the discovery of data about L. G. Sidlyarevsky is based on documents and materials from the National Archives of the Republic of Belarus. The article allows you to see the real conditions in which office work was created

and carried out during the founding of the Belarusian State University, in particular, the preparedness of employees in the relevant departments for the work assigned to them.

Keywords: Belarusian State University; Lev Georgievich Sidlyarevsky; biography; office work; office; archival documents; documents of the National Archives of the Republic of Belarus; history of the university; records division of BSU.

Внимание и уважение, с которым, как известно, в Белорусском государственном университете относятся к истории *alma mater*, позволило сохранить, а в ряде случаев восстановить биографии многих выдающихся сотрудников университета, особенно из числа руководящего и профессорско-преподавательского состава. Их роли в истории университета посвящены фундаментальные сборники [1; 2; 3]. Также, помимо выдающихся ученых, в становление и развитие ведущего высшего учебного заведения Республики Беларусь свой посильный вклад внесли работники вспомогательных подразделений, усилиями которых обеспечивалась плодотворная научно-образовательная деятельность вуза, что подтверждается их эпизодическим появлением на страницах указанных выше изданий. О некоторых из них не сохранилось никакой или почти никакой информации, но в других случаях архивные документы оставили нам возможность взглянуть на жизненные пути как бы обычных людей, но очевидно органично связанных с историей первого университета Беларуси. Одни из них отличаются удивительной прямоотой и «безсобытийностью», другие же, напротив, невероятно извилисты и насыщены движением. К незаметным и незаменимым сферам деятельности, по которым пролегали подобные пути, относится делопроизводство, справедливо уподобляемое кровеносной системе любой организации.

В Национальном архиве Республики Беларусь есть сведения о некоторых специалистах канцелярского профиля, стоявших буквально у истоков Белорусского государственного университета, тесно знакомых с В. И. Пичетой и другими важнейшими фигурами его ранней истории. Биография одного из них, управляющего делами БГУ Д. И. Серко, уже становилась объектом отдельной публикации [4] и может служить идеальным примером первого из упомянутых путей. Полной противоположностью был его предшественник, Лев Георгиевич Сидляревский. Перипетий жизни этого человека (пусть и не драматических, но тем и важных для истории повседневности университета), с лихвой хватило бы поделиться с преемником. На Л. Г. Сидляревского были возложены важные организационно-управленческие функции всего университета, которые весьма затруднительно было реализовывать в самом начале деятельности БГУ. Тем не менее, его богатый профессиональный

опыт и соответствующее образование позволили задать работе с документами необходимый темп, установить направления ее развития.

Лев Георгиевич Сидляревский родился 23 января 1877 г. в семье волостного писаря [5] в селе Гребёнка Игуменского уезда Минской губернии¹ [7]. Первоначальное образование он получил в Смиловичском народном училище, среднее – в Минской классической гимназии (1897) [6]. В 1903 г. Лев Георгиевич окончил юридический факультет Московского университета [7]. Во время обучения дважды был выслан из Москвы за участие в студенческих волнениях [5]. После получения высшего образования был зачислен в кандидаты на судебные должности при Московском окружном Суде и до декабря 1918 г. работал на следующих должностях судебного ведомства: судебный следователь, кандидат на судебную должность, товарищ прокурора и член окружного суда [8]. В частности, в 1910 г. он, в чине титулярного советника, числился товарищем прокурора в Уфимском окружном суде [9, с. 192]. До Октябрьской революции чин титулярного советника для 40-летнего чиновника-разночинца фактически означал потолок служебной карьеры, человеку недворянского происхождения в Российской империи подняться выше было почти нереально. Однако, не таков был Лев Георгиевич. Судя по его многочисленным перемещениям по должностям и регионам государства, в которых – как складывается впечатление от изучения его анкет и личных дел – он сам зачастую путался впоследствии, это был человек неумеренной энергии и предприимчивости, неутомимо искавший возможности для применения своих талантов (или реализации жизненных амбиций). Политики он также не чуждался и состоял в партии кадетов – с 1914 [10] или 1916 г. [5]. В июле 1917 г. был избран гласным Могилевской городской думы по списку от партии кадетов [5]. С июня 1917 г. по август 1918 г. занимал должности председателя Могилевского городского продовольственного комитета, Могилевского губернского продовольственного комитета и управы, Могилевского губернского комитета Всероссийского земского союза [11].

После октября 1917 г. человек с подобной биографией не только избежал «революционной кары», но в уже весьма зрелом, по меркам тех лет, возрасте не затерялся в вихре новых событий и продолжил еще активнее развивать карьеру. Хитросплетения его жизни советского периода вполне достойны не только научного исследования, но и пера литератора – Лев

¹ Документы по селу сохранились в метрических книгах церквей, которые хранятся в Национальном историческом архиве Беларуси в фонде 136.

Георгиевич, несомненно, мог бы занять достойное место на страницах романа об этом времени, в одной своей биографии вместив многие его коллизии. Так, Сидляровский состоял на разных должностях Белорусском центральном союзе потребительских обществ, Народном комиссариате Рабоче-крестьянской инспекции, Совете народного хозяйства и Народном комиссариате земледелия [12]. Во время польской оккупации был членом Минского окружного суда [10].

Помимо «бумажной работы» Л. Г. Сидляревский, похоже, имел склонность к преподавательской деятельности, и здесь он также нашел способ реализовать свои знания и опыт. Так, в 1919 г. он преподавал уголовное право и уголовный процесс на образованных в Минске временных юридических курсах. Затем, в 1920 г. Лев Георгиевич уже пробовал себя в роли учителя в средних школах Минска [6]. Бюрократическую стезю он также не оставлял. Согласно спискам Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) БССР, в 1920 г. он занимал должности заведующего промышленно-техническим отделом, затем старшего контролера [13; 14; 15; 16; 17; 18]. Так как не во всех документах представлены даты составления списков сотрудников РКИ, сложно отследить более точные хронологические рамки профессионального пути Сидляревского в инспекции.

Тем не менее, из личной карточки сотрудника Наркомпроса и собственного резюме Льва Георгиевича видно, что с 15 сентября 1921 г. он уже был принят в народный комиссариат просвещения БССР заведующим административно-организационным управлением и юрисконсультom [6; 7]. При этом он параллельно занимал дополнительные должности: в Минском институте народного образования (ИНО) заведовал библиотекой с 18 сентября 1921 г. по избранию совета ИНО, а еще ранее, с первого февраля 1921 г., работал преподавателем политической экономики в пятой советской школе второй ступени [7]. С 1 декабря 1921 г. по 1 августа 1923 г. Л. Г. Сидляревский состоял заведывающим Белорусским отделом Государственной университетской библиотеки [20]. Буквально через пару месяцев после принятия руководящего поста в библиотеке он получил еще одно место работы. Согласно выписке протокола заседания № 1 Правления БГУ от 31 января 1922 г.: заслушивался вопрос о приглашении управляющего делами университета. Было решено просить на эту должность Л. Г. Сидляревского, а «Метлина [предыдущего управделами] освободить от всякого рода обязанностей по университету согласно его заявления» [21].

Одновременно занимать такое количество должностей даже такому энергичному совслужащему оказалось не под силу. В соответствии с постановлением Конфликтной комиссии от 21 марта 1922 г. Л. Г. Сидляревского освободили от должности заведующего библиотекой педагогического техникума (образован на базе Минского института народного образования) ввиду перегруженности в других учреждениях, в результате чего он был переведен в университет с 22 марта 1922 г.¹ [22]. Впрочем, и там он не остался без дополнительной нагрузки. Лев Георгиевич был назначен управляющим делами БГУ², но в связи с нехваткой средств штатов в университете, на него были возложены обязанности секретаря Правления, секретаря совета и юрисконсульта университета. Кроме того, с февраля 1922 г. он состоял членом коллегии правозащитников в наркомате юстиции БССР [6]. В начале 1920-х гг. Лев Георгиевич также являлся членом Научного общества при Белорусском государственном университете и Минского общества истории и древностей. Кстати, среди почетных членов последнего общества отмечены Е. Ф. Карский, В. И. Пичета и Ф. Ф. Турук [23].

Между тем, обязанности управляющего делами сами по себе были достаточно многочисленными. По протоколу заседания Правления БГУ от 04.05.1922 (п. 14.) было установлено, что «в круг деятельности Управляющего Делами входит не только заведывание канцелярией университета, но и фактическое управление административным и хозяйственным органами университета, в силу чего в его непосредственном ведении находятся: общий, хозяйственный, финансово-счетный отделы со всеми подведомственными последним органами, учреждениями и должностными лицами» [24]. Также было решено поручить управляющему делами Л. Г. Сидляревскому выработать положение об управлении делами БГУ – органа административно-хозяйственного управления.

Сохранилось и несколько документов, из которых видно, как новый управделами решал поставленные перед ним задачи. Так, протокол Правления БГУ от 27.10.1922 (п. 12) содержит «Докладную записку Сидляревского – управляющего делами», в которой ставился вопрос об увеличении существующих штатов общего отдела БГУ должностями помощника секретаря по студенческим делам и второй машинистки. В

¹ В личном деле Л. Г. Сидляревского (НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 24) сказано о переводе его в университет с февраля 1922 г.

² В соответствии с приказом №7 ректора БГУ от 05.04.1922. во изменение приказа № 1 от 01.03.1922 список административно-технического персонала, Сидляревского Л. Г. приняли на должность управляющего делами с 1 марта 1922 г. (НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 45. Л. 6.)

результате на первую должность назначили Лидию Ивановну Карп с 01.10.1922, а на вторую – Екатерину Александровну Крыжановскую с 15.10.1922 [25].

Однако, можно предположить, что у советской власти (либо у бдительных советских граждан) все же оставались кое-какие вопросы к Льву Георгиевичу, несмотря на его столь широкую вовлеченность в деятельность госорганов, образовательных учреждений и общественных организаций. А, может быть, именно поэтому. Возможно, сказывались как раз «изъяны» в дореволюционной биографии. В 1923 г. в канцелярию БГУ поступил документ, в котором комиссия по чистке и проверке личного состава университета просила выявить т. Рощенко личные дела на некоторых сотрудников БГУ, среди которых также были Л. Г. Сидляревский, Д. И. Серко, И. О. Урман и др. [26]. Впрочем, Льву Георгиевичу, похоже, удалось избежать проблем. Во всяком случае, судя по сохранившимся документам, драматических последствий для него этот запрос не имел. Зато сами документы, созданные в процессе разбирательства, содержат немало ценной для нас информации о деятельном чиновнике, которую он не спешил афишировать.

Интересен и тот факт, что судебный опыт, накопленный выдавшим виды администратором еще до революции, был востребован в университете. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы: например, удостоверение, выданное управляющему делами Л. Г. Сидляревскому, в котором его уполномочили на ведение судебных дел от имени Правления университета в народном суде первого участка г. Минска по соответствующим вопросам [27].

Л. Г. Сидляревский уделял внимание и научной деятельности, о чем он сам же и сообщал в автобиографии: будучи на службе в совнархозе, интересовался состоянием народного хозяйства БССР. По этому вопросу Лев Георгиевич даже написал статью, сопровождая ее иллюстрирующими таблицами для полной наглядности. Краткий труд начинающего исследователя-любителя был напечатан в № 1 Вестника Народного хозяйства БССР в 1921 г. [6]. К концу 1923 г. управделами решил, похоже, совсем переключиться на преподавательскую работу. Были собраны все необходимые документы¹ в Главпрофобр РСФСР с просьбой утвердить его в должности ассистента по кафедре уголовного права и процесса

¹ Среди документов сохранились: выписка из протокола заседания деканата ФОНа (НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 26); выписка из протокола заседания Правления БГУ (НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 27); письмо народному комиссару юстиции А. Х. Гетнеру (НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 28).

факультета общественных наук БГУ [20]. В результате, согласно протоколу № 4 заседания коллегии народного комиссариата просвещения БССР от 14 ноября 1924 г., постановили утвердить Л. Г. Сидляревского ассистентом по кафедре [29].

Тем временем, 30 сентября 1924 г., Лев Георгиевич написал заявление в Правление БГУ с просьбой освободить его от обязанностей управляющего делами и секретаря Правления университета. На заседании Правления было принято решение разрешить ему сложить полномочия, но с условием временного выполнения обязанностей по этим должностям до момента поиска подходящей замены [30]. Наконец, с 10 октября 1924 г. управляющим делами (секретарем Совета БГУ и юрисконсультантом) вместо Л. Г. Сидляревского был назначен Д. И. Серко. После увольнения с должности управляющего делами БГУ Лев Георгиевич продолжил свою преподавательскую деятельность в качестве ассистента по кафедре уголовного права и процесса факультета общественных наук БГУ [31; 32].

Информацию о судьбе Льва Георгиевича Сидляревского после 1924 г. к настоящему моменту выявить не удалось. Провел ли он остаток жизни рядовым преподавателем юридических дисциплин? Или непролетарское происхождение и членство в партии кадетов все же «аукнулись» ему самым трагическим образом? Пока неизвестно, но есть основания рассчитывать на то, что это возможно будет узнать, обратившись к документам не только НАРБ, но и других архивов, что должно стать темой дальнейших наших исследований в данном направлении.

Библиографические ссылки

1. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 / склад. С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск: БДУ, 2006.
2. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования. Кн. 1–5. Мінск: БГУ, 2017–2021.
3. Неизвестный В. И. Пичета / сост.: М. Ф. Шумейко, В. В. Яновская, О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2021.
4. Шапко А. С. Делопроизводство БГУ в лицах: Серко Дмитрий Иванович // Вестник Брест. ун-та. Серия 2. История. Экономика. Право. 2023 г. № 1. С. 40–45.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 205. Оп. 1. Д. 104. Л. 19.
6. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 24.
7. НАРБ. Ф. 42. Оп. 3. Д. 2195. Л. 1.
8. НАРБ. Ф. 221. Оп. 1. Д. 36. Л. 33
9. Мавлетбердин И. М. Прокуратура Башкирии в пореформенный период 1864–1917 годов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России 2012. № 18. С. 191–194.
10. НАРБ Ф. 48. Оп. 1. Д. 46. Л. 179.

11. НАРБ. Ф. 221. Оп. 2. Д. 36. Л. 36.
12. НАРБ. Ф. 221. Оп. 1. Д. 36. Л. 33.
13. НАРБ. Ф. 101. Оп. 3. Д. 25. Л. 57.
14. НАРБ. Ф. 101. Оп. 3. Д. 25. Л. 62.
15. НАРБ. Ф. 101. Оп. 3. Д. 25. Л. 68.
16. НАРБ. Ф. 101. Оп. 3. Д. 25. Л. 74.
17. НАРБ. Ф. 101. Оп. 3. Д. 25. Л. 78.
18. НАРБ. Ф. 101. Оп. 3. Д. 25. Л. 81.
19. НАРБ. Ф. 42. Оп. 3. Д. 2195. Л. 2.
20. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 15.
21. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 4.
22. НАРБ. Ф. 42. Оп. 3. Д. 2195. Л. 3.
23. НАРБ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 170. Л. 4.
24. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 38. Л. 19.
25. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 38. Л. 73.
26. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 103. Л. 33.
27. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 17.
28. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 25.
29. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 30.
30. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 7509. Л. 35.
31. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 144. Л. 38.
32. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 144. Л. 41.

MEMORY STUDIAS И ПОКОЛЕНИЯ XX ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Н. Р. Беляева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, beljaevanr@mail.ru*

В статье рассматриваются современные тенденции в европейской историографии, которые посвящены memory studies и поколенческой истории. На конкретных примерах рассматриваются аспекты жизни и деятельности различных поколений XX в. Сделан вывод о том, что передача памяти о прошлом – это не только процесс отбора фактов. Важнейшим элементом является традиция, трансляция поколенческого опыта.

Ключевые слова: историческая память; персональная история; социальная память; поколенческая истории; memory studies; пространство культуры.

MEMORY STUDIES AND GENERATIONS OF THE TWENTIETH CENTURY IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY

N. Belaeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
beljaevanr@mail.ru*

The article examines the current trends in European historiography, which are devoted to memory studies and generational history. The aspects of life and activity of various generations of the twentieth century are considered on concrete examples. At the same time, it is concluded that the transfer of memory about the past is not only a process of selecting facts. The most important element is tradition, the transmission of generational experience.

Keywords: historical memory; personal history; social memory; generational history; memory studies; cultural space.

Результатом радикальных изменений в европейской историографии последней трети XX в. стало не только расширение потенциального поля истории, но и круга тех документов, что были призваны ликвидировать противопоставление «истории» и «памяти». По словам Дмитрия Сергеевича Лихачева, «история культуры это – история человеческой памяти» [1, с. 26]. Мы все живем событиями нашего университета. История БГУ – это история прежде всего многих поколений учёных и преподавателей, с разными судьбами, характерными для разного времени. Это, с одной стороны, коллективная память большого университетского сообщества, с другой – индивидуальная память бывших студентов и преподавателей.

Конечно же, автобиографическая память не может существовать вне исторической памяти, ведь наши воспоминания всегда помещены в более общий исторический контекст. Но передача памяти о прошлом – это не только процесс отбора фактов. Факты обычно быстро утрачиваются на

ранних стадиях социальной памяти: во-первых, чтобы их запомнить и передать, они должны быть трансформированы в образы и, во-вторых, – организованы в рассказы. При этом проблематика памяти давно уже вышла за пределы собственно научных дискуссий и довольно прочно закрепилась в пространстве стихийной и организованной повседневности.

В рамках исторической памяти неоднократно шло обсуждение деятельности и документального наследия многих персоналий. Но, как правило, это охватывало прежде преимущественно жизнь выдающихся («замечательных») людей. Критерии отнесения к таковым менялись, но, как правило ограничивались известными политиками, учёными, деятелями культуры. Жизнь же рядового человека оставалась за кадром, за рамками истории, а соответственно – и историографического изучения.

В предыдущих статьях нами уже, собственно, отмечалось то, что к персональной истории и проблематике памяти сподвигло стремление больше узнать и рассказать про моего деда – Нестора Лукьяновича Прокопюка, студента БГУ в 1920-е гг. [2; 3]. Именно через личность мы можем увидеть эту эпоху, эпоху очень противоречивую и неоднозначную. Личность объединяет не только настоящее и будущее, но и собственное прошлое, более того, она сформирована этим прошлым: как своим индивидуальным опытом, так и коллективной, социально-исторической памятью, сохраненной в культурной матрице. И чем дальше, тем больше эта тема увлекала не только оригинальностью, но и своим важным социальным содержанием.

Ведь социальная память оказывается подверженной закону спроса и предложения: чтобы сохраниться за пределами сиюминутного настоящего и, особенно, чтобы выжить в процессе передачи и обмена, память о событии должна быть востребована. И здесь присутствует важнейшая проблема: как на основе семейной истории передать следующим поколениям наши традиции и ценности, поскольку не все из них грядущие поколения разделяют как свои. Каждое поколение формирует свою память о прошлом. Более того, оно определяет новый взгляд на историю, воздействуя на изменчивость ее положений.

Не всегда опыт предшественников вызывает интерес у молодых поколений. Так А. Я. Гуревич в своих рассуждениях отмечал, что «сталкивался с тем, что иные молодые люди не только не знают ближайшего прошлого, но занимают в этом отношении принципиально негативную позицию: им это не интересно, зачем забивать голову этой рухлядью, когда есть настоящее и еще более заманчивое будущее; «пусть

мертвые хоронят своих мертвецов» [4]. Ж. И. Алфёров, дважды посещал Украину, где погиб его брат. Но впечатления от этих встреч были у него совершенно различными. «Я отчетливо почувствовал, – писал он, – вот за пятнадцать лет до этого, когда я сидел за столом в этой деревне, возле братской могилы, там рядом со мной были люди, которые помнили войну, для которых война была вчера. Война прошла через их души. А теперь я видел перед собой уже другое поколение, и для них война уже представлялась историей, временем, давно прошедшим» [5].

Поиск «новых путей» в истории обусловлен опять же изменением тех вопросов, которые мы задаем прошлому с позиций нашей современности. Формируя идеалы на основе исторического прошлого, новая генерация пытается реализовать их в реальной жизни. Поэтому мы иногда встречаем утверждения, что именно поколения формируют современное культурное, интеллектуальное и политическое мышление.

Вопреки прогнозу Ф. Фукуямы «о конце истории», события последних лет свидетельствуют об обратном [6]. История, похоже, подошла не к концу, а к началу очередных грандиозных перемен. На протяжении многих лет были организованы серьёзные социологические исследования коллективной памяти, которые продемонстрировали, что без поколенческой истории, учета особого влияния поколений и их влияния на наше понимание истории и на саму историю, нельзя понять многое из происходящего. Именно такой подход позволяет увидеть, как меняются люди и почему существуют различия между людьми, родившимися в разные периоды через общность условий, определяющих дух поколения. Роже Шартье в связи с этим пишет: «Я не верю в уроки истории – хотя некоторые историки долгое время считали их главным оправданием собственной значимости. Если познание прошлого и может помочь нам лучше понять мир, какой он сейчас, то не по аналогии, а через различие» [7].

В любом случае, как это неоднократно доказывала история, интерес к прошлому всегда активизируется на фоне кризиса настоящего: «Память привлекает особое внимание тогда, когда возникает нарушение привычного хода ее работы или когда она сталкивается с чем-то, что забыть оказывается так же сложно, как и запомнить» [8, с. 9]. Связь памяти с настоящим, с современными проблемами развития подчеркивал и П. Нора: «Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим» [9]. И хотя концептуальные основания *memory studies* были заложены ещё в межвоенный период, можно заметить, что Вторая мировая война

значительно ускорила этот процесс. Усиление интереса к проблематике памяти в послевоенное время было обусловлено так называемым «посттравматическим синдромом коллективной памяти» – сильнейшим потрясением всего мирового сообщества, вызванным ужасами Второй мировой войны, Холокоста и др. Именно тогда стали активно разрабатываться концепции коллективной травмы, вины, покаяния и памяти. И наконец, настоящий «мемориальный бум», охватил социальные науки с 1980-х гг. На наш взгляд, это произошло в результате нескольких причин.

Во-первых, произошел мощный натиск на европейскую культуру культуры исламской (это так называемый «постколониальный рецидив»), который вызвал острый кризис коллективной идентичности европейской цивилизации, приведший к расшатыванию свойственной ей традиционной системы ценностей. А в Центральной и Восточной Европе образовалась настоящая культурная воронка, вызванная распадом Советского Союза.

Во-вторых, мы наблюдаем фундаментальные изменения в информационном поле. Современное общество обрело возможности фиксации и хранения неограниченного объема информации. Ян Ассман назвал этот процесс новой культурной революцией, подобной появлению письменности и книгопечатания. Он утверждает, что вокруг понятий памяти и воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре [10].

В-третьих, происходит так называемый кризис традиции, разрыв с традиционными типами сообщения о прошлом: семейная и локальная связь, в рамках которой прошлое передавалось устно представителями поколений-свидетелей, жившими под одной крышей, сменилась его сокращенной передачей, своеобразной интернет-модификацией. При этом происходит лавинообразное увеличение объема информации и ускорение процессов смены поколений. Важность данной проблемы очевидна, ибо преемственность поколений обеспечивает устойчивое развитие общества. Быстротечность современной жизни способствует формированию хрупкости и неустойчивости ценностных ориентиров, ориентацию на краткосрочность связей, отношений и взаимодействия.

Все говорит о том, что вокруг понятий памяти и воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре. Эту парадигму нередко называют «memory studies», понимая под ними многообразие исследований, так или иначе связанных с феноменом памяти. Ю. М. Лотман пишет о пространстве культуры как территории общей памяти, имея в виду

те границы, в рамках которых некоторые общие черты сохраняются, и, соответственно, могут быть актуализированы определенным образом в конкретный момент времени [11]. Важно это пространство культуры, в том числе сформированное поколениями университетского сообщества, сохранять и расширять.

Библиографические ссылки

1. Лихачев Д. С. Раздумья. М.: Детская литература. 1991.
2. Беляева Н. Р. Персанальная гісторыя як новы «паварот»? Разважанні на палях адной біяграфіі // Беларускі гістарычны часопіс. 2019. № 5. С. 24–29.
3. Беляева Н. Р. Персанальная гісторыя і яе крыніцы // Беларусь у эпоху геапалітычных і сацыяльных зрухаў Новага і Навейшага часу. Да 25-годдзя кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Мінск: БДУ, 2019. С. 31–36.
4. Гуревич А. Я. Что такое исторический факт? // История историка . 2004. [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://union-z.ru/articles/gurevich-a-ya-chto-takoe-istoricheskii-fakt.html>. Дата доступа 12.08.2023.
5. Алферов Ж. О прошлом для будущего // Наука и жизнь .2004. №6 [Эл. ресурс]. Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/2565/?ysclid=lkzjbfajrm574679425>., Дата доступа 15.08.2023.
6. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек [пер. с англ. М. Б. Левина]. Москва: АСТ, 2015.
7. Калинин И. Перестройка памяти // Неприкосновенный запас. 2009. №2(64) [Эл. ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/ka17-pr.html>. Дата доступа 14.08.2023.
8. Шартье Р. Письменная культура и общество М.: Новое издательство, 2006.
9. Нора П. [и др.] Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб: изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999.
10. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
11. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Т. 1. Таллин, 1992. С. 200–202.

ЗАБЫТЫЯ ІМЁНЫ ЁЊІВЕРСІТЭЦКАГА КРАЯЗНАЎЧАГА РУХУ 1920-Х ГАДОЎ. ВАДЗІМ НЕВЯДОМСКІ

A. U. Vaitovich

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь; vaitovich.aliaksandra@gmail.com*

У артыкуле адзначаецца актуальнасць біяграфічных падыходаў да вывучэння гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. У цэнтры ўвагі аўтара – краявед В. І. Невядомскі, студэнт БДУ ў 1920-х гг. Мэтай артыкула з’яўляецца ўдакладненне фактаў яго біяграфіі і вызначэнне яго ўнёску ў культурніцкае жыццё ўніверсітэта. Высветлена, што В. Невядомскі на працягу 1928–1929 гг. займаў пасаду адказнага сакратара краязнаўчага таварыства. Ён прыкладаў вялікія намаганні да папулярызацыі краязнаўства. В. Невядомскага не заранулі рэпрэсіі канца 1920-х – 1930-х гг. У часы Вялікай Айчыннай вайны ён удзельнічаў у партызанскім руху.

Ключавыя словы: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт; краязнаўства; партызанскі рух.

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА УНИВЕРСИТЕТСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ 1920-Х ГОДОВ. ВАДИМ НЕВЯДОМСКИЙ

A. V. Vaitovich

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь; vaitovich.aliaksandra@gmail.com*

В статье отмечается актуальность биографических подходов к изучению истории Белорусского государственного университета. В центре внимания автора – В. И. Невядомский, студент БГУ 1920-х годов. Цель статьи – уточнить факты биографии краеведа и определить его вклад в культурную жизнь университета. Установлено, что в 1928–1929 гг. В. Невядомский занимал должность ответственного секретаря краеведческого общества. Он приложил большие усилия для популяризации местной истории. Репрессии конца 1920-х–1930-х годов не затронули В. Невядомского. В годы Великой Отечественной войны он участвовал в партизанском движении.

Ключевые слова: Белорусский государственный университет; краеведение; партизанское движение.

FORGOTTEN NAMES OF THE UNIVERSITY LOCAL HISTORY MOVEMENT OF THE 1920S. VADZIM NEVYADOMSKY

A. U. Vaitovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus; vaitovich.aliaksandra@gmail.com

The article notes the relevance of biographical approaches to the study of the history of the Belarusian State University. The author focuses on local historian Vadim Nevyadomsky who studied at the BSU in the 1920s. The purpose of the article is to clarify the facts of his biography and to determine his contribution to the cultural life of the university. It is established that V. Nevyadomsky served as executive secretary of the BSU local history society in 1928–1929. He made great efforts to popularize local history. The repressions of the late 1920s –

early 1930s did not affect V. Nevyadomsky. During the Great Patriotic War, he participated in the partisan movement.

Keywords: Belarusian State University; local history; partisan movement.

Пачатак XXI ст. стаў перыядам уздыму цікавасці даследчыкаў да гісторыі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Найбольш запатрабаванымі аказаліся падыходы, арыентаваныя на антрапалагічнае разуменне гісторыі і біяграфіку. Так, з нагоды стагоддзя БДУ быў апублікаваны пяцітомнік «Інтэлектуальная эліта Беларусі», які даў яскравы прыклад асэнсавання мінулага і сучаснасці ўніверсітэта скрозь прызму лёсаў выбітных выкладчыкаў і навукоўцаў [5]. Разам з тым, напісанне паўнаважнай гісторыі БДУ патрабуе падрабязнага разгляду яшчэ аднаго неад’емнага складніка ўніверсітэцкай карпарацыі – студэнцтва. Дэталёвага вывучэння заслугоўвае не толькі пытанне аб ролі БДУ ў прафесійнай падрыхтоўцы спецыялістаў, але і пытанне аб дзейнасці студэнцкай моладзі ў сценах альма-матэр.

Вялікую ўвагу адмыслоўцаў традыцыйна прыцягвае кароткачасовая, але плённая праца ўніверсітэцкіх краязнаўцаў 1920-х гг. Намаганнямі некалькіх пакаленняў аўтараў назапашны прадстаўнічы корпус літаратуры, які падсумоўвае дасягненні сяброў Навукова-даследчага студэнцкага краязнаўчага таварыства БДУ. Падрабязна апісаныя жыццёвыя і творчыя шляхі студэнтаў, што стаялі ля вытокаў універсітэцкага краязнаўчага руху: М. М. Улашчыка, С. С. Шутава, А. Д. Кавалені, А. Г. Аніхоўскага [4]. Дагэтуль, аднак, малавядомымі застаюцца старонкі жыцця і дзейнасці малодшай «змены», прадстаўнікі якой былі актыўнымі ўдзельнікамі краязнаўчай справы БДУ ў 1928–1929 гг. Адным з найбольш апантаных энтузіястаў у апошні перыяд функцыянавання таварыства быў Вадзім Іосіфавіч Невядомскі (мал. 1). Мэтай прапанаванага артыкула з’яўляецца ўдакладненне фактаў біяграфіі краязнаўца і вызначэнне яго ўнёску ў культурніцкае жыццё БДУ канца 1920-х гг.

Вадзім Невядомскі нарадзіўся ў 1906 г. на Брэстчыне ў настаўніцкай сям’і. Праз некаторы час бацькі пераехалі ў мястэчка Юравічы Рэчыцкага павету. Юнак, з дзяцінства імкнучыся да ведаў, скончыў Мазырскую сямігадовую працоўную школу, агульнаадукацыйныя курсы ў Мінску і ў 1925 г. стаў студэнтам БДУ. Першапачаткова ён планаваў стаць медыкам, але быў прыняты на педагагічны факультэт [9, арк. 2, 11, 13].

Вучоба ва ўніверсітэце не толькі адкрывала перспектывы набыцця грунтоўнай адукацыі, але і давала магчымасці паспрабаваць свае сілы ў рэалізацыі рознапланавых грамадскіх і асветніцкіх праектаў. В. І.

Невядомскі зацікавіўся дзейнасцю адной з найбольш вядомых універсітэцкіх арганізацый – Навукова-даследчага студэнцкага краязнаўчага таварыства.

Мал. 1. Вадзім Іосіфавіч Невядомскі – студэнт БДУ [9, арк. 1]

Варта нагадаць, што першыя гурткі краязнаўчага характару ўзніклі ў БДУ ў 1922 г. Яны не здолелі разгарнуць належную працу. Новую спробу стварэння краязнаўчага згуртавання зрабілі у снежні 1924 г. М. М. Улашчык, С. С. Шутаў, А. Д. Каваленя і інш. Гэтая ініцыятыва аказалася больш паспяховай. Універсітэцкія энтузіясты здзілі шэраг экспедыцый па вывучэнні гісторыі і культуры Беларусі. На працягу 1926–1927 гг. гурток быў рэарганізаваны ў таварыства, у склад якога ўвайшлі як студэнты, так і супрацоўнікі БДУ. Праўленне ўзначаліў рэктар У. І. Пічэта. Найбольшым дасягненнем дзейнасці таварыства стала праведзенне летам 1927 г. комплекснай экспедыцыі ў Тураўскім раёне [1, с. 7; 2; 7].

У 1927/1928 вучэбным годзе краязнаўцы-старшакурснікі завяршалі навучанне ва ўніверсітэце і паступова адыходзілі ад спраў. М. М. Улашчык у сваіх мемуарах адзначаў: «Сэкцыі Таварыства працавалі даволі рэгулярна. Складалася ўжо нейкая традыцыя ў рабоце. Вырас карань. Людзі мелі больш кваліфікацыі. Больш-менш ведалі, што рабіць» [16, с. 89]. У той жа час гісторык даволі скептычна ставіўся да сваіх наступнікаў: «Зьмена, якая вучылася на малодшых курсах, хоць і прымала ўдзел у рабоце, але ня ўкладала ў гэта свае душы і ў дадатак не высунула нікога, хто б быў

арганізатарам ці, яшчэ прасьцей, адміністратарам» [16, с. 89]. Можна, аднак, сцвярджаць, што гэтыя заўвагі ўтрымлівалі празмерную крытыку.

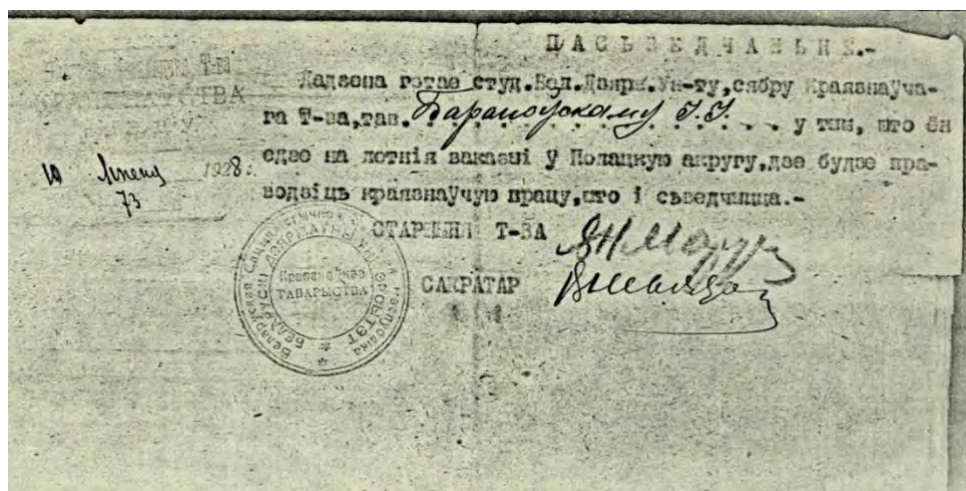
У кастрычніку 1927 г. адбыўся чарговы агульны сход таварыства. Ключавым пытаннем, вынесеным на парадак дня, было абнаўленне кіруючага складу арганізацыі. На сходзе выбралі новых сяброў Праўлення. Адказным сакратаром (фармальна трэцяй асобай пасля старшыні У. І. Пічэты і намесніка старшыні Я. Н. Марука) стаў В. І. Невядомскі [2, с. 81–82; 7, с. 10]. Пры непасрэдным удзеле В. І. Невядомага быў праведзены шэраг мерапрыемстваў, якія атрымалі даволі значны розглас.

Вясной 1928 г. таварыства сумесна з Цэнтральным Бюро краязнаўства арганізавала шасціднёвыя «курсы-студыю» па краязнаўству. Курсы былі прыначаны як для студэнтаў БДУ, так і для слухачоў і выкладчыкаў іншых навучальных устаноў. Праграма курсаў уключала гісторыю і методыку краязнаўства, пытанні арганізацыі краязнаўчай справы, асновы музейнага будаўніцтва, праблемы вывучэння археалогіі, прынцыпы складання бібліяграфіі і інш. У склад лектараў уваходзілі прафесары БДУ, прадстаўнікі Цэнтральнага Бюро краязнаўства, Беларускага дзяржаўнага музея, Беларускага аддзела Беларускай бібліятэкі. Курсы праслухалі 300 чалавек [11; 7]).

Летам 1928 г. таварыства зладзіла тры вялікія экспедыцыі. Першая экспедыцыя накіравалася ў Вушацкі раён Полацкай акругі. Другая група студэнтаў і выкладчыкаў займалася вызначэннем ступені забруджанасці ракі Свіслач. Трэці атрад вывучаў сацыяльна-эканамічнае становішча падшэфнага БДУ Падгайскага сельскага савета [2; 7]. В. І. Невядомскі прыняў удзел у працы першай экспедыцыі. Універсітэцкія краязнаўцы даследавалі азёры паўночнай Беларусі, сабралі каля палутара тысяч лістоў гербарыя, абследавалі старыя шляхі зносін і старажытныя могільнікі, запісалі некаль соцень твораў вуснай народнай творчасці і інш. [7]). Згаданыя мерапрыемствы неаднаразова прыцягвалі ўвагу даследчыкаў [4]), у сувязі з чым падрабязнае апісанне іх ходу і вынікаў не ўяўляецца мэтазгодным. Варта звярнуць ўвагу на ўнёсак, зроблены ў агульную справу В. І. Невядомскім.

Па-першае, ён старанна выконваў свае адміністрацыйныя абавязкі. У асабістым фондзе М. М. Улашчыка ў Цэнтральнай навуковай бібліятэцы Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНБ НАНБ) захавалася пасведчанне аб удзеле ў экспедыцыі па абследаванні Полацкай акругі, выдадзенае студэнту І. І. Бараноўскаму. На дакуменце бачныя подпісы

намесніка старшыні таварыства Я. Н. Марука і сакратара В. І. Невядомскага (мал. 2).

Мал. 2. Пасведчанне ўдзельніка краязнаўчай экспедыцыі па вывучэнні Полацкай акругі. 1928 г. Копія. [17, арк. 1]

Па-другое, юнак імкнуўся данесці інфармацыю аб дзейнасці ўніверсітэцкіх краязнаўцаў да шырокай грамадскасці. На працягу 1928 – першай паловы 1929 гг. з-пад яго пярэ выйшлі шэсць рэпартажаў і аглядных артыкулаў, якія былі апублікаваныя ў газеце «Савецкая Беларусь» і часопісе «Наш край» [1–3, 10–13].

Праз некалькі месяцаў жыццё многіх рупліўцаў беларушчыны кардынальна зменіцца. У канцы 1928 – пачатку 1929 гг., аднак, кірункі развіцця краязнаўчага руху, зададзеныя ў папярэдні час, яшчэ выглядалі перспектыўнымі. Зімой 1928/1929 вучэбнага года быў праведзены шэраг сходаў сябраў таварыства. Пракалы некалькіх пасяджэнняў захаваліся ў фондзе 205 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь (НАРБ) [8]. Азнямленне з дакументамі дазваляе сцвярджаць, што адным з найбольш актыўных удзельнікаў мерапрыемстваў быў В. І. Невядомскі.

Так, 2 снежня адбылося пасяджэнне пашыранага пленуму Праўлення Навукова-даследчага студэнцкага краязнаўчага таварыства. Абмяркоўваліся пытанні асабістага складу арганізацыі. На пасяду старшыні таварыства быў пераабраны У. І. Пічэта, адказным сакратаром застаўся В. І. Невядомскі [8, арк. 1]. Праз два тыдні адбыўся новы сход Праўлення. Універсітэцкія краязнаўцы падводзілі вынікі дзейнасці таварыства ў 1927/1928 годзе і абмяркоўвалі задачы, якія мусілі вырашацца ў наступных месяцах. Пытанне аб планах працы стаяла на парадку дня і падчас

пасяджэнняў у студзені 1929 г. В. І. Невядомскі выступіў з дакладам аб цяжкасцях, з якімі сутыкаліся сябры таварыства. Ён сцвярджаў: «... канцэнтрацыя матар'ялаў ва ўмовах БДУ абавязкова выклікае арганізацыю краязнаўчага музэю, паставіўшы перад Праўленьнем БДУ пытаньне аб адвядзеньні сталага пакою для музэю. У аснову музэю неабходна пакласьці ўвесь матар'ял, сабраны экспедыцыямі і асобнымі членамі БДУ» [8, арк. 5–5звар.]. Праблема адсутнасці памяшкання для музэя, сапраўды, была актуальная. На пасяджэнні абмяркоўваліся і іншыя цяжкасці, перадусім недахоп фінансавання [8, арк. 6].

Наступнае пасяджэнне сяброў таварыства адбылося 22 лютага 1929 г. На парадак дня было вынесена вызначэнне накірункаў працы секцый, а таксама абмеркаванне будучых публічных мерапрыемстваў. Універсітэцкія актывісты вырашылі працягваць адукацыйную дзейнасць і паўторна правесці краязнаўчыя курсы для усіх ахвотных. В. І. Невядомскі агучыў прапанову арганізаваць пры таварыстве бібліятэку. Знайшоў ён і спосаб папоўніць бюджэт краязнаўчага згуртавання: правесці платны дыспут. Абедзве ідэі былі ўхвалены ўдзельнікамі сустрэчы [8, арк. 8–9]. Арганізацыйныя справы па рэалізацыі гэтых праектаў даручылі В. І. Невядомскаму (звесткі аб выкананні задуманага не былі знойдзены).

Апошняе пасяджэнне таварыства, пратакол якога быў выяўлены ў НАРБ, прайшло 7 сакавіка 1929 г. Універсітэцкія краязнаўцы абмеркавалі два маштабныя мерапрыемствы. Па-першае, была ўзгоднена праграма краязнаўчых курсаў, прызначаных для мінскіх студэнтаў, школьнікаў, настаўнікаў. Курсы, як і ў папярэднім годзе, праводзіліся ў супрацоўніцтве з Цэнтральным Бюро краязнаўства. Разам з тым, яны набылі большы размах: былі разлічаны на 400 чалавек і мусілі працягвацца восем тыдняў. У якасці лектараў былі запрошаны вядучыя навукоўцы і дасведчаныя краязнаўцы Беларусі [8, арк. 10–11 звар.]. Інфармаваннем грамадскасці аб мерапрыемстве займаўся В. І. Невядомскі [3]. Па-другое, на сакавіцкім пасяджэнні было вырашана правесці вечар яўрэйскай літаратуры і этнаграфіі [8, арк. 10]. Вечар прайшоў у красавіку 1929 г. і стаў важнай культурнай падзеяй. Кароткая справаздача аб сустрэчы была змешчана ў часопісе «Наш край» [6, с. 65].

Вечарына стала апошнім мерапрыемствам, праведзеным універсітэцкімі краязнаўцамі. У другой палове 1929 г. пачаў раскручвацца махавік барацьбы з «нацдэмаўшчынай», які не абмінуў ні старшыню, ні многіх шэраговых сяброў краязнаўчага таварыства БДУ. Вадзім Іосіфавіч, аднак, пазбегнуў рэпрэсій. Ён паспяхова скончыў універсітэт і пачаў

паступова прасоўвацца па службовай і партыйнай лесвіцы. Падчас Вялікай Айчыннай вайны В. І. Невядомскі знаходзіўся ў распараджэнні Беларускага штаба партызанскага руху. На працягу некалькіх месяцаў, з красавіка па лістапад 1942 г., ён ваяваў у партызанскім атрадзе «Хуткі» брыгады К. С. Заслонова. У 1943 г. быў узнагароджаны Ордэнам Чырвонай Зоркі [14; 15]. Далейшы лёс выпускніка педагагічнага факультэта БДУ, партызана В. І. Невядомскага патрабуе асобнага вывучэння.

Такім чынам, маладосць В. І. Невядомскага прыйшлася на супярэчлівыя 1920-я гг. На хвалі нацыянальнага ўздыму юнак далучыўся да дзейнасці ўніверсітэцкага Навукова-даследчага студэнцкага краязнаўчага таварыства. Фактычна, ён стаў галоўным летапісцам апошніх гадоў працы арганізацыі. Імя В. І. Невядомскага павінна быць вернута з небыцця і мусіць заняць належнае месца ў гісторыі нашай alma mater.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Аніхоўскі А., Улашчык М. Краязнаўчая праца студэнтаў БДУ // Савецкая Беларусь. 1926. 14 студз.
2. Аніхоўскі Ал., Невядомскі В. Праца Таварыства Краязнаўства пры Беларускам Дзяржаўным універсітэце ў 1927–28 годзе // Наш край. 1928. № 8–9. С. 79–86.
3. Вадзім краявед. Падрыхтуем крааяведаў // Звязда. 1929. 24 лютага.
4. Вайтовіч А. У. «Краязнаўчае ўра»: дзейнасць Краязнаўчага таварыства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта паводле матэрыялаў газеты «Савецкая Беларусь» // Першы Рэспубліканскі краязнаўчы форум Беларусі ў рамках Года малой радзімы : зборнік матэрыялаў. У 2 т. Т. 1. Мінск: Чатыры чвэрці, 2020. С. 80–85.
5. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования. Кн. 1–5. Мінск: БГУ, 2017–2021.
6. Ікс. Яўрэйскі этнографічны вечар у Менску // Наш край. 1929. № 4. С. 65.
7. Марук Я. Краязнаўчая праца студэнцтва // Наш край. 1929. № 1. С. 6–14.
8. НАРБ. Ф. 205. Воп. 1. Спр. 330.
9. НАРБ. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 5765.
10. Н-скі Вад. Дзейнасць Навукова-даследчага Т-ва Краязнаўства Бел. Дзярж. Ун-ту ў бягучым 28–29 г. // Наш край. 1929. № 3. С. 56–58.
11. Невядомскі В. 300 краязнаўцаў // Савецкая Беларусь. 1928. 9 мая.
12. Невядомскі В. Краязнаўчая праца ўлетку // Савецкая Беларусь. 1928. 9 чэрвеня.
13. Невядомскі В. На поўначы Беларусі (Краязнаўчая экспедыцыя студэнцтва на Полаччыне) // Савецкая Беларусь. 1928. 29 ліст.
14. Память народа [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <https://pamyat-naroda.ru/>. Дата доступу: 23.08.2023.
15. Партизаны Беларуси [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <https://partizany.by/partisans/24191/>. Дата доступу: 23. 08. 2023.
16. Улашчык М. М. Краязнаўства: Нататкі пра бадзянні ў 1924–1929 г.: 3 рукапіснай спадчыны. Мінск: БелНДІДАС–Пейто, 1999.
17. ЦНБ НАНБ. Адзел рэдкіх кніг і рукапісаў. Ф. 44 «М. М. Улашчык». Воп. 1. Спр. 1693.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В 1920–1930 гг: ОТ МНОГООБРАЗИЯ К УНИФИКАЦИИ¹

О. И. Ершова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ershova_olga@tut.by*

В статье анализируется процесс формирования советской системы образования в 1920–1930-е гг. в контексте институционального подхода. Определяется основная тенденция институциональных изменений в структурно-организационной области: от многообразия структур и форм образования в советских республиках до их унификации в масштабах СССР. Показывается ведущая роль РКП(б) – ВКП(б) в постановке целей и задач в области государственной образовательной политики, направленной на создание системы образования, обеспечивающей реализацию намеченных партией социально-экономических преобразований и идеологических задач.

Ключевые слова: институционализация образования; система образования; Народный комиссариат просвещения; общеобразовательная школа; профессиональное образование; высшее образование.

INSTITUTIONALIZATION OF THE SOVIET EDUCATIONAL SYSTEM IN THE 1920S - 1930S: FROM DIVERSITY TO UNIFICATION

O. I. Erchova

*Belarusian State University, Niezależnasci avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
ershova_olga@tut.by*

The article analyzes the process of formation of the Soviet education system in the 1920s–1930 s. in the context of the institutional approach. The main trend of institutional changes in the structural and organizational area is determined: from the diversity of structures and forms of education in the Soviet republics to their unification on the scale of the USSR. The leading role of the RCP(b) –VKP(b) in setting goals and objectives in the field of state educational policy aimed at creating an education system that ensures the implementation of the social and economic transformations and ideological tasks outlined by the party is shown.

Keywords: institutionalization of education; education system; People's Commissariat of Education; comprehensive school; professional education; higher education.

Система образования – это исторически сложившаяся общенациональная система образовательных учреждений и органов управления ими, действующая в интересах воспитания подрастающих поколений, подготовки их к самостоятельной жизни и профессиональной

¹ Подготовлено в рамках выполнения научного проекта 1.03.21 Институционализация образования и науки Беларуси в условиях общественно-политических процессов 1920–1930-х гг. подпрограммы 1 «История» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы.

деятельности, а также удовлетворения индивидуальных образовательных потребностей [2, с. 411–412].

После Октябрьской революции 1917 г. государственные органы власти Советской России и правящая партия (РКП(б) – ВКП(б)) поставили задачу разрушения дореволюционной системы народного образования, носившей сословно-классовый, недемократический характер. В основном данная задача была решена в период 1918–1920 гг. В дальнейшем планировалось формирование советской системы образования, обеспечивающей решение задач строительства нового социалистического общества. Рассмотрение этого процесса в контексте институционального подхода показывает, что он включал: создание образовательных организаций и приведение их в систему, которая способна удовлетворять соответствующую общественную потребность; перестройку управления системой; определение и закрепление формальных норм, правил, статусов и ролей в сфере образования, исходя из коммунистических идеологических установок.

Отличительной особенностью советской системы образования в 1920–1930-х гг. выступало ее полное подчинение государству, использование для распространения в обществе коммунистической идеологии и создания социально-экономической базы социалистического строя. Основные цели и задачи по созданию советской системы образования определялись РКП(б) – ВКП(б) на партийных съездах, совещаниях, пленумах и заседаниях Центрального комитета [3]. Затем данные решения подкреплялись принятием соответствующих государственных нормативных актов: декретов, постановлений и др. [6].

Программу создания новой системы народного образования на переходный период к строительству социализма наметило проходившее в декабре 1920 – январе 1921 г. в Москве первое партийное совещание (партсовещание) по вопросам народного образования. Для детей и подростков планировалось развивать сферу социального воспитания (соцвос), основным типом учреждений которого признавалась семилетняя трудовая общеобразовательная и политехническая школа для детей от 8 до 15 лет. Были намечены формы профессионального образования (профобразование): фабрично-заводские училища (ФЗУ), профессионально-технические школы (профтехшколы) и техникумы (с 4-летним курсом обучения и подготовкой квалифицированного специалиста-практика). Высшую школу предлагалось поделить на функциональные факультеты (3 года обучения) и научно-исследовательские курсы по отраслям науки (2–4 года обучения), слушатели которых предварительно

обучались на практических факультетах. Для подготовки рабочих и крестьян к высшей школе создавались рабочие факультеты (рабфаки) [3, с. 347–354].

С опорой на данные решения в каждой советской республике началось формирование системы образования на основе таких единых принципов, как классовый характер обучения и воспитания, связь с политикой партии и задачами социалистического строительства, соединение обучения с производительным трудом [3, с. 11–12]. Основными подсистемами являлись соцвос, профобразование и политическое просвещение (для взрослых). Однако в структуре и формах организации образования, целевых установках и учебных программах отдельных образовательных учреждений в республиках существовали отличия, причем каждая система имела как достоинства, так и недостатки [12, ст. 1061–1074; 13, ст. 589–648].

Договор о создании СССР 1922 г. и Конституция СССР 1924 г. не предусматривали создание союзного органа управления образованием, поэтому в каждой союзной республике руководство образованием продолжал осуществлять собственный Народный комиссариат просвещения (далее – НКП). Вопрос о согласовании республиканских систем образования решался в ходе переговоров между НКП республик [15]. Согласно Конституции СССР 1924 г. ведению верховных органов СССР подлежало «установление общих начал в области народного просвещения» [5, с. 461]. Конституционная комиссия при ЦИК СССР предложила наркомам просвещения союзных республик разработать проект союзного закона об общих началах в области народного просвещения. Первым проект подготовил НКП РСФСР и выслал его на согласование НКП других республик. Больше всего замечаний поступило от НКП УССР, выдвинувшего контрпроект союзного закона [15, с. 133–134, 194–198]. После обсуждения проектов на очередном совещании наркомов просвещения в октябре 1924 г., в ходе голосования, проект РСФСР поддержали 10 союзных и автономных республик, проект УССР – УССР и Дагестанская АССР. БССР и Башкирская АССР воздержались [15, с. 182]. Решение вопроса перенесли на ближайшее партийное совещание по народному образованию весной 1925 г., которое не состоялось [15, с. 216, 220].

В 1925–1929 гг. каждая союзная республика продолжала формировать свою систему народного образования, исходя из специфики социально-экономических условий. Так, по поручению VIII Всебелорусского съезда Советов (апрель 1927 г.) НКП БССР разработал проект системы народного

образования республики [14, с. 702]. В проекте предлагалась следующая структура системы народного образования: 1) образование для детей и подрастающей молодежи; 2) образование для взрослых и молодежи, которые своевременно не прошли обучения; 3) политико-просветительное образование [1, с. 4–7]. Проект отражал сложившуюся практику образовательной сферы. В 1928 г. в БССР действовали: 90 детских садов, 5514 общеобразовательных школ различных типов, 30 техникумов, 34 профшколы, 13 школ ФЗУ и школ рабочих-подростков, 8 учебных мастерских, 14 долгосрочных профкурсов, 4 вуза и 3 рабфака, 1554 культурно-просветительных учреждений [17, с. 24–27].

В результате рассмотрения проекта системы образования в БССР на II сессии ЦИК БССР VIII созыва (январь 1928 г.) было решено передать его на обсуждение «широких масс рабочих, крестьян и культурно-просветительных работников», после чего доработать текст и в конце апреля внести на утверждение СНК БССР, а затем – ближайшей сессии ЦИК БССР [9; 10, с. 79–80]. Однако утверждение проекта не состоялось, так как руководство ВКП(б) вновь вернулось к вопросу о единых началах системы народного образования в СССР [3, с. 390]. В условиях осуществления в СССР форсированной модернизации на основе единого народнохозяйственного плана партия взяла на себя инициативу создания единой системы образования, которая обеспечила бы подготовку кадров для хозяйственной и социально-культурной отраслей. В соответствии с директивой ЦК ВКП(б) в конце 1929 – начале 1930 г. в союзных республиках состоялись партсовещания по вопросам народного образования с целью подведения итогов многолетней дискуссии о системе народного образования и предложений по ее унификации. Всебелорусское партсовещание 9 апреля 1930 г. утвердило тезисы о системе народного образования в БССР в условиях социалистической реконструкции хозяйства. Были предложены новые типы школ-семилеток, обучение в которых тесно связывалось с производством, развитие вечернего и заочного обучения для взрослых и др. [18] Состоявшееся в конце апреля 1930 г. второе Всесоюзное партсовещание по народному образованию констатировало: «Дальнейшее существование различных систем народного образования в союзных республиках не может быть в настоящее время оправдано» [3, с. 356]. Предлагалось создать в СССР единую систему народного образования, приспособленную к требованиям экономики, быта и других условий союзных республик и национальных районов [3, с. 369–370].

В первой половине 1930-х гг. ЦК ВКП(б) и государственные органы власти СССР приняли ряд постановлений, направленных на создание в стране единой советской системы народного образования и определявших стратегию её развития. От партийно-государственного руководства союзных республик потребовали данные постановления выполнить. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» от 15 мая 1934 г. устанавливались единые типы советской общеобразовательной школы: начальная (4 года обучения), неполная средняя (7 лет обучения) и средняя (10 лет обучения) [6, с. 167]. Принятие постановлений ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» от 19 сентября 1932 г., ЦИК и СНК СССР «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы» от 29 декабря 1935 г., «Об образовании Всесоюзного комитета по высшей школе при СНК СССР» от 21 мая 1936 г., СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе высших учебных заведений и о руководстве высшей школой» от 23 июня 1936 г. завершили унификацию среднего и высшего профессионального образования в союзных республиках [6, с. 420–433].

В указанных выше и ряде других нормативно-государственных документов – постановления ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» от 25 августа 1932 г., ЦИК и СНК СССР «О персональных званиях для учителей начальных и средних школ» от 10 апреля 1936 г., СНК СССР «Об ученых степенях и званиях» от 20 марта 1937 г. – формально устанавливались и закреплялись единые требования, нормы и правила деятельности организаций образования, обучающихся (воспитанники, учащиеся, студенты) и обучающихся (воспитатели, учителя, преподаватели) [6, с. 161–164, 459–460, 483–485].

Унификация и централизация начального профтехнического образования завершились после принятия в 1940 г. указа Президиума Верховного Совета СССР «О государственных трудовых резервах СССР», предусматривавшего реорганизацию ФЗУ в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленные и железнодорожные училища [16, с. 774–775]. Руководство подготовкой рабочих кадров перешло Главному управлению трудовых резервов (ГУТР) при СНК СССР. При СНК союзных республик создавались Главные управления трудовых резервов, а в областях – областные управления. Все имевшиеся в республиках профтехшколы передавались в их ведение и впоследствии реорганизовывались [8].

Таким образом, к началу 1940-х гг. в советских республиках была создана единообразная по своей организационной структуре система народного образования. В 1940 г. в СССР действовало 46031 дошкольное учреждение (153 тыс. детей), 199000 общеобразовательных школ всех типов (35552 тыс. учащихся), 3773 техникума (975 тыс. учащихся), 817 вузов (812 тыс. студентов); 717 тыс. чел. обучались в профтехнических училищах и школах [7, с. 19]. В БССР в 1940 г. действовало 1316 дошкольных учреждений (64 тыс. детей), 11844 общеобразовательных школ всех типов (1691 тыс. учащихся), 128 техникумов (35 тыс. учащихся), 25 вузов (21,5 тыс. студентов), 40 школ ФЗО, 15 ремесленных и 6 железнодорожных училищ, в которых обучалось около 21 тыс. человек [7, с. 52–53, 133, 157, 166].

Изменилось и управление системой образования. Если в 1920-е гг. его осуществляли НКП республик, то теперь в их ведении остались дошкольные учреждения, кроме переданных отраслевым ведомствам, общеобразовательные школы, средние и высшие педагогические учебные заведения, культурно-просветительные учреждения [11]. Средние и высшие профессиональные учебные заведения перешли в подчинение отраслевых ведомств. Всеми вузами в масштабах СССР ведал Всесоюзный комитет по высшей школе, а начальными профессионально-техническими учебными заведениями – Главное управление трудовых резервов при СНК СССР. Общее руководство всей системой образования осуществлял Отдел школ ЦК ВКП(б), созданный в 1935 г. [4, с. 23]

Таким образом, к началу 1940-х гг. завершилась институционализация советской системы образования – единой для всех советских республик, которая включала несколько подсистем: дошкольное воспитание, общее среднее и профессиональное (начальное, среднее и высшее) образование. В каждой из подсистем действовали единые типы образовательных учреждений, единая система управления в масштабах СССР и республик. Цели, задачи и структура системы определялись политическими установками партийно-государственного руководства и практическими потребностями страны. Основными функциями советской системы народного образования стали: идеологическое воздействие на население страны в соответствии с реализуемой концепцией управления обществом; подготовка профессиональных кадров для всех сфер жизни общества; воспитание подрастающего поколения в качестве строителей социалистического общества. Усовершенствованная в последующие годы советская система образования обеспечила создание в стране широкого

слоя образованных людей и подготовку высококвалифицированных специалистов.

Библиографические ссылки

1. Баліцкі А. В. Сістэма народнай асветы Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі. Мінск: Кіраўніцтва спраў СНК: Экан. нарада БССР, 1928.
2. Глоссарий современного образования. Харьков: Изд-во НУА, 2014.
3. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / сост. А. Я. Подземский. Л.-М.: Наркомпрос РСФСР – ОГИЗ, 1931.
4. Институты управления культурой в период становления. 1917–1930 гг. Партийное руководство, государственные органы управления. Схемы. М.: РОССПЭН, 2004.
5. История Советской Конституции. 1917–1956: (в документах) / сост. А. А. Липатов, Н. Т. Савенков. М.: Госюриздат, 1957.
6. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. М.: Педагогика, 1974.
7. Народное образование, наука и культура в СССР: стат. сборник / ЦСУ при Совете Министров СССР. М.: Статистика, 1971.
8. О мероприятиях по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР и Постановления СНК СССР о Государственных Трудовых резервах: постановление СНК БССР от 16 октября 1940 г., № 205 // Собрание постановлений и распоряжений правительства БССР. 1940. № 42. С. 729–775.
9. О порядке обсуждения системы народного образования: постановление Президиума ЦИК БССР от 2 февраля 1928 г., № 48 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства БССР. Отд. I. 1928. № 8. С. 172–173.
10. О системе народного образования: постановление ЦИК БССР от 10 января 1928 г., № 31 // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства БССР. Отд. I. 1928. № 5. С. 76–80.
11. Об утверждении Положения и структуры Народного Комиссариата Просвещения БССР: постановление СНК БССР от 13 января 1939, № 6 // Собрание постановлений и распоряжений правительства БССР. 1939. № 2. С. 21–24.
12. Педагогическая энциклопедия: в 3 т. / под ред. А. Г. Калашникова. Т. 1. М.: Работник просвещения, 1929.
13. Педагогическая энциклопедия: в 3 т. / под ред. А. Г. Калашникова. Т. 3. М.: Работник просвещения, 1930.
14. По докладу Народного Комиссариата просвещения: постановление VIII Всебелорусского съезда Советов от 12 апреля 1927 г., № 263 // Собрание законов БССР. Отд. I. 1927. № 49. С. 697–702.
15. Протоколы совещаний наркомов просвещения союзных и автономных республик, 1919–1924 гг. / АН СССР, Ин-т истории СССР [и др.]. М.: Наука, 1985.
16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет: в 5 т. Т. 2: 1929–1940 гг. М.: Госполитиздат, 1967.
17. Становішча народнай асветы ў БССР у лічбах // Асвета. 1928. № 8. С. 23–27.
18. Тэзісы аб сістэме народнай асветы // Камуністычнае выхаванне. 1930. № 4. С. 9–11.

РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В СССР В 1920-е гг.

Г. А. Петаченко

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, petakoff@yandex.ru*

В 1920-е годы в Белорусском государственном университете, как и во всей системе высшего образования СССР, произошли радикальные изменения, затронувшие все сферы его деятельности. Большим изменениям был подвергнут социальный состав студентов, были внесены корректировки в учебные планы и сокращены сроки обучения, чтобы лучше соответствовать требованиям советской экономической модели. Особое внимание было уделено трансформации взаимоотношений между властью и профессорско-преподавательским составом.

Ключевые слова: высшая школа; советское студенчество; советская профессура; первый пятилетний план.

THE DEVELOPMENT OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE HIGHER SCHOOL SYSTEM IN THE USSR IN THE 1920S.

G. A. Petachenko

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, (petakoff@yandex.ru)*

In the 1920s, radical changes took place at the Belarusian State University and in the entire system of higher education of the USSR, affecting all spheres of its activities. The social composition of the students was subjected to major changes, as well as adjustments were made to the curricula and the terms of study were shortened in order to better meet the requirements of the Soviet economic model. Special attention was paid to the transformation of the relationship between the government and the teaching staff.

Keywords: higher school; Soviet students; Soviet professorship; the first five-year plan.

Высшее образование на всем протяжении новой и новейшей истории являлось одной из важнейших сфер не только культурного, но и социально-экономического развития общества. Тем более его значимость постоянно возрастает на современном этапе. Сложившаяся за многие десятилетия вузовская система в условиях постоянного возрастания требований к качеству подготовки специалистов XXI века находится в постоянном поиске новых методов и форм организации учебного процесса, содержания и практик преподавания общеобразовательных и специальных учебных предметов. Во многом эффективность проводимых в последние годы на постсоветском пространстве реформ зависит от профессионализма и понимания исключительной важности своего труда со стороны

профессорско-преподавательского состава вузов, мировоззренческой подготовки студентов и их целеустремленности в освоении избранной специальности.

Поэтому была и остается важнейшая задача – создание условий, которые бы на каждом из этапов постижения знаний учащимися побуждали их к реализации личностных установок, но одновременно – к глубокому пониманию и прочному освоению общественных ценностей. Без сомнения, сегодня высшая школа республики Беларусь по-прежнему нуждается в обращении к опыту прежних лет, к выявлению в практике деятельности советской вузовской системы того, что можно использовать в учебно-методической, организационной и воспитательной работе со студентами. В то же время имеет свои особенности чуть ли не извечная проблема «власть и интеллигенция», «власть и интеллектуалы», которая в целом разрешается только при создании самого разного рода условий (творческих, моральных, материальных и иных) для максимально полной реализации потенциала профессорско-преподавательского состава вузов. Подобное научное и практическое обращение к прошлому обусловлено и тем, что система образования, являясь социокультурной и исторической ценностью, достаточно консервативна. Она осваивает, накапливает и распространяет важнейшие устойчивые практики эволюционного развития. А, значит, сохраняет традиции и характерные черты общества, его самобытность, тем самым способствуя упрочению национальной самоидентификации.

С распадом Российской империи вся система высшего образования оказалась недееспособной, так как принципы ее функционирования стали непригодными в новых реалиях. В советской России начался период коренных изменений всех сфер традиционной жизни общества, в том числе и высшего образования. В основу реформирования легла не только общая идея создания человека нового типа, освобожденного от «буржуазного наследия прошлого», но и нового – «красного» специалиста. Сложность реализации задуманного заключалась в отсутствии у правящей партии четко разработанного плана действий. Сразу после прихода к власти большевики могли предложить лишь отдельные теоретические установки, но не строго разработанный план действий по созданию совершенно новой системы высшего образования. На протяжении 1920-х гг. шел сложный процесс осмысления и освоения её новых парадигм, которые к тому же приспособлялись, адаптировались к реальной ситуации, к изменяющимся общим политическим идеологемам. В результате за это десятилетие

наметились коренные изменения в структурных, организационных и идеологических основах советской высшей школы.

Важнейшей задачей на этом пути было создание студенчества и профессорско-преподавательского состава нового типа, что предполагало, как взаимообусловленные пути и методы действий, так и совершенно отличные, и специфические. Начальные преобразования в системе высшего образования были направлены на изменения социального состава студенчества, поскольку именно оно, по мнению теоретиков реформ, не только должно было стать опорой для власти в высшей школе, но в последующем – в советском обществе в целом, способствуя созданию социалистической системы народного хозяйства.

Пестрый социальный состав студенчества серьезно беспокоил партийное руководство. К тому же ситуация просто угрожала срывом политики пролетаризации высшей школы. Для предотвращения опасных тенденций и нормализации положения было принято решение о проведении ряда мер. Одной из них явилась академическая «чистка» студенчества. План действий представил замнаркома просвещения РСФСР И. И. Ходоровский на проходившей в марте 1924 г. Всесоюзной конференции пролетарского студенчества. Предполагалось наряду с сокращением количества вузов уменьшить общее число студентов, но при этом подчеркивалось: «Мы с величайшей бережливостью относимся к нашему пролетарскому студенчеству, этой главной нашей опоре в вузах. Прежде чем решить судьбу рабочего студента, мы прощупываем его со всех сторон, если отстал, но может догнать, мы ему в этом поможем, даем сроки, если он не может справиться, переводим в другое учебное заведение» [7, с. 113].

Намеченные принципы затем рассматривались на заседании Политбюро РКП(б) 10 апреля 1924 г., где было принято решение о сокращении общего числа студентов на 30 тыс., о полном закрытии приема в вузы в 1924/25 уч. г. и о введении платы за обучение для всех студентов, кроме стипендиатов. Такие же меры предлагалось разработать и для союзных республик в том числе и БССР [6, л. 4]. На основании этого решения представителям Наркомпроса РСФСР в вузах и председателям районных комиссий по проверке студенчества в Ленинграде, Москве, Казани, на юго-востоке Урала и в Сибири поступила директива ЦК РКП(б), предусматривавшая сокращение общего количества студентов вузов не менее чем на 30 тыс. Для выполнения директивы предлагался примерный план действий. В вузах социально-экономического профиля подлежало увольнению не менее 30% студентов, индустриально-технического – 20%,

медицинского – 5–20% [1, л. 135]. В директиве специальным пунктом оговаривались некоторые моменты, связанные, в первую очередь, с проверкой студенчества непролетарского происхождения медицинских, индустриально-технических и сельскохозяйственных вузов. В частности, предлагалось проявлять бережное отношение к студентам старших курсов при условии успешной учебы и исключить их лишь в случае злостного отношения к советской власти. Этот пункт директивы не распространялся на студентов социально-экономических вузов и факультетов.

Академическая «чистка» проводилась весной и летом 1924 г. специально организованными комиссиями, которые состояли из представителей местных органов власти, партийных, комсомольских организаций и членов правлений вузов. Наибольшее число отчисленных пришлось на студентов факультетов общественных наук, поскольку студенты именно этих факультетов оказались вовлеченными в ход внутрипартийной борьбы и поддержали взгляды Л. Д. Троцкого. Например, на этом факультете БГУ было отчислено 537 студентов из 1030 [4, л. 3]. На ФОНе в ИМГУ исключили 1085 студентов, что составляло 33 % от их общей численности [4, с. 111]. Небезынтересны в этой связи данные проверки студенчества других специальностей. Так, на двух факультетах БГУ (медицинском и педагогическом) в общей сложности исключили около 100 студентов из почти 2 тыс. их общей численности.

Одновременно определялась необходимость улучшения общего состава студенчества путем очищения его от враждебных элементов не в порядке кампаний, а систематического изучения и улучшения состава студенчества. Данные установки распространялись и на союзные республики. Так, на заседании СНК БССР в 1929 г. было решено проводить классовый отбор при приеме студентов, их систематическое изучение и проверку [5, л. 85]. Именно в этот период в советской историографии появляется термин «пролетаризация» в отношении высшей школы. Изначально он обозначал комплекс мероприятий, направленных на изменение социального состава студенчества. В современной историографии под данным термином понимается весь комплекс мер, принимавшихся партийно-государственными органами в отношении высшей школы с целью создания новой высшей школы, которая должна была готовить не только высококлассных профессионалов, но и убежденных проводников партийной политики в народные массы.

Рассматривая процесс формирования системы высшей школы в СССР, можно говорить о том, что в 1920-е гг. он имел принципиальное значение

для преодоления экономической разрухи и утверждения новых общественных отношений не только в Советской России, но и во всех советских республиках.

Для более глубокого понимания важнейших составляющих этого процесса для высшей школы в БССР необходимо обратить внимание на проблемы изменения принципов самого учебного процесса. Отрицание «старых» методов преподавания (лекций) исходило не только от пролетарского студенчества и чиновников различных рангов, но и от представителей профессорско-преподавательского состава высшей школы. Реорганизация принципов работы высшей школы, проходившая в соответствии с новыми партийными директивами и под знаком максимального использования активных методов обучения, так или иначе отразилась на 80–90% учебных планов многих вузов, в том числе и БГУ [2, с. 9].

Однако система проверки знаний была сведена лишь к коллективным ответам, какой-либо другой метод проверки исключался. Это снижало индивидуальную академическую активность студента и его ответственность за результаты учебы, нивелировало участие профессоров и преподавателей в учебной работе. В начале 1930-х гг. подобные перекосы вызвали необходимость пересмотра ранее принятых решений.

Серьезные изменения происходят в БГУ во второй половине 1920-х гг., когда власть стала руководствоваться принципом «перевоспитания» вузовских преподавателей национальных республик СССР, обвинять их в излишней увлеченности изучением особенностей местной культуры. Постепенное сворачивание проведения политики белорусизации, украинизации и т. д. привело к тому, что представители научной интеллигенции, которые непосредственно проводили эту политику, начали вытесняться из высшей школы. Например, только из БГУ в течение 1928–1929 гг. по обвинению в великодержавном шовинизме, национализме («нацдемовщине»), отсутствию в работе марксистских принципов и в целом в непонимании марксизма были уволены более 30 преподавателей.

В. И. Пичета пытался отстаивать интересы своих коллег и направил 11 июня 1928 г. письмо в Наркомпрос БССР, в котором, в частности, отмечал: «Калі не навуковыя заслугі, ні ўкараненне на Беларусі, ні Палажэнне аб Навуковых Працаўніках не замацоўваюць становішча працаўніка ва універсітэце, то кожны з працаўнікоў будзе думаць так: сягоння так паступілі з маімі таварышамі, заўтра са мною – трэба пакідаць універсітэт» [3, л. 23].

Но вскоре от руководства университетом был отстранен и сам В. И. Пичета, последовали существенные перестановки в системе управления университетом. Такого рода организационные действия осуществлялись чуть ли не в каждом вузе СССР. В скором времени последовало «разукрупнение» наиболее значимых университетов страны, что стало логичным продолжением партийной политики в отношении и их профессорско-преподавательского состава и студенчества. В 1929 г. А. В. Луначарский был смещен с поста наркома просвещения, поскольку не разделял начавшиеся преобразования в области высшего образования. На его место был назначен А. С. Бубнов. В истории советской высшей школы наступал этап ускоренной пролетаризации, жесткой ориентации вузов на нужды производства.

Таким образом, можно говорить о том, что в 1920-х гг. происходил сложный процесс адаптации профессорско-преподавательского состава и студенчества БГУ к новым условиям жизнедеятельности, к командно-административной системе управления. Он развивался как в строго очерченных властью рамках, так и исходя из индивидуальных особенностей, настроенности вузовских преподавателей на сотрудничество. В это десятилетие представители научной интеллигенции могли еще себе позволить воспринимать и оценивать правомерность тех или иных мероприятий государства, но чаще не афишировали свои взгляды и приспособлялись к политическим и экономическим реалиям.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1565. Оп. 18. Д. 17.
2. Корневский И. Роль Белорусского Государственного Университета в подготовке кадров (К 10-летию БГУ 1921–1931 г.) // Десять лет Белорусского Государственного Университета 1921–1931 гг. Издание правительственной комиссии по празднованию десятилетия высшей школы в БССР. Минск, 1931. С. 7–13.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 4601.
4. НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 149.
5. НАРБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 690.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 60.
7. Ходоровский И. И. К проверке состава учащихся // Красная молодежь. 1924. № 1. С. 113.

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ БГУ ИЗ ФОНДОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. С. Русецкий

Учреждение «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны», пр. Победителей, 8, г. Минск, Беларусь, mail@warmuseum.by

Описаны группы документов, хранящихся в фондах Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны. На основе документов из фондов музея прослеживается жизненный путь А. А. Головки и П. З. Савочкина, которые, будучи участниками Великой Отечественной войны, оставили значимый след в послевоенной истории БГУ. Выделен общественный интерес к истории БГУ, обуславливающий дальнейший сбор, изучение и популяризацию материалов по истории БГУ, который побуждает к сотрудничеству сотрудников музея с архивами и Белорусским государственным университетом.

Ключевые слова: музейные фонды; музей; документы; Великая Отечественная война; Белорусский государственный университет; Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны.

DOCUMENTS ON THE HISTORY OF BSU FROM THE FUNDS OF THE BELARUSIAN STATE MUSEUM OF THE HISTORY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

V. S. Rusetski

*Establishment of "Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War",
Pobediteley Ave., 8, Minsk, Belarus, mail@warmuseum.by; Corresponding author: V.
S.rusetski (darkdragon.v@mail.ru)*

The groups of documents stored in the funds of the Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War are described. Based on documents from the museum's collections, the life path of A. A. Golovko and P. Z. Savochkin are described, who, as participants in the Great Patriotic War, left a significant mark on the post-war history of BSU. Public interest in the history of the Belarusian State University is highlighted, which determines the further collection, study and popularization of materials on the history of the Belarusian State University, which encourages the museum staff to cooperate with the archives and the Belarusian State University.

Keywords: museum funds; museum; documents; Great Patriotic War; Belarusian State University; Belarusian State Museum of the History of the Great Patriotic War.

Общая численность музейных предметов основного и научно-вспомогательного фондов Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны (в дальнейшем Музей) на 6 октября 2023 г. составляет 162862 единицы хранения. Материалы 29-ти коллекций посвящены различным темам Великой Отечественной войны: фронт и советский тыл, партизанское и подпольное движение, оккупационный режим на территории Беларуси, ленд-лиз в годы Великой Отечественной

войны, довоенное и послевоенное развитие общества, культуры, образования, медицины, восстановление народного хозяйства Беларуси, история послевоенных локальных конфликтов, история Музея. Наиболее крупными коллекциями являются коллекции документов и фотодокументов. Коллекция документов в фондах Музея составляет более 48000 единиц.

В теме восстановления народного хозяйства Беларуси отдельно выделена подтема образования. Ведущую роль в подготовке специалистов и научных кадров высшей школы занимает Белорусский государственный университет. В фондах Музея содержится ряд комплексов музейных предметов людей, которые были участниками Великой Отечественной войны, а после её окончания стали студентами и преподавателями Белорусского государственного университета.

В статье рассмотрены два следующих комплекса музейных предметов, связанных с историей Белорусского государственного университета:

Комплекс Головки Анатолия Александровича, гвардии старшины, помощника командира отдельной комендантской роты 39-го гвардейского стрелкового корпуса 9-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта, участника парада Победы 24 июня 1945г.

Комплекс Савочкина Петра Захаровича, гвардии капитана, начальника строевого отделения штаба 16-й гвардейской кавалерийской Черниговской дивизии 1-го Белорусского фронта.

Комплекс, который передал в фонды Музея Головка Анатолий Александрович лично, состоит из 42 предметов: фотографии, документы, сапоги, полевая сумка и трофейный кинжал, захваченный у пленного немецкого солдата. В переданных документах: автобиографии, воспоминаниях и письмах к родным он описывает свой боевой путь, фронтовые будни, эмоции, горечь от утраты брата, радость и восторг от побед, окончания Великой Отечественной войны и участия в Параде Победы 24 июня 1945г.

Головка Анатолий Александрович родился в 1925 г. в д. Алексеевка Белгородской области [1, л. 1]. Его отец, Головка Александр Иванович, перед началом Великой Отечественной войны занимал должность командира 73-го запасного стрелкового полка 19-ой запасной стрелковой бригады Приволжского военного округа [2, л. 2]. Старший брат, Виктор, был участником советско-финляндской войны, ранен под Выборгом. Погиб под г. Таллином, в августе 1941г., во время Великой Отечественной войны.

В октябре 1941 г. Головки А. А. добровольно ушёл на фронт красноармейцем 73-го стрелкового полка 33-й стрелковой дивизии 27-й армии Северо-Западного фронта, которым командовал его отец А. И. Головки, несмотря на его изначальный запрет [2, л. 2]. Получил ранение во время боёв в Белгородской области, вернулся после госпиталя в родную деревню. В июле 1942 г. снова ушёл на фронт с бойцами истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона. В боях под Сталинградом был ранен в левую ногу, доставлен из Сталинграда в госпиталь г. Карши Узбекской ССР. После выздоровления, в возрасте 17 лет, был направлен в Семипалатинскую военно-пехотную академию. Обучение не закончил, так как его курсантский батальон был направлен в Москву, где заново создавались воздушно-десантные части. Продолжил службу в 13-й воздушно-десантной бригаде в Щелково. Дважды высаживался в немецкий тыл – при освобождении Орла и Киева. В августе 1944 г. при форсировании реки Неман старший сержант Головки А. А. снова был ранен. За освобождение города Минска от немецко-фашистских захватчиков был награжден орденом Красной Звезды [2, л. 3].

В конце Великой Отечественной войны Головки А. А. – старший писарь отдела кадров 71-го стрелкового корпуса. После окончания боёв в Германии, 71-й стрелковый корпус был переброшен в Чехословакию, где воевал до 13 мая 1945 г. После окончания Великой Отечественной войны Головки А. А. – гвардии старшина, помощник командира отдельной комендантской роты 39-го гвардейского стрелкового корпуса 9-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта, служил в Силезии, в Австрии (г. Вена), в Венгрии (г. Цеглез) [2, л. 4].

Головки А. А. был награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «За взятие Вены», юбилейными медалями и рядом иностранных наград. Головки А. А. служил в рядах РККА до ноября 1945 г. В результате паралича левой руки и проблем с сердцем, был демобилизован, получил инвалидность 2 группы [2, л. 4]. Закончил юридический институт в г. Харьков в 1950 г., с 1954 г. работал в Минске, профессор кафедры государственного права, с 1992 г. конституционного права юридического факультета БГУ. Занимал эту должность до 2012 г. Умер в 2014 г.

В 2023 г. в фонды Музея дочерью, Ириной Петровной Савочкиной, был передан комплекс Савочкина Петра Захаровича, гвардии капитана,

начальника строевого отделения штаба 16-й гвардейской кавалерийской Черниговской дивизии 1-го Белорусского фронта. В фонды музея были переданы фотографии, документы к медалям, грамоты и дипломы, автобиография, а также личное дело, составленное отделом кадров на Савочкина П. З. в бытность его сотрудником Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны.

Савочкин Пётр Захарович родился в 1911 г. в д. Родина Велешковичской волости Витебского уезда Витебской губернии (сейчас Велешковичский сельсовет Лиозненского района Витебской области) в семье крестьян. Белорус. В 1931 г. окончил Витебское педагогическое училище и работал в Витебске учителем. В 1935 г. поступил на исторический факультет БГУ, который окончил в 1940 г. После окончания БГУ работал учителем средней школы Смолевичского района Минской области. В октябре 1940 г. Лиозненским РВК Витебской области был призван на срочную службу в Красную Армию и служил в г. Рига [3, л. 1].

С 22 июня по август 1941 г. Петр Захарович на Северо-Западном фронте, с августа по октябрь 1941 г. лечился в одном из госпиталей г. Горького. После лечения был направлен на 4-х месячные командирские курсы разведчиков в г. Ворошиловск (ныне г. Ставрополь), с февраля 1942 г. по январь 1943 г. на Северо-Кавказском и Сталинградском фронтах, с января по май 1943 г. – на Центральном фронте, с мая 1943 г. по май 1945 г. – на 1-м Белорусском фронте. Участник Сталинградской битвы, форсирования Днепра, освобождения Варшавы и взятия Берлина. Окончание Великой Отечественной войны Савочкин П. З. встретил в должности начальника военного отдела штаба 16-й гвардейской кавалерийской Черниговской дивизии 1-го Белорусского фронта. В 1946 г. уволен из Красной Армии в звании гвардии майора [4, л. 2].

Савочкин П. З. награжден орденами: Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, медалями: «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина» и «За освобождение Варшавы» [3, л. 1].

Савочкин П. З. выбрал профессию историка и преподавателя, решив связать будущее с историей родной страны. С 1946 г., после демобилизации, учился в аспирантуре БГУ на кафедре истории народов СССР [5, л. 1], которую окончил в 1949 г. С 19.02.1947 был назначен старшим научным сотрудником 3-го отдела Музея, затем заведующим 5-го отдела «Освобождение Советской земли от немецко-фашистских захватчиков». П. З. Савочкин входил в состав группы сотрудников Музея,

которая с 18 по 24 июля 1949 г. работала в г. Бресте над изучением вопросов героической обороны Брестской крепости в июне–июле 1941 г. По итогам раскопок, согласно протоколу, подписанному начальниками ведомств Савочкиным, Нехаевым и исследователями, были обнаружены в разрушенном здании башни Тереспольских ворот останки защитника крепости лейтенанта Красной армии Наганова Алексея Федоровича. В кармане сохранившейся гимнастёрки найдены документы: удостоверение личности командира Красной армии (но от времени чернила выцвели и надпись не сохранилась), а также комсомольский билет за № 0957174 на имя комсомольца 1915 года рождения Наганова Алексея Федоровича. В подвале были обнаружены останки солдат Красной армии. В различных местах крепости, где производились раскопки, найдены патриотические надписи. Одна из них гласила «1941 г. Июнь. Нас было пятеро и мы умрем за Сталина!». Другая: «Умрем, но из крепости не уйдем». Материалы Наганова А. Ф. представлены в зале №4 «Начало Великой Отечественной войны. Оборонительные бои на территории Беларуси. Смоленское сражение. Московская битва» постоянной экспозиции Музея.

С 1949 г. Савочкин П. З. был отозван на работу в БГУ [6, л. 1]. Работал старшим преподавателем кафедры истории СССР, в 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию. С марта 1950 г. по 1 сентября 1955 г. занимал должность заведующего кафедрой истории СССР. В 1955 г. занял должность декана исторического факультета, после чего неоднократно переизбирался на эту должность (ушёл с должности декана 05.01.1973 г.). Одновременно занимал должность заведующего кафедрой истории СССР. За большую научно-педагогическую и просветительскую работу и в связи с 60-летием, П. З. Савочкин был награжден Почетной грамотой Верховного Совета БССР [7, л. 1].

В 1951 г. женился на Тамаре Михайловне Стаковецкой, с которой они воспитали трех дочерей: Наталью, Алену и Ирину. Савочкин Петр Захарович умер 13 ноября 1975 г., похоронен в г. Минске.

В марте 2023 г. на временное хранение были приняты материалы Мицкевича Юрия (Георгия) Константиновича и Мицкевича Даниила Константиновича, сыновей Якуба Коласа, которые до начала Великой Отечественной войны были студентами БГУ. Непреходящий интерес к истории БГУ, старейшего университета Республики Беларусь, студенты и преподаватели которого были выдающимися личностями Беларуси, побуждает сотрудников Музея продолжать сбор, изучение и

популяризацию материалов по тематике БГУ, взаимодействуя с различными архивами и БГУ в данном направлении.

Библиографические ссылки

1. Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны (БГМИВОВ). КП 66334. Справка на имя Головки Анатолия Александровича, в годы Великой Отечественной войны гвардии старшина, старший писарь отдела кадров 71 стрелкового корпуса 31-й армии 3-го Белорусского фронта, об участии в Великой Отечественной войне. На 1-ом листе. 26.12.1945. Оригинал.
2. БГМИВОВ. НВ 25776. Воспоминания Головки Анатолия Александровича, гвардии старшины, старший писарь отдела кадров 71 стрелкового корпуса 31-й армии 3-го Белорусского фронта, об участии в Великой Отечественной войне и параде Победы 24.06.1945 г. На 12-ти листах. 26.12.1945. Ксерокопия.
3. БГМИВОВ. КП 83974/003. Автобиография на Савочкина Петра Захаровича, в годы Великой Отечественной войны гвардии капитан, начальник строевого отделения штаба 16-й гвардейской кавалерийской Черниговской дивизии 1-го Белорусского фронта. На 1-ом листе. 17.02.1947. Оригинал.
4. БГМИВОВ. КП 83974/001. Листок по учёту кадров на Савочкина Петра Захаровича, в годы Великой Отечественной войны гвардии капитан, начальник строевого отделения штаба 16-й гвардейской кавалерийской Черниговской дивизии 1-го Белорусского фронта. На 2-х листах. 17.02.1947. Оригинал.
5. БГМИВОВ. КП 83974/006. Справка на Савочкина Петра Захаровича, в годы Великой Отечественной войны гвардии капитан, начальник строевого отделения штаба 16-й гвардейской кавалерийской Черниговской дивизии 1-го Белорусского фронта. На 1-ом листе. 18.06.1948. Оригинал.
6. БГМИВОВ. НВ 34189. Приказ №101 по Белгосмузею истории Великой Отечественной войны. На 1-ом листе. 06.10.1949. Ксерокопия.
7. БГМИВОВ. КП 83933. Почётная грамота Верховного Совета БССР № 2-4910, которой награждён Савочкин Петр Захарович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета БГУ, в годы Великой Отечественной войны гвардии капитан, начальник строевого отделения штаба 16-й гвардейской кавалерийской Черниговской дивизии 1-го Белорусского фронта. В папке. На 1-ом листе. 10.06.1971. Оригинал.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СУЧАСНОЙ ГИСТАРЫЧНОЙ НАВУКІ І АДУКАЦЫІ

УЧАСТИЕ ЮГОСЛАВЯН В ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ (1917–1923 гг.)

С. С. Александрович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, forman2003@yandex.ru,*

В статье рассматривается вопрос об участии югославын (сербов, черногорцев, боснийцев, македонцев, хорватов, словенцев) в Октябрьской революции и Гражданской войне в России (1917–1923 гг.). Отмечается, что в историографии существуют различные оценки изученности этого вопроса, вплоть до диаметрально противоположных мнений. Долгое время исследователи не уделяли внимания национальным вопросам балканских славян, которые и в России оставались очень пестрым, разрозненным мультикультурным обществом. Не нашел отражения в историографии и вопрос о создании единого югославянского государства в сознании, взглядах и действиях балканских военнопленных, которые приняли участие в Гражданской войне в России. Без внимания отечественных историков остается и такой важный аспект проблемы, как участие югославын, как и других зарубежных народов, в Гражданской войне на территории Беларуси. В 1919–1920 гг. основное занятие югославянских подразделений – охрана коммуникаций и населенных пунктов по линии железной дороги от Челябинска до Владивостока. Непосредственно в боевых действиях принял участие лишь полк имени майора Матия Благотича. Отступив с Чехословацким корпусом во Владивосток, югославянские формирования покинули Приморье морским путем в августе 1920 г. Попавшие в советский плен (около 3 тыс. человек), вернулись на родину в 1921–1923 г.

Ключевые слова: югославыне; Октябрьская революция; Гражданская война в России, Красная армия; Белое движение.

PARTICIPATION OF THE YUGOSLAVS IN THE OCTOBER REVOLUTION AND THE CIVIL WAR IN RUSSIA (1917–1923)

S. Alexandrovich

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, forman2003@yandex.ru*

The article is devoted to the participation of the Yugoslavs in the October Revolution and the Civil War in Russia (1917–1923). It is noted that in historiography there are different assessments of how well this issue has been studied, even diametrically opposed opinions. For a long time, researchers did not pay attention to the national issues of the Balkan Slavs, who, even in Russia, remained a very diverse, fragmented multicultural society. The question of the creation of a unified Yugoslav state in the consciousness, views and actions of Balkan prisoners of war who took part in the Civil War in Russia was not reflected in historiography. Domestic historians also ignore such an important aspect of the problem as the participation of the Yugoslavs, as well as other foreign peoples, in the Civil War on the territory of Belarus. In 1919–1920 The main occupation of the Yugoslav units is the protection of communications

and settlements along the railway line from Chelyabinsk to Vladivostok. Only the most combat-ready and numerous regiment named after Major Matija Blagotich took part directly in the hostilities. Having retreated with the Czechoslovak Corps to Vladivostok, the Yugoslav formations left Primorye by sea in August 1920. Those captured by the Soviets (about 3 thousand people) returned to their homeland in 1921–1923.

Keywords: Ygoslavs; October Revolution; Russian Civil War; Red Army; White Movement.

Вопрос об участии югославын (сербов, черногорцев, боснийцев, македонцев, хорватов, словенцев) в Октябрьской революции и Гражданской войне в России (1917–1923 гг.) крайне неоднозначен. Советская историческая наука посвятила данной проблеме десятки сборников документов, монографий, статей, коллективных работ, но окончательная точка в исследовании так и не поставлена до нынешнего времени. После распада Советского Союза тема попала в разряд «неактуальных» и «забытых» проблематик.

В историографии существуют различные оценки изученности этого вопроса, вплоть до диаметрально противоположных мнений. С одной стороны, в советское время тема имела глубокое изучение. С другой стороны, даются оценки крайней идеологизации этого вопроса в советской историографии, его односторонней трактовки (только с позиций участия в революционном движении, службы в Красной армии), либо неизученности и замалчивания (что касается участия югославын в Белом движении). Вопросу присуща чрезвычайная схематичность: деление югославын только по политическим лагерям, на красных и белых, интернационалистов и контрреволюционеров [12, с. 36–37; 16, с. 10–27]. Исследователи не уделяли внимания национальным вопросам балканских славян, которые и в России оставались очень пестрым, разрозненным мультикультурным обществом. Не нашел отражения в историографии и вопрос о создании единого югославынского государства в сознании, взглядах и действиях балканских военнопленных, которые приняли участие в Гражданской войне в России. Без внимания отечественных историков остается и такой важный аспект проблемы, как участие югославын, как и других зарубежных народов, в Гражданской войне на территории Беларуси. С точки зрения персонификации истории, традиционно советскими историками довольно подробно изучались биографии и боевой путь известных югославынских командиров Красной армии (Олеко Дундич, Данила Сердич и ряд других). Личности югославын, выступавших на стороне Белого движения, находились в научном забвении.

С чем стоит действительно согласиться, так это с мнением, что в работах историков югославыне в Октябрьской революции и Гражданской войне всегда были в тени своих западных собратьев – чехов и словаков. Участию чехословаков в Гражданской войне в России, роли и месту Чехословацкого корпуса в противостоянии белых и красных, посвящены многочисленные сборники документов, монографии и статьи, перечислять которые в данной статье нет необходимости. Причем, интерес исследователей к чехословакам наблюдался как в советское время, так и присутствует в постсоветский период. Во времена СССР хрестоматийным являлся постулат об особой контрреволюционной роли Чехословацкого корпуса, с мятежа которого против Советской власти в мае 1918 г. и идет отсчет событий Гражданской войны в России. В постсоветское время тема чехословаков стала актуальной в связи с исторической и политической реабилитацией вождей Белого движения, в частности, адмирала А. В. Колчака, к судьбе которого Чехословацкий корпус имел самое прямое и трагическое отношение. Особо следует отметить крайне острый и болезненный вопрос о грабеже Чехословацким корпусом национального богатства России, включая золотой запас Российской империи.

Размахом исследовательского интереса проблема участия югославын в Октябрьской революции и Гражданской войне в России не отличается и в наши дни. Тем не менее, вопрос заслуживает особого внимания.

Как в России накануне октября 1917 г. оказались югославыне, и какова была их численность?

Статистика указывает на определенное количество югославын – подданных Российской империи; югославын, имеющих гражданство других держав, в том числе враждебных России и югославынских беженцев (в основном, из Румынии). Но все эти категории малочисленны (несколько тысяч человек, включая женщин и детей). Самой крупной группой югославын в данном случае следует считать славянских солдат и офицеров австро-венгерской армии, попавших в русский плен в годы Первой мировой войны. К началу осени 1917 г. в России находилось около 2 млн. военнопленных блока Центральных держав, из которых около 80% составляли подданные Австро-Венгерской монархии. [6, с. 14–15]. Более 300 тысяч из них были югославыне [13, с. 9]. Большинство славянских военнопленных размещалось в специальных лагерях на территории Московского, Казанского, Омского, Туркестанского военных округов. Наибольшая же концентрация югославынских солдат и офицеров наблюдалась в Киевском и Одесском военных округах. Примечательно, что

российские власти, преследуя определенные политические цели, стремились располагать пленных славян отдельно от немцев, австрийцев и венгров [4, с. 15]. С осени 1915 г. военнопленных стали привлекать к работе на предприятиях и в сельском хозяйстве [9, с. 33–35]. В этом же 1915 г. российские власти разрешили эмиссарам сербского правительства и Югославянского комитета в Лондоне формировать из военнопленных добровольческие части для отправки на австро-сербский фронт. Основным пунктом формирования таких частей стала Одесса, где находилось сербское консульство [4, с. 16]. Под руководством сербского консула Марко Цемовича и главы сербской военной миссии полковника Лонткиевича югославских добровольцев по Дунаю отправляли в Сербию [4, с. 10].

Вступление в 1915 г. в войну Болгарии на стороне Центральных держав и победное наступление австро-венгерской армии на Балканах вынудили сербскую армию покинуть Сербию и эвакуироваться на о. Корфу. Тогда югославские части стали отправляться на Румынский и Салоникский фронты. По требованию сербского правительства такие формирования официально назывались «сербскими», но в их составе были хорваты, боснийские мусульмане, словенцы и чехи. К осени 1917 г. общая численность югославянских формирований, размещенных по всей территории бывшей Российской империи, составила около 30 тыс. человек. Основными точками их сосредоточения был район Одессы (1-я сербская дивизия) и район г. Александровска, в настоящее время – г. Запорожье (2-я сербская дивизия). Здесь, к сентябрю 1917 г. было завершено формирование югославянского (официально «Сербского») добровольческого корпуса, большая часть которого до 1918 г. была отправлена на Салоникский фронт [6, с. 15].

По мере развития событий 1917 г. в России, югославянские военнопленные становятся объектом революционной, в первую очередь, большевистской агитации. В июне 1917 г. в Дарницком лагере (пос. Дарница, ныне в черте г. Киева) возникли первые прореволюционные организации югославских военнопленных: Комитет диссидентов и Югославянский революционный союз (ЮРС). Последний представлял собой наиболее массовое и деятельное объединение югославянских военнопленных. Об активности ЮРС свидетельствуют факты проведения съезда этой организации 1 (14) января 1918 г. в Киеве, и издания там же периодического печатного органа (газеты) «Югославянский революционер». Несмотря на очевидную революционность, деятельность ЮРС подвергалась критике со стороны советской историографии, так как

союз «не смог понять существа Октябрьской революции и на первых порах занял политику “нейтралитета” по отношению к событиям в России». Большевистская пропаганда среди членов ЮРС была усилена, что принесло свои плоды [5, с. 236; 6, с. 77; 10, с. 58; 15, с. 9–10].

В результате революционной пропаганды на рубеже 1917–1918 гг. на территории Советской России было создано около 20 крупных отрядов югославян (численностью до батальона) и несколько десятков мелких (численностью до роты), которые впоследствии влились в Красную гвардию, а затем в Красную армию. Большинство этих отрядов возникло на Украине и в Поволжье. Общая численность солдат и командиров в этих формированиях – около 3–4 тыс. человек [6, с. 395]. Это составляло около 1–1,5% от общего количества югославянских военнопленных в России (подсчет автора). Столь незначительная численность обусловлена тем, что на протяжении всей Гражданской войны шел процесс массового возвращения военнопленных на родину, уже в Королевство сербов, хорватов и словенцев (образовано 1 декабря 1918 г.). Балканские интернационалисты на юге России устанавливали Советскую власть, воевали с немцами, поляками, петлюровцами, белоказаками, войсками Деникина и Врангеля, Григорьева и Махно [1, с. 418–419, 442–449, 450–461; 3, с. 48–63; 8, с. 12; 11, с. 57–60]. Из югославян вышли известные герои Гражданской войны: Олеко Дундич, Данило Сердич (его именем названы улица и сквер во Фрунзенском районе г. Минска), Боривой Агатонович (первым из югославян награжден орденом Красного Знамени), Геннадий Маркович (трехкратный кавалер ордена Красного Знамени) [4, с. 193, 195, 200]. Югославянские интернационалисты сражались за Советскую власть на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке, на севере России (через Архангельск и Мурманск проходил путь отправки югославян на Салоникский фронт), в Средней Азии. Среди красных югославян численно доминировали сербы (следует заметить, что их было больше и среди пленных), но были представлены все славянские балканские национальности [2, с. 24]. С приближением окончания Гражданской войны весной–летом 1920 г. иностранцам, по их желанию, разрешалось покинуть ряды Красной армии и вернуться на родину. Среди покидавших Советскую Россию интернационалистов, были и югославы, несшие революционные идеи на Балканы, в том числе, будущий основатель и руководитель Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) Иосип Броз Тито [4, с. 222].

Если югославы в Красной армии, как правило, были сплочены революционными идеями, то их этнические собратья оказались в контрреволюционных формированиях по самым различным мотивам. Кто-то оказался убежденным противником мировой революции (особенно офицеры). Были те, которые поддерживали создание собственных национальных государств (в первую очередь, хорваты и словенцы), а в коммунизме видели тому препятствие. Многие югославянские военнопленные, оказавшиеся в тяжелых бытовых и климатических условиях Урала, Сибири и Дальнего Востока, не имея никакого занятия, вступали в войну на стороне противников Советской власти, банально пытаясь выжить, получить питание, обмундирование и надежду на скорейшее возвращение домой [7, с. 303; 14, с. 187–188]. Югославянские солдаты и офицеры, находившиеся в отдаленных, азиатских регионах, испытывали меньшее большевистское, и в целом, революционное влияние, по сравнению с их товарищами в европейских районах страны.

По этим причинам большинство югославянских военнопленных на востоке России вступило в состав Чехословацкого корпуса, который поднял антисоветский мятеж. Сербь, хорваты и словенцы принимали участие в захвате Самары, Пензы, Челябинска, Омска, Томска, других сибирских и дальневосточных городов по пути следования Чехословацкого корпуса. В указанных регионах югославы также активно привлекались в белогвардейские части и формирования интервентов. Зачастую белая агитация побеждала красные идеи. Показательный пример тому – переход Сербского революционного батальона под командованием майора Матия Благодича на сторону белых частей генерала В. О. Каппеля при взятии Казани в августе 1918 г. [4, с. 180]. Этот переход, по сути, решил исход операции и предопределил победу белых сил. Общая численность югославы в составе контрреволюционных сил можно определить в 9–10 тыс. человек, из которых более 80% – сербы, проявившие наибольшую политическую активность [4, с. 181]. Сербский исследователь проблемы Николо Попович отмечает, что потенциально это число могло быть увеличено за счет 7 тыс. югославянских военнопленных, находящихся в лагерях на огромном пространстве от Челябинска до Иркутска, и охраняемых чехословаками [13, с. 189–191]. Проблема состояла в том, что в этих лагерях почти не было сербов, которые, к этому времени, либо определились в революционном противостоянии в России, либо уехали на родину. В заключении оставались хорваты, словенцы и боснийцы-мусульмане, которые, в подавляющем большинстве, не разделяли ни

революционных, ни контрреволюционных идей, избегали набора в какие-либо войска и стремились быстрее попасть на родину.

После образования Королевства сербов, хорватов и словенцев, с подачи правительства Королевства, все югославянские части на востоке России были подчинены французскому генералу Морису Жанену, командующему союзническими войсками в Сибири. В 1919–1920 гг. основное занятие югославянских подразделений – охрана коммуникаций и населенных пунктов по линии железной дороги от Челябинска до Владивостока. Непосредственно в боевых действиях принял участие лишь самый боеспособный и многочисленный (около 5 тыс. человек) полк имени майора Матия Благодича, который отличился в сражениях против Красной армии на Урале. Отступив с Чехословацким корпусом во Владивосток, югославянские формирования (около 1 тыс. человек) покинули Приморье морским путем в августе 1920 г. Попавшие в советский плен (около 3 тыс. человек), вернулись на родину в 1921–1923 г. [13, с. 194 – 195]. Сколько югославов: сербов, черногорцев, боснийцев, македонцев, хорватов, словенцев, – погибших и живых, осталось на просторах России после Октябрьской революции и Гражданской войны – не выяснено по настоящее время. Проблема участия югославян в Октябрьской революции и Гражданской войне в России, несомненно, требует дальнейшего внимания исследователей.

Библиографические ссылки

1. Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России. (1917–1922) / Сост.: В. Р. Копылов [и др.]. М.: Советская Россия, 1957.
2. Данилов В. А. Интернационалисты на Урале и в Сибири. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1972.
3. Зарубіжні інтернаціоналісти в рядах борців за владу Рад на Україні. (1917–1920) Київ: Наукова думка, 1967.
4. Зеленин В. В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917–1921. М.: Мысль, 1977.
5. Интернационалисты в боях за власть Советов. М.: Мысль, 1965.
6. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов. М.: Наука, 1967.
7. Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики: в 2 т. / Ред. коллегия: А. Я. Манусевич (отв. ред.) [и др.]. М.: Наука, 1967–1971. Т. 1. 1967.
8. Интернационалисты: трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики: в 2 т. М.: Наука, 1967–1971. Т. 2. 1971.
9. Интернационалисты: участие трудящихся стран Центральной и Юго-Восточной Европы в борьбе за власть Советов в России. 1917–1920 гг. М.: Наука, 1987.

10. Копылов В. Р. Зарубежные интернационалисты в Октябрьской революции 1917–1918. М.: Мысль, 1977.
11. Краснов Валерий Григорьевич. Интернационалисты на фронтах гражданской войны. М.: Знание, 1989.
12. Манусевич А. Я. Состояние и задачи изучения истории интернационалистского движения в России в 1917–1920 гг. // В кн.: Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции. М. 1967. С. 36–37.
13. Очак И. Д. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России (1917–1921 гг.). М.: Изд-во Моск. у-та, 1966.
14. Попович Н. «Одиссея от Одессы до Красноярска ...». Сербы в Сибири в 1919–1921 гг. // Славянский альманах. 2004. С. 187–195.
15. Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР: Сб. док. и материалов. М.: Наука, 1976.
16. Шишкина Л. В. Участие зарубежных интернационалистов в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР, 1917–1920 гг.: историография проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 09. М., 1982.

ЖИЛИЩНО-БЫТОВЫЕ УСЛОВИЯ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В 1930-е гг.

О. В. Бригадина

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, brigadinaol@mail.ru*

В статье анализируются основные решения «жилищного вопроса» в 1930-е гг. в СССР. Представлена информация об условиях жизни рабочих, служащих и других категорий населения в коммунальных квартирах и иных формах жилья. Отмечается дифференцированный подход в решении данной проблемы и наличие в стране одновременно барачных и элитных домов для номенклатуры.

Ключевые слова: жилищный вопрос; коммунальная квартира; «уплотнение»; партийно-государственная номенклатура; элитные дома и государственные дачи.

LIVING CONDITIONS OF THE SOVIET POPULATION IN THE 1930s

O. V. Brigadina

*Belarusian State University, Nezavisimosti Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,
brigadinaol@mail.ru*

The article analyzes the main solutions to the «housing issue» in the 1930s in the USSR. Information is presented on the living conditions of workers, employees and other categories of the population in communal apartments and other forms of housing. A differentiated approach is noted depending on these problems and the presence in the country of both barracks and elite houses for the nomenklatura (high-ranking party and state officials).

Keywords: housing issue; communal apartment; «densification»; party and state nomenclature; elite houses and state-owned dachas.

Повседневная история является достаточно новой и малоизученной областью исторической науки, но в последнее время всё чаще вызывает к себе большой интерес со стороны исследователей. Именно сквозь призму каждодневных бытовых проблем человеческой жизни и их подробное изучение и анализ можно проследить политические и экономические изменения, происходившие в обществе в определённый период времени. Объектом исследования истории повседневности становятся не экономические явления и политические процессы, а человек с его каждодневными проблемами: питания, одежды, жилья, занятости, труда, отдыха, морали и т. д.

В 30-е гг. XX в. для любого советского человека самым актуальным аспектом повседневной жизни был жилищный вопрос. С 1928 г. по 1932 г. городское население страны увеличилось на 44%. За пять лет число горожан возросло настолько же, насколько за предыдущие тридцать лет. Особенно это было заметно в Москве и Ленинграде. Об этом свидетельствуют материалы пленума ЦК ВКП (б) от 15 июня 1931 г. «...На

базе роста промышленности произошёл быстрый рост населения Москвы до 2800 тыс. человек в 1931 г. против 1618 тыс. человек в 1912 г., что составляет рост на 73%» [1, с. 313–327].

Несмотря на огромный прирост городского населения в СССР в 1930-е гг., жилищное строительство отставало в своём развитии. Большинство жилых зданий в городах после революции перешло в собственность государства. Распоряжались этим жилым фондом городские власти, которые определяли, сколько площади должно приходиться на каждого жильца квартиры. Эти – пресловутые «квадратные метры» – навсегда запечатлелись в сердце каждого жителя большого города. Так, например, в Москве в 1930 г. средняя норма жилплощади составляла 5,5 м² на человека, а в 1940 г. понизилась почти до 4 м². В новых и быстро развивающихся городах положение было ещё хуже: в Магнитогорске и Иркутске норма была чуть меньше 4 м², а в Красноярске в 1933 г. – всего 3,4 м². Одним из вариантов решения жилищной проблемы было так называемое «уплотнение» [2 с. 88]. Городские жилотделы имели право выселять жильцов – например, тех, кто считался «классовыми врагами», – и подселать новых в уже занятые квартиры. Квартира, занятая одной семьёй, могла внезапно превратиться в многосемейную или коммунальную. Причём новые жильцы, как правило, выходцы из рабочих и крестьян, были совершенно незнакомы старым жильцам и это становилось причиной конфликтов. Семья, первоначально занимавшая квартиру, не могла никуда переехать как из-за жилищного дефицита, так и из-за отсутствия частного рынка найма жилья. Этот вопрос подробно рассматривался на пленуме ЦК ВКП (б) от 15 июня 1931 г. «...за годы революции переселено в старые, благоустроенные дома, в которых жили буржуазно-зажиточные элементы с подвалов и кроватно-каморочных квартир больше полумиллионов рабочих и трудящихся...» [1, с. 335].

С конца 1932 г. после того, как вновь были введены внутренние паспорта и городская прописка, жителям больших городов требовалось иметь вид на жительство, выдававшийся районными отделами городских органов внутренних дел. В домах с отдельными квартирами обязанность регистрировать жильцов была возложена на управдомов и правления кооперативов, которые, следили за жильцами и работали осведомителями. В Москве и других крупных городах процветали всевозможные махинации с жильём: фиктивные браки и разводы, прописка чужих людей в качестве родственников, сдача в наём «коек и углов» по непомерным ценам «до 50% месячного заработка». В Москве в 1933 г. массовым явлением стало занятие

(под жильё) кочегарок, сторожек, подвалов и лестничных клеток. Самые лучшие связи и социальный статус часто ещё не гарантировали получения отдельной квартиры. В адрес местных, городских Советов и СНК СССР поступало много просьб и жалоб граждан на отсутствие подходящего жилья. Вот что писал в своём письме В. М. Молотову 36-летний ленинградский рабочий, пять лет проживший в коридоре: «Умоляю дать мне комнату или маленькую квартирку для построения в ней личной жизни, которая мне как воздух необходима...» [2, с. 123].

Обычный для советских городов 1930-х гг. тип жилья простых людей представляли собой коммунальные квартиры. Термин «коммунальный» нес в себе идеологический оттенок, вызывая в воображении картину коллективного социалистического общежития. Однако реальность разительно отличалась от этой картины. Большинство коммуналок в 1930-х гг. были не построены, а переделаны из старых отдельных квартир. Вот как описывается одна из таких квартир: «Водопровода в комнате не было; простынями или занавесками выгораживались уголки, где спали и сидели два-три поколения; продукты зимой вывешивались в мешках за окно. Общие раковины, уборные, ванны и кухонные приспособления (обычно всего лишь примусы, горелки и краны с холодной водой) располагались либо на ничейной территории между жилыми комнатами, либо внизу, в не отапливаемых, завешенных бельём сенях» [6, с. 168]. Каждая семья ревниво охраняла личное имущество. Строжайшим образом проводились «демаркационные» границы. Зависть и алчность процветали в замкнутом мирке коммуналки, где зачастую площадь комнат и размеры занимающих их семей не соответствовали друг другу. Семьи, живущие в больших комнатах, вызвали зависть тех, кто жил в маленьких. Это негодование служило источником множества доносов и судебных исков, целью которых было увеличить жизненное пространство доносчика или истца за счёт соседа.

Жизнь в коммуналке бок о бок с людьми разного происхождения, с самыми разными биографиями, чужими друг другу, но обязанными сообща пользоваться квартирными удобствами и содержать их в чистоте, без права на уединение, постоянно на глазах у соседей, изматывала большинство жильцов психически. Неудивительно, что сатирик М. М. Зощенко в своём рассказе «Нервные люди» о нравах коммуналки назвал её обитателей «нервными людьми» [3, с. 179]. Перечень сторон жизни коммунальной квартиры нашёл отражение в резолюции пленума ЦК ВКП (б) 1935 г., осуждающей «хулиганское поведение» в квартире, в том числе «устройство

систематических попоек, сопровождающихся шумом, драками и площадной бранью, нанесением побоев, оскорблений, угрозы расправиться, пользуясь своим служебным или партийным положением, развратное поведение, национальную травлю, издевательство над личностью, учинение разных пакостей (выбрасывание чужих вещей из кухни и других мест общего пользования, порча пищи, изготовляемой другими жильцами, чужих вещей и продуктов и т. п.)» [2, с. 90].

Вместе с тем во многих воспоминаниях приводятся примеры о духе взаимовыручки, царившем среди их соседей по коммуналке и живших как бы одной большой семьёй. Большинство добрых воспоминаний о коммуналке относятся к воспоминаниям детских лет: дети, у которых частнособственнические инстинкты были менее развиты, чем у их родителей, часто радовались, что с ними живут их сверстники и им есть с кем играть, и любили наблюдать за поведением множества столь непохожих друг на друга взрослых. В своих воспоминаниях В. Г. Левина приводит описание быта в коммунальных квартирах в Ленинграде: «...при каждом доме была общественная прачечная с большими котлами для кипячения белья, корытами и т. п. В квартирах бельё не сушили, боялись сырости. Чердаки домов были разделены перегородками на секции с одним ключом для нескольких квартир. На верхней площадке нашей лестницы стоял огромный стол-каток для катания влажного белья перед глажением. Утюги были паровые, в которых красные угли подогревали ёмкость с водой, дающей пар; угольные – полые с продырявленными стенками для того, чтобы, покачивая утюг, можно было раздувать угли, лежащие внутри утюга; и сплошные чугунные, которые нагревались на огне до определённой температуры, обычно они работали в паре – одним гладили, другой подогревался» [6, с. 198].

В новых индустриальных городах чаще всего жильё и прочие коммунальные услуги представлялись предприятиями, а не местными советами. Таким образом, неотъемлемой чертой жизни в СССР стали «ведомственные городки», где завод не только давал работу, но и контролировал жилищные условия. Типична для многих советских городов была проблема жилья в Магнитогорске. 82%, жилплощади принадлежало главному промышленному объекту города – Магнитогорскому металлургическому комбинату. Обычно оно имело вид бараков или общежитий. В Магнитогорске в 1938 г. бараки составляли 47% имевшегося жилья, к этому следует прибавить 18% землянок, крытых дерном, соломой и обрезками металла, построенных самими жильцами [5, с. 85]. Как

правило, бараки состояли из больших комнат с рядами железных коек или поделенные на маленькие комнатки. В общежития обычно селили студентов, а также молодых неженатых квалифицированных рабочих и служащих. Американский писатель Джон Скотт, живший в 1930-е гг. в Магнитогорске, описал сравнительно «приличный» барак: «...низкое деревянное беленое здание, двойные стены проложены соломой. Крыша, крытая толем, по весне протекала. В бараке было тридцать комнат. В каждой жильцы установили маленькую кирпичную или железную печку, так что пока были дрова или уголь, комнаты можно было отапливать. Коридор с низким потолком освещался одной маленькой электрической лампочкой. В комнате на двух человек размером шесть на десять футов имелось одно маленькое окошко, которое заклеивали газетами, чтобы не дуло. Там стояли небольшой стол, маленькая кирпичная печка и трёхногий табурет. Две железные койки были узкими и шаткими. На них не было пружинной сетки, только толстые доски лежали на железном каркасе. В бараках не было ванн, водопровода. Кухня имелась, но в ней жила одна семья, поэтому все готовили на своих печках...» [2, с. 124].

Вопрос обеспечения жильём элиты советского общества решался иначе. 23 ноября 1917 г. В. И. Ленин лично записал в Постановлении СНК, что для наркомов «...квартиры допускаются не свыше одной комнаты на каждого члена семьи» [6, с. 38]. Необходимо отметить, что каких-либо ограничений на площадь жилища не устанавливалось. Получить квартиру в Кремле считалось престижным, но свободных было мало. Жители Кремля пользовались квартирами бесплатно. Апартаменты были довольно большими, но неудобными, комнаты в них в основном были проходными, с низкими потолками. Обычно кремлёвские квартиры состояли из спален, по одной на каждого члена семьи, столовой, библиотеки, кабинета-спальни для главы семьи. Такой, например, была квартира Сталиных. Она состояла из двух половин – «детской», на которой располагались четыре комнаты: спальни Василия и Светланы, общая столовая и библиотека, и второй половины, состоящей из анфилады комнат И. В. Сталина: комната адъютанта, столовая, библиотека, кабинет-спальня [7, с. 189].

Государственная элита получала не только квартиры в Московском Кремле и отдельные особняки, но и квартиры в домах высокой комфортности. Одним из них был «Дом на Набережной» по улице Серафимовича. Вот как он описывается очевидцами: «Здесь есть квартиры и маленькие, и очень большие, но все – просторные. И везде – почти одинаковые, крохотные кухоньки. Они не рассчитаны на то, чтобы готовить

пищу. Для завтраков, обедов и ужинов в доме была запланирована общая столовая. В квартирах горячая и холодная вода, холодильные шкафы, телефоны, грузовой лифт для мусора...» [5, с. 171]. Кроме известного дома на Набережной, в Москве было ещё несколько правительственных домов. Например, дом на улице Грановского или пятый дом Советов, находившийся рядом с кремлёвской столовой, кремлёвской поликлиникой, больницей и аптекой для членов партийно-государственной номенклатуры. «Правительственные» дома имели обширный штат obsługi, который, как правило, содержался за государственный счёт. Зачастую в доме располагался свой закрытый спецраспределитель и гараж. Квартплата составляла чисто условную сумму. Квартиры выдавались семьям государственных деятелей из расчёта одна комната на человека плюс кабинет и столовая или гостиная. Дома также обслуживал большой персонал, члены которого проживали там же. Одним из способов обеспечения элиты жильём стали жилищные кооперативы для работников определённых правительственных учреждений: ЦК, ОГПУ, армии, Наркомата иностранных дел, Наркомата тяжёлой промышленности и Союза писателей.

Помимо квартир в городе, членам партийной номенклатуры и их семьям полагались также государственные дачи. Они, как и квартиры, содержались за государственный счёт. В зависимости от ранга и заслуг, номенклатура получала загородные дома или виллы на курортах в Крыму и на Кавказе. У кого не было своего дома на курорте, т. е. стоявшие рангом ниже, пользовались ведомственными санаториями, домами отдыха. Отдых на госдаче или в санатории постепенно стал традицией практически для всех ответственных работников и их семей. Госдачей можно было пользоваться в течение всего летнего сезона. Находились они в удобно расположенном и обнесённом высоким забором дачном посёлке. Здесь специально были выстроены закрытые спецмагазины, спецстоловые, кино, библиотека, спортивная площадка. Плата за дачу была минимальной [7, с. 198]. Участки государственных дач представляли собой целые парки размером в несколько гектаров земли. Причём ухаживал за этими парками большой штат специально обученных садовников.

Советское государство в 1930-е гг. выстроило чёткую иерархию взаимоотношений. С учётом сокращения удельного веса рабочих – владельцев собственного жилья за годы первых пятилеток произошло ухудшение качественных характеристик жилищного фонда для большинства рабочих крупной промышленности СССР при заметном

улучшении квартирного благосостояния определённых представителей интеллигенции и партийной элиты. Существовала целая система привилегий для определённых слоёв советского общества. Люди делились на отдельные категории (рабочие, служащие, номенклатура), у каждой из которых был свой уровень жизни.

Библиографические ссылки

1. О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР: Материалы пленума ЦК ВКП(б), 15 июня. 1931г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1929–1932 гг. М., 1984. Т. 5. С. 313–327.
2. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 1930-е гг.: город. 2-е изд. М: РОССПЭН, 2008.
3. Зоценко М. М. Рассказы. Фельетоны. Повести. М.: Высшая школа, 1979.
4. Левина В. Г. Я помню... Заметки ленинградки. М.: Нестор-история, 2007.
5. Утехин И. Очерки коммунального быта. 2-е изд. М., 2004.
6. О размерах вознаграждений Народных Комиссаров, высших служащих и чиновников: Постановление СНК, 23 ноября. 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.
7. Богословская М. В. Повседневная жизнь советской элиты в 1920–1930 гг. // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. М.: РГГУ, 2009.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ СЕМИНАРСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО КУРСУ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

М. С. Довгялло

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, misha_dauhiala@tut.by*

Статья посвящена некоторым аспектам проведения семинарских занятий на 4 курсе исторического факультета. Отмечается, что преподавание истории носит воспитательный характер и нацелено на воспитание граждан Республики Беларусь патриотами своей страны, подготовки студентов к прохождению педагогической практики и дальнейшей работе в учебных заведениях.

Ключевые слова: история; учебная программа; метод наглядности; методика преподавания истории; историческое образование.

SOME ASPECTS OF SEMINAR COURSES IN HISTORY TEACHING METHODS

M. S. Dauhiala

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, misha_dauhiala@tut.by*

The article is devoted to some aspects of seminar classes at the 4th year of the History Faculty. It is noted that history teaching has an educational character and is aimed at bringing up citizens of the Republic of Belarus as patriots of their country; preparing students for pedagogical practice and further work in educational institutions.

Keywords: history; curriculum; method of visualisation; history teaching methodology; history education.

Современный этап развития высшей школы характеризуется поисками путей дальнейшего совершенствования содержания, форм и методов обучения студентов. Все большее внимание уделяется проблеме обучения студентов. Подготовка высококвалифицированных специалистов-историков требует выработки у студентов активного творческого подхода к анализу событий и явлений современности. Процесс обучения в вузе сегодня все больше опирается на самостоятельную, близкую к будущей практической и исследовательской, деятельность студента. Поэтому исходным термином понятия самостоятельная работа является «самостоятельный», то есть «осуществляемый своими собственными силами» (1, с. 23). Качественное преподавание гуманитарных дисциплин могут обеспечить только высококвалифицированные специалисты-профессионалы. Преподавание истории нацелено на воспитание граждан Республики Беларусь (РБ) патриотами своей страны, уважения к

историческому прошлому, созидательному труду как главному условию развития белорусского государства.

На методику преподавания истории на факультете по программе предусмотрено 150 часов, в том числе 68 – аудиторных, из них лекции – 42, семинарские занятия – 20 часов. Управляемая самостоятельная работа студентов – 6 часов [2]. Курс завершается итоговым экзаменом и прохождением педагогической практики в средних школах, гимназиях, лицеях, колледжах страны.

Основной целью семинарских занятий по методике преподавания истории является углубленная проработка систематического курса согласно утвержденной программе [2]. Занятия способствуют усвоению студентами теоретического и фактического материала, формированию навыков анализа исторических событий, самостоятельности в работе с литературой, выполнению различных практических заданий. Они выполняют функцию контроля, а также играют большую воспитательную роль. Именно на семинарских занятиях преподаватель входит в наиболее близкое соприкосновение со студентами. Он имеет возможность не только проконтролировать подготовку студентов, но и разъяснить каждому студенту индивидуально трудный вопрос для понимания, прокорректировать его практическую работу над заданием. Оно способствует формированию систематизированных знаний об историческом прошлом, обогащению социального опыта учащихся, развитию коммуникативных способностей.

Важно, чтобы студенты не просто приобретали знания, но и овладевали способами их добывания, т. е. научить студентов учиться бывает важнее, чем вооружить их конкретными знаниями. Еще древнегреческий философ и ученый Аристотель говорил: «Плохой учитель подобен тому сапожнику, который снабдил учеников грудой готовых сапог, вместо того, чтобы научить их делать сапоги» [3, с. 18]. Преподаватель в начале семинарских занятий информирует студентов, что их активность, подготовленность будет учитываться при выставлении рейтинга к экзамену.

Приступая к семинарским занятиям, преподаватель проводит подготовительную работу: анализирует итоги занятий прошлых лет, ищет пути более органичной взаимосвязи лекционных и семинарских занятий, знакомится с новой литературой по курсу и учебными пособиями для средней школы. Семинарские занятия – сложная совместная работа преподавателя и студентов. Успех занятия зависит от того, насколько

хорошо студент подготовился к нему, от его плодотворной самостоятельной работы с книгами и другими источниками литературы. При ознакомлении студентов с планом новой темы преподаватель обращает внимание на трудные вопросы, а также на вопросы, по которым еще нет единого мнения в науке, методистов, делает обзор обязательной и дополнительной литературы. Особенно подробно останавливается на характеристике практических заданий, которые необходимо выполнить самостоятельно. Семинарские занятия по методике помогают в будущем студентам-практикантам успешно пройти практику. По мнению декана исторического факультета С. Н. Ходина, «...на последнем этапе обучения посредством производственной (педагогической) практики студенты имеют возможность не только закрепить свои навыки, но и помогают своим ученикам формировать умения работать самостоятельно» [4, с. 5]. Для этого на протяжении трех семинарских занятий в университетской аудитории имитируются школьные уроки различных типов (урок изучения нового материала, комбинированный и повторительно-обобщающий) и отрабатываются способы и средства обучения. Такая система подготовки помогает в процессе педагогической практики и дальнейшей деятельности. По отзывам студентов, после проведения фрагментов уроков для своих одноклассников, с реальными учениками в классе они работают намного увереннее, готовы к разрешению различных конкретных педагогических ситуаций.

На семинарских занятиях студенты должны использовать школьные учебные пособия по истории. Раньше в учебниках преобладало монологическое, репродуктивно-объяснительное изложение материала, чтобы учащиеся усвоили объясненный учителем материал и могли его воспроизвести, а иллюстрации предназначались в основном для закрепления пройденного материала. Современные учебные пособия претерпели существенные изменения и требуют уже новых подходов в работе с ними. В настоящее время в средних образовательных учебных заведениях республики используются учебные пособия по истории пятого поколения, выпуск которых начался в 2016 г. [5, с. 23]. В них запрограммированы все виды учебно-познавательной деятельности учащихся, связанные с формированием как общеучебных, так и специальных умений и навыков с учетом возрастных особенностей учащихся. Такие издания содержат творческие задания для самостоятельной работы и материалы для самоконтроля, которые позволяют закрепить пройденный материал, творчески усвоить понятия и

теорию, применить их к решению конкретных жизненных ситуаций. В них также предусмотрены ссылки на электронные образовательные ресурсы и иные источники, способствующие расширению и дополнению учебной информации [6, с. 188–191]. На семинарских занятиях можно использовать такие методы обучения, как создание проблемных ситуаций, деловая игра, мозговой штурм, дискуссия, решение учебно-познавательных задач.

В темах, выносимых на семинарские занятия, предусматривается рассмотрение лишь важнейших проблем. Так, при изучении содержания и задач курса методики, основное внимание концентрируется на структуре школьного курса истории, требованиях, которые предъявляются к новым учебным пособиям, построение учебника, концепции школьного исторического образования. Изучая организацию исследовательской и краеведческой работы в школе, студенты: знакомятся с простейшими приемами исследований в классе с помощью памяток; последовательность организации ученической исследовательской работы учителем истории; из школьной хрестоматии выбирают первоисточник (документ) и анализируют его согласно памятке; выполняют к семинару практическое задание; концентрируют внимание на направлениях и формах школьного краеведения; методике краеведческой экспериментальной работы. Учебные программы по истории Беларуси предусматривают проведение девяти уроков, основанных на использовании краеведческого материала [7, с. 43–44].

Чаще всего семинарские занятия проводятся в форме развернутой беседы на основе предложенного преподавателем плана. Практикуются также доклады студентов, ролевые игры, собеседование, проектные и текстовые задания, контрольные работы, коллоквиумы, практическая работа и др. Ряд методистов считает, что современным требованиям наиболее соответствует такая форма проведения занятий, как доклады. Но вряд ли можно строить занятия лишь по системе докладов. На таких занятиях резко снижается активность остальных студентов, ибо серьезно готовятся к занятию лишь докладчики. Опыт показывает, что большой эффект дает сочетание беседы с заслушиванием докладов по наиболее сложным вопросам, обеспеченным новейшей литературой и журнальными статьями учителей практиков.

Так, при изучении темы «Использование современных образовательных технологий на уроках истории» выделяются основные вопросы, которые готовят все студенты (интерактивные методы и особенности их использования на уроках истории, использование

технологии развития критического мышления через чтение и письмо, методика использования групповых технологий на уроках истории), и намечается два доклада или сообщения на 10–15 минут (информационные технологии и особенности их использования, педагогическая рефлексия и ее организация в учебном процессе). Чтобы стимулировать творческую активность в процессе беседы, преподаватель просит подготовить каждому студенту фрагмент урока с использованием одного из интерактивных методов или составить синквейн и его озвучить. Студенты обязаны знать и использовать на занятии интерактивные дидактические материалы по изучению памятных мест Великой Отечественной войны, где материалы построены на использовании различных источников исторических знаний: исторических документов, биографических данных, литературно-художественных текстов и т. д. Разработанные материалы размещены на национальном образовательном портале.

Важную роль в повышении эффективности семинарских занятий играют различные проблемные ситуации, которые создаются путем постановки проблемных вопросов, вытекающих из сути изучаемой темы. Споры и дискуссии, возникающие при обсуждении проблемных вопросов, оставляют глубокий след в сознании студентов. Дискуссии оживляют занятия, активизируют студентов, развивают их инициативу, воспитывают творческий подход к изучению предмета. Если на семинарском занятии не возникает дискуссия, не обсуждаются спорные вопросы, то у студентов не формируются искусство поиска доказательств, умение спорить с другими и самим собой, т. е. не формируется творческая личность. Создание проблемной ситуации предполагает подбор заранее проблемных заданий к темам в целом и по отдельным вопросам плана. На семинарских занятиях используются наглядные пособия и технические средства обучения. В основном это компьютер и интерактивная доска. Студенты во время своего выступления могут демонстрировать подготовленные ими эскизы, схемы, таблицы, диаграммы, наглядную продукцию.

Сегодня знать карту – это значит не только знать ее условную пунктуацию, ее символику, города, границы, реки, но и видеть за этими знаками живую историческую действительность, сложность экономических, социально-политических и культурных взаимоотношений. И как правильно заметил, известный советский методист А. И. Стражев, «научить учащихся “читать карту”, как читают историческую книгу, вот задача, которой должен руководствоваться учитель истории, приступая к работе с картой» [8, с. 59]. Ознакомление учащихся с условным языком

карты не является самоцелью, а служит лишь средством к чтению на ней исторических явлений. Работа с учебными картами в процессе обучения истории является обязательной. Рекомендуется использовать учебные настенные карты, учебные атласы.

К сожалению не все так считают. Существует мнение, что преподавать историю может любой, лишь бы человек был хороший и любил историю. «Я считаю, я глубоко убеждена, что историю можно преподавать человеку, который не является профессиональным историком... Потому что учитель – в первую очередь популяризатор. Если человек любит, прекрасно знает, о чем говорит, он может завлечь и заворочить любого», – сказала О. Ю. Васильева в сентябре 2019 г. в бытность министром просвещения Российской Федерации на всероссийском открытом уроке «Я помню» [9].

Учащимся необходимо овладевать умениями решать задачи, в которых требуется реконструировать условие или переформулировать вопрос. Анализировать текст, выбирать необходимую информацию в условиях ее избыточности. Находить дополнительные данные, получать решение с определенным уровнем приближенности, видеть взаимосвязи между различными предметами, выдвигать и обосновывать гипотезы, планировать собственную деятельность, работать в группах. Для этого нужны знания и умения, которым их может научить только учитель, имеющий соответствующую квалификацию.

Таким образом, без знаний основ методики преподавания истории будущий специалист обойтись не может. Для совершенствования своих теоретических знаний, педагогического опыта для учителей историков изданы современные учебные пособия [10; 11], публикуются журналы «Беларускі гістарычны часопіс», «Гісторыя і грамадазнаўства» и др. В журналах содержатся практические материалы из опыта работы учителей истории и обществоведения, планы уроков, материалы для внеклассной работы, методические рекомендации для молодых учителей.

Библиографические ссылки

1. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4. М.: Полиграфресурсы, 1999.
2. Козік Л. А., Даўгяла М. С. Методыка выкладання гісторыі. Вучэбная праграма установы вышэйшай адукацыі па вучэбнай дысцыпліне для спецыяльнасці 1-21 03 01 Гісторыя (па напрамках). Мінск, 2022 // <https://elib.bsu.by/handle/123456789/296412>.
3. Кобзев М. С. Сократовский метод обучения: учеб. пособие / М. С. Кобзев, Н. А. Горбачева. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1991.

4. Ходин С. Н. Об опыте организации системы самостоятельной работы студентов на историческом факультете БГУ // Организация самостоятельной работы студентов на факультете вуза. Минск: БГУ, 2006. С. 4–5.
5. Современные тенденции развития образования: отечественный и зарубежный опыт. Минск: Экоперспектива, 2020.
6. Довгялло М. С. Роль иллюстрации в процессе обучения истории в старших классах // Беларусь и Европа: историко-культурное наследие и современность. Минск: БГПУ, 2022. С. 188–192.
7. Корзюк А. Урокі па тэме «Наш край» у сістэме школьнага гістарычнага краязнаўства // Беларускі гістарычны часопіс. 2020. № 6. С. 43–50.
8. Стражев А. И. Методика работы с исторической картой // Преподавание истории в школе. 2002. № 10. С. 59–63.
9. Васильева О. Ю.: историю школьникам не обязательно должен преподавать историк. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190905/1558352477.html?ysclid=Ih7ymfvier408839437>. – Дата доступа: 31. 08. 2023.
10. Багдановіч І. І., Корзюк А. А. Методыка выкладання гісторыі ў школе ў апісаннях, схемах і табліцах: вучэбна-метадычны дапаможнік. Мінск: БДПУ, 2017.
11. Козік Л. А., Кудраўцава С. А. Выкладанне гісторыі ў школе: тэорыя і практыка : вучэб-метад. дапаможнік для настаўнікаў устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з бел. і рус. мовамі навучання. Мінск: Нац. Ін-т адукацыі, 2021.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В III ВЕКЕ НАШЕЙ ЭРЫ И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ КУЛЬТА ИМПЕРАТОРА

И. А. Ефременко

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, efremenkoivan1992@gmail.com*

В статье рассматривается как кризис III века н. э. повлиял на изменение политического и социального устройства Римской империи. Утверждается, что девальвация престижа и значимости поста Римского императора при усилении политической значимости легионов вкупе с центробежными процессами в административной структуре империи привели к серьезным преобразованиям. Они в свою очередь актуализировали необходимость изменять религиозную легитимацию власти императора, что в конечном итоге проявилось в исчезновении культа Римского императора.

Ключевые слова: Римская империя; кризис III века; христианская апологетика; власть императора.

TRANSFORMATION OF THE ROMAN EMPIRE IN THE 3rd CENTURY AD AND THE DISAPPEARANCE OF THE CULT OF THE EMPEROR

I. A. Efremenko

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, efremenkoivan1992@gmail.com*

The article examines how the crisis of the III century AD. influenced the change in the political and social structure of the Roman Empire. It is argued that the devaluation of the prestige and significance of the office of the Roman emperor, with the strengthening of the political significance of the legions, coupled with centrifugal processes in the administrative structure of the empire, led to serious transformations. They, in turn, actualized the need to change the religious legitimation of the emperor's power, which ultimately manifested itself in the disappearance of the cult of the Roman emperor.

Keywords: Roman Empire; III century crisis; Christian apologetics; emperor's power.

Кризис III века, в целом, характеризуется девальвацией статуса римского императора, что выразилось преимущественно в том, что пост императора оказался предметом борьбы легионов, которые ставили и убирали императоров по своему усмотрению. На протяжении полувека армия стала главным источником и гарантом власти римского императора. Вместе с тем другие акторы власти в Римской империи утратили свой прежний статус и по существу стали наблюдателями, а не активными участниками политического процесса. Прежде всего это выразилось в утрате своего бывшего статуса сенатом. Все это привело к тому, что римские императоры были вынуждены проводить кардинальные реформы, как в

области управления империи, так и в области легитимации своего положения в связи с новыми условиями.

В период военной анархии стало очевидно, что императоры уже не могут использовать роль и престиж сената в своих целях. Во-первых, роль и важность сената имело место тогда, когда была сильна *civitas*. В политической системе Рима сенат репрезентировал саму республику, был ее главным авторитетным органом власти, производившем системы классификаций, ведавшем казной и внешней политикой империи. В период принципата императоры умело пользовались союзом с сенатом и во многом благодаря ему императоры получали прочную власть. Именно при наличии сильного сената императоры имели возможность пользоваться прерогативами, даруемыми должностью принцепса. Кроме того, сенаторы, как правило, обладали властью в тех регионах, откуда они происходили, потому союз с сенатом обеспечивал императорам и административную власть [8, р. 140–144]. Однако к началу III века многое из этого сенат уже утратил. Римская казна, которая находилась в ведомстве сената, была переведена под юрисдикцию императора. Бюрократические структуры, созданные при Клавдии и заметно усилившиеся при Адриане, являлись альтернативным актором сенату в области административной власти, и к началу рассматриваемого столетия роль бюрократии заметно выросла [4 с. 68–69]. Все это происходило при разрушении статуса гражданина, как субъекта политики и превращению его в подданного, то есть разрушению подверглась сама римская *civitas*. В результате, сенат утратил свою роль и функцию вместе с резким и радикальным снижением республиканских традиций управления. Во-вторых, сенат заменила римская армия, которая, сохранив в своей основе республиканские традиции, осознавала себя как коллектив граждан, имевших право участвовать в политической жизни Рима и выбирать руководителей [3, с. 60–62]. По итогу всего этого, римские императоры начали поиск альтернативных союзников. Императоры нашли союзников в области управления империи в своей семье и среди своих ближайших союзников. Так, еще при Валериане и Галлиене вошло в норму назначения на управляющие должности в провинциях членов своей семьи [9, р. 40]. Это было обусловлено также тем, что, поскольку большинство императоров были в той или иной степени узурпаторами, то и положиться они могли только на своих ближайших соратников. В результате Диоклетиан создал систему управления империей, при которой она разбивалась на несколько частей и во главе каждой части становился ближайший к императору человек [9, р. 40].

Кроме того, при упразднении *civitas* радикальным образом должно было быть переработано и административное деление империи, ее управление. В период принципата основная тяжесть управления провинциями ложилась на плечи местных городских совещательных органов и их членов – декурионов. Сейчас же при разрушении *civitas* и укреплении бюрократического аппарата, необходимо было реорганизовывать и управление провинциями. В результате, число провинций было доведено до 100 и все они были разделены между 12 диоцедами, которые управлялись викариями, заместителями префектов претория [9, р. 45, 60–61]. Показательно, что все эти должности были созданы еще в период принципата, как альтернативная ветвь классической магистратской лестнице, исходящей от самого императора, и уже тогда роль этих должностей росла. В III веке эти должности стали основой управления империи. Наконец, сами бюрократические должности были иерархизированы и стали по сути главными в деле управления империи.

Между тем кардинальным изменениям подверглась и сама сущность императорской власти. Император к концу III века н. э. уже был полноценным монархом, получавшим власть не по республиканским принципам. Практики управления также перестали быть похожими на классические республиканские. В данный период император получал власть не от *civitas*, а через борьбу за власть с помощью армии, которая в свою очередь представляла собой отдельное сословие, противостоящее гражданскому коллективу. Его положение более не конституировалось республиканскими традициями, источником власти императора были вне полисные структуры. Теперь император являлся монархом, от которого зависит жизнь империи, он являлся создателем и гарантом порядка, как социального, так и онтологического. Это особенно ярко выразилось в смене репрезентации власти при Диоклетиане, когда произошел переход от визуального облика императора-сенатора или воина к императору-богу, который носит золотые одеяния и имеет статуи самого себя, создаваемые по образцам статуй богов [7, р. 167].

Все эти изменения во власти императора требовали религиозного обоснования и объяснения, чтобы придать ей легитимный статус и заручиться поддержкой богов. Прежний вид культа императора не мог справиться с этими функциями, поскольку он был создан на основании республиканской римской религии и выполнял функцию легитимации властного института совершенно другого типа. При императоре Деции уже в середине III века стало понятно, что прежние традиционные формы

поклонения гению императора не могут являться прочным фундаментом для создания легитимного сакрального статуса власти императора. Компитальные культы были призваны перекодировать идентичность римских граждан с причастности гражданскому сообществу к причастности императору [6, с. 164–165]. Концепт Numen должен был подчеркнуть связь императоров с божествами. Однако все это уже не могло возыметь должный эффект. Население Римской империи уже не могло строить свою идентичность на основании причастности к гражданскому коллективу, поскольку его уже не было, гражданский статус уже утратил свое значение. А значит, компитальные культы выполнили свою основную функцию и не могли должным образом формировать новые смыслы, объясняющие природу власти императоров. Поскольку император уже не был высшим магистратом, имеющим огромный символический капитал и престиж, то и Numen не мог также создавать эти смыслы, ведь император стал монархом нового типа, источником власти которого был не полис. Таким образом, возникла необходимость легитимировать свой статус, новую форму правления, а также объяснить все это населению империи. Кроме того, необходимо было и получить прочную легитимацию своей власти у армии, представляющей собой вне полисную силу, со своими ценностями, интересами и социальной иерархией. Все это побудило императоров к религиозной реформе, так как им было необходимо легитимировать и объяснить свой новый статус. Этой религиозной реформой и стал культ Sol Invictus.

Однако данный культ мог стать только временным решением. Во-первых, основной причиной, по которой императоры выбрали именно солярное божество была армия, где был очень популярен Митра. То есть основной интенцией данной реформы была легитимация и укрепление своей власти в армии. Между тем, основная масса гражданского населения имела другие религиозные потребности и другие религиозные формы. Митра не был столь популярен среди гражданского населения. Таким образом, императорам нужно было выбрать религиозную стратегию для оформления своей власти, которая соответствовала бы интересам и представлениям как армии, так и гражданского населения. Во-вторых, Sol Invictus был синкретичным и во многом искусственным культом, вобравшим в себя, как элементы культа Митра, сирийского Гелиогобала, так и римского Sol Indiges [2, с. 61, 97]. По сути же императорское Непобедимое Солнце не было ни одним из них, то есть это был искусственно созданный культ. Как отмечает британский историк Энтони

Смит, для того, чтобы та или иная традиция или религиозная сила набрала популярность, успешно справляясь со своими задачами, необходимо, чтобы она соответствовала уже имеющимся традициям и, что самое главное, потребностям, которые население испытывает [5, с. 242]. Поэтому императоры были вынуждены обратиться к другим религиозным формам для легитимации и экспликации своего положения.

В условиях дискредитации гражданского статуса (который фактически был отменён учредившим всеобщее гражданство эдиктом Каракаллы) и потери своего прежнего статуса Италией и Римом коллектив римских граждан не мог исполнять прежнюю функцию высшей инстанции этического регулирования. Постепенное же поглощение полисных общин имперским государством в условиях системного кризиса общества способствовало развитию монотеистических, идей и универсальных, синкретических религиозных учений. Доминирующий религиозный консерватизм лишь корректировался в соответствии с требованиями практической политики по управлению империей, однако необходимость адаптации к имперским условиям требовала поиска религии не- и вне полисной природы. Вместо рушащихся родственных, соседских и гражданских связей набирал силу тип общности между приверженцами единого учения или общей веры. Римский политеизм был отражением полисной системы, в которой чёткой была связь богов с конкретными местами и населявшими их людьми. Подобная модель не могла дать всеобщей групповой идентичности. В III в. можно увидеть поиски единого верховного божества для объединяющей население ойкумены империи, которое было бы источником моральных норм и гарантом стабильности миропорядка.

Между тем к концу III века н. э. христианскими апологетами и в дальнейшем отцами церкви (особенно «Градом Божьим» Блаженного Августина) была подготовлена почва для сотрудничества между христианством и императорской властью. Христиан, разочаровавшихся в эсхатологических идеях, вела необходимость выработать новое отношение к Римским властям для выживания в условиях империи, что выразилось в переосмыслении Рима, его истории и предназначении. Императоры же были озабочены необходимостью найти устойчивые и мощные новые формы легитимации и экспликации своего положения в империи. Именно здесь происходит сближение власти и христианства. Христиане выработали мощную и привлекательную для императоров модель объяснения их власти, особенно предложенные Оригеном идеи мессианского

предназначения империи в мире и истории и такую же роль императору в рамках империи. Выработанная чуть позже идея богоустановленности власти особенно привлекала римских императоров. Вместе с тем, христианство активно распространялась среди населения империи, синтезируясь с местными традициями, сама становясь традицией. Это также не могло не привлечь имперские власти, поскольку, обращаясь к христианским смыслам, они получили возможность использовать их в целях объяснения своей власти и легитимации ее. В результате всех этих процессов римские императоры отказались от уже ставшего традиционным способа легитимации своего положения через императорский культ. Христианские апологеты очень подходящим образом объяснили роль Римской империи в мире и роль римского императора. Это была полная, мощная экзегетика, с которой не мог конкурировать синкретичный и искусственный культ непобедимого солнца и, тем более, утратившие актуальность практики почитания императора через обожествление умерших императоров, почитания гениев и ларов императора, а также через концепт *Numen*. Римские императоры искали новые модели для новых условий своей власти и поиск был завершён Константином в 313 г. н. э., а позже окончательно укреплен римскими императорами второй половины IV века н. э.

Библиографические ссылки

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: УНИВЕРС-ПРОГРЕСС, 1995.
2. Куликова Ю. В. Место культа Митры в религиозной реформе императора Аврелиана // *Локус: люди, общество, смыслы*. № 4, 2017. С. 52–66.
3. Махлаюк А. В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности. Нижний Новгород: изд-во Нижегородского университета, 2000.
4. Сергеев И. П. Римская империя в III веке н. э.: проблемы социально-политической истории. Харьков: ХГУ, 1999.
5. Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Новая наука политики, 2004.
6. Шайд. Дж. Религия римлян. М.: Новое издательство, 2006.
7. Gowing A. M. *Empire and Memory: The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
8. Millar F. *The Emperor in the Roman world (31 BC – AD 337)*. London: Duckworth, 1977.
9. Mitchell S. *A History of the Later Roman Empire, AD 284–641: The Transformation of the Ancient World*. Oxford: Blackwell Publishing, 2007.

ХРОНИКИ ФРУАССАРА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ АНГЛИИ XIV в.

Н. А. Закрочинский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nikitazakrochinskiy02@mail.ru*

Анализируется релевантность хроники Фруассара для исследователей истории Англии XIV в. Рассматривается наполняемость информацией о трёх сословиях. Оценивается виденье хрониста на политические кризисы как следствие пагубности и порочности личностей в королевстве. Автор приходит к выводу, что хронист в угоду своей апологетики рыцарства, нравоучения по поводу добродетелей и желания создать увлекательный текст постепенно деформирует хронологическую последовательность повествования, а также фактическую составляющую. Ввиду чего хронику можно использовать как второстепенный источник по отношению к английским хроникам.

Ключевые слова: Жан Фруассар; Ричард II; Уот Тайлер; позднее средневековье; западноевропейская хронистика.

THE CHRONICLES OF FROISSART AS A SOURCE ABOUT THE HISTORY OF ENGLAND OF THE XIV CENTURY

N. A. Zakrachynski

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, nikitazakrochinskiy02@mail.ru*

The relevance of Froissart's chronicles for researchers of the history of England of the XIV century is analyzed. The fullness of information about the three estates is considered. The vision of chronicler on political crisis as a result of the malignancy and depravity of personalities in kingdom is evaluated. Author concludes that chronicler for the sake of his apologetics of chivalry, moral teachings about virtues and the desire to create a fascinating text, gradually deforms the chronological sequence of the narrative, as well as the actual component. Therefore, the chronicle can be used as a secondary source in relation to the English chronicles.

Keywords: Jean Froissart; Richard II; Wat Tyler; Late Middle Ages; Western European chronicles.

Тесные связи Жана Фруассара с Англией имели истоки с начала XIV в., где главную роль связывающего элемента отыгрывало фландрское рыцарство. Его активная политика по решению политического кризиса к концу царствования Эдуарда II, а также происхождение жены Эдуарда III из Валансьенна сыграли положительную роль в начале литературной карьеры Фруассара. Потому и Англия в прозаическом наследии будет являться одной из крупнейших тематик среди национальных историй, которые затрагивал хронист.

Для Фруассара рыцарское сословие является основополагающим актором в истории, потому, ощущая его упадок, хронист делает акцент на дворянах в своей хронике. Для него важно, чтобы рыцари могли

соответствовать своим добродетелям: мужеству, мудрости, справедливости, которые бы являлись примером для всего христианского населения. Отклонения от данных норм являлись причинами конфликтных ситуаций в обществе, что и порождало кризисы в истории государств. В истории Англии на данное столетие припадали крупнейшие катаклизмы политической жизни: свержение двух королей в результате их тиранической политики, упорный антагонизм между Ричардом II и его дядями-аппеллянтами, а также борьба с восстанием Уота Тайлера. Хроника Фруассара начинает своё повествование в 1325 г. Тогда Диспенсеры были в своём политическом зените. Хронист указывает, что их честолюбие, гордыня, а также симпатии к Шотландии, а для Фруассара верность своему сюзерену являлась основополагающей категорией для дворянства, привели к уничтожению партии Томаса Ланкастера. Для хрониста слабость короля всегда будет порождать попадание под влияние более сильного аристократа, что мы видим на примере Эдуарда II. В противовес им будет выступать королева Изабелла и фландрское рыцарство, где ярким представителем для нас является Вильгельм I Эно. Его речь перед сборами на завоевание трона презентует нам идеал хрониста: «...ради чести и славы Бога и мира, надо поддерживать униженных и оскорблённых» [4, р. 23]. Далее следует описание казни Диспенсеров, где хронист не столько делает акцент на судебный процесс, сколько стремится показать порочность и пагубность рыцарей, которые навлекли на королевство позор и бесчестье.

Иным эпизодом жизни Англии, где также раскрывается проблема фаворитизма: правление Ричарда II. Будучи малолетним, при его персоне сформировался круг советников, которые постепенно начали вытеснять дядей короля с должностей, а для новой аристократии король производил многочисленные раздачи земли и титулов. Главный враг Плантагенетов – Роберт де Вер, для которого создано было герцогство Ирландии. К тому же ранг простолюдина не мог не раздражать старую политическую элиту Англии. Ведь «...если человек низкого происхождения возносится...своим сеньором, то он портит народ и разрушает страну» [5, р. 307]. Народ видит пагубность человека в связи его личной жизнью, когда он развёлся с племянницей Томаса Вудстока, одним из дядей Ричарда II. Также автор хроники рассказывает нам эпизод из жизни отца Роберта, который отказался соблюдать иерархию за столом во время питья вина. Каноник из Шиме представляет читателю отсутствие рыцарских качеств в самом роду де Вера, ведь если предки не смогли соответствовать добродетелям, следовательно, и их потомки не будут научены данным принципам [2, р.

209]. При описании данного кризиса, имевшее место в 1387–1388 гг., автор совершает различного рода ошибки, которые не отмечаются у его коллег. В первую очередь, это проблема последовательности событий: Фруассар вольно переставляет хронику борьбы, где ставит апогеем противостояния битву на мосту Рэдкот, где встретились силы короля и апеллянтов. Английские источники твердят о ином, что работа парламента в феврале-июне, когда были уничтожены главные противники линьяжа Ричарда II, знаменуют пик кризиса [10, р. 209–212]. Каноник из Шиме крайне преувеличивает численность войска герцога Ирландского во время битвы. В описании данного сюжета истории Англии можно констатировать, что Фруассар как хронист делает огромный поворот в своей литературной карьере, когда он решает создавать труд в более привлекательной форме, чем ранее строгий летописный текст. Этим и объясняется многочисленные и частые отклонения хрониста от основы повествования, а также вольности в обращении со своим материалом [2, р. 141]. Развлечение читателя, дать ему пример самоотверженности и преданности своему сеньору – эти принципы выразились в эпизоде шпионства Роберта Трессияльна и последующей его казни апеллянтами.

Следующий эпизод затрагивает кризис 1397–1399 гг., который привёл к свержению Ричарда II. Этот конфликт является последним крупнейшим блоком в повествовании Фруассара, потому и описываемые события представляются читателю крайне драматизировано с элементами пафоса, что и привлекательно со стороны эстетики [2, р. 173]. Если смотреть структурно на причины конфликта, то вновь хронист накладывает на Томаса Вудстока, главного заговорщика против короля, свои классические представления о рыцарстве, который не способен презентовать свои благородные качества и добродетели, что делает из простолюдина дворянина. Однако это было невозможно ввиду заключённого брака дочери Карла VI и Ричарда II, означавший мир между королевствами. Фруассар ставит своей целью придать эффект масштабности данного конфликта из-за чего даже иноземцы в лице Валерана де Люксембурга, участвующего в переговорах между королевствами, отмечают агрессивный настрой дяди Ричарда [6, р. 351]. Когда мы подступаем к рассмотрению войны Генриха Болингброка и Ричарда II, то заметим, что хронист не лишён идей провиденциализма, который иногда может заместить рациональность в рассказах. К примеру, в 1361 г. во дворе Эдуарда Чёрного Принца в Аквитании каноник услышал разговор, по которому в книге пророчеств Мерлина указывалось, что трон Англии будет занят Ланкастерами, а не

представителями старшей ветви Плантагенетов [7, р. 96]. Далее Фруассар раскрывает себя полноценно как сторонник рыцарской идеологии, ведь обволакивает Ричарда II, где стремится наложить на него добродетели благородного сословия. Однако это оказывается безуспешным, что и приводит к войне «галантного и обходительного» Болингброка и антирыцарской личности короля. В дополнении к этому проведённый рыцарский турнир в Виндзоре в 1399 г. стал непопулярным среди дворянского сословия, что говорит о дистанцировании аристократией от королевской особы. В процесса нарратива хронист приходит к выводу, что Ричард II как и Эдуард II схожи в своей политике и своей кончине. Ведь оба короля не соответствовали рыцарской парадигме английского дворянства ввиду своей чрезмерной излюбленности к фаворитизму и тирании. Как раз последнее и создавало прецедент о средствах и формах как правовой защиты, так и борьбы с ненавистным монархом [2, р. 241]. Передачу королевской власти хронист подаёт в символичной форме: королевская гончая, находящаяся с Ричардом, при переговорах с Генрихом Ланкастером бежит к последнему и начинает с ним играть также, как это делала аналогично с королём. Ричард сразу же осознаёт этот знак как восшествие нового короля в Англии. Таким образом, собака становится посредником в передаче власти в глазах хрониста [2, р. 214–215]. Его символизм продолжается и в процессе коронации Генриха, когда ему вручают мечи справедливости и пощады, а также крест святого Эдуарда. Вероятно, каноник из Шиме желает увидеть возвращение тех истинных порядков, которые были утрачены в период правления Ричарда II. Особенно важна и день коронации: 13 октября, который являлся днём святого Эдуарда. В контексте того, что хронист начинает видеть идеал Англии в лице Эдуарда III как времени могущества королевства.

Вторым рассматриваемым сословием является духовенство. О нём же хронист упоминает чаще во связке с дворянами во время политических интриг, войн и конфликтов. Как такового интереса хронист не проявляет к клиру. Их действия в большей степени переходят на второй план по отношению к действиям рыцарства. Каноник из Шиме беспокоится, несомненно, о политическом институте папства, особенно, когда началась Великая схизма. Ведь это являлось одним из проявления кризиса Европы и последующего заката, по его мнению. Одновременно во время большой политики церковь становится инструментом, который всецело подчиняется монарху. Эту концепцию хронист выразил в действиях Эдуарда III, который согласился отправить священников во Фландрию, ведь «он сам себе папа»

в своей стране и во всех землях, вассальных по отношению к нему земель [4, р. 180–181]. Английское духовенство чаще всего фигурировало в политических конфликтах короля и аристократии. Ярко это выразилось в кризисах 1386–1388 гг., когда крупные архиепископы Кентербери и Йорка принимали разные стороны конфликтующих сторон. В добавлении к роли церкви и клира как служанок дворян, которые смогли бы на их средства осуществить военные кампании и презентовать свои добродетели. Ярким примером выступает поход Генри Диспенсера, епископа Норвича. Фруассар отмечает, что «церкви уплатили полную десятину...и это будет приемлемо для английских рыцарей и баронов» [9, р. 262]. Таким образом, хронист полностью направляет нарратив в угоду благородному сословию, которому должно было служить духовенство.

Последним сословием выступает английское крестьянство. Оно вовсе уходит с обзора Жана Фруассара и только в одном конфликте хронист решает показать его: восстание Уота Тайлера. Бунт являлся угрозой миропорядку, который имелся в королевстве, потому и отношение Фруассара к ним резко негативное. Хронист ставит восставших в один ряд с теми, кого водит дьявол. Следовательно, уже в стартовой позиции хронист будет скорее всего оправдывать некоторую жестокость рыцарей по отношению к крестьянам. Очередной раз каноник из Шиме будет вольно обращаться со своим материалом, что и приведёт в итоге к перечёркиванию изначального нарратива. Изначально проповеди Джона Болла, являвшегося идеологом восстания, носили чисто социальный характер, однако в версии Фруассара они отличались красноречивостью, изысканностью и даже страстностью [3, р. 214–216]. В дальнейшем, когда крестьяне пройдут через церковь Томаса Кентерберийского, то бунтовщики, грабя усадьбу архиепископа, будут требовать: «Это канцлер дешёво приобрёл мебель. Он даст нам отчёт в больших суммах...» [8, р. 339]. Теперь программа крестьян наделяется и политическими установками. Не забывает хронист здесь упомянуть и эпизод с начальником замка Рочестера, которого Фруассар в повествовании использует как антитезу третьему сословию. Каноник описывает его приезд к Ричарду II, ибо рыцаря отпустили крестьяне на переговоры в Лондон. Упоминается, что начальнику пришлось оставить детей заложниками как доказательство его намерений прийти к монарху. Таким образом, хронист облагораживает человека через доблестный поступок, который становится на ранг выше, чем бунтовщики-крестьяне [1, с. 36–37]. Стоит отметить казус на переговорах в Майлэнде между королём и Уотом Тайлером. Они являются ярким примером того, как Фруассар

начинает искажать факты в угоду показа захватывающей истории. Хроники подтверждают факт создания в графствах королевских знамён, с которыми ходили крестьяне. Присутствие данного знамени являлось подтверждением того, что король – главный вождь и руководитель восставшего народа. Однако Фруассар начинает развивать эту тему и постулировать фактами, что король на встрече в Майлэнде отправляет бунтовщикам свои знамёна в доказательство выполнения своих гарантий, а уже в Смитфилде король желает вернуть себе выданное [8, р. 353, 362–363]. Фруассар накладывает сразу несколько противоречащих событий друг на друга в целях создания для читателя благоприятной картины.

Таким образом, хронику Жана Фруассара, как источник по истории Англии в описываемое столетие, возможно использовать как вторичный. Будучи апологетом дворянства, он ставит иные сословия в услужение своему главному объекту ввиду чего теряется объективность его повествования. Остаётся у Фруассара и некоторая подверженность символизму и провиденции как попытки объяснения событий в истории страны. Национальная история Англии у Фруассара уступает в его общем контексте боевым действиям рыцарей в период Столетней войны. Хронист концентрируется на самих личностях, а в процессе дальнейшего написания своего труда начинает переходить из одной темы в другую. Однако нельзя не отметить, что Фруассар преподносит нам огромное количество известий из биографий рыцарей Англии и королевской семьи. Автор ярко отражает иную модель поведения английской аристократии в противовес французской, чтобы преподнести читателю урок о верном пути своего самосовершенствования. В последние десятилетия своей жизни автор сходит к идее создания нравоучительной хроники, где на первый план будут выходить действия, поступки, мысли, которые соответствовали бы рыцарским добродетелям, а их диссонанс приводил бы к катастрофам.

Библиографические ссылки

1. Восстание Уота Тайлера. Глава вторая // Журнал Министерства народного просвещения. 1896. Ч. 308, ноябрь. С. 1–81.
2. Ainsworth P. Jean Froissart and the fabric of history: truth, myth and fiction in the Chroniques. Oxford: Clarendon press, 1990.
3. Barker J. 1381: The Year of the Peasants' Revolt. Cambridge: The Belknap Press of Harvard university, 2014.
4. Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. London: Longman, Hurst, Rees, and Orme, Paternoster-Row; Fleet-Street, 1805. Vol. I.

5. Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1805. Vol. VIII.
6. Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1808. Vol. XI.
7. Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1808. Vol. XII.
8. Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1805. Vol. V.
9. Froissart's S. J. Chronicles of England, France, Spain, and the adjoining countries, From the latter part of the reign of Edward II to the coronation of Henri IV. 1806. Vol. VI.
10. McHardy K. A. The reign of Richard II. From minority to tyranny, 1377–97. Manchester: Manchester University Press, 2012.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ НА ПРИМЕРЕ «БЕССМЕРТНОГО ПОЛКА»

И. А. Заикина

*Московский государственный институт международных отношений МИД
Российской Федерации, Вернадского 76, 119594, г. Москва, Россия,
zaikina_irina14@mail.ru*

В статье рассмотрены формы трансформации и идейного наполнения «Бессмертного полка» в период коронавируса и после 2020 г. Основным объектом анализа является организация «Бессмертный полк России», созданная в 2015 г. Также в исследовании анализируются способы цифровой коммеморации Великой Отечественной войны, на примере цифровизации «Бессмертного полка», выявляются последствия данного явления. В ходе исследования были использованы такие методы как контент-анализ, сравнение. В настоящее время понятие «Бессмертного полка» подвергается семантическому размыванию как в риторике властей, так и в общей практике его употребления. Цифровизация «Бессмертного полка» помогает открывать движению новые форматы, а также выявлять лиц, подрывающих память о Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: «Бессмертный полк»; «Бессмертный полк России»; историческая политика; память; коммеморация; Великая Отечественная война; 9 мая.

TRANSFORMATION OF COMMEMORATIVE PRACTICES ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR ON THE EXAMPLE OF THE «IMMORTAL REGIMENT»

I. A. Zaikina

*Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vernadsky 76, 119594, Moscow,
Russia, zaikina_irina14@mail.ru*

The article considers the forms of transformation and ideological content of the «Immortal Regiment» during the coronavirus period and after 2020. The main object of the analysis is the organization «Immortal Regiment of Russia», created in 2015. The study also analyzes the ways of digital commemoration of the Great Patriotic War, using the example of digitalization of the Immortal Regiment, the consequences of this phenomenon are revealed. In the course of the study, such methods as content analysis, comparison were used. Currently, the concept of the «Immortal Regiment» is subject to semantic erosion both in the rhetoric of the authorities and in the general practice of its use. Digitalization of the «Immortal Regiment» helps to open new formats to the movement, as well as to identify individuals who undermine the memory of the Great Patriotic War.

Keywords: «Immortal Regiment»; «Immortal Regiment of Russia»; historical policy; memory; commemoration; Great Patriotic War; May 9.

«Бессмертный полк России» – общероссийское общественное гражданско-патриотическое движение, объединяющее 83 региональных отделения и более 200 международных координаторов на всех континентах.

И хотя изначально «Бессмертный полк» создавался как добровольное негосударственное неполитическое народное объединение, направленное на сохранение личной семейной памяти о поколении Великой Отечественной войны, сохранение памяти о доблести и героизме народа, осмысление опыта героических предков, восстановление преемственности поколений [8], изначальная концепция движения претерпела ряд изменений.

Один из трендов «Бессмертного полка» – формирование нового концепта акции и расширение смыслов, первично наполнявших данную акцию. Это проявлялось в том, что на шествии «Бессмертного полка» в 2022 г. организаторы акции разрешили участникам приносить портреты и фотографии погибших во время спецоперации на Украине российских военнослужащих.

Интересным представляется также заявление главы Коми Владимира Уйба, в котором он сравнил российских воинов, отдавших свои жизни в борьбе с неонацизмом на Украине, с прадедами, воевавшими в годы Великой Отечественной войны и защищавшими Родину от фашистов [6]. Таким образом, первоначальное понятие о «Бессмертном полке» как об акции, направленной на увековечение подвига героев Великой Отечественной войны, размывается. В российском обществе делается попытка консолидировать историческую и общественную мысль для борьбы с неонацизмом (проводится условная параллель между фашизмом в Великую Отечественную войну и неонацизмом на Украине сегодня), связать воедино различные исторические периоды, показав значимость подвигов защитников российского Отечества для государства.

Другим примером расширения концепта «Бессмертного полка» является создание в 2015 г. дублировавшей оригинальный «Бессмертный полк» (сайт www.moupolk.ru) организации–юридического лица с добавлением в названии слова «России» и ориентацией на «гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание граждан (www.polkrf.ru). В 2019 г. «Бессмертный полк России» выпустил декларацию о единстве движения «Бессмертный полк», в которой говорится, что «Бессмертный полк включает в себя участников давних битв и сражений, войн первой половины двадцатого века и пограничных конфликтов тридцатых годов, горячих точек в различных странах мира – от послевоенного времени до нынешних дней» [7].

О размывании исторических рамок «Бессмертного полка» также свидетельствует то, что в 2018 г. на портал «Память народа», курируемый

Министерством обороны, был добавлен раздел «Памяти героев Великой войны 1914–1918 годов». К 2022 г. концепция платформы расширилась, включив всю военную историю России, начиная с времен Петра Первого по настоящее время, а из эмблемы «Памяти народа» были убраны даты Великой Отечественной войны [2, с. 98].

В качестве еще одного наметившегося тренда стоит отметить привлечение новых партнеров и крупных бизнес структур, участвующих в сборе цифровой базы ветеранов Великой Отечественной войны. Так, Сбербанк в партнерстве с «Бессмертным полком России» и благотворительным фондом «Память поколений» создали «Банк памяти», занимающийся созданием «базы ветеранов», а также видеороликов о них из данных, внесенных пользователем. Таким образом, «Банк памяти» способствует переводению народного шествия в онлайн формат, помогает человеку сохранить и передать через поколения историю о подвиге, который совершил член его семьи, рассказать о пути ветеранов, а также узнать истории родственников своих друзей и с кем пересекались пути его близких в период Великой Отечественной войны.

«VK» также стали партнерами «Бессмертного полка России», взяв на себя техническую сторону реализации акции. Таким образом, даже несмотря на то, что в принципах оригинальной акции значилось, что движение не может быть ассоциировано с какими-либо коммерческими предприятиями, движение «Бессмертный полк России» к 2020 г. стало прибегать к помощи данных организаций, что способствовало освоению движением онлайн-формата проведения акции.

Создание практики онлайн-шествия и цифровизации движения «Бессмертный полк России», вызванной пандемией в 2020 г., способствовало выявлению граждан, загрузивших 9 мая на сайт фотографии нацистских преступников. Лица, уличенные в дискредитации памяти о Великой Отечественной войне, получили наказание в виде штрафов и были привлечены к ответственности по соответствующим статьям. Кроме того, в СМИ освещалась информация о совершении хакерских атак на сайт «Бессмертного полка России». В 2020 г. было зафиксировано, что 64% серверов, участвовавших в атаке, были расположены на территории европейских стран, 27% – на территории Северной Америки, 3% – в Азии [10]. Выявление таких преступлений способствовало также созданию в Следственном комитете подразделения по расследованию преступлений, связанных с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории Отечества.

С 2019 г. социальные сети «Бессмертного полка России» постепенно утрачивали прежний фокус на информировании участников о своей деятельности и публикации историй о ветеранах и большее внимание сосредотачивали на поддержке государственных инициатив в сфере политики памяти. В 2022 г., когда площадки «Бессмертного полка России» стали ежедневно публиковать патриотические призывы в связи со специальной военной операцией, единая концепция движения стала утрачиваться [2, с. 105]. Так, в 2022 г. на сайте «Бессмертный полк России» была опубликована статья под названием «Все отделения Бессмертного полка за спецоперацию на Украине», в которой говорилось, что «Активисты Движения от Калининграда до Чукотки поддерживают позицию Президента России и понимают, что достижение мира на украинской земле возможно лишь когда прекратится насилие на Донбассе» [5]. В этом же абзаце говорилось о необходимости победы над нацистами и прекращения глумления над ветеранами Великой Отечественной войны. Таким образом, в статье происходит размывание тематики памяти о Великой Отечественной войне, смысловой акцент делается на сегодняшней повестке.

Стоит также отметить, что на сайте «Бессмертный полк России» в разделе «особое мнение» публикуются мнения руководителей региональных отделений «Бессмертного полка России» не только касательно Великой Отечественной войны, но и относительно сегодняшней повестки: событий на Крымском мосту, состояния экономики России на момент 2023 г., открытие первичных отделений нового молодёжного объединения «Движение Первых» [11]. Также в разделе «Бессмертный полк в мире» среди статей с тематикой о Великой Отечественной войне (Освобождение Освенцима, общение с ветеранами Великой Отечественной войны), можно обнаружить статьи, выходящие за пределы Великой Отечественной войны, посвященные, например, поддержке Сербией усилий России по денацификации Украины [13].

В разделе «Новости» сайта «Бессмертный полк России» большое внимание уделяется прежде всего повестке сегодняшнего дня (например, новость: «в Южно-Сахалинске прошли лекции для личного состава военизированных пожарных команд МЧС, посвященные героям СВО»). Там сообщалось, что «Воины СВО – это Герои! В их жилах течет кровь героического поколения Победителей, отстоявших свободу и независимость нашей Великой Родины в годы Великой Отечественной войны!» [9]. Или же новость – «Росгвардейцы рассказали детям о своей

службе» [12]. Таким образом, подчеркивается связь поколения борцов и героев Великой Отечественной войны и русских солдат, сражающихся на Украине.

Можно сделать вывод, что движение «Бессмертный полк России» расширяет свою изначальную повестку, становится универсальной платформой, где освещаются не только темы, посвященные Великой Отечественной войне, но актуальные сегодня для российской общественности: например, специальная военная операция. Стоит также отметить, что акция «Бессмертный полк России» выполняет роль донесения до общественности исторической правды и направлена на патриотическое воспитание граждан в столь непростое для России время. Выстраивается связь между фашизмом в Великую Отечественную войну и неонацизмом, разворачивающимся сегодня на Украине, что размывает изначальную концепцию о платформе, посвященной исключительно Великой Отечественной войне [1].

В подведении итогов «Бессмертного полка» в 2022 г. говорится, что «помимо реализации традиционных проектов, посвященных сохранению памяти о героях Великой Отечественной войны, в уходящем году активисты «Бессмертного полка России» стали принимать посильное участие в поддержке бойцов специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины, некоторые сами ушли на фронт бороться за правду» [4]. Движение «Бессмертный полк России» создает героический нарратив, объединяющий подвиг всех поколений, включая также нынешнее. Данная акция направлена на укрепление русского патриотизма, жертвенности русского народа и преемственности поколений [3].

Создание онлайн платформы «Бессмертного полка России» в то же время демонстрирует, что несмотря на локдаун и небезопасную общественную обстановку в 2023 г. российская историческая политика следовала заданной прежде повестке и задействовала обширный информационный ресурс в практике коммеморации Великой Отечественной войны. Так, в 2023 г. движение «Бессмертный полк» приняло новые формы. В целях безопасности было решено размещать фотографии своих родственников-ветеранов в социальных сетях, на одежде, на автомобиле, на окнах квартир и домов, на сайте движения «Бессмертный полк России», писать рассказы о ветеранах с хэштегом #нашБессмертныйполк [14], что демонстрирует освоение движением новых форм коммеморации памяти о Великой Отечественной войне.

Библиографические ссылки

1. Миллер А. И. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века. Историческая политика в XXI веке. М.: Новое литературное обозрение. 2012. С. 7–32.
2. Бешкинская В. С. «Бессмертный полк России»: символические и практические сдвиги в воспроизведении и интерпретации практики в 2019–2022 гг. // Политическая наука. 2023. № 2. С. 94–113. DOI:10.31249/poln/2023.02.04.
3. Курилла И. «Бессмертный полк»: «Праздник со слезами на глазах», парад мертвецов или массовый протест? Споры о смысле и перспективах нового праздничного ритуала // Контрапункт № 12. 2018. С. 1–11.
4. Бессмертный полк в 2023 году пройдет в нескольких форматах. – URL: <https://www.polkrf.ru/news/glavnye-sobytiya/bessmertnyj-polk-v-2023-godu-projdet-v-neskolkih-formatah> (Дата обращения: 08. 08. 2023).
5. Все отделения Бессмертного полка России за спецоперацию на Украине. 2022. – URL: <https://www.polkrf.ru/news/glavnye-sobytiya/vse-otdeleniya-bessmertnogo-polka-rossii-za-spesoperaciyu-na-ukraine-4160> (Дата обращения: 01. 08. 2023).
6. Владимир Уйба предложил пронести в «Бессмертном полку» портреты земляков, погибших при проведении спецоперации на Украине // Комиинформ. – URL: <https://komiinform.ru/news/233271/> (Дата обращения: 01. 08. 2023).
7. Декларация о единстве // Бессмертный полк. – URL: <http://web.archive.org/web/20191208002609/http://polkrf.ru/about/dokumenty/deklaraciya-o-edinstve/> (Дата обращения: 25. 10. 2022).
8. История движения «Бессмертный полк». – URL: <https://www.polkrf.ru/9-maya/about/istoriya-dvizheniya> (Дата обращения: 01. 08. 2023).
9. На Сахалине прошла лекция для команд МЧС. – URL: <https://www.polkrf.ru/news/novosti-regionov/na-sahaline-proshla-lekciya-dlya-komand-mchs> (Дата обращения: 02. 08. 2023).
10. Проект «Бессмертный полк онлайн» подвергается атакам хакеров//Ria.ru. 2020. – URL: <https://ria.ru/20200510/1571252781.html> (Дата обращения: 01. 08. 2023).
11. Рубрика особое мнение «Бессмертный полк». – URL: <https://www.polkrf.ru/news/osoboe-mnenie> (Дата обращения: 04. 08. 2023).
12. Росгвардейцы рассказали детям о своей службе. – URL: <https://www.polkrf.ru/news/novosti-regionov/rosgvardejcy-rasskazali-detyam-o-svoej-sluzhbe> (Дата обращения: 02. 08. 2023).
13. Сербия – за Россию! Массовый митинг прошел в Белграде. – URL: <https://www.polkrf.ru/news/bessmertnyj-polk-v-mire/serbiya-za-rossiyu-massovyi-miting-prosel-v-belgrade-4180> (Дата обращения: 02. 08. 2023).
14. Традиционного очного шествия «Бессмертный полк» в России в 2023 году не будет // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/17548919> (Дата обращения: 08. 08. 2023).

РОЛЬ СССР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Е. С. Зиновьев

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации, пр. Вернадского, 76, 119594, г. Москва, Россия,
zingor1304@gmail.com*

В статье представлен анализ различных аспектов деятельности СССР в Антигитлеровской коалиции, в том числе в процессе формирования новой системы международных отношений и послевоенного обустройства мира. Анализируются документальные источники, в том числе документы, принятые Антигитлеровской коалицией, в контексте исследования роли СССР в борьбе с фашизмом, победе во Второй мировой войне, формирования системы международной безопасности.

Ключевые слова: Антигитлеровская коалиция; Вторая мировая война; международная безопасность; послевоенное устройство мира; ленд-лиз; второй фронт.

THE ROLE OF THE USSR IN THE ACTIVITIES OF THE ANTI- HITLER COALITION

E. S. Zinovyev

*Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadskogo Ave., 119594, Moscow, Russia.
Corresponding author: E. S. Zinovyev (zingor1304@gmail.com)*

The article analyses various aspects of the USSR's activity in the Anti-Hitler Coalition, including in the process of formation of a new system of international relations and the post-war arrangement of the world. Documentary sources are analysed, including documents adopted by the Anti-Hitler Coalition, in the context of the study of the role of the USSR in the fight against fascism, victory in the Second World War, the formation of the system of international security.

Keywords: Anti-Hitler Coalition; World War II; international security; post-war world order; Lend-Lease; Second Front.

Вторая мировая война является одним из наиболее серьезных глобальных кризисов XX века, который привел к огромным человеческим жертвам, вызвал экономические и социальные проблемы и изменил всю систему международных отношений. Для его преодоления была сформирована Антигитлеровская коалиция, главными участниками которой являлись СССР, Великобритания и США. В настоящее время все чаще предпринимаются попытки переписать историю, принизить роль СССР в участии в Антигитлеровской коалиции и победе во Второй мировой войне. Данные попытки делают актуальным изучение данной темы, чтобы не забыть о тех событиях и не дать им повториться. Документы того времени могут показать объективную картину развития событий Второй

мировой войны и несостоятельность, предвзятость попыток переписать историю.

За время деятельности Антигитлеровской коалиции были приняты многие межсоюзнические документы, в разработке которых активное участие принимала и советская сторона. Данные документы координировали борьбу с Германией, решали вопросы отношений с освобождёнными странами, восстановления мира. Особое место в этой деятельности занимает согласование программы послевоенного устройства мира, обеспечения международной безопасности, чтобы не допустить повторения подобных событий.

В понимании роли СССР в деятельности Антигитлеровской коалиции могут помочь архивные материалы (в особенности Архива внешней политики Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории), документы международных конференций периода Великой Отечественной войны, Атлантическая хартия (1941), Московская декларация (1943), материалы Тегеранской, Ялтинской, Потсдамской конференций.

Формирование Антигитлеровской коалиции в составе СССР, США и Великобритании происходило в трудных условиях лета – осени 1941 г. Нацисты сдерживались фактически только Красной армией, большая часть Европы пала. Важнейшими событиями на пути становления Антигитлеровской коалиции явились решения правительств Великобритании и США о поддержке СССР в войне с Германией. В первый день Великой Отечественной войны, 22 июня 1941 г., по радио выступил премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, заявивший о необходимости поддержки Советского Союза в войне против Гитлеровской Германии. Он отметил, что угроза Советскому Союзу – угроза и Британии, и США [1, р. 331–333].

23 июня 1941 г. Госдепартамент в своем заявлении констатировал, что СССР ведет войну с Германией и эта война важна для обеспечения безопасности самих США [3, р. 541]. На следующий день состоялась пресс-конференция президент США Рузвельта, на которой он заявил о готовности оказать помощь Советскому Союзу [8, с. 231]. Тогда же министерство финансов США сняло запрет с заблокированных советских валютных фондов, отменив санкции, которые тогда действовали в отношении Советского Союза. Советская сторона старалась донести до других стран идею о том, что фашизм можно победить лишь совместными усилиями. Так, в обращении к советскому народу 3 июля 1941 г. И. В. Сталин выразил

уверенность в том, что справедливая борьба советского народа за свободу страны «сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы» [10, с. 16].

Становление сотрудничества между странами Антигитлеровской коалиции проходило непросто. На начальном этапе войны Великобритания и США не торопились с оказанием реальной помощи Советскому Союзу, несмотря на просьбы СССР. Так, Москва настойчиво обращалась к союзникам о немедленном открытии второго фронта, открытии поставок СССР по ленд-лизу. Впервые этот вопрос был поставлен советской стороной перед англичанами еще в июле 1941 г. Он также обсуждался на советско-англо-американской конференции в Москве 29 сентября – 1 октября 1941 г. На СССР действие закона о ленд-лизе было распространено в октябре 1941 г., хотя первые поставки вооружений, военной техники и военных материалов начались в конце лета 1941 г., а первый конвой прибыл в Архангельск 31 августа.

О значении ленд-лиза для Советского Союза ведутся споры среди историков. По мнению Н. А. Вознесенского, поставки составили 4 % от уровня производства в СССР и особой роли для СССР не сыграли. При этом им отмечается рост импорта Советским Союзом за счет поставок сырья и материалов [5, с. 70–71]. В общем объеме производства Советского Союза в тот период времени процент поставок по ленд-лизу был относительно небольшим, однако значение имела и номенклатура поставляемых товаров. Благодаря ленд-лизу советские предприятия концентрировались на товарах военного назначения, некоторые категории товаров активно приходили от союзников, например, консервы, хлебопекарные печи, а также необходимые материалы и запчасти. М. Н. Супрун отдельно отмечает поставки в СССР грузовых автомобилей и внедорожников, их количество в войсках было существенным [15, с. 46–54]. Помимо этого, для советских людей формировался образ настоящих союзников в лице США и Великобритании. Появление военной техники союзников негативно влияло на моральное состояние немцев, которые понимали, что против них выступает целая коалиция государств [14, с. 184]. В современной историографии подчеркивается, что решающего значения поставки не носили, они были необходимой помощью, но основное вооружение и военную технику СССР производил сам. К тому же, после неудачи каравана PQ-17 поставки через Атлантику уменьшились, приоритет был отдан другим, более долгим маршрутам. Но в это время разворачивалась Сталинградская битва, и СССР фактически остался без поставок. Основная

часть поставок пришлась на 1943–1944 гг., когда исход Второй мировой войны был фактически определен, а СССР наладил производство вооружения и военной техники в огромных количествах [13, с. 247–250].

Помимо вопроса о ленд-лизе для Советского Союза с самого начала войны был важным вопрос открытия второго фронта. Он стоял на повестке дня встреч, проводившихся между союзниками по Антигитлеровской коалиции. СССР вел тяжелые бои, и открытие второго фронта означало скорейший разгром врага, уменьшение потерь, как человеческих, так и экономических. Союзники, в свою очередь, понимали сложности проведения десантных операций, и что для них необходимы не только ресурсы, но и подготовка личного состава к подобным условиям боевых действий. К тому же для США очень важно было добиться согласия населения, поскольку от этого зависел результат выборов и соответственно сохранения у власти демократической партии [7, с. 145]. Как отмечает М. Ю. Мягков, своевременное открытие боевых действий на западе могло значительно ускорить разгром фашистского блока, сократить продолжительность Второй мировой войны [12, с. 37].

Весной 1942 г. У. Черчилль и Ф. Рузвельт заявляли В. М. Молотову, что второй фронт будет открыт в конце 1942 г., но этого не произошло. Окончательная дата открытия второго фронта была согласована в ходе Тегеранской конференции, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. Был назван срок высадки во Франции – май 1944 г. Позднее дата была сдвинута на 6 июня. Высадка состоялась в Нормандии, операция имела кодовое название «Оверлорд». Стоит также сказать о боевых действиях союзников в Северной Африке и высадке на Сицилии. Несмотря на их важность для конкретного региона, особого влияния на положение дел на Советско-германском фронте они не оказали, поскольку большая часть войск стран Оси приходилась на итальянцев, а немецкое командование полагало, что немецкие части смогут справиться без переброски резервов. Эту мысль в своих воспоминаниях подтверждает Г. К. Жуков, полагавший, что эти действия не ведут к началу широкомасштабной наступательной операции союзников в Европе [6, с. 190–193].

Одним из важнейших направлений деятельности Антигитлеровской коалиции было формирование послевоенного мироустройства. По ряду вопросов позиции стран Антигитлеровской коалиции сходились, но были и серьезные разногласия. Одним из первых документов стала Атлантическая хартия, к которой Советский Союз присоединился 24 сентября 1941 г. Во многом этот документ определил основные позиции Антигитлеровской

коалиции по важнейшим вопросам: разоружение агрессоров и общее разоружение, уважение прав народов, отсутствие территориальных претензий у подписавшихся стран. Советское правительство выразило согласие с основополагающими принципами Атлантической хартии. Однако оно отмечало, что ряд принципов нуждается в корректировке. Так, принцип восстановления суверенитета наций не совсем вписывался в концепцию Сталина, так как мог привести к непризнанию присоединения стран Прибалтики к СССР [2, р. 554]. На Московской конференции, проходившей 19–30 октября 1943 г., страны-союзники выступили за создание Международной организации для поддержания мира и безопасности. Советский Союз активно выступал за проведение дальнейших консультаций по проблеме регулирования вооружений в послевоенный период, и к его мнению прислушались остальные страны-участницы, что нашло отражение в Декларации четырех государств (СССР, Великобритания, США, Китай) по вопросу о всеобщей безопасности от 30 октября 1943 г.

Отдельную веху в сотрудничестве стран Антигитлеровской коалиции сыграли конференции «Большой тройки»: Тегеранская, Ялтинская (Крымская), Потсдамская (Берлинская). В ходе переговоров в Тегеране помимо вопроса о втором фронте, страны обсудили будущее Германии, Польши и создание новой международной организации. Историки отмечают, что к мнению Советского Союза прислушивались, принимали советские предложения, поскольку лидеры США и Великобритании понимали, что СССР несет основную тяжесть войны [11]. Несмотря на это, между сторонами существовали и противоречия. Так, Четвёртая Московская конференция, проходившая 9–19 октября 1944 г., показала разногласия между СССР и союзниками по «польскому вопросу». Стороны занимали разные позиции относительно формирования правительства Польши. СССР выступал за доминирование представителей Польского комитета национального освобождения (ПКНО), находившегося в Люблине с августа 1944 г. (их называли «люблинцами»). У. Черчилль отстаивал позиции Правительства Польши в эмиграции, находившегося в Лондоне (их называли «лондонцы»). Проходили трудные переговоры, но советская сторона добилась уступок англичан, и большинство в правительстве Польши принадлежало «люблинцам», а премьером стал «лондонец» С. Миколайчик [4, с. 412–413].

На Ялтинской конференции, проходившей в Крыму 4–11 февраля 1945 г., где встретились лидеры СССР, США и Великобритании, продолжились

обсуждения по концепции мироустройства после войны. На ней обсуждалась проблема формирования границы Польши. СССР настаивал на компенсации немецкими территориями на Западе, США рассматривали вариант компенсации на южном участке линии Керзона. В итоге США пошли на уступки советской стороне, и в Декларации Крымской конференции по Польше зафиксирована восточная граница по линии Керзона, а к Польше должны были присоединить территории на северо-западе. В ходе обсуждения СССР смог отстоять вхождение в ООН Белорусской и Украинской ССР, смог получить согласие союзников на выделение большой доли репараций с Германии. Был окончательно утвержден принцип сохранения единой Германии. Стороны понимали необходимость ведения переговоров, учета мнений каждой стороны. В этом контексте СССР старался добиться максимальных уступок, апеллируя, прежде всего, огромными потерями в войне и освобождением целого ряда стран Европы [4, с. 580].

Важную роль сыграла Потсдамская конференция, проходившая 17 июля – 2 августа 1945 г. Между сторонами существовали противоречия, которые усилились приходом к власти в США Гарри Трумэна. Он был негативно настроен по отношению к СССР. Несмотря на это, стороны смогли согласовать Протокол Берлинской конференции трех великих держав 1 августа 1945 г. [9, с. 427–447]. Во многом на это повлиял образ Антигитлеровской коалиции как прочного объединения, а также понимание политиками США невозможности быстрого завершения войны с Японией без участия Советского Союза. На конференции было решено передать Кенигсберг СССР, Польше на западе передавались германские земли. Все страны выступали за закрепление и применение принципов, которые не допустят подобную войну в будущем.

Таким образом, Советский Союз сыграл важную роль в Антигитлеровской коалиции и основную в разгроме Гитлеровской Германии. СССР получил мировое признание как сильный геополитический игрок. Поставки по ленд-лизу от западных союзников сыграли свою роль, как идеологическую, так и практическую, а открытие второго фронта позволило ускорить процесс разгрома врага. Однако именно Советский Союз понес основную тяжесть войны. В ходе формирования концепции послевоенного мира удалось зафиксировать многие положения, значимые для СССР, создать архитектуру послевоенной безопасности.

Библиографические ссылки

1. Churchill W. The Second World War. Vol. 3. The Grand Alliance. L.: Cassell, 1951.
2. Feis H. Churchill. Roosevelt. Stalin. The War They waged and the Peace They Sought. Princeton: Princeton University Press, 1957.
3. Longer W., Gleason S. The Undeclared War. 1940–1941. N. Y. : HARPER & BROTHERS PUBLISHERS, 1953.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. М.: Кучково поле, 2014.
5. Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948.
6. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М.: ОЛМА–ПРЕСС, 2002.
7. Израэлян В. Л. Антигитлеровская коалиция (Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны). М.: Международные отношения, 1964.
8. Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война: исторический очерк. М.: Наука, 2005.
9. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Сборник документов. Том VI. Берлинская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). М.: Издательство политической литературы, 1980.
10. Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Военное издательство Министерства вооруженных сил Союза ССР, 1948.
11. Тегеран – Ялта – Потсдам. Сборник документов. 2-е изд. М.: Издательство «Международные отношения», 1970.
12. Мягков М. Ю. СССР во Второй мировой войне // Вестник МГИМО-Университета. 2020; № 13(4). С. 7–51. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020-4-73-7-51>
13. Поздеева Л. В. Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. С. 247–250.
14. Соколов Б. В. Роль ленд-лиза в советских военных усилиях, 1941–1945 // Правда о Великой Отечественной войне. СПб.: Алетейя, 1998. С. 182–190.
15. Супрун М. Н. Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны // Отечественная история. 1996. № 3. С. 46–54.

СОБЫТИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: РАЗРАБОТКА ПРОБЛЕМАТИКИ

Р. А. Зубачёв

Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск, Республика Беларусь, zubachev.roman@gmail.com

Можно констатировать, что в обществе и, в частности в академической среде, интерес к Первой мировой войне, которую не всегда справедливо, но называют «забытой», только растёт. Большую роль в популяризации данной тематики сыграл широкий перечень мероприятий, приуроченных к 100-летию с начала и окончания Первой мировой войны. Важно отметить, что в Республике Беларусь пока не выработана единая концепция изучения Первой мировой войны. Исследователи могут предлагать разные трактовки контекста. Много для возрождения памяти о Великой войне делает как общество, так и государство. Станет ли она для белорусов полноценно «своей» – вопрос, на который ответит лишь время.

Ключевые слова: Великая война; концепция; Первая мировая война; политика памяти; империалистическая война; Русская императорская армия

THE EVENTS OF THE FIRST WORLD WAR IN THE BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY: THE DEVELOPMENT OF ISSUES

R. A. Zubachev

Belarusian Research Institute of Records Management and Archival Studies, 55 Kropotkin str., 220002, Minsk, Republic of Belarus, zubachev.roman@gmail.com

It can be stated that in society and, in particular, in the academic environment, interest in the First World War, which is not always fair, but is called "forgotten", is only growing. A large role in popularizing this topic was played by a wide list of events dedicated to the 100th anniversary of the beginning and end of the First World War. It is important to note that the Republic of Belarus has not yet developed a unified concept for the study of the First World War. Researchers can offer different interpretations of the context. Both society and the state are doing everything to revive the memory of the Great War. Whether it will become fully "its own" for Belarusians is a question that only time will answer.

Keywords: The Great War; concept; World War I; memory politics; imperialist war; Russian Imperial Army.

Первая мировая война, которую ещё современники окрестили «Великой», стала фактором глубокого надлома человеческой цивилизации. Принесшая доселе невиданные страдания, спровоцировавшая огромные жертвы, она стала подлинным рубежом эпох. В противоборство было втянуто 38 государств с полуторамиллиардным населением, а 74 млн чел. были мобилизованы и приняли участие в боевых действиях. В ту пору человеческий разум наиболее явно продемонстрировал свою службу разрушению: впервые применялись тяжёлая артиллерия, огнемёты, миномёты, аэропланы, танки, отравляющие вещества. Несмотря на победу

Антанты, человечество вступило в полосу не исключительно экономического, но, шире, – кризиса экзистенциального.

Став одним из центров глобального противостояния Российской и Германской империй, внушительная часть территории современной Республики Беларусь вскоре была оккупирована врагом, таким образом, фронт стабилизировался в 1915 г. и оставался в целом неизменным до 1918 г.

Сегодня можно констатировать, что в обществе и, в частности, в академической среде интерес к Первой мировой войне, которую не всегда справедливо, но называют «забытой», только растёт. Большую роль в популяризации данной тематики сыграл широкий перечень мероприятий, приуроченных к 100-летию с начала и окончания Первой мировой войны (2014 и 2018 гг. соответственно). Несмотря на в целом сохранившуюся инерцию в данном вопросе, сегодня в Республике Беларусь он обретает дополнительную актуальность. Во-первых, это непосредственно связано с Указом Президента Республики Беларусь № 1 от 1 января 2022 г. «Об объявлении 2022 года Годом исторической памяти», что демонстрирует более пристальное внимание к мнемоническим практикам со стороны государства. Во-вторых, активизировавшиеся интеграционные процессы в рамках строительства Союзного государства Беларуси и России выдвигают на особый план вопрос выработки скоординированной информационной политики стран-участниц. Можно предположить, что данный процесс и дальше будет находить своё воплощение и в гуманитарной сфере. Поэтому процесс поиска и углубленной разработки ожидавших «своего часа» новых «точек соприкосновения» наших народов будет сохранять актуальность, несмотря некоторую незавершённость и порой противоречивость концептуального оформления трактовки событий Первой мировой войны в белорусской историографии.

Первые работы, в которых определялась роль Первой мировой войны в судьбе белорусского народа, принадлежали преимущественно политическим деятелям. В частности, для сторонников марксистско-ленинской трактовки данный глобальный конфликт рассматривался как благоприятная для мировой социалистической революции ситуация [22]. В Беларуси первые работы научно-публицистического и мемуарного характера принадлежали участникам белорусского национального движения (А. Луцкевич, А. Цвикевич, Я. Воронко, Е. Канчер, А. Бурбис, Ф. Турук, Д. Жилунович, К. Езовитов, В. Годлевский и др.). Они были посвящены проблеме государственно-политического и культурного

самоопределения белорусов, поставленной на повестку дня ходом Первой мировой войны и Февральской революции 1917 г. [14, с. 26]. Становление белорусского национального движения в условиях революционных событий периода Первой мировой войны нашло отражение в работах по истории Беларуси, подготовленных в 1920-е гг. В. М. Игнатовским [17] и М. В. Довнар-Запольским [16]. При этом В. М. Игнатовский обратил внимание на то, что «вайна 1914 году ломіць старыя рамкі жыцця і пачынае сабою новы пэрыод гісторыі як Расіі, так і Беларусі» [18]. Однако взгляд на войну как на самостоятельный этап отечественной истории не нашел отражения в белорусской историографии. В соответствии с официальными установками советского времени Первая мировая война обычно рассматривалась как предвестник и катализатор Октябрьской революции. Традиция такого восприятия войны была заложена в белорусской историографии работами А. Г. Червякова, В. Г. Кнорина, В. К. Щербакова и др. [15].

С середины XX в. война 1914–1918 гг. оказалась «в тени» не только Октябрьской революции 1917 г., но и Второй мировой войны. Поэтому в послевоенные десятилетия относительно систематизированное освещение истории Беларуси времен войны с кайзеровской Германией делалось только в коллективных обобщающих работах [21; 19]. Концептуальные коррективы были внесены только в 1990-е гг. [9]. В отличие от советской историографии современная наука по-иному относится к проблеме взаимоотношения между войной и революцией: осознается необходимость исследовать российскую революцию в контексте более масштабного, глобального явления – Первой мировой войны. Подобные подходы постепенно просматриваются в трудах белорусских историков рубежа XX–XXI вв. [12; 32; 27].

В постсоветский период белорусские историки больше внимание уделяют и чисто военным аспектам. Ряд публикаций, посвященных военачальникам и отдельным операциям Первой мировой войны на белорусских землях (вместе с картографическими материалами), были подготовлены А. М. Лукашевичем [39]. Военным событиям на белорусских землях посвящена содержательная работа В. В. Бондаренко [11], а также ряд других публикаций [20; 23]. Морально-боевое состояние российской армии осветил М. М. Смольянинов [30], обеспечение обороноспособности отдельно взятого города-крепости и повседневную жизнь его жителей – В. Н. Черепица [34]. Одной из наиболее актуальных

проблем остается беженство белорусского населения, на которое историки обратили внимание как на народную трагедию [28].

В 1980-е гг. наметился интерес исследователей к изучению международного контекста событий в Беларуси в период Первой мировой войны. Новаторской в этом плане была диссертация А. М. Бобкова. Автор проанализировал планы различных общественно-политических сил Германии относительно Беларуси, исследовал оккупационный режим, экономическую политику немцев на занятой территории, предпринял попытку оценить их мероприятия в национально-культурной сфере [3]. Впоследствии аналогичный спектр вопросов наряду с названным автором [2] рассматривали В. И. Мамонтов, В. Е. Снапковский [31].

Новым направлением в отечественной историографии является изучение вопросов об увековечении памяти событий и участников Первой мировой войны на белорусских землях. Эта проблема нашла отражение в публикациях В. В. Шумского [38], В. А. Богданова [10], А. В. Шаркова [37], Б. Б. Цитовича [33], В. Н. Лигуты [24]. Значительный вклад сделала подготовленная А. В. Шарковым и В. Д. Селеменевым книга «Воинские захоронения Первой мировой войны в Беларуси», в которой представлены сведения о 207 местах воинских захоронений австро-венгерских, немецких и российских военнослужащих на территории Брестской, Витебской, Гродненской и Минской областей с фотографиями 95 мест захоронений [36]. Важными шагами на пути к возрождению в нашей республике памяти о Первой мировой войне и актуализации некоторых проблем ее истории стали научные конференции «Падзеі Першай сусветнай вайны на тэрыторыі Беларусі ў дакументах беларускіх архіваў» [1], «Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы на Беларусі» [26], и «Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць» [7], проведенные в 2005 и 2007 гг.

Среди приуроченных к 100-летию юбилею начала войны обобщающих работ следует назвать богато иллюстрированную фотографиями и документами книгу В. Н. Белявиной [8], работы М. М. Смольянинова [29] и И. Р. Чикаловой [35], а также сборник «Беларусь в пламени Первой мировой войны...» [6]. Его основу составляют научные статьи – доклады и сообщения историков Беларуси, России и Азербайджана на Международной научной конференции «Беларусь в пламени Первой мировой войны», которая прошла 25–26 октября 2018 г. В них освещен широкий круг вопросов о боевых действиях, миграции, социально-экономической, политической и хозяйственной жизни населения на

территории Беларуси в период Великой войны, а также о сохранении исторической памяти. В приложение включены письма солдат русского Западного фронта и обзоры военных цензоров переписки фронтовиков с «тылом» и наоборот, что выделяет данное издание среди подобных. Рассчитано на ученых-историков, аспирантов, преподавателей и студентов вузов, учителей, всех, кто интересуется историей Первой мировой войны.

В 2014 г. Национальным историческим архивом Беларуси подготовлен и в партнерстве с издательством «Беларусь» издан сборник документов «Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918)» [4]. Этот сборник документов является первым тематическим изданием, подготовленным с учетом имеющегося на сегодняшний день археографического наследия и с пониманием назревшей необходимости археографического освоения Национального архивного фонда. Составители не ставили перед собой задачу всестороннего и разнопланового документального освещения событий войны на белорусских землях, что, в принципе, и невозможно в рамках однотомного юбилейного издания. Задача сборника куда более скромная, но не менее значительная – ввести в научный оборот наиболее информативные архивные документы, проливающие свет на историю Первой мировой войны как сложного и трагического явления в отношении Беларуси, ее жителей и захваченных в плен чужестранцев. В сборнике задействован неосвоенный или в недостаточной мере освоенный исследователями массив неопубликованных первоисточников, хранящихся в фондах Национального исторического архива Беларуси и Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно. Публикуемые документы позволяют осветить ход мобилизационных мероприятий в белорусских губерниях, организацию местными властями помощи фронту, осуществление мер по борьбе со шпионажем, проведение депортации этнических сообществ и эвакуации людских и материальных ресурсов, налеты вражеской авиации и другие военные, политические и экономические события на белорусских землях, оценить последствия войны для мирного населения Беларуси, военнослужащих и их семей, проследить деятельность местных органов власти и управления в условиях оккупации, а также осветить судьбу военнопленных немецкой и австро-венгерской армий.

Важно отметить, что в Республике Беларусь пока не выработана единая концепция изучения Первой мировой войны. Исследователи могут предлагать разные трактовки контекста, однако любопытно и то, что даже в историографическом поле можно встретить диаметрально

противоположную констатацию. В. А. Белозорович [13] утверждает, что Первая мировая война по-прежнему остаётся «идеологически чужой» в современной белорусской историографии, и она не связывается с вопросом национальной идентичности белорусов. Ставшая внешним источником материальных лишений и человеческих жертв, она рассматривается преимущественно как «принадлежащая России». Отмечается, что следствием немецкого наступления 1915 г. стало размещение по разные стороны линии фронта армий «противников, которые вместе с огромным количеством вспомогательных служб тыловых учреждений методично опустошали край на протяжении последующих лет». Русской Императорской армии отказано в роли защитницы белорусских земель, а при описании военных операций 1915–1916 гг. не раскрывается героизм солдат и офицеров. С другой стороны, В. Ф. Кушнер утверждает, что и сегодня в белорусской методологии изучения истории Первой мировой войны очень заметна «русскоцентричная» концепция [26], представленная Я. И. Трещенком, В. В. Бондаренко, В. Н. Черепицей и др. Ей в наибольшей степени свойственны обращение к героике войны, апологетика руководства Российской империи и стремление вернуть название войны как Второй Отечественной.

Однако стоит заметить, что изучение Первой мировой войны не является приоритетным для белорусских историков и значительно уступает другим историческим событиям XX в., что обусловлено комплексом причин. Прежде всего, к ним следует отнести наследие советской историографии, рассматривавшей мировую войну лишь как предпосылку Октябрьской революции и не проявлявшей интереса к империалистической «николаевской» войне в целом. Несмотря на то, что многие историки критикуют советскую историографию и декларируют пересмотр прежней концепции, в тенденции официальной белорусской исторической науки можно заметить возврат ко многим тезисам советской историографии. В первую очередь преобладающей прослеживается в критике царского правительства, внимании к социальным проблемам, роли, которая отводится в событиях 1914–1918 гг. революциям.

Особая роль Великой Отечественной войны оставляет Первую мировую в тени и переносит на неё сформированное у белорусов неприятие Германии, немцев и нацизма.

Ещё одним фактором, определяющим особенность подходов к изучению Великой войны, является важность национальной составляющей белорусской истории на современном этапе государственного

строительства и присущее в силу этого многим историкам стремление рассматривать войну через призму национального движения и выяснения причин первоначального провала национального проекта. Наконец, следует учитывать и трудности изучения Первой мировой войны, обусловленные сменой в течение 1914–1918 гг. нескольких режимов (Российской империи, кайзеровской Германии, Временного правительства, советской власти) и отсутствием в Республике Беларусь значительного количества архивных материалов этого периода.

Тем не менее, несмотря на преемственность с предшествующим этапом развития исторической науки, можно говорить о переходе в последние два десятилетия белорусской исторической науки на новую ступень изучения Первой мировой войны, которая характеризуется расширением тематики, попытками ликвидировать «белые пятна», появлением новых методов исследования. Профессиональная историография плюралистична в точках зрения. Различия в подходах обусловлены политической ориентацией и отношением к России. Они выражаются разной степенью акцентирования на отдельных аспектах обозначенных событий, особенно это касается этнической, социальной проблематики, что осложняет процесс формирования исторической памяти в отношении Первой мировой войны. В целом белорусские историки предпочитают исследовать события войны на белорусской территории, а также судьбы белорусов за её пределами. Вместе с тем, многое для возрождения памяти о Великой войне делает как общество, так и государство. Станет ли она для белорусов полноценно «своей» – вопрос, на который ответит лишь время.

Библиографические ссылки

1. Архіўныя чытанні I–III: Матэрыялы навуковых канферэнцый, Мінск, 2003–2005 гг. / укл.: Г.В. Запартыка [і інш.]; навук. рэд. А.В. Мальдзіс. – Мінск: РІВШ, 2006. – С. 123–222.
2. Бабков, А.М. Беларусь в польской политике Германии (1915–1916 гг.) / А.М. Бабков // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (г. Смаргонь, 18–19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі; рэдкал.: А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. – С. 544–557.
3. Бабков, А.М. Политика германского империализма в Белоруссии в годы первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. Наук / А.М. Бабков. – Минск, 1983. – 20 с.
4. Беларусь в годы Первой мировой войны (1914—1918): сборник документов / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь, Национальный исторический архив Беларуси,

- Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Минск : Беларусь, 2014. – 352 с.
5. Беларусь в пламени Первой мировой войны: сб. науч. ст. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; сост. М. М. Смольянинов; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Беларуская навука, 2022. — 375 с.
 6. Беларусь у гады Першай сусветнай вайне. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (г. Смаргонь, 18–19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі; рэдкал.: А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. – 740 с.
 7. Белявина, В.Н. Беларусь в годы Первой мировой войны / В.Н. Белявина. – Минск: Беларусь, 2013. – 398 с.
 8. Біч, М.В. Беларусь у час першай сусветнай вайны / М.В. Біч // Нарысы гісторыі Беларусі. У 2-х ч. Ч. 1 / М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, Г.В. Штыхаў і інш.; рэдкал.: М.П. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск, 1994. – С. 440–453.
 9. Богданов, В.А. Воинские захоронения Первой мировой войны на территории Беларуси: современное состояние / В.А. Богданов // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (г. Смаргонь, 18–19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі; рэдкал.: А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. – С. 666–678.
 10. Бондаренко, В.В. Утерянные победы Российской империи / В.В. Бондаренко. – Минск: Харвест, 2010. – 448 с.
 11. Весялкоўскі, Ю. Беларусь у Першай Сусветнай вайне (Гістарычны нарыс) / Ю. Весялкоўскі; рэд. А. Мірановіч. – Беласток; Лёндан, 1996. – С. 162.
 12. Военно-историческое наследие Первой мировой войны в Республике Беларусь и Российской Федерации: проблемы изучения, сохранения и использования: сб. науч. ст. / Учреждение образования "Гродненский государственный университет имени Янки Купалы"; Ред. коллегия: А. Н. Нечухрин [и др.]. – Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы, 2016. – С. 10-14.
 13. Гісторыя Беларусі: У 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч і інш.; рэд.: В. Яноўская, С. Рудовіч. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – С. 26-27.
 14. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский; редкол.: В.М. Лебедева (отв. ред.) и др. – Минск: Беларусь, 2003. – 680 с.
 15. Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі; 5-е выд. – Мінск: Беларусь, 1991. – С. 174–178.
 16. Каменская, Н.В. Далейшае развіццё рэвалюцыі. Барацьба беларускага народа супраць германскіх акупантаў / Н.В. Каменская, Я.К. Прыгунова, П.А. Селіванаў // Гісторыя Беларускай ССР: У 5-ці т. Т. 3: Перамога Вялікай Кастрычніцкай сацыялістычнай рэвалюцыі і пабудова сацыялізму ў БССР (1917–1937 гг.) / рэдкал.: І.Я. Марчанка (гал. рэд.) і інш. – Мінск: Навука і тэхніка, 1973. – Раздзел IV. – С. 88–122.
 17. Камінскі, А. Крэва ў полімі Першай сусветнай... / А. Камінскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 6. – С. 39–43.
 18. Корнейчик, Е.И. Белоруссия в период первой мировой войны и второй русской революции (1914 – март 1917 г.) / [Е.И. Корнейчик, Т.Е. Солодков] // История Белорусской ССР: В 2-х т. / 2-е изд., доп. – Т. 1 / редкол.: Л.С. Абецедарский, В.Н. Перцев, К.И. Шабуня. – Минск: Издательство Академии наук Белорусской ССР, 1961. – Гл. XX. – С. 616–645.

19. Ленин, В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – М.: Изд-во полит. лит., 1967. – С. 197-198.
20. Лигута, В. Наша кровь у Сморгони / В. Лигута. – Минск: Виктор Хурсик, 2005. – 54 с.; Он же. У Сморгони под знаком Святого Георгия / В. Лигута. – Минск: В. Хурсик, 2010. – 332 с.
21. Лигута, В.Н. 810-дневное противостояние у Сморгони в 1915–1917 годах / В.Н. Лигута // Беларусь у гады Першай сусветнай вайне. Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (г. Сморгонь, 18–19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі; рэдкал.: А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. – С. 67–84.
22. Мамонтов, В.И. Беларусь в период германской оккупации в годы Первой мировой войны (сентябрь 1915 – ноябрь 1918 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 1997. – 26 с.
23. Першая і Другая сусветныя войны: акупацыя і яе наступствы на Беларусі. Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі 5 мая 2005 года, Мінск / адк. рэд. В.Ф. Балакіраў, К.І. Козак. – Мінск, 2006. – 256 с.
24. Першая сусветная вайна: некаторыя праблемы гістарыяграфіі і метадалогіі / Кушнер В.Ф. // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. – С. 170.
25. Рудовіч С. Беларусь у Першай сусветнай вайне і рэвалюцыі 1917 г.: актуальныя праблемы даследаванняў / С. Рудовіч // Гісторыя, якой няма ў падручніках: Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (Мінск, 27 красавіка 2002 г.) / Пад рэд. Н. Стужынскай. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2002. – С. 77–82.
26. Скалабан, В.В. Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения / В.В. Скалабан // Архіўныя чытанні I–III: Матэрыялы навуковых канферэнцый, Мінск, 2003–2005 гг. / укл.: Г.В. Запартыка [і інш.]; навук. рэд. А.В. Мальдзіс. – Мінск: РІВШ, 2006. – С. 142–146.
27. Смольянинов, М. М. Беларусь в Первой мировой войне 1914-1918 гг. / М. М. Смольянинов. – М.: Фонд «Историческая память», 2017. – 415 с.
28. Смольянинов, М.М. Морально-боевое состояние российских войск Западного фронта в 1917 году / М.М. Смольянинов. – Минск: Белорусская наука, 2007. – 260 с.
29. Снапкоўскі, У.Е. Беларусь у гады першай сусветнай вайны // Снапкоўскі, У.Е. Гісторыя знешняй палітыкі Беларусі: Вучэбны дапаможнік для студэнтаў факультэта міжнародных адносін: У 2 ч. Ч. 2: Ад канца XVIII да пачатку XXI ст. / У.Е. Снапкоўскі. – Мінск: БДУ, 2004. – Глава 16. – С. 61–81.
30. Сяменчык, М.Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.) / М.Я. Сяменчык. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 2001. – Ч. 1: Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. – С. 88.
31. Цитович, Б.Б. Музеефикация следов Первой мировой войны. Обращение к утраченной христианской традиции поминовения воинов как средство духовно-нравственного и патриотического воспитания памяти Первой мировой войны в Беларуси / Б.Б. Цитович // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Сморгоншчына: трагедыя, гераізм, памяць. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (г. Сморгонь, 18–19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі; рэдкал.: А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. – С. 688–708.
32. Черепица, В.Н. Город-крепость Гродно в годы Первой мировой войны: мероприятия гражданских и военных властей по обеспечению

- обороноспособности и жизнедеятельности. Монография / В.Н. Черепица. – Минск: Беларуская Энцыклапедыя, 2009. – 536 с.
33. Чикалова И.Р. (Не) забытая война: Первая мировая война в документах, публицистике, воспоминаниях и исследованиях современников (1914—1941): Монография. — Минск: Беларуская навука, 2022. — 426 с.
34. Шарков, А.В. Воинские захоронения Первой мировой войны в Беларуси = Soldatengrabanlagen aus dem Ersten Weltkrieg in Belarus / А.В. Шарков, В.Д. Селеменев. – Минск: НАРБ, 2010. – с. 121–146.
35. Шарков, А.В. Воинские захоронения Первой мировой войны на территории Беларуси: состояние, проблемы сохранения и ухода / А.В. Шарков // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (г. Смаргонь, 18–19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі; рэдкал.: А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. – С. 678–687.
36. Шумский, В.В. Некоторые уроки Первой мировой войны. Воинские захоронения периода Первой мировой войны на территории Республики Беларусь / В.В. Шумский // Беларусь у гады Першай сусветнай вайны. Смаргоншчына: трагедыя, гераізм, памяць. Матэрыялы Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (г. Смаргонь, 18–19 мая 2007 г.) / навук. рэд. А.М. Літвін, У.В. Ляхоўскі; рэдкал.: А.М. Літвін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2009. – С. 121–146.
37. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 4. Кадэты — Ляшчэня / Рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. — Мн.: БелЭн, 1997. — С. 77–82.

ГРАММАТИКИ И ЦЕНТУРИОНЫ

А. В. Козленко

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, strator40@gmail.com

Литература была важной составляющей культурной жизни Римской империи. Представители знати обычно имели за плечами хорошее образование, были знакомы с классической литературой и сохраняли вкус к литературным занятиям в течении жизни. Средние и даже низшие слои населения также старались подражать этой культуре. Грамотность была широко распространена. Ту же картину мы наблюдаем в римской армии. Следы литературных пристрастий солдат являются многочисленные надписи, в т. ч. любительские стихи, эпиграммы, эпитафии и письма.

Ключевые слова: Римская империя; римская армия; грамматики; центурионы; графомания; эпиграмма; эпиграфика; надписи; идентичность.

GRAMMARIANS AND CENTURIONS

A. V. Kozlenko

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, strator40@gmail.com

Literature was an important part of the cultural life in the Roman Empire. Nobility usually had a good education, were familiar with classical literature canon and a taste for writing throughout their lives. The middle and even lower strata also imitated this culture. Literacy was widespread. Numerous inscriptions, including epigrams, epitaphs and letters told us about literary taste of the soldiers

Keywords: Roman Empire; Roman army; Grammarians; Centurions; literature; epigram; epigraphy; inscriptions; identity

Прусский король Фридрих II говорил, что из любого фельдфебеля получится хороший школьный учитель, однако далеко не каждый учитель способен стать хорошим фельдфебелем. В древней истории, как и в наши дни, бывшим учителям совсем нередко приходилось менять мел и доску на мундир. При этом, вопреки уверенности короля, результат такого переодевания зачастую оказывается совсем не так уж плох. Ответственные и собранные, привыкшие к порядку и дисциплине, бывшие учителя нередко делали в армии головокружительные карьеры на зависть менее расторопным сослуживцам.

Ряд примеров такого рода метаморфоз сохранил Светоний в своем сочинении о риториках и грамматиках. Луций Орбилий Пупилл из Беневента (113–13 гг. до н. э.), оставшись без средств, и не найдя себе учеников, записался в армию. Сначала он был простым писарем при штабе, затем дослужился до корникулария, т. е. начальника канцелярии в провинции Македония. Выйдя в отставку, он вернулся в родной город и снова стал

заниматься преподаванием. На этом поприще он снискал такую славу, что уже в 50-летнем возрасте перебрался в Рим. Своих соперников на учительском поприще он поносил при каждом удобном случае, а учеников лупил по рукам линейкой. Учёные заслуги Орбилия признавали даже его враги. После смерти на родине ему воздвигли памятник (Suet. Gram., 9).

Примером противоположной жизненной карьеры стал Марк Валерий Проб из Берита (20/30 – 105 г. н. э.). Судя по месту его рождения, он происходил из семьи римских военных колонистов. Долгое время он безуспешно добивался должности центуриона в армии. Пока тянулось ожидание, Проб прочел несколько старинных книг по грамматике и так увлекся этим предметом, что забросил планы военной службы и целиком обратился к ученым занятиям. Из сочинения Авла Геллия известно, что Проба занимали такие вопросы, как правила ударения в карфагенских именах, гомеровские сюжеты в сочинении Вергилия и многое другое (Gell., I, 15, 18). Светоний также пишет, что его сочинения немногочисленны, невелики и посвящены изучению мелких частных вопросов, в которых он был весьма компетентен (Suet. Gram., 9).

Поразительную историю рассказывает Кассий Дион. Во время Гражданской войны между императором Септимием Севером и поднявшим против него восстание Клодием Альбином (196–197 гг.), некий школьный учитель Нумериан объявил себя сенатором и посланником императора, набрал под этим предлогом провинциальное ополчение и с большим успехом стал действовать в тылу войск мятежников. Слухи о его подвигах дошли до ушей Септимия Севера, который также поверил в эту небывлицу и отправил ему на помощь войска. После того, как была одержана окончательная победа, Нумериан распустил свою армию и лично явился к императору, которому признался в своём обмане. От предложенной ему награды он отказался, вместо этого вернулся домой и до конца жизни продолжал довольствоваться скромным учительским жалованием (Dio Cass., 76, 5; Zonar., XII, 10).

Как бы ни были удивительны его приключения, его превзошёл успех Публия Гельвия Пертинакса (126–193 гг.). Его отец был простой торговец шерстью, но озаботился дать сыну хорошее образование у знаменитого грамматика Гая Сульпиция Аполлинария (SHA VIII, 1, 1; Herod., II, 3, 1). Достигнув зрелости, Пертинакс сам занялся преподаванием, что принесло ему некоторую известность, но не богатство. Это подтолкнуло его радикально изменить сферу деятельности и уже в 30-летнем возрасте при помощи знатных покровителей он получил должность центуриона в армии

(SHA VIII, 1, 5). Образованный и способный офицер быстро продвинулся по всем ступеням карьеры, дослужился до высших командных должностей. Когда император Коммод был убит заговорщиками, сенат единодушно предложил престол Пертинаксу (Herod., II, 3, 4). Всего после 3-месячного правления он был убит взбунтовавшимися солдатами (Aurel. Vict. Caes. XVIII).

В римской армии от офицеров и даже рядовых солдат требовалась не только физическая сила, выносливость и умение обращаться с оружием, но также определенный уровень грамотности. Офицеры знатного происхождения обычно имели за плечами хорошее образование, были начитаны, или по крайней мере поверхностно знакомы с классической литературой и нередко сохраняли вкус к литературным занятиям в течение службы. Даже те центурионы, которые выслуживались из рядовых солдат, прежде чем получить это звание, должны были предварительно пройти ряд карьерных должностей, связанных с бумажной работой в канцелярии легиона. Насколько ценилось образование в этой среде показывает навязчивое стремление военных к месту и не очень щеголять цитатами из классических авторов, о котором сообщают самые различные источники. Согласно автору «Жизнеописаний августов», император Диоклетиан (244–311 гг.), на сходке воинов зарубивший своего противника Аррия Апра перед многотысячной толпой, тотчас после этого произнёс стих Вергилия: «Пал ты, сражённый, самым великим Энеем» (Verg., Aen., X, 830). «Меня удивляет, – пишет автор жизнеописания, – такой рассказ о военном человеке, хотя я знаю, что многие военные употребляют греческие и латинские выражения комических и таких поэтов. Наконец, и сами авторы комедий, выводя на сцену воинов, часто заставляют их употреблять старинные изречения» (SHA XXX, 13, 3).

По-видимому, наряду с людьми поверхностно образованными, в армии в немалом числе встречались также и те, кто живо интересовался последними книжными новинками, и сами были не чужды служению Музам. Поэт Марциал на пике своей литературной карьеры с немалой долей самоуверенности писал, что творчество его широко известно в самых отдалённых провинциях, «...и даже в морозном краю у гетов под знаменем Марса потрёпанную книжку стихов мусолит центурион в часы досуга» (Mart., XI, 3). Можно предположить, что одним из таких преданных читателей Марциала был его близкий друг центурион Авл Пудент, которому поэт посвятил ряд своих эпиграмм. Из них нам известно о его пристрастиях к мальчикам (I, 31), желании иметь автографы Марциала (VII,

11) и честолюбивых мечтах получить чин примипила (I, 31; VI, 58). Сам он также писал любительские стихи и давал поэту советы относительно его собственных рифм (VII, 11).

Отражением этого распространенного увлечения графоманией являются две большие стихотворные надписи, обнаруженные археологами в развалинах римской пограничной крепости Голайя, современный Бунджем в Ливийской пустыне. Обе были написаны латинским стихотворным гекзаметром, первые буквы каждой строчки составляли акrostих, в котором было зашифровано имя автора. Первый текст датируется между 10 декабря 202 г. и 9 декабря 203 г., составлен от имени Квинта Авидия Квинтиана и содержит 18 стихотворных строк посвячительной надписи римской богине здоровья Салюте, сделанным по случаю постройки бань в форте (AE 1987, 993). Второй датируется началом 222 г. и представляет собой поэму в 27 строк о ремонте лагерных ворот, осуществленном силами солдат гарнизона крепости под наблюдением центуриона Марка Порция Ясуктана (AE 1995, 1641). Текст обеих надписей, хоть и грамматически правильный, представляет собой смесь литературного и современного авторам разговорного языка [1, p. 124; 2, с. 266–268].

Еще одним жанром, демонстрирующим литературные вкусы римских военных, являлись стихотворные надгробные эпитафии. На этом поприще выступали не только поэты-любители, но даже такие признанные мастера, как Марциал. Его перу принадлежит несколько десятков эпитафий, которые он сочинял для своих друзей, а также по заказу богатых спонсоров. Одним из таких друзей Марциала был центурион Вар, служивший в Киренаике, скончавшийся и похороненный здесь вдали от родины (Mart. X., 26). Еще одна известная эпитафия Марциала была сложена в честь двух товарищей Фабриция и Аквина, также римских центурионов, умерших в одно время или погибших в одном сражении и потому похороненных в общей могиле (Mart. I, 93). Обе эпитафии свидетельствуют о принадлежности их заказчиков к образованным кругам. Менее взыскательной публике приходилось довольствоваться эпитафиями, подобными той, которая была найдена на надгробной плите из Хеншелы на территории современного Алжира:

«Я желал держать трупы даков – я держал их.

Я желал сесть на кресло мира – я сел на него.

Я желал следовать за блестящими триумфами – и это сделано.

Я желал достичь всех финансовых выгод примипила – я их получил.

Я желал видеть наготу нимф – я видел ее» (AE 1928, 37).

Не слишком искусная рифма этих строк скорее свидетельствует о работе трудившегося на заказ поэта-любителя. Последняя строчка в действительности является скрытой цитатой из поэзии Катулла и, по крайней мере свидетельствует о его начитанности [1].

Литература для римских военных являлась не только любительским увлечением, но также важным источником самоидентификации. Некоторые аспекты этой проблемы нам могут открыть надписи на коленях Колосса Мемнона в Луксоре (Египет). Огромная статуя фараона Аменхотепа III, в греко-римскую эпоху стала почитаться как изображение героя Мемнона, сына богини Зари. Перед восходом солнца, когда холодный воздух проходил через трещины в камне, статуя издавала тонкий высокий звук. Считалось, что Мемнон таким образом приветствует свою мать на небосклоне (Strab., XVII, 46; Paus., I, 42, 3). Чтобы «услышать голос Мемнона» в Луксор стекались многочисленные паломники. Следами их присутствия являются граффити на постаменте и коленях статуи. Всего известно 107 надписей, 61 греческая и 45 латинских, выполненных в период между 20 и 205 гг. Особый интерес для нас представляют 10 надписей, принадлежавших римским центурионам.

Как и другие надписи паломников, эти тексты двуязычны: 7 из них выполнены на латыни, 3 – на греческом. По мнению учёных, это распределение не столько отражает реальную языковую ситуацию в армии, сколько свидетельствует о культуре военных и выборе идентичности. Все латинские граффити носят сухой официальный характер. Составители указывали своё имя, должность и название легиона. Греческие имеют совершенно иной характер. Все они выполнены стихотворным гекзаметром, в свободной форме, с литературными аллюзиями. Должность центуриона (*hekatontarchos*) указана в надписи, однако название легиона отсутствует. Даже имя составителя указано по-гречески в упрощённой форме, что особенно заметно в надписи Мария Гемелла, составленной на обоих языках. Очевидно, что для составителей надписи греческий язык и стихотворная форма послания были важнее его содержания [3].

Обязанности рядовых солдат также предполагали хотя бы элементарную грамотность. Они должны были постоянно читать и писать приказы, рапорты и списки, передавать и разносить сообщения в качестве курьеров и т. д. (Veg., II, 19). Знание грамматики и хороший почерк часто являлись для них предпосылками повышения по службе и успешной карьеры. Голоса рядовых солдат доходят до нас гораздо реже, чем

офицеров, у которых для этого были специальные возможности. Однако, есть граффити, процарапанные поверх штукатурки, есть религиозные посвящения, а также письма к домашним. Как правило, это простые и безыскусные послания, принадлежавшие людям, образование которых ограничилось парой классов сельской школы. Письма из Виндоланды, найденные при раскопках римской крепости недалеко от Вала Адриана в Британии, и написанные в конце I – начале II вв. н. э., по своей форме и содержанию больше похожи на деловые записки с просьбами или поручениями к домашним.

По мере роста благосостояния населения империи и, вероятно, повышения общего уровня грамотности, во II–III вв. письма простых людей, в т. ч. солдат, приобретают все более сложную форму, в них чаще встречаются риторические обороты, характерные для текстов «высокого стиля». Остается неизвестным, в какой мере эти тексты отражают культурные нормы и стандарты речи, принятые в военной среде этого времени. Вероятно, непосредственным источником многих риторических формул являлись ходившие по рукам сборники готовых образцов, наподобие «письмовников» Нового времени. Подходящий по форме текст можно было просто переписать от руки или скомбинировать из нескольких частей в зависимости от потребности пишущего [4].

Библиографические ссылки

1. Adams J. N. The Poets of Bu Njem: Language, Culture and the Centurionate // *Journal of Roman Studies* 1999. Vol. 89. P. 109–134.
2. Махлаюк А В. Стихотворная надпись центуриона М. Порция Ясуктана и римская *virtus* как категория воинской этики // *Из истории античного общества*. Вып. 12. Н. Новгород, 2009. С. 213–238.
3. Rosenmeyer P. A. *The Language of Ruins: Greek and Latin Inscriptions on the Memnon Colossus*. Oxford: University Press, 2018.
4. Ковельман А. Б. Частное письмо в греко-римском Египте II–IV вв. н. э. как литературный факт // *Вестник Древней истории* 1985. № 3. С. 134–154.

ЖЕНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ: ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ

А. А. Кондраль

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kondralaliaksandra@gmail.com

В статье рассматриваются особенности развития женского движения в странах Ближнего Востока и Северной Африки на современном этапе, определены факторы, повлиявшие на историческое становление движения за права женщин в регионе, рассмотрены его основные характеристики, цели и методы их достижения. Показано, что идеология исламского феминизма основана на необходимости соблюдения прав женщин, гарантированных им шариатом и одновременно выступает против их ортодоксальной патриархальной трактовки.

Ключевые слова: женское движение; исламский феминизм; женские исламистские организации; права женщин на Ближнем Востоке

WOMEN'S MOVEMENT IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA: HISTORY OF FORMATION AND DEVELOPMENT FEATURES

A. A. Kondral

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, kondralaliaksandra@gmail.com

The article examines the features of the development of the women's movement in the countries of the Middle East and North Africa at the present stage, identifies the factors that influenced the historical formation of the movement for women's rights in the region, and examines its main characteristics, goals and methods of achieving them. It is shown that the ideology of Islamic feminism is based on the need to respect women's rights guaranteed by Sharia law and at the same time opposes its orthodox patriarchal interpretation.

Keywords: women's movement; Islamic feminism; women's Islamist organizations; women's rights in the Middle East

Вопрос о статусе женщины является одним из наиболее противоречивых в исламе в виду большого количества стереотипов и зачастую противоречивой трактовки коранических норм. В данной связи борьба за права женщин в исламских странах Ближнего Востока и Северной Африки является еще менее однозначным явлением с точки зрения идеологической базы, целей и средств их достижения.

Ислам является доминирующей религией в регионе и распространяется далеко за пределы культурно-религиозной сферы. Исламское законодательство – шариат – является основой повседневной жизни ближневосточных народов, на нем в значительной степени базируется гражданское, семейное и уголовное право. Соответственно,

статус женщины в обществе здесь тоже следует рассматривать сквозь призму исламских принципов.

Ислам рассматривает мужчину и женщину как равных перед Богом с точки зрения прав и обязанностей [1, 3:195, 4:124, 16:97, 40:40]. Женщина обладает правом на приобретение и распоряжение имуществом, наследование и т. д. [1, 4:7–12; 4:17]. В общем, женщине, как и мужчине, разрешено все, что не запрещено шариатом [2]. Соответственно, женщина имеет право получать образование (в том числе и высшее), работать вне дома, занимать государственные посты и т. д. Таким образом, исламские женщины обладают всей полнотой гражданских прав, однако, несмотря на указания исламских источников, по сей день встречается дискриминация женщин в исламском мире как в консервативных странах, где шариат является основой законодательства (Саудовская Аравия, Иран, Йемен, и т. д.), так и развитых светских странах региона (Египет, Сирия и т. д.).

Важнейшей причиной такого подобного является несоблюдение классических исламских норм в отношении женщин определенными кругами населения в виду либо их незнания, либо специфической трактовки, а также до сих пор сохранившимися и соблюдаемыми обычаями эпохи Джахилии (доисламский период): практикуются убийства чести, принуждение к замужеству, ранние браки, запрет на работу вне дома. Наиболее противоречивым обычаем, до сих пор распространенным на территории Египта, Судана, Ирака, Йемена является женское обрезание – варварская процедура, калечащая женщин.

Таким образом, женское движение в регионе Ближнего Востока и Северной Африки направлено в первую очередь на борьбу с такими архаичными общественными проявлениями и настаивает на обеспечении женщинам прав, гарантируемых им шариатом. Одновременно наблюдается уклон к послаблению исламских правил в наиболее ортодоксальных государствах.

Женское движение в ближневосточном регионе зародилось в конце XIX – начале XX в., когда начинали складываться факторы, повлиявшие на трансформацию восприятия роли женщины в мусульманских обществах, а именно:

- Европейский колониализм. Влияние метрополий на колонии (полуколонии, подмандатные территории) выходило далеко за рамки экономической сферы. Европейцы несли в подчиненные общества свои культурные и религиозные ценности, светское образование, а также элементы идеологии различных общественно-политических течений.

Движение за права женщин не стало исключением. Конечно, и на Западе оно развивалось постепенно и не в полной мере могло проявить себя на Востоке. Однако определенные идеи, например, расширение политической и социальной роли женщины в обществе начали вливаться в общественные структуры и здесь. Кроме того, Запад принес на мусульманский Восток светскую идею разделения религии, государства и общества, что значительным образом отразилось на общественно-политической системе в уже независимых государствах и закреплении у власти подчеркнута светских режимов, отводивших исламу место исключительно в культурно-религиозной сфере и полностью исключавших его из политической, экономической и законодательной сферы. К таким странам можно отнести Египет, Тунис, Марокко, Сирию, Ливан, Ирак, Ливию, Иран (до 1978 г.) и т. д.

• Распространение национально-освободительных движений, в рамках которых зарождались и движения за права женщин. Реформационные течения в исламе привели к появлению организаций национально-освободительного движения в середине 1920-х гг., основой идеологии которых являлся исламский реформизм (например, «Братья-мусульмане» в Египте»). Данные организации проводили работу с населением не путем распространения газет и печати памфлетов, как их предшественники, а с помощью непосредственных контактов с населением: проведения личных бесед, проповедей. В исламском обществе не приняты подобные контакты между женщинами и мужчинами, не являющимися родственниками. Поэтому отдельные женские подразделения были крайне важны для работы с женским населением. Впоследствии, именно они стали одним из подвидов женского движения в странах мусульманского Востока как первые организации, дававшие женщинам возможность активной общественно-политической деятельности. Наиболее яркими представителями подобного рода организаций являлось женское ответвление «Братьев-мусульман» «Сестры-мусульманки» [3, с. 211–215].

Впоследствии сформировалось достаточно своеобразное движение исламского феминизма, местами вобравшее в себя черты западного женского движения, но сохранившее исламский базис. Идеология исламского феминизма основана на постулате о том, что ислам никоим образом не ущемляет женщин, а, напротив, наделяет их всей полнотой неотъемлемых прав, а архаичные нарушающие права женщин обычаи, такие как выбор жениха родителями, убийства чести, женское обрезание и т. д. – пережитки доисламской эпохи, оставшиеся в виде таклида

(традиций), которые необходимо искоренить. Кроме того, исламский феминизм выступает против ортодоксальной патриархальной трактовки исламских норм, настаивая на гендерном равенстве в политической, социальной и повседневной жизни.

На современном этапе формы выражения, методы деятельности и цели различных движений за права женщин в регионе Ближнего Востока варьируются от страны к стране в зависимости от различных факторов. К ним можно отнести:

- место и роль доисламских традиций в обществе;
- степень исламизации различных сфер жизни;
- уровень урбанизации, процент городского населения;
- наличие/отсутствие развитой системы высшего и среднего образования, уровень грамотности населения;
- экономическое положение;
- политические силы, находящиеся у власти, их отношение к исламу и «женскому вопросу»;
- исторический процесс политического развития, колониальное прошлое и специфика национально-освободительного движения.

Весьма характерной страной с точки зрения развития женского движения является Саудовская Аравия – государство, созданное ваххабитами, последователями ортодоксальной исламской секты, выступающей за укоренение исламского фундаментализма во всех сферах жизни общества. В стране господствуют жесткие законы шариата, в том числе и в отношении «женского вопроса»: практикуется смертная казнь за супружескую неверность, проституцию (проституцией считается любое «уединение лиц противоположного пола, не являющихся родственниками»). До 2016 г. женщинам было запрещено находиться на улице или общественных местах в одиночестве без «махрама» – опекуна (родственник мужского пола: отец, брат, либо сын старше 12 лет), за исключением специальных семейных зон [4].

До 2019 г. в стране практиковалась полная гендерная сегрегация, в школах и университетах практиковалось раздельное обучение мальчиков и девочек. Для поступления в любое учебное заведение, трудоустройства или выезда за границу женщине было необходимо получить разрешение махрама. До 2018 г. на улице для женщин было обязательно ношение абайи и хиджаба: специальная религиозная полиция – мутаваа, действовавшая до 2017 г., внимательно следила за соблюдением всех предписаний [5].

Одним из самых резонансных ограничений, действовавших до 2018 г. и ставшим одним из основных проблемных точек, вокруг которой было сконцентрировано внимание женского движения, стал запрет на вождение автомобиля. Предоставление права женщинам водить машину стало одним из главных требований Ассоциации по защите и охране прав женщин, возглавляемых Ваджехой Аль-Хувайдер и Маналой аш-Шариф, которая даже провела девять дней в тюрьме Саудовской Аравии за «вождение автомобиля лицом женского пола» [6].

В 2008 г. Ваджеха Аль-Хувайдер выложила на youtube видео, в котором вела автомобиль. В 2011 г. активистки движения провели массовую акцию: выкладывали аналогичные видео в различные социальные сети. Таким образом, сформировалось движение #women2drive. Основной лозунг движения – «Научите меня водить так, чтобы я могла защитить себя» [7, p. 437].

С приходом к власти короля Салмана ибн Абдул-Азиз ас-Сауда в 2015 г. в Саудовской Аравии наступила относительная демократизация социальной жизни: была упразднена религиозная полиция, в стране появились первые кинотеатры, впервые за всю историю страны сюда стали выдавать туристические визы [8]. Послабления коснулись и женщин: в 2016 г. им было разрешено находиться на улице и в общественных местах без махрама, в 2018 г. – водить автомобиль, в 2019 г. был установлен минимальный порог вступления в брак – 18 лет [9].

Между тем, ранние браки являются одной из наиболее острых социальных проблем, находящихся в фокусе движения исламского феминизма. Данное явление распространено в той или иной мере по всему региону, но наиболее ярко проявляется в бедных, экономически отсталых странах. Например, в Йемене один из самых низких официальных порогов вступления в брак для женщин в мире: им законодательно разрешено выходить замуж в возрасте 15 лет, однако даже эта норма зачастую не соблюдается и девочек отдают замуж раньше.

Йеменский адвокат Шада Нассер, одна из ведущих деятелей женского движения, активно отстаивает права женщин и девочек, подвергшихся домашнему насилию со стороны мужей. Наиболее резонансным стало дело Нуджуд Али, которую родители выдали замуж в возрасте девяти лет за тридцатилетнего мужчину, который постоянно избивал и насиловал ее. С помощью Шады Нассер Нуджуд получила развод, когда ей уже исполнилось 10 лет, став, таким образом, самой молодой в мире разведенной женщиной [10].

Наряду с Шадой Нассер еще одной знаковой фигурой стала Карман Таваккуль, известный общественный и политический деятель, член исламистской партии «Ислях» (йеменское ответвление «Братьев-мусульман»), создатель движения «Журналистки без цепей», основной целью которого является борьба за свободу слова. Карман Таваккуль являлась организатором и участником множества протестов против нарушения прав женщин и стала лауреатом Нобелевской премии мира за 2011 год «за ненасильственную борьбу за безопасность женщин и за права женщин на полноправное участие в построении мира». Она выступает против ношения женщинами никаба, что неоднократно подтверждалось публичными акциями его сожжения. Так же публично, она неоднократно обращала внимание на то, что многие йеменские девочки страдают от недоедания больше, чем мальчики, которым пища достаётся в первую очередь; кроме того, считала необходимым расширение женского образования, обозначив то, что в Йемене две трети женщин – неграмотные [11].

Таким образом, современное состояние женского движения в регионе Ближнего Востока и Северной Африки обусловлено историческими особенностями развития той или иной страны, местом ислама в общественно-политической жизни, степенью укоренения доисламских традиций в повседневной жизни и уровнем экономического благосостояния. Несмотря на то, что исламские феминистки, как и западные, основной своей целью считают достижение равноправия мужчин и женщин, формы и методы их деятельности принципиально иные в первую очередь в силу существенных различий в культурном и религиозном базисе и том уровне, на котором соблюдаются права женщин в различных государствах региона. Вместе с тем женское движение на Ближнем Востоке является вполне эффективным инструментом в борьбе за права женщин, с помощью которого достигаются реальные результаты: меняются дискриминационные законы, выигрываются судебные дела, а исламские нормы начинают трактоваться с точки зрения необходимости соблюдения неотъемлемых женских прав.

Библиографические ссылки

1. Коран. пер. Крачковского И. Ю. М., 2021.
2. Керимов Г. М. Шариат: запретное и дозволенное // Диспут. 1992. № 2. С. 206–208.

3. Кондраль А. А. Идеино-политическая трансформация организации «Сестер-мусульманок» в 1932–2011 гг. Науч. труды РИВШ. Исторические и педагогические науки: сб. науч. ст. Вып. 19. Мн.: РИВШ, 2019. Ч. 1. С. 208–216.
4. Lotto Persio S. Women in Saudi Arabia: King Salman Loosens Restrictions on Guardianship System [Electronic resource] // Newsweek. Mode of access: <https://www.newsweek.com/saudi-arabias-king-salman-loosens-guardianship-system-595242>. Date of access: 01.08.2023.
5. Zorthian J. Saudi Arabia Scales Back Religious Police's Authority [Electronic resource] // Time magazine. Mode of access: <https://time.com/4294154/saudi-arabia-religious-police-authority>. Date of access: 01.08.2023.
6. Как саудовские женщины нарушают запреты и борются за свои права [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-40644253>. Дата доступа: 01.09.2023.
7. Najamuddin Khairur Rijal. The Roles of Civil Society to Changing of Women Driving Policy In Saudi Arabia: Case Women 2 Drive Campaign. Journal of Islamic World and Politics. June 2019. Vol. 3. No. 1 p. 435–446.
8. Moustapha Chérif Bassiouni. Saudi Reforms: Change for Survival or for Progress? [Electronic resource] // European Institute of the Mediterranean. Mode of access: <https://www.iemed.org/publication/saudi-reforms-change-for-survival-or-for-progress/>. Date of access: 01.08.2023.
9. В Саудовской Аравии после многолетних дискуссий отменили ранние браки // РИА новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20191226/1562858922.html>
10. Joshua Hersh. A Ten-Year-Old's Divorce Lawyer [Electronic resource] // The New Yorker. Mode of access: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/a-ten-year-olds-divorce-lawyer>. Date of access: 03.09.2023.
11. Karman Tawakkul Foundation [Electronic resource]. Mode of access: <https://tkif.org/en/>. Date of access: 25.08.2023.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ РОЛИ СПАСО-ЕВФРОСИНИЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В НАРРАТИВАХ XIX в.¹

В. И. Короневский

*Санкт-Петербургский государственный университет, Менделеевская линия 5, 199034,
г. Санкт-Петербург, Россия, iliich2000@mail.ru*

В работе рассматривается эволюция представлений о месте Спасо-Евфросиниевского монастыря в истории Полоцка, Белорусской земли и православия в целом в источниках XIX в. Автор предпринимает попытку показать, как православные интеллектуалы указанного периода, переосмысливая прошлое Полоцкой обители, помещали его в более широкий исторический контекст и превращали монастырь преп. Евфросинии в символ и своеобразный «индикатор» изменения положения православия в стране.

Ключевые слова: Полоцк; Спасо-Евфросиниевский монастырь; Спасо-Преображенская церковь; Евфросиния Полоцкая; православие.

THE ELABORATION OF IDEAS ABOUT THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF SPASO-EUPHROSINIEVSKY CONVENT IN THE NARRATIVES OF THE 19th CENTURY.

V. I. Koronevskii

*St. Petersburg State University, Mendeleevskaya linia 5, 199034, St. Petersburg, Russia,
iliich2000@mail.ru*

The elaboration of ideas about the role of Spaso-Euphrosinyevsky convent in the history of Polotsk, Belarusian land and the Orthodoxy in general in the 19th century is discovered in the article. The author tries to show how the Orthodox intellectuals of that period rethought the Polotsk monastery past and place it into the wider historical context, and converted the convent into the symbol and the marker of the changes of the position of the Orthodoxy in the land.

Keywords: Polatsk; Spaso-Euphrosinyevsky convent; Spaso-Preobrazhenskaya Church; St. Euphrosyne of Polatsk; Orthodoxy.

В истории православия на белорусских землях и, в частности Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря, одним из определяющих периодов стал период 1830-х – начала 1840-х гг. В 1832 г. основанная преподобной Евфросинией Спасо-Преображенская церковь была изъята из ведения католиков и возвращена православным. В 1841 г., спустя два года после Полоцкого собора, была возрождена и сама обитель, а еще через год в Спасо-Преображенский храм была возвращена и главная из связанных со святой реликвий – созданный по ее заказу напрестольный крест. В

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): «RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

дальнейшем, в то время как полоцкое духовенство и местная православная интеллигенция пытались добиться возвращения в Полоцк из Киева мощей преподобной княжны, монастырь отстраивался и укреплял свою репутацию одного из главных центров православия на восточных землях бывшей Речи Посполитой. Развитие монастыря и популяризация культа его основательницы подготовили благоприятную почву для попыток отразить непростую историю обители и попытаться определить ее место в истории Церкви, региона и страны.

Однако новая концепция истории монастыря, порывающая с взглядами униатских авторов вроде И. Стебельского, интерпретировавших обитель и связанных с ней святых как один из главных символов исконной связи Полоцка с католицизмом [10], начала оформляться еще до 1832 г. В 1817 г. архимандрит Богоявленского монастыря Макарий от имени горожан Полоцка подал Могилевскому и Витебскому архиепископу Даниилу (Натток-Михайловскому) рапорт, в котором утверждал необходимость передачи Спасо-Преображенской церкви в ведение православных. По мнению архимандрита, в 1812 г. во время боев за Полоцк через храм было явлено чудо: «здания каменные сооруженные иезуитами в прах до основания разрушены, сия же святою рукою вооруженною церковь осталась от всех неприятельских орудиев невредима, и чрез приносимые к оной молитвы исторгнут Город Полоцк из рук неприятеля». Утверждение о необходимости сохранения памяти о русских воинах, погибших в годы войны, Макарий совместил с постулированием особого сакрального значения Спасо-Преображенской церкви: даже находясь в руках «езуитов», она все равно оставалась под особым Божиим покровительством, а потому должна была быть скорее возвращена православным христианам [5, л. 42–43 об.].

В 1817 г. прошение Макария ни к чему не привело, однако некоторые высказанные им идеи оказались актуальны спустя 15 лет, когда основанная св. Евфросинией церковь все-таки была передана православным. На данный момент исследователям доступно два текста, содержащих оформленный взгляд на историческое значение храма и отчасти развивающих мысли, высказанные архимандритом: небольшое историческое исследование, вышедшее из-под пера протоиерея Иоанна (Григоровича), и, особенно, торжественное слово по случаю повторного освящения Спасо-Преображенской церкви, произнесенное профессором Полоцкой семинарии А. Скворцовым.

Иоанн (Григорович), уделяя большое внимание реликвиям Спасской обители, стремится увидеть в возрожденном храме уцелевшие следы эпохи преподобной Евфросинии, связывающие благочестивую древность с современностью, когда «соседние поселяне, с отторжением иноверными сей обители принужденные в несчастное время силою и прельщениями изменить вере отцов своих, ныне паки охотно обратились к истинной Церкви» [3, с. 162–168]. Разделяют указанные эпохи столетия «прельщения» и «измены вере отцов», соответствующие периоду пребывания монастыря в руках католиков.

Трехчастная схема истории храма, слабо акцентированная в творчестве протоиерея Иоанна и развитая следующими поколениями православных историков и публицистов, присутствует и у А. Скворцова. Последний соотнес судьбу Спасо-Преображенской церкви с историей Храма, основанного Соломоном. По его мнению, когда св. Евфросиния, «подобно Царю Израильскому», основала Спасо-Преображенский храм, благочестивые предки полочан были верны православию, и потому им сопутствовала «помощь от Господа и милость от Вышняго». Однако затем, как утверждает автор, православные, подобно древним евреям, «оставили веру отцов своих и приняли веру, нравы и язык иноплеменников, их поработивших», в результате чего святой храм был осквернен. Исповедники истинной веры «были уже так малочисленны, как класы, ускользнувшие из-под серпа жнецов». Теперь же, в 1832 г., храм возродился, чтобы быть Новым Сионом, к которому стекутся «расточенная чада православная наша церковь» [9, с. 322–327]. Таким образом, А. Скворцов постулировал связь между состоянием Спасо-Преображенской церкви и положением православной веры в Полоцке. Последовавшее за длительным периодом осквернения и запустения восстановление храма, по мнению автора, должно было знаменовать и общее возрождение православия на берегах Двины.

В 1840-х – 1870-х гг. проблема исторической роли Спасо-Евфросиниевского монастыря в текстах, посвященных преподобной, уходит на второй план. Большой акцент делается на реликвиях, связанных с Евфросинией: ее кресте [8] и пребывавших в Киеве мощах [7], частица которых была перенесена в Полоцк в 1871 г. Однако уже в 1880-е – 1890-е гг., когда православные интеллектуалы Российской империи вдохновлялись концептом «Святой Руси» [11] и прославляли 900-летие Крещения [1, с. 148–294], Спасский монастырь и его прошлое снова стали

восприниматься как значимый символ, играющий, к тому же, нетривиальную историческую роль.

Полоцкие и витебские публицисты этого периода, в отличие от своих предшественников, начали воспринимать историю Спасо-Евфросиниевского монастыря не только как отражение состояния православия в Полоцке: теперь речь шла о белорусской земле и белорусском народе, понимаемом в духе «триединой русской народности». Так, к примеру, полоцкий священник Николай (Околович) в торжественном слове, произнесенном в 1891 г., выдвинул тезис, согласно которому Спасский монастырь – это «так сказать, наш Белорусский Вефиль» [6, с. 707–712]. Сравнение с Вефилом, с одной стороны, как отмечает сам автор, должно было обозначить обитель как «место особого присутствия и благоволения Божия» [6, с. 711], поскольку именно там Иакову явилась лестница, соединяющая землю и небеса (Быт. 28:12), а впоследствии он основал здесь жертвенник Господу (Быт. 35:7). С другой стороны, Вефиль в дальнейшем стал одним из мест поклонения ложным богам и ассоциировался с беззаконием (Ам. 4:4), так что Бог устами пророка Амоса предрекал отмщение «на трéбищихъ веѳилихъ» (Ам. 3:14). Последнее обстоятельство дает основание утверждать, что, с точки зрения Николая (Околовича), период пребывания Спасского монастыря в ведении Православной церкви соответствует благословенным временам праотца Иакова – в это время обитель была местом особого благоволения Божия. Период нахождения монастыря в руках католиков, соответственно, является эпохой «беззаконий» и «требищ». Однако теперь монастырь очищен от следов католицизма и снова служит местом особого присутствия Божия и центром возрождения православия в Республике Беларусь.

Похожих взглядов придерживались и другие полоцкие православные авторы. Так, протоиерей Михаил (Дубровский), в статье об освящении в 1897 г. нового Крестовоздвиженского собора Спасо–Евфросиниевского монастыря утверждал, что «обитель пр. Евфросинии – это священный памятник древнего благочестия белоруса, его единства с великим православно-русским народом, напоминающий ему в то же время и о его тяжелой минувшей доле, в течение более 200 лет страдавшего под игом Польши» [4, с. 3–4]. А священник Владимир (Альбицкий) писал, что некогда подпавшая «вместе с остальной Белоруссиею под власть католической Польши» и пришедшая в упадок Спасская обитель, в итоге вернулась под крыло православной России, а ныне возрождается и «вступает в дальнейший жизненный путь, горячо желая одного: примером

добрый, благочестивой жизни и деятельности принести посильную пользу родному краю и дорогому отечеству» [2, с. 6–12].

Таким образом, в течение XIX в. усилиями православных авторов (преимущественно, полоцких и витебских) представления об особом сакральном значении Спасо-Евфросиниевского монастыря, которые, по-видимому, сохранялись даже в период его пребывания под контролем католиков, постепенно трансформировались в достаточно оформленную концепцию, в рамках которой история обители воспринималась как символ и в то же время своеобразное зеркало, в котором отражалась судьба православия на Полоцкой, а потом и в целом на Белорусской земле.

Библиографические ссылки

1. Буслаев А. И. Имперские юбилеи – тысячелетие России (1862 год) и девятисотлетие крещения Руси (1888 год): организация, символика, восприятие обществом: дис. ... канд. ист. наук: 07. 00. 02. М., 2011.
2. Владимир (Альбицкий), священник. Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. Краткий исторический очерк Спасской обители: ее прошлое и настоящее. Витебск: Губернская типография, 1897.
3. Иоанн (Григорович), протоиерей. Известие о древнем храме Христа Спасителя, построенном в XII веке преподобною Евфросиниею, близ Полоцка // Сочинения духовного содержания протоиерея Иоанна Иоанновича Григоровича. СПб.: Тип. Ф. Персона, 1862. С. 162–168.
4. Михаил (Дубровский), протоиерей. Новый храм // Витебские губернские ведомости. 1897. № 61. С. 3–4.
5. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 52. Оп. 1. Д. 204.
6. Николай (Околович), священник. Слово на день преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, сказанное 23 мая 1891 г. в Полоцком Спасо-Евфросиниевском монастыре // Полоцкие епархиальные ведомости. 1891. № 15–16. С. 707–712.
7. О принесении части святых мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь. Витебск: Типография А. Г. Малкина, 1871.
8. Сербинович К. С. Исторические сведения о жизни Преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с описанием и изображением креста, принесенного ею в дар Полоцкой Спасской обители. СПб.: Синодальная типография, 1841.
9. Скворцов А. Слово, произнесенное Полоцкой греко-униатской семинарии профессором, магистром Арсением Скворцовым 7 августа 1832 г. при освящении храма Преображения Господня, созданного Преподобною Евфросиниею княжною Полоцкою в 1160 году // Полоцкие епархиальные ведомости. № 13. С. 322–327.
10. Stebelski I. Dwa wielkie światła na horyzoncie połockim z cieniów zakonnych powstające czyli żywoty śś. panien i matek Ewfozyny i Parascewii zakonnic i hegumenij. T. 2. Lwów: Xięgarnia Zelmana Igla, 1866.
11. Strickland J. The Making of Holy Russia: The Orthodox Church and Russian Nationalism Before the Revolution. Jordanville, New York: Holy Trinity Monastery, 2013.

САЛАФИТСКИЙ ДЖИХАДИЗМ: ТЕРМИНОЛОГИЯ, ДОКТРИНА, ОСОБЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

Н. В. Кошелева

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, uddijana@gmail.com

В статье рассматривается феномен салафизма и его роль в широком спектре исламской традиции на основе материалов современной американской историографии. В частности, определено место салафизма в исламском фундаментализме и политическом исламе; прослежено становление салафитской традиции в истории, выявлены его доктринальные особенности и разновидности. Особо выделены характерные черты салафитского джихадизма. Сделан вывод о том, что наиболее корректное выделение разновидностей салафизма лежит в плоскости политического активизма.

Ключевые слова: салафитский джихадизм; квиетистский салафизм; исламизм; радикальный исламизм; исламский фундаментализм.

SALAFIS JIHADISM: TERMINOLOGY, DOCTRINE, FEATURES (BASED ON THE MATERIALS OF AMERICAN HISTORIOGRAPHY)

N. V. Kosheleva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus
Corresponding author: N. V. Kosheleva, uddijana@gmail.com*

The article deals with the phenomenon of Salafism and its role in a wide range of Islamic tradition based on the materials of modern American historiography. In particular, the place of Salafism in Islamic fundamentalism and political Islam is determined; the formation of the Salafi tradition in history is traced, its doctrinal features and varieties are identified. The characteristic features of Salafi jihadism are highlighted. It is concluded that the most correct definition of Salafism variations lies in the plane of political activism.

Keyword: Salafi jihadism; quietist Salafism; Islamism; radical Islamism; Islamic fundamentalism.

Рост салафитского джихадизма в мире в целом и в США в частности обусловил появление в западной историографии массы исследований, в которых предпринята попытка определить теоретические основания и социально-политическое проявление салафизма и такой его разновидности, как салафитский джихадизм. При этом авторы используют ряд терминов, которые зачастую не соответствуют своему содержанию или исключают друг друга. Так, в научных исследованиях и СМИ США нередко синонимично звучат такие термины, как исламизм, салафизм, исламский фундаментализм, политический ислам, джихадизм и даже радикальный, он же воинствующий ислам. Последний термин, достаточно распространенный, не совсем корректен – под ним подразумевается

радикальный исламизм. Без специальных уточнений все эти понятия нельзя подводить под одну трактовку, поскольку далеко не всегда совпадают основания для выделения того или иного термина. Исламский фундаментализм, к примеру, указывает, причем по аналогии с христианством, на обращение к основам веры, выделению неизменного в исламском вероучении. Тем не менее, из-за того, что ряд организаций, разделяющих фундаменталистские ценности, принимают участие в политике, в том числе с применением насилия, этот термин нередко используется синонимично с экстремизмом. Более близким по значению для исламского фундаментализма является термин салафизм.

Термин исламизм подразумевает политическое участие, политическое действие, будь то силовое или мирное. Главное здесь – это участие в политическом процессе. В данном случае его полным аналогом выступает термин политический ислам. В отношении же такого термина, как салафизм, аналогия с исламизмом будет не совсем уместной, поскольку ряд салафитских богословов выступают как раз за отказ от политической активности.

Салафизм нередко также употребляется синонимично с радикальным исламизмом и джихадизмом. На первый взгляд, совершенно очевидно, что речь идет о неприемлемых для современного общества интерпретациях исламского вероучения, которые обосновывают и оправдывают насильственные методы, и используются отдельными мусульманскими группами в достижении своих политических целей. Однако даже радикальный исламизм интерпретируется не всегда однозначно. Так, в предисловии к книге К. Хифльфингера «Радикальный ислам в Америке: путешествие салафитов из Аравии на Запад» американский историк-востоковед из университета Райса Д. Кук оценивает «радикальный ислам» как революционное движение, отличающееся реформистским подходом к исламу, которое стало популярно среди «маргинальных и неблагочестивых» мусульман, особенно студентов, изучающих точные науки [1, р. viii]. То есть, в данном случае исследователь акцент делает не на методах действия, а на фактически догматической стороне, ставя на первое место реформистскую интерпретацию исламского вероучения.

Одним из понятий, которое относят к радикальному исламизму, является салафизм-джихадизм или салафитский джихадизм. Его зачастую изображают как самую насильственную версию исламизма. Салафитский джихадизм необходимо отличать от так называемого квиетистского салафизма, как правило, не имеющего политического измерения и не

приемлющего силовые методы. Первый также обозначается в научной литературе под термином джихадизм, а умеренных салафитов относят непосредственно к салафизму [2, р. 63]. Среди последних также выделяется группа мусульман, которые, как и джихадисты, допускают политическое участие, но, в отличие от последних, у них это участие носит сугубо мирный характер. Их нередко определяют в отдельную группу «активистских салафитов» [3, р. 11], или «политико-салафитов» [4, р. 12].

Терминологически салафизм связан с арабским выражением салаф ас-салих – «праведные предки», которое использовалось в трудах мусульманских богословов еще в эпоху средневековья для подчеркивания особой праведности и верного толкования исламского вероучения отдельными мусульманами. Эта традиция уходит в раннюю школу суннитского ислама, известную как «люди хадисов» (ахлю хадис), оформившуюся в конце VIII – IX вв. Ее представители настаивали, что лишь Коран и «правильные» хадисы являются основой мусульманского права и исламской веры, они отвергали рационалистические интерпретации священных текстов и настаивали на буквальном их прочтении. С появлением законоведческих школ в суннитском исламе «люди хадисов» были тесно связаны с наиболее традиционалистским ханбалитским мазхабом, хотя и отвергали таклид – слепое следование решениям религиозных авторитетов прошлого, – и настаивали на иджитхаде – «ментальном усилении» – в отношении священных текстов.

Очередное дыхание салафизм получил в новое время, и связано это было с наследием основателя движения ваххабитов Мухаммеда ибн Абд аль-Ваххаба (1703–1792). С его деятельностью и идеями были знакомы, а иногда и разделяли их, некоторые представители исламского обновления, ратующие за возобновление иджитхада, такие как Мухаммед ибн Али аш-Шаукани (1739–1854) из Йемена, Ахмад ибн Идрис (1750/1760–1837) из Марокко [5, с. 160].

Обращаясь к истории возникновения термина «салафитский джихадизм», можно обнаружить, что впервые он был использован в XX в. для обозначения афганских боевиков. Причем именно афганский джихад, по мнению французского исследователя Г. Кепеля, стал поворотным пунктом в переходе арабского мира от национализма к исламизму [6, р. 8]. В любом случае, особую популярность салафизм приобрел в результате победы исламистских боевиков в Афганистане и вывода оттуда советских войск. Это показало силу солидарности мусульман, которые находились под влиянием салафитских идей таких деятелей, как суннитский ученый

палестинский салафит-джихадист Абдулла Юсуф Аззам (1941–1989 гг). В это же время произошло становление идеологии «кутбизма», основанной преимущественно на идеях знаменитого идеолога организации «Братьев-мусульман» С. Куба. Она нередко определяется исследователями как салафитская, джихадистская и даже фашистская [7, р. 86]. Многие современные радикальные исламисты находятся под ее воздействием. В дальнейшем салафитской идеологии придерживались представители таких террористических организаций, как «Аль-Каида» и «Исламское государство».

В салафизме существуют два основных положения – строгое единобожие и борьба с нововведениями. Самое главное доктринальное положение салафизма – это соблюдение строгого таухида – единобожия. Эта идея имеет множество измерений. В частности, основываясь на таухиде, салафиты в качестве авторитета признают только Бога, отвергая авторитет имамов. То есть, в вопросе религиозного лидерства они подчеркивают необходимость индивидуальной ответственности за интерпретацию исламского учения, что подразумевает исполнение индивидуального иджтихада.

Отказ от какого-либо посредничества между верующим и Аллахом обусловил то, что салафиты объявили вне ислама суфиев, шиитов и ряд других исламских групп. Для салафитов прошлого борьба с ними подразумевала в том числе физическое уничтожение. В настоящее время салафиты-джихадисты сохранили физическое насилие в арсенале своих методов борьбы с инакомыслящими, а для салафитов-квиелистов эта борьба перешла в область богословского противостояния.

Исходя из той же идеи строгого монотеизма в качестве основного источника веры у всех салафитов выступает Коран, а в правовом аспекте они либо выделяют ханбалитский мазхаб, – правовую школу суннитского ислама, восходящую к исламскому богослову IX в. Ахмаду ибн Ханбалу, – либо вовсе отрицают все четыре суннитские правовые школы, аргументируя это тем, что существование нескольких мазхабов нарушает принцип единобожия.

Еще одним немаловажным аспектом салафизма в целом является борьба с бид'а – то есть «нововведениями» в исламе, которые, по мнению салафитов, нарушают чистоту изначального ислама времен пророка Мухаммеда и трех поколений после него. В разные периоды истории исламской цивилизации эта борьба имела различные интерпретации. Среди

них доминирующей и долгоиграющей оказалась борьба с суфиями, которые обвинялись в привнесении в ислам недопустимых новшеств.

Характеризуя джихадистский салафизм, исходя из основных положений салафизма, можно выделить следующие его признаки: особый акцент на Коране как основном источнике ислама в ущерб хадисной литературе, тотальное неприятие суфизма, интеллектуальный и правовой синкретизм – вплоть до отрицания законоведческих школ суннитского ислама, возобновление темы джихада в исламской интеллектуальной мысли, особый упор на давате – исламской пропаганде, а также повсеместное применение шариата во всей его полноте. Помимо данных характеристик для современных салафитов характерно заимствование западных технологий и научных достижений на благо ислама и мусульман.

Опираясь на идею величия истории исламского халифата, салафиты-джихадисты, позиционируя себя в качестве защитников ислама, стремятся вернуть халифатистское правление – создать теократическое государство, используя при этом антиисламский западный нарратив как оправдание своим действиям.

Традиционно религиозными центрами подготовки салафитов-джихадистов являются университеты Саудовской Аравии и Йемена. С точки зрения обретения практических навыков ведения малого джихада, то есть войны с неверными, наиболее значимыми центрами стали лагеря «аль-Каиды» в Афганистане и Пакистане, а позже к ним добавились территории, контролируемые организацией «Исламское государство».

Примечательно то, что салафитский джихадизм, воспринимаясь немусульманами как консервативная сила из-за строгих социальных предписаний, особенно требований к одежде и гендерному разделению, суннитскими улемами рассматривается как новшество и угроза их авторитету как знатокам исламской традиции.

Таким образом, необходимо четко отличать теоретический и практический аспекты салафизма. На теоретическом уровне, действительно, можно наблюдать тот факт, что салафиты-джихадисты используют общие с «умеренными» салафитами теологические источники для обоснования своей религиозной позиции: у них общая акида – вероубеждение, хотя некоторые коррективы доктринальных рамок джихадисты все же демонстрируют. Кроме того, обе ветви салафизма относятся к исламскому фундаментализму – то есть в их учении видное место занимает идея возвращения к чистоте веры, в данном случае, возвращения к вере «праведных предков». Различия же наблюдаются

преимущественно в практическом применении теоретических установок, особенно в вопросе, связанном с методами политической борьбы.

Ряд исследователей джихадизма полагают, что принципиальной разницы между «умеренными» и радикальными салафитами нет. Они настаивают, что «умеренный» салафизм является предварительной ступенькой на пути к вовлечению в салафитский джихадизм. Как отмечает Мухамед-Али Адрави, квиетистский салафизм содержит идею социального насилия, хотя доктринально и отвергает его использование в пользу «стратегии психологического разделения» [8, р. 60].

Действительно, основное отличие джихадистов от «умеренных» салафитов – это насильственная борьба. Догматически же все салафитские группы разделяют одну акиду. Поэтому трансформация квиетистского салафита в джихадиста – это не вопрос веры. Священная война является частью исламской традиции, и в истории исламской цивилизации наличествует масса примеров ведения малого джихада. Социальная же изоляция салафитских общин, особенно в немусульманских государствах, таких как страны Европы или США, создает благоприятные условия для распространения в их среде «насильственных» интерпретаций исламского вероучения. С этой точки зрения разделение на «умеренных» и «радикальных» салафитов-джихадистов может быть достаточно условным. Наиболее правомерным представляется деление салафитов по признаку участия или неучастия в политическом активизме.

Библиографические ссылки

1. Cook D. Foreword // *Radical Islam in America: Salafism's journey from Arabia to the West* / Chris Heffelfinger; foreword by David Cook. Washington, D. C.: Potomac Books, 2011.
2. Hamming T. *Sunni Jihadism and Religious Authority: Its Transformative Character and Effects* [Electronic resource] // *The Politics of Islam in Europe and North America. Project on Middle East Political Science (POMEPS) Studies*. 2018. №32. P. 62–66. Mode of access: http://pomeps.org/wp-content/uploads/2018/12/POMEPS_Studies_32.pdf. Date of access: 12.07.2023.
3. Meleagrou-Hitchens A. *Salafism in America: history, evolution, radicalization* [Electronic resource] / GW Program on Extremism. Washington: The Georgetown university. 2018. 140 p. Mode of access: <https://extremism.gwu.edu/sites/g/files/zaxdzs5746/files/Salafism%20in%20America.pdf>. Date of access: 12.07.2023.
4. Teplesky J. M. *Salafi-Jihadism: A 1,400-Year-old Idea Rises Again* [Electronic resource]. Kansas: United States Army, 2016. 62 p. Mode of access: <https://cgsc.contentdm.oclc.org/digital/api/collection/p4013coll3/id/3554/download>. Date of access: 5. 06. 2023.

5. Кошелева Н. В. Традиция иджтихада и его интерпретация в концепции Таха Джабира аль-Альвани // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Минск, 2012. С. 158–165.
6. Kepel G. Jihad: the trail of political Islam / translated by Anthony F. Roberts. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002.
7. Eikmeier D. C. Qutbism: An Ideology of Islamic-Fascism // The US Army War College Quarterly: Parameters. 2007. Vol 37, № 1. P. 85–97. doi:10. 55540/0031-1723. 2340.
8. Adraoui, M-A. Towards an Autonomization of Jihadism? The ideological, sociological and political permeability between contemporary quietist Salafism and Jihadism in France [Electronic resource] // The Politics of Islam in Europe and North America. Project on Middle East Political Science (POMEPS) Studies. 2018. №32. P. 57–61. Mode of access: http://pomeps.org/wp-content/uploads/2018/12/POMEPS_Studies_32.pdf. Date of access: 12.07.2023.

НОВЕЙШИЕ ПУБЛИКАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ПО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ

В. В. Репин

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Республика Беларусь, repinv@bsu.by*

В статье рассматриваются логика и этапы издания документальных публикаций по истории внешней политики Чехословакии периода социализма, реализованные после 1989 г. по настоящее время. Анализируется эвристический потенциал опубликованных документальных серий и их влияние на разработку исследовательских проблем.

Ключевые слова: внешняя политика Чехословакии; документальные публикации; «холодная война».

RECENT PUBLICATIONS OF SOURCES ON THE FOREIGN POLICY OF SOCIALIST CZECHOSLOVAKIA

V. Repin

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, repinv@bsu.by*

The article examines the logic and stages of the publication of documentary publications on the history of Czechoslovak foreign policy in the period of socialism, realised after 1989 up to the present day. The heuristic potential of the published documentary series and their influence on the development of research problems are analysed.

Keywords: Czechoslovak foreign policy; documentary publications; Cold War.

Начавшаяся после 1989 г. постсоциалистическая трансформация и последующее разделение Чехословакии на два независимых государства (Чешскую республику и Словацкую республику) с 1 января 1993 г. поставило вопрос об изучении и осмыслении завершившегося этапа истории чехов и словаков. Проблематика истории международных отношений Чехословакии в период социализма осталась общей для обеих стран и оказалась в тени более востребованных тем: установление коммунистического режима, внутривнутриполитическая борьба, советский фактор в Центральной Европе и диссидентские активности чешских и словацких интеллектуалов. Большое внимание исследователей, архивистов и публичных деятелей уделялось прежде всего рефлексии травматического опыта операции ОВД «Дунай» в августе 1968 г., пресекавшей вариант реформирования чехословацкого социализма. Именно данное событие определило нарратив о социалистическом периоде и определило негативные его оценки в исторической памяти чехов и словаков. Вместе с тем опыт Чехословацкой дипломатии в период с 1948 по 1989 г. был гораздо более разносторонним и играл значимую роль как в позиционировании

страны на международной арене, так и в конкретном сотрудничестве с большим количеством стран мира в контексте биполярной модели.

Еще со времен межвоенного периода чехословацкое руководство уделяло большое внимание развитию международных связей не только с европейскими государствами, но и стремилось расширить свое присутствие в регионах Азии, Африки и Америки. Этому служили и конкретные дипломатические активности, и создание специализированного Ориентального Института, занимавшегося изучением стран Востока и подготовкой профессиональных кадров для взаимодействия с этим регионом. В период социализма происходила дальнейшая диверсификация внешнеполитических контактов Чехословакии, отразившаяся на новом уровне участия в международных структурах на базе ООН, активном взаимодействии со странами региона Центральной и Юго-Восточной Европы, оказавшимся под советским контролем, развитие связей с республиками СССР, в т. ч. БССР, установление контактов с новыми государствами Азии и Африки, ставшими независимыми в процессе деколонизации. Успехи и проблемы социалистической дипломатии Чехословакии так и не были рассмотрены на комплексном источниковом фундаменте, оказавшись в тени более популярных сюжетов о негативном внутривластном опыте социалистического периода. Вместе с тем, именно этот период заложил основы для многовекторности внешней политики независимых Чешской и Словацкой республик.

На протяжении 1990–2010-х гг. основной массив документальных публикаций по истории внешней политики Чехословакии касался межвоенного периода, Второй мировой войны и послевоенного урегулирования национально-территориальных вопросов на границах Чехословакии, а также политических отношений между ее руководством и СССР и отдельными странами западного мира (США, Ватикан и др.). С 1994 г. стала издаваться документальная серия «Чехословацкая внешняя политика» («Československá zahraniční politika»), которая была сфокусирована на два ключевых периода истории Первой Чехословацкой республики и Второй мировой войны: возникновение Чехословацкого государства, его участие на переговорах Парижской мирной конференции и создание Малой Антанты (сборники документов охватывают 1918–1921 гг.) и канун Мюнхенского диктата, демонтаж Первой республики в 1938 г. и последующая деятельность эмигрантского правительства на международной арене по восстановлению ее суверенитета и освобождению от немецких оккупантов (документальные сборники за 1936, 1938–1943 и

1945 гг.). Примечательно, что весь массив документов, охватывающий 1920-е – первую половину 1930-х гг., еще ждет своей публикации в рамках данной серии. Названный документальный проект реализовывался в рамках сотрудничества специалистов Исторического института Академии наук Чешской республики, Института международных отношений, аффилированного при Министерстве иностранных дел, и Карлова университета. Ведущими сотрудниками, организовавшими развитие данной документальной серии с конца 1990-х гг., являются Йиндржих Деймек и Ян Немечек.

Обращение к источникам чехословацкой внешней политики второй половины XX в. длительное время осуществлялось лишь в рамках работы над отдельными исследовательскими темами конкретных историков. Лишь в 2001 г. под ред. Зденка Веселого был опубликован сборник хрестоматийного характера «Чехословацкая внешняя политика 1945–1989 гг. » («Československá zahraniční politika 1945–1989: (dokumenty)») [3]. Издание служило в том числе учебно-методическим целям, будучи изданным под грифом факультета международных отношений Высшей школы экономики в Праге. Тем не менее результаты архивного изучения документов чехословацкого МИДа социалистического периода нашли отражение в серии научных публикаций. Среди них, рельефно показывающих векторы исследовательского интереса чешских ученых, следует отметить работы, посвященные чехословацко-советским отношениям (подготовлены при активном участии Института Славяноведения Российской академии наук и чешско-российской комиссии историков), внешней политике Чехословакии в формате Восточного блока (монографии Мирослава Тейхмана и Яна Пеликана), отношениям Чехословакии со странами Ближнего Востока и Тропической Африки (Петр Зидек и Карел Зибер) [4–8].

Новый этап в публикации документов социалистического периода, касающихся внешней политики Чехословакии, настал в 2020 г., когда было начато издание многотомной документальной серии «Циркулярные телеграммы чехословацкого Министерства иностранных дел периода коммунистического режима (1956–1989 гг.)» («Cirkulární telegramy Československého ministerstva zahraničních věcí z let komunistického režimu (1956–1989)»). Анонсированное четырехтомное издание (Т. 1: 1956–1968 гг., Т. 2: 1969–1980 гг., Т. 3: 1981–1985 гг., Т. 4: 1985–1989 гг.) на настоящий момент уже опубликовано наполовину (первые два тома в пяти книгах) [1–2]. Представленные в нем документы, ранее находившиеся под грифом

«секретно», содержат циркулярные инструкции и аналитические записки Министерства иностранных дел ЧССР. Они репрезентативно показывают международную активность социалистической Чехословакии, открывая новые страницы истории внешней политики центральноевропейского союзника СССР в годы «холодной войны». Отметим, что в отличие от «партийной» дипломатии, ориентированной на развитие контактов с советским руководством, в поле деятельности чехословацкого МИДа попадало и постепенное развитие отношений со странами запада, и особенно расширяющаяся повестка дипломатических связей со странами «третьего мира», прежде всего Ближнего Востока и юго-восточной Азии, в несколько меньшей степени – Субсахарской Африки и Латинской Америки. Помимо документального цикла, данная серия включает в себя очерки о внешней политике, развитии дипломатического ведомства ЧССР, справочный аппарат о сотрудниках и институциональных изменения чехословацкого МИДа. Содержательную специфику второго изданного тома, охватывающего первое десятилетие «нормализации» после политического кризиса 1968 г., определили документы об участии ЧСФСР в переговорах по обеспечению безопасности и сотрудничества в Европе в рамках процессов «разрядки» и ограничения вооружений.

Размышляя о причинах слабой освещенности внешней политики социалистической Чехословакии в документальных публикациях и исследованиях главный редактор серии Йиндржих Деймек отмечает определенную запутанность в релевантной источниковой базе, связывая это с трансформацией модели управления внешней политикой центральноевропейских союзников СССР после 1956 г. [1, р. V–VI]. Именно тогда произошел отход от прямого тщательного согласования внешнеполитических активностей с Москвой, в результате чего руководство Коммунистической партии Чехословакии смогло предоставить МИДу большую свободу деятельности. Тем не менее, внешнеполитическое ведомство оставалось инструментом КПЧ, что определило рассредоточение документации на уровнях ЦК и непосредственно МИДа и, в свою очередь, создало эвристические проблемы для реконструкции комплексной внешнеполитической линии чехословацких властей. Авторы документальной публикации указывают на отсутствие системности в каталогизации делопроизводственных документов Чехословацкого МИДа социалистического периода, что во многом объясняется тем, что с 1948 г. по середину 1950-х гг. такой типичный для внутриведомственной переписки вид как циркулярные

телеграммы широко не использовался, и был возвращен в практику лишь в рамках стабилизации властно-партийной структуры после кризиса 1953–1956 гг. [1, р. VII]. Авторы публикации, характеризуя постоянно увеличивающееся годовое количество циркулярных телеграмм в период социализма, исходили из возможности опубликовать не более 2% из их числа, руководствуясь критерием информативности. Как отмечает Й. Деймек, данная серия не претендует на комплексную репрезентацию всей чехословацкой внешней политики социалистического периода, надеясь на реализацию данной цели в рамках лишь проектируемой, четвертой (охватывающей период социализма) серии «Документов чехословацкой внешней политики», издание которой может занять несколько десятков лет [1, р. X]. Тем не менее, можно отметить, что спустя почти 30 лет после завершения коммунистического периода в Чехословакии, началась системная работа по публикации источников внешнеполитического пласта ее истории.

Библиографические ссылки

1. Cirkulární telegramy Československého ministerstva zahraničních věcí z let komunistického režimu (1956–1989). Díl první, Cirkulární telegramy MZV 1956–1967/68 / k vydání připravil Jindřich Dejmek. Praha: Historický ústav, 2020. 2 svazky. Svazek I/1. 1956–1963. LX, 576 p. Svazek I/2. 1963–1968.
2. Cirkulární telegramy Československého ministerstva zahraničních věcí z let komunistického režimu (1956–1989). Díl druhý, Cirkulární telegramy MZV 1969–1980 / k vydání připravil Jindřich Dejmek. Praha : Historický ústav, 2022. 3 svazky. Svazek II/1. 1969–1972. lxxix, 787 p. Svazek II/2. 1973–1977. 1024 p. Svazek II/3. 1977–1980.
3. Československá zahraniční politika 1945–1989 : (dokumenty) / úvodní studie, výběr a uspořádání Zdeněk Veselý. Praha : Vysoká škola ekonomická, Fakulta mezinárodních vztahů, 2001.
4. Pelikán Jan. Jugoslávie a východní blok 1953–1958. V Praze: Karolinum, 2001.
5. Pelikán Jan. Jugoslávie a Pražské jaro. Praha: Univerzita Karlova, Filozofická fakulta: Togga, 2008.
6. Vykoukal Jiří. Východ: vznik, vývoj a rozpad sovětského bloku 1944–1989 / Jiří Vykoukal, Bohuslav Litera, Miroslav Tejchman. Praha: Libri, 2017.
7. Zídek P. Československo a francouzská Afrika 1948–1968. Praha: Libri, 2006.
8. Zídek P., Sieber K. Československo a subsaharská Afrika v letech 1948–1989. Praha: Ústav mezinárodních vztahů, 2007.

ВВЕДЕНИЕ МИНИМАЛЬНОЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В ФРГ

Д. В. Саватеева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, darya-kruglova.98@mail.ru*

Статья посвящена важному аспекту социально-экономической политики ФРГ – введению минимальной заработной платы в 2015 г. Автор рассматривает процесс законодательного закрепления минимального уровня оплаты труда и динамику его повышения с 2015 г. по 2022 г., также проведён анализ отраслевой минимальной оплаты труда. Особое внимание уделяется рассмотрению влияния принятой меры на сферу низкооплачиваемой занятости.

Ключевые слова: ФРГ; социальная политика; минимальная заработная плата, рынок труда; сфера занятости.

INTRODUCTION OF THE MINIMUM WAGE IN GERMANY

D. Savatseyeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
darya-kruglova.98@mail.ru*

The article is devoted to an important aspect of the socio-economic policy of Germany – the introduction of a minimum wage in 2015. The author examines the process of legislative fixing of the minimum wage and the dynamics of its increase from 2015 to 2022, and analyzes the sectoral minimum wage. Particular attention is paid to the analysis of the impact of the adopted measure on the sphere of low-paid employment.

Keywords: Germany; social politics; minimum wage, labor market; area of employment.

В большинстве стран мира для обеспечения социальной справедливости, в том числе между мужчинами и женщинами, защиты трудящихся от неправомерно низкой оплаты труда введён минимальный размер заработной платы. По данным Международной организации труда, минимальный размер оплаты труда – это минимальный размер вознаграждения, который работодатель обязан заплатить работнику за выполненную работу в течение указанного периода времени и который не может быть сокращён по коллективному или индивидуальному трудовому договору.

Приоритетным направлением социальной политики экономически развитых и развивающихся государств является регулирование рынка труда и обеспечение достойной заработной платы своим гражданам. С этой целью в большинстве европейских стран ещё в XX в. начали вводиться механизмы минимальной оплаты труда: Нидерланды – 1969 г., Франция – 1970 г., Испания – 1980 г. В начале XXI в. среди стран членов Европейского союза

Германия была одним из немногих государств, где не был законодательно установлен уровень общенациональной минимальной заработной платы.

В начале 2000-х гг. в Бундестаге и Бундесрате началась длительная политическая борьба по вопросу установления в ФРГ уровня общенациональной минимальной заработной платы. Непосредственным импульсом для которой послужила сложившаяся ситуация на рынке труда, при которой коллективные договоры стали неспособны в нужной степени защищать работников от необоснованно низкой заработной платы. Что подтверждается ростом низкооплачиваемой занятости – с 19% в 2001 г. до 22,2% в 2015 г. [1], особенно в областях, не требующих высокой квалификации персонала.

В 2010 г. на Федеральном конгрессе Объединения немецких профсоюзов было принято решение о введении минимальной заработной платы в размере 7,50 евро. Однако понадобилось ещё несколько лет для того, чтобы это реализовать. Только в 2013 г. после подписания коалиционного соглашения «Создавая будущее Германии» [2] между союзом ХДС/ХСС и СДПГ, политические лидеры договорились о шагах к законодательному закреплению общенациональной минимальной оплаты труда. СДПГ и «Союз 90/Зеленые» предлагали установить её в размере в 8,50 евро, Левая партия – 10 евро, союз ХДС/ХСС и СвДП выступали за шкалу регионального дифференцированного минимума. Это стало одним из ключевых вопросов коалиционного правительства 2013–2017 гг.

После долгих лет политических споров и благодаря настойчивости профсоюзов в 2014 г. был принят закон, регулирующий всеобщую минимальную заработную плату [3]. Он вступил в силу с 1 января 2015 г. и установил минимальную оплату труда в размере 8,50 евро в час, исключение составляли некоторые категории граждан, такие как стажёры, лица, не достигшие совершеннолетнего возраста, и длительно безработные. Дальнейшие корректировки принимались соответствующей Комиссией раз в 2 года. В её обязанности входило определение уровня минимальной заработной платы, который подходит для обеспечения надлежащего уровня защиты работников, обеспечения справедливых и действующих конкурентных условий, и не ставит под угрозу занятость. До конца 2017 г. действовал переходный период, во время которого, в соответствии с Законом «Об обязательных условиях труда для работников, командированных за границу и для работников, регулярно работающих в Германии» [4] и Законом «О временной занятости» [5], допускались

выплаты ниже установленного минимума. В период с 2015 г. по 2022 г. уровень минимальной заработной платы увеличился в 1,4 раза (см. рис. 1).

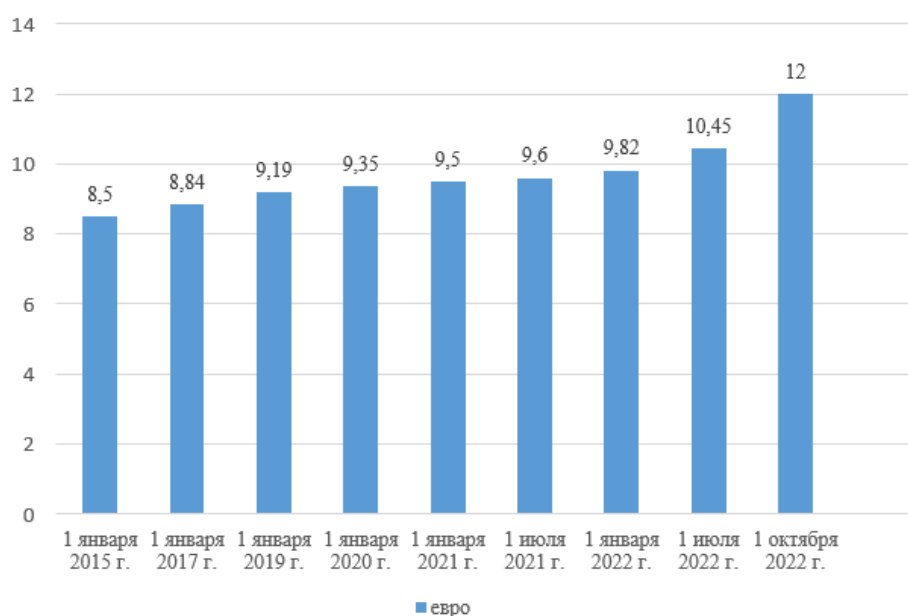

Рис. 1. Динамика роста общенациональной минимальной заработной платы в период с 2015 г. по 2022 г. [6].

Кроме общенациональной минимальной заработной платы существует также отраслевая, размер которой устанавливается в ходе коллективных переговоров между работодателями и профсоюзами. В случае её принятия она применяется ко всем сотрудникам данной отрасли независимо от того, заключил ли их работодатель коллективный договор. Во многих отраслях минимальная заработная плата регулируется законодательством о коллективных переговорах, поэтому минимальная оплата труда для конкретного сектора превышает установленный законом минимальный показатель (табл. 1).

Таблица 1

Отраслевая минимальная заработная плата в Германии в период 2022–2024 гг. [7].

<i>Отрасль</i>	<i>Дата действия</i>	<i>Евро в час</i>
Временная работа	с 1 апреля 2023 г. по 31 декабря 2023 г.	13
	с 1 января 2024 г. по 31 марта 2024 г.	13,50

Продолжение таблицы

Отрасль		Дата действия	Евро в час
Профессиональное образование и обучения	педагогический состав	с 1 февраля 2023 г. по 31 декабря 2023 г.	17,87
		с 1 января 2024 г. по 31 декабря 2024 г.	18,58
	педагогический персонал с дополнительной квалификацией	с 1 февраля 2023 г. по 31 декабря 2023 г.	18,41
		с 1 января 2024 г. по 31 декабря 2024 г.	19,15
Кровельное ремесло	неквалифицированные рабочие	с 1 января 2023 г. по 31 декабря 2023 г.	13,30
	квалифицированные рабочие	с 1 января 2023 г. по 31 декабря 2023 г.	14,80
Электротехническая промышленность		с 1 января 2023 г. по 31 декабря 2023 г.	13,40
		с 1 января 2024 г. по 31 декабря 2024 г.	13,95
Мясная промышленность		с 1 декабря 2022 г. по 30 ноября 2023 г.	11,50
		с 1 декабря 2023 по 30 ноября 2024	12,30
Уборка зданий	внутренние и профилактические работы по уборке	с 1 октября 2022 г. по 31 декабря 2023 г.	13
		с 1 января 2024 г. по 31 декабря 2024 г.	13,50
	работы по мойке стекол и фасадов	с 1 октября 2022 г. по 31 декабря 2023 г.	16,20
		с 1 января 2024 г. по 31 декабря 2024 г.	16,70
Лесная промышленность		с 1 октября 2022 г. по 30 сентября 2023 г.	12,85
	неквалифицированные рабочие	с 1 апреля 2023 г. по 31 марта 2024 г.	12,50

Окончание таблицы

Торговля малярными и лакокрасочными материалами	квалифицированные рабочие	с 1 апреля 2023 г. по 31 марта 2024 г.	14,50
Индустрия ухода	неквалифицированные рабочие	с 1 мая 2023 г. по 30 ноября 2023 г.	13,90
		с 1 декабря 2023 г. по 31 января 2024 г.	14,15
	квалифицированные рабочие	с 1 мая 2023 г. по 30 ноября 2023 г.	14,90
		1 декабря 2023 г. по 31 января 2024 г.	15,25
	сотрудники с дополнительным образованием и квалификацией (медицинский персонал)	с 1 мая 2023 г. по 30 ноября 2023 г.	17,65
		1 декабря 2023 г. по 31 января 2024 г.	18,25
Ремесло трубчиста		с 1 января 2023 г. по 31 декабря 2023 г.	14,20
		с 1 января 2024 г.	14,50
Индустрия безопасности в коммерческих аэропортах	квалифицированная сервисная деятельность и обслуживание пассажиров	с 1 апреля 2023 г. по 31 декабря 2023 г.	14,46
	контроль посадочных талонов и документов, охрана воздушного судна	с 1 апреля 2023 г. по 31 декабря 2023 г.	16,95 – 17,84
		охранные услуги	с 1 апреля 2023 г. по 31 декабря 2023 г.
Резьба по камню		с 1 августа 2022 г. по 31 сентября 2023 г.	13,35

Учитывая среднесрочную перспективу влияния минимальной заработной платы на рынок труда, результаты исследований Немецкого института экономических исследований [8] и Института экономики труда [9], свидетельствуют о том, что на данный момент не произошло выраженных изменений как в сфере занятости населения, так и в снижении уровня безработицы, показатели которой с 2016 г. по 2022 г. находятся в пределах 5,9–5% [10].

По данным Федерального статистического управления, последний этап повышения уровня минимальной заработной платы затронул около 5,8 млн. человек. Отмечается, что на основании исследования доходов населения за июль 2022 г. минимальный доход получили около 18% работников женского пола, мужского – около 12%; в сравнении федеральных земель показатели также разнятся в западных – 14%, в восточных – 18%. Доля низкооплачиваемой занятости сохраняется, однако уже можно наблюдать появление тенденции к её постепенному сокращению. По отраслевому показателю сокращение наиболее проявилось в лесной и сельскохозяйственной промышленности с 56% до 45% и сфере предоставления экономических услуг с 40% до 20% [11], что касается общенационального показателя, он снизился с 22,2% в 2015 г. [1] до 19% в 2022 г. [12].

Необходимо отметить, что вступление в силу Закона «О минимальной заработной плате» [3] в Германии в 2015 г. как элемента социальной политики оценивается исследователями неоднозначно. С одной стороны, данная мера оказывает влияние на повышение производительности труда сотрудников, стимулирование внутреннего спроса, повышение уровня жизни низкооплачиваемых рабочих и направлена на сокращение разрыва доходов. С другой стороны, её влияние на сокращение бедности на данный момент не может быть выявлено, регулирование выполнения предписаний Комиссии по минимальной заработной плате порождает бюрократию, а услуги, ранее относящиеся к низкооплачиваемым отраслям, увеличиваются в стоимости и становятся менее доступными для потребителей. Вместе с тем, важно подчеркнуть, что идея государства всеобщего благосостояния не обязательно противоречит введению минимального размера оплаты труда, если рассматривать данную меру как механизм социальной защиты и поддержки.

Библиографические ссылки

1. Niedriglohnbeschäftigung¹ in Deutschland 1995 – 2020 [Elektronische Ressource] // Institut Arbeit und Qualifikation. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35WDF2>. – Datum des Zugangs: 29.08.2023.
2. Deutschlands Zukunft gestalten. Koalitionsvertrag zwischen CDU, CSU und SPD 18. Legislaturperiode [Elektronische Ressource] // Deutscher Bundestag. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35Wz32>. – Datum des Zugang: 29.08.2023.
3. Gesetz zur Regelung eines allgemeinen Mindestlohns (Mindestlohngesetz - MiLoG) [Elektronische Ressource] // Bundesministerium der Justiz. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/EdZuM>. – Datum des Zugangs: 29.08.2023.
4. Gesetz über zwingende Arbeitsbedingungen für grenzüberschreitend entsandte und für regelmäßig im Inland beschäftigte Arbeitnehmer und Arbeitnehmerinnen [Elektronische Ressource] // Bundesministerium der Justiz. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35WKHz>. – Datum des Zugangs: 29.08.2023.
5. Gesetz zur Regelung der Arbeitnehmerüberlassung [Elektronische Ressource] // Bundesministerium der Justiz. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35WKKa>. – Datum des Zugangs: 29.08.2023.
6. Höhe des allgemeinen gesetzlichen Mindestlohns in Deutschland bis 2022 [Elektronische Ressource] // Statista. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35WfZi>. – Datum des Zugangs: 30.08.2023.
7. Branchenspezifische Mindestlöhne in Deutschland im August 2023 [Elektronische Ressource] // Destatis. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35X2bW>. – Datum des Zugangs: 30.08.2023.
8. Abschlussbericht «Auswirkungen des Mindestlohns auf die Lohnstruktur» [Elektronische Ressource] // Mindestlohn Kommission. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35XW9M>. – Datum des Zugangs: 31.08.2023.
9. Auswirkungen des gesetzlichen Mindestlohns auf Beschäftigung und Arbeitslosigkeit [Elektronische Ressource] // Institute of Labor Economics. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35XWlf>. – Datum des Zugangs: 31.08.2023.
10. Arbeitslosenquote in Deutschland im Jahresdurchschnitt von 2005 bis 2023 [Elektronische Ressource] // Statista. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35XHPB>. – Datum des Zugangs: 31.08.2023.
11. 5,8 Millionen Jobs von Erhöhung des Mindestlohns auf 12 Euro betroffen [Elektronische Ressource] // Statista. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35XPdt>. – Datum des Zugangs: 31.08.2023.
12. 0,5 Millionen weniger Niedriglohnjobs im April 2022 gegenüber April 2018 [Elektronische Ressource] // Destatis. – Zugriffsmodus: <https://clck.ru/35XVf2>. – Datum des Zugangs: 31.08.2023.

ИСТОРИКИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В РАЗРАБОТКЕ И РЕАЛИЗАЦИИ СОВЕТСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ПОСЛЕВОЕННОГО УСТРОЙСТВА В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

А. П. Сальков

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4. 220030, г. Минск, Беларусь, anatsalkov@mail.ru*

Представители академической и вузовской исторической науки, историки-международники, сотрудничавшие с Комиссией по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при Народном комиссариате иностранных дел СССР (Комиссия Литвинова), работавшие в аппарате наркомата, своим знанием и умением создали мощный пласт исторической документации констатирующего и прогнозно-аналитического характера. Она не только отразила советские государственные интересы, но и во многом способствовала долговременному сохранению мира в Европе.

Ключевые слова: историческая наука; национально-территориальные конфликты; Центрально-Восточная Европа; послевоенное мирное урегулирование.

HISTORIANS AND HISTORICAL SCIENCE IN DEVELOPMENT AND IMPLEMENTATION OF THE SOVIET CONCEPT OF POST-WAR DEVICES IN CENTRAL EAST EUROPE

A. P. Salkov

*Belarussian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
anatsalkov@mail.ru*

Representatives of academic and university historical science, international historians who collaborated with the Commission on Peace Treaties and the Post-War Organization under the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR (Litvinov's Commission), who worked in the apparatus of the People's Commissariat, with their knowledge and skill created a powerful layer of historical documentation stating and forecasting analytical nature. It not only reflected the Soviet state interests, but also in many ways contributed to the long-term preservation of peace in Europe.

Keywords: historical science; national-territorial conflicts; Central-Eastern Europe; post-war peace settlement.

Стратегические направления советской внешней политики в период войны и послевоенного урегулирования формулировались высшим партийно-правительственным руководством страны. Однако концептуальные модели, конкретные региональные и страноведческие разработки вырабатывались в аппарате Народного комиссариата иностранных дел СССР (НКВД), его отделах и комиссиях, либо выдвигались отдельными ведущими дипломатами. Отдел Балканских стран (ОБС, 1921–1941) курировал балканские государства и Чехословакию. 4 Европейский отдел (1941–1945) был создан на базе ОБС с присоединением

к нему Польши, а в 1945–1953 гг. в него входили только Чехословакия и Польша. 3 Европейский отдел (1941–1953) охватывал Германию, Италию, Венгрию и Румынию. Среди сотрудников аппарата НКВД, разработчиков проектов документов и решений традиционно имелось большое количество высококвалифицированных историков, чье авторство в большинстве случаев оставалось скрытым [1, с. 248–252].

С самого начала войны для СССР возникла острая коллизия – эффект «политической ловушки» пункта 2 Атлантической хартии, принятой на Атлантической конференции (Ньюфаундленд, Канада, 9–12 августа 1941 г.) президента США Франклина Рузвельта и премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля и призванной в восьми коротких пунктах определить устройство мира после победы. Пункт 2 декларировал союзнический принцип непризнания до мирной конференции любых территориальных изменений периода войны, не находящихся «в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов» [2, с. 147–148]. СССР ценой огромных человеческих и материальных жертв на фронтах и значительных дипломатических усилий, сумел избежать распространения действия этого принципа на квалификацию своей политики 1939–1940 гг. Хотя в этот период он явился инициатором или участником масштабной трансформации границ, все же добился от союзников вначале вербального (на Тегеранской конференции), а затем и документального (на Ялтинской конференции) признания своих западных границ по состоянию на 1941 г. (за исключением стран Балтии, что вытекало из «Декларация Уэллеса» 23 июля 1940 г.). Это противоречило первоначальным англо-американским договоренностям и представлениям. Между тем, все эти политические контroversии требовали грандиозного историко-документального обеспечения.

С началом войны в Москве озаботились выработкой представлений о контурах послевоенного мира. Накануне Межсоюзнической конференции в Лондоне (27–28 августа 1941 г.) в НКВД бушевали страсти по поводу роли и места СССР в нем. Замнаркома иностранных дел (1939–1946) С. А. Лозовский в записке наркому (1939–1949) В. М. Молотову считал, что «англичане и американцы распоясались», предлагая Москве взять на себя инициативу по принятию Атлантической хартии на конференции, при этом, приравнивая СССР «к полякам, чехам, бельгийцам, норвежцам и прочим грекам [эмигрантские правительства в Лондоне. – Авт.]» [3, с. 139–140]. В итоге 24 сентября была оглашена Декларация, которая излагала цели советской внешней политики, предлагала определить пути послевоенного

устройства, выражала согласие (с рядом оговорок) с принципами Атлантической хартии [4, с. 128–130]. Во время визита британского министра иностранных дел (1940–1945) Энтони Идена в Москву 16–20 декабря 1941 г. И. В. Сталин в ходе четырёх бесед с ним в жёсткой полемике попытался наметить сферы влияния в Европе и общую схему реорганизации европейских границ после войны. Эта схема включала 9 блоков (Польша, Чехословакия, Югославия, Албания, Турция, Греция, Франция, Германия, границы СССР 1941 г.) [5, с. 502–503]. Советская сторона разработала проекты двух секретных протоколов к несостоявшемуся советско-британскому договору. Сведений о передаче их Идену не имеется. Первый протокол из 19 блоков с подпунктами предлагал организацию «дела мира и безопасности в Европе», меры для «неповторения агрессии» со стороны Германии, касаясь всех европейских стран и регионов. Вторым протоколом из 9 блоков фокусировался на восстановлении советских границ 1941 г. и учете особой роли СССР «при решении всех возможных планов организации европейских государств, и в первую очередь, в восточной части Европы» [6, с. 136–141].

В декабре 1941 г. в НКВД была предпринята попытка начать послевоенное планирование и создать комиссию для разработки вопроса о границах СССР, Германии и её союзников. Решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 января 1942 г. создавалась «Комиссия по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира», призванная документировать спорные территориальные и национальные вопросы [7, с. 241]. Однако из-за тяжелого положения на фронтах работа приостановилась.

Тогда же в США в структуре Госдепартамента был создан Консультативный комитет по послевоенной внешней политике (председатель – Госсекретарь Корделл Халл, заместитель – замгоссекретаря Самнер Уэллес). Было определено 24 района в ЦВЕ, где требовалась корректировка границ по этническим линиям, обмен населением, защита меньшинств, автономия этнических анклавов. В марте 1942 г. эксперты подкомитета по политическим и территориальным проблемам уделили внимание Болгарии, Румынии и Венгрии, в мае сформулировали тезис о «региональной федерации» в надежде, что «взаимная ненависть» между народами региона будет слабее «ненависти» к соседним Германии и России [8, с. 307–309]. В январе – феврале 1943 г. советское посольство в Лондоне сообщало об активной и самоуверенной работе американцев (даже не консультируясь с англичанами) в вопросах послевоенного устройства,

заседании подкомитета по вопросам политической реконструкции Европы под руководством парламентского заместителя министра иностранных дел Ричарда Лоу [9, с. 72, 77–78].

В первую очередь, это касалось стран-членов фашистской «оси». Так, к лету 1943 г. появилась разработка по Венгрии. Почти все ее границы признавались нуждающимися в «переопределении». Касательно словацко-венгерской границы был принят вариант на основе этнолингвистических и транзитно-экономических факторов, что предусматривало существенную ревизию границы Трианонского договора 1920 г. в пользу Венгрии [10, р. 53]. Другой разработкой октября 1943 г. был материал по определению альтернатив послевоенного развития Словакии. Обсуждались довоенный «чехословацкий сценарий», автономия Словакии в составе Польши или Венгрии, независимая Словакия, децентрализация Чехословакии [11, р. 416–417].

Эмигрантское правительство Польши также разрабатывало образ страны в послевоенном мире. В середине 1942 г. эксперт Людвик Гродзицкий выдвинул три варианта изменения польско-немецкой границы. В двух из них вся Восточная Пруссия отходила к Польше, но в любом случае Кенигсберг был в ее составе. Восточная граница шла по линии Рижского договора [12, р. 138–139]. Мариан Сейда, бывший министр юстиции этого правительства, в сентябре 1943 г. подготовил доклад «Польша и Германия и послевоенная реконструкция Европы». В нем содержалась претензия на всю Восточную Пруссию, Опольскую Силезию, Данциг, говорилось, что предвоенный Вильно являлся «решительно польским по своему характеру... (литовцев насчитывалось едва лишь 1% от всех жителей)», а Львов – «город чисто польского облика и характера». Подчеркивалось сохранение восточной границы, как результата «добровольного компромисса» между Советской Россией и Польшей. Утверждалось, что Рижским договором Польша, желая «достигнуть длительной нормализации отношений со своим восточным соседом, отказалась почти от половины (120 тыс. кв. миль) территории, которая принадлежала ей до разделов». Следовательно, Польша «принесла колоссальные жертвы», сохранив лишь те территории, которые являлись для нее «делом абсолютной жизненной необходимости», чтобы не стать «маленьким и слабым государством». Для СССР же, ввиду его огромных размеров, населения и ресурсов, эти земли «не представляли никакой важности» [13, л. 12–14, 27–33]. Доклад Сейды содержал также планы широкой экспансии на Балтике – требование интернационализации

Кильского канала с активным участием Польши, предоставления ей морских баз в Западной Балтике (на датском о. Борнхольм, и немецких о-вах Рюген и Фемарн) [6, с. 294–295].

Впервые во время войны проблемы послевоенного устройства были подробно обсуждены в ходе визита Э. Идена в США 12–30 марта 1943 г. Тогда он пытался создать у советского посла в Вашингтоне (1941–1943) М. М. Литвинова представление, что вопрос о советской западной границе не вызовет возражений США, а «Польша успокоится, получив Восточную Пруссию» [14, с. 299–300, 489]. 7 июня Ф. Рузвельт в беседе с президентом Чехословакии в изгнании Эдвардом Бенешем заявил, что советско-польские противоречия могут быть решены улучшенной версией линии Керзона и компенсацией Польши за счет присоединения к ней Восточной Пруссии [15, р. 493].

Все это обусловило возврат Москвы к планированию послевоенного мира. М. М. Литвинов в записке В. М. Молотову от 3 августа 1943 г. обозначил направления работы создававшейся комиссии (12 блоков по странам и регионам) и принципы кадрового подбора (лица, которые будут «фактически работать, а не только заседать»; смогут отдать комиссии «все свое время или хотя бы большую часть своего времени»; другие полезные для комиссии лица, «должны привлекаться лишь в качестве консультантов»). М. М. Литвинов предложил первоначальный состав интеллектуалов с блестящим образованием: полпред в Великобритании (1932–1943) И. М. Майский, как заместитель председателя (учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, окончил экономический факультет Мюнхенского университета); видный дипломат Я. З. Суриц; известный экономист, академик АН СССР Е. С. Варга (директор Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР); историк-международник Б. Е. Штейн; видный историк Е. В. Тарле; специалист по Германии, профессор МГУ А. С. Ерусалимский (окончил общественно-педагогическое отделение факультета общественных наук 1-го МГУ). По всем блокам были предложены авторитетные научные консультанты. «По Польше» таковым значился первый ректор БГУ, академик АН БССР, член-корреспондент АН СССР, организатор сектора славяноведения Института истории АН СССР и кафедры истории южных и западных славян МГУ (1939) В. И. Пичета [6, с. 232–234]. 4 сентября 1943 г. Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД (Комиссия Литвинова) была создана

постановлением СНК СССР в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 сентября. Был окончательно определен ее состав [7, с. 316].

Возглавил комиссию опытный дипломат М. М. Литвинов (уроженец Белостока Гродненской губ.) – замнаркома (1921–1930, 1941–1946), нарком иностранных дел (1930–1939), посол в США. Высокообразованными специалистами и знатоками европейской проблематики были все члены Комиссии. С. А. Лозовский (в эмиграции посещал лекции на юридическом факультете Сорбонны) – замнаркома иностранных дел, заведующий кафедрой истории международных отношений и внешней политики СССР Высшей партшколы при ЦК ВКП(б) (1940–1949, заместитель / начальник Совинформбюро (1941–1948). Д. З. Мануильский (учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, окончил юридический факультет Сорбонны) – руководящий работник Коминтерна, ЦК ВКП(б), Главного политуправления РККА. Я. З. Суриц (уроженец Динабурга / Двинска Витебской губ., образование получил на отделении государственно-общественных наук философского факультета Гейдельбергского и юридическом факультете Берлинского университета) – бывший полпред в Турции, Германии, Франции, советник НКВД (1940–1945). Е. В. Тарле – академик АН СССР (окончил историко-филологический факультет Киевского университета), автор фундаментальных исторических трудов. Б. Е. Штейн – профессор Высшей дипломатической школы при НКВД.

Представляет интерес протокол первого заседания Комиссии 8 сентября, где был оглашен перечень вопросов, подлежащих разработке, по каждому из которых надлежало дать историческую справку, представить заграничное состояние проблемы, сделать выводы и предложения в одном или нескольких вариантах. Перечень вопросов (с оговорками, что он не полон) поражал масштабом – 34 блока международных, региональных и страноведческих проблем со 126 пунктами. Началась выработка подходов и принципов деятельности. Е. В. Тарле поставил вопрос о методе работы: «Нужно ли будет давать чисто историческую, объективную справку, скажем, о вопросе выделения Восточной Пруссии, или по всем вопросам у нас уже есть ответы, т. е. мнение правительства, на основании которого мы должны разрабатывать материал?». М. М. Литвинов пояснил, что «постановка вопроса в списке не значит, что вопрос решается нами положительно. Например, если мы против выделения Восточной Пруссии, то надо так и сказать. Это относится ко всем вопросам». Д. З. Мануильский критиковал излишнюю детализацию перечня вопросов для разработки,

считая, что комиссия вольна сама их выдвигать, не ожидая установок, считал необходимым извлечь уроки из краха Версальской системы. М. М. Литвинов возражал ему в том, что нет необходимости вести общую дискуссию по всем вопросам, так как каждому члену комиссии будут поручены конкретные сюжеты. С. А. Лозовский предлагал изучить уже существующие проекты ряда американских институтов и британских учреждений с привлечением крупнейших ученых, «отбросив журналистскую болтовню и выделив то, что является выражением желаний господствующих классов». Я. З. Суриц выразил сомнения в необходимости изучения таких проектов, что «потребовало бы слишком много времени и ничего нам не даст». Б. Е. Штейн отмечал, что максималистский подход к возможным вопросам на мирной конференции потребует привлечения работников со стороны, для чего необходимо определить порядок и форму привлечения («знакомить ли со всем материалом»). Е. В. Тарле предлагал разработку всех пунктов с точки зрения максимальной безопасности советских границ и наибольшей устойчивости мира в будущей Европе. С. А. Лозовский настаивал на самостоятельности комиссии в высказывании своего мнения, даже если «правительство потом перечеркнет девять десятых нашей программы». Произошло распределение первоочередных задач: Б. Е. Штейн (мирная конференция, международные организации, Дунайская федерация, Италия), Я. З. Суриц и Е. В. Тарле (Германия, Балканская федерация), С. А. Лозовский (Франция, Испания, Финляндия, Скандинавия), Д. З. Мануильский (политический режим будущей Германии, образование власти в разных странах). 9 сентября М. М. Литвинов направил Сталину и В. М. Молотову перечень вопросов для разработки на предмет его утверждения и запросил дополнительных пояснений почти по всем блокам [6, с. 236–248].

Накануне Московской конференции министров иностранных дел (октябрь 1943 г.) была разработана первая обширная советская концепция послевоенного устройства. В центре находился вопрос о будущем Германии и её новых границах. Причем, при всех вариантах было принято, что от Германии отходят территории, захваченные после 1937 г., а Восточная Пруссия считается переданной Польше. Учитывалось и мнение Рузвельта в пользу передачи Восточной Пруссии Польше в виде компенсации за установление ее восточной границы по линии Керзона. В записке М. М. Литвинова В. М. Молотову «Обращение с Германией и другими вражескими странами в Европе» от 9 октября (на основе разработки Комиссии) обращалось внимание на обстоятельство, влиявшее

на позицию всех заинтересованных сторон. Дело в том, что даже в случае удовлетворения всех требований Польши в отношении Восточной Пруссии, Опольской Силезии и Данцига, она компенсировала бы потери западных районов Беларуси и Украины по территории лишь на 23%, а по численности населения – на 50%. Из чего М. М. Литвинов делал вывод, что «получив всё, что возможно, за счёт Германии, Польша не перестанет хныкать и роптать и добиваться расширения на восток, и чем сильнее она станет на западе, тем больше повысится значение её ропота» [16, с. 27–46]. Поэтому Москва по-прежнему нуждалась в международном признании границы 1941 г. В Тегеране Черчилль впервые в законченном виде сформулировал «компенсационное решение» о признании линии Керзона как советско-польской границы на основе территориальной компенсации Польши за счёт Германии.

С учетом всего этого, в 4 Европейском отделе НКВД 19 июля 1944 г. была составлена справка «Внутриполитическое положение Польши и планы ее послевоенного устройства», намеченные пока в самом общем виде [17, л. 12–16]. По одному из сложнейших – трансильванскому вопросу, требовавшему глубокой проработки исторической аргументации на обладание краем, в аппарате НКВД и в Комиссии Литвинова был составлен ряд масштабных справок. В стенограмме заседания Комиссии от 8 июня 1944 г. выявились четыре возможных решения. 1) Оставить, по словам М. М. Литвинова, «нынешнее положение (до тех пор, пока мы не придумаем лучшего)». 2) Передать Трансильванию Венгрии, что М. М. Литвинов почти исключал, «но не совсем». В политике «приходится руководствоваться исключительно соображениями целесообразности», поэтому можно было бы мыслить даже воссоединение края с Венгрией при условии ее тесного и длительного сотрудничества с СССР. Я. З. Суриц отклонил данный вариант, так как он нарушал интересы румынского большинства, был бы вознаграждением «одного из наиболее ретивых сателлитов Германии» и огромной опасностью для дружественной Чехословакии. Венгрии не забылось, что она первой примкнула к Антикоминтерновскому пакту и напала на СССР без малейшего повода, не имея даже тех территориальных претензий, которыми оправдывали свое участие в войне Финляндия и Румыния. 3) Более вероятной, по мнению М. М. Литвинова, была передача Трансильвании Румынии взамен прочной гарантии («базы и контроль», так как в политике «благодарность быстро испаряется») тесного сотрудничества с СССР, а также ее полного отказа от претензий на Бессарабию и Буковину. Румыния нуждалась бы в защите

СССР против Венгрии, которая «никогда не примирится с окончательной потерей всей Трансильвании». Я. З. Суриц также выступил за переход края к Румынии с таким обоснованием: «устранив между Румынией и Россией спор из-за Бессарабии (намеренно созданный Бисмарком на Берлинском конгрессе) и передав Румынии Трансильванию... мы зложим основы для действительно прочной зависимости Румынии от нашей политики». Б. Е. Штейн, скептически отозвался о передаче края Румынии ввиду сомнительности гарантий ее просоветской политики. 4) Создать независимое Трансильванское государство, к чему склонялись все члены комиссии [18, с. 165–192, 233–245, 376–378].

Комиссия разработала объемную записку «Об обращении с Италией», где исторические факторы играли особую роль. На заседании 4 сентября состоялся критический разбор ее исторической части. Я. З. Суриц отметил, что адриатическая проблема не учла интересы Югославии, а границы Рапалльского договора 1920 г. позволяли Италии «угрожать всему словенскому району, особенно Любляне», не оставив молодому государству ни одного настоящего морского порта. Поэтому Югославии должна быть уступлена вся Истрия. Однако у него были «некоторые сомнения относительно Триеста» – следует ли и его целиком передать Югославии или, изъяв из суверенитета Италии, придать Триесту характер нейтрального порта. М. М. Литвинов склонялся к этому, руководствуясь этническим составом населения, но Я. З. Суриц сослался на перепись 1913 г., по которой в Триесте проживало 118 тыс. итальянцев и около 70 тыс. славян, и это не был «сплошь итальянский город». В качестве порта Триест обслуживал не долину р. По, а бассейн рек Савы и Дравы, больше являясь портом славянским, чем итальянским. Поэтому Я. З. Суриц допускал «в качестве одного их вариантов и отход Триеста к Югославии» [19, л. 70–72].

С. А. Лозовский полагал: Италия не должна «подвергнуться такой же экзекуции как Германия», но опасался, что, проявляя более мягкое отношение к Италии (могла рассматриваться Москвой в качестве противовеса Лондону), можно создать прецедент для Англии в ее попытках проявлять более мягкое отношение к Германии (могла рассматриваться Лондоном в качестве противовеса Москве). Он предлагал: нужно, чтобы Италия «действительно, по-настоящему почувствовала результаты этой войны, потеряв колонии и целый ряд территорий». Для этого следует передать Триест Югославии и «решиться на более жесткие меры» [19, л. 73–75]. Е. В. Тарле был наиболее решительно настроен против Италии, считая, что она трижды за последние 130 лет вела против России

неспровоцированные войны. Он предлагал ослабить ее, так как она «всегда будет продавать свою силу против нас, а если она будет слабой, то ее никто не купит». Б. Е. Штейн решительно отклонил аргумент С. А. Лозовского о взаимосвязи между отношением к Италии и Германии. Он полагал: «так мы ни в одном вопросе не сможем проводить собственную линию из боязни, что Англия воспользуется этим в вопросе о Германии». На Балканах же «необходимо прекратить какую бы то ни было роль Италии» [19, л. 76–79].

Подводя итог, М. М. Литвинов заявил: изгоняя Италию из Балкан, не обязательно «полностью изгнать ее из Истрийского полуострова, западное побережье которого несколько не связано с Балканами». Он считал: возможен «такой крайний случай, когда можно будет предоставить Италии несколько городов на побережье Истрийского полуострова, населенных итальянцами». В отношении же Триеста развернул целую систему взглядов. Во-первых, считал, что Триест как порт, не нужен ни Италии, ни Югославии, если та получит Фиуме и Зару. Лучше «предоставить Триест в пользование тем государствам, которые не имеют выхода к Южным морям – Австрии, Чехословакии». Во-вторых, он допускал: «Возможно, что при некоторых особых наших отношениях с Югославией, мы предпочтем передать ей и Триест», но оговаривался, что Запад будет против передачи города, населенного преимущественно итальянцами. В-третьих, М. М. Литвинов благосклонно высказался в пользу интернационализации Триеста: «...нам неплохо было бы иметь свой наблюдательный пункт в Адриатике» [19, л. 80–82].

Все эти особенности нашли отражение в утвержденном 8 сентября 1944 г. тексте записки Комиссии Литвинова «Об обращении с Италией». Тональность свидетельствовала: «к побежденной Италии можно применить менее жесткое обращение, чем к Германии» [20, л. 44–47]. В справке резюмировалось: «при уверенности в укреплении нашего влияния в Югославии, удовлетворить требование последней в отношении Гориции и Истрии; город и порт Триест интернационализировать под администрацией международной комиссии» [20, л. 55–57]. В исследовательской литературе особо подчеркивается, что руководство НКВД решило не учитывать историко-ретроспективные рекомендации Комиссии в отношении Триеста [21, с. 43]. Это способствовало в близком будущем возникновению локального конфликта, быстро переросшего в острый и опасный международный кризис.

Вскоре был выработан другой фундаментальный документ – концептуальная программа послевоенного урегулирования, содержащаяся

в записке заместителя наркома иностранных дел (1943–1946) И. М. Майского В. М. Молотову «О желательных основах будущего мира» от 11 января 1944 г. из 25 масштабных блоков. Два последних были обозначены как «Итоги» и «Перспективы» [22, с. 23–48].

Члены Комиссии Литвинова и привлеченные к работе специалисты создали огромный пласт исторической документации констатирующего и прогнозно-аналитического характера, прямо или косвенно касавшейся урегулирования как старых, так и вновь возникших конфликтов в ЦВЕ. Несколько десятков разработок Комиссии были посвящены истории спорных территорий по всей Европе. Они вызывали в последние десятилетия различные оценки и трактовки, но почти всегда открывались изложением событий многовековой давности. Следует сказать, что полного совпадения между взглядами проектировщиков послевоенного мира и акциями практической советской дипломатии не наблюдалось. Тем не менее, концептуальные разработки определяли ее стратегические цели и рубежи, являясь банком возможных решений [23, с. 65, 69]. (Автор, абсолютно соглашаясь с подобным историко-ретроспективным подходом, отдал ему обильную дань во вводных историко-страноведческих справках к восьми главам своей монографии [24]). Академические и вузовские историки, историки-международники внесли весомый вклад в разработку образа послевоенного мира, формирование стабильных на протяжении 40 лет европейских границ, всесторонне учитывая исторические факты и аргументы.

Библиографические список

1. Справочник по фондам Архива внешней политики Российской Федерации. 1917–1962. М.: Междунар. отношения, 2002.
2. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Док. и матер.: в 3 т. М.: Госполитиздат, 1944–1947. Т. 1: 22 июня 1941 – 31 декабря 1943 г. 1946.
3. Советско-американские отношения. 1939–1945. [Документы]. М.: МФД, 2004.
4. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Док. и матер.: в 2 т. М.: Политиздат, 1983. Т. 1: 1941–1943.
5. Документы внешней политики. 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV. М.: Междунар. отношения, 2000.
6. СССР и германский вопрос. 1941–1949: Документы из Архива внешней политики РФ: в 4 т. Т. 1: 22 июня 1941 г. – 8 мая 1945 г. 1996.
7. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Каталог: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2000–2001. Т. 3: 1940–1952. 2001.
8. Тошкова Витка. Советские геостратегические замыслы на Балканах в 40-е годы XX века (по материалам Национального архива США) // Человек на Балканах в

- эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб: Алетея, 2002. С. 307–322.
9. Советско-британские отношения в 1943–1953 гг. Документы и материалы. М.: Аспект Пресс, 2021.
 10. Romsics Ignác. American Wartime Plans for a New Hungary and the Paris Peace Conference, 1941–1947 // 1945 – a Break with the Past: a History of Central European Countries at the End of World War Two / Zdenko Čepič (ed.). Ljubljana: Inštitut za novejšo zgodovino, 2008. P. 51–62.
 11. Krajčovič Milan. Medzinárodné súvislosti slovenskej otázky 1927/1936–1940/1944: maďarské dokumenty v porovnaní s dokumentmi v Bonne, Bukurešti, Viedni a Prahe. Bratislava: SAP, 2008.
 12. Ślusarczyk Jacek. Obszar i granice Polski (od X do XX wieku). Toruń: Adam Marszałek, 1995.
 13. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 0122 (Референтура по Польше). Оп. 29. П. 86. Д. 6.
 14. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Док. и матер.: в 2 т. М.: Политиздат, 1984. Т. 1: 1941–1943.
 15. Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945: Dokumenty: v 2 díl. / editoři Jan Němeček, Helena Nováčková, Ivan Šťovíček, Miroslav Tejchman. Praha: Státní ústřední archiv v Praze, 1998–1999. – Díl 1: (březen 1939 – červen 1943). 1998.
 16. Сальков А. П. Восточная Пруссия в планах послевоенного территориального переустройства Европы // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 27–46.
 17. АВПРФ. Ф. 0122. Оп. 26-и. П. 308. Д. 3.
 18. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946 гг. Документы российских архивов. М.: РОССПЭН, 2000.
 19. АВПРФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 06. П. 14. Д. 141.
 20. АВПРФ. Ф. 06. Оп. 06. П. 17. Д. 147.
 21. Хормач И. А. СССР – Италия и блоковое противостояние в Европе: вторая половина 40-х – первая половина 60-х годов: в 2 ч. Ч. 1: СССР – Италия и формирование блоков в Европе, 1943–1955. М.: ИРИ РАН, 2005.
 22. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Документы: в 2 т. М.: РОССПЭН, 1999–2002. Т. 1: 1944–1948 гг. 1999.
 23. Филитов А. М. В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. С. 54–71.
 24. Сальков А. П. Национально-территориальные конфликты в Центрально-Восточной Европе во внешней политике СССР (1938–1949 гг.). Минск: БГУ, 2019.

ИЕРАРХИЧЕСКИЙ DRESS CODES И ЗАКОНЫ ПРОТИВ РОСКОШИ (SUMPTUARY LAW) СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЫ

Е. Д. Смирнова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Smirnova@bsu.by*

Костюм – один из основных концептов повседневности. В фокусе исследования dress-code и «законы против роскоши» средневековой Европы – законы о рангах и иерархических различиях в одежде дворянства и III сословия (жителей средневековых городов)

Ключевые слова: Средние века; законы против роскоши; дресс-код; Западная Европа; сословные ограничения

HIERARCHICAL DRESS CODES AND SUMPTUARY LAWS OF MEDIEVAL EUROPE

A. D. Smirnova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
Smirnova@bsu.by*

The costume is one of the main concepts of everyday life. The article focuses on dress-code and laws against luxury in Medieval Europe – laws on ranks and hierarchical differences in the clothes of the nobility and the III estate (inhabitants of medieval cities)

Keywords: Middle Ages; sumptuary laws; dress code; Western Europe; class restrictions

История средневековой Европы разыгрывалась как грандиозный спектакль в определенных костюмах. Костюм как никогда раньше приобрел ярко выраженные корпоративные и социальные черты. Резко обозначились различия в одежде знати и представителей третьего сословия (прежде всего, горожан), определяя тем самым принадлежность человека к сословной группе. Одежда превратилась в один из главных опознавательных знаков. Многие горожане (главным образом, купцы, нувориши) становились очень богатыми людьми и старались сравняться в костюме с нобилитетом и одеваться так же роскошно. В ответ королевские законодатели и муниципалитеты городов вводят так называемые «одежные порядки»: в Европе появляются «законы против роскоши», ограничивавшие претензии богатых представителей III сословия.

В IX в. были сделаны попытки увязать одежду с рангом. В XI столетии – наложить ограничения на цвета. Чаше регулирование «роскоши» начинает появляться к концу XII в. (1157 г. Генуя; 1188 г. во Франции) и становится более частым явлением в XIII в. (1234 г. Арагон; 1249 г. Сиена; 1250 г. Флоренция; 1256 г. Кастилия). Особенно значительный всплески активности наблюдались в последней четверти XIII

в. (Болонья 1276 г.; Падуя 1277 г.; Венеция 1297 г.; Цюрих 1304 г.). Постановления о роскоши исходили как от церкви, так и от государства [3, р. 26–27]. Так, в 1274 г. папа Григорий X издал указ, запрещающий «чрезмерные украшения» во всем христианском мире, а в 1279 г. папский легат издал правила о женской одежде в Ломбардии. После этого законы о роскоши становятся все более светскими [3, р. 26]. Есть сведения, что первые из них появились при французских королях Людовике IX (1226–1270 гг.) и Филиппе IV Красивом (1285–1314 гг.). Так, в 1294 г. специальный ордонанс Филиппа Красивого запретил городским буржуа носить мех горностаю и белки, парчу и аксамит, а также украшать платье золотом и драгоценными камнями [9, с. 143].

В XIV–XV вв. законы и муниципальные уставы, ограничивающие показную роскошь, в большом количестве появились в Германии, Англии и Италии [2, р. 346–347]. Особенно в северной части Апеннинского полуострова [4]. Уставы, ограничивавшие и регулировавшие расходы, были зафиксированы в 15 городах Италии – Генуе, Венеции, Бергамо, Кремоне, Флоренции, Милане, Орвьето, Перудже, Сиене, Тодди, Пистойе и ряде др. [2, р. 347]. Множество распоряжений, касающихся ограничения чрезмерной роскоши горожан, появилось в Германии. К середине XV в. законодательство о роскоши было принято в городах Шотландии.

Регулирование одежды становится все более важным. Сам термин «закон о роскоши» становится синонимом регулирования одежды, украшений и внешнего вида. Регулирование одежды принимало две формы, первая из которых заключалась в установлении ограничений на расходы (либо на всю одежду, либо на цену за кусок ткани, либо на отдельные предметы). Вторая форма заключалась в том, чтобы зарезервировать особо важные типы ткани или стиля одежды для определенных категорий; это было сделано либо путем предоставления привилегии социальной категории (например, только дворяне могут носить горностаю), либо путем негативного запрета (например, ни одна служанка не может носить одежды со шлейфом) [3, р. 26]. Дресс-код представлял собой кодификацию ограничений на одежду для мужчин и женщин в каждой социальной категории.

В «законах о роскоши» г. Нюрнберга указывалось: «...Наши бюргеры, члены совета, постановили, что запрещается бюргерам, молодым и старым, носить серебряные пояса стоимостью больше, чем в полмарки серебром. Запрещается им носить серебряные карманы, серебряные итальянские ножи, обувь с разрезом, сюртуки с разрезом внизу или у рукавов...Запрещается также бюргершам, женам и вдовам или молодым девушкам носить платье из цинделя (ост-индская привозная ткань. – *Авт.*) или шелковое платье, или платье с серебряной или золотой оторочкой. Запрещается также бюргершам иметь больше двух цельных меховых одежд...носить горностаевые шубы...Запрещается также женам, вдовам

или дочерям бюргеров переплетать волосы золотом, серебром, жемчугом или драгоценными камнями ...» [7, с. 161–162]. В Англии (1463) во время правления Эдуарда IV был принят закон, регулировавший расходы на одежду, по которому мэрам, шерифам и олдерменам разрешалось носить мех куницы и белки, а в г. Бристоле даже были установлены точные суммы, которые могли потратить в год мэр, шериф, бейлиф, рикордер, городской клерк, оруженосец мэра, разъездной бейлиф и сержант мэра на украшение своей одежды мехом – от 6 фунтов 13 шиллингов 4 пенсов до 2 шиллингов [8, с. 293]. Городское управление имело право наказывать ослушавшихся.

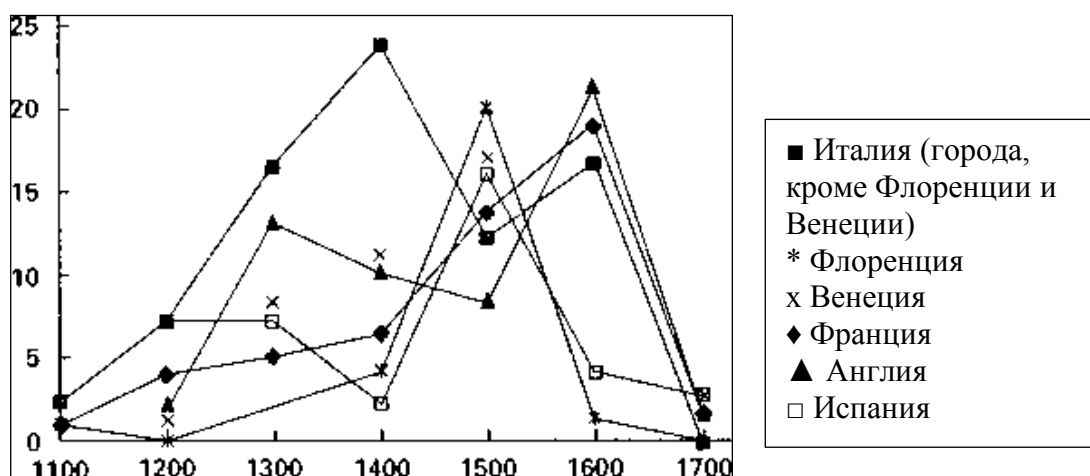

Рис. 1. Законы о роскоши в Европе (по данным Алана Ханта) [3, р. 27].

Самым распространенным наказанием был денежный штраф. В Нюрнберге наказанию подлежало ношение парчи, атласа и бархата как мужчинами, так и женщинами, ношение некоторых видов меха и подбивка мехом согласно точно установленных норм, а также ношение золотых шнуров, воротников, заколок, дорогих покрывал и чепцов, курток и пр., превосходящих определенную цену, слишком дорогих сорочек, длинных шлейфов, больших декольте, тесно облегающей мужской одежды, ботинок клювообразной формы и ультрамодных фасонов – каждый из этих проступков наказывался 3 золотыми. Самый высокий штраф – 10 золотых – был установлен за украшения из жемчуга. Самые строгие наказания были в Ульме, где штрафом в 20 рейнских золотых или же ссылкой на один год каралось неподчинение указам, касающихся ношения одежды. Во Франкфурте даже постановили, что мужчина должен был платить не только за свою собственную излишнюю наряженность, но и за то, что не смог удержать от этого свою жену.

В различных формах «законы против роскоши» просуществовали вплоть до XVIII в., а их следы сохранились в повседневной моде Нового и Новейшего времени [5, р. 86].

Появились «законы о роскоши» по нескольким причинам. Во-первых, экономическая – необходимость ограничить расходы на одежду всех классов и категорий общества, ибо это были непродуктивные инвестиции. Во второй половине XIV в. расходы на одежду среди знати становятся непомерными, страсть к великолепным нарядам уже граничит с безумием. Во-вторых, одежда должна была стать средством сегрегации, каждый был обязан носить платье, соответствующее его полу, сословию, рангу и заслугам. Чтобы различные классы общества не смешивались, надо было установить между ними барьеры. Отныне представителя того или иного сословия можно было распознать по одежде. Одежда человека строго регламентировалась его происхождением, уровнем доходов, возрастом, родом занятий, социальной и профессиональной принадлежностью. От этого зависело и количество вещей, составляющих гардероб, качество тканей, цвет, наличие или отсутствие мехов, украшений, драгоценностей и прочих аксессуаров. «Законы против роскоши» распространялись не только на одежду, но и на все, что окружало человека (посуду, столовое серебро, еду, мебель, дома, кареты, слуг, домашних животных). Но одежда была важнее всего, потому что она приобретает знаковый характер в обществе.

«Законы против роскоши» имеют большое значение для историка. К сожалению, на сегодняшний день опубликованы лишь некоторые из этих текстов [5, p. 87]. Основное место в «законах против роскоши» уделяется не запретным, а предписанным цветам. Предписанный цвет должен был бросаться в глаза, как отличительный знак, который были обязаны носить представители особых общественных групп и отверженные. На улицах их должны были видеть издали. Мужчины и женщины, занимавшиеся: 1) опасным, постыдным и подозрительным ремеслом: врачи и хирурги, палачи, проститутки, ростовщики, жонглеры, музыканты, нищие, бродяги и оборванцы; 2) все те, кто был признан виновным в каком-либо проступке – от обычных пьяниц, затеявших драку на улице – до лжесвидетелей, клятвопреступников, воров и богохульников; 3) убогие и увечные (в средневековой системе ценностей любое увечье, физическое или умственное, почиталось за великий грех): хромые, калеки, шелудивые, прокаженные, «немошные телом», а также «кретины и слабоумные»; 4) все нехристиане, евреи и мусульмане [5, p. 90–91].

«Законы о роскоши» создали форму разделения в обществе; систему, в которой все члены общества должны были носить предметы одежды, соответствующие их полу, имуществу, профессии и социальной деятельности. Платье отражало рождение, богатство и возраст. Между социальными группами были установлены незримые границы, и одежда стала главным признаком социальной классификации. Она играла роль паспорта, персональной анкеты (поскольку благодаря ей стал читаемым социальный статус человека, его сущность) [5, p. 87–88; 6, p. 287] и являлась

главным маркером социальной принадлежности человека в средние века [1, р. 204].

Библиографические ссылки

1. Beaulieu de M. -A. P. Středověká Francie. Od roku 1000 po černou smrt 1348. Praha: NLN, 2003.
2. Brundage James A. Sumptuary laws and prostitution in late medieval // Journal of Medieval History. 1987. № 13. P. 343–355.
3. Hunt A. J. Governance of the Consuming Passions: A History of Sumptuary Regulation. London: Macmillan, 1996. 486 p. Сетевая версия: <https://bylib.org/book/2686339/5ac1eb>. – Дата доступа 01.07.2023.
4. Killerby Kovesi C. M. Sumptuary Law in Italy: 1200–1500. Oxford and New York: Oxford University Press, 2002.
5. Pastoureau M. BLEU. The History of a Color. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2001.
6. Piponnier F. Costume et vie sociale. La Cour d'Anjou XIV-e – XV-e siècle. P., 1970.
7. Из полицейских законов г. Нюрнберга XIV–XV вв. о роскоши // Немецкий город XIV–XV вв. М., 1936. С. 161–162 .
8. Мосолкина Т. В. Повседневная жизнь английского средневекового города. Бристоль XIV–XV вв. // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М.: Наука, 2000. С. 288–294.
9. Хьюг Оуэн Диана. Управление женской модой // История женщин на Западе. Т. 2. Молчание средних веков. СПб.: АЛТЕЙЯ, 2009. С. 140–162.

ПРЕДПОСЫЛКИ К АКТИВИЗАЦИИ ВОЕННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ И КИТАЙСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В 1930-х гг.

П. К. Хорьков

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030,
г. Минск, Беларусь, pawa_kon@mail.ru*

Политическая ситуация в Китайской Республике (КР) в 1930-х гг. характеризовалась борьбой между правящей партией Гоминьдан и Компартией Китая. Нападение Японии на КР усугубило положение дел и привело к реальной угрозе потери независимости и территориальной целостности государства. В статье анализируются ключевые события в Китайской Республике с 1930 г. по 1937 г., приведшее к активизации сотрудничества страны с СССР. В дальнейшем взаимодействие с Советским Союзом сыграет важнейшую роль в сохранении государственности Китая в период японо-китайской войны (1937–1945).

Ключевые слова: СССР; Китай; Япония; Гоминьдан; военное сотрудничество.

PREREQUISITES FOR THE INTENSIFICATION OF MILITARY COOPERATION BETWEEN THE SOVIET UNION AND THE CHINESE REPUBLIC IN THE 1930S

P. Khorkau

*Belarusian State University, 4, Nezavisimosti avenue, 220030,
Minsk, Belarus, pawa_kon@mail.ru*

The article analyzes external and internal political events in the Republic of China from 1930 to 1937, which led to the intensification of cooperation between the country and the USSR.

Keywords: USSR; China; Japan; Kuomintang; military cooperation.

На современном этапе белорусско-китайские отношения демонстрируют динамическое развитие и являются примером всепогодного и всестороннего стратегического партнерства. Изучение вопроса становления в исторической ретроспективе межгосударственного взаимодействия СССР и Китайской Республики позволяет оценить результаты принятых руководством стран решений и их влияние на дальнейшее развитие двусторонней кооперации.

К началу 1930 г. отношения Москвы и Нанкина переживали глубокий кризис. Нападения на заграничные учреждения СССР в Пекине и Харбине, разрыв дипломатических отношений, вооруженное столкновение на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) свидетельствовали о негативной динамике в двустороннем взаимодействии. Подписанное 22 декабря 1929 г. соглашение о ликвидации конфликта на КВЖД («Хабаровский протокол») не ослабило напряженность во взаимоотношении двух стран [1, с. 20].

Внутриполитическая ситуация в Китае характеризовалась борьбой между правящей консервативной партией Гоминьдан и Коммунистической партией Китая (КПК). К 1930 г. КПК создала около десяти «советских районов» – баз в труднодоступных местах страны – и в дальнейшем учредила Китайскую Советскую Республику (КСР) со столицей в уезде Жуйцзинь (провинция Цзянси). В военном плане КСР опиралась на Красную армию Китая (КАК). С ноября 1930 г. по июнь 1931 г. Нанкинское правительство предприняло две неудачные попытки карательных экспедиций против «советских районов» КСР.

На внешнеполитическом контуре военная группировка императорской армии Японии (Квантунская армия) вела активную подготовку к нападению на Китай. В преддверии полномасштабного вторжения Токио был организован ряд провокационных мероприятий, направленных на формирование антикитайского общественного мнения [5]. Так, применение в мае 1931 г. японской жандармерией огнестрельного оружия против китайских поселенцев, вступивших в конфликт с корейцами, проживавшими в дер. Ваньбаошань (Маньчжурия), и задержание в июле того же года разведчика японской армии капитана Ш. Накамуры на территории северной Маньчжурии использовались японскими СМИ для обвинения властей Китая в притеснении японских граждан и корейских колонистов [2, с. 27].

18 сентября 1931 г. Квантунская армия осуществила преднамеренный подрыв участка пути Южно-Маньчжурской железной дороги в районе г. Мукден (г. Шэньян) провинции Ляонин («Мукденский инцидент», в китайских источниках «Инцидент 18 сентября») и начала наступательные боевые действия на северо-востоке Китая. Кроме того, Токио обвинил в организации указанной диверсии китайскую сторону [3, с. 385]. Японская агрессия вынудила Гоминьдан приостановить третью экспедицию против «советских районов» КСР.

Несмотря на обращение 21 сентября правительства Гоминьдана в Лигу Наций с требованием принять меры для деэскалации конфликта, Женева ограничилась созданием комиссии Литтона для изучения положения дел. Ведущие западные страны не предприняли реальных попыток изменить сложившуюся ситуацию. Так, США и Германия лишь направили ноты в Лигу Наций и «не прибегали ни к чему такому, что хоть бы отдаленно напоминало угрозу в сторону Токио или открытую критику» [2, с. 29]. В свою очередь, «Мукденский инцидент» вызвал реакцию советского правительства. 24 сентября 1931 г. народный комиссар иностранных дел

СССР М. М. Литвинов выступил с заявлением, в котором выразил «полное моральное, душевное и эмоциональное сочувствие Китаю и желание оказать ему всю необходимую помощь» [4, с. 333]. Вместе с тем, в военном отношении правительство Чан Кайши заняло позицию пассивного сопротивления японской агрессии. Нанкинскому правительству и китайской дипломатии не удалось добиться вывода Квантунской армии с территории страны. Япония без больших потерь заняла северо-восток Китая [8, с. 272].

9 марта 1932 г., опираясь на прояпонские антигоминьдановские силы, Япония создала на оккупированной территории Маньчжурии и северо-восточной части Внутренней Монголии марионеточное государство Маньчжоу-го во главе с последним императором Китая Пу И. Японское правительство 15 сентября 1932 г. признало Маньчжоу-го де-юре и подписало договор о военном союзе, который предоставил Токио право дислоцировать войска в Маньчжурии [6, с. 263]. Лига Наций отказалась признавать новое государство. В то же время 23 из 80 государств (Советский Союз де-факто 23 марта 1935 г. и де-юре 13 апреля 1941 г.) признали Маньчжоу-го. Взаимодействие с СССР развивалось с учетом ряда объективных факторов: страны имели общую границу, на территории Маньчжоу-го размещалась КВЖД и советская колония (около 40–45 тыс. человек) [6, с. 265]. К 1933 г. были открыты консульства Маньчжоу-го в Чите, Москве и Благовещенске. В связи с ростом напряженности в отношениях с японо-маньчжурской стороной вокруг КВЖД в марте 1935 г. советская сторона вынужденно, в ущерб своим экономическим интересам, и без согласования с Китаем продала КВЖД новым властям Маньчжурии. Последующий протест китайского правительства замедлил процесс улучшения советско-китайских отношений [6, с. 265].

Осенью 1932 г. Гоминьдан начал проведение четвертой экспедиции против «советских районов» КСР. В результате активных действий войскам Чан Кайши удалось вытеснить части Красной армии Китая из района Хубэй-Хэнань-Аньхой на север провинции Сычуань. Вместе с тем, на фоне внутривосточной военной борьбы, в вопросе противостояния Квантунской армии Чан Кайши рассчитывал на помощь крупных мировых держав. Однако западные страны продолжили политику осуждения агрессии Японии в Маньчжурии без принятия конкретных мер по стабилизации обстановки. Москва, находясь в условиях начального этапа модернизации страны, также не была готова к полномасштабному

противостоянию с Японией. 12 декабря 1932 г. руководство СССР приняло решение о восстановлении дипломатических отношений с Китаем.

К началу 1933 г. КР сумела остановить продвижение Квантунской армии, и в мае того же года стороны заключили соглашение о перемирии [6, с. 264]. В целях модернизации армии в 1933–1934 гг. по просьбе Чан Кайши в Китай прибыла группа немецких военных советников [7, с. 184]. Помощь военных специалистов также была использована для планирования и проведения пятой экспедиции Гоминдана с целью разгрома сил КАК. К октябрю 1934 г. войска под личным командованием Чан Кайши окружили коммунистические районы в провинции Цзянси и в первой декаде июля силами 30 дивизий начали наступление на Центральный советский район КСР. По итогам секретных переговоров руководства КПК в лице Чжу Дэ и Чжоу Эньлая с губернатором г. Гуандуна Чэнь Цзитаном, назначенным Чан Кайши главнокомандующим армией южного направления, Красной армии Китая удалось выйти из окружения и начать Северо-западный поход («Великий Поход») в провинцию Шэнси.

На внешнеполитическом контуре после отказа Лиги Наций признать Маньчжоу-го и оглашения на заседании Генассамблеи отчета комиссии Литтона 27 марта 1933 г. Япония официально заявила о выходе из организации. Вместе с тем, в декабре 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, однако попытки Москвы использовать площадку для активизации совместных усилий по созданию системы общемировой безопасности не принесли результатов.

Необходимо отметить, что японская экспансия в Китай осуществлялась под знаком идей «паназиатизма» [2, с. 28]. Пропагандистская деятельность японского руководства под лозунгами «Вон белых варваров из Азии» или «Азия для азиатов» смогла привлечь на сторону Токио отдельных представителей китайского общества [6, с. 264]. В результате проведенной работы в октябре 1935 г. Япония организовала движение за автономию Северного Китая с опорой на антиправительственные элементы. Вместе с тем, на V съезде Гоминьдана в ноябре 1935 г. Чан Кайши удалось преодолеть сопротивление сторонников прояпонской ориентации и провозгласить курс на усиление единого Китая – ключевое решения для начала активных боевых действий против Квантунской армии.

Руководствуясь интересами безопасности государства и стремясь не допустить расширения влияния Японии на дружественную СССР Монгольскую Народную Республику, Москва предпринимала усилия для

прекращения гражданской войны в Китае путем национального объединения вокруг отражения японского вторжения. В августе 1935 г. был созван VII Конгресс Коминтерна, на котором создались предпосылки восстановления разорванных отношений между КПК, Коминтерном и Гоминьданом [9, с. 338]. После рассмотрения руководством КПК решений VII Конгресса Коминтерна, 28 ноября 1935 г. за подписью Мао Цзэдуна и Чжу Дэ был опубликован манифест, призывающий к сотрудничеству все политические партии Китая [10, с. 251]. Вместе с тем Советский союз продолжил оказывать поддержку китайским коммунистам, боровшимся за свержение нанкинского правительства.

Чан Кайши, несмотря на инициированные переговоры между КПК и Гоминьданом, не оставил попыток разгрома коммунистов военным путем, что привело к «Сианьскому инциденту» – аресту 12 сентября 1936 г. главнокомандующего Чан Кайши генералами Гоминьдана Чжан Сюэляном и Ян Хучэном. В результате последующих переговоров руководства КПК и Гоминьдана 22 декабря 1936 г. Чан Кайши был освобожден [11, с. 87], а стороны договорились о начале обсуждения совместных действиях против японских интервентов. К июню 1937 г. была не только прекращена гражданская война, но и сформированы основные принципы и конкретные направления взаимодействия КПК с Гоминьданом [8, с. 336, 341]. Необходимо отметить, что 25 ноября 1936 г. Германия и Япония подписали Соглашение против Коммунистического интернационала («Антикоминтерновский пакт»), что усилило напряженность в регионе Дальнего Востока.

Несмотря на сложившуюся ситуацию, китайское правительство уклонялось от инициативы заключения регионального пакта о взаимопомощи как с западными странами, так и с СССР [12, с. 60]. Чан Кайши затягивал организацию единого фронта вплоть до «Инцидента на мосту Марко-Поло»¹ («Лугоуцяоский инцидент») 7 июля 1937 г., ставшего формальным поводом для начала Второй японо-китайской войны.

В условиях готовности Германии и Италии выступить на стороне Японии и выжидательной позиции Англии и США нанкинское правительство оказалось перед необходимостью опереться на поддержку Москвы [12, с. 62]. 21 августа 1937 г. между СССР и Китайской Республикой был заключен Договор о ненападении, который фактически вывел Китай из международной изоляции и «гарантировал столь

¹ Столкновение солдат японской гарнизонной армии и роты китайских войск, охранявших мост Лугоу (г. Пекин, район Фэнтай).

необходимую ему помощь в условиях отказа западных держав поддержать его в какой-либо форме» [6, с. 266]. Соглашение создало юридическую основу для оказания Китаю в том числе и военной помощи, но не решило коренных проблем в отношении между Китаем и СССР.

Таким образом, на рубеже 1930-х гг. сложная внутривосточная ситуация национального самоопределения Китайской Республики и разрыв дипломатических отношений с СССР стали обстоятельствами, облегчившими вторжение Японии. Вместе с тем японская агрессия в Маньчжурии и выжидательная политика западных стран привели к восстановлению взаимодействия Китая с СССР. В дальнейшем всесторонняя помощь советского руководства сыграет важнейшую роль в сохранении государственности Китая в период японо-китайской войны (1937–1945) и заложит исторические основы двусторонней кооперации в послевоенный период.

Библиографические ссылки

1. Воронкова И. Ю. Крепкой дружбой сильны: белорусский аспект советско-китайских отношений в 1920–1950-е гг. // Беларуская думка. 2015. № 6. С. 18–25.
2. Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1931–1945. М.: Наука, 1990.
3. Верченко А. Л. Советско-китайское взаимодействие в годы японо-китайской войны (1931–1945 гг.) и сохранение исторической памяти // Китай в мировой и региональной политике: история и современность: сб. ст. / Ин-т Дал. Востока Рос. акад. наук. М., 2020. Вып. 25. С. 382–399.
4. Чэнь Вейцзюй, Ли Сяотао. Историческая память и советская военная помощь Китаю (1937–1943 гг.) // Ярослав. пед. вестн. 2017. № 6. С. 332–336.
5. Буранок Д. Ю. Маньчжурский инцидент в контексте японо-американских отношений 1931–1932 гг. [Электронный ресурс] // История и археология. 2014. № 9. – Режим доступа: <https://history.snauka.ru/2014/09/1174>. – Дата доступа: 27.11.2023.
6. Чудодеев Ю. В. Взаимоотношения СССР и Китая накануне и в годы Второй мировой войны // Вестник Рос. акад. наук. 2016. Т. 86, № 3. С. 263–272.
7. Каткова З. Д. Чан Кайши и его немецкие советники // Общество и государство в Китае: 42-я научная конференция: в 3 ч. / Ин-т востоковедения, РАН; сост. и отв. ред. А. И. Кобзев. М., 2012. Ч. 3. С. 183–189.
8. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. / редколл.: С. Л. Тихвинский (главн. ред.). М.: Наука: Восточная литература, 2013. Т. 7: Китайская Республика (1912–1949).
9. Мамаева Н. Л. Коминтерн и Гоминьдан. 1919–1929. М.: РОССПЭН, 1999.
10. Ледовский А. М. СССР и Сталин в судьбах Китая: документы и свидетельства участника событий, 1937–1952. М.: Памятники ист. мысли, 1999.
11. Овчинников Ю. М. Становление и развитие единого национального фронта сопротивления Японии в Китае. М.: Наука, 1985.
12. Дубинский А. М. Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937–1945. М.: Мысль, 1980.

ЗАПАДНЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В КОНЦЕ 1920-х – 1930-е гг.

М. А. Шабасова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, shabasovamarina@gmail.com*

В статье рассматривается история посещения Советского Союза иностранцами в 1920-е–1930-е гг. Приводится классификация иностранных визитеров. Особое внимание уделяется западным интеллектуалам, пользовавшимся репутацией «попутчиков» СССР. Автор приходит к выводу, что благожелательное отношение иностранцев было обусловлено не успехами советской культурной дипломатии, а тем, что в советском эксперименте зарубежные посетители видели ответ на проблемы западного общества.

Ключевые слова: Советский Союз; западные интеллектуалы; индустриализация; первая пятилетка; ВОКС; Теодор Драйзер; Бернард Шоу; Леон Фейхтвангер.

ЗАХОДНІЯ ІНТЭЛЕКТУАЛЫ Ё САВЕЦКІМ САЮЗЕ Ё КАНЦЫ 1920-х – 1930-я гг.

М. А. Шабасова

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
shabasovamarina@gmail.com*

У артыкуле разглядаецца гісторыя наведвання Савецкага Саюза замежнікамі ў 1920–1930-я гг. Прыводзіцца класіфікацыя замежных візіцёраў. Адмысловая ўвага надаецца заходнім інтэлектуалам, якія карысталіся рэпутацыяй «спадарожнікаў» СССР. Аўтар прыходзіць да высновы, што добразычлівыя адносіны замежнікаў былі абумоўлены не поспехамі савецкай культурнай дыпламатыі, а тым, што ў савецкім эксперыменце замежныя наведвальнікі бачылі адказ на праблемы заходняга грамадства.

Ключавыя словы: Савецкі Саюз; заходнія інтэлектуалы; індустрыялізацыя; першая пяцігодка; ВОКС; Тэадор Драйзер; Бярнард Шоу; Лявон Фейхтвангер.

WESTERN INTELLECTUALS IN THE SOVIET UNION IN THE LATE 1920S – 1930S.

M. A. Shabasova

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
shabasovamarina@gmail.com*

The article deals with the visits of the foreigners to the Soviet Union in the 1920s–1930s. All visitors are divided into groups. The special attention is paid to the Western intellectuals who were seen as fellow travelers, sympathizers to the Soviet Union. The author concludes that favorable attitude towards the USSR was not a result of the successful cultural diplomacy but that the Soviet experiment the western guests were looking for the answers to the problems of their own societies.

Keywords: Soviet Union; Western intellectuals; industrialization; First Five-Year Plan; VOKS; Theodore Dreiser; George Bernard Shaw; Lion Feuchtwanger.

В 1920-е–1930-е гг. СССР был относительно открытой для въезда страной. В межвоенный период Советский Союз посетили примерно 100 тысяч иностранцев, в среднем около 5 тысяч человек в год [2, с. 77]. Наибольшее количество посетителей наблюдалось в годы первой пятилетки, а в конце 1930-х гг., в условиях развернувшегося террора и подписания пакта о ненападении с Германией, число желающих воочию увидеть успехи советского социализма существенно сократилось [5, с. 77]. Советское руководство не стеснялось той нищеты, которую могли наблюдать иностранные гости. Власти имели все основания утверждать, что с 1917 г. прошло немного времени, Россия им досталась с ужасным наследием царизма – ее вековой отсталостью. Страна Советов могла удивить темпами роста, достижениями в сфере культуры, борьбой с безграмотностью и т. д.

Такой подход находил полное понимание у некоторых западных интеллектуалов. Г. Уэллс, посетивший Советскую Россию в 1920 г., в своей книге «Россия во мгле» утверждал, что большевики не несут ответственности за царившие вокруг разруху и бедность. Более того, советская власть могла стать «становым хребтом возрождавшейся России» и помочь «вернуться к цивилизации» [9].

С точки зрения цели посещения СССР и условий пребывания, всех иностранцев можно условно разделить на три категории. В первую группу входили те, кто оказался в Советском Союзе в силу профессиональной деятельности. Дипломаты, журналисты, инженеры, квалифицированные рабочие, члены зарубежных компартий имели возможность находиться в стране достаточно долго, пользовались определенной свободой передвижения, а их действия не подлежали мелочной регламентации со стороны советских учреждений. Эти иностранцы имели возможность составить вполне объективное представление о советской действительности. Ко второй группе принадлежали рядовые туристы. В начале 1930-х гг. в зарубежном туризме стали видеть источник дохода. В 1931 г. СНК принял постановление «О развитии иностранного туризма в СССР и об обеспечении выполнения программы по интуризму в 1932 г.», предусматривавшее прием 75–80 тыс. туристов в год. Цифра эта достигнута не была, 70 тыс. туристов посетили СССР за всю вторую половину 1930-х гг. [5, с. 76]. Туристы не имели ни времени, ни должной свободы для того, чтобы в полной мере наблюдать неприглядную сторону повседневной жизни в СССР или прочувствовать недостаток прав и свобод, привычных для граждан западных стран. Они находились под опекой созданного в

1929 г. «Интуриста», определявшего маршрут их следования и условия содержания.

Третью категорию иностранцев, посещавших СССР, составляли наиболее значимые гости, мнение которых о стране Советов представляло для властей ценность. В эту группу входили лидеры компартий, рабочие делегации и представители интеллигенции. Т. В. Солоневич, работавшая в 1920-е гг. переводчицей для иностранных делегаций и впоследствии ставшая активным деятелем советской эмиграции, характеризовала положение международной коммунистической элиты следующим образом: «Эта категория иностранцев пользуется в СССР полной свободой (конечно, в пределах, диктуемых коммунизмом). В зависимости от силы, воли и характера, а также внушаемого ими уважения их размещают либо в первоклассной, либо третьеклассной гостинице. Они живут на всем готовом, получают необходимые им суммы, имеют в своем распоряжении автомобили Коминтерна или Профинтерна, словом, катаются как сыр в масле» [8, с. 35]. С особыми почестями также встречали рабочие делегации и их вождей. Эти делегации состояли отчасти в ведении Профинтерна, отчасти ВЦСПС, отчасти Коминтерна. По ироничному описанию Т. В. Солоневич, делегаты становились гостями советской власти, им оплачивались переезды по всему Союзу, их кормили как «на убой», поили коньяками и ликерами, водили в театры, иногда под благовидными предложениями им преподносили подарки [8, с. 33].

Однако самое привилегированное положение среди иностранных посетителей занимали западные интеллектуалы, имевшие вес и влияние у себя дома и в то же время сочувствовавшие советскому эксперименту. Наибольший интерес представляли писатели, в которых видели потенциальный рупор советской пропаганды на Западе. Л. Д. Троцкий пренебрежительно окрестил таких интеллектуалов «попутчиками», хотя ни советское руководство, ни сами интеллектуалы так себя не называли. В СССР на официальном уровне использовалось более уважительное выражение «друзья Советского Союза» [4, с. 347].

Условия, на которых западные интеллектуалы посещали СССР, способствовали формированию у них «правильного» мнения о стране. Даже в годы Гражданской войны на шикарный прием именитых иностранцев изыскивались средства. Б. Рассел, посетивший Советскую Россию в 1920 г. в составе британской лейбористской делегации, вспоминал, что он и его спутники путешествовали в шикарном поезде, который на станциях встречал великолепный оркестр, игравший Интернационал, а на различные

мероприятия, митинги, банкеты и парады не жалели никаких средств [5, с. 78]. Серьезно о процедуре приема иностранцев советскому руководству пришлось озаботиться в начале 1920-х гг., когда для борьбы с голодом в Поволжье большевикам пришлось согласиться на открытие своих границ, фактически закрытых с 1917 г. В 1925 г. был создано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС), до 1929 г. возглавляемое О. Д. Каменевой. В функции ВОКСа входила организация визитов в Советский Союз известных писателей, ученых, общественных деятелей.

Многие гости оправдали ожидания принимающей стороны, оставив положительные отзывы о путешествии в страну Советов или даже написав травелоги, наполненные похвалами в адрес советского руководства, общества и захватывавшего воображение стремительного экономического развития. Поскольку восторженные заметки конца 1920-х – начала 1930-х гг. писались во времена коллективизации, голода, репрессий, то в последующие годы исследователи были склонны преувеличивать как способности советской стороны маскировать реальность, так и наивность западных интеллектуалов. Большую известность получила работа П. Холландера «Политические пилигримы», где автор на множестве примеров демонстрирует недалёковидность западных гостей, превозносивших до небес и советское общество, и советских вождей, и успехи индустриализации [11]. По своей сути критично настроенная по отношению к окружавшей ее реальности западная интеллигенция могла оказаться очень чувствительной к эксперименту, обещающему больше равенства, социальной справедливости, свободы от власти денег, чем капиталистическая система и буржуазная мораль. Надежда на достижение в будущем высших целей помогало не замечать огромного отставания СССР от Запада и терпимо относиться к советскому убогому быту.

Сегодня картина восприятия западным визитером советских реалий представляется гораздо более сложной. Наряду с позитивными описаниями СССР имелось и множество негативных оценок. Помимо этого, даже те, кто в итоге оказал публичную поддержку СССР, часто не были обмануты советским гостеприимством. Положительная характеристика Советского Союза была зачастую вызвана не искренней симпатией к этой стране, а скорее личными обстоятельствами или неприятием реалий западных обществ. Д. Энгерман, изучавший отношение к СССР американских интеллектуалов, писал, что в советском эксперименте американские ученые искали ответы на вопросы социальных наук и американского общества в целом [13, p. 156]. Он утверждал, что интеллектуалы, которых невозможно

было обвинить в невежестве, осознавали все сложности советской действительности, но все равно поддерживали первую пятилетку [13, p. 158]. Это утверждение представляется справедливым и в отношении гостей из Западной Европы. Мы остановимся на трех выдающихся писателях, каждый из которых внес свою лепту в создание положительного имиджа СССР и постараемся показать, что в каждом случае положительный, с точки зрения советской власти, результат был достигнут не столько благодаря успехам советской культурной дипломатии, сколько в силу обстоятельств, контролировать которые ВОКС не имел возможности.

В 1927 г. на празднования десятилетия Октябрьской революции в СССР прибыл американский писатель Т. Драйзер. Для советской власти он оказался особенно ценным гостем, в силу чего великий романист получил финансовую поддержку его двухмесячному путешествию по стране, практически не контролируемого принимающей стороной. Во время этой поездки на свет появился «Русский дневник», по большей части написанный секретарем именитого путешественника Р. Кеннел и отредактированный самим писателем. Дневник отражает замешательство Т. Драйзера от увиденного и пережитого. Измученный плохими бытовыми условиями, бюрократическими препонами и погодой, великий писатель заявлял, что лучше умрет в Америке, чем останется жить в СССР [3, с. 411]. Р. Кеннел, продолжавшая после отъезда Т. Драйзера по инерции делать записи, красочно описала в форме воображаемого к нему обращения настроение гостя при отъезде из СССР: «...скажу, что ты не оставил благодарственного письма госпоже Каменевой, что твое мнение об этих свиньях, вшах и дуболомах, об этой паршивой стране, проклятой Богом, совершенно не изменилось, и что ты полз через границу на четвереньках...» [3, с. 416].

Однако по возвращению в Соединенные Штаты Т. Драйзер опубликовал более симпатизировавший СССР травелог «Драйзер смотрит на Россию», на что, по его собственному признанию, повлияли увиденные им в США хлебные очереди [3, с. 46]. В Великую депрессию он и вовсе стал считать советский пятилетний план образцом для подражания в плане экономического развития и установления социальной справедливости. В ноябре 1931 г. Т. Драйзер возглавил писательскую делегацию, посетившую угледобывающие шахты Кентукки, где был глубоко впечатлен бедственным положением рабочих. Как остроумно заметил исследователь западных интеллектуалов П. Файлин, спустя три года после поездки в СССР Т. Драйзер прибыл к коммунизму через Кентукки [14, p. 189–190].

Несмотря на то, что Т. Драйзер больше не приезжал в Россию, а советские власти так и не опубликовали его травелог, американского романиста все же считали другом Советского Союза. Его вступление в коммунистическую партию США незадолго до смерти позволило советской литературной критике представлять путь великого писателя как преодоление ошибок и заблуждений и движение ко все более полному приятию учения Маркса-Ленина-Сталина [6, с. 65]. Хотя Т. Драйзера, очевидно, гораздо больше заботили «домашние проблемы», а не марксизм и успехи страны «победившего социализма».

Одним из самых преданных апологетов советского эксперимента был ирландский драматург Джордж Бернард Шоу. Еще в молодости он увлекся марксизмом, а впоследствии стал активным членом Фабианского общества, ставившего своей целью мирное и последовательное перерастание капиталистической системы в социалистическую. Б. Шоу любил публично эпатировать публику острыми высказываниями в поддержку социализма и революционной России, очень критично относясь к западному обществу, в котором ему приходилось жить. Всемирно признанный драматург любил хвастаться, что он стал марксистом раньше Ленина, верил в равенство людей, в том числе и имущественное, и восхищался сильной личностью, «людьми действия», к которым он, несомненно, относил и большевистских лидеров. Неудивительно, что с такими взглядами и настроениями Б. Шоу был в 1931 г. приглашен в Советский Союз, где он должен был отпраздновать свое семидесятипяtilетие. Накануне своего визита в СССР в 1931 г. писатель стал все чаще именовать себя фабианцем-коммунистом или просто коммунистом [4, с. 353].

Сегодня сложно сказать, что именно предопределило положительное отношение Б. Шоу к советскому эксперименту. Можно предположить, что немаловажное значение имело то, что, начиная с Октябрьского переворота 1917 г., великий драматург сочувственно относился к советской власти и во время своего визита в страну искал подтверждения тому, в чем и так был убежден или во что хотел верить. Истоки его симпатии к СССР скрывались не в достоинствах советского опыта построения социализма, а в неприятии некоторых черт собственного общества, западных политической и экономической систем, особенно с учетом трудностей, порожденных Великой депрессией.

Помимо мировоззренческих моментов были, очевидно, и личные факторы, делавшие Б. Шоу уязвимым к воздействию советской пропаганды. В Советском Союзе великий драматург и лауреат Нобелевской

премии мог получить то, чего ему так не хватало дома, а именно признание не только литературного таланта, но и политических взглядов. Он рассчитывал, что в конце концов его взгляды, недооцененные в Великобритании, будут приняты всерьез и смогут повлиять на развитие СССР. Б. Шоу неизменно пытался подчеркнуть, насколько верными и, главное, услышанными были его слова. И хотя высказывания о собственном влиянии на ход мировой истории звучали довольно комично и скорее подтверждали шутовское амплуа ирландского драматурга, чем создавали имидж серьезного мыслителя и политика, в гротескных репликах Б. Шоу явственно слышались неудовлетворенные амбиции.

Рассуждая о Первой мировой войне, Б. Шоу заявил: «Некоторые из вас злились тогда на меня за то, что я пытаюсь подходить к войне с точки зрения здравого смысла, в то время как предмет этот связан с понятиями славы, патриотизма и не имеет ничего общего со здравым смыслом... Однако в 1917 году произошла удивительная штука. Русские солдаты вняли моему совету. Они сказали: “Хватит с нас этого, и отправились по домам”» [12, с. 196–197]. Годы спустя после своего визита в Советский Союз он хвастал тем, что советские лидеры уже сделались «последовательными фабианцами и скоро станут полноценными последователями Б. Шоу. В своих позднейших работах драматург даже называл И. В. Сталина фабианцем [4, с. 353]. В 1936 г. Б. Шоу направил советскому послу в Великобритании И. М. Майскому письмо, где давал достаточно подробные рекомендации по усовершенствованию только что принятой Конституции и сетовал на то, что Сталин, очевидно, не прочитал его пьесу «Майор Барбара», знакомство с которой позволило бы избежать некоторых ошибок при составлении Основного Закона [1].

В весьма апологетичной биографии Б. Шоу, написанной Х. Пирстоном и отредактированной самим драматургом, утверждалось, что решение о поездке в СССР принималось едва ли не спонтанно. Якобы одним прекрасным летним днем к Б. Шоу заехал маркиз Лотиан, предложивший ему посетить Советский Союз в его собственной компании, а также в компании лорда и леди Астор. Легкий на подъем Б. Шоу немедленно упаковал вещи и отправился в путешествие [7, с. 397–398]. На самом деле десятидневный визит Б. Шоу и его титулованных спутников в СССР, состоявшийся 21–31 июля 1931 г., тщательно планировался в течение года и был скрупулезно организован.

Б. Шоу увидел практически только то, что советская сторона пожелала ему показать. Он долго стоял над телом Ленина в Мавзолее, в

сопровождении наркома иностранных дел М. М. Литвинова посетил стандартный пункт следования именитых иностранцев – Большевскую коммуны, встретился с М. Горьким и К. Станиславским, осмотрел цеха Московского электростроительного завода и сокровища алмазного фонда СССР. Кульминацией визита Б. Шоу стало организованное ВОКСом празднование его дня рождения в Колонном зале Дома Союзов. Для ирландского драматурга специально была организована поездка в показательный колхоз имени Ленина в Тамбовской области. Сохранилась видеозапись посещения Б. Шоу этого колхоза, на которой видно, что гостей встречают опрятно одетые колхозники, вокруг бегают здоровые ребяташки, а обеденный стол щедро уставлен едой и напитками. Сверх всего британцы удостоились встречи со Сталиным, которая продлилась более двух часов и не могла не польстить самолюбию гостей.

При таком теплом приеме и спланированной программе посещения встает вопрос, могли ли гости рассмотреть действительность или хотя бы заподозрить, что обманывают. На наш взгляд, безусловно, могли, если бы не их желание принять желаемое за действительное. На Западе ходили слухи, что Советы показывают иностранцам «потемкинские деревни», а некоторые моменты во время путешествия могли бы, по крайней мере, показаться сомнительными более бесстрастным и скептически настроенным посетителям.

Еще одним иностранным гостем, оставившим крайне положительные воспоминания о СССР, был немецкий писатель Лион Фейхтвангер. Его травелог «Москва 1937» стала одним из примеров наивного восприятия иностранцами советской действительности и демонстрацией успеха культурной дипломатии. На самом деле Л. Фейхтвангер не был ни слеп, ни наивен. Еще до приезда в СССР его мучили сомнения, многие из которых подтвердились уже в Москве. В частности, знаменитый писатель был возмущен отсутствием в Советском Союзе свободы слова и жесткой цензурой, критиковал «культ» Сталина, свысока смотрел на русскую культуру, и, сверх всего, был крайне недоволен бытовыми условиями. Гид-переводчик Дора Каравкина, работавшая с Л. Фейхтвангером, в своих отчетах отмечала, что каждое утро начиналось с жалоб гостя на окружавший его дискомфорт, плохой гостиничный сервис, задержку почты и т. д. Просьбы внести правки в уже написанные статьи приводили к скандалам, и зарубежную знаменитость едва удавалось успокоить. Л. Фейхтвангер, очевидно, не особенно верил советским чиновникам, пытавшимся объяснить неприятные советские реалии [4, с. 456–457].

Однако, вернувшись домой, он все же написал весьма апологетичную книгу, которая вскоре была издана и в Советском Союзе. Через всю первую главу травелога лейтмотивом проходит тема счастья в СССР. Так, Л. Фейхтвангер утверждал: «... в Советском Союзе все люди, с которыми я сталкивался – притом и случайные собеседники, которые ни в коем случае не могли быть подготовлены к разговору со мной, – хотя иной раз и критиковали отдельные недостатки, были, по-видимому, вполне согласны с существующим порядком в целом. Да, весь громадный город Москва дышал удовлетворением и согласием и более того – счастьем» [10, с. 9]. Всеобщую удовлетворенность Л. Фейхтвангер объяснял тем, что плановая экономика и вся государственная структура компенсировали личные неудобства, а сравнение прошлого и настоящего заставляли забывать о сиюминутных лишениях [10, с. 12]. В итоге писатель пришел к выводу, что, хотя средний гражданин в СССР пока еще живет хуже, чем средний гражданин в некоторых других странах, он более доволен своей судьбой и чувствует себя более счастливым [10, с. 24].

Счастлива была советская молодежь, которая сорвала первые плоды советской системы образования и сейчас уверенно стоит в жизни, чувствуя, себя частью мудрого целого. Счастлива крестьянская и рабочая интеллигенция, которая получила доступ к знаниям, о котором западная молодежь из беднейших слоев общества не могла и мечтать [10, с. 16–17]. Карикатурно выглядело описание крестьянской жизни. Л. Фейхтвангер писал, что именно крестьяне наиболее остро почувствовали разницу между беспросветным темным прошлым царских времен и счастливым настоящим. В СССР они эффективно вели сельское хозяйство, имели обильную еду, одежду, кино, радио, театры, газеты, научились читать и писать [10, с. 13–14]. Л. Фейхтвангер пожертвовал исторической истиной из-за антифашистской позиции Советского Союза. Отвращение к фашизму оказалось сильнее, чем неприятие советских недостатков. И писатель стал одним из самых известных «попутчиков» советского режима.

Хотя Советский Союз прилагал значительные усилия, чтобы получить поддержку западных интеллектуалов и тратил большие средства на создание положительного образа страны, потенциал советской культурной дипломатии все же оставался ограниченным. Никакими усилиями нельзя было скрыть от желающих докопаться до истины ни экономической отсталости СССР, ни убогости быта, ни социальных проблем, ни отсутствия демократических прав и свобод. Однако многие зарубежные гости интересовались не столько истиной, сколько искали в СССР ответы на

проблемы их собственных обществ, трактуя испытания, выпавшие на долю советского народа, как плату за стремительную модернизацию страны.

Библиографические ссылки

1. Б. Шоу – И. М. Майскому [Электронный ресурс] // Хронос. – Режим доступа: http://www.hrono.info/dokum/193_dok/19361116may.php. – Дата доступа: 09.11.2023.
2. Голубев А. В. Взгляд на землю обетованную: из истории советской культурной дипломатии. М.: Институт российской истории РАН, 2004.
3. Драйзер Т. Русский дневник. М.: Эксмо, 2018.
4. Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости. 1921–1941 годы. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
5. Куликова Г. Б. Старый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х гг. глазами западных интеллектуалов. М.: Институт российской истории РАН, 2013.
6. Панова О. Ю., Панов С. И. «Драйзер смотрит на Россию»: к истории книги Т. Драйзера об СССР // Вестник Университета Российской академии образования. № 4. 2015. С. 61–67.
7. Пирстон Х. Бернад Шоу. Ростов-на-Дону: изд-во «Феникс», 1997.
8. Солоневич Т. В. Записки советской переводчицы. Три года в Берлинском торгпредстве. 1928–1930. М.: Центрполиграф, 2018.
9. Уэллс Г. Россия во мгле [Электронный ресурс] / Г. Уэллс. – Режим доступа: <http://lib.ru/INOFAANT/UELS/russia.txt>. – Режим доступа: 11.09.2023.
10. Фейхтвангер Л. М. Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей. М.: Художественная литература, 1937.
11. Холландер П. Политические пилигримы. М.: Лань, 2001.
12. Хьюз Э. Бернад Шоу. М.: Молодая гвардия, 1966.
13. Engerman D. C. Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development. Harvard University Press, 2004.
14. Filene P. G. Americans and the Soviet Experiment. Harvard University Press, 1967.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ ПОЗДНЕСОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРФОРМАНСА В РОССИЙСКОЙ И СЛОВАЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИЯХ

В. Д. Шалькевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, viktoria.shalkevich@gmail.com*

Исследование перформативных практик периода позднего социализма является одним из векторов осмысления идейной и социально-политической эволюции общества социалистических стран. Начиная с 1990-х гг., происходит выработка теоретических подходов и последовательное изучение источников позднесоциалистического перформанса, что нашло отражение в историографии России и стран ЦЮВЕ. Опыт российской и словацкой историографии перформанса позволяет наиболее рельефно отразить основные тенденции и результаты данного исследовательского направления.

Ключевые слова: историография; перформативное искусство; авангард; социалистическое искусство; история искусств.

EXPERIENCE OF STUDYING LATE SOCIALIST PERFORMANCE IN RUSSIAN AND SLOVAK HISTORIOGRAPHY

V. Shalkevich

*Belarussian State University, Niezależnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
viktoria.shalkevich@gmail.com*

The study of performative practices of late socialism is one of the vectors of comprehension of the ideological and socio-political evolution of the society of socialist countries. Since the 1990s, theoretical approaches have been developed and sources of late socialist performance have been consistently studied, which has been reflected in the historiography of Russia and the CSEE countries. The experience of Russian and Slovak historiography of performance allows us to reflect the main trends and results of this research direction in the most relief.

Keywords: historiography; performative art; avant-garde; socialist art; art history.

Обращаясь к историографии перформанса в СССР и странах социалистического блока, сложно выделить конкретный ряд публикаций, так как понятия перформанса в изучаемый период не существовало и его стали выделять уже ретроспективно. Поэтому говоря о нем как о виде искусства (performance art) необходимо понимать, что в русскоязычное искусствоведение термин «перформанс» вошел с большим опозданием – в начале 1990-х гг., когда впервые появились образцы так называемого «провокативного» перформанса, или акционизма, до этого именуемые просто «действиями». Вышедшие в 1990-е гг. публикации о перформансе представляли собой скорее критические статьи и вводные кураторские тексты к выставкам. Здесь необходимо выделить следующие работы: Е.

Деготь — «Performance – искусство действия» (1991) [4], Г. Кизельватер — «Перформанс и группа “Коллективные действия”» (1994) [8], Е. Кикодзе — «Живой Автор (искусство перформанса)» (1997) [9] и «Новый русский перформанс» (1999) [10].

Также большой интерес представляет общая работа Г. Кизельватера, посвященная неофициальному искусству, — «Время надежд, время иллюзий: Проблемы истории советского неофициального искусства. 1950–1960 годы. Статьи и материалы» (2018) [7]. Примечательность данного исследования заключается в том, что именно в период 1950–1960 гг. формируется советское альтернативное искусство, которое станет почвой для перформанса. Кроме того, автор не только привлекает различные архивные материалы, но и критически сопоставляет свидетельства персон, играющих важную роль в советском перформативном искусстве (Э. Булатов, О. Рабин и др.).

Особое место в историографии советского перформанса занимает Борис Гройс и его работы «Московский романтический концептуализм» (1979) [3] и «Концептуализм – последнее авангардное движение» (2008) [2]. Гройс в 1980-е гг., находясь в авангардных художественных кругах, с позиции искусствоведа и философа описал процессы, происходящие в московском искусстве того периода. Так, он впервые ввел понятие «московский концептуализм», которое вскоре будет ассоциироваться с одним из главных объединений перформеров – группой «Коллективные действия».

Для изучения перформанса у художественной группы «Митьки» следует обратить внимание на исследование Юрия Юрчака «Это было навсегда пока не кончилось» (2020) [13], где автор на примере в том числе перформативного творчества данной арт-группы объясняет свою теорию о небинарности советского общества. Александр Михайлович в работе «Митьки» (2021) [11] показывает, что художники в своем искусстве сформировали политически поливалентное диссидентское искусство и что без митьковского опыта не было бы современного российского акционизма.

Одна из самых масштабных работ по изучению перформанса – «Искусство перформанса: от футуризма до наших дней» (2019) [1] Роузли Голдберг, исследовательницы, которая положила начало изучению перформанса как самостоятельного жанра и во многом определила сам термин, каким мы понимаем его сейчас. До сих пор данное исследование остается главным трудом, посвященным истории перформанса, причем не только во всем мире, но и в СССР (важно отметить, что это наиболее полная

работа по советскому перформансу, так как Р. Голдберг впервые выделила перформанс среди советского искусства и проследила все этапы его развития, включая постсоветский до 2010 г.).

Понятие «перформанс общества» (performing society) было предложено теоретиком performance studies и практиком перформанса Питером Сноу в качестве уточняющего слишком общий концепт социального перформанса (social performance) в культурной социологии. Под «перформансом общества» П. Сноу понимает такое символическое действие, где на первый план выходят функции коллективной агентности, воображения и креативности, посредством которых социальные акторы не только поддерживают социокультурную коммуникацию, но и на уровне самопрезентации локализуют себя внутри глобального сетевого пространства и утверждают собственные ценности [14].

В общей теории искусства перформанс всеобъемлюще изучался такими теоретиками как: С. Зонтаг («Хеппенинги: Искусство безоглядных сопоставлений: Избранные эссе 1960–70-х годов», 1997 [5]), Дж. Кейдж («Тишина. Лекции и статьи: авторский сборник», 2012 [6]).

Исследование искусства действия в Словакии содержит несколько лагун, логически связанных со спецификой местных политических процессов до 1989 г. Альтернативное и неофициальное искусство попало в поле зрения институциональных исследований после 1989 г. как одна из центральных тем. Пример – работа Эурингер-Баторовой «Akčné umenie na Slovensku v 60. rokoch 20. storočia Akcie Alexa Mlynarčika» (2011) [15]. В центре внимания ее исследования находится период 1965–1972 гг., который можно охарактеризовать как первую фазу искусства действия. Он был отмечен сильным влиянием венской школы акционизма, плюрализмом художественных направлений, оживленными международными контактами и свободными творческими экспериментами. На этот этап повлияли первые акции после 1965 г. и, начиная с 1972 г., возвращение к официальной доктрине социалистического реализма. Также необходимо отметить словарь мирового и словацкого визуального искусства второй половины 20 в.: от абстрактного искусства до виртуальной реальности «Slovník svetového a slovenského výtvarného umenia druhej polovice 20. storočia» (1999) [16].

Кроме того, колоссальный интерес представляет работа Яна Краловича, исследователя в отделе визуальных и культурных исследований Исследовательского центра Академии изящных искусств в Братиславе. Его работа «Teritórium ulica: umenie akcie v mestskom priestore v rokoch 1965–

1989 na Slovensku» (2014) [17] посвящена художественным акциям, реализованным в городском пространстве в 1965–1989 гг. в Словакии. В центре внимания – анализ и контекстуализация акций в рамках центральноевропейского и более широкого евроамериканского пространства. Задача автора – более детально интерпретировать выбранные действия, исходя из ситуативного и активизирующего характера или участия зрителя в определенном временном периоде. Город как социальное, контактное и коммуникационное пространство настраивает выбранные действия на определенные коннотации смысла (социальные, политические, активизирующие, поэтизирующие и т. д.).

Важнейшая работа по изучению процессуального искусства в Чехословакии была проведена Павлиной Моргановой. В своей книге «Czech action art: happenings, actions, events, land art, body art and performance art behind the iron curtain» (2014) [19] она описывает перформанс, его зарождение и прослеживая его эволюцию вплоть до настоящего времени. В книге рассказывается о различных формах искусства действия, начиная с акций и хэппенингов 1960-х гг., лэнд-арта, боди-арта и заканчивая действиями последнего поколения художников, которые используют принципы искусства действия в современном постконцептуальном искусстве. Попутно Морганова знакомит с наиболее выдающимися чешскими художниками каждой конкретной ниши и демонстрирует не только изменения в самих формах искусства, но и смену ролей художников и зрителей после Второй мировой войны. Кроме того, ее работа «Akční umění» (2009) [18] демонстрирует разнообразие и широту чешского акционизма. Его обзор организован в три тематических блока – «Прорыв в повседневность», «Возвращение к природе» и «Опыт тела».

В завершение хотелось бы отметить проект «Энциклопедия диссидентства» (2022) [12] под общей редакцией А. Ю. Даниэля. Данное издание впервые дает совокупное представление о том, насколько значимой была роль инакомыслящих в борьбе с тоталитарной системой, о масштабах и широте спектра политических практик и методов ненасильственного сопротивления в странах социалистического лагеря. Наряду с биографическими текстами в книгу включены обширные исторические очерки о социально-политической и культурной специфике эпохи.

Таким образом, можно сказать, что изучение позднесоциалистического перформанса сместилось от теоретических обзоров 1990-х гг. в более прикладную сферу, где описывается эпоха, социальный контекст и социальная история.

Библиографические ссылки

1. Голдберг Р. Искусство перформанса. От футуризма до наших дней. М: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020.
2. Гройс Б. Концептуализм – последнее авангардное движение // Художественный журнал [Электронный ресурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://moscowartmagazine.com/issue/22/article/348>, дата обращения: 14.02.2023.
3. Гройс Б. Московский романтический концептуализм // Московский музей современного искусства [Электронный ресурс]. – 1979. – Режим доступа: https://mmoma.ru/press/articles/boris_grojs_moskovskij_romanticheskij_konceptualizm, дата обращения: 14.02.2023.
4. Деготь Е. «Performance – искусство действия» // «Декоративное искусство». М., 1991. –№ 5. С. 24–37.
5. Зонтаг С. Хеппенинги: Искусство безоглядных сопоставлений: Избранные эссе 1960–70-х годов. М.: Русское феноменологическое общество, 1997.
6. Кейдж Дж. Тишина. Лекции и статьи: авторский сборник. М.: Полиграф-Книга, 2012.
7. Кизевальтер Г. Время надежд, время иллюзий // Новое литературное обозрение. М., 2018.
8. Кизельватер Г. Перформанс и группа «Коллективные действия» // Театр. 1994. №4. С. 69-75.
9. Кикодзе Е. Живой Автор (искусство перформанса). – В каталоге: Выставка современного русского искусства – История в лицах – 1956–96. М. 1997.
10. Кикодзе Е. Э. Новый русский перформанс // Комод. 1999. № N 8. С. 70-71.
11. Михайлович А. «Митьки» и искусство постмодернистского протеста в России; пер. с англ. Н. Ставрогиной. М: Новое литературное обозрение, 2021.
12. Энциклопедия диссидентства: Восточная Европа, 1956–1989: Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия / Международный мемориал. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
13. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение; пер. с англ. 5-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2020.
14. Alexander J. C., Giesen B., Mast J. L. (Eds.). Social performance: symbolic action, cultural pragmatics, and ritual. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
15. Euringer-Bátorová, Andrea Akčné umenie na Slovensku v 60. rokoch 20. storočia: akcie Alexa Mlynárčika / Andrea Euringer-Bátorová. – 1. slovenské vyd. Bratislava: Slovart; Vysoká škola výtvarných umení, 2011.
16. Geržová Jana (Zodpovedný redactor), Slovník svetového a slovenského výtvarného umenia druhej polovice 20. storočia. Bratislava: PROFIL, 1999.
17. Kralovič Ján, Teritórium ulica: umenie akcie v mestskom priestore v rokoch 1965–1989 na Slovensku. Prvé slovenské vydanie. Bratislava: Slovart, v spolupráci s Vysokou školou výtvarných umení, 2014.
18. Morganová Pavlína Akční umění. Olomouc: Nakladatelství J. Vacl, 2009.
19. Morganová Pavlína, Czech action art: happenings, actions, events, land art, body art and performance art behind the iron curtain [English translation by Daniel Morgan]. 1st English ed. Prague: Karolinum, 2014.

ТОМА НИГЕР – ПАПСКИ НУНЦЫЙ У ПОЛЬШЧЫ (1522-1523 гг.)

А. К. Шымак

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, вул. Мендзялеева, 36, 220030, г. Мінск,
Беларусь, helenaszymak@gmail.com*

Жыццё і дзейнасць выдатнага ўраджэнца Спліту, дыпламата, нунцыя, кніжніка Тома Нігера найбольш вядомыя ў харвацкіх навуковых колах. Але ж яго дыпламатычная дзейнасць, накіраваная на арганізацыю супраціву асманскаму ўварванню не толькі ў Харватыю, але і ў іншыя еўрапейскія краіны ў XVI ст., заслугоўвае ўвагі і іншых гісторыкаў, у тым ліку і беларускіх. У 1522–1523 гг. Тома Нігер выконваў функцыі папскага нунцыя ў Польшчы і праводзіў перамовы з Жыгімон Старым.

Ключавыя словы: дыпламатыя; антыасманская кааліцыя; нунцый.

ТОМА НИГЕР – ПАПСКИЙ НУНЦЫЙ В ПОЛЬШЕ (1522-1523)

Е. К. Шымак

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, helenaszymak@gmail.com*

Жизнь и деятельность выдающегося уроженца Сплита, дипломата, нунция и культурного деятеля Тома Нигера наиболее известны в хорватских научных кругах. Но его дипломатическая деятельность, направленная на организацию сопротивления османскому нашествию не только в Хорватию, но и в другие европейские государства XVI века, заслуживает внимания и других историков, в том числе белорусских. В 1522–1523 гг. Томас Нигер выполнял функции папского нунция в Польше и вел переговоры с Сигизмундом Старым.

Ключевые слова: дипломатия; антиосманская коалиция; нунций.

THOMAS NIGER – PAPAL NUNZIO IN POLAND (1522-1523)

A. Shymak

*Belarusian State University,
Niezaliezności Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, helenaszymak@gmail.com*

The life and work of the distinguished Split native, diplomat, nuncio and cultural figure Tom Niger is best known in Croatian scientific circles. But his diplomatic activities, aimed at organizing resistance to the Ottoman invasion not only in Croatia, but also in other European countries of the 16th century, deserve the attention of other historians, including Belarusian ones. In 1522-1523 Thomas Niger served as papal nuncio in Poland and negotiated with Sigismund the Old.

Keywords: diplomacy; anti-Ottoman coalition; nuncio.

У снежні 1521 г. памёр папа Леў X. Пантыфікам стаў Адрьян Флорэнс, прыняўшы імя Адрьян VI. Новаабраны папа, вельмі адукаваны чалавек, прафесар тэалогіі, рэктар Лувенскага ўніверсітэта, паставіў перад сабой

дзе асноўныя задачы: правесці ўнутраныя рэформы ў Касцёле, пазбавіўшы яго празмернай раскошы, а таксама арганізаваць кааліцыю еўрапейскіх дзяржаў супраць Асманскай імперыі [3]. Знешнепалітычная сітуацыя была вельмі складанай, а пасля захопу туркамі Белграда і вострава Родас, яшчэ пагоршылася. Узаемаадносіны краін усходняга рэгіёну Еўропы таксама цікавілі Апостальскую Сталіцу. У гэты час вялікая колькасць дыпламатаў, падарожнікаў, гандляроў курсіравалі паміж Масквой і Рымам. І, нягледзячы на тое, што яны і не мелі за мэту падтрымаць кантакты маскоўскага вялікага князя з папствам, тым не менш, дзякуючы ім, цікавасць у Заходняй Еўропе да «Масковіі» не згасала. Разнастайныя «запіскі аб Масковіі», якія з'яўляліся ў гэты ж час, дзе маляўніча ілюстраваліся стан веры, царкоўная іерархія, паказваліся спосабы каталіцкага місіянерства, не маглі заставацца без увагі Апостальскага Прастола, а некаторыя ж з іх непасрэдна былі складзены па распараджэнні з Рыма.

А вось пастаянныя войны паміж Вялікім княствам Літоўскім і Маскоўскім княствам перашкаджалі справе кааліцыі. На неаднаразовыя заклікі папярэдняга пантыфіка да міру дзеля сумеснай барацьбы кароль польскі і вялікі князь літоўскі Жыгімонт Стары адказваў, што ён не мае такой магчымасці, бо вядзе войны з татарамі і Масквой. І менавіта ў такі час, калі пытанне арганізацыі антыасманскай кааліцыі найбольш хвалявала папу, калі было неабходна прыкласці адмысловыя дыпламатычныя здольнасці, каб прымірыць варагуючыя бакі, і так, каб ніхто не адчуваў, што яго інтарэсы ўшчамляюцца, у студзені 1522 г. папа прызначае сваім нунцыем Тома Нігера [1, р. 199]. Рэгіён, які належаў да яго кампетэнцыі, быў вельмі немалым і дастаткова «праблемным» – Венецыя, Венгрыя, Чэхія і Польшча.

Тома Нігер, якога неаднаразова называлі італьянцам, насамрэч быў харватам і паходзіў са спліцкага роду Џне, або Спніс. Ён сам падаваў сваё прозвішча на лацінскай мове, як «Нігер», і гэта трывала замацавалася ў гістарычных крыніцах. Нарадзіўся Тома Нігер у Спліце дзесьці каля 1450 г., пад 1487 г. ёсць згадка пра яго як прафесара граматыкі ў Хвары. У 1494 г. стаў святаром, і дзякуючы выдатнаму валоданню лацінскай і італьянскай мовамі хутка пайшла ўгору яго кар'ера – ён стаў сакратаром арцыбіскупа Спліту Бернарда Занні.

Новы нунцый быў не толькі выдатным дыпламатам, але і гарачым прыхільнікам ідэі агульнаеўрапейскай антыасманскай барацьбы. Справай яго жыцця стала арганізацыя абароны Балкан ад Турцыі [5]. На пачатку мая

1512 г. Тома Нігер браў удзел у V Латэранскім саборы¹. І менавіта ён быў аўтарам прамовы, з якой выступіў сплічкі арцыбіскуп падчас адкрыцця сабору. У гэтым дакуменце прагучаў заклік аб'яднаць усе хрысціянскія сілы супраць Асманскай імперыі. У 1514 г. Нігер стаў асабістым сакратаром і генеральным вікарыем бана Харватыі Петра Берыславіча, які адначасова з'яўляўся і біскупам Веспрэма. З гэтага часу з дыпламатычнымі візітамі харвацкі дыпламат наведваў амаль усе краіны Еўропы. Зразумела, што і Рым быў на шляху яго дыпламатычных місій. Некалькі разоў ён сустракаўся з папам Львом X, для якога справа абароны ад туркаў была вельмі блізкай.

У 1520 г., згодна з папскай булай, Тома Нігер быў прызначаны біскупам-суфраганам Скрадзіна і папскім легатам у Харватыі. Як сведчаць крыніцы, у 1520 г. ён быў накіраваны з пасольскай місіяй да імператара Карла V. Тома Нігер павінен быў пераканаць імператара ў тым, што Харватыя знаходзіцца ў моцнай небяспецы і што трэба тэрмінова аб'яднаць усе сілы супраць ворагаў хрысціянства. Новаабраны папа Адрыян VI падтрымаў запал Тома Нігера і прызначыў яго сваім нунцыем, дзеля арганізацыі антыасманскай кааліцыі. Гістарычныя крыніцы сведчаць пра тое, што новы нунцый цікавіўся справай абароны ад туркаў больш, чым якім іншым пытаннем [2, р. 152].

У студзені 1523 г. адбылася сустрэча Тома Нігера і Жыгімонта Старога, які з горыччу звярнуў увагу, што ён па-ранейшаму адзін, без аніякай дапамогі змагаецца з саюзнікамі туркаў – татарамі, а таксама са «схізматыкамі» [1, р. 140–141]. У гэты ж час меў месца канфлікт адносна вакантнай біскупскай пасады ў Плоцкай дыяцэзіі. Жыгімонт Стары быў супраць кандыдатуры новага біскупа, якую прапанаваў папа. У рэшце рэшт, пры актыўным удзеле нунцыя, гэтае пытанне было вырашана на карысць інтарэсаў Жыгімонта Старога.

У Рыме 30 красавіка 1523 г. была абвешчана ўрачыстая була «*Monet nos veritas*», якая чарговы раз заклікала еўрапейскіх манархаў да заключэння трохгадовага перамір'я паміж варагуючымі бакамі [2, р. 271–274, № 236]. Папа Адрыян VI і Клімент VII (1523–1534), які змяніў яго, імкнуліся арганізаваць яшчэ адзін агульнахрысціянскі крыжовы паход. Не апошняю ролю ў ім мусіла адыгрываць Карона Польская. Але спробы Рымскай курыі завязаць на гэтай аснове перамовы з Масквой не толькі

¹ На пасяджэннях Латэранскага сабора браў удзел і прымас польскі, арцыбіскуп гнезненскі Ян Ласкі. На аўдыенцыі ў папы Льва X ён паведаміў пра небяспеку, якая нависла над хрысціянствам, а ў першую чаргу над Каронай Польскай і Венгрыяй, з боку туркаў, татараў, а таксама Масквы.

адштурхоўвалі Жыгімонта Старога ад ідэі антыасманскай лігі, але і зніжалі перспектывы перамоў з вялікім князем маскоўскім.

Падчас выканання сваёй місіі нунцый Нігер здолеў так далікатна вырашыць усе вострыя пытанні, што пакінуў пра сябе ў Кракаве толькі прыемныя ўспаміны. У 1523 г. у адным з лістоў, накіраваных у Рым, было адзначана, што, калі б папа заўсёды накіроўваў такіх паслоў, то можна б было пазбегнуць шматлікіх праблем у Касцёле [2, р. 224]. Дыпламатычная місія нунцыя Нігера была расцэнена як паспяхова, і ў якасці ўзнагароды ён атрымаў бенедыктынскае абацтва паблізу Турына.

Нунцый Тома Нігер, пакінуўшы тэрыторыю Польшчы, працягваў заставацца папскім легатам у справе абароны Харватыі [5]. У 1524 г. стаў біскупам Трогіра. Справа яго жыцця – абарона Балканаў ад туркаў – фактычна завяршылася пасля Мохачскай бітвы 1526 г. З гэтага часу Тома Нігер жыў у родным Спліце, дзе і памёр прыблізна ў 1531 г.

Выдатны знаўца гісторыі нунцыятуры, польскі даследчык Г. Д. Вайтыска звярнуў увагу, што вобраз жыцця гэтага мудрага, адданага сваёй працы нунцыя-славянціна можна таксама дапоўніць і нарысамі пра яго сапраўдную рэлігійнасць і святарскае служэнне [6, р. 147–148]. Такім чынам, можна адзначыць, што дэталёвае вывучэнне гісторыі польскай нунцыятуры раскрывае асаблівасці дыпламатыі Апостальскай Сталіцы ў рэгіёне, яе асноўныя мэты і задачы. Асоба нунцыя Тома Нігера сведчыць пра тое, што выбар папскага легата адбываўся неспантанна, і нават непрацяглая дыпламатычная місія мела свае асаблівасці і наступствы.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Acta Nuntiaturae Polonae. Roma: Institutum Historicum Polonicum, 1990. T. I / auctore H. D. Wojtyska.
2. Acta Tomiciana. Epistole, legationes, responsa, actiones, res gestae... Sigismundi... Primi... per Stanislaum Gorski... collecte et in tomos XXVII digestae : w XVIII t. Posnaniae, 1853. T. VI : 1522–1523.
3. Hocks, Else. Freiburg: Herder Verlag, 1939.
4. Povijest Hrvata. Knj. 2: Od kraja 15. st. do kraja Prvog svjetskog rata / Mirko Valentić, Lovorka Čoralić. Zagreb: Školska knjiga, 2005.
5. Škunca, Stanko Josip. Toma Niger Mrčić – diplomat i humanist / S. J. Škunca. – Pula, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://https://hrcak.srce.hr/file/18755> – Дата доступа: 01. 09. 2023.
6. Wojtyska H. D. Toma Crnić jedyny Słowianin-nuncjusz w Polsce 1522–1523 // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Historyczne. 1989. Z. 89. S. 139–148.

ТРАДЫЦЫІ І ІНАВАЦЫІ Ў ВЫВУЧЭННІ І ВЫКЛАДАННІ ГІСТОРЫІ БЕЛАРУСІ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

A. E. Verameichyk

*Белорусский государственный университет пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, Verameichyk@bsu.by*

В статье рассматривается трансформация правового регулирования владения, продажи, покупки земельной собственности на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Автор определила основные механизмы правового регулирования земли, выявила особенности в реализации законодательства о распоряжении помещичьими имениями на территории Беларуси в период введения буржуазных реформ, показала влияние внутривнутриполитической и экономической ситуации на реализацию ряда законов по упорядочению частновладельческого земельного права.

Ключевые слова: помещик; буржуазные реформы; капиталистические отношения.

LEGAL REGULATION OF LAND OWNERSHIP IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19th – BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

A. E. Verameichyk

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
(Verameichyk@bsu.by)*

The article examines the transformation of the legal regulation of ownership, sale, purchase of land property on the territory of Belarus in the second half of the 19th – early 20th centuries. The author identified the main mechanisms of legal regulation of land, identified features in the implementation of legislation on the disposal of landowners' estates on the territory of Belarus during the introduction of bourgeois reforms, showed the influence of the internal political and economic situation on the implementation of a number of laws to streamline private land law.

Keywords: landowner; bourgeois reforms; capitalist relations.

Правовое регулирование частной земельной собственности на территории Беларуси на протяжении всего исторического периода не раз претерпевало изменения. Отмена крепостного права в 1861 г., буржуазные реформы, развитие капиталистических отношений в городах и деревнях, восстание Кастуся Калиновского повлекло за собой изменение законодательства, регулирующего частную земельную собственность в Российской империи.

В современной отечественной историографии практически за рамками исследования остались вопросы правового регулирования частной земельной собственности на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Но именно в то время были внесены значительные изменения в право наследования, распоряжения и ведение хозяйственной деятельности в частных владениях.

На территории западных губерний Российской империи законодательные нововведения имели свои особенности, которые были обусловлены традицией отличительного правового положения земельной собственности во время вхождения территорий в состав Великого Княжества Литовского (далее ВКЛ) в сравнении с Российской империей, продолжительным существованием фольварочной системы ведения хозяйства, ориентированной на внешний рынок, более ранним приходом капиталистических отношений на территорию Беларуси в сравнении с другими регионами страны.

В процессе эволюции собственности на землю на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. можно выделить три периода: вторая половина XIX в.; начало XX в.; март – октябрь 1917 г. Социально-экономические изменения, вводимые Крестьянской реформой 1861 г., оказали существенное влияние на дворянскую земельную собственность. Вытеснение феодальных форм земельной собственности буржуазными предполагало прежде всего расширение круга субъектов права и равенства всех социальных категорий перед законом. В перспективе это могло бы привести к превращению даже крестьян в субъекты права земельной собственности и новой системе товарно-денежных и рыночных взаимодействий между собственниками земли из разных сословий [2, с. 6].

Важное значение в этой связи имела деятельность государственного Дворянского и Крестьянского земельных банков. Они были созданы в конце XIX в. с целью оказания помощи помещикам в деле сохранения их земельных владений, с одной стороны, и оказания помощи крестьянам в приобретении земли, с другой [4]. В то же время, несмотря на новые социально-экономические и политические реалии, класс помещиков по-прежнему оставался опорой самодержавия. Поэтому трансформация форм собственности на землю в Российской империи стала показателем противодействия в обществе двух тенденций: феодально-крепостнической и буржуазной.

В этих условиях Свод законов Российской империи (Т. X, Ч. I), включавший гражданское законодательство, объективно способствовал

консервации полуфеодальных отношений в сфере землепользования, поскольку в основном содержал законодательство XVIII–XIX вв. [7, ст. 423]. В основу нового законодательства во второй половине XIX в. был положен Свод законов 1832 г. Причиной использования старого законодательства во время реализации буржуазных реформ стала неразработанность теоретических вопросов земельной собственности. Не существовало в законодательстве чёткого понятия «Право собственности на землю». Отставало и развитие юридической техники, что выражалось в чрезвычайной медлительности и неэффективности работы по систематизации источников права, растянувшейся на весь XIX в., в противоречивости, не системности источников [9, с. 151, 153].

Однако новые тенденции в развитии экономики постепенно влекли за собой расширение круга субъектов права земельной собственности. Несмотря на отставание законодательных документов, буржуазная тенденция проявлялась в медленном, но постепенно ускорявшемся процессе развития капитализма в сфере аграрных отношений под влиянием внутри и внешнеэкономических процессов. К 80-м гг. XIX в. это привело к ликвидации дворянской монополии на землю и постепенному расширению рынка земли. Однако эти изменения практически не коснулись крупных земельных собственников на землю. Статистические данные свидетельствуют, что их численность практически не изменилась. Продавать свои владения стали в основном мелкое и среднее дворянство. Несмотря на переход части помещичьей земли в руки крестьян и представителей других сословий, большая часть земли осталась все равно в руках крупных и крупнейших (от 500 и более десятин на имение) дворян [8, с. 9]. Архивные документы подтверждают и сделки обратного порядка. Дворяне не только продавали, но и покупали землю, в основном у купцов. Покупали дворяне преимущественно участки земли в 100 десятин и менее. Это влияло на рост количества мелких помещиков [5, л. 2–3].

Дворянские имения отличались не только масштабами владений, но и способами ведения помещичьего хозяйства. Крупные помещики чаще, чем другие, пытались вести свое хозяйство капиталистическими методами. Они имели финансовые возможности для модернизации хозяйства. В таких хозяйствах широко использовался труд наемных рабочих, внедрялись новые системы землепользования, покупались более производительные сельскохозяйственные орудия и улучшенные породы скота.

Различия между мелкими, средними и крупными помещичьими хозяйствами отчетливо выявились уже к 80-м гг. XIX в. Стабильные в

экономическом плане хозяйства средних помещиков обладали большими возможностями для приспособления к капиталистическим отношениям. Они были теснее связаны с рынком, у них было больше средств для организации и ведения промышленного производства, что повлекло за собой развитие договорных отношений о найме на работу, выплате заработной платы, условиях аренды земли.

Все помещики, в большей или меньшей степени, испытывали на себе воздействие происходивших в стране процессов. Председатель Комитета министров П. Н. Дурново 2 апреля 1897 г. докладывал императору Николаю II положение дел в помещичьих владениях. В докладе он утверждал, что дальнейшее разорение и обезземеливание дворян неизбежно [11, с. 295]. Для защиты дворянских владений необходима была помощь правительства. В процессе оскудения дворянства И. Н. Дурново выделил два периода: 60-70-е и 80-90-е гг. В 60–70-е гг. XIX в. разорение дворян было следствием недостаточных размеров ссуд, выданных за земли, которые должны были отдаваться на выкуп крестьянам. В значительной мере оно было связано и с прекращением операций Сохранной кассы по выдаче ссуд под залог имений. Помещики остро нуждались в оборотных средствах для ведения хозяйства и найма труда, так как лишились дешёвой рабочей силы в лице бывших крепостных с их инвентарем. Большое влияние оказали высокие процентные ставки по кредитам у частных лиц и в акционерных банках для помещиков. Немаловажным фактором стало и строгое регулирование акцизной политики в производстве алкоголя. Первоначально производства были сокращены, а затем полностью запрещено винокурение дворянами.

Учреждение государственного Дворянского земельного банка, полагал И. Н. Дурново, принесло существенную пользу и предотвратило окончательное разорение многих помещиков. Ситуация резко ухудшилась в 80–90-е гг. XIX в. – годы, когда произошли колебания цен на хлеб и продукты животноводства на мировом рынке из-за неурожаев 1890–1892 гг. и противоречий в пересечении товарами границ с Германией. У многих помещиков едва хватало денег, чтобы рассчитаться с рабочими и сделать взнос в банк. Неуплата процентов в банке могла повлечь продажу имения с торгов. Нехватка денег также приводила к нарушениям крестьянами договоров о найме на работу.

Для защиты прав и улучшения финансового положения дворян Николаем II был выдан рескрипт о создании Особого совещания по делам дворянства. Документ обязывал государственные органы изыскать деньги

для облегчения финансового положения дворянства. Председателем Особого совещания был назначен И. Н. Дурново. Первоначально в состав членов совещания вошли: министр императорского Двора и уделов граф И. И. Воронцов-Дашков, министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, министр юстиции Н. В. Муравьев, министр финансов С. Ю. Витте, а также Н. С. Абаза, А. Н. Куломзин, В. К. Плеве, С. Д. Шереметев, Д. С. Сипягин. Позднее были назначены: граф А. А. Голенищев-Кутузов, товарищ министра внутренних дел князь А. Д. Оболенский, управляющий государственным Дворянским земельным банком князь А. А. Ливен, военный министр А. Н. Куропаткин, министр народного образования Н. П. Боголепов, а также А. С. Стищинский, П. В. Шидловский, П. П. Тыртов, граф Н. А. Протасов-Бахметьев. По личному ходатайству И. Н. Дурново в состав членов Особого совещания были включены отдельные губернские предводители дворянства: рязанского – Л. М. Муромцев, саратовского – П. А. Кривский, тульского – А. И. Арсеньев, петербургского – А. Д. Зиновьев, московского – князь П. Н. Трубецкой, владимирского – М. М. Леонтьев, екатеринославского – А. П. Струков, новгородского – князь Б. А. Васильчиков и харьковского – граф В. А. Капнист. Белорусские губернаторы в состав не были включены.

Таким образом, к концу XIX в. главной особенностью частного землевладения в губерниях на территории Беларуси была принадлежность значительных земельных владений крупным латифундистам. Площадь их владений составляла от 500 и более 1000 десятин. Одновременно произошло увеличение мелких помещичьих хозяйств. Их сохранение и даже увеличение связано с измельчением помещичьего землевладения в пореформенные годы. Это было не только интенсивным переходом дворянской земли в руки представителей других сословий. Значительную роль играло дробление недвижимого имущества (прежде всего земли) в среде самого дворянства. Следует учитывать также, что дворяне не только продавали, но и покупали землю, в том числе у купцов. Дворянские имения отличались не только масштабами владений, но и способами ведения хозяйства. Крупные и крупнейшие помещики чаще, чем другие, пытались вести свое хозяйство капиталистическими методами.

В новой редакции закона понятие «недвижимость» стало включать земли, дома, фабрики, заводы, железные дороги и т. д. В связи с появлением фабрик и заводов в имениях крупных помещиков особое значение приобрело и движимое имущество. В нем центральное место заняли

капиталы, ценные бумаги. Под них могло закладываться недвижимое имущество и выдавались кредиты [8, с. 9]. Именно в это время был тщательно разработан правовой режим недвижимости, включая законы о землевладении. Различалось владение законное и незаконное, временное и пожизненное. Сохранялось деление имущества на родовое и благоприобретенное, то есть полученное не по праву наследования [10, с. 109]. Именно родовое имущество относилось прежде всего к земельной собственности. Благоприобретенное было результатом товарно-денежных операций и не затрагивало земельное имущество. Была предпринята правовая защита дворянской наследственной собственности, которой становилось все меньше по причине развития капиталистических отношений. Накладывались ограничения на распоряжение родовым имуществом путем завещания. Стал существовать перечень «заповедных имений», как неотчуждаемой собственности дворянского рода. Сделки по ним были запрещены. С развитием капиталистических отношений к заповедному имуществу стали причисляться фабрики, заводы, произведения искусства и даже ювелирные ценности, находящиеся на территории таких владений.

Не последнюю роль в земельном праве сыграли события восстания на территории Беларуси 1863–1864 гг. под руководством Кастуся Калиновского. Его сторонники выступали за возрождение Речи Посполитой в границах до ее первого раздела в 1772 г. Значительная часть крупных помещиков, владевших землями на территории Беларуси, которые приносили им значительные доходы, проживала за границей и являлась подданными других стран. При этом они испытывали надежды на победу восстания. После подавления восстания российское правительство поняло острую необходимость в принятии незамедлительных решений по поводу подданства помещиков. Проблема была решена в рамках принятия закона от 10 февраля 1864 г. Поданным других стран запрещалось владеть землей на территории Российской империи. Новое законодательство повлекло за собой и изменения в налогообложении. Для граждан других государств, занимавшихся предпринимательской деятельностью, оно было больше. За принятием законов последовало возвращение из-за границы многих помещиков на постоянное место жительства в Российскую империю. Началось восстановление и реконструкция старых усадеб на территории Беларуси, возведение новых архитектурных комплексов.

Сформировавшееся во второй половине XIX в. понимание права собственности, включавшее и нормы земельного владения, оставалось

неизменным и в начале XX в. Именно в это время регулирование земельных отношений стало строго упорядоченным. Важную роль в этом сыграли буржуазные реформы, включенность собственников земли в коммерческие отношения, открытие фабрик и заводов, кредитование частного дела [12, с. 35].

Таким образом, в XIX в. формирование системы правового регулирования частной земельной собственности на территории Беларуси проходило под влиянием процессов поземельных отношений в Российской империи и внутривосточного и экономического развития страны. XIX в. принес значительные изменения в законодательство о владении землей. В начале XIX в. земельное право имело сложную структуру и в основном включало в себя законы о владении, пользовании и распоряжении землей. Буржуазные реформы второй половины XIX в., восстание Кастуся Калиновского и последовавшее за ним принятие ряда законов для упорядочения права на земельные владения привели к тщательной разработке правового режима недвижимости. С развитием товарно-денежных отношений органы государственного управления приспособили законодательство в области земельного права к капиталистическим отношениям. Появилась необходимость формирования цивилизованного земельного рынка. Постепенно земельная собственность юридически вошла в более широкий правовой термин «имущество», которое стало включать землю и все недвижимое имущество на ней. Произошел переход от монополии владения землей к монополии хозяйствования на ней. Она не зависела от сословной принадлежности земельного собственника. Сформировавшееся во второй половине XIX в. понимание права собственности на землю оставалось практически без изменений в начале XX в.

Библиографические ссылки

1. Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 3 / [разработка материалов под руководством В. И. Масальского, Н. Е. Лесникова]. СПб., 1902. Вып. 3. С. 298–327.
2. Поткина И. Предприниматель и закон // Былое. 1993. № 6. С. 5–11.
3. Проскурякова И. А. Государственный Дворянский земельный банк и его заемщики // Россия сельская: XIX – начало XX века. М., 2004. С. 204–211.
4. Отчет Государственного дворянского земельного банка. Санкт-Петербург, 1888–1916.
5. Российский государственный исторический архив. Ф. 1283. Оп. 1 (1897 год). 1-е делопроизводство. Д. 236.
6. Свод законов Российской империи. Т. IX: Законы о состояниях. СПб., 1899.
7. Свод законов Российской империи. Т. X, ч. 1: Законы гражданские. СПб., 1900.

8. Свод статистических материалов, касающихся экономического положения сельского населения Европейской России. СПб.: издание Канцелярии Комитета министров, 1894.

9. Симонова М. С. К изучению процесса формирования буржуазной земельной собственности в Европейской России (1862–1914) // Проблемы исторической географии России. Вып. 2: Формирование экономических районов России. М., 1982. С. 151–153.

10. Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России, 1861–1905 гг. 2-е доп. изд. СПб., тип. Акц. о-ва тип. дела, 1911.

11. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973.

12. Шестаков А. В. Капитализация сельского хозяйства России: От реформы 1861 г до войны 1914 г. / ред. проф. П. И. Лященко. М., 1924.

БЕЛОРУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О БРЕСТСКОМ МИРНОМ ДОГОВОРЕ

В. А. Будницкий

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, bydnitski@gmail.com*

Брестский мир, как одно из важнейших событий XX в., сыграл значительнейшую роль в истории Беларуси. Данное событие не могло не быть отражено в научных, научно-популярных, публицистических изданиях и т. д. Однако процесс изучения истории подписания данного мирного договора, его влияния на последующие исторические события начался не сразу. Особенно данный факт отчетливо проявился в отечественной историографии. После того как земли Беларуси вошли в состав Союза Советских Социалистических Республик тема Брестского мирного договора не получила широкого освещения в белорусской историографии. При этом постепенно все же был создан ряд интереснейших работ, касающихся Брестского мира. В статье приведено описание научных работ, созданных в рамках белорусской историографии периода СССР.

Ключевые слова: Брестский мир; Беларусь; мирный договор; отечественная историография.

BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE USSR PERIOD ABOUT THE BREST PEACE TREATY

V. A. Budnitskiy

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, bydnitski@gmail.com*

The Brest Peace, as one of the most important events of the XX century, played a significant role in the history of Belarus. This event could not but be reflected in scientific, popular science, journalistic publications, etc. However, the process of studying the history of the signing of this peace treaty and its impact on subsequent historical events did not begin immediately. This fact was especially clearly manifested in the national historiography. After the lands of Belarus became part of the Union of Soviet Socialist Republics, the topic of the Brest Peace Treaty was not widely covered in Belarusian historiography. At the same time, a number of interesting works concerning the Brest world were created. The article describes these works created within the framework of the Belarusian historiography of the USSR period, and also defines the nature of the relationship between the Belarusian and Soviet historiographical representation.

Keywords: Brest Peace; Belarus; peace Treaty; Russian historiography.

Брестский мир являлся очень важным событием в истории Беларуси. Однако в советский период отдельной белорусской историографии Первой мировой войны и в том числе Брестского мира практически не существовало. Она была составной частью общей историографии СССР. Не стоит отрицать, что в советский период создавались работы, специально посвященные Брестскому миру. Е. И. Каплуновская отмечает, что главным

видом изучения Брестского мира в СССР является научная статья, их было издано 129, монографий – 44, брошюр – 33. [1, с. 6].

В изучении Брестского мира выделяют такие основные периоды как: 1918 г. – начало 30-х гг.; начало 30-х – середина 50-х гг.; с середины 50-х гг. по 1991 г. Первый и третий периоды имеют свои подпериоды. В основу данной периодизации положен принцип концептуального анализа проблемы. Периоды, выделенные в рамках данной классификации, имеют прямую взаимосвязь с политическими изменениями, которые происходили в СССР. Так, на работы первого периода значительное влияние оказал тот факт, что свершившиеся события, связанные с подписанием мира и его последствиями, были в памяти очевидцев. Поэтому, как правило, чувственное восприятие превосходит над аналитическим подходом. Также в этот период происходили события, связанные с укреплением авторитарной власти в стране и усилением борьбы за политическое лидерство, что наложило отпечаток на освещение позиций оппонентов Брестского мира. На второй этап повлияло формирование тоталитарной, командно-административной системы, установление режима личной власти И. В. Сталина, массовые политические чистки и т. д. Период с середины 50-х гг. по 1991 г. можно разделить на отдельные подпериоды. Значительнейшими факторами явились «хрущевская оттепель», «брежневский застой» и начало «перестройки» и т.д. [1, с. 8–23].

Чаще всего советские историки рассматривали Брестский мир совместно с исследованием вопроса борьбы большевиков за выход России из войны, победой Октябрьской революции, вопросов, связанных с аннулированием Брестской системы межгосударственных отношений на востоке Европы. В советской историографии нашла отражение внутрипартийная борьба среди большевиков и межпартийная борьба вокруг вопроса о войне и мире. Исследовались военная предыстория и история Брестского мира, борьба трудящихся масс против оккупационного режима, политика германских оккупантов, деятельность государств Антанты по срыву Брестского мира [2, с. 4–5].

В белорусской советской историографии, как и в общесоветской, определяется грабительский характер Брестского мира. Брестский мир не пользовался в это время большой популярностью, упоминался редко или вообще игнорировался. Если и упоминался, то чаще всего в контексте проблем национально-государственного строительства в Беларуси, Октябрьской революции, иностранной военной интервенции и гражданской войны на территории Беларуси. Эти темы начали осмысливать

из-за проблемы становления белорусской национальной государственности в советской форме. Так, работы 1930-х гг. характеризуются синтезом ряда выше описанных проблемных полей. Так, в работе А. Г. Червякова мирный договор упоминается там, где критикуется позиция деятелей белорусского национального движения, а заключение мира используется в связке с заявлениями И. В. Сталина и Л. Д. Троцкого о том, что советская делегация на переговорах представляет весь белорусский народ. Однако свидетельство о том, что белорусская делегация не была допущена на переговоры, опускается [3, с. 30–54].

В 1930-е гг. и до начала 1960-х гг. в белорусской историографии господствовала та же концепция, что и в основных научных центрах – Москве и Ленинграде. Брестский мир, как и собственно Первая мировая война, рассматривался в контексте других исторических событий, которые для советского государства считались наиболее важными. Огромная роль отводилась вопросу германской военной интервенции, оккупационного режима в Беларуси, созданию и деятельности большевистских организаций [4, 5].

Активное расширение источниковой базы и некоторая либерализация идеологического контроля позволили расширить тематику исследований. Начали изучаться вопросы о роли классов и партий в революционных событиях в Беларуси, в заключении «солдатских миров», а также государственное строительство в Западной области, деятельность белорусских политических партий, военно-дипломатическая история Брестского мира и т.д. [6, с. 10]. Эти моменты отражены в работах В. Г. Ивашина, В. Я. Науменко, С. З. Почанина, Г. М. Трухнова и др. [7; 8; 9; 10]. Весомый вклад в белорусскую советскую историографию Брестского мира внес Г. М. Трухнов. В работе 1974 г. «Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.)» он выделил не только причины, заставившие Германию сесть за стол переговоров, но и раскрыл их ход и содержание [10].

Период с середины 1980-х гг. и до начала 1990-х гг. явился новым этапом в изучении Первой мировой войны, что связано с «перестройкой». В это время уменьшилось идеологическое влияние на исследователей. Они получили больше доступа в архивы, что привело к более объективному и детальному изучению истории. В этот период все чаще появляются работы, посвященные непосредственно Брестскому миру. Из авторов данного периода можно выделить А. Е. Бовина, Н. С. Сташкевича, А. П. Ефимкина; также активно продолжал работать И. М. Игнатенко и др. [11; 12; 13].

Большое значение имеет вышедшая в 1988 г. статья М. В. Сафонова «Аб фальсіфікацыі гісторыі заключэння Брэсцкага міру» В ней автор исследует зарубежную историографию в части оценок историками Брестского мира и роли партии большевиков в данном событии. Автор критикует исследователей Дж. Бредли и Ф. Р. Далеса и приведённое ими положение о том, что выход из войны советской России – это предательство союзников. М. В. Сафонов, ссылаясь на В. И. Ленина, в русле советской историографии пишет, что Первая мировая война была конфликтом между империалистическими и капиталистическими странами. Автор, опираясь на имеющиеся у него источники и материалы, резко критикует оценки Ф. Р. Далесом деятельности Ленина и большевиков [14].

В 1990 г. вышла коллективная работа «Иностранная военная интервенция в Беларуси, 1917–1920 гг. », авторы которой анализируют планы стран запада по интервенции против советского государства и особый акцент делают на планах германского генералитета и высших слоев общества. Во многом авторы повторяют сложившуюся до них концепцию. Они утверждают, что сложное экономическое, стратегическое положение и расширение революционных идей, война на два фронта и желание высвободить войска для борьбы на западе заставляли германских империалистов согласиться на мирные переговоры. Однако исконным желанием Германии было как можно скорее разбить Россию. Германия думала навязать как можно более жесткий мир и после этого с помощью полученных ресурсов и высвободившихся сил разбить Антанту. Далее авторы приводят ряд историографических фактов, касающихся хода переговоров и наступления германских войск. Они расценивают Брестский мир как способ большевиков остановить уничтожение советского государства мировым империализмом [15, с. 68–75].

Касательно документов и материалов, посвященных Брестскому мирному договору, можно отметить, что они содержатся в большей своей массе в сводных изданиях, посвященных Первой мировой войне, Октябрьской революции, иностранной военной интервенции и Гражданской войне, национально-государственному строительству в СССР [16; 17; 18].

В целом проблема заключения Брестского мира не получила широкого освещения в белорусской советской историографии. Это связано с тем, что история советско-германских отношений в то время изучалась преимущественно в крупнейших научных центрах СССР – Москве и Ленинграде. В связи с этим белорусская историография имеет схожую

периодизацию с общесоветской: 1918 г. – начало 1930-х гг.; начало 1930-х – середина 1950-х гг.; середина 1950-х гг. – до 1991 г. Вопросы, которые рассматривались в рамках белорусской историографии, в основном совпадали с теми, что рассматривали исследователи в основных научных центрах СССР. Первая мировая война и Брестский мир рассматривались в контексте деятельности коммунистической партии по сохранению завоеваний Октябрьской революции и реализации ленинских принципов внешней политики, внутривластной борьбы среди большевиков и межпартийной борьбы в Советской России вокруг вопроса о войне и мире, вокруг советского национально-государственного строительства во время действия Брест-Литовской международной системы. Часто исследовалась борьба трудящихся масс против германо-австрийского оккупационного режима, политика германских оккупантов на захваченных территориях и планы германских правящих кругов в отношении России и ее отдельных территорий, деятельность государств Антанты и российских антибольшевистских сил по срыву Брестского мира. Белорусская проблематика не находила отражения или очень редко появлялась в монографиях, коллективных работах, статьях, а деятели белорусского национального движения показывались только в негативном ключе.

Библиографические ссылки

1. Каплуновская Е. И. Внутривластная дискуссия о Брестском мире. Источники, историография : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07. 00. 01. / Харьковский государственный университет им. А. М. Горького; Харьков, 1990.
2. Трацяк С. А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917-студзень 1919 г. Мінск: Беларуская навука, 2009.
3. Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. Мінск: «Гістпартадзел ЦК КП(б)Б», 1927.
4. Бугаев Е. Возникновение большевистских организаций и образование Компартии Белоруссии. М.: Госполитиздат, 1959.
5. Игнатенко И. М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг.). Минск: Изд-во М-ва высшего, среднего специального и профессионального образования БССР, 1962.
6. Трацяк С. А. Абвяшчэнне Беларускай Народнай Рэспублікі ў кантэксте Брэст-Літоўскай міжнароднай сістэмы // Весці НАН Беларусі. Сер. гум. навук. 2002. № 2. С. 56–61.
7. Ивашин В. Г. Большевики Белоруссии и Западного фронта в борьбе за осуществление ленинского Декрета о мире. Минск: Изд-во БГУ, 1972.
8. Науменко В. Я. Брестский мир // Брест: ист. -экон. очерк. Минск, 1977. С. 71–76.
9. Почанин С. З. Большевистские организации в Белоруссии в борьбе за Советскую власть в 1918 г. Коммунистическая партия в борьбе за мир // В бурном восемнадцатом. Минск: Беларусь, 1969. С. 33–49.

10. Трухнов Г. М. Из истории советско-германских отношений (1920–1922 гг.). Минск: Изд. БГУ, 1974.
11. Бовин А. Е. Брестский мир: в зеркале истории // Коммунист Белоруссии. 1988. № 3. С. 29–36.
12. Ефимкин А. П. Мы заплатили немецким империалистам золотом... // История СССР. 1990. № 5. С. 147–151.
13. Сташкевич Н. С. Почему не состоялась БНР? // Дары Данайцев / сост. Я. Н. Осинский. Минск, 1987. С. 90–152.
14. Сафонаў М. В. Аб фальсіфікацыі гісторыі заключэння Брэсцкага міру // Весці АН БССР. Сер. грам. навук. 1988. № 4. С. 47–53.
15. Селиванов П. А. Политические и военные цели интервенции // Иностранная военная интервенция в Беларуси, 1917–1920 гг. / И. М. Игнатенко [и др.]; редактор: С. Д. Войтович [и др.]. Минск : Наука и техника, 1990. С. 62–75.
16. Борьба за Советскую власть в Белоруссии, 1918 – 1920 гг. : Сб. документов и материалов: В 2 т. Т. 1. Минск: Беларусь, 1968.
17. Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 г. – 1920 г.) Сб. документов и материалов. Минск: Изд-во АН БССР, 1961.
18. Резолюция Облискомзапа об одобрении решения Советского правительства заключить мир с Германией, 4 марта 1918 г. // По воле народа: из истории образования БССР и создания КПБ : документы и материалы / сост. : М. Ф. Шумейко [и др.]. Минск: Беларусь, 1988. С. 52.

ОТОБРАЖЕНИЕ В ЛЕТОПИСЯХ МОСКОВСКОЙ И ЛИТОВСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ XVI ВЕКА

А. А. Жданов¹, Н. Д. Тихонов²

¹ *Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, пр. Вернадского, 76, 19454, г. Москва, Россия, zhdanov2107@inbox.ru*

² *Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, пр. Вернадского, 76, 19454, г. Москва, Россия, niktikh0305@gmail.com*

В данной статье рассматривается вопрос формирования коллективной идентичности в двух государственных образованиях позднего Средневековья – Великих княжествах Московском и Литовском. В исследовании авторы опираются на анализ проблемы идентичности С. Хантингтоном и исторические источники, а именно две летописи обозначенного периода – литовскую Хронику Быховца и московскую Ермолинскую летопись. На основе обозначенных материалов выделяются основные черты коллективной идентичности XVI века обоих великих княжеств. Делается вывод об особой важности вооруженных конфликтов и внешних угроз данного периода истории для формирования как московской, так и литовской самоидентификации.

Ключевые слова: Великое княжество Московское; Великое княжество Литовское; идентичность; Позднее Средневековье.

THE REPRESENTATION IN THE CHRONICLES OF MOSCOW AND LITHUANIAN IDENTITIES OF THE XVI CENTURY

A. A. Zhdanov¹, N. D. Tikhonov²

¹ *Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vernadskogo Avenue, 76, 19454, Moscow, Russia, zhdanov2107@inbox.ru*

² *Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Vernadskogo Avenue, 76, 19454, Moscow, Russia, niktikh0305@gmail.com*

This article examines the issue of collective identity genesis in two state formations of the Late Middle Ages – the Grand Duchies of Moscow and Lithuania. In the study the authors rely on the analysis of the identity problem by S. Huntington and historical sources, namely two chronicles of the designated period – Lithuanian Chronicle of Bykhovets and Muscovite Yermolinsky Chronicle. On the basis of these materials the main features of the collective identity of both grand duchies in the XVI century are highlighted. The conclusion is made about the formidable role of armed conflicts and external threats in that period of history for the genesis of both Moscow and Lithuanian self-identifications.

Keywords: Grand Duchy of Moscow; Grand Duchy of Lithuania; identity; Late Middle Ages.

Позднее Средневековье и Раннее Новое время ознаменовали собой кардинальные перемены не только в социально-экономической жизни

европейского общества, но и в сознании правителей, элиты и даже народных масс, где постепенно вместо династического принципа начинает доминировать национальный. Хотя окончательно система международных отношений была определена как совокупность наций-государств в 1648 г. с заключением Вестфальского мира, путь к этому начался раньше, с появлением первых, еще прото-национальных идентичностей и противопоставления их друг другу. Целью данного исследования является выявление таких идентичностей у Великих княжеств Московского и Литовского и их анализ на предмет сходных и отличающихся аспектов. Также авторами предпринята попытка обозначить те исторические события, которые сыграли ключевую роль в формировании московской и литовской идентичностей, оказали непосредственное влияние на их содержание. Стоит отметить, что процессы конструирования самосознания, начало которым было положено в XV в., продолжают оказывать серьезное влияние на восточноевропейскую подсистему международных отношений, поэтому данное исследование представляется авторам актуальным и в наши дни.

Концепция идентичности остается не до конца определенной в научном сообществе. Ее изучением занимались такие видные исследователи, как А. Вендт, Н. Онуф, Б. Андерсон и С. Хантингтон. В рамках данной работы авторы решили остановиться на методологической рамке, задаваемой именно концепцией Хантингтона, так как он предлагает в качестве стартовой точки процесса формирования национальных идентичностей в Европе именно XV век [8, с. 61], что совпадает с временными рамками анализа данной статьи. Для Хантингтона важнейшую роль в процессе формирования идентичностей европейских народов сыграли войны и в целом наличие определенного врага [8, с. 55–61], что обосновывает особое внимание авторов в ходе исследования к летописным описаниям вооруженных конфликтов, в которых Москва и Литва принимали участие. В качестве метода данной работы была выбрана компаративистика и анализ исторических документов.

В рамках данной статьи анализируются две летописи: литовская Хроника Быховца и московская Ермолинская летопись. Выбор этих летописей обусловлен тем, что они в наибольшей степени из сохранившихся источников независимы от великокняжеского мнения, выражая тем самым позицию не только великого князя и его ближайшего окружения, что позволяет более объективно реконструировать основные аспекты московской и литовской идентичностей. Так, автор Ермолинской

летописи позволяет себе достаточно критично оценивать московскую администрацию и великого князя [10, с. 14], но в то же время в первой своей части летопись близка к Московскому великокняжескому своду 1479 г. [5, с. 265]. Так что и позиция великокняжеского престола, безусловно важного актора конструирования московской идентичности конца XV в., частично сохраняется. Похожая ситуация наблюдается и в случае с Хроникой Быховца. Как указывает Н. Н. Улащик, хронист, составивший эту летопись, был близок к «верхушке феодалов Великого княжества», а в случае столкновения интересов великого князя и аристократов явно выступает защитником последних [9, с. 26–27]. В случае с Хроникой Быховца важно и то, что хронист достаточно вольно переписал исходный материал: некоторые исследователи замечают, что имела место быть «насильственная, искусственная группировка» [1, с. 14]. Поэтому Хроника требует «критического отношения» [4, с. 23]. В силу этого Хроника Быховца не всегда может рассматриваться как надежный источник по описываемому в ней периоду, но зато данная ее особенность позволяет анализировать Хронику в этой работе для реконструкции взглядов литовской элиты того времени, к которой был близок и сам хронист.

Таким образом, именно эти две летописи позволяют наилучшим образом реконструировать формируемое у литовской и московской военно-политическими элит восприятие себя и других, а не только великокняжескую позицию. Переходя к сравнительному анализу Ермолинской летописи и Хроники Быховца, стоит отметить, что позиции и цели Москвы и ВКЛ относительно земель Северо-Восточной Руси, в частности, и других акторов в Восточной Европе данного периода во многом были похожи. Так, ВКЛ долгое время рассматривалась как альтернативный и равный Москве центр объединения [2, с. 76], а влияние военно-политических элит Москвы и ВКЛ друг на друга было достаточно сильным. Например, ВКЛ некоторыми исследователями даже рассматривается как стабилизирующий фактор разгорающейся во второй четверти XV в. внутримосковской усобицы [3, с. 30]. Поэтому и восприятия «других», столь необходимые для формирования идентичности [8, с. 52–53], у двух великих княжеств были схожими. В силу этого авторами были выделены два ключевых аспекта формирования идентичности, которые прослеживаются и в Хронике Быховца, и в Ермолинской летописи, а также по одному отличающемуся аспекту в московской и литовской летописях. К общим чертам относятся исключительная важность противостояния с «татарами» при почти нейтральном отношении к другим противникам,

ссылки на православную веру как фактор принятия решений. Отличными особенностями в случае Литвы является обоснование справедливости военных конфликтов с внешними силами, а в случае Москвы – определенная настороженность региональных элит к власти великого князя, которая еще сохраняется в XVI веке в ходе продолжающегося и еще незавершенного процесса формирования централизованного государства [7, с. 34].

В Хронике Быховца первое упоминание «татар» встречается при описании конфликта полумифического великого князя Рингольда с русскими князьями. Тогда же хронист впервые говорит о помощи со стороны бога литовским войскам против «орды татарской» [9, с. 41], хотя до принятия христианства Литвой оставалось еще более века, то есть таким образом, вероятно, подчеркивается исключительная важность этой битвы. Можно предположить, что хронист осуждает союз с татарами, борьба против такого союза оказывается достойна помощи Бога, даже если эта помощь оказывается язычнику. В то же время, в Хронике совсем не содержится упоминаний попытки Ягайло соединиться с войсками Мамай летом 1380 г. Так что хронист, вероятно, стремится не подчеркивать этот эпизод литовской истории. Для сравнения, заключаемые литовскими князьями военные союзы с русскими [9, с. 87] или даже немецкими [9, с. 70–71] силами не критикуются автором Хроники. Они воспринимаются скорее как нормальное явление, не заслуживающее какого-либо оценочного суждения. Наконец, кульминация литовско-татарского противостояния – битва на Ворскле 1399 г., описывается наиболее подробно [9, с. 74–75] из всех упомянутых в Хронике битв. Московское восприятие татар во многом сходится с литовским. В Ермолинской летописи татары предстают неким «сущим злом», разрушающим города и села, но при этом главная сила, способная их остановить – это православная вера [6, с. 169]. Так, после молебнов митрополита в 1451 г. полчище орд вернулось восвояси. Постепенно, ближе к правлению Ивана III, летописец признает московскую власть в статусе фаворита в татаро-московском противостоянии: теперь князь уже спокойно может совершать походы на Казань, татары как враги теряют образ «непобедимого врага» [6, с. 172].

Перейдем теперь ко второму обозначенному аспекту литовской и московской идентичностей. Обе летописи рассматривают православную веру как безусловно важную составляющую своей истории и культуры. В литовской летописи хронист противопоставляет жестокое язычество и христианство на примере Войшелка, который до крещения, по

утверждению летописца, убивал «всякий день по три и по четыре», тогда как после принятия христианства Войшелк описывается летописцем как мудрый и доблестный правитель [9, с. 43–44]. После этого постепенно все чаще при описании битв упоминается Бог как помогающая литовским войскам высшая сила. В то же время ссылки на веру присутствуют и при описании конфликтов Литвы с княжествами Северо-Восточной Руси: когда летописец стремится показать несправедность действий противников Вильно, он ярко описывает их «нехристианское поведение» [9, с. 58]. В Ермолинской летописи вопрос веры также играет важную роль в контексте московско-литовского противостояния: Витовт осуждается митрополитом Фотием за попытку основать отдельную от Москвы Литовскую православную митрополию: имена всех, кто приобщаются к Литовской митрополии, «прокляты и извержены» [6, с. 146].

Третий аспект литовской идентичности неоднородно прослеживается в Хронике Быховца. Если при описании событий, происходивших в XIII – середине XIV в. хронист никак не обосновывает вооруженные столкновения литовских князей с тем или иным соседом, то начиная со второй половины XIV в. краткое доказательство справедливости литовской внешней политики, чаще всего это обоснование приводится при описании вооруженных конфликтов с Москвой, которая постепенно становится главным конкурентом уже ВКЛ на территории Северо-Восточной Руси, где с конца XV в. разграничиваются и сферы влияния между московским и литовским объединительными центрами [2, с. 125]. Данный аспект литовской идентичности в определенной степени следует из первых двух: хронист либо ссылается на союз москвичей (при описании событий XV–XVI вв. уже не используется термин «русский») с татарами [9, с. 96, 110, 114], либо на их «нехристианское» поведение и нарушение договоров [9, с. 68].

Третий аспект московской идентичности заключается в достаточно серьезной критике великокняжеской власти и ее посредников региональными элитами, к которым был близок автор Ермолинской летописи. Летописец описывает, например, как Василий II Темный казнит серпуховских дворян в Великий пост [6, с. 163]. При этом оценивая наместников великокняжеской администрации как посланников дьявола [5, с. 266]. В то же время военные походы Ивана III поощряются – ввиду борьбы с общим врагом (с ханствами). Таким образом, несмотря на антипатию автора к московской власти, монгольские орды считаются главным врагом, – и военные кампании Москвы, тем самым,

воспринимаются уже положительно. Московская власть становится объектом критики со стороны летописца по многим проблемам, но не в вопросах внешней политики и обеспечения безопасности подвластных Москве территорий, в чем можно видеть свидетельство незавершенности процесса централизации государства и сохраняющегося напряжения между Москвой и региональными элитами, что не наблюдалось в Великом княжестве Литовском.

Таким образом, на основе рассмотренных летописей можно сделать вывод о наличии определенных аспектов формирующихся в XVI в. коллективных идентичностей двух великих княжеств. Для каждого государственного образования были выделены три особенности, причем первые две достаточно сильно схожи в силу во многом подобия путей исторического развития. Третий, различающийся, является таковым в силу сложившихся к XVI в. различий между московским и литовским государственными образованиями. Также, в ходе анализа фрагментов летописей, соответствующих выделенным аспектам как московской, так и литовской идентичностей, можно заметить намечающуюся тенденцию к московско-литовскому противостоянию.

Библиографические ссылки

1. Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев: Типография Е. Я. Федорова, 1885.
2. Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX–начала XX в. М.: Политиздат, 1991. С. 76–126.
3. Зимин А. А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М.: Мысль, 1991.
4. Любавский М. К. Очерки истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Императорское общество истории и древностей российских, 1910.
5. Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. Очерки и исследования. М.: Наука, 1969.
6. Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянской культуры (ЯСК), 2004.
7. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М.: Издательство АН СССР, 1962.
8. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: Изд-во АСТ, 2004.
9. Хроника Быховца. М.: Изд-во «Наука», 1966.
10. Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904.

ЗАКАНАДАЎЧЫЯ АСНОВЫ ДЗЕЙНАСЦІ СІРОЦКІХ СУДОЎ НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У КАНЦЫ ХVІІІ – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ ст.

К. Р. Кімбар

Дзяржаўная навуковая ўстанова «Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі», вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь, katsyaryna.kimbar@yandex.ru

Разгледжана эвалюцыя заканадаўства Расійскай імперыі, якое рэгулявала дзейнасць сіроцкіх судаў і дзейнічала на беларускіх землях у канцы ХVІІІ – першай палове ХІХ стст. На аснове заканадаўчай базы вызначаны паўнамоцтвы і месца органа ў судовай сістэме, правілы ўсталявання апекі над асобамі з саслоўя гарадскіх абывацеляў і іх маёмасцю.

Ключавыя словы: беларускія землі; заканадаўства; гарадскія абывацелі; апека; сіроцкія суды.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИРОТСКИХ СУДОВ НА БЕЛАРУСКИХ ЗЕМЛЯХ В КОНЦЕ ХVІІІ – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ХІХ ВВ.

Е. Г. Кімбор

Государственное научное учреждение «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, katsyaryna.kimbar@yandex.ru

Рассмотрена эволюция законодательства Российской империи, регулировавшее деятельность сиротских судов и действовавшее на белорусских землях в конце ХVІІІ – первой половине ХІХ вв. На основе законодательной базы определены полномочия и место органа в судебной системе, правила учреждения опеки над лицами из сословия городских обывателей и их имуществом.

Ключевые слова: территория Беларуси; законодательство; городские обыватели; опека; сиротские суды.

LEGISLATIVE BASE FOR THE ACTIVITY OF ORPHAN COURTS IN THE BELARUSIAN GOVERNORATES AT THE END OF THE 18TH - THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES.

К. R. Kimbar

State scientific institution «The Institute of History of The National Academy of Sciences of Belarus», Akademičnaja street, 1, 220072, Minsk, Belarus, katsyaryna.kimbar@yandex.ru

The evolution of the legislation of the Russian Empire, which regulated the activities of orphan courts and operated in the Belarusian governorates at the end of the 18th - the first half of the 19th centuries, is considered. On the basis of the legislative framework, the powers and place of this institution in the judicial system, the rules for establishing guardianship over persons from the urban estate and their property are determined.

Keywords: Belarusian governorates; legislation; urban estate; guardianship; orphan courts.

Заканадаўчыя нормы, якія рэгулявалі апеку над сіротамі і ўдовамі, пачалі распрацоўвацца ў Расійскай імперыі ў канцы XVIII ст. Гэтае заканадаўства стала дзейнічаць і на беларускіх землях пасля іх далучэння да Расійскай імперыі ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай. Для апекавання над удовамі і сіротамі з саслоўя гарадскіх абывацеляў у Расійскай імперыі паводле «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» 4 лістапада 1775 г. ствараліся сіроцкія суды. Як гаварылася ў дакуменце, «...В городском Сиротском Суде председатель Городской Глава и заседают два Члена Городового Магистрата, и Городовой Староста» [1, с. 232]. Цалкам сіроцкім судам была прысвечана глава XXI «Учреждений». Паводле дакумента, сіроцкі суд мусіў засноўвацца пры кожным гарадавym магістраце для апекі над купецкімі і мяшчанскімі ўдовамі і сіротамі [1, с. 261]. Законам не ўсталёўвалася перыядычнасць пасяджэнняў сіроцкага суда, а агаворвалася, што «будучи всегда на лицо, может заседать, когда дело будет» – такім чынам, колькасць пасяджэнняў не абмяжоўвалася. Сіроцкія суды падпарадкоўваліся губернскім магістратам і штогод давалі ім справаздачы пра становішча маёмасці пад апекай у горадзе. Абскардзіць рашэнне сіроцкіх судоў можна было таксама ў губернскім магістраце [1, с. 262–263].

Тэкст закона пра ўсталяванне апекі сіроцкім судом вельмі падобны на апісанне дзейнасці дваранскіх апек (аналагічных па функцыях органаў, але створаных для дваранскага саслоўя) у XVI главе «Учреждений о губерниях» [1, с. 247–251]. Для таго, каб сіроцкі суд усталяваў апеку, трэба было хадайніцтва зацікаўленага боку: гарадскага главы, удавы, бліжэйшых сваякоў малалетніх сірот або сведчанне двух пабочных асоб і прыходскага святара (які павінен быў паведамляць сіроцкаму суду пра тых жанчын і дзяцей, якія згубілі кармільца і засталіся без апекі ў яго прыходзе). Таксама ініцыятарамі апекі маглі выступаць дзяржаўныя інстанцыі: губернскае праўленне, палаты суда, губернскі магістрат або іншая судовая ўстанова [1, с. 261].

Удовам з саслоўя гарадскіх абывацеляў сіроцкія суды абавязваліся прадстаўляць іх інтарэсы ў іншых дзяржаўных інстанцыях, гарантавалі ім бясплатныя паслугі страпчых і імкнуліся «доставить принадлежащее им имение движимое и недвижимое, как то дворы, лавки, фабрики и тому подобное». Сіроцкія суды вырашалі і дакладвалі губернскаму магістрату, ці будучь удава і яе дзеці жыць разам ці асобна. Можна меркаваць, што такія

рашэнні прымаліся ў выпадках асобнага валодання маёмасцю, у тым ліку нерухомай. Калі ж удава не мела маёмасці ва ўласнасці, сіроцкі суд мусіў для яе «доставить пристанище и пропитание, или работу приличную [...] состоянию». Пры жаданні ўдавы ёй прызначаўся папячыцель з купцоў ці мяшчан «для совета и защиты во всех ее делах» [1, с. 262].

Працэдура ўсталявання апекі над сіротамі пачыналася з таго, што сіроцкі суд «осведомляется об имени малолетнаго». Калі маёмасць існавала, сіроцкі суд прызначаў апекуноў [1, с. 261]. Адметна, што апека з боку сіроцкіх судов па заканадаўстве ўсталёўвалася ў першую чаргу над маёмасцю ў мэтах яе захавання, а не над асобай дзіцяці-сіраты. Дзецьмі-сіротамі з саслоўя гарадскіх абывацеляў, якія не мелі маёмасці, павінен быў займацца прыказ грамадскай апекі і яго ўстановы, такія як сіроцкія прытулкі. Ва «Учреждениях о губерниях» прапісвалася таксама другое рашэнне: «Буде же малолетный остался без всякаго имени, тогда Городовой Сиротский Суд старается поместить малолетнаго по состоянию его или в общественных для сырых училищах, или у доброхотных людей, дабы научился науке, или промыслу, или ремеслу, и доставлен был ему способ учиниться добрым гражданином» [1, с. 262].

Перш за ўсё, апекунамі сірот з саслоўя гарадскіх абывацеляў павінны былі стаць тыя асобы, каго вызначылі ў сваім духоўным тэстаменце памерлыя бацькі сіраты. Калі ў тэстаментах не было адпаведных распараджэнняў, то апекуноў прызначалі менавіта сіроцкія суды. На месца апекуна маглі прэтэндаваць як сваякі, так і пабочныя асобы для малалетніх сірот, «кои добродетельными качествами, честностию и незазорным поведением более подают надежды к призрению малолетнаго в здравии, добронравном воспитании и достаточном содержании по его состоянию, и от которых отеческаго попечения к малолетному ожидать непременно можно» [1, с. 261]. У арт. 300 гл. XXI «Учреждений о губерниях» пералічвалася, каго апекунамі прызначаць нельга: тых, хто растраціў свой або бацькоўскі маёнтак, банкрута купца або мешчаніна, асоб, вядомых сваімі заганамі, ці тых, хто знаходзіўся пад судовым пакараннем, а таксама тых, хто меў сваркі з бацькамі малалетніх сірот [1, с. 262].

Пасля прызначэння апекуноў сіроцкія суды загадвалі ім пры ўдзеле сакратара гарадавога магістрата і двух пабочных сведкаў зрабіць падрабязны вопіс усёй маёмасці, якая засталася ад памерлых у спадчыну сіраце. Адна копія вопісу з усімі подпісамі перадавалася ў сіроцкі суд, а другую пакідаў сабе апякун. Сіроцкі суд мусіў назіраць за тым, як адбываецца кіраванне маёмасцю малалетніх сірот і зацвярджаць штогод

справаздачы ад апекуноў. Калі апекуны настойвалі на неабходнасці прадаць пэўную частку нерухомай маёмасці малалетняга сіраты, каб заплаціць па пазыках, сіроцкія суды павінны былі паведаміць пра гэта «с своим мненіем» губернскаму магістрату, які і выносіў рашэнне аб продажы [1, с. 261–262].

У арт. 305 гл. XXI «Учреждений о губерниях» у 17 пунктах былі прапісаны правілы для апекуноў – «Примерное, или повальное наставление опекунам». Пры гэтым большая частка пунктаў (№ 2, 6, 7–14) артыкула тычылася кіравання маёмаснымі і фінансавымі справамі малалетніх сірот, што пацвярджае прыярытэт апекі над маёмасцю. Паводле «Наставления», апякун абавязваўся захоўваць у цэласці маёмасць, перададзеную яму па вопісе, весці ўлік прыходам і расходам у адпаведных кнігах, сачыць за правільным вядзеннем гандлю, промыслаў ці іншых спраў, якія перайшлі ў спадчыну дзецям-сіротам ад памерлых бацькоў.

Калі ў спадчыну сіраце пераходзілі заводы ці фабрыкі, апякун павінен быў не толькі клапаціцца пра іх прыбытковасць, але выплочваць дзяржаўныя зборы і імкнуцца захоўваць колькасць працаўнікоў (сялян або наёмных рабочых) на прадпрыемствах. Апякун адказваў за рамонт будынкаў і дарог. Ён кантраляваў дзейнасць прыказчыкаў і старастаў на прадпрыемствах, адхіляў ад працы тых, хто быў заўважаны «в не порядках, или утрате хозяйского». На апекуна ўскладаўся абавязак спаганяць пазыкі з даўжнікоў і плаціць па ўласных займах (па магчымасці) з грашовага абарачэння ў гандлі ці на прадпрыемстве малалетніх сірот. Капіталы малалетніх сірот у «Наставлении» рэкамендавалася аддаць пад працэнты «на верныя вексели, или закладныя» або пусціць у абарот у гандлёвых ці прамысловых справах. Апякун таксама мусіў прадстаўляць інтарэсы сіраты ў розных судовых установах [1, с. 263–264].

Непасрэдна пытанне апекі над асобай сіраты закраналася ў 5 пункце 305 арт. гл. XXI «Учреждений». У ім дакладна гаварылася, што выхаванне сіраты было прэрагатывай апекуна толькі ў выпадку, калі той «не помещен в общественных для городских жителей училищах» [1, с. 263]. Забяспечваць дзяцей-сірот фінансава трэба было без лішніх выдаткаў, але крыніцы забеспячэння не былі дакладна акрэслены: «...содержание же малолетнего расположить по его имуществу». Мэтамі выхавання былі як развіццё ў дзіцяці ўсемагчымых дабрадзейных якасцяў, так і навучанне рамяству, якое б адпавядала яго саслоўю [1, с. 263].

Апякун павінен быў штогадова дасылаць справаздачы ў сіроцкі суд пра прыбыткі і выдаткі ў маёмасці малалетніх сірот, а таксама пра іх

забеспячэнне і выхаванне. Апошнюю справаздачу трэба было прадаставіць у год паўналецця падапечных (у Расійскай імперыі з 17 гадоў можна было ўступаць ва ўладанне маёнткам і іншай маёмасцю [2, с. 42]) – тады апека спынялася. За сваю працу апякун атрымліваў 5% з даходаў малалетняга сіротаў штогадова. Калі ж апекуноў было некалькі, гэтая сума дзялілася паміж імі [1, с. 264–265].

Функцыянаванне сіроцкіх судаў было замацавана ў «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» ад 21 красавіка 1785 г. У дакуменце рабілася спасылка на 31, 294, 297 артыкулы «Учреждений о губерниях» і паўтараліся палажэнні пра склад і функцыі сіроцкіх судаў [3, с. 362]. У артыкуле 123 «Грамоты...», які змяшчаў «Ремесленное положение», у пункце 18 гаварылася: «Управный Старшина и Старшинские товарищи [...] о вдовах же и малолетних уведомляют Городского Главу» [3, с. 370–371]. Такім чынам, быў дапоўнены спіс асоб, хто быў абавязаны паведамляць гарадскім уладам пра дзяцей і жанчын у горадзе, якія засталіся без апекі.

З 1801 г. сіроцкія суды замест скасаваных губернскіх магістратаў сталі падпарадкоўвацца палатам грамадзянскага суда [4]. Паводле ўказа ад 31 студзеня 1816 г., у палаты трэба было падаваць справаздачы з дваранскіх апек і сіроцкіх судаў штогод у студзені [5]. У першай палове XIX ст. адбывалася пашырэнне паўнамоцтваў сіроцкіх судаў. З 1822 г. у іх ведамства павінны былі паступаць маёмасць сирот і ўдоў «мастеровых людей» з казённых заводаў і фабрык, якія знаходзіліся ва ўтрыманні прыватных асоб. Прычым у апекуны трэба было выбіраць адну асобу па меркаванні сіроцкага суда, а другую – з боку ўтрымальніка фабрыкі [6]. Згодна з указам ад 23 студзеня 1828 г., пад апеку сіроцкіх судаў паступала таксама секвестраваная маёмасць асоб з саслоўя гарадскіх абывацеляў [7]. Гэта было пацверджана ў «Высочайше утвержденном Положении о порядке описи, оценки и публичной продажи имущества»: «Если у владельца описано недвижимое имение сполна или частью для удовлетворения исков казенных; то оно до продажи поступает в заведывание Опекы или Сиротского Суда, смотря по званию владельца» [8, с. 443]. А паводле ўказа ад 12 красавіка 1833 г., пад апеку траплялі фабрыкі, на якіх пасля смерці ўладальніка ўзніклі спрэчкі паміж спадкаемцамі. Калі хаця б адзін з магчымых спадкаемцаў быў непаўналетні, фабрыка часова пераходзіла пад апеку сіроцкага суда [9].

У большай частцы заканадаўчых актаў, якія тычыліся сіроцкіх судаў, гаворка ішла пра апеку над дзецьмі, удовамі і маёмасцю мяшчан і купцоў.

Але ў заканадаўстве было вызначана, да якой інстанцыі мусілі звяртацца сіроты – дзеці асабістых дваран. Асабістае дваранства можна было атрымаць за пэўныя заслугі, але па спадчыне яно не перадавалася. Таму ва ўказе ад 29 красавіка 1818 г. гаварылася: «...как дети личных Дворян принадлежат к классу разночинцов, то избрание к ним опекунов, следуя общему правилу, из числа родственников их или посторонних предоставит Сиротским Судам» [10, с. 221]. Аднак, калі дзецям па спадчыне пераходзіла маёмасць, якой яны (па саслоўных правілах) не мелі права валодаць (напрыклад, маёнткі з прыгоннымі сялянамі), то такая маёмасць да яе продажу пераходзіла пад апеку дваранскіх апекуноў, якіх прызначалі дваранскія апекі. Гэта пацвярджала, што ў расійскім праве паняцці апекі над маёмасцю і апекі над асобай былі падзелены. У дадзеным выпадку яны не супадалі і падлягалі розным інстытуцыям: апека над маёмасцю дзяцей-сірот асабістых дваран – дваранскім апекам, а над самімі дзецьмі – сіроцкім судам.

У кадыфікаваны Звод законаў Расійскай імперыі 30-х гг. XIX ст. увайшлі палажэнні, якія рэгулявалі дзейнасць як сіроцкіх судоў, так і прызначаных імі апекуноў. У «Зводзе законаў» 1835 г. выдання правілы апекі над непаўналетнімі былі змешчаны ў кнігу «О правах и обязанностях семейственных» – раздзел III «Об опеке и попечительстве в порядке семейственном», у першую главу – «Об опеке и попечительстве над несовершеннолетними» (I частка X тома «Законы гражданские»). У «Зводзе законаў» былі зафіксаваныя агульнасаслоўныя нормы: узрост паўналецця, правы непаўналетніх на карыстанне маёмасцю, правілы прызначэння апекуноў, правілы дзейнасці апекуноў на сваёй пасадзе (артк. 159–177, 183, 187–193, 196–213) [11, с. 43–56]. Спецыфічнымі для саслоўя гарадскіх абывацеляў выступалі нормы, у якіх было акрэслена, што сіроцкія суды займаліся апекай над дзецьмі асабістых дваран, гарадскіх абывацеляў наогул і «мастеровых людей» казённых заводаў і фабрык, якія знаходзіліся ў прыватным уладанні (артк. 179, 181, 184) [11, с. 47–48].

Глава II «Учреждение Сиротскаго Суда при Городовом Магистрате» (раздзел III «Учреждение судебного управления в городе» IV кнігі 2 часткі II тома «Свод учреждений государственных и губернских») ўключала ў сябе палажэнні пра абавязкі, склад, месца ў судовай іерархіі сіроцкіх судоў (артк. №№ 1010–1015) [12, с. 248–249]. У пазнейшых рэдакцыях «Звода законаў» (1842 г., 1857 г.) змест палажэнняў, якія датычыліся працы сіроцкіх судоў, па сутнасці не змяніўся, але нумарацыя артыкулаў не захавалася.

Такім чынам, першапачатковым этапам у фарміраванні заканадаўства, якое рэгулявала дзейнасць сіроцкіх судаў, стала прыняцце ў 1775 г. акта «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи». Паводле яго, сіроцкія суды засноўваліся як гарадскія інстытуты апекі над дзецьмі-сіротамі і ўдовамі з саслоўя гарадскіх абывацеляў. «Учреждения о губерниях» вызначалі іх склад, падпарадкаванасць. Асаблівая ўвага надавалася механізмам узаемадзення сіроцкіх судаў з апекунамі. Функцыянаванне сіроцкіх судаў, паводле закона, было аналагічным працы іншага саслоўнага інстытута апекавання, заснаванага ва «Учреждениях», – дваранскай апекі. Асобна прапісваліся правілы для саміх апекуноў, сугучныя з правіламі напісанымі для апекуноў, якія падпарадкоўваліся дваранскім апекам.

У заканадаўстве Расійскай імперыі канца XVIII – пачатку XIX ст. выразна прасочвалася тэндэнцыя да падзелу апекі над маёмасцю і апекі над асобай. Галоўнай мэтай дзейнасці сіроцкіх судаў было захаванне маёмасці, якая дасталася ўдовам і сіротам гарадскога саслоўя па спадчыне. Паводле закона, сіроты, якія не мелі маёмасці, аддаваліся ў дзіцячыя прытулкі або на выхаванне ў сем’і, а ўдовам без маёмасці апякун таксама не прызначаўся, прадастаўлялася праца або «пристанище и пропитание».

У першай палове XIX ст. быў прыняты шэраг законаў, які пашыраў сферу дзейнасці сіроцкіх судаў. Паводле іх, пад апеку сіроцкіх судаў патрапляла як секвестраваная маёмасць даўжнікоў з гарадскога саслоўя, так і гарадскія прадпрыемствы, адносна якіх узнікалі спрэчкі паміж спадкаемцамі. Акрамя таго, паўнамоцтвы сіроцкіх судаў былі пашыраны на дзяцей-сірот і ўдоў майстроў казённых фабрык і заводаў, якія знаходзіліся ў прыватным уладанні, а таксама асабістых дваран (катэгорыі дваранства, якая не перадавала саслоўныя правы па спадчыне) – у апошнім выпадку толькі на дзяцей, а не на іх маёмасць.

У кадыфікаваным «Зводзе законаў Расійскай імперыі» (рэдакцый 1835 г., 1842 г. і 1857 г.) законы, якія тычыліся сіроцкіх судаў, былі напісаныя на аснове як «Учреждений о губерниях», так і пазнейшых указаў і ўвайшлі ў сямейнае права (агульныя з дваранскімі апекамі палажэнні пра апеку над непаўналетнімі, апекуноў і іх абавязкі) і дзяржаўнае (сіроцкія суды рабіліся часткай судовай сістэмы ў гарадах Расійскай імперыі).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Полное Собрание Законов Российской Империи (далее – ПСЗРИ): Собрание первое : [С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 20. С. 229–304. № 14392.

2. Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ) [повелением Государя императора Николая Павловича составленный]. СПб, 1857. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. 1857.

3. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. С. 358–384. № 16188.

4. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 26. С. 775–778. № 20004.

5. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 33. С. 464–465. № 26107.

6. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 38. С. 139–140. № 28986.

7. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. С. 53–54. № 1736.

8. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 7. С. 436–458. № 5464.

9. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 8. Ч. 1. С. 213. № 6106.

10. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 35. С. 220–222. № 27356.

11. СЗРИ. СПб, 1835–1836. Т. 10. Ч. 1. Законы гражданские. 1835.

12. СЗРИ. СПб, 1835–1836. Т. 2. Свод учреждений государственных и губернских.

Ч. 2. Учреждения губернские. 1835.

ПОВЕТОВЫЕ СУДЫ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ И ИХ МЕСТО В ИСТОРИИ СВЕТСКОГО НОТАРИАТА БЕЛАРУСИ

А. Н. Латушкин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Latushkin@bsu.by*

В докладе рассматривается вопрос о роли т. наз. поветовых судов в Великом княжестве Литовском в становлении института светского нотариата в Беларуси. Представлена нормативная правовая база их деятельности, штат, организация работы. Раскрывается процедура удостоверения частноправовых сделок с недвижимым имуществом землевладельцев, роль в этом актовых книг, порядок выдачи т. наз. выписа. Приводится пример оригинала одного из самых древних таких документов, датированный 1553 г. Он был выявлен автором в фондах Национального исторического архива Беларуси. Анализируется его содержание и формуляр.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; светский нотариат; поветовый суд; частноправовой акт; сделка; актовая книга; выпис; Национальный исторический архив Беларуси.

DIVINE COURTS IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AND THEIR PLACE IN THE HISTORY OF SECULAR NOTARIES OF BELARUS

A. Latushkin

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, Latushkin@bsu.by*

The report addresses the issue of the role of the so-called. povet courts in the Grand Duchy of Lithuania in the formation of the institution of secular notaries in Belarus. The regulatory legal framework for their activities, staff, and organization of work is presented. The procedure for certifying private transactions with real estate of landowners, the role of deed books in this, the procedure for issuing the so-called vypis or extract. An example of the original of one of the oldest such documents, dating back to 1553, is given. It was identified by the author in the funds of the National Historical Archive of Belarus. Its content and form are analyzed.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; secular notary; povet court; private law act; transaction; book of the acts; extract; National Historical Archive of Belarus.

Датой рождения в ВКЛ того, что можно определить как светский нотариат, в отечественной исторической науке предлагается признать 1551 г. Однако лишь с определённой степенью условности. В этом году великий князь принял решение о введении нового порядка утверждения сделок, связанных с отчуждением недвижимого имущества. Предполагалось, что данная процедура может осуществляться не только перед господарём и Панами Рады, но и перед представителями местных властей – воеводами, старостами, и поветовыми судьями. Тот, кто имел намерение что-либо из

такого имущества продать, подарить, передать права на него каким-либо иным способом, должен был персонально явиться к указанным представителям власти, устно заявить им о сделке. В терминологии права и документа актового характера XVI в. эта процедура именовалась как «сознание» (от «сознать» – лично заявить, признать, представить перед официальным органом власти). При наличии же у сторон документов, удостоверяющих эти сделки, они после устного заявления о сделке также вписывались в книги. Данное постановление должно было вступить в силу в 1552 г. [1].

Необходимо заметить, что упомянутое решение монарха представляет собой ответ на просьбы бояр, шляхты и других представителей феодального сословия всего Великого княжества Литовского, представленные ему на Виленском сейме в 1551 г. Его можно датировать 20 ноября 1551 г., в Вильне [9, стб. 186–188, 192]. Просьба, касающаяся поднятой темы, выражалась в установлении в каждом повете государства должности судьи и писаря присяжного. Речь шла об усовершенствовании судов воевод и старост, деятельность которых регламентировалась ещё в Статуте ВКЛ 1529 г. [10]. Решение было положительным. В нём устанавливался порядок функционирования «поветового» суда ВКЛ, его состав – воеводский наместник или подстаростий, судья и писарь, режим работы данного органа – 4 сессии в год по 4 недели, а также порядок апелляции – в суде самих воевод и старост, а далее – у Господаря и Панов-Рады. Судью назначал воевода или староста поветовый. Писарь должен был назначаться из числа писарей воеводских и принести присягу («а писар маеть быти пры них воеводин прысяжный»). В его обязанности входило документирование всех форм деятельности суда. Тем же документом для писарей устанавливался размер оплаты отдельных видов их работы.

Кроме того, монарха просили буквально о следующем: «Абы записи на вечность на именья и на заставы перед тыми ж судьями поветовыми в поветех были справованы и записываны». Это было нововведением. Так как до того на местах их могли удостоверить лишь монарх и члены сената – Рады Панов. Просьба была также поддержана монархом. Согласно его постановлению с 1552 г., от праздника «Громниц», «вечистые» сделки с наследственными именьями, с земельными угодьями и подданными крестьянами должны были удостоверяться урядниками поветового суда, а также записываться в актовые книги: «Иж около тых записов на вечность рачы то так зоставовати, яко есть у статуте права посполитого описано, иж мають всякие тые записи, которые ся на вечность стегаютъ, яко на именья,

на люди, на земли, на озера, на ставы, на млыны, на пушчы, на сеножати и на всякие иные речи лежачие, мають справованы и чынены быти перед врядом, то есть альбо перед самым господарем его милостью, альбо перед паны радами, альбо перед паны воеводами, альбо перед старостами, альбо перед судьями поветовыми, а не инде». Очевидно, к таковым сделкам не относились долговые акты, а также акты заставы движимого имущества. Относительно них в одном из положений документа значилось, что «таковые записи могут без оповеданья вряду и за листы записными держаны и справованы быти, водле давного обычая». Форма самого удостоверения имущественного акта была устная и письменная. В первом случае необходимо было заявить лично, устно перед судом о сделке и зафиксировать данный факт в актовых книгах: «И хто бы што хотел кому на вечность продати, даровати, альбо которым кольве обычаем спустити, именья, люди, земли, боры, лесы, пушчы, озера, сеножати, ставы, млыны и иные которые кольвек речи земленые лежачые, тогда кождый таковой, хто продаеть альбо даруеть, альбо што на именьи лежачом записуеть, маеть прыйти обличне до того выше мененого вряду и маеть то сам сознати устне, иж тое и тое тому и тому продал за тую и за тую суму, альбо даровал, альбо суму записал; и тое сознанье его устное маеть быти у книги оного вряду записано».

Очевидно, речь здесь шла о протокольной форме фиксирования действий в сфере частно-правовых отношений. Это была достаточно древняя и упрощённая форма, известная в Западной Европе периода раннего Средневековья. Однако одновременно с этим решение монарха содержало ещё одну норму, которая была более прогрессивной – о записи в актовую книгу текста самих оригиналов документов, оформляющих сделку, при их наличии: «А хотя бы хто и лист продажный, альбо записный, альбо даровный, на которую речь вечыстую лежачую под печатью своею и под печатями людей добрых дал, тогда пред ся и тот и с тым листом своим продажным, альбо даровным, альбо записным, маеть прыйти до вряду и маеть тую продажу, або дар, або запис свой сам устно сознати и оный лист свой и сознанье свое устное маеть дати у книги записати; ...». Однако наиболее знаковой нормой была обязанность суда при необходимости выдать подтверждение о внесении акта в книги в виде так называемого выписа – вида документа, который стал знаковым в ВКЛ для такого явления, как удостоверение частных сделок и светский нотариат: «А выписы с книг в таковых речах хто похочеть, – тому мають быти даваны под печатями врядовыми». Внесение акта в актовую книгу суда –

актизацию, а также выпис из неё должен был оформлять писарь, за что ему полагалось вознаграждение: «А от выписов великих и малых писаром врядовым дванадцать грошей; а у книги записати – два гроши, естли бы заразом выпису взяти не хотел; а, естли бы и выпис заразем браль, тогда за тот выпись дванадцать грошей, а оных дву грошей за вписанье у книги не повинен вжо дати» [9, стб. 186–188, 192].

Все установленные выше положения законодательства 1551 г. вместе с ещё одной нормой – решением о запрете на вывоз с территории повета актов книг поветового суда при смене воеводы или старосты – заложили основы функционирования светского нотариата в Беларуси. Цитированное решение короля польского и великого князя литовского Жигимонта Августа относительно деятельности поветовых судов и их нотариальной функции от 20 ноября 1551 г. имеет большое историческое значение в истории нотариата Беларуси. Выдержки из него, освещающие данный вопрос, размещены в приложении.

Один из древнейших (самый ранний из известных в науке?) примеров сохранившегося в оригинале выписа из актов книг поветового суда ВКЛ, действующего на территории Беларуси, выявлен в фондах Национального исторического архива Беларуси [6, лл. 8–9 об.]. Он датируется 6 июля 1553 г. и был выдан в Новогрудке («Новгородок», «Новгородок»). Документ относится к сделке по продаже имения Залужье с селом Опечки и двором Якимовским Новогрудского или «Новгородского» повета («у повете Новгородском») ВКЛ. Ныне эти земли расположены на территории современного Столбцовского района Минской области. Сделка была заключена между Марком Васильевичем Журавницким и господарским землянином Мартином Володковичем. Имение имело статус «отчизного», то есть наследственного, полученного Журавницким по отцовской линии. Сумма сделки – 600 коп грошей литовских с правом вечного владения – «на вечность». Приобретение включало имущество в виде сельскохозяйственных и лесных угодий, зависимых крестьян, а также тех представителей данной социальной категории, за которых Журавницким велось судебное разбирательство. В составе имения передавалась также церковь в Залужье. Сделка была оформлена актом продажи от 12 июня 1553 г., в Залужье. Он также сохранился в оригинале, материал – бумага [7, лл. 3–4].

Акт содержит подпись и печать прежнего владельца – Марка Васильевича Журавницкого, а также печати трёх свидетелей. Все указанные реквизиты – отпечатки перстневых печатей, кустодии.

Примечателен состав этих лиц: судья Новгородского поветового суда или так называемый судья поветовый («судья повету Новгородского») Семён Маскевич; господарский дворянин – Борис Фёдорович Колонтаев; Станислав Юрковский, наместник в Мире – имении, владельцем которого назван воевода виленский, канцлер ВКЛ князь Николай Радивилл. Уже 6 июля 1553 г. данный акт был представлен урядникам Новгородского поветового суда для его удостоверения и признания сделки действительной. Состав данного органа был представлен воеводским наместником, городничим Новгородским Григорием Михайловичем Горлом, назначенным Новгородским воеводой Иваном Горностаем. При этой процедуре присутствовал также господарский дворянин Борис Фёдорович Колонтаев. Оба участника сделки явились в суд лично: «Постановившисе обличне в замку господарьском Новгородском передо мною Григорьем Михайловичом Горлом, намесником и городничим Новгородским от его милости пана моего пана Ивана Горностая, воеводы Новгородского». Ещё об одном участнике заседания сообщается ниже, разрывая конву следующей формулы текста источника: «А в тот час в замку господарьском у мене был пан Борыс Федорович Колонтаев, дворенин господарьский». И продолжается: «(Постановившисе) пан Марко Васильевич Жоравницкий восполок с паном Мартином Володковичом, земенином господаря короля его милости, оповедал мне сам от себе и от жоны своее паней Ганны Федоровны... Иж дей которое именье мое (М. В. Журавницкого. – *Авт.*) отчизное никому ничим не пенное в повете Новгородском на име Залужье я, маючи подалеку именьей своих волынских и не хотечи себе так далекого переезду а трудности продал есми за певную суму пенезей за шесть сот коп грошей монеты и личбы литовское пану Мартину Володковичу на вечный часы, што ест на листе пану Мартину от мене даном достаточне описано».

Далее оригинал акта продажи был передан продавцом покупателю непосредственно перед членами суда, а также продавцом был подтвержден факт получения суммы от покупателя в полном объёме: «Который лист пан Марко Жоравницкий пану Мартину передо мною (Г. М. Горлом) и перед тым дворенином господарьским (Б. Ф. Колонтаевым) подал и то сознал, иж его тая сума пенезей от него сполна дошла». После этого обе стороны попросили урядников о внесении документа в актовые «замковые» книги. Согласие на это было дано после изучения его внешних и внутренних признаков – «выслуханья» текста, проверки наличия реквизитов, подтверждающих авторство документа: «И просили мене (Г. М. Горло) з обудву сторон абых я тот лист их для пришлого часу до книг замковых

записати казал. Яко ж я того листу огледавши и достаточне его выслухавши казал его слово от слова до книг замковых вписати. Который лист так се в себе мает...». Далее выпис содержит дословные текст акта продажи. Его сравнение с оригиналом позволяет утверждать о почти полном совпадении за исключением лишь некоторых разночтений в фамилиях действующих лиц (Жоравницкий вместо Журавницкого, Радвил вместо Радивил и др.). Самостоятельная формула выписа констатировала факт наличия подписи и печати, но лишь самого автора документа: «Подпис руки Жоравницкого “Я, Марко Васильевич Жоравницкий руку свою подписал”». Следует отметить, что выпис сам был выдан лишь покупателю имения. Он был утверждён печатью воеводского наместника: «Которого ж оповеданья и добровольного сознанья пана Марка Жоравницкого пан Мартин Володкович взял себе выпис с книг под моею печатью. Писан в Новегородку». Документ венчало название: «Выпис с книг замку господарьского Новгородского. Лета Божьего нароченья 1553 месяца июля 6 день в четверг» [6, лл. 8–9 об.]¹.

Состав свидетелей сделки по продаже имения, их социальный статус и должности, процедура её оформления, а также тот факт, что она была признана Новгородским поветовым судом могут выступать примером соответствия оформления частнопроводных сделок законодательству того времени, требованиям Статута ВКЛ 1529 г. и постановления монарха от 20 ноября 1551 г. в Вильне. Два указанные источника также позволяют восстановить состав Новгородского поветового (замкового) суда на июнь – июль 1553 г.: наместник Новгородского воеводы Ивана Горноста – Григорий Михайлович Горло; судья Новгородского поветового суда или так называемый судья поветовый («судья повету Новгородского») Семён Маскевич; господарский дворянин Борис Фёдорович Колонтаев. Остаётся вопрос по поводу служебного статуса последнего в суде, а также личности того, кто занимал в то время должность присяжного писаря.

Таким образом, в отечественной научной литературе в области истории письменного документа на территории Беларуси периода позднего Средневековья и Раннего Нового времени наиболее отчётливые признаки светского нотариата замечены не ранее второй половины XVI в., а именно – 1551 г. И всё же, необходимо констатировать, что о деятельности описанной системы нотариата известно не так много. В Национальном

¹ На обороте документа имеется его польскоязычное название, нанесённое, вероятно, сразу или несколько позднее его выдачи, но – не позже второй половины XVI в. Здесь год указан ошибочно как «1555». В дате самого документа, выполненной в кириллической числовой системе год от Рождества Христова чётко указан как «а ф н г» под титлом, т. е. – 1553 г.

историческом архиве Беларуси сохранилась лишь две актовые книги поветового суда – Городенского (Гродненского) за 1556 г. и 1559 г., идентифицированного тем не менее архивистами как суд «земский» [3; 4]. Третья же единица хранения отражает историю суда в Гродно уже с 1566 г. [5]. Это рождает вопрос о том, во всех ли поветах ВКЛ было реализовано решение монарха 1551 г., хотя причиной могла быть утрата книг. В науке также можно встретить мнение, что акты были введены Статутом 1529 г. На существование актовых книг в судебной практике ВКЛ указывают сохранившиеся книги судов Подляшья с документами за более ранний период, но они – также единичны и остаются малоисследованными, кроме того – не относятся к территории современной Беларуси. Так или иначе, более совершенную и реально функционирующую форму светского нотариата мы наблюдаем уже в деятельности земских судов, которые начали функционировать в ВКЛ в результате судебно-административной реформы 1564–1566 гг. и введения в действие Второго Статута ВКЛ [8; 11; 12; 13].

ПРИЛОЖЕНИЕ

Постановление короля польского и великого князя литовского Сигизмунда Августа относительно нотариальной функции поветовых судов (официальное удостоверение частных сделок с земельным имуществом, внесение в акты книги имущественно-правовых актов, выдачи выписей, хранение актовых книг). Издано 20 ноября 1551 г., в Вильне, в форме ответов на просьбы землевладельцев всего Великого княжества Литовского, представленные ему на Виленском сейме (фрагмент)¹.

Лета Божьего 1551, месеца ноября 20 дня, у пятницу, у вилею Оферованья Панныи Марии. На сойме вальном Виленском на тые прозбы, которые вся шляхта Великого Князства Литовского на другом рейстре подала, отказ от его милости господаря так ест учынен.

Прозба. Артыкул 2. Што теж есте просили короля его милости, абы в каждом повете был судья и писарь присяжный.

Отказ. Его кролевская милость рачи на то przywoляти и на том то зоставовати. Иж судьи мають быти в поветех, так воеводских, яко теж и в старостиньских, таковым обычаем от панов воевод и от панов старост

¹ Источник: Метрика ВКЛ, книги публичных дел, книга 4.

Публикация: Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. Том 30: Литовская метрика, отделы первый – второй. Часть третья: книги публичных дел, том первый. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1914. Стб. 186–188, 192.

поветовых уставены, яко есть у статуте описано, и мають судити посполъ з наместником и подстаростим воеводиным на тых местцах, где им панове воеводове и старостове укажутъ, и мають на тые суды зъездчати ся по чотыры кротъ до року, на кождую четверть году, то есть на Семую Суботу и на Светый Криж, а на Светую Луцыю, а вступившы в пост на первой недели, и за кождым зъяханьем мають на тых справах судовых быти по чотыри недели, а позвы мають выдавати под печатми своими и под печатми наместников и подстаростих панов воевод и панов старост, и не маеть ся ниhto з них до воевод и до старостъ поветовых отзывать, алиж по сказанью, а писар маеть быти пры них воеводин прысяжный.

А панове воеводове для справованья таковых апеляцей мають ся на кождый год до местец своих воеводских столечных двакрыть на год зъездчати, то есть на Светый Михал а на Семую Суботу, и за кождым приеханьем мають на тых местцах своих воеводских мешкати по чотыри недели, абы шляхта, за ними для тых апеляцей до их именей ездечы, трудности и накладов не приймавали, але иж бы кождый на местцу столечном воеводском на тые часы назначоны справедливости своее собе доводил. А кому бы ся от панов воевод альбо от старост видело быти с кривдою, тот можеть по сказанью отозвати ся до господаря его милости, альбо до панов рад на роки судовые великие.

А роки судовые великие господарские для тых росправ, которые ся деють межи паны хоруговными и теж межи тыми, которые в поветех не седаютъ, мають быта один раз на год сужоны, то есть на Светый Мартин; на которых же рокох сам господарь его милость при бытности своей в тутошнем паньстве своем буде рачыл тые sprawy судовые справовати, которые ся на он час перед его кролевскую милость прыточать; а в небытности господарской у здешнем паньстве, тогды панове рада их милость мають тые sprawy судовые на тые роки судовые господарские, на Светый Мартин, судити и отпраовати; а кому бы ся от панов рад с кривдою быти видело, тот можеть ся от их милости отозвати до короля его милости на тые роки судовые великие о Светом Мартине, але алиж по сказанью, а перед сказаньем так от панов рад, яко теж и от воевод, так теж от судей, не маеть ся ниhto отзывать, абы ся таковыми упорными отзовы спрavedливость людская не отволокала.

Прозба. Артыкул 3. Што теж есте просили короля его милости, абы записи на вечность на именья и на заставы перед тыми ж судьями поветовыми в поветех были справованы и записываны.

Отказ. На то его кролевская милость рачыл вам так росказати и поведити: Иж около тых записов на вечность рачы то так зоставовати, яко есть у статуте права посполитого описано, иж мають всякие тые записи, которые ся на вечность стегаютъ, яко на именья, на люди, на земли, на озера, на ставы, на млыны, на пушчы, на сеножати и на всякие иные речи лежачие, мають справованы и чынены быти перед врядом, то есть

альбо перед самым господарем его милостью, альбо перед паны радами, альбо перед паны воеводами, альбо перед старостами, альбо перед судьями поветовыми, а не инде;

и хто бы што хотел кому на вечность продати, даровати, альбо которым кольве обычаем спустити, именья, люди, земли, боры, леса, пушчы, озера, сеножати, ставы, млыны и иные которые кольвек речи земленые лежачые, тогды кождый таковой, хто продаеть альбо даруеть, альбо што на именьи лежачом записуеть, маеть прыйти обличне до того выше мененого вряду и маеть то сам сознати устне, иж тое и тое тому и тому продал за тую и за тую суму, альбо даровал, альбо суму записал; и тое сознание его устное маеть быти у книги оногo вряду записано.

А хотя бы хто и лист продажный, альбо записный, альбо даровный, на которую речь вечыстую лежачую под печатью своею и под печатьми людей добоых дал, тогды пред ся и тот и с тым листом своим продажным, альбо даровным, альбо записным, маеть прыйти до вряду и маеть тую продажу, або дар, або запись свой сам устно сознати и оный лист свой и сознание свое устное маеть дати у книги записати.

А выписы с книг в таковых речах хто похочеть, – тому мають быти даваны под печатьми врядовыми окром тых записов, которые будуть давани на долги и на иные речи рухомые, бо таковые записы могуть без оповеданья вряду и за листы записными держаны и справованы быти, водле давного обычая.

И вжо тая теперешняя устава маеть початок свой взяти от пришлогo свята Громниц в року пятьдесят втором; и хто бы кольвек, якогo ж кольвек стану будучы, якие ж кольвек листы альбо записи на именья и на иньшыя речи лежачые вечыстые над сюю теперешнюю уставу и уфалу посполитую кому на себе давал або от иншого брал, таковые листы и записы не мають быти держаны от оногo року, свята пришлогo Громниц в року пятьдесят втором, яко вышей есть описано, а до того часу хоружые, взявши теперешнее уставы выпис, мають кождый у своем хорустве шляхте то оповедати.

Прозба. Артыкул 6. Што есте теж просили короля его милости, абы книги судовые воеводинские и судей поветовых не были вывоживаны с поветов, а писаром што за листы маеть плачно быти, а до канцелярыи теж господарское по чому за который лист маеть плачно быти.

Отказ. Его кролевская милость на том зоставовати и вам то оповедити казати рачыл, иж, естли бы ся воевода або староста, або судья с которогo повету обменил, тогды книги судовые не мають с поветов вывожены быти, але мають на местцы в поветех зостати, абы кождый, кому бы чогo до тых книг судовых якая потреба была, абы их тым латвей досягнути мог;

а што ся дотычеть писаров господарских и канцелярш его милости, около писанья и выдаванья листов, то ся маеть так заховати, яко перед тым было;

а от выписов великих и малых писаром врядовым дванадцать грошей; а у книги записати – два гроши, естли бы заразом выпису взяти не хотел; а, естли бы и выпис заразем браль, тогда за тот выпись дванадцать грошей, а оных дву грошей за вписанье у книги не повинен вжо дати.

Библиографические ссылки

1. Груша А. И. Документальная письменность Великого Княжества Литовского (конец XIV – первая треть XVI в.). Минск: Беларуская навука, 2015.
2. Лаппо И. И. Земский суд в Великом княжестве Литовском в конце XVI века. СПб, 1897.
3. НГАБ. Ф. 1755 (Гарадзенскі земскі суд). Воп. 1. Спр. 1.
4. НГАБ. Ф. 1755 (Гарадзенскі земскі суд). Воп. 1. Спр. 2.
5. НГАБ. Ф. 1755 (Гарадзенскі земскі суд). Воп. 1. Спр. 3.
6. НГАБ. Ф. 694 (Радзівілы, князі). Воп. 4. Спр. 1049.
7. НГАБ. Ф. 694 (Радзівілы, князі). Воп. 4. Спр. 1050.
8. Помнікі права Беларусі XIV–XVI стст.: агульназемскія прывілеі і акты дзяржаўных уній. Крыніцазнаўчы дапаможнік / склад: Г. Я. Галенчанка, А. А. Жлутка, А. А. Мяцельскі [і інш.]. Мінск: БелНДЦДАС, 2015.
9. Русская историческая библиотека, издаваемая Императорскою Археографическою комиссиею. Том 30: Литовская метрика, отделы первый – второй. Часть третья: книги публичных дел, том первый. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1914.
10. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. // Вялікае княства Літоўскае / рэдкалегія: Г. П. Пашкоў (галоўны рэдактар) [і інш.] Т. 3 : Дадатак. А—Я / [складальнік В. С. Пазднякоў. 2010. С. 436–467.
11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 г. // Вялікае княства Літоўскае / рэдкалегія: Г. П. Пашкоў (галоўны рэдактар) [і інш.] Т. 3 : Дадатак. А—Я / [складальнік В. С. Пазднякоў. 2010. С. 467–550.
12. AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7772. Zygmunt August, król polski, wielki książę litewski, wprowadza w Wielkim Księstwie Litewskim ustrój sejmikowy na wzór polski w oparciu o ustrój sądownictwa ziemskiego. 1563 [1565]. 12. 30.rus. 1 k. oryg., pergamin, 1 k. o wym. 60 x 33,5 + 10 cm
13. AGAD. Zbiór dokumentów pergaminowych. Sygn. 7773. Zygmunt August, król polski, wielki książę litewski, obiecuje wprowadzić w życie II statut litewski. 1564. 07. 01.rus. 1 k. oryg., pergamin, 1 k. o wym. 69,5 x 47 + 5,5 cm; otwory po sznurze; b. zniszczony, słabo czyt.

САЦЫЯЛЬНЫЯ МЕРАПРЫЕМСТВЫ Ё ДАЧЫНЕННІ ДА ДЗЯЦЕЙ У БЕЛАРУСІ Ё КАНЦЫ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

I. В. Лебедзева

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, Lebedzeva@mail.ru*

Аналізуюцца працэсы пераходу беларускага грамадства ад традыцыйнага да індустрыяльнага шляху развіцця. Адзначана, што ў сувязі з імклівымі працэсамі трансфармацыі сацыяльнай структуры адпаведныя змены адбываюцца ў становішчы дзяцей. Зроблена выснова аб тым, што пад уздзеяннем гэтых працэсаў спачатку па ініцыятыве органаў улады, а потым і пры удзеле розных прыватных аб'яднанняў быў легітымна аформлены інстытут дзяцінства і сфарміраваны комплекс мер па абароне жанчын і дзяцей.

Ключавыя словы: Беларусь; індустрыяльнае грамадства; радзільныя прытулкі; законы аб дзецях; яслі; інстытут дзяцінства; апёка; рамесныя вучылішчы; народныя і царкоўнапрыходскія школы; прыходскія вучылішчы.

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ В ОТНОШЕНИИ ДЕТЕЙ В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

I. В. Лебедева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Lebedzeva@mail.ru*

Анализируются процессы перехода белорусского общества от традиционного к индустриальному пути развития. Отмечено, что в связи со стремительными процессами трансформации социальной структуры соответствующие изменения происходят и в семье. Сделан вывод о том, что под влиянием этих процессов первоначально по инициативе органов власти, а потом и при участии различных частных объединений был легитимно оформлен институт детства и сформирован комплекс мер по защите женщин и детей.

Ключевые слова: Беларусь; индустриальное общество; родильные приюты; законы о детях; ясли; институт детства; призрение; ремесленные училища; народные и церковноприходские школы; приходские училища.

SOCIAL ACTIVITIES FOR CHILDREN IN BELARUS AT THE END OF THE 19TH AND BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

I. V. Lebedeva

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
Lebedzeva@mail.ru*

The processes of transition of Belarusian society from the traditional to the industrial path of development are analyzed. It is noted that in connection with the rapid processes of transformation of the social structure, corresponding changes are taking place in the family. It

is concluded that under the influence of these processes, initially at the initiative of the authorities, and then with the participation of various private associations, the institution of childhood was legitimately formalized and a set of measures was formed to protect women and children.

Keywords: Belarus; Russian Empire; children; childhood; social history; transformation process; children's shelter; civil guardianship orders; a source; legislative documents; statistics; publicist; works of art; everyday life.

Эпоха мадэрнізацыі, якая пачалася ў Расійскай імперыі ў другой палове XIX ст., змяняла не толькі эканоміку, але і істотна трансфармавала традыцыйны уклад як гарадскога, так і сялянскага асяродку. Паступова разбураўся звыклы лад жыцця, паслабляліся нормы патрыярхальнай сям'і. У 1880–1890-я гг. – у перыяд радыкальных зменаў у эканоміцы – былі выданы першыя законы, якія рэгламентавалі дзіцячую працу, пачала фарміравацца своеасаблівая спажывецкая культура, якая датычылася толькі дзяцей заможных бацькоў, актыўна разгортвалася дабрачынная дзейнасць, пачыналі прымяняцца навуковыя падыходы да праблем дзяцінства ў псіхалогіі, педыятрыі і, асабліва, у педагогіцы. Усе гэтыя навацыі фарміраваліся ў Беларусі пад уплывам заходніх ідэй развіцця індустрыяльнага грамадства.

На думку прафесара А. Г. Каханоўскага, сацыяльныя змены, што адбываліся ў Беларусі 60-х гг. XIX – пачатку XX ст., атрымалі сістэмны характар і закранулі практычна ўсе сферы чалавечага жыцця і паводзін і найперш выявіліся ў працэсах дыферэнцыяцыі і стратыфікацыі грамадства, урбанізацыі, павелічэння сацыяльнай і тэрытарыяльнай мабільнасці насельніцтва, пашырэння пісьменнасці і адукацыі, секулярызацыі, росту палітычнай актыўнасці. Рэформы праніклі ў глыбокія слаі традыцыйнай сацыяльнай рэчаіснасці, таму што гэта было падрыхтавана выяўленнем цэннаснай матывацыі [5, с. 213–215].

Неабходна заўважыць, што пад час правядзення рэформ становішча дзяцей у беларускім грамадстве заставалася ранейшым, але гэты перыяд стаў падрыхтоўкай да істотных зменаў у пачатку XX ст. Як заўважае П. Штомпка: «Грамадства, якое адчувае змены, не ўспрымаецца як сутнасць, аб'ект ці сістэма, а ўяўляе сабой сетку адносін, прасякнутую напружаннем і гармоніяй, канфліктамі і адзінствам. Паслядоўнасць падзей у межах кожнага сацыяльнага працэса мае кумулятыўны характар. Кожная фаза ёсць акумуляваны вынік, эфект, крысталізацыя, “пункт прыбыцця” ўсіх папярэдніх фаз і ў той жа час – насенне, ... адпраўная кропка для далейшага працэса. У кожны гістарычны момант адчыняецца вызначанае поле магчымасцей, выбараў будучага курса, якое ў значнай меры абмежавана»

папярэднім развіццём працэса» [12, с. 266]. Адчуванне неабходнасці шырокамашабных зменаў з’явілася і ў грамадстве, і ва ўладных структурах напрыканцы XIX ст. Адпаведна пачынаюць праводзіцца і першыя мерапрыемствы: распрацоўка фабрычнага заканадаўства, накіраванага на абарону не толькі дарослых, але і малалетніх прамысловых работнікаў, па закліку уладаў адбываецца рост выхаваўчых дамоў па ўсёй тэрыторыі краіны, змяняецца іх унутраная структура (рамесныя майстэрні для набыцця малалетнімі сіротамі рабочых спецыяльнасцяў). У 1899 г. з’яўляецца першы сістэматызаваны зборнік пастанаўленняў дзеючага на той момант заканадаўства ў дачыненні да малалетніх і непаўналетніх грамадзян Расійскай імперыі – «Законы аб дзецях», як быў складзены Я. А. Кантаровічам [4].

Органы дзяржаўнай улады і дабрачынныя ўстановы становяцца галоўнымі абаронцамі правоў дзяцей і іх маёмасці. Звычайнай справай становяцца звароты саміх дзяцей за абаронай сваіх маёмасных правоў ад бацькоў і родзічаў. Так, да разгляду ў сіроцкі суд г. Мінска непаўналетнія дзеці Антаніны Васілеўскай – Каспер і яго два браты – падалі прашэнне са скаргай на сваю маці, якая пасля ўзяцця другога шлюбу разам са сваім мужам «пачалі траціць нашу маёмасць, прадалі каня, кароў і сталі браць грошы пад дамы, а нас утрымліваць амаль голымі і галоднымі, выганяючы безчалавечым біццём з дому...». Такім чынам, яны былі вымушаны шукаць прытулку ў родзічаў, а за зварот у суд старэйшы сын быў збіты маці жалезным прутом да паўсмерці і выгнаны з дому. Каспер Васілеўскі звярнуўся да Мінскага гарадскога галавы графа К. Э. Чапскага з просьбай замены апякуноў, якія дрэнна наглядалі за яго з двума братамі і маёмасцю, якая засталася ад памерлага бацькі. У першым слуханні было адказана ў замене апекуноў, але іх прынудзілі весці справаздачнасць. На наступны зварот Каспера суд задаволіў яго прашэнне і прызначыў новага апекуна [4, л. 1–4].

Да ўвядзення земстваў на тэрыторыі беларускіх губерняў кантроль за медыцынскімі ўстановамі ажыццяўлялі мясцовыя прыказы грамадскай апекі. На пачатку 1860-х гг. дзейнічала 58 лякарняў і 2 аддзяленні, разлічаныя на 2 171 месца [7, с. 167]. Поруч з «прыказнымі» медыцынскімі ўстановамі існавалі таксама грамадскія і прыватныя. Медыцынскае абслугоўванне дзяцей-сірот, дзяцей з бедных сем’яў ажыццяўлялася ў дзіцячых прытулках. З мэтай памяншэння дзіцячай смяротнасці ва ўзросце да года з канца XIX ст. на тэрыторыі Беларусі, як і па ўсёй Расійскай імперыі, адчыняюцца радзільныя прытулкі. Так, у Мінску ў маі 1895 г.

пачаў працу гарадскі бесплатны прытулак для жонак салдат, чорнарабочых, слесараў, незаможных жанчын, якія працавалі прачкамі, кухаркамі, нянькамі і інш., жанчын, якія знаходзіліся пад следствам або былі арыштаваныя. Першапачаткова ён размяшчаўся ў доме графа К. Э. Чапскага. У 1911 г. колькасць месцаў было прыкладна 19, медыцынскі персанал складаўся з доктара і 3 акушэрак. У 1911 г. паслугамі прытулка карысталіся каля 578 жанчын. Фінансаванне прытулка адбывалася за кошт земства і дабрачыннасці. Загадвала прытулкам ганаровая папячыцельніца, якая сачыла за медыцынскім персаналам, санітарным становішчам установы, з'яўлялася арганізатарам дабрачынных збораў. Спецыфіка арганізацыі працы прытулка заключалася ў тым, каб захоўваць не толькі здароўе жанчыны, але і перадухіліць смерць нованароджанага немаўляты. Пры немагчымасці жанчына мела магчымасць пакідаць дзіця ў прытулку. Справаздачы ўстановы, аднак, сведчылі, што часцей жанчыны забіралі сваіх дзяцей [1].

У другой палове XIX ст. у Расійскай імперыі па прыкладу шэрагу еўрапейскіх краін з'яўляюцца новыя ўстановы для дзённага знаходжання дзяцей – яслі. Грамадскія дзеячы таго часу класіфікавалі іх па трох тыпах: гарадскія, арганізаваныя для жанчын-падзёншчыц, фабрычныя і сялянскія [11, с. 34.]. Арганізацыя сельскіх яслей мела часовы, сезонны характар, – як правіла, на перыяд гаспадарчых работ летам прыкладна на паўтары месяцы. Гарадскія яслі, у тым ліку арганізаваныя пры фабрыках і заводах, як правіла, функцыянавалі на пастаяннай аснове. Дзеці прымаліся на працягу ўсяго года за выключэннем выхадных і святочных дзён.

Прыкладам менавіта такога тыпу ўстаноў на тэрыторыі Беларусі можна лічыць дзіцячы дзённы прытулак «Яслі», які быў адчынены 17 студзеня 1905 г. у г. Мінску намаганнямі Таварыства абароны жанчын і старшыні Камісіі па справах прытулка «Яслі» В. Я. Жэскавай. Прытулак быў разлічаны на дагляд дзяцей ва ўзросце ад 2,5 да 7 гадоў на працягу ўсяго працоўнага дня іх бацькоў, прымаліся дзеці ўсіх веравызнанняў. Сродкі для адкрыцця гэтай дабрачыннай установы былі сабраны ад членскіх узносаў, ахвяраванняў, субсідый таварыстваў і прыватных асоб; арганізатары звярталіся за фінансавай дапамогай да Мінскай гарадской управы.

Першапачаткова жанчыны, як гэта заўсёды адбываецца ў дачыненні любых новаўвядзенняў, адносіліся да прытулку з вялікім недаверам, аднак да канца другога месяца існавання ўстановы на 27 месцаў паступіла 60 заяваў жанчын, жадаючых уладкаваць сваіх дзяцей ў яслі. Ужо праз 6

месяцаў колькасць прынятых дзяцей вызначылася лічбай 32 (14 яўрэйскіх і 18 хрысціянскіх дзяцей) [3, л. 1–3].

У 1912 г. існавала ўжо 2 аддзялення прытулку, колькасць дзяцей, якія наведвалі яго, складала: 16 224 хрысціян і 10 058 яўрэяў. У параўнанні з 1911 г. колькасць дзяцей павялічылася на 3 927 чалавек. Кошт утрымання адного дзіця ў дзень ў 1912 г. вызначаўся ў 12, 3 капейкі, пры гэтым колькасць прыватных ахвяраванняў на карысць прытулку толькі за 1912 г. складала 583 руб. Мінская грамадская супольнасць вельмі ахвотна ўдзельнічала ў справе грашовага і рэчавага падтрымання гэтай дабрачыннай установы. Сярод іншых рэгулярнымі ўнёскамі вызначаліся М. В. Доўнар-Запольскі, Я. А. Наркевіч-Ёдка і інш. [6, л. 1–3]. Натуральна, што матэрыяльнае становішча жанчын, якія звярталіся за дапамогай яслей, было цяжкім. Заняткамі жанчын-хрысціянак былі праца на фабрыцы, самая прымітыўная, падзённая работа з вельмі маленькімі заробкамі. Яўрэйкі займаліся разносным гандлем, некаторыя працавалі на гільзавай фабрыцы, некаторыя браліся за нехарактэрную для іх працу – мыццё бялізны, ад якой аблазіла скура з рук. Жанчыны, якім прыходзілася з’яўляцца на працу ў 4 гадзіны раніцы, прасілі пакідаць сваіх дзяцей у прытулку на ноч, каб не падымаць іх так рана з пасцелі.

Прытулак «Яслі» ажыццяўляў медыцынскі агляд кожнага дзіцяці пасля прыходу, выдаваў казённае адзенне, прычым часцяком яно было значна больш прыгожым, чым уласнае. Далей дзяцей чакалі ранішняга гарбата і навучанне буквару і лічэнню. Некаторыя праз пару месяцаў завучвалі нават некалькі вершаў на памяць. У 12 гадзін дзяцей кармілі, звычайна гэта былі мясны суп і каша. Час пасля абеду праходзіў у гульнях і розных занятках пад кіраўніцтвам дзяжурных дам, меліся таксама два перапынкі для прыняцця гарбаты і малака. Зразумела, што пры такім распарадку дня дзеці ў яслях адчувалі сябе значна камфортней і вельмі часта не жадалі ўвечары вяртацца да дому, дзе ўмовы жыцця былі значна горшымі. Спакойнымі былі і маці, ўпэўненыя ў надзейным і бясплатным даглядзе за дзецьмі пад час іх занятасці на працы. Таму гэтая дабрачынная ўстанова з самага яе адкрыцця карысталася вялікім попытам у насельніцтва.

Падобныя ўстановы нагляду за малалетнімі былі арганізаваны на пачатку XX ст. амаль ва ўсіх губернскіх цэнтрах. Так, у справаздачах Віцебскага таварыства апекі аб дзецях за 1904–1915 гг. паведамлялася, што ў 1908 г. штодзень прытулак пад назвай «Прыстанішча» наведвала 20–25 дзяцей, на працягу года гэтая лічба складала прыкладна 7 300 наведвальнікаў [10, л. 26–27]. У справаздачы за 1913 адзначалася, што

набытае ў 1912 г. уласнае памяшканне «Прыстанішча» акрамя «...клапотнага пытання аб найму зручнага для прытулка памяшкання дала дзецям магчымасць у добрае надвор'е карыстацца садам пры будынку, што дзеля задач фізічнага выхавання мела вялікае значэнне. У цёплае надвор'е дзеці праводзілі час ў садзе, нават прымалі там ежу, ... што садзейнічала відавочнаму аздараўленню дзяцей...» [10, л. 64–64 ад.].

Найбольш актыўную дзейнасць сярод паўдзяржаўных устаноў працягвала праводзіць Ведамства ўстаноў імператрыцы Марыі. Да канца XIX ст. дзіцячыя прытулкі працавалі не толькі ва ўсіх губернскіх цэнтрах, але і некаторых павятовых гарадах. Пад уздзеяннем працэсаў трансфармацыі беларускага грамадства з'яўляюцца і новыя патрабаванні да гэтых устаноў: прытулкі зараз ажыццяўляюць не толькі бясплатнае ўтрыманне і адукацыю для сваіх выхавальнікаў, але і арганізоўваюць прафесійнае навучанне дзяцей для далейшага працаўладкавання. У Мінскім прытулку ў 1902 г. была арганізавана майстэрня жаночых і дзіцячых сукенак. Дзяўчынкі навучаліся тут шыццю пад кіраўніцтвам настаўніцы рукадзелля і прафесійнай швачкі. У гэтым годзе было выканана заказаў на 128 руб. 25 кап. Акрамя знешніх заказаў дзяўчынкі шылі вопратку для прыюта. Характэрна, што атрыманыя грошы, за пакрыццём расходаў майстэрні, размяркоўваліся паміж служачымі і старэйшымі дзяўчынкамі, якія працавалі ў майстэрні, і ўносіліся ў ашчадныя кніжкі. Паколькі дадзеная дабрачынная ўстанова не мела магчымасці арганізаваць рамеснае аддзяленне, выхаванцаў-хлопчыкаў адміністрацыя за ўласны кошт з выдаткамі на абмудзіраванне ўладкоўвала ў Мінскае рамеснае вучылішча Міністэрства народнай асветы [2, с. 7–9]. Такім чынам, прытулак даваў магчымасць сваім выхаванцам атрымаць закончаную рамесную адукацыю для далейшага іх забяспечанага самастойнага жыцця.

Працэсы трансфармацыі паступова ахоплівалі ўсе сферы жыцця і слаі насельніцтва. Не маглі яны не закрануць і сялянства: змены ў іх занятках і ў сацыяльнай структуры, працэсы па набыцці пачатковай адукацыі, адыходніцтва і г. д. Калі раней нагляд за сялянскімі непаўналетнімі сіротамі ажыццяўлялі сацыяльныя арганізацыі ўнутры сялянства, то ў пачатку XX ст. у гонар 300-годдзя дынастыі Раманавых у няземскіх губернях былі арганізаваны спецыяльныя камітэты па апецы дзяцей сялянскага насельніцтва. Задачай такіх камітэтаў з'яўлялася апека «... сірот сялянскага насельніцтва без адрозненняў плямён, стану, саслоўяў і веравызнанняў, а таксама аб'яднанне ўрадавай, грамадскай і прыватнай дзейнасці ў гэтым накірунку» [9, л. 9]. Камітэты не ажыццяўлялі непасрэднай грашовай

дапамогі ні самім сіротамі, ні іх родным, а выдавалі грошы на ўтрыманне іх у інтэрнатах пры пачатковых вучылішчах і пры ўсіх школах, дзе праводзілася навучанне прыкладным ведам і ўменням. Земскім начальнікам рассылаліся адпаведныя лісты з просьбай сабраць звесткі па паведах і валасцях аб колькасці сялянскіх дзяцей ад 2 да 12 гадоў, маючых патрэбу ў апецы. Кожны зварот за дапамогай разглядала спецыяльная камісія, шмат прашэнняў задавальняліся, але калі камісія лічыла матэрыяльны стан жыцця бацькоў ці апекуноў здавальняючым, падазравала іх у банальным жаданні пазбавіць сябе ад дзяцей. І такім грамадзянам было адмоўлена ў аказанні паслуг.

Такім чынам, у пачатку ХХ ст. у Беларусі значна пашырылася сетка дабрачынных устаноў. Калі на пачатку і ў сярэдзіне стагоддзя клопат па іх арганізацыі бралі на сябе дзяржаўныя ўстановы, то напрыканцы, і асабліва ў пачатку ХХ ст., гэта былі ўжо разнастайныя грамадскія аб'яднанні: таварыствы і грамадствы па ахове жанчын і дзяцінства. У гэты час адбываецца ўдасканаленне дзейнасці прытулкаў, яны не проста ажыццяўляюць дагляд за непаўналетнімі сіротамі, але і імкнуцца даць ім прафесію для далейшага жыцця ў свеце дарослых. Тлумачыцца такая з'ява трансфармацыяй грамадства, у першую чаргу, размыццём саслоўнай структуры насельніцтва. Ва ўмовах традыцыйнага грамадства ролю наглядальнікаў і выхавальнікаў сіротаў і безпрытульных малалетніх бралі на сябе прадстаўнікі саслоўна-карпаратыўных арганізацый, а пры пераходзе да мадэрну і разрушэнні традыцыйных сацыяльных інстытутаў саслоўнай апекі і нагляду сялянскай грамады ўзнікла патрэба у распрацоўцы новай заканадаўчай сістэмы па ахове сіроцтва. Клопат па ўладкаванні беспрытульных, бездаглядных малалетніх і дзяцей-сіротаў бралі на сябе дзяржаўныя органы праз арганізацыю разгалінаванай сеткі дабрачынных устаноў. Пільны дагляд за іх дзейнасцю дзяржава заахвочвала і падтрымлівала рух грамадскіх аб'яднанняў і таварыстваў у арганізацыі прыватных дабрачынных устаноў: шпіталёў, яслей, прытулкаў, рамесных школ і майстэрняў.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Анкеты на рожениц 1899–1911 // НГАБ. Ф. 500. Воп. 1. Спр. 3.
2. Вестник благотворительности. СПб. Г. 6. № 9. С. 7–9.
3. Дело о выдаче пособий детскому приюту «Ясли» // НГАБ. Ф. 1. Воп. 1. Спр. 4267.
4. Законы о детях. Сборник постановлений действующего законодательства, относящихся до малолетних и несовершеннолетних с приложением Свода разъяснений по кассационным решениям Сената / Сост. Я. А. Канторович. СПб., 1899.

5. Каханоўскі А. Г. Сацыяльныя аспекты мадэрнізацыйных працэсаў у Беларусі (60-я гг. XIX – пачатак XX ст.) // XXI век: актуальныя праблемы історычнай навуки: Матэрыялы міжнарод. навуч. канф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск, 15–16 апр. 2004 г. Минск: БГУ, 2004.
6. Матэрыяльны отчет и личный состав правления приюта за 1912 г. // НГАБ. Ф. 1206. Воп. 1. Спр. 1.
7. Моторова Н. С. Социальная политика Российской империи на территории Беларуси (1861–1914). Минск: Национальная библиотека Беларуси, 2019.
8. Об опеке над малолетними детьми умершего минского мещанина Фадея Василевского и его имуществом // НГАБ. Ф. 19. Воп. 1. Спр. 1019.
9. Об образовании особого комитета по призрению сирот сельского населения в Гродненской губ. по случаю 300-летия царствования Дома Романовых. 7 мая 1914 – 14 мая 1915 // НГАБ у г. Гродна. Ф. 17. Воп. 1. Спр. 430.
10. Отчеты Витебского общества попечения о детях за 1904–1910, 1913, 1915 гг. // НГАБ. Ф. 2649. Воп. 1. Спр. 45.
11. Русских Н. А. Попечение о детях грудного возраста в России // Труды Первого Всероссийского съезда детских врачей в С. -Петербурге с 27–31 декабря 1912 года / Под ред. Г. Б. Конухеса. СПб.; Орг. ком., 1913.
12. Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. Под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Прогресс, 1996.

ФАРМІРАВАННЕ СІСТЭМЫ САМАКІРАВАННЯ ДЗЯРЖАЎНЫХ СЯЛЯН У БЕЛАРУСІ Ё КАНЦЫ ХVІІІ – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ ХІХ ст.

Г. І. Маскевіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, maskevich@bsu.by*

Разглядаюцца рэформы, якія былі праведзены ў дзяржаўнай вёсцы на тэрыторыі Беларусі пасля далучэння да Расійскай імперыі і да адмены прыгоннага права. Надаецца ўвага фарміраванню органаў сялянскага самакіравання і кіравання, структуры і функцыям валаснога праўлення, сельскага праўлення, іх трансфармацыі і асаблівасцям дзеяння на тэрыторыі Беларусі ў першай палове ХІХ ст. Раскрыты сутнасныя адрозненні паміж тэрмінамі «сялянская абшчына» і «сельская грамада».

Ключавыя словы: сялянства; рэформа; вёска; самакіраванне; дзяржаўныя сяляне; памешчыцкія сяляне; воласць; валасное праўленне; валасны старшыня; сельская грамада.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ ХVІІІ – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ ХІХ в.

А. І. Маскевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, annamaskevich@gmail.com*

Рассматриваются реформы, которые были проведены в государственной деревне на территории Беларуси после присоединения к Российской империи и до отмены крепостного права в 1861 г. Уделено внимание формированию органов крестьянского самоуправления и управления, структуре и функциям волостного правления, сельского правления, их трансформации и особенностям на территории Беларуси на протяжении первой половины ХІХ в. Раскрыты существенные отличия между терминами «крестьянская община» и «сельское общество».

Ключевые слова: крестьянство; реформа; деревня; самоуправление; государственные крестьяне; помещичьи крестьяне; волость; волостное правление; волостной старшина; сельское общество.

FORMATION OF THE SYSTEM OF SELF-GOVERNMENT OF STATE PEASANTS IN BELARUS IN THE LATE ХVІІІ – FIRST HALF OF THE ХІХ CENTURY

A. I. Maskevich

*Belarusian State University,
Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, annamaskevich@gmail.com*

The article considers the reforms that were carried out in the state village on the territory of Belarus after joining the Russian Empire and before the abolition of serfdom in 1861. Attention is paid to the formation of peasant self-government and management bodies, the structure and functions of volost government, rural government, their transformation and

peculiarities on the territory of Belarus during the first half of the nineteenth century. The essential differences between the terms “peasant community” and “rural society” are revealed.

Keywords: peasantry; reform; village; self-government; state peasants; landowner peasants; volost; volost administration; volost foreman; rural society.

Сялянства з’яўлялася самым шматлікім і самым традыцыйным саслоўем у Беларусі на працягу не толькі XIX ст., але і ўсяго перыяду гісторыі. Рэформы, якія актыўна праводзіліся ў Рэчы Паспалітай у XVIII ст., мала змянялі прыгнечанае становішча сялян. У першыя гады пасля далучэння да Расійскай імперыі сацыяльна-правое становішча сялян Беларусі таксама не зведала значных змен, хоць асобныя новаўвядзенні мелі месца. Прыкметныя трансфармацыі пачаліся толькі ў канцы 1830-х гг. з правядзеннем аграрных рэформ П. Д. Кісялёва ў дзяржаўнай вёсцы і працягнуліся ў 1860-х гг. з адменаў прыгоннага права.

Асноўнымі прававымі катэгорыямі сялян пасля далучэння беларускіх зямель да Расійскай імперыі заставаліся памешчыцкія і дзяржаўныя. Іх колькасныя суадносіны ў беларускіх губернях былі некалькі іншымі, чым у цэнтральнай частцы імперыі. Дзяржаўныя сяляне ў пачатку XIX ст. складалі 7,5% усіх сялян Беларусі [1, с. 31]. У Расійскай імперыі гэта лічба была значна вышэйшай – каля 40%. Асаблівасцю беларускіх губерняў у першай палове XIX ст. было тое, што ў гэты перыяд назіралася актыўная колькасная дынаміка розных катэгорый сялянства. Так, па рэвізіі 1815–1825 гг. доля дзяржаўных сялян сярод сялянства Беларусі ўзрасла да 11,8%, а да сярэдзіны XIX ст. складала ўжо 20,6% [1, с. 31]. Звязана гэта было ў першую чаргу з палітыкай канфіскацыі маёнткаў шляхты і перадачы іх у казённае ведамства. Акрамя таго, у Беларусі існавалі тэрытарыяльныя адрозненні ў сацыяльна-правым становішчы гэтых катэгорый. У цэнтральнай частцы імперыі ўжо з пачатку XIX ст. урад прымаў меры па пашырэнню грамадзянскіх правоў дзяржаўных сялян. У Беларусі ж у канцы XVIII – пачатку XIX ст. становішча памешчыцкіх і дзяржаўных сялян значна не адрознівалася [2, с. 331].

У Расійскай імперыі ўвядзенне асобных элементаў самакіравання ў дзяржаўнай вёсцы пачалося яшчэ ў 1797 г., калі імператару Паўлу I быў прадстаўлены праект раздзялення казёных паселішчаў на воласці і парадку іх унутранага кіравання [3, с. 672]. Рабілася гэта для спрашчэння справаводства, каб «при сочинении ведомостей казённым именьям не различать селений по званиям, но писать целыми волостями, показывая число ревизских душ, земель и угодий» [3, с. 672]. Асноўным элементам самакіравання з’яўлялася валасное праўленне. Сельскія грамады не

ствараліся, але на ўзроўні аднаго паселішча ўводзіліся пасады сельскага старшыны (або выбарнага) і дзесяцкіх, якія выконвалі функцыі памочнікаў валасной адміністрацыі. Не існавала дакладных патрабаванняў адносна падзелу губерній на воласці, што было абумоўлена вялікай тэрыторыяй Расійскай імперыі і няроўным размеркаваннем дзяржаўных маёнткаў па колькасці душ і зямель у розных яе рэгіёнах. Адзінае патрабаванне, якое было выказана, – воласць павінна складацца не больш як з 3000 рэвізскіх душ. Абавязак раздзялення губерняў на воласці ускладаўся на губернатараў і казёныя палаты.

У канцы XVIII ст. першыя інстытуты сялянскага самакіравання не мелі шырокіх функцый і паўнамоцтваў, а іх увядзенне павінна было не столькі забяспечыць прыняцце рашэнняў сялянамі, колькі зрабіць больш простаў працу кіруючай губернскай адміністрацыі шляхам узбуйнення падсправаздачных адзінак. Гэта яскрава адлюстроўвалася ў функцыянале, якім надзялялася валасная і сельская адміністрацыя. Так, ёй дазвалялася «обнародовать издаваемые узаконения», «толковать, вразумлять и научать» сялян у пытаннях маралі і рэлігіі, «предостерегать» аб парушэнні закона [3, с. 675]. Валасны галава, акрамя таго, сачыў за зборам падаткаў і адбываннем павіннасцяў, а таксама мог вырашаць нескладаныя судовыя спрэчкі. Была вызначана грашовая аплата за службу сялянскай адміністрацыі. Валасны галава атрымліваў па 20 руб., сельскі выбарны – па 10 руб. у год [3, с. 674]. Акрамя таго, прадстаўнікі гэтых пасадаў мелі некаторыя асабістыя ільготы: вызваліліся ад усіх нарадаў і работ, але падаткі дзяржаве працягвалі выплочваць нароўні з іншымі сялянамі. Выдзяляліся сярод прадстаўнікоў адміністрацыі дзесяцкія. Яны абіраліся штомесяц для дапамогі старшыне, таму служылі без аплаты і не атрымлівалі ніякіх падатковых і іншых ільгот.

Ужо пры фарміраванні першага досведу сялянскага самакіравання быў заўважны ўплыў традыцыйных абшчынных каштоўнасцяў, вырацаваных сялянскім «мірам», на складванне афіцыйнай сацыяльнай іерархіі ў вёсцы. Пры прыняцці рашэнняў пра выбар службовай асобы немалаважным выступаў той фактар, каб прэтэндэнт быў «вельмі ўшанаваны» сярод аднавяскоўцаў. За абразу службовай асобы ці непаслушэнства ўсталёўваліся штрафы і пакаранні. Выбірацца кіраўнікі павінны з сялян «добрых поведением, примерных в хозяйстве, а паче в земледелии и скотоводстве искусных, дабы собою другим подавали пример» [3, с. 674].

У дакуменце 1797 г. былі згадкі і пра сельскі сход, але ён яшчэ не выступаў паўнаважным органам сялянскага самакіравання. Сельскі сход, які складаўся з прадстаўнікоў кожнага вясковага двара, павінен быў

збірацца па распараджэнні валаснога галавы ў прызначаны ім час для таго, каб «во всякой тишине, что им приказано будет внимать и в точности исполнять» [3, с. 675]. Правам прыняцця рашэнняў такі сход не валодаў, а за невыкананне пастаноў, няяўку на сход альбо «учинение шуму» на ўдзельнікаў накладаліся штрафы.

Такім чынам, у канцы XVIII ст. у дзяржаўнай вёсцы фарміраваліся элементы сялянскага самакіравання. Традыцыя «адказваць мірам», прымаць калектыўныя рашэнні, кругавая параўка і сіла грамадскай думкі былі не новымі для беларускай вёскі. Афіцыйнае афармленне сельскай грамады як тэрытарыяльна-адміністрацыйнай адзінкі прынесла новыя элементы ў звычайны сялянскі ўклад, разам з тым адчула на сабе ўплыў традыцыйных абшчынных каштоўнасцяў.

Актыўныя змены ў становішчы дзяржаўных сялян Беларусі пачаліся ў канцы 1830-х гг., калі ў мэтах вырашэння аграрнага пытання быў рэалізаваны шэраг рэформ у дзяржаўнай вёсцы. Іх ініцыятарам і актыўным прыхільнікам стаў міністр дзяржаўных маёмасцяў П. Д. Кісялёў. Адным з напрамкаў рэалізацыі яго рэформы стала змяненне сістэмы кіравання дзяржаўнымі сялянамі. Старт гэтым мерапрыемствам быў дадзены 30 красавіка 1838 г. з прыняццем праекта аб кіраванні дзяржаўнымі маёмасцямі [4, с. 405], паводле якога на тэрыторыі Расійскай імперыі ўводзілася новая сістэма кіравання дзяржаўнымі сялянамі. Складалася яна з чатырох звёнаў, два з якіх ўяўлялі сабой органы кіравання, а два – органы самакіравання. Першым звяном у гэтым ланцужку выступала Палата дзяржаўных маёмасцяў, якая кантралявала тэрыторыю губерні. У сваю чаргу, губерні дзяліліся на акругі пад кіраўніцтвам Акруговага праўлення дзяржаўных маёмасцяў на чале з акруговым начальнікам, якому падпарадкоўваўся штат служачых. Акругі складаліся з валасцей і прыпісаных да іх зямель і лясоў. Першым звяном сялянскага самакіравання з'яўлялася валасное праўленне, якое займалася справамі воласці. Самі воласці «складаліся з сельскіх грамад дзяржаўных сялян ўсіх найменняў і вольных хлебаробаў» [4, с. 551]. Валасному праўленню падпарадкоўвалася сельскае праўленне, якое стаяла на чале непасрэдна сельскай грамады. Сельская грамада, паводле ўказа, павінна была стварацца «ў кожным вялікім казёным паселішчы, якая б у ім ні была вялікая колькасць рэвізскіх душ» [4, с. 603]. Паселішчы невялікіх памераў дазвалялася аб'ядноўваць у адну сельскую грамаду. Такім чынам, у сялян з'явілася магчымасць самастойна фарміраваць органы самакіравання.

Важна звярнуць увагу на тое, што тут мае месца менавіта працэс інстытуалізацыі сельскай грамады, якая ў дадзеным выпадку не ідэнтычна паняццю «сялянская» альбо «сельская абшчына». Абшчына як форма арганізацыі сялянскага грамадства існавала і ў папярэднія часы, аднак яна мела больш нефармальнае, традыцыйнае значэнне ў рэгуляванні адносін у вёсцы. Абшчына як форма землекарыстання, а пазней і землеўладання сялян, таксама адрознівалася ад сельскай грамады як па сваіх функцыях, так і па форме. Сельскія грамады паўсюдна ствараліся на тэрыторыі Беларусі незалежна ад таго, было ў сялян пэўнага рэгіёна абшчыннае (усход) альбо індывідуальнае (захад) землекарыстанне. Безумоўна, ва ўсходніх рэгіёнах Беларусі дзейнасць абшчыны і грамады была шчыльна звязана, часам нават дубліравалася, аднак гэтыя інстытуты не былі ідэнтычныя.

Афіцыйна сельская грамада як частка адміністрацыйнага апарату стала фарміравацца ў канцы 1830-х гг. Такі інстытут першапачаткова ствараўся выключна для дзяржаўных сялян. У сялян прыватнаўласніцкіх такая практыка была ўведзена толькі пасля адмены прыгоннага права ў 1861 г. Аднак аб выкананні сялянскай абшчынай нефармальных функцый самакіравання можна казаць яшчэ ў перыяд росквіту феадальных адносін. Даследчык сялянскай абшчыны XVI–XVIII стст. ў Беларусі В. Ф. Голубеў пры апісанні адносін сялян і землеўладальнікаў, якія здавалі землі ў арэнду, сцвярджаў, што «грамада» дапамагала феадалу кантраляваць эканомію і арандатараў. Гэта дазволіла зрабіць выснову аб «наяўнасці ў беларускай феадальнай вёсцы пэўных элементаў сельскага самакіравання» [5, с. 7].

На тэрыторыі Беларусі правядзенне рэформы П. Д. Кісялёва мела пэўныя асаблівасці ў параўнанні з іншымі рэгіёнамі Расійскай імперыі. У снежні 1839 г. быў выдадзены ўказ «Аб кіраванні дзяржаўнымі маёмасцямі ў Заходніх губернях і Беластоцкай вобласці» [6, с. 989]. Да заходніх губерняў адносіліся ў тым ліку Віленская, Гродзенская, Мінская, Віцебская і Магілёўская. Паводле дакумента для дзяржаўных сялян гэтых тэрыторый ўсталёўвалася свая сістэма кіравання. Звязана гэта было з асаблівым прававым становішчам сялян Беларусі, якія ўсё яшчэ знаходзіліся на так званым «гаспадарчым становішчы». Гэта значыць, працягвалі адбываць паншчыну. Іншыя ж казённыя сяляне былі пераведзены на чынш, таму ўвядзення асаблівых правілаў для іх кіравання не патрабавалася.

Важным адрозненнем правядзення рэформы для беларускіх сялян была наяўнасць трохпрыступчатай, а не чатырохпрыступчатай сістэмы кіравання. На тэрыторыі Беларусі адсутнічала такое звяно, як валасное

праўленне, не планавалася падзелу тэрыторыі на воласці. Акругі дзяржаўных маёмасцяў складаліся непасрэдна з сельскіх грамад, прыпісаных да іх запасных казённых населеных і «пустопорожных земель, оброчных статей і лесных округов» [6, с. 1087]. У аснову падзелу на акругі быў пакладзены павятовы падзел.

Функцыянальныя абавязкі служачых кіравання дзяржаўных маёмасцяў у цэнтральнай частцы Расійскай імперыі і ў пяці беларускіх губернях былі ідэнтычнымі, у той час як жалаванне першых і другіх значна адрознівалася. Згодна штатам і табелям акруговы начальнік упраўлення першага разраду ў беларускіх губернях атрымліваў 715 руб., а ў губернях з сялянамі на аброчным становішчы – 2500 руб. у год. Пісцы вышэйшага разраду пры ім атрымлівалі 86 руб. у першым выпадку і 300 руб. – у другім, а жалаванне пісцоў ніжэйшага разраду складала 43 руб. і 150 руб. у год адпаведна [4, с. 121–123; 6, с. 286–288].

У працэсе правядзення рэформы ўдасканалвалася сістэма сялянскага самакіравання як ніжэйшага звяна сельскага кіравання ў дзяржаўнай вёсцы. Яна складалася з трох асноўных элементаў: сельскае начальства, сельскі сход і сельская расправа (выконвала судовыя функцыі). Вясковая адміністрацыя была прадстаўлена сельскім старшыной, якому падпарадкоўваліся 1–3 сельскіх старасты, зборшчыкам падаткаў і даглядчыкам сельскіх запасных магазінаў (дапускалася выкананне гэтых абавязкаў адным чалавекам), сельскім пісарам, дзесяцкімі, лясной вартай і палясоўшчыкамі.

Падобная сістэма самакіравання ўводзілася ў дзяржаўных вёсках, аднак не закранула большую частку сялянства Беларусі, прадстаўленую памешчыцкімі сялянамі. У апошніх органы самакіравання пачалі фарміравацца толькі пасля адмены прыгоннага права ў 1861 г. і мелі пэўныя асаблівасці ў параўнанні з тымі, што існавалі ў дзяржаўных сялян.

Такім чынам, традыцыі сялянскага самакіравання ў Беларусі ў форме сельскай грамады з сельскім сходам і сельскімі службовымі асобамі пачалі фарміравацца яшчэ ў канцы XVIII ст. Больш выразнае юрыдычнае афармленне сельская грамада атрымала ў выніку рэформы дзяржаўнай вёскі П. Д. Кісялёва. Яна была распачата ў 1838 г. і атрымала свае асаблівасці ў Беларусі ў канцы 1839 г. Вопыт самакіравання дзяржаўных сялян быў пакладзены ў аснову стварэння мясцовай адміністрацыі ў ходзе рэформы 1861 г. Аднак сельскія грамады памешчыцкіх сялян мелі адрозненні ад сялян казёнага ведамства.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Сосна У. А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. Мінск: : БДУ, 2000.
2. Гісторыя сялянства Беларусі : у 3 т. / рэдкал. : М. С. Сташкевіч [і інш.]. Т. 1 : Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. / Я. К. Анішчанка [і інш.]; пад рэд. В. І. Мясешкі. Мінск: Беларус. навука, 1997.
3. О разделении казенных селений на волости и о порядке внутреннего их управления, 7 авг. 1797 г., № 18082 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 24. С. 672–677.
4. Высочайше утвержденный проект учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях, 30 апр. 1838 г., № 11189 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1839. Т. 13. Отд. 1. С. 405–651.
5. Голубеў В. Ф. Сельская абшчына ў Беларусі XVI–XVIII стст. Мінск: Беларус. навука, 2008.
6. Высочайше утвержденное учреждение о управлении государственными имуществами в Западных губерниях и Белостокской области, 28 дек. 1839 г., № 13035 // Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1840. Т. 14. Отд. 1. С. 989–1150.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВОРЯНСКИХ ОПЕК ПО ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ ДВОРЯНСТВА В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В. С. Макаревич

Белорусский государственный университет г. Минск, пр. Независимости, 4. 220030, г. Минск, Беларусь, makarevs@bsu.by

Рассматривается деятельность дворянских опеков по организации социальной защиты дворянства Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Как институт социальной помощи дворянские опеки были также важным органом по организации защиты жизни, здоровья, социальных гарантий и имущественных прав и интересов малолетних и престарелых дворян, вдов, а также важным органом по осуществлению контроля за этой деятельностью в отношении к дворянству.

Ключевые слова: дворянство; шляхта; дворянская опека; социальная защита.

ДЗЕЙНАСЦЬ ДВАРАНСКІХ АПЕК ПА АРГАНІЗАЦЫІ САЦЫЯЛЬНАЙ АБАРОНЫ ДВАРАНСТВА Ў БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.

В. С. Макарэвіч

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт г. Мінск, пр. Незалежнасці, 4. 220030, г. Мінск, Беларусь, makarevs@bsu.by

Разглядаецца дзейнасць дваранскіх апек па арганізацыі сацыяльнай абароны дваранства Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Як Інстытут сацыяльнай дапамогі дваранскія апекі былі таксама важным органам па арганізацыі абароны жыцця, здароўя, сацыяльных гарантый і маёмасных правоў і інтарэсаў малалетніх і састарэлых дваран, удоў, а таксама важным органам па ажыццяўленню кантролю за гэтай дзейнасцю ў адносінах да дваранства.

Ключавыя словы: дваранства; шляхта; дваранская апека; сацыяльная абарона.

THE NOBLE TRUSTEESHIPS SOCIAL PROTECTION OF THE NOBILITY ACTIVITIES OF BELARUS ORGANISATION OF IN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE SIXTH - BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES

V. Makarevich

Belarussian State University, Niezaležnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus, makarevich.bsu.79@gmail.com; witalij@tut.by

The article considers the activity of the nobility trusteeship bodies in the organisation of social protection of the nobility of Belarus in the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. As an institution of social assistance, the noble trusteeships were also an important body for organising the protection of life, health, social guarantees and property rights and interests of young and elderly nobles, widows, as well as an important body for exercising control over these activities towards the nobility.

Keywords: Nobility; gentry; noble guardianship; trusteeship; social protection.

Одним из немногих сословных органов по осуществлению регламентированной социальной защиты населения в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. оставались дворянские опеки. Институт был создан в соответствии с реформой государственного управления 1775 г. [1]. Деятельность этого органа, влиявшего на социальную защиту части привилегированного населения России, имела особенное значение именно для западных, в том числе и белорусских губерний. Особое значение этого органа для Беларуси объясняется тем, что на территории западных губерний империи была сконцентрирована половина всего дворянства государства. Более того, дворянство западных губерний, которое состояло преимущественно из шляхты бывшего Великого Княжества Литовского, было не только в процентном отношении ко всему населению этих губерний значительно более многочисленным (около 5–7%), но также одновременно и менее обеспеченным, по сравнению с дворянством внутренних российских губерний. В основной своей массе дворянство Беларуси по материальному благосостоянию мало чем отличалось от крестьян и мещан и, соответственно, значительно чаще нуждалось в социальной помощи, нежели дворянство собственно русских губерний европейской России. Учреждение дворянских опеки, а также их состав были прописаны в «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» 1785 г. [2].

Задачи, законодательные основы, а также вопросы финансирования деятельности дворянских опеки были оформлены ещё в первой половине XIX в. Эти нормы вошли в «Свод законов Российской империи» 1835 г. [3]. Основные задачи органов дворянской опеки, которые состояли из уездного предводителя дворянства, являвшегося председателем опеки, судьи и двух заседателей уездного суда, избиравшихся дворянством, состояли в сохранении дворянской собственности тех потомственных дворян, которые оказались не в состоянии осознанно распоряжаться имуществом, либо оказавшихся в сложном, в социально-бытовом отношении, положении. Органы дворянской опеки вступали в деятельность по осуществлению функций опеки над судьбой и имуществом подопечных в том случае, если владельцами такового имущества, в силу сложившихся обстоятельств, оказывались вдовы, малолетние сироты, люди с возникшими в результате болезни или травмы ментальными проблемами, глухонемые от рождения, «расточительные и неисправные плательщики» и др. При возникновении указанных обстоятельств, получив соответствующие донесения от местных органов, органы дворянской опеки должны были посредством взятия

движимого и недвижимого имущества под опеку, которая в большинстве случаев включала в себя временное управление имуществом опекуемого, не допустить разорения его имени. Таким образом сохранялись имущество и средства опекуемого до момента возможности им распоряжаться самостоятельно, либо до момента передачи имущества в ведение официально назначенного органами опеки опекуна. Лицо, осуществлявшее опеку, имело право получения 5% дохода с имени опекуемого. Поставленная перед органами опеки цель целиком совпадала с одной из задач властей в дворянской политике – противодействие разорению и пауперизации дворянства. Следует обратить внимание, что финансирование опеки в этом случае осуществлялось за счёт средств, получаемых из дохода с имущества самого опекуемого. В ряде случаев дворянская опека также занималась вопросами управления именными и имуществом при возникновении спора о неразделенном наследстве, при тяжбах о «жестоким обращении». Опеки занимались также попечением над именными, которые передавались в их управление за долги перед государственным заемным банком и частными лицами, а также за казенные взыскания, долги или недоимки.

Дворянская опека осуществляла опекунский надзор над именными дворян как по их просьбе или в предусмотренных законом случаях, либо также в результате реквизиций имущества по взысканиям. Для белорусских губерний, среди прочего, последнее было очень актуально, поскольку секвестрированные имения, в том числе у участников восстаний, временно также поступали в ведение дворянской опеки.

Вторым направлением работы опеки была непосредственная организация ухода за престарелыми и больными, а также, в случае с малолетними, организация их образования и воспитания. Так, в отношении к малолетним и юношам до 17 лет, попадавшим под защиту дворянской опеки, она занималась определением малолетних в общественные училища, а юношей на службу, а над имуществом устанавливалось опекунское управление. Начиная с 17-летнего возраста опекунское управление снималось и заменялось попечительством. При достижении совершеннолетия, которое наступало в 21 год, попечительство снималось. Дворянские опеки вели также дела вдов, выступали от их имени по требованию, в случае необходимости принимали также меры по поиску и предоставлению им жилища и средств к пропитанию путём устройства в соответствующие заведения.

В случае установления мировым судьёй либо иным государственным органом факта подлежащего рассмотрению дворянской опеки, в установленном порядке созывалось заседание дворянской опеки, где рассматривалось дело. Опекой проводилась опись имущества опекуемого, назначались, в соответствии с требованиями и необходимыми критериями соответствия, опекуны, которые управляли опекаемым имуществом с оплатой в размере 5% от доходов с этого имущества. Опекуны были обязаны по вверенному им имуществу вести приходо-расходные книги, ежегодно предоставлять в опеку годовые отчеты о доходах и расходах, о содержании и воспитании малолетних детей с приложением приходо-расходных книг, расписок в получении денег, выданных опекунами, счетов на полученные товары и услуги, квитанции казначейства и банков за внесенные деньги. Опекуны также вели переписку о взыскании недоимок, страховали и отдавали в залог имущество, сдавали в арендное содержание земельные участки. Непосредственный контроль за деятельностью дворянских опеков и правильностью ведения опекунских дел, в которых нередко случались злоупотребления, осуществлялось через гражданские палаты, за которыми, в свою очередь, наблюдало Министерство юстиции. С 1894 г. ревизия всех опекунских отчетов по губерниям осуществлялась в окружных судах.

На протяжении конца XVIII – начала XX в. законодательные основы деятельности дворянских опеков претерпели некоторые изменения, однако функционал изменён не был. Примечательно то, что до момента прекращения действия Статута ВКЛ в белорусских губерниях Российской империи опеки осуществляли свою деятельность согласно его нормам, позднее – на основании общероссийского законодательства. Согласно имперскому законодательству до середины 1860-х гг. дворянские опеки состояли при уездном суде. Председателями опеков являлись предводители дворянства, в присутствие входили уездный (с введением в действие судебной реформы 1864 г. – мировой) судья, заседатели земского или уездного судов и казначей. Однако в девяти западных губерниях, в том числе в белорусских, порядок организации дворянских опеков согласно указу от 23 октября 1867 г. был несколько иным – по мере упразднения уездных судов создавались дворянские опеки под председательством уездного предводителя дворянства и двух заседателей, назначаемых генерал-губернаторами из местных дворян не католического вероисповедания, что превращало деятельность опеков в орган полностью подконтрольный местным властям. Канцелярия опеки состояла из секретаря, одного или

нескольких контролеров, журналиста, двух столоначальников с помощниками и нескольких канцелярских служащих. В западных губерниях империи, в том числе в белорусских, канцелярии дворянских опеков размещались вместе с канцеляриями предводителей дворянства. Высшей апелляционной инстанцией для дворянских опеков был Сенат.

Общая статистика по деятельности всех видов опеков (дворянских и городских) по белорусским губерниям отдельно исследователями не изучалась. Однако по некоторым губерниям за отдельные годы статистика опекунских дел в НИАБ сохранилась. Так, на 1857 г. по Витебской губернии осуществлялось 554 опекунства. Из этого числа 350 опекунств велись в дворянской опеке. Большинство из опекунств, а именно 151, касались осуществления опекунского управления над имуществом, как указывалось в статистической ведомости, «неосторожных должников». Несколько меньше – 140 опекунств, были установлены над малолетними дворянами, 28 – «по спорам наследников и по неявке их». Остальные виды осуществления опекунства, такие как «по помешательству в уме» (4), «по безызвестному отсутствию» (6), «по участию в мятеже (2)», «по злоупотреблению помещичьей властью» (3), «фундушовых» (2), «за дурное поведение», «за отступление от православия» составляли незначительный процент, либо вовсе не инициировались к установлению [4, лл. 1–1об.].

Дворянские опеки необходимо считать значительным сословным органом социальной защиты населения в белорусских губерниях, а также органом осуществления государственной социальной политики с функциями реализации, в том числе, мероприятий властей по отношению к дворянству. В данном случае особо можно выделить дела, касающиеся имущества бывших участников восстаний, и фундушевые дела. Деятельности дворянских опеков в Беларуси до настоящего момента не было уделено достаточного внимания исследователями. Дворянские опеки имели большое значение для поддержания социального облика дворянства, которое разорялось и постепенно утрачивало свой облик и исключительное социальное положение в результате модернизационных процессов в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в., а также в результате политики «разбора» шляхты. Как институт социальной помощи дворянские опеки были также важным органом по организации защиты жизни, здоровья, социальных гарантий и имущественных прав и интересов малолетних и престарелых дворян, вдов, а также важным органом по осуществлению контроля за этой деятельностью по отношению к дворянству. Свою деятельность в Беларуси дворянские опеки прекратили

одновременно с прекращением деятельности сословных дворянских органов в 1917 г.

Библиографические ссылки

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ): Собрание первое : [С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. Т. 20. С. 229–304. № 14392.
2. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 22. С. 344–358. №. 16187.
3. Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ) [повелением Государя императора Николая Павловича составленный]. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1835–1836. Т. 10. Свод законов гражданских и межевых: ч. 1 и 2. 1835.
4. НИАБ. Ф. 2549. Оп. 16. Д. 2.

**ПРАВАПАРУШЭННІ МАСАВАГА ХАРАКТАРУ НАСЕЛЬНІЦТВА
НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ
У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XIX – ПАЧАТКУ XX ст.:
ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ**

А. Э. Сакольчык

*Інстытут гісторыі НАН Беларусі, вул. Акадэмічная, 1, 220072, г. Мінск, Беларусь,
edwardowna@mail.ru*

У дадзеным артыкуле праводзіцца гістарыяграфічны агляд выяўленай тэматычнай літаратуры, дзе акрэсліваюцца канцэптуальныя і метадалагічныя падыходы ў асвятленні вылучанага пытання, спецыфіка характару публікацый па праблеме ў розныя гістарычныя перыяды і ў розных навуковых галінах. Прааналізавана ступень распрацаванасці выбранай навуковай праблемы, звернута ўвага на перспектывыўнасць далейшага даследавання тэмы, яе практычную і сацыяльную значнасць.

Ключавыя словы: гістарыяграфія; гуманітарыстыка; юрыспрудэнцыя; дэвіянталогія; злачыннасць; правапарушэнне; правіна; бытавы крадзеж.

**ПРАВОНАРУШЕНИЯ МАССОВОГО ХАРАКТЕРА НАСЕЛЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.:
ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА**

Е. Э. Сокольчик

*Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь,
edwardowna@mail.ru*

В данной статье проводится историографический обзор выявленной тематической литературы, где излагаются концептуальные и методологические подходы в освещении анализируемого вопроса, специфика характера публикаций по проблеме в разные исторические периоды и в разных научных областях. Анализируется степень разработанности выбранной научной проблемы, обращается внимание на перспективность дальнейшего исследования темы, ее практическую и социальную значимость.

Ключевые слова: историография; гуманитаристика; юриспруденция; девиантология; преступление; правонарушение; проступок; бытовая кража.

**OFFENSES OF THE MASS CHARACTER OF THE POPULATION OF
THE BELARUSIAN PROVINCES IN THE SECOND HALF OF THE
XIX – EARLY XX CENTURIES: HISTORIOGRAPHY OF THE
PROBLEM**

A. Sakolchik

*Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Akademicheskaya str., 1,
220072, Minsk, Belarus, edwardowna@mail.ru*

This article provides a historiographical review of the identified thematic works, which sets out the conceptual and methodological approaches in covering the analyzed issue, the

specifics of the nature of publications on the problem in different historical periods and in different scientific fields. The degree of development of the selected scientific problem is analyzed, attention is drawn to the prospects for further research on the topic, its practical and social significance.

Keywords: historiography; humanities; jurisprudence; deviantology; crime; offense; misdemeanor; household theft.

Пад правапарушэннямі масавага характару неабходна разумець найбольш распаўсюджаныя тыповыя супрацьзаконныя дзеянні насельніцтва пэўнай краіны ў канкрэтны прамежак часу. Зразумела, падобныя якасныя характарыстыкі заўсёды базіруюцца на колькасных паказчыках. Сучасны расійскі навуковец С. А. Елісееў, правёўшы падлікі дадзеных дарэвалюцыйнай статыстыкі па 44 губернях Расійскай імперыі, заўважыў, што ўдзельная вага крадзяжоў у 1860-я гг. складала 80% ад колькасці зарэгістраваных маёмасных злачынстваў (рабаванні, разбоі, крадзяжы). Прычым апошнім належыла звыш 60% ад ліку ўсіх зафіксаваных дэліктаў. Прыкладныя лічбы ён атрымаў і на перыяд 1874–1894 гг., абапіраючыся на звесткі дарэвалюцыйнага даследчыка Я. М. Тарноўскага [16, с. 38]. Пры аналізе структуры жаночай злачыннасці ў Расіі другой паловы XIX – пачатку XX ст. С. Г. Кулікова таксама адзначыла колькасную перавагу крадзяжоў. Па яе падліках, першае месца атрымалі маёмасныя злачынствы – 33,7% , з іх 26% – крадзяжы [18, с. 9]. У. Б. Безгін, адносячы крадзеж да самага распаўсюджанага віда злачынстваў сярод сельскага насельніцтва, прыводзіў яскравае таму пацвярджэнне паказчыкамі вытворчасці крымінальных спраў земскімі начальнікамі па некаторых губернях Расійскай імперыі. Напрыклад, у 1893 г. па Курскай і Арлоўскай губернях іх працэнт вар’іраваўся ад 18 да 25 ад сумы разгледжаных спраў [6, с. 286]. І гэта з улікам таго, што па розных прычынах далёка не ўсе справы аб крадзяжах даходзілі да судаў. А сам феномен крадзяжу часта засноўваўся на элементах, складаючых паняцце «правапарушэнне», бо факты супрацьпраўнага дзеяння не заўсёды насілі чыста крымінальны характар злачынства, а суадносіліся больш з юрыдычнай катэгорыяй «правіны».

Усім добра вядомы стары як свет, вусаты гістарычны анекдот, калі князь А. М. Гарчакоў пасля доўгага прабывання ў Еўропе, запытаў М. М. Карамзіна, што адбываецца ў Расіі, то ў адказ пачуў «воруют-с» [21, с. 6]. Чым яшчэ раз падкрэсліваўся ўстойлівы, можна сказаць, традыцыйны характар такой з’явы паўсёдзённага жыцця грамадства Расійскай імперыі. Такім чынам, з вышэй адзначанага вынікае, што прадметам нашага даследавання будуць выступаць менавіта бытавыя крадзяжы. Наўмысна са сферы дадзенага навуковага аналізу выключаецца канакраднасць, хаця яно мела высокі ўзровень распаўсюджанасці, як і бытавыя крадзяжы, але

ў'яўляла сабой асобную тагачасную «сацыяльную язву» са спецыфічнымі суб'ектна-аб'ектнымі адносінамі, заканадаўчымі практыкамі і нормамі звычайнага права.

Нягледзячы на відавочны маштаб, праблема не набыла належнага аналізу ў гістарычнай навуцы. У апошнія дзесяцігоддзе расійскія даследчыкі паспрабавалі ў некалькіх навуковых артыкулах разгледзець канкрэтна крадзяжы як адзін з відаў маёмасных злачынстваў у пэўным рэгіёне або ў пэўным сацыяльным асяроддзі Расійскай імперыі другой паловы XIX – пачатку XX ст. [6; 17; 18; 20; 26; 27], засяродзіўшы ўвагу пераважна на сялянскіх правапарушэннях і іх гендэрнай спецыфіцы. У асноўным, крадзяжы выступаюць фонавымі сюжэтамі пры аналізе больш буйных тэм – гісторыі злачыннасці або дэвіантных паводзінаў насельніцтва ў цэлым, часткова гісторыі праваахоўных і судовых органаў, гісторыі права. Дарэчы, два першыя ўказаныя тэматычныя накірункі з'яўляюцца даволі моднымі ў сучаснай расійскай навуцы і не толькі гістарычнай. Такую папулярнасць, навуковую запатрабаванасць і сацыяльную значнасць самі гісторыкі тлумачаць наступным чынам: «В настоящее время изучение уголовной преступности в исторической ретроспективе привлекает все большее внимание научного сообщества. Подобная активизация обусловлена социальными изменениями, характерными для переходных эпох, когда общество осуществляет поиск сценария своего дальнейшего развития. В начале XXI в. как и на рубеже XIX–XX вв. происходит переориентация старых и утверждение новых ценностей и норм, отвечающих иной политической и социально-экономической ситуации. Поэтому обращение к историческому опыту в данном контексте представляет для нас определенный научный интерес» [14, с. 376]. Даследчыкі ўпэўнены, што вывучэнне сацыяльных анамалій мінулага перыяду мадэрнізацыі можа дапамагчы ў вырашэнні і надзённых праблем, звязаных з істотным ростам дэвіяцый насельніцтва Расіі, якія пачаліся ў канцы мінулага стагоддзя, у перыяд кардынальных змен у жыцці членаў постсавецкага соцыума, але працягваюцца і сёння [7, с. 190].

Сапраўды, гледзячы на наяўную тэматычную літаратуру праблема знаходзіцца ў трэндзе расійскай гуманітарыстыкі і носіць мультідысцыплінарны характар. Маюцца па ёй і ґрунтоўныя гістарыяграфічныя агляды як у главах дысертацыйных даследаванняў, так і ў спецыяльна прысвечаных артыкулах. Аўтарамі праведзены аналіз прац мясцовых і замежных навукоўцаў. Каб пазбегнуць паўтораў, абагульнім і падсумуем гістарыяграфічныя напрацоўкі папярэднікаў. Традыцыйна даследчыкі аналізуюць тры храналагічныя перыяды: дарэвалюцыйны, савецкі і сучасны [5; 7; 14; 22]. Адназначна ўсе даследчыкі пагаджаюцца, што дарэвалюцыйны этап заклаў базісныя асновы ў вывучэнні праблемы,

распрацаваў метадалогію і тэрміналагічны апарат. Праўда, усё гэта зроблена пераважна ў рамках крыміналогіі і юрыспрудэнцыі. Тагачасная юрыдычная і публіцыстычная літаратура стваралася па гарачых слядах бягучых падзей і была зарыентавана на вырашэнне балючых штодзённых пытанняў. Тым не менш, даследчыкамі сабраны багаты факталагічны і статыстычны матэрыял, якім да сённяшняга дня карыстаюцца сучасныя гісторыкі.

Савецкі перыяд выдаўся зусім неадназначным. Да 1930-х гг. перыядычна выходзілі працы прадстаўнікоў з плеяды бліскучых дарэвалюцыйных вучоных у вобласці крымінальнага права, так званых крыміналістаў-класікаў. Паралельна развіваўся антрапалагічны або клінічны напрамак у даследаванні злачыннасці. Былі створаны і дзейнічалі Кабінет крымінальнай антрапалогіі, Дзяржаўны інстытут па вывучэнні злачыннасці і злачынцаў, дзе вучоныя – юрысты, крыміналагі, дактары-псіхіатры – стваралі індывідуальныя характарыстыкі партрэтаў злачынцаў. Пасля 1930 г. тэма патрапіла ў своеасаблівы чорны спіс, бо галоўным пастулатам стала наступнае сцвярджэнне: злачыннасць ёсць перажытак капіталізма, сацыялізм яе не параджае ўвогуле. Праблема падавалася як элемент праявы класавай барацьбы рабочых і сялянства. У 1960-я гг. адбываецца пэўны пералом. Паступовы перагляд папярэдніх традыцый у гістарычным пазнанні і зварот да вывучэння рэформ перыяду Расійскай імперыі не маглі не засноўвацца на канкрэтным гістарычным матэрыяле і дасягненнях дарэвалюцыйнай гістарыяграфіі. У некаторых даследаваннях тонкім струменьчыкам праходзілі праблемы сацыяльнай дэвіацыі. А стварэнне Усесаюзнага інстытута па вывучэнні прычын і распрацоўцы мер папярэджання злачыннасці пры Пракуратуры СССР актывізавалі адпаведныя даследаванні [15, с. 79–83]. І хаця яны пераважна датычыліся актуальных часу правапарушэнняў, пазбегнуць аналізу багатай навуковай спадчыны дарэвалюцыйнага перыяду савецкім даследчыкам не ўдалося. Як раз у 1960 г. з’явілася першае манаграфічнае даследаванне прафесійнага гісторыка С. С. Астраумава па вывучэнні дарэвалюцыйнай злачыннасці – «Преступность и ее причины в дореволюционной России». Аднак усё роўна пытанні дарэвалюцыйнай злачыннасці закраналіся рэдка, толькі ўскосна, у ходзе вывучэння іншых сацыяльна-эканамічных праблем.

Сучаснай расійскай гістарычнай думкай зроблена вельмі шмат у распрацоўцы розных аспектаў дарэвалюцыйнай злачыннасці. Развіццё новых гістарыяграфічных тэндэнцый і напрамкаў (сацыяльная, гендэрная, лакальная гісторыя, гісторыя штодзённасці) далі штуршок для праламлення праблем сацыяльных анамалій у гістарычнай рэтраспектыве. Нават сацыялагічны аналіз дэвіянтных паводзін і злачыннасці, які праводзіць Цэнтр дэвіянталогіі пры Інстытуце сацыялогіі РАН пад кіраўніцтвам

прафесара Я. І. Гілінскага, даследуе прыроду злачыннасці з пункту гледжання шматфактарнасці і дэвіянтнасці менавіта ў дарэвалюцыйнай Расіі [15]. Праўда, на навуковую авансцэну пачалі ўсё больш выходзіць гісторыкі, разглядаючы злачыннасць як фактар мадэрнізацыі расійскага грамадства. Імі прааналізаваны шырокі спектр суправаджаючых з’яў, узровень і дынаміка, структура, фактары і геаграфія злачыннасці, уплыў рэформ і мадэрнізацыйных працэсаў на тагачасны крымінальны свет. Дарэчы, апошні накірунак найбольш папулярны ў замежных аўтараў. Звяртаецца вялікая ўвага на міждысцыплінарнасць у метадалагічных падыходах даследаванняў. Гісторыкі адназначна канстатуюць – вывучэнне злачыннасці неаддзельна ад аналізу сацыяльнага, эканамічнага і грамадска-палітычнага кантэксту, а навуковы інтарэс заўсёды параджаецца рэальнай крымінальнай сітуацыяй. Паралельна навукоўцы прызнаюць пэўныя даследчыя недахопы, вылучаюць патэнцыял тэмы і ставяць перспектывныя задачы, якія, на іх погляд, павінны заключацца «в изучении социальных девиаций в их взаимосвязи с моралью, нравственностью, поведенческими установками, правовой культурой и другими категориями повседневности. Необходимо уделить более пристальное внимание проблеме форм и действительности социального контроля, как со стороны государства, так и общественных институтов» [7, с. 198].

Што датычна беларускай гістарыяграфіі, то пытанні правапарушэнняў і дэвіянтных паводзінаў насельніцтва Расійскай імперыі пакуль што знаходзяцца на перыферыі даследчых інтарэсаў. Адзінай спробай абагульняючага аналізу праблемы выступае праца Д. П. Бригадзіна [8]. Метадалагічным лейтматывам названага даследавання стала вызначэнне ролі злачыннасці як суправаджаючага элемента рэфармавання расійскага грамадства. Рост злачыннасці парэформеннага перыяду гісторык звязаў з пераходным станам грамадства і сур’ёзнымі структурнымі змяненнямі. Аўтар імкнуўся правесці якасную характарыстыку злачыннасці і спалучыць тры яе паказчыкі: структуру, дынаміку і характар. Але такі аналіз даволі працаёмкі, таму навуковец у выніку засяродзіўся толькі на яе сацыяльна-дэмаграфічных прыкметах. Выкарыстаны багатыя заканадаўчы і статыстычны матэрыялы з нязначнай колькасцю архіўных крыніц не дазволілі паглыбіцца ў спецыфіку характару і відавочнага напаўнення мясцовай злачыннасці.

Маюцца таксама па тэме асобныя артыкулы, дзе аналізуюцца некаторыя віды дэвіянтных паводзінаў месцічаў беларускіх губерняў другой паловы XIX ст. або крымінальнага свету некаторых гарадоў [9; 10; 11; 12; 13; 23; 24; 25]. Найбольш шчыльна гісторыю злачыннасці, праўда першай паловы XIX ст., распрацоўвае Н. В. Анофранка [1; 2; 3; 4]. Яе грунтоўныя раздзелы ў калектывных манаграфіях і артыкулах на багатай

крынічнай базе дазваляюць правесці параўнаўчы аналіз феномена злачыннасці і разгледзець яго ў дынаміцы.

Такім чынам, вывучэнне сацыяльных анамалій другой паловы XIX – пачатку XX ст. у беларускім рэгіёне падаецца актуальным і навукова запатрабаваным, а найбольш мэтазгодна пачаць з разгляду іх канструкцый і відавага складу, засяроўдзіўшыся на найбольш тыповых (масавых) правапарушэннях у штодзённасці тагачаснага грамадства.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Анофранка Н. В. Кантрабандны гандаль // Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2020. С. 547–555.

2. Анофранка Н. В. Адлюстраванне колькасці грабязоў у беларуска-літоўскіх губернях за 1815–1854 гг. у афіцыйных звестках Міністэрства ўнутраных спраў Расійскай імперыі // Пічэтаўскія чытанні – 2021: 100 гадоў БДУ – першаму ўніверсітэту Беларусі: матэрыялы міжнар. навук. -тэарэтыч. канф. Мінск: БДУ, 2021. С. 128–135.

3. Анофранка Н. В. Правапарушэнні ў гарадах беларуска-літоўскіх губерняў у канцы XVIII – першай палове XIX ст. і меры іх перасцярогі // Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В. В. Яноўская [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2020. С. 336–342.

4. Анофранка Н. Злачынствы непаўналетніх і малалетніх дзяцей у 30–50-я гады XIX ст. на землях Беларусі // Беларускі гістарычны агляд. Т. 28 Сшыткі 1–2 (54–55). Снежань 2021. С. 53–93.

5. Ахметов А. А. Некоторые аспекты отечественной историографии феномена девиантного поведения в России в конце XIX – первой трети XX вв. // Проблемы российской цивилизации и методики преподавания истории. 2011. № 11. С. 76–83.

6. Безгин В. Б. Кражи в российском селе второй половины XIX – начала XX века // Юридические исследования. 2013. № 6. С. 285–319. DOI: 10. 7256/2305-9699. 2013. 6. 5112.

7. Безгин В. Б., Жеребчиков Д. П. Социальные девиации периода российской модернизации в современных исторических исследованиях // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 5(49). С. 190–206. DOI: 10. 12731/2218-7405-2015-5-16.

8. Бригадин Д. П. Преступность в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. Минск: ГИУСТ БГУ, 2018.

9. Воронич Т. В. «Цемнякі», «брухарэзы» і «наша паліцыя» – правонарушэння на старонках газеты «Наша Ніва» (1906–1915) // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. 2020. Вып. 4. С. 209–226.

10. Воронич Т. В. Мошенники Вильны (конец XIX – начало XIX в.) // Социальные группы и их влияние на развитие общества в XVI–XIX вв. = Grupy społeczne i ich wpływ na rozwój społeczeństwa w XVI-XIX wieku: сб. науч. ст.; составитель Т. Байрашаускайте. Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2015. С. 363–383.

11. Воронич Т. В. Преступления в торговой сфере экономики городов и местечек Беларуси конца XIX – начала XX в. // Беларусь праз прызму рэгіянальнай гісторыі: Ашмяны і Ашмянскі рэгіён: зб. навук. арт. Мн.: Беларуская навука, 2015. С. 290–299.

12. Воронич Т. В. Проституция в Минске (вторая половина XIX – начало XX в.) // Biuletyn Historii Pogranicza. Białystok. 2014. № 14. С. 5–34.

13. Гатальская К. Самоубийства на белорусских землях в начале XX в. // Деды. 2011. № 8. С. 238–239.
14. Данчевская А. В. Уголовная преступность в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: к вопросу об историографии проблемы (дооктябрьский период) // Вестник ИрГТУ. 2015. № 5 (100). С. 376–381.
15. Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.): тенденции и социологическое осмысление / Я. Гишинский, В. Афанасьев и др. СПб.: Алтейя, 2000.
16. Елисеев С. А. Общие черты имущественной преступности в царской России // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 11 (62). Серия: Гуманитарные науки (Юриспруденция). С. 37–40.
17. Жеребчиков Д. П. Имущественные преступления в провинциальном городском социуме Тамбовской губернии во второй половине XIX века // Вестник СПб. университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 56–60.
18. Жеребчиков Д. П. Кражи в российской провинции во второй половине XIX–начале XX века (на примере Воронежской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 139–148. DOI: 10.7256/2409-868X.2016.6.20616.
19. Куликова С. Г. Женская преступность в России второй половины XIX – начала XX веков: взгляд справа // Вестник Московского университета МВД России. № 10. 2014. С. 9–14.
20. Масленникова В. А. «Вороватые дамочки»: домашние кражи в Таврической губернии по материалам периодической печати конца XIX – начала XX в. (гендерный аспект) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2021. № 1. С. 25–36.
21. Мединский В. Р. О русском воровстве и издоимстве. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.
22. Морюшкин С. И. Преступность и борьба с ней в пореформенной России: на материалах Рязанской губернии: автореф. дис... канд. ист. наук. Орел, 2009.
23. Радзюк А. Р. Гарадзенскі крымінал 70-х – пачатку 80-х гг. XIX ст. // Гарадзенскі соцыум: Чалавек у прасторы горада. XV–XX стст. Мінск: Зміцер Колас, 2015. С. 121–149.
24. Радзюк А. Р. Значныя мясціны Гародні ў другой палове XIX ст. // Гарадзенскі палімпсест 2011. Асоба, грамадства, дзяржава. XV–XX ст. Мінск: Зміцер Колас, 2012. С. 231–259.
25. Радзюк А. Р. Чалавек за кратамі: гарадзенскія турмы і вязні ў XIX ст. // Гарадзенскі палімпсест 2010. Дзяржаўныя і сацыяльныя структуры. XVI–XX стст. Мінск: Зміцер Колас, 2011. С. 295–328.
26. Самарина Л. А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в. // История повседневности. 2017. № 1 (3). История и археология. С. 77–88.
27. Шаповалов В. А., Шаповалова С. П. Усадьба и изба: воровство как проявление «коммунизма крестьянина с помещиком» // Этнография. 2022. № 1 (15). С. 207–226. DOI: 10.31250/2618-8600-2022-1(15)-207-226.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ФИНАНСОВ ДРЕВНЕЙ РУСИ В БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С. Н. Темушев

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, stepnikbsu@gmail.com

В статье представлена белорусская историография проблемы формирования государственных финансов в восточноевропейском регионе в древнерусский период. Историографический обзор охватывает выводы историков, взгляды которых сформировались еще в дореволюционный период, исследователей советского периода и современных ученых. В современной белорусской историографии формирование финансов непосредственно связывается с развитием государственности, признается ключевая роль налогово-даннической системы в укреплении института верховной (княжеской) власти.

Ключевые слова: государственные финансы (фиск); Древняя Русь; Полоцкая земля; историография; данничество; частное землевладение; земельная рента; домен.

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF PUBLIC FINANCES OF ANCIENT RUS' IN BELARUSIAN HISTORIOGRAPHY

S. Tsemushau

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, (stepnikbsu@gmail.com)

The article presents the Belarusian historiography of the problem of the formation of public finances in the Eastern European region in the Ancient Rus' period. The historiographic review covers the conclusions of historians whose views were formed in the pre-revolutionary period, researchers of the Soviet period and modern scientists. In modern Belarusian historiography, the formation of finance is directly associated with the development of statehood, the key role of the tax-tributary system in strengthening the institution of supreme (princely) power is recognized.

Keywords: public finance (fisc); Ancient Rus'; Polotsk land; historiography; tribute; private land ownership; land-rent; domain.

Проблема формирования государственных финансов Древней Руси не стала предметом специального исследования белорусских историков. Тем не менее, понимание значимости финансовой сферы для развития ранней государственности восточных славян обусловило обращение к данной проблеме при рассмотрении различных аспектов политического развития белорусских земель периода Высокого средневековья.

Стоявшие у истоков белорусской исторической науки М. В. Довнар-Запольский и В. И. Пичета в целом придерживались традиционного взгляда на организацию сбора податей и наполнения княжеской казны. М. В. Довнар-Запольский в вопросе об организации управления в древнерусском

княжестве решительно отводил ведущую роль князю, при этом вече было лишь направляющим органом и не имело в своем распоряжении исполнительных органов [7, с. 241, 240]. Историк отмечал крайнюю простоту системы княжеского управления, что выражалось в господстве личных отношений [8, с. 248]. «Полицию, финансовое управление и суд» князь осуществлял через назначаемых «чиновников»; наиболее развитой при этом, по мнению ученого, была администрация по финансовой части, а именно: сбор пошлин [8, с. 268]. В. И. Пичета считал возможным называть Древнюю Русь до середины XI в. «династическим государством», представлявшим собой объединение отдельных «земель-стран», которые были связаны с Киевом только экономическими отношениями [21, с. 46] (речь шла о необходимости выплаты дани и торговых связей). Одним из первых среди советских историков В. И. Пичета стал рассматривать распространение крупного феодального землевладения в качестве причины раздробления государства [19, с. 6; 20].

Белорусские историки А. П. Пьянков и В. И. Горемыкина значительное место в общественном строе Древней Руси отводили рабовладельческому укладу [1, с. 73–74]. Более того, по мнению А. П. Пьянкова, феодализму в качестве необходимой ступени социального развития непременно предшествовало рабовладение [23, с. 62]; феодальные же отношения утвердились на Руси в IX в. По мнению ученого, в дальнейшем сепаратистские тенденции местных феодалов, боровшихся за контроль над данью, привели к феодальной раздробленности [22, с. 62–130]. Таким образом, для А. П. Пьянкова борьба за ресурсы являлась важнейшим фактором эволюции политического строя Древней Руси [25, с. 450–457]. В представлении В. И. Горемыкиной приоритетное значение в развитии общества имело становление крупной земельной собственности. С помощью насилия, по мнению исследователя, создавалась личная зависимость общинников от крупных землевладельцев. Так, борьба князей за «отчину», за свой «стол», т. е. за приобретение владений для своего кормления и обогащения, приводила к насаждению прав князя на права крестьян на землю [2, с. 67]. И только с формированием крупного частного землевладения и личной зависимости общинников-земледельцев можно говорить о возникновении феодальных отношений. При этом попытки увидеть феодализм в верховной собственности правителей «раннеклассовых обществ» над всеми землями, поскольку крестьяне-общинники платили им налоги, В. И. Горемыкина считала неубедительными. Налог, по мнению историка, это экономическая основа

государственной машины и ничего более; налог не входил в систему частнособственнической эксплуатации, поэтому его нельзя называть признаком феодализма. Большой интерес представляет замечание историка о том, что система кормлений на Руси, как и система бокленда в Англии, «скорее отражает определенную слабость центральной администрации, отсутствие развитого бюрократического аппарата, т. е. низкую ступень государственного развития» [2, 58–59].

С 1960-х гг. в исследованиях белорусского историка Г. В. Штыхова произошло возвращение (после работы В. Е. Данилевича конца XIX в.) к «региональной» проблематике – истории средневековой Полоцкой земли. При этом следует отметить, что историк при реконструкции различных аспектов истории Полоцкого княжества применяет широкий древнерусский контекст. Г. В. Штыхов был убежден в господстве феодальных отношений в IX–XIII вв., поэтому основным источником княжеских финансов называет доходы от принадлежавших князьям земель («вотчин»), кроме того, перечисляет военную добычу, дань с подвластного населения и торговые пошлины. Применительно к раннему периоду древнерусской истории, когда наличие вотчины не фиксировалось источниками, ученый разделял теорию государственного феодализма: «Данничество, по экономической структуре и своим тенденциям относится к феодализму и/или выглядит близко к нему» [26, с. 47–48]. К числу важнейших функций князя в Полоцке («как и везде») Г. В. Штыхов относил организацию войска, командование им, установление и взимание дани [28, с. 15]. В новейших работах белорусский ученый рассматривал понятие государства вне марксистской парадигмы и, что чрезвычайно важно, среди важнейших признаков государственности называл наличие обложения населения налогами для поддержания представителей власти [27, с. 8]. Г. В. Штыхов принял распространенное в современной исторической науке мнение о том, что основным содержанием процесса образования территории земель-княжеств восточных славян было распространение княжеской дани, суда и публичной власти [27, с. 27]. Дары (дань?), которые князь собирал с территории, которой «владел», называлась полюдьем. Постепенно дань становилась феодальной рентой; вместе с укреплением феодальной собственности все больше распространялись оброчные повинности – рента продуктами. С оброками натурой сближались «кормления». При этом, попав в зависимость от крупных землевладельцев, крестьяне выплачивали в пользу государств определенные поборы с «дыма»; к тому же на крестьян тяжким бременем ложилась и «десятина» [27, с. 47, 52–54]. Таким образом,

в понимании Г. В. Штыховым функционирования финансовой системы Древней Руси совместились упрощенно трактуемая марксистская схема и представления современных исследователей.

Достижения советской исторической науки сохраняют свое значение и в трудах Э. М. Загорульского. По мнению белорусского историка, экономическую основу господства князей и бояр составляла собственность на основное средство производства – землю. Кроме вотчины (княжеской и боярской) исследователь отмечает наличие в Древней Руси уже в XII в. системы передачи земли во временное владение за службу без права передачи по наследству, т. е. поместного землевладения. Исключительно за счет доходов с вотчин (княжеского домена), видимо, формировались, в представлении ученого, княжеские финансы («феодалы кормились за счет своих вотчин») [12, с. 111]. Э. М. Загорульский рассказывает о двух основных формах «земельной ренты» крестьян: оброке или «повозе» – оплате натурой, и барщине. При этом основной тенденцией было увеличение доли барщины и сокращение доли оброка. Кроме того, крестьян привлекали к строительству городов, замков, оборонительных линий, прокладке дорог, а во время войн, феодальных усобиц они должны были отдавать своих лошадей и поставлять продукты питания [12, с. 113]. В другой работе Э. М. Загорульский указывает на прямую эволюцию погостов, первоначально предназначавшихся для сбора дани, к укрепленным «градам» – зародышам будущих городов, которые стали выполнять не только задачу сбора дани, но и военно-административную функцию [13, с. 271]. Таким образом, в представлении белорусского ученого о формировании княжеских финансов можно обнаружить смешение общегосударственной и частноправовой сфер. Необходимо отметить и значительную модернизацию реконструкций древнерусских реалий. В современной историографии постепенно происходит отход от теоретических построений марксистской схемы, обнаруживается неадекватность древнерусских реалий «идеальному типу» западноевропейского феодализма.

Традицию рассматривать развитие восточнославянского общества на широком международном фоне продолжил современный белорусский историк Я. Г. Риер. В ряде работ ученый показал общие черты перехода от традиционного общества к государственной организации в славянском регионе в период Раннего средневековья. Я. Г. Риер отказался от принятого в советской исторической науке представления о государстве, как об эксплуататорской организации. Ученый отмечает, что славянский вождь –

князь — изначально защищал и организовывал жизнь всех своих соплеменников, «выполнял работу, поручаемую ему населением». Ключевую роль в переходе к государству, т. е. «созданию стабильного правящего слоя», Я. Г. Риер отводит внутренним ресурсам. По его мнению, благодаря подношениям населения, которые превращались в постоянную ренту (их сбор также консолидировал дружину, придавая ей фискальные функции), увеличению плотности населения и росту его обеспеченности позволяли поддерживать существование государственного аппарата и проводить активную внешнюю политику [24, с. 354, 355].

Значительный вклад в осмысление проблем становления государственности на белорусских землях внесла О. Н. Левко. Трансформацию фискальных обязательств населения исследователь напрямую связывает с развитием феодальных отношений. Так, по мнению О. Н. Левко, первый период в развитии древнерусской государственности (IX–XI вв.) характеризовался переходом к государственной форме собственности и ее упрочением («земля являлась государственной собственностью, а князь — ее верховным распорядителем»). В это время свободные общинники соседних земель обкладывались данью, которая затем превратилась в феодальную ренту. На этом же этапе появился княжеский домен, в случае с Полоцким княжеством, выделенный боярством из общинного фонда для княжеской семьи. На втором этапе генезиса феодальных отношений (XII–XIII вв.) дальнейшее развитие получили боярская вотчина и церковное землевладение. При этом доходы князя делились на временные, получаемые с «государственных волостей», и постоянные, «получаемые княжеским родом с домениальных владений». Этим была обусловлена ожесточенная борьба князей за расширение подвластной территории [17, с. 74]. Принимает О. Н. Левко и широко распространенное мнение (предложенное В. Л. Яниным) о существовании различия в «системе сбора государственных доходов» в Новгородской земле и в «Киевской волости»: на севере приглашенному князю сами новгородцы собирали доходы и из собранных сумм выплачивали ему так называемый дар (вознаграждение за исполнение его обязанностей). На юге власть князя была основана не на договоре, а на праве завоевателя, поэтому здесь собиралось полюдь [16, с. 24; 14, с. 137, 139].

Вслед за Г. В. Штыховым к числу важнейших признаков государственности относит обложение населения налогами для поддержания представителей власти Д. В. Дук [11, с. 40]. К сожалению, в исследованиях белорусского ученого эта мысль не получила дальнейшего

развития. Так, древнейший город на территории Беларуси, ставший «резиденцией княжеской администрации» – Полоцк – рассматривается, прежде всего, как посредник и координатор межэтнических балто-славянских взаимоотношений [11, с. 45], а также центр христианизации Полоцкой земли [10, с. 68]. Между тем, чрезвычайно важное значение имеет вывод белорусского историка о зарождении полоцкой государственности на местной генетической основе, что рассматривается, как явление самобытной восточнославянской культуры [9, с. 9]. В этой связи принципиальное значение имеет продолжение исследования генезиса государственности на белорусских землях в направлении поиска ресурсов и механизмов их изъятия для формирования государственных финансов.

Наиболее объективная картина развития государственности на белорусских землях в период Раннего и Высокого средневековья представлена в работах современного белорусского историка П. Ф. Дмитрачкова. В числе факторов, обусловивших государствообразующие процессы, ученый называет изменения в хозяйственно-экономической жизни (появление избыточного продукта) [6, с. 54], затем ключевое значение для функционирования государственной организации отводит обложению населения налогами и другими финансовыми поборами, которые необходимы для поддержания аппарата управления и других органов [5, с. 10]. Важно, что П. Ф. Дмитрачков признавал, что даже в XIII в. феодализация общества была еще не глубокой, но именно она определяла особенности экономического развития и социальную структуру [5, с. 44].

Большие перспективы в направлении исследования функционирования финансовой системы в Древней Руси обнаружены белорусским историком А. И. Грушей, который отметил перспективность использования ретроспективного метода при изучении древнерусского полюдья на основе документального материала Великого Княжества Литовского. Ему же принадлежат интереснейшие наблюдения о регионе бытования полюдья в XIV–XVI вв. [3; 4].

В настоящее время активно исследует проблемы становления верховной власти и генезиса государственности на белорусских землях Ю. Н. Кежа. В поле зрения историка попали главным образом вопросы роли городов и христианизации восточнославянских земель в процессе строительства государства [15]. В результате исследования данных аспектов Ю. Н. Кежа пришел к выводу, что государство с центром в Киеве формируется только на рубеже X–XI вв. [15, с. 115]. Историк соглашается с мнением польского исследователя Л. Слупецкого в том, что основными

источниками дохода в более ранний период (вторая половина IX – последняя четверть X в.) являлись: сбор дани, торговля людьми, хорошо организованный грабеж подвластного населения и окрестных территорий, что было типично, скорее, для банды преступников [15, с. 106].

Современный белорусский историк И. А. Марзалюк рассмотрел особенности формирования института верховной власти на белорусских землях, при этом к числу важнейших функций правителей древнерусского периода отнёс сбор налогов. Ученый отметил, что финансы находились исключительно в княжеской компетенции, князь сам устанавливал дани-налоги и взыскивал их посредством органов принуждения [18, с. 65].

Таким образом, белорусская историческая наука внесла определенный вклад в изучение проблемы формирования княжеских финансов в Древней Руси. Наибольшую ценность представляет изучение организации власти и управления на белорусских землях (прежде всего, в Полоцком княжестве) в период Раннего и Высокого средневековья. Тем не менее, проблема государственных финансов не стала предметом отдельного исследования. Признавая несомненную важность учета «фискального» фактора при генезисе государственности, исследователи не показывали конкретных механизмов воздействия налогово-даннической системы на другие сферы жизни восточнославянского общества.

Библиографические ссылки

1. Горемыкина В. И. К проблеме истории докапиталистических обществ на материале Древней Руси. Минск: Вышэйш. школа, 1970.
2. Горемыкина В. И. Возникновение собственности на землю. Минск: Университетское, 1991.
3. Груша А. І. Палюдзе на Беларусі // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва: Зб. навук. пр. удзельнікаў Другой Міжнар. навук. канф. «Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць» / Укладальнік І.А. Пушкін. Магілёў, 2001. С. 26–30.
4. Груша А. І. Рэтраспектыўны метады даследавання гісторыі Вялікага княства Літоўскага // Вялікае княства Літоўскае: метадалогія і метады даследавання / Рэд. С. Каўн. СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. С. 106–116.
5. Дзмітрачкоў П. Ф. Беларусь у сярэднявекавы перыяд (V – першая палова XIII стст.): вучэбна-метадычны дапаможнік. Магілёў: МДУ імя А. А. Куляшова, 2007.
6. Дмитрачков П. Ф. К вопросу о зарождении и развитии государственности на белорусских землях в средневековый период (VI–XII вв.) // Романовские чтения – 12: сборник статей Международной научной конференции, Могилев, 23–24 ноября 2016 г. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2017. С. 54–55.
7. Довнар-Запольский М. В. Вече // Русская история в очерках и статьях. Т. I. 2-е изд. М. : Московское учебное книгоиздательство, 1910. С. 226–247.
8. Довнар-Запольский М. В. Князь, его дума и администрация // Русская история в очерках и статьях. Т. I. 2-е изд. М. : Московское учебное книгоиздательство, 1910. С. 248–268.

9. Дук Д. В. Полацк і Полацкая зямля ў IX–X стагоддзях: вытокі беларускай дзяржаўнасці // Беларускі гістарычны часопіс. 2013. № 11. С. 5–9.
10. Дук Д. В. Полоцк – 1150. Истоки государственности на белорусских землях // Родина. 2012. № 9. С. 66–69.
11. Дук Д. У. Феномен станаўлення дзяржаўнасці на землях полацкіх крывічоў (IX–XI стст.) // Спадчына. 2003. № 6. С. 40–46.
12. Загарульскі Э. М. Заходняя Русь: IX–XIII стст.: Вучэб. дапам. Мінск: Універсітэцкае, 1998.
13. Загорульский Э. М. Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск: БГУ, 2012.
14. История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. Минск: Беларуская навука, 2018.
15. Кежа Ю. М. Фарміраванне раннесярэднявечных дзяржаўных утварэнняў на землях Усходняй Еўропы (агульныя асаблівасці) // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. 2016. № 1. С. 105–117.
16. Левко О. Н. Полоцкая земля в государствообразующих процессах Восточной Европы IX–XII вв. // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22–32 мая 2012 г.). Мінск: Беларус. навука, 2012. С. 22–30.
17. Левко О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: формирование и развитие. Минск: Бел. навука, 2004.
18. Марзалюк И. А. От монарха к Президенту: институт главы государства в Беларуси // Беларуская думка. 2019. № 7. С. 64–71.
19. Пичета В. И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Гос. соц. -эк. изд-во, 1940.
20. Пичета В. И. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Моск. рабочий, 1939.
21. Пічэта У. І. Гісторыя Беларусі. Мінск: Выд. цэнтр БДУ, 2005.
22. Пьянков А. П. Происхождение общественного и государственного строя Древней Руси. Минск, 1980.
23. Пьянков А. П. Социальный строй восточных славян в VI–VIII вв. // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 56–62.
24. Риер Я. Г. Народы Центральной и Юго-Восточной Европы: В 2-х ч. Ч. 1. Славяне и их соседи в средние века: учеб. пособие. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2005.
25. Темушев С. Н. Концепция общественного строя восточных славян Раннего средневековья в трудах профессора А. П. Пьянкова // Институт белорусской культуры и становление науки в Беларуси. К 90-летию создания Института белорусской культуры. Материалы Международной научной конференции. Минск, 8–9 декабря 2011 г. Минск: Беларуская навука, 2012. С. 450–457.
26. Штыхаў Г. В. Шматукладнае грамадства IX–XI стст. і пытанні перыядызацыі раннесярэднявечнай гісторыі Беларусі // Актуальныя пытанні гісторыі Беларусі ад старажытных часоў да нашых дзён: зборнік артыкулаў. Мінск: БДУ, 1992. С. 47–48.
27. Штыхаў Г. В. Старажытныя дзяржавы на тэрыторыі Беларусі. 2-е выд., выпр. Мінск: ВТАА «Права і эканоміка», 2002.
28. Штыхов Г. В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск: «Наука и техника», 1975.

ВОПРОС СОХРАНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ЛЮБЛИНСКОЙ УНИИ

М. В. Тацкий

*Московский государственный институт международных отношений МИД
Российской Федерации, пр. Вернадского, 76 к. В, 119454, г. Москва, Российская
Федерация, maria.tatsiy@gmail.com*

В статье рассматривается положение Великого Княжества Литовского в новообразованной Речи Посполитой после вынужденного подписания Люблинской унии. Проанализировав положение ВКЛ во время военного конфликта с Великим княжеством Московским, сделан вывод, что для ВКЛ было более выгодным слияние с Польшей, однако оно принесло утрату государственности и отсутствие превалирующей силы в сейме Речи Посполитой.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское; Люблинская уния; Стефан Баторий; Речь Посполитая; Ливонская война.

THE QUESTION OF PRESERVING THE STATEHOOD OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA AT THE SIGNING OF THE UNION OF LUBLIN

M. V. Tatsiy

*Moscow State Institute of International Relations
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadsky Ave., 119454,
Moscow, Russian Federation, maria.tatsiy@gmail.com*

The article examines the situation of the Grand Duchy of Lithuania in the newly formed Polish-Lithuanian Commonwealth after the forced signing of the Union of Lublin. After analyzing the situation in the Grand Duchy of Lithuania during the military conflict with Russia, it was concluded that the merger with Poland was more profitable for the Grand Duchy of Lithuania, but it brought the loss of statehood and the absence of a prevailing force in the Sejm of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Keywords: Grand Duchy of Lithuania; Union of Lublin; Stefan Batory; Polish-Lithuanian Commonwealth; Livonian War.

Во время русско-литовской войны 1561–1570 гг. после взятия Полоцка русскими войсками война перешла в длительный процесс захвата отдельных мелких крепостей. Казна Великого Княжества Литовского (ВКЛ), к этому моменту потратившая больше миллиона польских злотых для обеспечения армии [14], больше не могла содержать не приносящее военных успехов войско. В то же время попытка прекращения военных действий с русской стороной не увенчалась успехом: на переговорах летом 1566 г. в Москве дипломаты не достигли консенсуса, и единственным вариантом сохранения собственного суверенитета и территорий для ВКЛ стало объединение с Польшей.

После Кревской унии 1385 г., заключив которую Польша и ВКЛ несколько веков находились в тесном союзе, литовская шляхта чувствовала притеснения со стороны поляков – как в политическом плане, так и в экономическом. Польша разоряла казну ВКЛ. Поэтому объединение, к которому вел ход военных событий, не привлекало ВКЛ. Актуальность исследования и заключается в необходимости изучения истории взаимоотношений ВКЛ с Россией.

В историографии вопрос сохранения независимости ВКЛ от Польши в составе Речи Посполитой рассматривается разнопланово. С одной стороны, считается, что ВКЛ было вынуждено пойти на территориальные и политические уступки в союзе с Польшей, чтобы продолжить свое суверенное существование и не попасть под влияние России. С другой, учитывается возможность заключения мира с Россией и переход на курс пророссийской политики с сохранением суверенитета и основ государственного строя, однако точно не устанавливается насколько такая зависимость от России отличалась бы от польской. А. И. Филюшкин [11], В. В. Пенской [4], В. А. Волков [2], Б. Н. Флоря [10] Р. Ю. Виппер [1] в своих трудах анализировали положение ВКЛ в период заключения Люблинской унии, однако, исходя из анализа источников того периода (А. Волян и А. Ротундус¹, «дневник» люблинского сейма и др), становится понятно, что положение Великого Княжества Литовского после заключения Люблинской унии было гораздо более сложным и неоднозначным, чем его описывали стороны: литовская – преувеличенно плохим, чтобы оправдать причину этого союза, и польская – слишком привилегированным, чтобы показать свою демократичность.

Общее положение Великого Княжества Литовского во время войны 1561–1570 гг. становилось хуже с каждым днем. Победа под Невелем в 1562 г. в литовских летописях ставится на один уровень с полоцкой победой Ивана IV в следующем году, чтобы оправдать поражение, которое в перспективе следующих пяти лет привело к прекращению существования ВКЛ [10]. Во второй половине 1550-х гг. начинаются постоянные набеги крымских татар на земли Русского царства, что не позволяет русскому войску захватить весь Псковский повет. Однако и ВКЛ это не удастся. Малозначимые победы вроде битвы при Чашниках 1564 г., переход князя Курбского на сторону Литвы – не смогли обеспечить ВКЛ дипломатической победы на переговорах в 1566, поскольку русский царь хотел документально заключить свое право не только на уже полученные владения в Ливонии, но и на все города вплоть до Риги. Против обоих соперников на другой границе воевали иные участники противостояния

¹ «Разговор поляка с литвином»

[12]. Швеция на тот момент воевала против Польши и ВКЛ, крымские татары и остатки ливонских рыцарей – против России. Для Польши было чрезвычайно важно удержать «в узде» ВКЛ, которое могло окончательно отделиться с пресечением династии Ягеллонов после смерти Сигизмунда II [13], поскольку оно финансировало почти всю польскую армию и в целом было прибыльным регионом – нельзя было потерять его в пользу русских.

Государственный строй Великого Княжества Литовского стал в определенной степени ассимилироваться с польским после Кревской унии 1385 г., что выражалось в статутах ВКЛ, созданных в канонах римского права [8]. ВКЛ имело свой сейм, гетмана, воевод, которые управляли новообразованными в 1560-х гг. воеводствами, вело самостоятельную внешнюю политику. Вопрос сохранения государственности во время войн с Россией не стоял – Россия не собиралась завоевывать ВКЛ [11, с. 162]. Однако для достижения итоговых результатов в противостоянии в Ливонии ВКЛ и Польше необходимо было объединиться.

Польша сделала свой «ход конем» для ускоренного решения вопроса. Указ о присоединении южных земель, выпущенный без ведома литовской шляхты, показал зависимость ВКЛ от Польши. Условия Люблинской унии позволили во многом поглотить Польше территории ВКЛ [7]: польские шляхтичи арендовали земли и переселялись на них на постоянное жительство. Кроме того, в военном плане армия Речи Посполитой состояла из все еще разных по составу войск, принадлежащих разным государствам – часть реформ вводились только в польских войсках, обходя литовские. Например, будущая выбранецкая пехота Стефана Батория [3], принеся ему не одну победу. Военным успехам Речи Посполитой объединение помогло не так сильно, как иные политические и военные реформы, проведенные через десятилетие Стефаном Баторием. В политическом плане ВКЛ лишалось своей шляхты – создавался общий сейм, причем соотношение поляков и литовцев в нем изначально было примерно 2 к 1 [6], что значительно снижало ее влияние при дворе и в решении государственных вопросов в целом.

Во время избрания последующих королей мнение литовской шляхты учитывалось гораздо в меньшей степени, чем польской. При избрании Стефана Батория в шляхте возникло наибольшее разногласие: несмотря на давно принятый католицизм, фигура Ивана IV или его сына на престоле Речи Посполитой была более выгодна. По мнению литовской шляхты, Иван Грозный предоставил бы больше привилегий территориальным соседям России, и ВКЛ получило бы больше независимости. Государственная независимость и участие в выборах будущего монарха для Великого Княжества Литовского во многом стало символическим.

Таким образом, для Великого Княжества Литовского вопрос сохранения государственности был решен в пользу военной независимости от противников в Ливонской войне. Окончательно объединиться с давно знакомым соседом – Польшей – было более выгодным выбором для ВКЛ, чем продолжать самостоятельную борьбу с Россией за свои территории и Ливонию, которая изначально интересовала ВКЛ только в контексте нежелательности владения этими землями Россией. Тем не менее, в новообразованном государстве быстро развивались идеи польского национализма, которые в дальнейшем привели к изъявлению Литвой желания разорвать Люблинскую унию в середине XVII в. Кроме того, литовская шляхта потеряла свое влияние при польском дворе и поступилась значительными территориями, утратив свою государственность – в новообразованной Речи Посполитой основные порядки и посты были на польский манер.

Библиографические ссылки

1. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.: Дельфин, 1922.
2. Волков В. А. Войско грозного царя. 2-е издание. М.: Прометей, 2022.
3. Пенской В. В. Великая огнестрельная революция М.: ЭКСМО, Яуза, 2010.
4. Пенской В. В. Полоцкая война. Очерки истории русско-литовского противостояния времен Ивана Грозного. 1562–1570. М.: Центрполиграф, 2019.
5. Петкевич К. Люблинская уния как источник многовекового польско-русского конфликта в свете польской историографии. История и современность, № 2, сентябрь, 2014. С. 73–81
6. Польша в XVI–XVII вв. [Электронный ресурс] URL: <https://www.istmira.com/lekcii-po-istorii-srednix-vekov/1878-polsha-v-xvi-xvii-vv.html> (Дата обращения: 30.08.2023)
7. Сергеев Н. М. Литовско-русское государство: от великодержавности к польской провинции // Постсоветский материк. 4(24). М.: Ин-т стран СНГ, 2019. С. 19–40.
8. Статут Великого княжества Литовского. 1566. Электронный ресурс: URL: <https://study.shmat.by/statut-vkl-velikogo-knyazhestva-litovskogo-1566/> (Дата обращения: 31.08.2023)
9. Флоря Б. Н. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 1999.
10. Филюшкин А. И. Мифология и реалии битвы под Невелем 1562 г. Архивная копия от 3 января 2014 на Wayback Machine // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana/ Петербургские славянские и балканские исследования. 2012. № 1. С. 197–202.
11. Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы: Ливонская война Ивана Грозного. М., 2018.
12. Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М.: Древлехранилище, 2003.
13. Davies N. God's Playground: A History of Poland in Two Volumes – Oxford University Press.
14. Янушкевич А. М. Великое Княжество Литовское и Ливонская война 1558–1570 гг. Минск: Медисонт, 2007.

ПОПЫТКИ ОРГАНИЗАЦИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ В БССР (1930-е гг.)

И. И. Янушевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, yanush@bsu.by*

В статье проводится анализ деятельности антирелигиозного аппарата вызывавший наибольшее возмущение и сопротивление верующих. Установлено, что главное недовольство верующих вызывало нарушение советского законодательства о свободе совести и религиозных организациях уполномоченными лицами. Пропаганда доказывала полное невмешательство государства в дела Церкви и строгое соответствие действий партийных и советских органов Конституции и социалистической законности. Определено, что недовольство верующих выражалось в срыве антирелигиозных мероприятий, массовых выступлениях против представителей советской власти и препятствию исполнению ими своих должностных обязанностей.

Ключевые слова: социалистическая законность; антирелигиозная пропаганда; Православная церковь.

СПРОБЫ АРГАНІЗАЦЫІ СУПРАЦІВУ РЭАЛІЗАЦЫІ ДЗЯРЖАЎНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў АДНОСІНАХ ДА РЭЛІГІЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫІ У БССР (1930-я гг.)

І. І. Янушэвіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь
yanush@bsu.by*

У артыкуле праводзіцца аналіз дзейнасці антырэлігійнага апарата якія выклікалі найбольшае абурэнне і супраціў вернікаў. Устаноўлена, што галоўная незадаволенасць вернікаў выклікала парушэнне савецкага заканадаўства аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях упаўнаважанымі асобамі. Прапаганда даказвала поўнае неўмяшанне дзяржавы ў справы Царквы і строгаю адпаведнасць дзеянняў партыйных і савецкіх органаў Канстытуцыі і сацыялістычнай законнасці. Вызначана, што незадаволенасць вернікаў выяўлялася ў зрыве антырэлігійных мерапрыемстваў, масавых выступленнях супраць прадстаўнікоў савецкай улады і перашкодзе выканання імі сваіх службовых абавязкаў.

Ключавыя словы: сацыялістычная законнасць; антырэлігійная прапаганда; Праваслаўная царква.

ATTEMPTS TO ORGANIZE RESISTANCE TO THE IMPLEMENTATION OF STATE POLICY TOWARDS RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE BSSR (1930S)

I. I. Yanushevich

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, yanush@bsu.by

The article analyzes the activities of the anti-religious apparatus that caused the greatest indignation and resistance of believers. It is established that the main discontent of believers was caused by the violation of Soviet legislation on freedom of conscience and religious organizations by authorized persons. Propaganda proved the complete non-interference of the state in the affairs of the church and the strict conformity of the actions of the party and Soviet bodies with the constitution and socialist legality. It was determined that the discontent of believers was expressed in the disruption of anti-religious events, mass demonstrations against representatives of the Soviet government and obstruction of their official duties.

Keywords: socialist legality; anti-religious propaganda; Orthodox Church.

Реализация государственной политики по отношению к религиозным организациям в БССР проходила в условиях жесткого идеологического контроля и динамично изменяющейся экономической и общественно-политической ситуации. Партией была поставлена задача формирования безрелигиозного общества. Коммунизм не предполагал наличие верующих в силу отсутствия потребности в религии у людей при данном строе. Претворение в жизнь большевистской программы требовало перевоспитания не менее ста миллионов человек. Практика показала, что идеологическая работа, атеистическое воспитание крайне медленно воздействуют на показатели уровня религиозности, а значит пригодности для коммунистического строительства. Необходимо было задействовать и комплекс силовых мер воздействия. Аресты и физическое уничтожение духовенства, отъем церковной собственности и установление непомерных обязательных платежей, закрытие храмов и инспирирование расколов стали основным содержанием антирелигиозной работы в межвоенный период.

Между тем верующие не могли смириться с попыткой полного ограничения на исповедание религии. Это вызывало как стихийные, так и организованные выступления. В 1920-е гг., когда антирелигиозные кампании носили спонтанный характер, способом сопротивления выступал рост интереса к богослужениям и появлению различного рода «чудес», «святых писем», «старцев» и т. д. Преобразование народнохозяйственного комплекса страны советов во второй половине десятилетия, внешнеполитическая ситуация, новый этап государственного строительства вызывали изменения и в общественно-политической жизни. Политика по отношению к религиозным организациям и верующим, которые к 1929 г. все еще составляли от 70 до 90% населения, нуждалась в корректировке [1, л. 1–2]. Есть основания предположить, что воцерковленность православных верующих в государстве, более 10 лет назад объявившем войну религии и церкви, была в качественном отношении на дореволюционном уровне, а с учетом преобразований в

системе жизнеобеспечения Русской православной церкви (РПЦ) и фактору соборности, сотрудничества среди единоверцев, то и гораздо эффективнее. Предыдущий период показал, что верующие и клир были готовы вступить в противодействие с властями для сохранения возможности традиционного исповедания той или иной религии. Здесь необходимо обозначить, что расцерковление православного населения было весьма значительно. Однако и для этих людей, которых главным образом тяготило выполнение всех требуемых процедур, ликвидация церкви, устоявшихся обычаев была не приемлема. Пропаганда атеизма и в организационном, и в методологическом плане показывала низкую свою эффективность [2, л. 13–27]. Численность даже во многом номинальных борцов с религией – членов Союза безбожников – была в 1928 г. на уровне 0. 16 % [1, л. 1–2]. Фактически все крупные религиозные организации, в том числе максимально подвергающаяся всякого рода ограничениям и экспериментам РПЦ, продолжали функционировать пусть даже и в режиме выживания. Задача максимум для антирелигиозников сменилась по православной церкви от полного ее уничтожения перешла к полному подчинению. Однако и её реализовать в 1920-е г. не удалось. Создание мощной системы осведомления, марионеточное обновленчество, белорусские, украинские и прочие автономии и автокефалии, григорианство не обеспечили контроль над Церковью. Уже во второй половине 1920-х г. существовала автономная система коммуникаций и администрирования в Русской православной церкви [3, с. 17]. Иные культы были ещё более законспирированы. Реализуемая через ОГПУ политика по отношению к религиозным организациям (главным образом, крупным культам) могла стать эффективной только в случае, если иерархи, клир и церковно-приходские советы окажутся частью или придатком государственного аппарата. Это ещё троцкистская установка не учитывала главного – возможности культов по организации функционирования своих структур вне официального правового поля. То же тайное голосование по избранию патриарха в 1920-е гг. это продемонстрировало [4, с. 117].

На переднем плане обороны православных христиан от безбожной власти в 1930-е гг. оказалось противодействие закрытию молитвенных зданий – традиционного центра религиозной жизни. Полное попрание норм коммуникаций в обществе, несоблюдение действующего законодательства, в том числе и Конституции, при ликвидации богослужебных помещений в сочетании с агрессивной пропагандой и рецессивными мерами внесли в 1929 г. растерянность в ряды клира. церковной приходских советов,

верующих [5, л. 1–3]. Уже к весне 1930 г. становится очевидной перспектива полной ликвидации богослужебных помещений. Верующие не могли мириться с фактами абсолютно незаконного отъема храмов, переложения и арестов духовенства [6, л. 62]. На местах закрытие богослужебных помещений, за редким исключением, осуществлялось без проведения требуемых законом и партийными рекомендациями по организации информационно-разъяснительной работы мероприятий [7, л. 7]. Голосование и сбор подписей за закрытие зачастую проводились только среди представителей иных культур, иных культов, идеологического актива, школьников и обучающихся, не имеющих отношение к конкретному храму [8, л. 380]. Даже при получении большинства голосов «за» перепрофилирование здания под социально-культурные или иные цели на конкретном собрании оставались те, кто не принимал участия в голосовании или выказался «против». А это и были воцерковленные прихожане. Расцерковленному верующему, тому, кто посещал богослужение раз в год, это не наносило душевной раны или дискомфорта, а для верующего наличие ближайшего храма на расстоянии 50–60 км. было однозначно издевательством. Церковное имущество конфисковывалось непонятными людьми, выбрасывалось, в том числе использовалась в оскорбительным для верующего человека назначении [9, л. 120]. Обложение клириков разного рода налогами в совершенно необоснованных объёмах, аресты, в том числе за неуплату непомерных налогов, в 1929–1930 гг. стали обыденным делом [7, л. 4–5]. На подобные действия властей реакция верующих носила эмоционально мотивированный массовый и достаточно организованный характер [10, л. 170]. Имело место вооруженное сопротивление инициаторам и исполнителям закрытия храмов, снятия крестов и выемке имущества [11, л. 134]. В отношении антирелигиозников применялось насилие [12, л. 223, 226]. Во время волнений органы власти теряли возможность исполнения своих функций, а административные помещения на непродолжительное время занимались (захватывались) верующими [7, л. 8–9]. Прихожанами предпринимались попытки освобождения из-под ареста своих священнослужителей, сбора средств для уплаты явно завышенных налогов [9, с. 116]. Верующие дежурили возле храма для созыва односельчан в случае попытки его захвата посторонними [8, л. 382]. Они активно отстаивали свое право на возможность соблюдения традиционных форм проведения религиозных праздников. Особенно это касалось двенадцатых и приходских. После введения пятидневной рабочей недели выходной очень редко мог совпасть

с днем Пасхи или Троицы. Однако многие верующие старались в максимально полном объеме выполнить и обрядовую, и религиозную часть действа. Приготовление соответствующих блюд, освящение их в церкви, а при невозможности в дальнейшем и не вполне каноничным образом, несмотря на запреты и осмеяние партийно-комсомольским активом и руководством проходило повсеместно [13, л. 2]. В день праздника, а на Пасху, Рождество, Троицу и в течение трех дней, люди старались под различными предлогами не выйти на работу. По г. Гомелю на Пасху 1932 г. «процент больных в эти дни увеличился вдвое больше» [13, л. 2]. Вышедших в состоянии алкогольного опьянения на фабрику «X-я Октября» г. Гомеля рабочих нечем было заменить, так как не хватало специалистов, тем более 107 рабочих не пришли вообще [13, л. 2]. Колхозники в большинстве своем, особенно в страду, вынуждены были выходить на работу, чем вызывали укоры единоличников. Но и они к вечеру присоединялись к празднующим [14, л. 196].

Еще сложнее обстояло дело с решением задачи по уменьшению предметов религиозного поклонения. В первую очередь это касалось в 1930-е гг. икон и нательных крестиков. Партийцы в Житковичском районе в 1936 г. обнаруживали иконы в домах у 70–80% населения [14, л. 199]. В этом уличались и руководители: «Старшыня калгаса імя АДПУ Шляга трымае ікону у хаце пад сваей кравацью – зачыненаю палаценцам» [14, л. 199].

Решение о ликвидации храма, особенно если он после закрытия стоял не приспособленный ни для какой иной цели, вызывало недовольство населения, жалобы в вышестоящие организации. Это срывало пропагандистскую работу в области распространения атеизма. В Постоянную центральную комиссию по религиозным культам за 1929 г. поступило 11715 жалоб, а в 1931 г. уже 31747 [15, л. 56–58]. Резкая антицерковная атака наносила урон процессу коллективизации, что было признано и на общегосударственном уровне. Сам процесс коллективизации шёл очень сложно. Социальная база была незначительна, однако агитация и административное давление обеспечили к 1932 г. значительный процент обобществленных хозяйств. В процессе агитации за коллективизацию церковный вопрос обострился. Верующие колхозники указывали, что «при организации колхоза нам говорили, что будет и коллектив, и церковь, и Бог, а теперь закрывают» [16, с. 141]. Между тем духовенство, церковный актив вели негласную агитацию против колхозного хозяйства. Власти объясняли это боязнью утраты источника финансовой поддержки церкви [16, с. 142].

Священнослужители не могли быть безучастны к судьбам «раскулаченных», одно общение с которыми расценивалось как «выходка» [8, л. 37].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что верующие люди стремились защитить свои святыни. Сопротивление верующих максимально полному ограничению деятельности РПЦ со стороны партийно-государственных структур принимало различные формы. Это касалось и выполнения обрядов, посещения богослужений, и активных форм сопротивления. Всех причастных к захвату административных помещений, препятствию выполнения служебных обязанностей тех же землемеров или изгнанию привлекали к уголовной ответственности. Наибольшее возмущение верующих вызывало закрытие храмов. Это спланивало прихожан, что способствовало появлению нетрадиционных способов организации религиозной жизни.

Библиографические ссылки:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 26.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508.
3. Старец Сампсон: подвиги и чудеса. М.: Нар. библиотека, 1994.
4. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
5. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 125.
6. НАРБ. Ф. 750. Оп. 1. Д. 567.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5030.
8. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 714.
9. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): док. и материалы. Минск: НАРБ, 2006.
10. ГАООГО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 586.
11. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4592.
12. ГАООГО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 557.
13. ГАООГО. Ф. 451. Оп. 20. Д. 313.
14. ГАООГО. Ф. 69. Оп. 4. Д. 59.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 32.
16. Конфессии на Гомельщине (20–30-е гг. XX в.): док. и материалы / сост. М. А. Алейникова [и др.]. Минск: НАРБ, 2013.

РЭАРГАНІЗАЦЫЯ АДУКАЦЫЙНАЙ СІСТЭМЫ Ў ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКІМ РЭГІЁНЕ ПАСЛЯ ВЕРАСНЁЎСКІХ ПАДЗЕЙ 1939 г.

Г. С. Хадасевіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
annahadasevich@gmail.com*

Адной з найважнейшых задач, на далучаных пасля верасня 1939 года заходнебеларускіх землях, была задача рэарганізацыі сістэмы народнай адукацыі. Для рэалізацыі гэтай праграмы неабходны былі вялікія матэрыяльныя і фінансавыя сродкі. Савецкія органы ўлады імкнуліся рэарганізаваць навучальныя ўстановы і ўкараніць савецкія адукацыйныя стандарты ў сферу адукацыі. Усе пераўтварэнні праводзіліся ў адпаведнасці з інструкцыяй Народнага Камісарыята асветы БССР "Аб парадку рэарганізацыі школ Заходніх абласцей БССР" (снежань 1939 г.). Згодна з яе рэалізацыяй, пераадольваючы пэўныя цяжкасці, уведзілася савецкая сістэма народнай адукацыі. Адукацыйная палітыка савецкага кіраўніцтва станоўча адбілася і на стане культуры рэгіёна.

Ключавыя словы: Заходняя Беларусь; заходнебеларускі рэгіён; савецкія органы ўлады; савецкая сістэма адукацыі; Народны Камісарыят асветы БССР; рэарганізацыя.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ В ЗАПАДНОБЕЛОРУССКОМ РЕГИОНЕ ПОСЛЕ СЕНТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЙ 1939 Г.

А. С. Ходосевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, annahadasevich@gmail.com*

Одной из важнейших задач, на присоединенных после сентября 1939 года западнобелорусских землях, была задача реорганизации системы народного образования. Для реализации этой программы необходимы были большие материальные и финансовые средства. Советские органы власти стремились реорганизовать учебные заведения и внедрить советские образовательные стандарты в сферу образования. Все преобразования проводились в соответствии с инструкцией Народного Комиссариата просвещения БССР «О порядке реорганизации школ западных областей БССР» (декабрь 1939 г.). Согласно ее реализации, преодолевая определенные трудности, вводилась советская система народного образования. Образовательная политика советского руководства положительно отразилась и на состоянии культуры региона.

Ключевые слова: Западная Белоруссия; западнобелорусский регион; советские органы власти; советская система образования; Народный Комиссариат просвещения БССР; реорганизация.

REORGANIZATION OF THE EDUCATIONAL SYSTEM IN THE WESTERN BELARUSIAN REGION FOLLOWING THE SEPTEMBER EVENTS OF 1939.

H. S. Khadasevich

*Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus,
annahadasevich@gmail.com*

One of the most important tasks in the Western Belarusian lands annexed after September 1939 was the task of reorganizing the public. In order to implement this programme, vast material and financial resources were required. Soviet authorities sought to reorganize educational institutions and to introduce Soviet educational standards into the field of education. All transformations were carried out in accordance with the instructions of the People's Commissariat of Education of the BSSR "On the procedure for reorganizing schools in the western regions of the BSSR" (December 1939). According to its implementation, overcoming certain difficulties, the Soviet system of public education was introduced. The educational policy of the Soviet leadership had a positive impact on the state of culture in the region.

Key words: Western Belarus; Western Belarusian region; Soviet authorities; Soviet educational system; People's Commissariat of Education of the BSSR; reorganization.

Пасля завяршэння пахода Чырвонай арміі ў Заходнюю Беларусь перад партыйнымі і дзяржаўнымі органамі ўлады стаялі першачарговыя задачы па правядзенню тэрытарыяльнага і палітычнага ўладкавання, наданню жыццядзейнасці эканоміцы і сацыяльна-культурнай сферы на новай ідэалагічнай платформе.

Асабліваю ўвагу савецкая ўлада на далучаных заходнебеларускіх тэрыторыях надавала пытанню народнай асветы. З аднаго боку, для бальшавікоў, якія трымаліся традыцый асветніцтва, доступ усіх сацыяльных і нацыянальных катэгорый грамадства да асветы сам па сабе быў ключом да яго перабудовы на новы лад. З іншага боку, праз ажыццяўленне адукацыйнай палітыкі яны хацелі спрыяць развіццю мясцовых культур – беларускай, яўрэйскай, рускай і польскай, – што ў сваю чаргу дазваляла ім больш якасна прапагандаваць свае ідэі сярод народных мас. Аднак для рэалізацыі гэтых задумак неабходна было правесці вялікую работу, задзейнічаць значныя матэрыяльныя рэсурсы і фінансавыя сродкі, а таксама выкарыстаць усе магчымасці для павелічэння адукацыйнага ўзроўню насельніцтва, праз стварэнне дзеля гэтага патрэбных умоў.

Вырашыць у кароткі тэрмін вышэй акрэсленыя задачы савецкае кіраўніцтва імкнулася праз рэарганізацыю вучэбных устаноў – укараненне савецкіх адукацыйных стандартаў у сферу асветніцтва. Першапачаткова выкананне дадзеных партыйных загадаў было прызначана на мясцовыя органы кіравання – часовыя ўпраўленні і сялянскія камітэты, якія хоць і

паказалі адносна станоўчую дынаміку ў гэтым накірунку (будаваліся новыя школы, а існуючыя пераводзіліся на дзяржаўны бюджэт; адмянялася плата за навучанне і інш.), але з-за хаатычнасці, непаслядоўнасці сваіх дзеянняў, не здолелі паскорыць гэты працэс. Тады ініцыятыву перахапіў рэспубліканскі Народны камісарыят асветы, які стаў забяспечваць заходнія вобласці БССР настаўніцкімі кадрамі, падручнікамі і метадычнай літаратурай, сшыткамі і інш. Напрыклад, як паведамляла народны камісар асветы БССР Е. Уралава ў пісьме аддзелу прапаганды і агітацыі ЦК КП(б)Б ад 21 лютага 1940 г., за перыяд з 15 лістапада 1939 г. па 15 лютага 1940 г. у заходнебеларускі рэгіён было адпраўлена: 1610 тыс. экзэмпляраў падручнікаў, з якіх на беларускай мове – 1018650 экз., на рускай – 560000 экз., на польскай – 2350 экз. і інш.; 26 тыс. экз. вучэбных праграм; больш за 6 млн. сшыткаў. Прапаноўвалася дадаткова яшчэ адправіць каля 2 млн. экз. падручнікаў, каб у поўным аб’ёме забяспечыць імі школьнікаў да новага навучальнага года [1, арк. 50].

Наркамат асветы БССР у снежні 1939 г. выдаў інструкцыю «Аб парадку рэарганізацыі школ заходніх абласцей БССР», згодна з якой у гэтым рэгіёне ўводзілася савецкая сістэма народнай адукацыі. Пачынаючы з 15 студзеня 1940 г. былі польскія гімназіі, ліцэі і школы рэарганізаваны ў пачатковыя, няпоўныя сярэднія і сярэднія школы. Таксама ўводзілася ў практыку ўсеагульнае абавязковае сямігадовае школьнае навучанне для дзяцей. Усе дзеці ва ўзросце ад 8 да 11 гадоў, якія не былі ахоплены навучаннем, павінны былі пайсці ў школы ў тэрмін да 15 студзеня. Для дзяцей жа 11–14 гадоў ствараліся ў вучэбных установах спецыяльныя класы, дзе дзеці навучаліся па спецыяльнай праграме.

Важным было пытанне падрыхтоўкі педагагічных кадраў. У снежні 1939 г. у заходніх абласцях Беларусі былі праведзены настаўніцкія канферэнцыі і семінары, удзельнікі якіх абмяркоўвалі праблему стварэння ў вучэбных установах неабходных навучальна-выхаваўчых умоў працы. Аднак асаблівая ўвага была звернута на перавыхаванне настаўнікаў, згодна з новымі ідэйна-палітычнымі рэаліямі. Гаворка тут ішла найперш аб арганізацыі шырокай і сістэматычнай работы з настаўнікамі наконт абгрунтавання палітыкі савецкай дзяржавы, аб актыўным удзеле выкладчыкаў у грамадскім жыцці краіны і павышэнні іх прафесійных якасцяў. Менавіта такая праца вялася ў 1940 г. – першай палове 1941 г. Пад уздзеяннем агітацыі большасць настаўнікаў, што паходзілі з Заходняй Беларусі, хутка перавыхоўваліся, уступалі ў спецыяльныя прафесійныя

саюзы, дзейнасць якіх заўсёды кантралявалася рэспубліканскімі ўладамі, а таксама далучаліся да культурна-асветніцкай работы [4, с. 62].

Каб забяспечыць заходнебеларускае школьніцтва адпаведнай колькасцю педагагічных кадраў, быў створаны вялікі педагагічны інстытут у Беластоку, свае дзверы адчынілі і настаўніцкія інстытуты ў такіх гарадах, як Баранавічы, Пінск і Гродна. Апошні з іх быў на момант свайго адкрыцця – 20 лютага 1940 г. – першым у Заходняй Беларусі вышэйшым навучальным цэнтрам. Паўсюдна распачыналі сваю працу і настаўніцкія курсы. Тыя асобы, якія скончылі да 1939 г. польскія гімназіі, а затым прайшлі некалькі месяцаў навучання на настаўніцкіх курсах, атрымалі дастатковыя падставы для таго, каб мець магчымасць выкладаць у рабочым ці сялянскім асяродку. Аднак, як потым стала зразумела, мясцовых педагагічных кадраў было недастаткова для правядзення выхаваўчай работы сярод насельніцтва. На дапамогу ім савецкія ўлады пачалі адпраўляць настаўнікаў з усходніх рэгіёнаў БССР, якія, на думку партыйнага кіраўніцтва, былі больш надзейнымі ў ідэалагічным плане, чым іх калегі, што мелі пераважна польскае паходжанне [8, с. 197].

Разам з тым не ўсе прадстаўнікі заходнебеларускай інтэлігенцыі, у тым ліку і настаўнікі, захацелі прымаць савецкі лад жыцця. З іх боку бальшавікі сустрэлі моцнае супраціўленне. Для барацьбы з патэнцыйнымі ворагамі былі задзейнічаны органы дзяржбяспекі, асабліва рэспубліканскі НКУС. Як правіла, збор інфармацыі аб дзейнасці «контррэвалюцыйных элементаў» тут праводзіўся як кадравымі супрацоўнікамі, так і сакрэтнымі агентамі. Дзяржаўныя органы разумелі асаблівы ўплыў школы ў ажыццяўленні саветызацыі краю і таму ўважліва сачылі за настроймі ў настаўніцкім асяроддзі. Тых, хто падпадаў у такім выпадку пад апэратыўнае вызначэнне «вораг», чакала або фізічная смерць, або работа ў якасці шпіёнаў сярод сваіх жа аднадумцаў [6, с. 407]. Пад жорсткім наглядам савецкіх спецслужбаў знаходзіліся школы, што функцыянавалі на тэрыторыях, набліжаных да заходняй мяжы. Так, у інфармацыйным паведамленні на імя сакратара Беластоцкага абкама КП(б)Б С. Ігаева за студзень 1940 г., між іншым адзначалася, што антысавецкую дзейнасць найбольш актыўна праводзілі мясцовыя настаўнікі-палякі, якія распаўсюджвалі сярод вучняў і іх бацькоў чуткі аб хуткім падзенні савецкай улады, аб міфічных польскіх партызанах, што наступалі з Карпат. Былі выпадкі, калі нават дырэктар Сакульскай гімназіі Кальдзейскі заклікаў вучняў не прытрымлівацца савецкіх законаў, катэгарычна забараняў настаўнікам спяваць з дзецьмі савецкія песні [1, арк. 1].

Для арганізацыі шырокай навучальна-выхаваўчай работы сярод мясцовага насельніцтва Заходняй Беларусі існуючай на восень 1939 г. сеткі вучэбных устаноў было недастаткова. З мэтай паляпшэння гэтага становішча савецкая ўлада разгарнула кампанію па будаўніцтву новых школ. Так, у Брэсцкай вобласці за 1940 г. было пабудавана каля 523 школ. У 1940/41 навучальным годзе у заходніх абласцях БССР функцыянавала 5959 агульнаадукацыйных школ, звыш 4500 з якіх ажыццяўлялі навучанне па-беларуску [5, с. 169]; з іх – 4670 пачатковых, 1169 няпоўных сярэдніх і 120 сярэдніх, у якіх вучылася прыблізна 774 тыс. дзяцей [7, с. 365]. Аднак не ва ўсіх рэгіёнах адбываліся падобныя працэсы. Напрыклад, як паведамляў намеснік наркома асветы БССР Макаркевіч у пісьме Воранаўскаму райкаму КП(б)Б ад 13 мая 1940 г., у сувязі з абмежаваннем лімітаў, будаўніцтва школ у дадзеным раёне ў 1940 г. па плану не прадугледжвалася [1, арк. 358].

Урад БССР на пачатковым этапе ставіў сваёй задачай сфарміраваць школьную справу ў Заходняй Беларусі па нацыянальнаму прынцыпу. Найперш гэта тычылася пераводу выкладання ў школах на беларускую мову і выдання беларускамоўных падручнікаў. Стварэнне сеткі беларускамоўных школ патрабавала адпаведнай кваліфікацыі ў настаўнікаў, для якіх арганізоўваліся адпаведныя курсы па вывучэнню мовы [1, арк. 42]. Праўда, не ўсе падтрымалі ініцыятыву аб пераводзе школ на беларускую мову выкладання. Як паведамляў у справаздачы сакратар Навагрудскага райкома КП(б)Б, у Навагрудскім раёне ў пачатку 1940 г., падчас рэарганізацыі школ мела месца грэблівае стаўленне да беларускай мовы як з боку бацькоў вучняў, так і настаўнікаў. Асабліва гэта назіралася ў вёсках, дзе сяляне патрабавалі адкрыць рускія школы, матывуючы тым, што беларуская мова не ёсць паказчык адукаванасці. Павятовыя сялянскія камітэты нават падавалі ва ўладныя інстанцыі скаргі і хадатайніцтвы аб выкладанні рускай мовы ў школах. Зменшыць напружанасць па дадзенай праблеме ўдалося не адразу, а толькі пасля правядзення масавай агітацыйнай работы [1, арк. 46–47]. Падобная сітуацыя адбывалася і ў Шчучынскім раёне, дзе падчас абмеркавання на сходе пытання аб увядзенні беларускай мовы ў школьнае навучанне бацькі вучняў перашкаджалі прамоўцам, падымаючы ў зале крык [1, арк. 63]. Нягледзячы на жаданне савецкай улады адкрыць больш беларускамоўных школ у заходнебеларускім рэгіёне, паступова гэтая палітыка пачала згортавацца, а яе дасягненні аказаліся даволі нетрывалымі. З моманту актывізацыі рэпрэсій пачалася татальная русіфікацыя школьніцтва і сістэмнае

выцясненне беларускай мовы з грамадскага і культурнага жыцця краю [2, с. 167].

Паралельна існаваў яшчэ цэлы комплекс праблем, якія не давалі магчымасці для развіцця тут беларускай школьнай справы. Значная колькасць школ размяшчаліся ў зусім непрыстасаваных будынках, у якіх часта поўнаасцю адсутнічала школьнае абсталяванне. Так, у Воранаўскім раёне ў красавіку 1940 г. 37 школ знаходзілася ў старых сялянскіх хатах, а ў райцэнтры школы ўвогуле не было [1, арк. 357]. У Навагрудскім павеце ўзнікла праблема запазычанасці па зарплате настаўнікам, сума якой за снежань 1939 г. налічвала 19 000 руб., за студзень 1940 г. – ужо 300 000 руб. Акрамя гэтага за ліквідацыю непісьменнасці настаўнікі не атрымалі яшчэ каля 27000 руб. [1, арк. 47–48]. Як, дарэчы, пісаў старшыня фінупраўлення Наркамата асветы БССР Міркін у дакладной запісцы у ЦК КП(б)Б ад 16 лютага 1940 г., выплата зарплаты настаўнікам за студзень 1940 г. была немагчымай, бо на месцах адсутнічалі грашовыя сродкі [1, арк. 49]. Не хапала падручнікаў, школы ў большасці выпадку зусім не былі забяспечаны вучэбнымі праграмамі, сшыткамі, дзённікамі і інш. Нават сялянскім вучням не хапала абутку і вопраткі, з-за адсутнасці якіх яны не маглі наведваць урокі. Даходзіла да таго, што зімой некаторыя школы зачыняліся, бо элементарна не прывозіліся дровы.

Каб не страціць падтрымку з боку моладзі, партыйнае кіраўніцтва імкнулася стварыць сабе надзейную апору, арганізуючы ў школах і вучылішчах піянерскія і камсамольскія ячэйкі. Так, у кастрычніку 1940 г. у заходніх абласцях БССР налічвалася ўжо 650 піянерскіх атрадаў, якія аб'ядноўвалі каля 23 тыс. піянераў [3, с. 462]. Такія арганізацыі дазвалялі савецкай уладзе распаўсюджаць камуністычную ідэалогію сярод маладога пакалення. Для дарослага насельніцтва краю прадугледжваліся вячэрнія рабочыя школы і школы па ліквідацыі непісьменнасці, ў якіх у пачатку 1941 г. амаль 170 тыс. дарослых наведвалі заняткі [9, с. 34] Аднак і ў гэтым накірунку прасочваліся значныя пралікі, звязаныя найперш з недахопам адпаведных падручнікаў і метадычнай літаратуры.

У працэсе рэарганізацыі адукацыйнай сістэмы значных зменаў зазнаў сацыяльны склад пачатковых і сярэдніх школ. Можна канстатаваць, што адукацыйная палітыка савецкага кіраўніцтва ў Заходняй Беларусі ў вызначаны перыяд у цэлым станоўча адбілася на стане культуры краю.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Документы о состоянии партийной, агитационно-массовой работы, развитии промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта, народного

- образования, здравоохранения в западных областях БССР (постановления, выписки из протоколов, докладные записки, справки и др.): 3 января – 17 апреля 1940 г. // НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 17000. Арк. 1–364.
2. Высоцкі А. Вынікі саветызацыі беларускіх і ўкраінскіх земляў II Рэчы Паспалітай у 1939–1941 гг. з перспектывы культурнага сутыкнення // Беларускі гістарычны агляд. Вільня, 2011. Т. 18. Сш. 1–2. С. 141–185.
 3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]. Мінск: Экаперспектыва, 2006.
 4. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. Кн. 2 / М. У. Смяховіч [і інш.]. Мінск: Беларуская навука, 2012.
 5. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці. Вучэбны дапаможнік / І. А. Марзалюк, А. Г. Каханюўскі, С. М. Ходзін і інш. / пад агульнай рэд. І. А. Марзалюка. Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2022.
 6. Западная Белоруссия и Западная Украина в 1939–1941 гг.: люди, события, документы: сб. науч. статей / под ред. О. В. Петровской, Е. Ю. Борисенко. СПб.: Алетейя, 2011.
 7. История Белорусской ССР / редкол.: И. М. Игнатенко, Н. В. Каменская, И. С. Кравченко [и др.]. Мінск: Наука и техника, 1977.
 8. Латышонак А., Мірановіч Я. Гісторыя Беларусі з сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. Вільня–Беласток: Ін-т беларусістыкі, Беларускае гістарычнае таварыства, 2010.
 9. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг. В 2 кн. Кн. 2 / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2014.

АРХІЎ І ДАКУМЕНТ У КУЛЬТУРЫ, НАВУЦЫ, АДУКАЦЫІ І ДЗЯРЖАЎНЫМ КІРАВАННІ

ГІСТПАРТ ЦБ КП(б)Б У 1921–1922 ГГ.

Т. М. Агеенка

*ДУ «Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь»,
пр-т Незалежнасці, 116, 220114, г. Мінск, Беларусь, tata. agej@gmail.com*

У артыкуле разглядаюцца пытанні функцыянавання Гістпарту ЦБ КП(б)Б у 1921–1922 гг. Зварот да ўказанай тэмы абумоўлены шэрагам недакладнасцяў, выяўленых у працах, прысвечаных дзейнасці ўстановы. У першую чаргу – гэта адсутнасць дакладных звестак аб тым, хто ўзначальваў Гістпарт у вывучаемы перыяд. Другім важным момантам з’яўляецца пошук адказу на пытанне: ці праводзілася ўвогуле праца ў 1921–1922 гг.? Дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Расійскага дзяржаўнага архіва сацыяльна-палітычнай гісторыі даюць адказы на пастаўленыя пытанні.

Ключавыя словы: Гістпарт; ЦБ КП(б)Б; агітацыйна-прапагандысцкі аддзел; С. Кацэнбоген.

HISTPART OF THE CENTRAL BUREAU OF THE COMMUNIST PARTY (BOLSHEVIKS) OF BELARUS IN 1921–1922

Т. М. Ahejenka

*State Institution «National Archives of the Republic of Belarus», Nezavisimosti av., 116,
220114, Minsk, Belarus, tata. agej@gmail.com*

The article deals with the functioning of the Histpart of the Central Bureau of the CP(b) of Belarus in 1921–1922. Addressing this topic is due to a number of inaccuracies identified in the works devoted to the activities of the institution. First of all, this is the lack of accurate data on who headed the Histpart in the period under study. The second important point is the answer to the question: was the work carried out at all in 1921–1922? The documents of the National Archives of the Republic of Belarus and the Russian State Archives of Socio-Political History provide answers to the questions posed.

Keywords: Histpart; of the Central Bureau of the CP(b) of Belarus; propaganda department; S. Katzenbogen.

Гістпарт ЦБ – ЦК КП(б)Б з’яўляецца аб’ектам вывучэння даследчыкаў з пачатку 1980-х гг. Сярод тых, хто звяртаўся да гэтай тэмы, былі У. Міхнюк, Р. Платонаў, М. Шумейка. У сваіх працах аўтары падрабязна ахарактарызавалі пытанні дзейнасці камісіі. У той жа час сярод не да канца вывучаных застаецца пытанне аб тым, хто быў першым старшынёй Гістпарту. Некаторыя аўтары, адзначаючы, што сакратару ЦБ КП(б)Б В. Кнорыну даручалася «составить список лиц в эту комиссию», на аснове

гэтага рабілі выснову аб тым, што В. Кнорын і з'яўляўся першым старшынёй Гістпарта [1, с. 40; 2, с. 68; 3, с. 493]. Таксама аўтары так і не далі адказ на пытанне: ці праводзілася праца ў Гістпартце пасля яго зацвярджэння ў чэрвені 1921 г. да вылучэння калегіі ў лістападзе 1922 г. ? У большасці прац, пасля ўзгадкі пра стварэнне Гістпарта ў 1921 г., прыводзіліся адзін-два факты за 1922 г., у тым ліку зацвярджэнне ў лістападзе 1922 г. калегіі Гістпарта на чале з І. Вайнерам, пасля чаго аўтары пераходзілі да лістапада 1923 г., калі камісію ўзначаліў З. Жылуновіч. А ў некаторых працах адзначалася, што «выявить какие-либо результаты деятельности Истпарта в этот период [июнь 1921 – октябрь 1922 г.] не удалось; можно лишь предположить, что этой самой деятельности и не велось» [4, с. 115].

Стварэнню Гістпарта ЦБ КП(б)Б папярэднічаў ліст старшыні Гістпарта ЦК РКП(б) ад 1 ліпеня 1921 г., у якім указвалася на неабходнасць прадставіць звесткі аб дзейнасці камісіі [5, л. 3]. Пасля гэтага ЦБ КП(б)Б на пасяджэнні 10 чэрвеня 1921 г. зацвердзіла рашэнне аб арганізацыі Гістпарта. У пратаколе запісана: «т. Кнорину поручается составить список лиц в комиссию» [6, л. 74 адв.]. Ні старшыня, ні склад Гістпарта не былі зацверджаны, мэты і задачы таксама не прапісаны.

У дакументах ЦБ КП(б)Б (у тым ліку пратаколах бюро і прэзідыума ЦБ, матэрыялах агітацыйна-прапагадысцкага аддзела), фондзе Інстытута гісторыі партыі і Кастрычніцкай рэвалюцыі пры ЦК КП(б)Б (далей – Інстытута) звесткі аб дзейнасці камісіі за перыяд з чэрвеня па снежань 1921 г. не выяўлены. У штатных раскладах і спісах адказных супрацоўнікаў ЦБ, якія складаліся летам 1921 г., штатныя адзінкі для супрацоўнікаў Гістпарта адсутнічалі. Восенню 1921 г. у штатных раскладах ЦБ з'явіліся пасады загадчыка Гістпарта і вучонага сакратара, аднак яны былі вакантнымі [7, л. 17]. Такім чынам, можна выказаць меркаванне, што ў сувязі з вялікай перагружанасцю працай супрацоўнікаў ЦБ (што адзначалася ў шматлікіх дакументах ЦБ) Гістпарт быў зацверджаны фармальна, яго дзейнасць у 1921 г. так і не была распачата.

16 студзеня 1922 г. прэзідыум ЦБ разгледзеў пытанне аб Гістпартце і прызначыў навуковым супрацоўнікам, а таксама сакратаром Ахрамовіча (ён павінен быў сумяшчаць гэту працу з працай у партшколе) [8, л. 7]. Аднак звесткі аб яго дзейнасці не выяўлены.

На пасяджэнні ЦБ КП(б)Б 18 красавіка 1922 г. быў зацверджаны план агітацыйнай працы, у якім, сярод іншага, указвалася на неабходнасць распачаць працу па падрыхтоўцы першай кнігі Гістпарта «Белоруссия

и КПБ», заняцца распрацоўкай дакументаў для зборніка «1905 год в Белоруссии» і матэрыялаў чысткі КП(б)Б, выяўленнем звестак аб нямецкім і польскім падполлі [14, л. 32]. Для рэалізацыі гэтых планаў неабходна было прызначыць адказнага за гэту працу. 20 красавіка 1922 г. на пасяджэнні калегіі агітацыйна-прапагандысцкага аддзела ЦБ разгледжана пытанне аб Гістпарце. У рашэнні адзначалася: «а) составить бюро Истпарта согласно имеющихся указаний Истпарта ЦК РКП(б); б) Председателем бюро Истпарта ЦБ назначить тов. Каценбогена; в) Предложить тов. Каценбогену созвать в ближайшие дни первое заседание бюро Истпарта» [10, л. 3]. Разам з гэтым ён быў зацверджаны загадчыкам па аддзела друку агітацыйна-прапагандысцкага аддзела. У гэты ж час С. Кацэнбоген* з'яўляўся намеснікам рэктара БДУ, выступаў са шматлікімі лекцыямі.

У фондзе Інстытута захоўваецца ад рукі напісаны план працы (не падпісаны і не датаваны), складзены, верагодна, С. Кацэнбогенам і І. Фрыдландам (на гэта ўказвае частковае супадзенне пазіцый, прадстаўленых у плане і цыркуляры, аб якім будзе ісці гаворка ніжэй). У дакуменце адзначалася неабходнасць арганізацыі апарата і калегіі Гістпарта; адабрання ўсіх гістарычных і архіўных матэрыялаў, што знаходзіліся на руках у асобных таварышаў, раённых і павятовых камітэтаў, савецкіх устаноў і інш.; звароту да ўдзельнікаў рэвалюцыйных падзей, партыйных работнікаў з просьбай даслаць успаміны, артыкулы, аўтабіяграфічныя заметкі; распрацоўкі архіва; апрацоўкі, класіфікацыі, сістэматызацыі матэрыялаў па асобных перыядах гісторыі КП(б)Б; выпуску зборнікаў, прысвечаных пэўным перыядам гісторыі партыі, нямецкай і польскай акупацыям, Кастрычніку на Беларусі і Заходняй вобласці, пяцігоддзю КП(б)Б, гісторыі падполля; распрацоўцы архіваў жандармерыі [9, л. 65].

8 чэрвеня 1922 г. на пасяджэнні ЦБ КП(б)Б было прынята рашэнне аб арганізацыі бюро Гістпарта Беларусі ў Маскве ў складзе В. Кнорына, М. Рафеса, В. Міцкявічуса-Капсукаса [8, л. 36]. Яно дзейнічала ў выглядзе Заходняй абласной камісіі Гістпарта і складалася з рэвалюцыйных актывістаў Заходняй вобласці і фронта, якія жылі ў Маскве. У далейшым камісія правяла шэраг вечароў успамінаў.

Правядзенне плана дзейнасці Гістпарта ў жыццё пачалося летам 1922 г. Так, на пасяджэнні ЦБ КП(б)Б 20 чэрвеня 1922 г. было разгледжана пытанне аб працы агітацыйна-прапагандысцкага аддзела, дзе адзначалася

* Адзначым, што ў анкеце Саламона Кацэнбогена за 1924 г., а таксама ў працах, прысвечаных яму, звесткі аб дзейнасці ў Гістпарце адсутнічаюць [11; 12; 13].

неабходнасць вылучэння пры павятовых камітэтах упаўнаважаных для распрацоўкі матэрыялаў па Гістпарту мясцовых арганізацый, выпрацоўкі інструкцыі для рэгіянальных бюро Гістпарта [14, л. 42 адв.]. Пасля гэтага ва ўсе шэсць павятовых камітэтаў быў накіраваны цыркулярны ліст, у якім адзначалася: «...ценнейшие источники нашего прошлого не только не сохранены, но и уничтожены. Истпарт обращает в/внимание на огромное значение для нас собирания материалов из прошлого. Ведь на нашем прошлом будут учиться будущие поколения и по нему будут судить. Каждый штрих, каждое воспоминание или слово, имеющее значение как исторический материал, должно не пропасть» [15, л. 50]. Акрамя вылучэння ўпаўнаважаных, павятовым камітэтам прапаноўвалася распачаць збіранне матэрыялаў, што знаходзіліся на руках ва ўдзельнікаў гістарычных падзей, арганізоўваць вечары ўспамінаў, пісаць успаміны, дасылаць артыкулы, біяграфіі, фотаздымкі і інш. і перадаваць сабранае ў Гістпарт, заняцца выяўленнем у мясцовых архівах каштоўных матэрыялаў і прывядзеннем ў парадак архіваў партыйных арганізацый.

На працягу лета 1922 г. інфармацыйныя лісты аб неабходнасці прадстаўлення ў Гістпарт матэрыялаў разаслалі асобным таварышам і арганізацыям, у тым ліку ў ЦК ЛКСМБ, Савет прафсаюзаў Беларусі, польбюро, Выканкам Мінскага савета рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў, Дзяржвыдад, Дзяржпалітупраўленне [15, л. 1–11]. У чэрвені Гістпарт звярнуўся ў Цэнтрархіў БССР з просьбай пры апрацоўцы гістарычных матэрыялаў і дакументаў рэвалюцыйнага руху паведамляць у Гістпарт для зняцця копій ці атрымання арыгінальных дакументаў [9, л. 6].

У сярэдзіне 1922 г. з рэгіёнаў пачалі прыходзіць звесткі аб вылучэнні ўпаўнаважаных. Напрыклад, з Бабруйска паступіла выпіска з пратакола прэзідыума павятовага камітэта ад 10 чэрвеня 1922 г. аб прызначэнні Ноймана для сувязі з Гістпартам, адкрыцці пакоя-музея, арганізацыі свята пяцігоддзя Бабруйскай арганізацыі, адкрыцці помніка і інш. [9, л. 4].

20 чэрвеня 1922 г. за подпісам загадчыка агітацыйна-прапагандысцкага аддзела ЦБ КП(б)Б Я. Быкіна, які ўзначаліў камісію пасля С. Кацэнбогена, у Гістпарт ЦК РКП(б) быў накіраваны наступны ліст: «...от Центр. Истпарта мы не получаем решительно никаких материалов, инструкций, бюллетеней, журнала “Пролетарская революция” и пр. изданий. Намереваясь установить постоянные сношения с Центр. Истпартом, убедительно просим прислать нам все вышедшие до сих пор издания» [5, л. 4]. У канцы жніўня 1922 г. ў маскоўскі Гістпарт накіравалі яшчэ адзін ліст,

які пацвярджае наша меркаванне аб фармальным існаванні ўстановы ў 1921 г. : «...высланные В/материалы еще 10 января нами не получены. Причина этому послужила то, что Истпарт в то время еще не был организован. В настоящее время Истпарт приступил и наладил уже в продолжение 2-х месяцев работу» [5, л. 7].

У канцы верасня 1922 г. загадчык агітацыйна-прапагандысцкага аддзела ЦБ Я. Быкін быў адазваны ў распараджэнне ЦК РКП(б) [16, с. 295], пасля гэтага камісія прыпыніла працу. У новым складзе Гістпарт быў зацверджаны ЦБ КП(б)Б 27 лістапада 1922 г. Старшынёй прызначылі загадчыка агітацыйна-прапагандысцкім аддзелам ЦБ І. Вайнера. Дзейнасць і гэтай камісіі была не доўгай (па люты 1923 г.), аднак праведзеная ёй праца знайшла сваё адлюстраванне ў пратаколах калегіі і артыкулах даследчыкаў.

Падсумоўваючы ўсё вышэй адзначанае, можна зрабіць выснову аб тым, што першым старшынёй Гістпарта ЦБ КП(б)Б па праву трэба лічыць С. Кацэнбогена. Дзейнасць камісіі была распачата толькі з красавіка 1922 г. і праводзілася пад кіраўніцтвам агітацыйна-прапагандысцкага аддзела ЦБ, у структуру якога яна ўваходзіла. Шляхам рассылкі лістоў, стварэння маскоўскага аддзялення, вылучэння ўпаўнаважаных пры павятовых камітэтах ажыццяўлялася асноўная задача Гістпарта – збіранне матэрыялаў. Сярод прычын, якія тармазілі дзейнасць, трэба вылучыць перагружанасць супрацоўнікаў іншай працай, а таксама адсутнасць камунікацыі з Гістпартам ЦК РКП(б).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Михнюк В. Н. Становление и развитие исторической науки Советской Белоруссии (1919–1941 гг.). Минск: Наука и техника, 1985.
2. Михнюк У. М. Гістпарт Беларусі: асноўныя напрамкі дзейнасці // Весці Акадэміі навук БССР. Сер. гум. навук. 1983. № 6. С. 68–71.
3. Платонаў Р. Інстытут гісторыі партыі пры ЦК КПБ // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 тамах. Т. 3. Мінск: БелЭН, 1996. С. 493–494.
4. Шумейко М. Роль беларускага Истпарта в собирании, сохранении и использовании архивов новейшей политической истории Беларуси // Архивы и делопроизводство. 2011. № 3. С. 114–119.
5. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяльна-палітычнай гісторыі. Ф. 70. Воп. 2. Спр. 53.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 425.
7. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 440.
8. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 697.
9. НАРБ. Ф. 60п. Воп. 1. Спр. 2.
10. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 936.
11. НАРБ. Ф. 15п. Воп. 1. Спр. 2055.

12. Память и слава: Соломон Захарович Каценбоген: к 130-летию со дня рождения / [редкол.: А. Г. Кохановский, О. А. Яновский, А. Н. Данилов; составитель А. Н. Максимчик]. Минск: БГУ, 2019.

13. Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / науч. ред. О. А. Яновский. Минск: БГУ, 2017.

14. НАРБ. Ф. 4п. Воп. 1. Спр. 693

15. НАРБ. Ф. 60 п. Воп. 1. Спр. 3.

16. Страницы истории Компартии Белоруссии: суждения, аргументы, факты / сост. Ю. П. Смирнов, Н. С. Сташкевич; под ред. Р. П. Платонова. Минск: Университетское, 1990.

СТЕФАН РЫГЕЛЬ КАК ЭКСПЕРТ ПО ВОПРОСАМ ВОЗВРАЩЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В 20-е ГОДЫ XX в.

Т. Д. Гернович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tat.gernovich@gmail.com*

В статье рассматривается деятельность Стефана Рыгеля, библиотекаря, библиофила, директора Библиотеки Виленского и Варшавского университета, библиотеки имени Врублевских в работе Специальной смешанной комиссии, созданной для возвращения польского наследия, в соответствии с Рижским мирным договором 1921 г. Отмечается его значительный вклад в научное изучение вопроса и разработку экспертных документов, обосновывавших возврат культурных ценностей; работу по отбору объектов и составлению перечня перемещенных книг и документов; организацию отправки и сопровождение культурных ценностей при перевозке в Польшу. Делается вывод об ограниченности взглядов С. Рыгеля исключительно польскими интересами и отрицании им права белорусского и украинского народов на собственную национальную часть культурных ценностей в наследии Речи Посполитой.

Ключевые слова: Рижский мирный договор 1921 г.; ревиндикация; реституция; возвращение культурных ценностей; Беларусь; Польша; РСФСР; Стефан Рыгель; советско-польские отношения; Специальная смешанная комиссия.

STEFAN RYGEL AS AN EXPERT ON THE RETURN OF CULTURAL VALUES IN THE 20s OF THE XX CENTURY

T. D. Hiarnovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, tat.gernovich@gmail.com

The article examines the activities of Stefan Rygiel, librarian, bibliophile, director of the Vilna and Warsaw University Libraries, the Wroblewski Library, in the work of the Special Mixed Commission created for the return of the Polish heritage, in accordance with the Riga Peace Treaty of 1921. He made a significant contribution to the scientific study of the issue and development of expert documents. He justified the return of cultural property. He carried out work on selecting objects and compiling a list of displaced books and documents. He organized the shipment of cultural objects to Poland. The conclusion is made that S. Rygel's views are limited exclusively by Polish interests and his denial of the right of the Belarusian and Ukrainian people to their own national part of cultural values in the heritage of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

Keywords: Riga Peace Treaty 1921; revindication; restitution; return of cultural property; Belarus; Poland; RSFSR; Stefan Rygiel; Soviet-Polish relations; Special mixed commission.

Стефан Рыгель (Stefan Henryk Rygiel) (1887–1945) – библиотекарь, библиофил, директор Библиотеки Виленского и Варшавского университета, библиотеки им. Врублевских. Вся его жизнь была связана с книгой и библиотеками. Он занимался изучением польских книжных собраний, проблемами их инвентаризации, правилами использования и

хранения. Для отечественной исторической науки особого внимания заслуживает период жизни Стефана Рыгеля, который связан с его участием в работе Специальной смешанной комиссии, созданной в соответствии с Рижским мирным договором 1921 г. для возвращения польского культурно-исторического наследия.

В связи с тем, что биография С. Рыгеля не освещалась отечественными исследователями, приведем также некоторые основные моменты его жизни и деятельности. Стефан Рыгель родился 7 апреля (по некоторым данным, 1 апреля) в Варшаве в семье торговца Генриха и его жены Леонии. В 1904 г. закончил 6 классов государственного реального училища в Варшаве, а в 1907 экстерном сдал выпускной филологический экзамен в государственной средней школе г. Феодосии (Крым). В 1907/08 учебном году изучал польскую филологию на филологическом факультете Ягеллонского университета и в 1908–1913 гг. славянскую и немецкую филологию в Берлинском университете, где под руководством Александра Брюкнера (Aleksander Brückner) написал докторскую диссертацию «Puteanus und Polen», которую защитил в 1913 г. [1].

В 1909–1910 гг. он публиковал в журналах «Program i Krytyka», «Scena i Sztuka» театральные и музыкальные рецензии, а также сообщения о выставках и культурных мероприятиях в Берлине. С. Рыгель опубликовал работу «Rzeczymskie wzory i źródła satyr Krzysztofa Opalińskiego» (Lwów, 1912, odb. z «Eos») [2, 642]. В 1912–1913 гг. работал волонтером в славянском отделе Королевской библиотеки в Берлине. В 1914–1921 гг. изучал историю, польский и немецкий языки в варшавских частных средних школах, в том числе в реальной школе Витольда Врублевского. Одновременно работал в 1914 г. в редакции «Большой всеобщей иллюстрированной энциклопедии» и публиковал в ней свои статьи.

С 1915 до 1921 гг. Стефан Рыгель был сначала ассистентом, потом библиотекарем и смотрителем Библиотеки Варшавского университета. С 1917 г. входил в Союз польских библиотекарей, а со следующего года стал председателем в секции библиотековедения. Был также членом Библиотечной комиссии при магистрате города Варшавы. Преподавал в 1918–1919 гг. на библиотечных курсах, организованных Союзом польских библиотекарей, в 1918 г. – на курсах Польского краеведческого товарищества, в 1920 г. – на курсах для инструкторов Института им. Сташица в Варшаве. Он был постоянным сотрудником варшавского «Bibliotekarz» и львовского «Exlibris», публиковал статьи по библиотековедению, библиографии в различных газетах [3].

С августа 1920 г. у С. Рыгель частовал в советско-польской войне. В июне 1921 г. был назначен на должность представителя Польской делегации в Смешанных комиссиях реэвакуационной и специальной в Москве и Петрограде, а также в качестве эксперта по вопросам ревиндикации польских библиотечных собраний. С начала 1923 г. был руководителем по решению этих вопросов. Вернулся в Польшу в начале 1924 г. и с 1 февраля 1924 г. занял должность директора Библиотеки Виленского университета. Благодаря его усилиям в библиотеке был сделан ремонт, создан зал периодики и профессорский зал каталогов, а также читальный зал рукописей, гравюр и карт. С. Рыгель реорганизовал систему каталогов и инвентаризации новых поступлений, также разработал правила использования библиотечных собраний. С 1 февраля 1926 г. он также по совместительству был назначен на должность директора Государственной библиотеки им. Врублевских в Вильно [4].

В 1926 г. Стефан Рыгель участвовал в Международном конгрессе библиотекарей в Праге, где выступал с докладом «Międzynarodowe znaczenie bibliotek polskich» [5]. Он опубликовал целый ряд работ по библиотековедению: «W Wileńskiej Bibliotece Publicznej i Uniwersyteckiej» (перепечатано с «Silva Rerum») [6], «Warszawski zjazd bibliofilów, bibliotekarzy i bibliografów 1926» (перепечатано с «Ruch Literacki») [7], «Organizacja naczelných władz bibliotecznych» (перепечатано с «Przegląd Biblioteczny») [8], «Czarodziejska moc książki» [9], «Estreicher a Wilno» [10] и «Biblioteka Państwowa im. Wróblewskich (совместно с Heleną Drège) (перепечатано в 1934 г. с «Biblioteki Wileńskie») [11]. В 1924–1930 гг. возглавлял Виленский кружок Общества польских библиотекарей, Виленский кружок Общества польских библиофилов [12].

В 1929 г. С. Рыгель занял должность директора Библиотеки Варшавского университета (BUW). Покинув Вильно, он не переставал руководить виленскими библиотеками: до 31 марта 1930 г. руководил Виленской университетской библиотекой, а до 29 февраля 1932 г. – библиотекой имени Врублевских.

Во время проведения ремонта здания библиотеки Варшавского университета в 1929–1930 гг. были выявлены неточности в финансовой и строительной документации, возникшие вследствие халатности, подчиненных С. Рыгелю административных работников. Его также обвинили в несоблюдении правил. В результате длительного расследования дисциплинарный комитет Министерства религиозных конфессий и народного просвещения провел судебный процесс и дисциплинарное

слушание. Оба решения – Окружного суда Варшавы от 1936 г. и дисциплинарное решение от 1937 г. – признали С. Рыгеля виновным в халатности, но освободили от обвинения в злоупотреблениях. В связи с этим он в 1936 г. перестал быть директором библиотеки Варшавского университета, его сменил на этом посту Вацлав Боровей. В 1930-е гг. С. Рыгель возглавлял Варшавский кружок Общества польских библиотекарей, являясь также членом Рады Общества библиофилов. В этот период он опубликовал «Bibliografię bieżącą polskich spraw morskich, rzecznych, emigracyjnych i kolonialnych» [13], а также несколько статей в «Wiadomości Literackie», «Tygodnik Pustrowany», «Ziemi» и др.

Во время немецкой оккупации в квартире С. Рыгеля по ул. Немцевича, 9 в Варшаве еженедельно по средам проходили собрания библиофилов, историков, геральдистов и т. д. Также в это время он занимался составлением энциклопедии Варшавы. Эта работа была прервана началом Варшавского восстания 1944 г. В первых числах августа С. Рыгель также выпускал машинописную газету, содержащую информацию радиосводок и предназначенную для местных жителей. Он также принимал активное участие в общественном самоуправлении, созданном в окрестностях Охоты (р-н Варшавы). В квартире С. Рыгеля несколько дней размещалась группа бойцов разведывательного отряда «Завиша». В середине августа 1944 г., вероятно, через концлагерь в Прушкуве, С. Рыгель был депортирован в концлагерь Берген-Бельзен, где и умер в феврале 1945 г. Его символическая могила находится на Евангелическом Аугсбургском кладбище в Варшаве.

С. Рыгель был женат на Ванде, урожденной Серамской (брак 3 июля 1920). У них был сын Иво, псевдоним «Богуслав» (1921–1944). Во время немецкой оккупации Иво, курсант Армии Крайовой, командир 2-го взвода 3-й роты разведывательного батальона Штурмовой группы «Зоська» погиб под Варшавой 2 августа 1944 г.

Как уже отмечалось выше, С. Рыгель в 20-е гг. XX в. сыграл значительную роль в ходе работ по реализации Рижского мирного договора 1921 г.¹ Текстом Договора предусматривалось, что в шестимесячный срок

¹ XI-я ст. Рижского мирного договора 1921 г. предусматривала возвращение Польше культурных ценностей: 1) вывезенных в Россию с 1772 г. (пп. 1–3, 7, 8), 2) эвакуированных с 1 сентября 1914 г. по 1 октября 1915 г. (пп. 9–13), 3) подаренных своему государству (польскому или советскому) до 7 ноября 1917 г. (п. 14). Библиография о заключении и реализации Договора обширна. См., например, *Traktat ryski 1921 roku po 75 latach, pod red. Mieczysława Wojciechowskiego*, Toruń 1998; J. Pruszyński, *Dziedzictwo kultury Polski: jego straty i ochrona prawna*, t. 1–2, Kraków 2001; D. Matelski, *Losy polskich dóbr kultury w Rosji i ZSRR. Próby restytucji: archiwa – księgozbiory – dzieła sztuki – pomniki*, Poznań 2003; D. Matelski, *Grabież i restytucja polskich dóbr kultury od czasów*

после его подписания должна начаться работа по реализации положений. В этой связи 8 августа 1921 г. первая группа польских представителей в составе 85 человек специальным поездом отправилась в Москву. В их числе был и Стэфан Рыгель, как знаток рукописей, старинных книг, книжной графики, истории и судеб польских книжных собраний.

Рижский договор 1921 г. не содержал каких-либо санкций за невыполнение договоренностей, поэтому реализация его положений часто затягивалась и зависела от внешнеполитической ситуации. Приехавшие в Москву польские представители не сразу приступили к делам. Официально Смешанные комиссии смогли начать работу только после проведения в Варшаве в начале октября 1921 г. серии переговоров между Я. Домбским и Л. Караханом о высылке из Польши «активных врагов советской власти» (С. Петлюры, С. Булак-Балаховича и др.).

В протоколе Домбского-Карахана от 7 октября 1921 г. было зафиксировано, что Реэвакуационная и Специальная комиссии начнут свои работы 8 октября. В п. 8 этого протокола была обозначена готовность Российского правительства вернуть Польше культурные ценности в строгом соответствии с договором и оказать «при этом соответствующими органами благожелательного содействия» [14, с. 395]. Однако, в своих докладах Г. В. Чичерину полпред РСФСР в Варшаве Л. М. Карахан, отмечая важность для налаживания дипломатических отношений вопроса возвращения культурных ценностей, 26 октября писал, что необходимо «... приступить к работам Реэвакуационной Комиссии, но ничего пока реально не реэвакуировать...» [15, с. 481]. В то же время для создания для польской прессы впечатления готовности решать этот вопрос Л. М. Карахан рекомендовал «...картину Матейко «Грюнвальд», имеющую для поляков грандиозное историческое значение, выслать вне всякой очереди с тем, чтобы она в ближайшую неделю могла быть получена в Варшаве. После чрезвычайно резких и бешеных нападков на Россию, в особенности на Российское Посольство, картина, которая известна всякому поляку и которая будет выставлена в их музее, будет служить лучшим агитатором и лучшим показателем того, что, как только поляки удовлетворили наши требования, мы сейчас же начали реэвакуацию, и, как писал я Вам уже в телеграмме, выдача полякам картины Матейко будет иметь психологически в сто раз большее значение, чем десять заводов, которые будут возвращены Польше...» [15, с. 468].

nowożytnych do współczesnych, T. 1–2, Kraków 2006; Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później, red. S. Dębski. Warszawa, 2013.

Рис. 1. Польская делегация на ст. Столбцы, 11. 08. 1921.
AGAD. Z. 394 Papiery Stefana Rygla.

Возращение библиотечных собраний Польше было одним из самых острых вопросов. Сложность и неоднозначность его решения выявилась еще во время переговоров в Риге и обсуждения понятий «собрания мирового культурного значения», появление которого диктовалось желанием советской стороны оставить в Петербурге как можно больше из собраний Публичной библиотеки. В соответствии с установкой П. Войкова «рубить по рукописям, щадить книги», вся последующая работа комиссии была связана не только с практической деятельностью по выявлению и перемещению, но и с теоретическими баталиями экспертов с обеих сторон по доказыванию возможности или невозможности возврата [16].

В этой связи большое научное значение имеет изучение роли экспертов, привлекавшихся к работе комиссии, так как их теоретические наработки легли не только в основу российско-польского переговорного процесса, но и оказали влияние на формирование теоретической базы архивоведения, библиотековедения и музеологии. Среди трудов российских и белорусских исследователей наиболее изучено наследие М. К. Любавского [17; 18], В. И. Пичеты [19], С. Ф. Платонова, а в польской историографии – З. Моцарского, П. Баньковского, М. Мореловского и др.¹.

¹ См., например: Róziwicz J., *Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918)*, Wrocław, 1984; Łaskarzewska H. *Starania o zwrot polskich zbiorów bibliotecznych z Kijowa i Petersburga w świetle niepublikowanych dokumentów dotyczących realizacji ustaleń traktatu ryskiego. Ze spuścizny Stanisława Lisowskiego // Rocznik Biblioteki Narodowej*, 35:2003, s. 39–66; Pietrkiewicz D. *Życie i praca Piotra Bańkowskiego (1885–1976) // Z Badań nad Książką i Księgozbiórami Historycznymi*, t. 6:

Стэфан Рыгель принимал участие в качестве эксперта в работе Специальной смешанной комиссии недолгое время – с осени 1921 г. по конец 1923 гг., так как был вынужден уехать в связи с угрозой ареста. Его документальное наследие рассредоточено в нескольких хранилищах в Главном архиве древних актов в Варшаве, Архиве Национальной библиотеки Польши и Архиве Польской академии наук [20]. Личный фонд С. Рыгеля, хранящийся в Главном архиве древних актов в Варшаве (AGAD), был передан его женой Вандой в 1946 г. В нем сохранился значительный комплекс документов, который содержит копии протоколов заседаний Специальной смешанной комиссии и архивно-библиотечной подкомиссии, заметки по подготовке к заседаниям, списки требований, представленные польской делегацией, меморандумы польской и советской сторон, акты приема-передачи рукописей, книг и гравюр из Российской публичной библиотеки, переписка с Е. Кунце, М. Абрамовичем, З. Моцарским, В. Суходольским, Б. Уссасом¹.

В 1949 г. вторая часть личного архива С. Рыгеля была передана женой в Национальную библиотеку Польши. Она содержит его обширную переписку с частными лицами и организациями за 1903–1943 гг. и некоторые личные документы. Также Польской академией наук (ПАН) в 1955 г. была приобретена часть документов С. Рыгеля вместе с документами А. Бахульского, а в 1962 г. еще одна часть вместе с документами Я. Гужсковской. В итоге из них был образован фонд, насчитывающий 107 ед. хр. В фонде С. Рыгеля в ПАН хранятся статьи, заметки о книгах и библиотеках Виленщины, о Варшавской библиотеке, которые были составлены в том числе во время работы в качестве эксперта в Специальной смешанной комиссии. В фонде хранятся различные документы научных сообществ, членом которых являлся С. Рыгель. В ПАН так же, как и в АГАД, хранится переписка С. Рыгеля с Э. Кунце, С. Стажиньским и др. во времена работы экспертом в Специальной смешанной комиссии².

2012, s. 51–64; Pietrzekiewicz D. Catenaty Rosyjskiej Biblioteki Publicznej w Petersburgu w świetle ekspertyzy Piotra Bańkowskiego // *Historia. Memoria. Scriptum. Księga jubileuszowa z okazji osiemdziesięciolecia urodzin Profesora Edwarda Potkowskiego*, red. J. Krochamł, Warszawa, s. 166–175; Paszkiewicz U. Zygmunt Mocarski bibliograf, bibliotekarz, bibliolog, // *Studia o Książce*, t. 7: 1977, s. 159–160; J. Serczyk, Zygmunt Mocarski (1894-1941), bibliotekarz i bibliofil, historyk kultury, organizator życia naukowego // *Wybitni ludzie dawnego Torunia*, Warszawa 1982, s. 331-338; Matelski D. Rola muzeów i muzealników polskich w ratowaniu i restytucji utraconego dziedzictwa kultury w XX–XXI wieku (część I – do 1945 r.), Poznań 2003.

¹ Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD) Z. 394 Papiery Stefana Rygla.

² Archiwum Polskiej Akademii Nauk w Warszawie (APAN W) zespół 229, sygn. III–112 Stefan Rygiel (1887–1945; bibliotekarstwo, bibliografia, bibliofilstwo) [I połowa XVIII wieku–] 1902–1945[–1950].

Стэфан Рыгель подготовил ряд трудов, освещающих работу Специальной смешанной комиссии. Это «Rewindykacja gabinetu rycin b. Biblioteki Publicznej w Warszawie» [21], «Rewindykacja zbiorów polskich Petersburskiej Biblioteki Publicznej przez Delegację Polską w Mieszanej Komisji Specjalnej w Moskwie» [22], «Sprawa zwrotu mienia kulturalnego Wileńszczyzny z Rosji» (отп. из «Ateneum Wileński») [23]. В «Tygodnik ilustrowany» в 1924 г. были опубликованы его воспоминания «Год в петроградской Публичной библиотеке». Значительная часть документов, созданных С. Рыгелем во время работы в Специальной смешанной комиссии, была опубликована в *Dokumenty dotyczący akcji polskich w Komisjach Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej* (Z. 4, 8) [24; 27].

Фактически основным вопросом, которым занимался С. Рыгель на первоначальном этапе работы Комиссии, было изучение возможности возвращения Кабинета гравюр (*Gabinet rycin*)¹. В т. 4 *Dokumenty dotyczący akcji polskich w Komisjach Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej* был опубликован первоначальный Меморандум польской делегации от 2 декабря 1921 г. о возврате Кабинета гравюр из бывшей Варшавской публичной библиотеки, содержащий описание состава, ценности коллекции и его значения для польской культуры, автором которого являлся С. Рыгель. В дальнейших документах, составленных по этому вопросу, – в ответе на Меморандум экспертов российской делегации С. Тройницкого и В. Нечаева о невозможности возврата Кабинета гравюр в связи с угрозой разрушения целостности собрания Петербургской художественной академии и коллекции Эрмитажа и ответе польской экспертизы на Меморандум экспертов российской делегации от 9 апреля 1922 г. фактически были сформулированы основные установки польской и советской сторон по вопросу определения национальной принадлежности библиотечных коллекций. Основным автором польской позиции и ответов на аргументы советской стороны являлся С. Рыгель.

¹ Первоначальную основу Кабинета гравюр сформировал король Станислав Август. Его коллекция была куплена польским правительством в 1815 г. В 1818 г. Станислав Костка Потоцкий передает коллекцию Варшавскому университету вместе с частью собственного собрания рисунков и гравюр (в том числе произведений мастеров европейских школ XVI и XVII вв.). Эта коллекция после основания в 1816 г. Библиотеки Варшавского университета получила название Кабинет гравюр и включала в себя все произведения графики, хранящиеся в университете. В 1832 г. после восстания 1830–1831 гг. Кабинет гравюр был вывезен в Петербург и включен в состав коллекций царской Академии художеств, где также был объединен с коллекциями Варшавского общества друзей наук и собранием Евстафия Сапеги из Деречина.

Рис. 2. Участники польской делегации в Москве, 19. 04. 1922.
Стефан Рыгель первый слева. AGAD. Z. 394 Papiery Stefana Rygla.

Другим вопросом, который разрабатывал С. Рыгель, был возврат книжных собраний польского происхождения (Библиотеки Залуских, Несвижской библиотеки Радзивиллов и др.) из Петербургской публичной библиотеки. Меморандум, который подготовил С. Рыгель, был представлен в качестве приложения к обращению А. Ольшевского от 2 марта 1922 г. и содержал обширное описание истории формирования и перемещения этих библиотечных коллекций. Таблица польских источников обогащения Петербургской публичной библиотеки, которую он составил, содержала указание, что это собрание по его подсчетам включает 400 тысяч книг и 16 тысяч рукописей [25].

С. Рыгель не только разрабатывал документы, содержащие экспертные оценки, но также активно выступал на пленумах и заседаниях Комиссии, которые проводились по спорным вопросам. Так, на IX пленуме Специальной смешанной комиссии, который проходил с 13 сентября по 31 октября 1922 г. и который был посвящен вопросам книжных собраний Петербургской публичной библиотеки, он выступал с докладом вместе Э. Кунце, М. Хандельсманом и С. Туровским, представляя польскую позицию по решению вопроса и оспаривая представленные С. Ф. Ольденбургом, М. Я. Пергаментом и М. Р. Мебля аргументы советской делегации.

После принятия Резолюции о выдаче книг из Российской публичной библиотеки от 20 октября 1922 г. и Постановления от 30 октября 1922 г., которое кроме возвращения собраний предусматривало выдачу

эквивалента, С. Рыгель вместе с Э. Кунце входят в состав группы экспертов с польской стороны, которая занималась выделением книг и рукописей из фондов библиотеки. Эта работа выполнялась ими при помощи З. Моцарского, С. Пташицкого, М. Хандельсмана, Л. Бернацкого, А. Биркенмайера и Б. Ольшевича. На короткое время, в начале 1922 г., к участию в приемочных работах также был приглашен Э. Хвалевик, который оставил об этом свои воспоминания [26]. Каждый день эксперты работали в библиотеке, изучали картотеку, просматривали книжные и рукописные памятники для принятия решения об их перемещении [27, р. 7].

С. Рыгель занимался также сопровождением культурных ценностей, которые отправлялись в Польшу. Так, он сопровождал первую партию рукописей, которую в соответствии с актом 21 марта 1923 г., подписанным, с одной стороны, С. Ф. Платоновым и Н. П. Лихачевым, а с другой С. Рыгелем, в количестве 46 ящиков, из РСФСР передавали в Польшу. 24 марта 1923 г. ящики были доставлены на вокзал, но отправка их не состоялась. С. Рыгель, который отправился для встречи груза и перегрузки ящиков в польский вагон безрезультатно прождал их более трех недель на станции Негорелое и вынужден был вернуться назад в Петроград. Вагон с рукописями был отправлен только 6 апреля и прибыл в Варшаву спустя месяц.

В своих экспертных оценках и научных трудах С. Рыгель защищал позицию, основанную на отнесении к «польскому культурному наследию» всего, что было создано и хранилось в пределах границ Речи Посполитой до 1772 г. Критикуя российских ученых за консервативность взглядов и причисление наследия Российской империи исключительно к наследию русского народа, он тем не менее сам не признавал права белорусского, украинского и литовского народов на наследие Речи Посполитой. Благодаря его стараниям в Польшу были перемещены рукописи и книги из Деречина, Постава, Несвижа. Таким образом, восстанавливая историческую справедливость по отношению к польской культуре, он создавал новый виток культурных противоречий, который из-за слабости белорусских, украинских и литовских политических элит того времени так и не удалось разрешить.

Библиографические ссылки

1. Rygiel, S. Puteanus und die Polen. Berlin, 1913 URL: <https://sbc.org.pl/dlibra/publication/228475/edition/215938/puteanus-und-die-polen-rygiel-stefan-1887-1945?language=pl> (дата обращения: 12. 09. 2023)

2. Czy wiesz kto to jest ? / pod ogólną red. Stanisława Łozy. Wrocław: Bib. Popularnonaukowa, 1938.
3. Konarski S., Rygiel Stefan Henryk, krypt. Rgl (1887–1945), bibliotekarz, bibliofil, dyrektor Biblioteki Uniwersytetu Wi-leńskiego i Uniwersytetu Warszawskiego // Polski słownik biograficzny. T. 33/3, z. 138, Wrocław i in. 1992, p. 461–462.
4. Краевская Х., Шестопалова И. Русско-польские контакты на материале документов Варшавского архива польской академии наук (перевод И. Шестопаловой) // История и архивы. 2013. №4 (105). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rusko-polskie-kontakty-na-materiale-dokumentov-varshavskogo-arhiva-polskoy-akademii-nauk-perevod-i-shestopalovoy-1> (дата обращения: 12. 09. 2023).
5. Congrès international des bibliothécaires et des amis du livre tenu à Prague du 28 juin au 3 juillet 1926: procès-verbaux et mémoires publiés par le Comité exécutif du Congrès. communications et mémoires. T. 2. Prague, 1928.
6. Rygiel S. W Wileńskiej Bibliotece Publicznej i Uniwersyteckiej. Kraków, 1925.
7. Rygiel S. Warszawski zjazd bibliofilów, bibliotekarzy i bibliografów 1926. Warszawa, 1926.
7. Rygiel S. Organizacja naczelných władz bibliotecznych. Kraków, 1927
9. Rygiel S. Czarodziejska moc książki. Wilno, 1928.
10. Rygiel S. Estreicher a Wilno. Wilno 1928.
11. Rygiel S., Drège H. Biblioteka Państwowa im. Wróblewskich. Wilno, 1932.
12. Ilgiewicz H. Wileńskie Koło Związku Bibliotekarzy Polskich (1923–1939) // Z Badań nad Książką i Księgozbiorami Historycznymi 2022, t. 16, z. 4. S. 543–562.
13. Rygiel S. Bibliografię bieżącą polskich spraw morskich, rzecznych, emigracyjnych i kolonialnych. Warszawa, 1934.
14. Документы внешней политики СССР. Т. 4. 19 марта 1921 г. – 31 декабря 1921 г. / М-во иностр. дел СССР. М.: Госполитиздат, 1960.
15. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: Сборник документов в четырех томах. Т. 1. 1918–1926. М.: Аспект Пресс, 2017.
16. Гернович Т. Д. Влияние Рижского мирного договора 1921 г. на формирование теоретических подходов к определению основных понятий архивоведения // Омские социально-гуманитарные чтения – 2023: материалы XVI Междунар. науч. - практ. конф. (Россия, Омск, 22–24 марта 2023 г.); отв. ред. Л. А. Кудринская. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 22–27.
17. Гернович Т. Д. Докладная записка М. К. Любавского «О положении русской исторической науки в связи с выделением архивов Польше» (не ранее 11 мая 1921 г.) // Минулае і сучаснасць: архівы ў сістэме гуманітарных ве- даў. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, прысвечанай 100-годдзю Віцебскай вучонай архіўнай камісіі; 20 мая 2009 г.; Мінск, Беларусь. Мінск: БелНДЦДАС; 2010. С. 198–202.
18. Гернович Т. Д. Роль М. К. Любавского в решении проблемы перемещенных архивов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: Навуковы зборнік. Вып. 8. Мінск: БДУ, 2013. С. 204–209.
19. Шумейко М. Ф. Влияние Рижского мирного договора на судьбы белорусских архивов // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2021. № 2. С. 17–28.
20. Chankowski S. Materiały Stefana Rygla // Biuletyn Archiwum Polskiej Akademii nauk. № 13. Warszawa, 1970. P. 85–117.
21. Rygiel S. Rewindykacja gabinetu rycin b. Biblioteki Publicznej w Warszawie. Warszawa, 1922–1923 Cz. I–II.
22. Rygiel S. Rewindykacja zbiorów polskich Petersburskiej Biblioteki Publicznej przez Delegację Polską w Mieszanej Komisji Specjalnej w Moskwie. Warszawa, 1923.

23. Rygiel S. Sprawa zwrotu mienia kulturalnego Wileńszczyzny z Rosji, (odb. z Ateneum Wileński). Wilna, 1924.
24. Dokumenty dotyczące akcji polskich w Komisjach Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej, Z. 4, Warszawa 1923, P. 189–239.
25. Rygiel S. Rewindykacja Zbiorów polskich Petersburskiej Biblioteki Publicznej przez Delegację Polską w Mieszanej Komisji Specjalnej w Moskwie, Warszawa 1923.
26. Chwalewik E. Z moich wspomnień o zbieractwie, oprac. H. Łaskarzewska i M. Figiel, Warszawa 2006.
27. Dokumenty dotyczące akcji polskich w Komisjach Mieszanych Reewakuacyjnej i Specjalnej, Z. 8, Warszawa 1923.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОЛГОВРЕМЕННОЙ СОХРАННОСТИ И ДОСТУПНОСТИ АРХИВНОЙ ЭЛЕКТРОННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПРИ СОЗДАНИИ ФОНДА ЦИФРОВЫХ КОПИЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Л. Ч. Дрожжа

*ГУ «Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации»
Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики
Беларусь,*

ул. Ф. Скорины, 51, корп. 2, 220084, г. Минск, Беларусь, l_drojja@mail.ru.

Предметом исследования является опыт практической работы государственного учреждения «Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации» (БелНИЦЭД) по созданию Фонда цифровых копий архивных документов государственных архивных учреждений Республики Беларусь. Впервые в архивной отрасли были разработаны принципы и технологические инструменты для формирования, хранения, учета и обеспечения доступа к цифровым копиям архивных документов; создан фонд цифровых копий и Положение о его деятельности; создана методическая, нормативная и технологическая база по процессам оцифровывания архивных документов. Практическая деятельность государственных архивных учреждений по созданию цифровых копий архивных документов будет способствовать сохранению Национального архивного фонда Республики Беларусь и обеспечению его доступности для широкого круга пользователей.

Ключевые слова: архивный документ; цифровая копия; оцифровывание архивных документов; фонд цифровых копий; архивное учреждение.

PROBLEMS OF ENSURING LONG-TERM PRESERVATION AND ACCESSIBILITY OF ARCHIVAL ELECTRONIC DOCUMENTATION IN CREATING A FUND OF DIGITAL COPIES OF ARCHIVAL DOCUMENTS

L. Ch. Drozhzha

*Belarusian Research Center for Electronic Documentation of the Department for Archives
and Records Management of the Ministry of Justice of the Republic of Belarus,
F. Skoriny str., 51, bild. 2, 220084, Minsk, Belarus, .ru.*

The subject of the study is the experience of practical work of the state institution «Belarusian Scientific Research Center for Electronic Documentation» (BELNITSED) on the creation of a Fund of digital copies of archival documents of state archival institutions of the Republic of Belarus. For the first time in the archival industry, principles and technological tools were developed for the formation, storage, accounting and access to digital copies of archival documents; a Digital Copies Fund and Regulations on its activities were created; a methodological, regulatory and technological base for the digitization of archival documents was created. The practical activities of state archival institutions to create digital copies of archival documents will contribute to the preservation of the National Archival Fund of the Republic of Belarus and its accessibility to a wide range of users.

Keywords: archival document; digital copy; digitization of archival documents; Digital Copies Fund; archival institution.

Государственными архивными учреждениями Республики Беларусь в 2022 г. в рамках подпрограммы «Архивы Беларуси» Государственной программы «Культура Беларуси на 2021–2025 годы» оцифровано 1 304 043 электронных страниц архивных документов, темп роста по отношению к плановому показателю составил 146,7%. Доля цифровых копий дел в объеме фонда пользования достигла 24%. Доля описей дел в электронном виде составляет 42% (из материалов итоговой коллегии Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 03. 02. 2023).

Цифровой фонд государственных архивов в настоящее время составляют цифровые копии архивных документов (далее – ЦКАД), изготовленные специализированными лабораториями или государственными архивами путем сканирования или цифровой фотосъемки архивных документов. ЦКАД хранятся в государственных архивах и Фонде цифровых копий архивных документов (далее – ФЦК). ФЦК был создан в соответствии с приказом председателя Комитета по архивам и делопроизводству при Совете Министров Республики Беларусь от 22 июня 2005 г. № 28 «О создании Фонда цифровых копий архивных документов».

ФЦК размещается территориально обособленно от архивных документов, с которых выполнены цифровые копии, на базе государственного учреждения «Белорусский научно-исследовательский центр электронной документации» Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь (далее – БелНИЦЭД).

Работа по созданию цифровых копий архивных документов ведется государственными архивами самостоятельно либо, при отсутствии сканирующего оборудования с необходимыми характеристиками, с использованием услуг государственных учреждений «Центральная лаборатория обеспечения сохранности документов Национального архивного фонда Республики Беларусь» и «Республиканская лаборатория цифрового копирования документов Национального архивного фонда Республики Беларусь».

В настоящее время деятельность по формированию ФЦК сопряжена с рядом сложностей, не учитывающих возможности современных информационных технологий. Передача ЦКАД осуществляется на оптических носителях, с сопроводительными документами на бумажном носителе. Наблюдается разнообразие характеристик ЦКАД (форматы файлов,

оптическое разрешение); отмечается изготовление ЦКАД ранее отсканированных документов; учет ЦКАД, проверка воспроизводимости и сверка контрольных характеристик ЦКАД осуществляется работниками архива электронных документов БелНИЦЭД.

Представляется необходимым разработка требований для создания информационной системы, обеспечивающей автоматизацию деятельности по формированию ФЦК, в частности, таких операций, как передача, проверка воспроизводимости, сверка контрольных характеристик, учет, обеспечение сохранности ЦКАД. Также необходимо внесение изменений в действующие нормативные и методические документы, регламентирующие деятельность по созданию ЦКАД.

Необходимо отметить, что в последние годы в БелНИЦЭД проделана значительная работа по разработке проектов нормативно-методических документов по организации создания, хранения и использования цифровых копий архивных документов. В 2007 г. впервые в архивной отрасли были разработаны принципы формирования, хранения, учета и обеспечения доступа к цифровым копиям архивных документов; в отрасли создан Фонд цифровых копий и Положение о его деятельности, начато создание методической, нормативной и технологической базы по процессам оцифровывания архивных документов. Приказом председателя Департамента по архивам и делопроизводству от 22. 06. 2007 № 31 было утверждено «Положение о Фонде цифровых копий» [1], разработаны «Методические рекомендации по подготовке и передаче архивных документов для оцифровывания, хранения и учета цифровых копий» [2], «Методические рекомендации по унификации процесса оцифровывания архивных документов и идентификации их цифровых копий» [3] и др.

В 2007 г. в архивной отрасли было начато создание единого хранилища цифровых копий архивных документов на базе архива электронных документов (далее – ЭД) ФЦК БелНИЦЭД. Тем не менее, нормативные и методические документы, регламентирующие процессы оцифровывания архивных документов, которые были разработаны до 2009 г., на текущий период нуждаются в актуализации в виде дополнений и изменений с учетом действующих нормативных правовых актов.

При определении состава документов, подлежащих оцифровыванию, основополагающим является цель и критерии отбора. Имеет смысл рассматривать следующие целевые подходы к оцифровыванию архивных документов: полное оцифровывание фондов, описей, дел архива; оцифровывание активно используемой части фонда; формирование

коллекций по отдельным темам. Полное оцифровывание всех документов фондов (описей, дел архива) обеспечивает расширение доступа к ним для неограниченного числа пользователей и решения проблем сохранности за счет предоставления для пользования цифровых копий документов, чем снимается нагрузка на оригинал. Оцифровывание активно используемой части фонда является оптимальным вариантом для архива, поскольку здесь присутствует однозначный критерий отбора документов для оцифровывания. Цель в данном случае – сделать доступными для широкого круга пользователей наиболее актуальные документы.

Формирование коллекций по отдельным темам – один из самых приемлемых вариантов для большинства архивов. Критерий отбора документов однозначно определяется тематикой. При этом она может быть выбрана самим архивом или органом управления, согласно повышенной актуальности определенной темы, а также возможно формирование электронных коллекций по специальным заказам. Здесь предполагается более интенсивное использование внешних ресурсов, поскольку привлечение источников других архивов, музеев, библиотек и т. д. позволит создать электронную коллекцию большей полноты, чем она может быть представлена фондами архива. Отбор документов при выборе любого из вариантов оцифровывания должен завершаться составлением перечня фондов, описей, дел, отдельных документов, утверждаемым экспертной комиссией вышестоящего органа управления по архивам и делопроизводству или республиканского архива.

Одновременно с архивными документами оцифровке подлежат описи, цифровые копии которых после распознавания, применив определенные навыки и знания работы с офисными приложениями, можно использовать в качестве электронного научно-справочного аппарата. Например, создав электронную таблицу на основании данных описи, имеется возможность создать гиперссылки на цифровые копии. Таким образом, обеспечивается доступ пользователей к цифровым копиям архивных документов. При любом подходе в первую очередь оцифровыванию подлежат:

особо ценные документы (информационно значимые). В случае наличия страховых копий (микрофильмов) на эти документы оцифровыванию подлежат микрофильмы;

документы с разрушающейся (ветхой и разрушающейся) основой;

документы с малоконтрастными (слабоконтрастными) или угасающими текстами;

интенсивно используемые документы.

Из фондов, равноценных по информационной значимости, первоочередному оцифровыванию подлежат фонды, документы которых находятся в плохом физическом (техническом) состоянии.

Формирование ФЦК происходит следующим образом. Цифровые копии, созданные архивами или специализированными лабораториями на съемных носителях, передаются в единый центр хранения – архив ЭД ФЦК БелНИЦЭД. Для каждого фонда архива, который вносится в заказ и отчет о принятых на хранение цифровых копий (далее – ЦК) в ФЦК, составляется файл описания цифровых копий фонда (описи) с необходимым набором метаданных в электронном виде. Далее заполняются данные о размещении заказа в ФЦК в бланках заказа. В акте сверки по заказу указываются замечания к заказу и меры по их устранению. Папки с цифровыми копиями архивов размещаются на системах хранения данных (далее – СХД), названных в локальной сети БелНИЦЭД как **NAS1**, **NAS2** и **NAS3**¹, дисковая память которых, в свою очередь, может разбиваться на логические диски (т. н. FCK). Устройства СХД снабжены собственной операционной системой и обеспечивают дополнительную гарантию сохранности информации путём реализации функционала RAID (т. е. запись информации через высокоскоростной адаптер осуществляется на основной и дублирующий (страхующий) дисководы. Такой метод значительно повышает надежность хранения, но вдвое уменьшает объём памяти для сохранения данных.

В ФЦК в настоящее время распределение дисковой памяти СХД выполнено таким образом, что папка с цифровыми копиями каждого архива полностью расположена на одном логическом диске (HDD). На NAS 3 находятся ЦКАД республиканских архивов (Национального исторического архива Беларуси (НИАБ), Национального исторического архива (г. Гродно) (НИАБГр), Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов (БГАКФФД), Государственного архива Российской Федерации

¹ *Справочно:* NAS - система хранения данных ФЦК, структурированная по архивам. На NAS 1 хранятся ЦК документов общим объемом 4 Тб: в логическом разделе (диске) FCK 1. 1 – Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ); в логическом разделе (диске) FCK 1. 2 – областных архивов. На NAS 2 хранятся ЦК документов общим объемом 4 Тб: в логическом разделе (диске) FCK 2. 1 – Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ), Белорусский государственный архив научно-технической документации (БГАНТД); в логическом разделе (диске) FCK 2. 2–15 зональных архивов. На NAS 3 хранятся ЦК документов общим объемом 8 Тб – БГАКФФД; НИАБ, НИАБГр, ГАРФ в логическом разделе (диске) FCK 3.

(ГАРФ). Дисковая память устройства составляет 8 Тб, Дисковая память устройства СХД на NAS 1 NAS 2 составляет по 4 Тб.

На завершающей стадии носители с ЦК документов, экземпляр заказа, акт сверки по заказу отправляется через почтовое отправление в архив. Носители с цифровыми копиями используются в качестве цифрового фонда пользования с пометкой «ЦК». Архив как владелец ЦК архивного документа всегда имеет возможность получить цифровую копию архивного документа или его части (файлов) в центре хранения в ФЦК. Это файлы формата JPEG, PDF/ PDF/A, TIFF. При таком подходе обеспечивается централизованное хранение цифровых копий и архивным учреждениям нет необходимости затрачивать средства на проведение работ, связанных с хранением цифровых копий, которое включает в себя многократное копирование, миграцию и в новые форматы и на новые носители.

Необходимо отметить, что Фонд цифровых копий архивных документов по состоянию на 31. 12. 2022 г. пополнился за год цифровыми копиями архивных документов и описей дел в количестве *1 610 965* объектов хранения (1,849 Тб). Общий объем ФЦК по состоянию на 31. 12. 2022 г. составляет *9 143 024* объектов хранения (9,069 Тб), что составляет значительный информационный ресурс. По состоянию на 01. 09. 2023 г. ФЦК составил *3 107 640 файлов электронных документов* общим объемом *10 535 380 187 148 байтов (9, 812 Тб)*.

Таким образом, хотелось бы отметить, что совершенствование нормативных и методических документов, регламентирующих практическую деятельность архивных учреждений по созданию цифровых копий архивных документов будет способствовать сохранению Национального архивного фонда Республики Беларусь как исторического наследия в деле организации его доступности для широкого круга пользователей.

Библиографические ссылки

1. Положение о Фонде цифровых копий: утверждено приказом председателя Департамента по архивам и делопроизводству от 22. 06. 2007 № 31. [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: <https://archives.gov.by/home/normativnaya-baza-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-v-respublike-belarus/metodicheskie-dokumenty-po-arhivnomu-delu-i-deloproizvodstvu#mr>. – Дата доступа: 02. 06. 2023.
2. Методические рекомендации по унификации процесса оцифровывания архивных документов и идентификации их цифровых копий: утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 27. 12. 2007 № 56 (с изменениями, внесенными приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции

Республики Беларусь от 06. 02. 2009 г. № 4, от 25. 09. 2015 № 35). [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: <https://archives.gov.by/home/normativnaya-baza-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-v-respublike-belarus/metodicheskie-dokumenty-po-arhivnomu-delu-i-deloproizvodstvu#mr>. – Дата доступа: 02. 06. 2023.

3. Методические рекомендации по подготовке и передаче архивных документов для оцифровывания, учета и хранения цифровых копий: утверждены приказом директора Департамента по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь от 25. 11. 2008 № 38. [Электронный ресурс]. – [Режим доступа]: <https://archives.gov.by/home/normativnaya-baza-arhivnogo-dela-i-deloproizvodstva-v-respublike-belarus/metodicheskie-dokumenty-po-arhivnomu-delu-i-deloproizvodstvu#mr>. – Дата доступа: 02. 06. 2023.

ИНВЕНТАРНЫЯ КНІГІ БЕЛАРУСКАГА МУЗЕЯ ІМЯ І. ЛУЦКЕВІЧА ў ВІЛЬНІ

V. S. Ivanova

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
ivanovavs@bsu.by*

Беларускі музей імя І. Луцкевіча ў Вільні (1921–1945) з’яўляўся цэнтрам збірання прадметаў кніг, рукапісаў, асабістых архіваў і архіваў арганізацый, якія адлюстроўваюць гісторыю і культуру Беларусі. Доўгі час асноўныя інвентарныя кнігі прадметаў музея не былі вядомыя ў навуковай літаратуры, што не давала магчымасці комплекснай ацэнкі яго збораў і правядзення навуковай рэканструкцыі. У прадстаўленай публікацыі даецца характарыстыка трох асноўных інвентарных кніг, а таксама пералік усіх выяўленых інвентарных кніг і каталогаў музея, агульнай колькасцю каля двух дзясяткаў.

Ключавыя словы: музей; інвентарная кніга; каталог; апісанне; архіў.

ИНВЕНТАРНЫЕ КНИГИ БЕЛАРУСКОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ И. ЛУЦКЕВИЧА В ВИЛЬНЕ

O. S. Ivanova

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, ivanovavs@bsu.by*

Беларуский музей имени И. Луцкевича в Вильно (1921–1945) являлся центром собирания предметов книг, рукописей, личных архивов и архивов организаций, отражающих историю и культуру Беларуси. Долгое время основные инвентарные книги предметов музея не были известны в научной литературе, что не давало возможности комплексной оценки его собраний и проведения научной реконструкции. В представленной публикации дается характеристика трех основных инвентарных книг, а также перечень всех выявленных инвентарных книг и каталогов музея, общей численностью около двух десятков.

Ключевые слова: музей; инвентарная книга; каталог; описание; архив.

INVENTORY BOOKS OF THE BELARUSIAN MUSEUM OF I. LUTSKEVICH IN VILNIA

V. S. Ivanova

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, ivanovavs@bsu.by*

The Belarusian Museum of I. Lutskevich in Vilnia (1921–1945) was a center for collecting objects, books, manuscripts, personal archives and archives of organizations, that reflected the history and culture of Belarus. For a long time, the main inventory books of the museum's objects were not known in the scientific literature, which did not allow for a comprehensive assessment of its collections and scientific reconstruction. The presented publication describes the three main inventory books, as well as a list of all identified inventory books and catalogues of the museum. Total amount of them is about two dozen.

Keywords: inventory books; museum; archives; catalogs; description.

Доўгі час у гістарыяграфіі панавала думка аб тым, што інвентарызацыя збораў Беларускага музею імя І. Луцкевіча ў Вільні (1921–1945) (далей – Музей) была недасканалай і фрагментарнай, што прыводзіла да немагчымасці іх колькаснай і якаснай ацэнкі. Найноўшыя даследаванні абвяргаюць гэты тэзіс [1], а апошнія знаходкі кажуць аб вельмі пільнай увазе супрацоўнікаў Музею да інвентарызацыі і справаводства, асабліва пасля яго перадачы ў склад літоўскіх дзяржаўных устаноў: 18 снежня 1940 г. – Інстытута Літуаністыкі Літоўскай акадэміі навук, а 1 лютага 1942 г. – Дэпартаменту навукі і мастацтва пры Міністэрстве асветы. Значным фактарам, які паўплываў на якасць інвентарызацыі збораў быў таксама прыход на працу ў Музей ў снежні 1941 г. мастацтвазнаўцы Уладаса Дрэмы. Сёння можна казаць, што у Беларускім музеі імя І. Луцкевіча ў Вільні вялося больш за паўтары дзясяткі розных каталогаў, інвентарных кніг і вопісаў. Рабіліся яны ў розныя часы, рознымі асобамі і апісвалі розныя часткі збораў Музея (Дадатак 1 і 2).

Асноўная праблема, якая перашкаджала комплекснай ацэнцы збораў – гэта раскіданасць інвентарных кніг і справаводства Музею па шэрагу сховішчаў, гэтаксама як і саміх збораў. На працягу 1944–1946 гг. можна вылучыць некалькі буйных перадач з Музея ў дзяржаўныя сховішчы Літвы і Беларусі:

15–16 жніўня 1944 г. – 1066 адз. зах. з архіваў беларускіх арганізацый перададзеныя ў Літоўскі цэнтральны дзяржаўны архіў (LCVA);

18 мая 1945 г. – каля 800 прадметаў (карцін, скульптур, ікон) – у Віленскі дзяржаўны мастацкі інстытут (цяпер Літоўскі нацыянальны мастацкі музей (LNDM) [2].

1 жніўня 1945 г. – 12. 125 экспанатаў (у т. л. пергаміны і фотаздымкі), 243 кнігі і 160 аб'ектаў інвентара Музея (шафы, сталы, канцылярскія прылады) – у Віленскі этнаграфічны музей Літвы (цяпер Літоўскі нацыянальны музей (LNM); 20 тыс. кніг – у Бібліятэку Акадэміі навук ЛССР (Бібліятэка акадэміі навук Літвы імя Урублеўскіх (LMAVB); 35 тамоў фальклорных запісаў – у фальклорны і музычны архіў Акадэміі навук ЛССР (цяпер Літоўскі інстытут літаратуры і фальклору (LTR) [3];

8 жніўня 1945 г. – 8040 апісаных, 2,5 тыс. неапісаных экспанатаў, 41 546 кніг, карт, брашур і перыядычных выданняў – у Беларускі дзяржаўны музей гісторыі Вялікай Айчыннай вайны (БДМВАВ) [4];

12 студзеня 1946 г. – 4618 адзінак рукапісаў, старажытных грамат, рукапісных кніг, старадрукаў, фотаздымкаў і інш. – у Бібліятэку Акадэміі навук ЛССР (LMAVB).

Падчас падзелу Музея інвентарныя кнігі і вопісы перадаваліся разам з профільнымі зборамі: інвентарныя кнігі прадметаў – у музей (LNM), каталогі старадрукаў, кнігі і рукапісаў – у бібліятэку (цяпер F21 (Віленскі беларускі фонд) LMAVB). Што тычыцца іншых перадач – у LCVA, Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў (LVIA), Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ), Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛМ), Беларускі дзяржаўны архіў кінафотафонадакументаў (БДАКФФД) і інш., – то тут часта адсутнічала комплекснае анатаванне і не было магчымасці абапірацца на зыходныя апісанні. Нягледзячы на тое, што супрацоўнікі гэтых устаноў рабілі пэўныя высілкі для ідэнтыфікацыі збораў, – вынік быў мінімальны, як для разумення значнасці збораў агулам, так і для апісання канкрэтных прадметаў. Так, напачатку 1953 г. у Цэнтральны дзяржаўны архіў кінафотафонадакументаў (ЦДАКФФД) БССР было перададзена 50 фотаздымкаў са збораў Музея ў БДМГВАВ [5]. У 1956 г. супрацоўнікі архіва звярнуліся ў Саюз пісьменнікаў Літвы з просьбай аб дапамозе ў ідэнтыфікацыі [6]. І толькі ў 1958 г. супрацоўнік архіва быў накіраваны ў камандзіроўку ў Вільню, «дзе атрымалася з вялікай цяжкасцю адшукаць інвентарныя кнігі музея Луцкевіча ў цяперашнім краязнаўчым музеі г. Вільня і ўсталяваць на іх анатацыі адпаведных фотаназітываў» [7]. Гаворка тут ішла пра тагачасны Віленскі гісторыка-этнаграфічны музей ЛССР (цяпер LNM), куды кнігі паступілі разам са зборамі ў 1945 г. і захоўваюцца там да сённяшняга часу. Менавіта яны і яшчэ адна, першая па часе стварэння, інвентарная кніга прадметаў Музею, будуць разглядацца ў межах дадзенай публікацыі.

3 чэрвеня 1922 г. Антонам Луцкевічам, дырэктарам Музея, была распачата першая інвентарная кніга. Да 1939 г. апісанне прадметаў Музея ажыццяўлялася дастаткова павольна. Антонам Луцкевічам агулам было заінвентарызавана каля 2 тыс. прадметаў. 33 лістапада 1939 г. ў Музеі пачаў працаваць мастак Пётра Сергіевіч¹. Ён працягнуў вядзенне інвентарнай кнігі: правёў апісанне некаторых археалагічных прадметаў (с. 92–93), клішэ² (с. 128–129), малюнкаў Я. Драздовіча, А. Мальчэўскага, М. Кулешы і інш. (лл. 225–242) – усяго каля двухсот прадметаў. На с. 208 запісы №№ 106–110 зробленыя рукой У. Дрэмы. Гэтую кнігу, якая сёння захоўваецца ў

¹ Ён працаваў да чэрвеня 1941 г., а потым з 3 ліпеня 1944 па кастрычнік 1945.

² Напрыклад, л. 129, № О-94 ці № 1977 – падвойная дзервянае клішэ: 1. Маці Божая з Хрыстом. Па бакох св. Язэп і Яхім. У гарэ надпіс: «Oboz Mariey Włosożowskiej», і ўнізе напіс-песня: *Zavitaj Paniienka...* 2. Св. Міхал у адной руцэ трымае меч, у другой вагі. Стаіць на пакацанай змій з чалавечай галавой. У гары напіс: *Sanetus Michael*. Унізе лацінскі напіс. Велічыня клішы 29x38 см.

БДАМЛМ, можна ўмоўна назваць інвентарная кніга № 1 Луцкевіча (ІКЛ-1) [8].

У ІКЛ-1 было 4 асноўных графы: інвентарны нумар прадмета ў межах раздзела, што ўносіўся пры паступленні, нумар пераінвентарызацыі, апісанне прадмету (назва, кароткае апісанне, памеры, часам замалёўкі) і ад каго і калі паступіла. Усяго ў ІКЛ-1 згодна агульнаму зместу, зробленаму Антонам Луцкевічам, па ўсіх раздзелах было ўнесена агулам 2608 прадметаў. У самой кнізе валавая нумарацыя, што рабілася ўжо пры пераінвентарызацыі, ўключае і №№ 2432 (л. 251) плюс 435 адзінак раздзела W. Кафлі і цэгла (л. 257–261) (усяго 2867). Таму дакладную лічбу колькасці заінвентарызаваных прадметаў ў ІКЛ-1, пазначыць дастаткова складана. Але за аснову ў межах данага даследавання будзе ўзята колькасць пазначаная ў змесце (2608).

Кніга падзеленая на 22 раздзелы: персцянёў, крыжоў і абразкоў з медзі, святых абразкоў, абразкоў на мэталю і воты, клямраў, бляхаў і аздобаў да конскае зброі, клямраў і аздобаў, гузікаў і засцёжак да адзежы, прыладаў да мукаў, пячаткаў, дагістарычных выкапняў, мэблі і хатніх рэчаў, разьбы з дрэва, гравёрскіх блёкаў, вопраткі, тканіны, царкоўных апаратаў і аружыя, судзьдзя (медзі, цыпы, гліны, шкла, фаянсу), малярства, фальклёру, ручных рысункаў у папках, зброі, кафлі і цэглы, дрэварытаў, харугваў, графікі. Прадметы ўносіліся ў кожны раздзел па ступені паступлення, хаця логіка падзелу ІКЛ-1 дастаткова складаная і блытаная.

Паралельна вёўся карткавы каталог прадметаў (ПК) па асобных раздзелах [9]. Знойдзеныя раздзелы каталога: О-гравюры і карціны ў колькасці 89 адзінак (у ІКЛ-1 – 94 адзінкі), R-судзьдзе (медзь, цыпа, гліна, шкло, фаянс) – 83 адз. (у ІКЛ-1 – 89), P-вопратка, тканіны, царкоўныя апараты – 55 (у ІКЛ-1 – 126), T-фальклор – 68 адз. (у ІКЛ-1 – 106). Каталог, як бачым выглядае даволі фрагментарна ў параўнанні з ІКЛ-1, якая доўгі час была асноўнай уліковай кнігай Музея.

З гэтай жа прычыны – недасканаласці апісанняў і сістэматызацыі ў Музеі, – імаверна, у другой палове – канцы 1930-х гг. Антон Луцкевіч пачаў пераінвентарызацыю, якая працягвалася да 1944 г. На першай старонцы першай з новых інвентарных кніг ёсць запіс Уладаса Дрэмы: «№№ 1–414 запісаў Антон Луцкевіч, №№ 415–1977 – Пётра Сергіевіч, а №№ 1978–4978 – Уладас Дрэма». На гэты ж запіс абапіраецца ў сваіх успамінах і Я. Шутовіч, кажучы, што Луцкевічам і Сергіевічам было заінвентарызавана 1977 адзінак [10]. Абедзьве кнігі напісаныя друкаванымі літарамі, таму адрозніць почыркі дастаткова складана. Але на с. 38 ёсць каментар да

прадмета № 268 – бюста гр. Плятара працы Антакольскага, зроблены пісьмовым почыркам Антона Луцкевіча, наступнага зместу: *«Перад выездам з Вільні ў Варшаву як забесьпячэнне недаплачанае належнасьці Луцкевічу ў суме 57 злот. Ант. Луцкевіч».*

З 1 снежня 1941 г. у Музеі пачаў працу мастацтвазнаўства Уладас Дрэма: *«Да 1 снежня 1941 г. я працаваў у музеі Віленскага ўніверсітэта¹, калі мяне запрасіў дырэктар музея Я. Шутовіч. У гэтай установе, хоць заробная плата была невысокай, новыя ўмовы дазвалялі працаваць у любімай навукова-даследчай і музейнай справе, дзе я мог абнавіць сваю працу ў галіне гісторыі Літоўскага мастацтва. У гэтай установе, якая тады належала сістэме Літоўскай акадэміі навук, я працаваў на працягу ўсяго перыяду нямецкай акупацыі: парадкаваў музейныя фонды, навуковыя супрацоўнікі іх інвентарызавалі і рыхтавалі экспазіцыі»* [11]. Як адзначаў Янка Шутовіч: *«Уладас Дрэма з вялікай любоўю прадмета і з прафесійнай самаахвярнай аддачай сваіх сіл не агранічыўся пры каталагізаванні да сухога апісання экспанатаў»* [12]. Янка Шутовіч таксама сведчыў аб тым, што Дрэмай былі зробленыя запісы ў першым томе новай інвентарнай кнігі з № 1978 да № 4978, а ў другім з № 4979 да № 9421. Усяго ён апрацаваў 7 442 пазіцыі з агульнага ліку заінвентарызаваных. Таму ўмоўна іх можна назваць інвентарнымі кнігамі Дрэмы (ІКД-1, ІКД-2).

У гэтых інвентарных кнігах была зробленая новая валавая нумарацыя, апісанні, а таксама замалёўкі шэрагу прадметаў. Форма для іх была надрукаваная тыпаграфскім спосабам на беларускай мове. Кожная са старонак пранумаравана чатырохзначнай друкаванай лічбай на адвароце (г. ч. рабілася нумарацыя разварота цалкам). Тут маюцца наступныя графы: № інв. (валавая нумарацыя ўсіх прадметаў), № нат. (нумарацыя па радзелах ІКЛ-1), род (назва прадмета), памеры, вага, матар’ял, з якога часу (гістарычны перыяд), калі прынята, ад каго прынята, як набыта (дар, дэпазыт ці інш.), апісанне (разгорнутае апісанне і замалёўкі), увагі. Першым у кнігу быў унесены археалагічны (ці дагістарычны) раззел (літара К ў ІКЛ-1). У ІКД-1 звычайна бачым больш разгорнутыя і поўныя апісанні з дадатковымі звесткамі, але ёсць і адваротныя прыклады (гл. запіс N-64):

¹ Мар’ян Пецкокевіч у сваіх успамінах піша, што У. Дрэма быў прыняты на працу ў Музей яшчэ падчас яго дырэктарства з канца 1940 г. Але, па штатным раскладзе ад 18. 01. 1941 ў Музеі працавалі: П. Сергіевіч, В. Дыра, В. Александровіч. З. Андрэева (LCVA. Ф. 1001. Воп. 1. Адз. зах. 26. Л. 16); ад 09. 04. 1941 – Янка Шутовіч, Пётра Сергіевіч, Янка Бекіш, Віктар Дыра, Зінаіда Андрэева (LCVA. Ф. 1001. Воп. 1. Адз. зах. 26. Л. 46).

Табліца 1

Форма ІКЛ-1, запісы N-64, К-151

№ п/п	№ пераінв.	Апісанне	Адкуль паступіла ¹
64	271	Група: два краўцы, адзін заснуў, другі йшчэ працуе пры агарку сьвечкі. Работ Крэменя (гіпс) – дэпозыт Ант. Луцкевіча. Крэмень ² – жыдоўскі хлопец з мяст. Жалудка Лідскага пав. (закрэслена Пасадзец, Ашмянскі пав.) – зьвярнуўся ў 1913 г. да Луцкевічоў з сваімі скульптурнымі работамі як самавук. Луцкевічы заінтэрасавалі лёсам здольнага хлопца грамадзянства (д-ра Выгодзкага, д-ра Шабада і інш.) і для Крэменя сабралі грошы на выезд у Парыж. У Парыжу над той час жыў адзін з сыноў д-ра Георга Ромма, каторы запекаваўся маладым мастаком і дапамог яму ўстроіцца. Апекаваўся ім такжа Марк Шагаль. Крэмень пакінуў Луцкевічам дзве свае працы з гліны. Адна рассыпалася, а другую – на кошт А. Луцкевіча адліў у гіпсе Арлоўскі (у 1923 годзе)	
151	+	Каробка з кускамі гаршэчкаў і глінянай бусай; знойдзены ў культурным пласьце зямлі на “Копнай гары” каля мяст. Краснага, Вялейскага пав. за чыгункай (між ст. Уша і дваром Сьніткі) Ів. Луцкевічам у 1904 г.	

Табліца 2

Форма ІКД-1, запіс 151, 271

№ інв	№ нат	Род	Памеры, вага	Матэрыял	З якога часу	Калі прынята	Ад каго прынята	Як набыта	Апісанне	Увагі
151	К-151	Прасьлічка і абломкі гаршэчкаў	вонк \varnothing 36мм, ун \varnothing 9, грубіня 11	гліна	дагіст	1918	Знойдзены на гарадзішчы каля Краснага паміж дваром Сьніткі і ст. Уша Ів. Луцкевічам ў 1904 г. (пав даўней Вілейскі, цяпер Маладэчанскі)		Прасьлічка з жоўтае гліны. Адна падстава плоская, пакрытая дзірачкамі. Уся плошча боку аздобена папярэчнымі рыскамі. Верхняя падстава выпуклая - падобная да стажка. На чарапках з падобнае гліны відаць сляды аплятання (саломай?). На адным краю плоскага верху гары на прылеглым склоне яе і ніжэй пад ёй знойдзена шмат вугалля. Ів. Луцкевіч называў гару гэную “Копнай гарой”	AR 372

¹ У кнізе выкарыстоўваліся друкарскія графы на рускай мове, якія не адпавядалі зместу. Тут пададзеныя назвы згодна зместу графаў.

² Пінхус Крэмень (1890, Жалудок – 1981, Францыя) – французскі мастак Парыжскай школы беларускага паходжання. Акрамя жывапісу, займаўся таксама скульптурай і графікай.

271	N-64	скульптура (група)		гіпс	XX	1923	Ад А. Луцкевіча	дар	Два краўцы: стары заснуў на лаўцы, маладзейшы йшчэ працуе пры дагараючай сьвечцы. Работа Крэменя з м. Пасадзец, Ашмянск. пав. у 1913 г.	
-----	------	--------------------	--	------	----	------	-----------------	-----	---	--

У ІКД-1 раздзел N-разьбы, пачынаецца з валавага № 206; S-малярства – з 359; P-вопраткі – з 695; O-гравёрскіх блёкаў – з 846; A-персцянёў – з 1046; D-абразкоў – з 1122; Z-графікі – з 1182; I-пячатак – з 1484; U-малюнкаў – з 1661; E-клямраў – з 1849; F-клямраў – 1885; G– з 1911; H-прылад да мукаў – 1923; M-мэблі – з 1926; R-суддзьзя – з 1978, T – з 2176, V – з 2304. У кожны з раздзелаў дадаваліся новыя апісанні, якіх не было ў ІКЛ-1. Часам раздзелы перарываюцца і пачынаюцца нанова ўперамешку. З № 3431 – прадметы не маюць нумарацыі па раздзелах – толькі валавую. З № 4226 пачынаецца вялікі раздзел апісаньня паштовак, фотаздымкаў, візітовак, запрашэньняў («пісулак на паперы»). Яны ж (значная частка – гэта ахвяраванні Ю. Дубейкаўскай) працягваюць ІКД-2 [13] да нумару 5519. Далей да ідуць малюнкi, літаграфіі А. Ярмалковіча і інш., скрынкі Я. Драздовіча, фотаздымкі, тканiн, керамікі з замалёўкамі. З 6643–7985 – вялікі блок фотаздымкаў, далей пломбы, туфлі, пячаткі (№№ 8049–8318), гаршкі, і зноў паштоўкі, кафля, тканiны і інш. Сустракаецца і нумарацыя па раздзелах з ІКЛ-1. На апошняй старонцы зроблены змест па раздзелах: пісулькі, малюнкi, вопратка, кераміка, археалогія, рысункі, мэбля, графіка, фотаграфія. Апошні – самы вялікі

Пасля пераінвентарызацыі ІКЛ-1 і каталогі прадметаў ужо не разглядаліся як асноўная ўліковая дакументацыя Музея, магчыма таму засталася ў асабістых архівах Янкі Шутовіча і Пятра Сергіевіча, а інвентарныя кнігі Дрэмы былі перададзеныя ў LNM разам з асноўнымі зборамі. ІКЛ-1 ад Сергіевіча патрапіла да беларускага мастака і графіка Яўгена Куліка і ў складзе яго асабістага фонда ў 2012 г. паступіла на захоўванне ў БДАМЛМ. Фонд быў апрацаваны і стаў даступны для карыстальнікаў у 2019 г. Але яшчэ ў 1995 г., ІКЛ-1 была апублікаваная на старонках часопіса спадчына мастаком, сябрам Я. Куліка – У. Крукоўскім [14]. У публікацыі захаваная мова, інвентарныя нумары па раздзелах, аднак апушчаныя рознага кшталту пазнакі і прыпіскі, а самае важнае – гэта валавая нумарацыя, нададзеная прадметам пасля перасістэматызацыі. Менавіта пад гэтымі нумарамі прадметы паступалі на захоўванне ў

дзяржаўныя сховішчы: напрыклад, на паштоўках яны былі прастаўленыя друкаваным спосабам. Гэтаксама нумараваліся і старонкі ІКД-1 і ІКД-2. Апошнія, трэба меркаваць, былі вядомыя асобным супрацоўнікам літоўскіх і беларускіх музеяў, архіваў і бібліятэк, якія працавалі над апісаньнямі збораў былога Музея, гэтаксама як і Янку Шутовічу, які ў сваіх успамінах дакладна называе месца іх захоўвання і дае іх даволі падрабязнае апісанне (Дадатак 1). Аднак для шырокай навуковай грамадскасці яны застаюцца амаль невядомымі на сённяшняга часу.

Апісаньня інвентарных кнігі маюць не толькі інфармацыйную каштоўнасць, і значнасць для рэканструкцыі паўнаты складу і ідэнтыфікацыі асобных прадметаў Музея, але і гісторыка-культурную, мастацтвазнаўчую, мовазнаўчую каштоўнасць, бо даволі падрабязна апісваюць пэўныя з’явы і маюць шэраг замалёвак. І ў гэтым сэнсе безумоўна павінны стаць здабыткам для шырокага кола навукоўцаў. Што тычыцца пытання навуковай рэканструкцыі самога Музея, то тут інвентарныя кнігі з’яўляюцца фундаментам, без якога яна ў прынцыпе немагчымая, але іх публікацыя больш мэтазгодная ў выглядзе электроннага рэсурса з магчымасцю пошука па зададзеных параметрах – нумару, віду, уладальніку і віду ахвяравання, даце паступлення і інш. Кнігі ІКЛ-1 і ІКД-1, ІКД-2 ў пэўным сэнсе дапаўняюць адна адну, што таксама варта ўлічваць пры далейшай працы і комплекснай археаграфічнай публікацыі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Иванова В. Гістарыяграфія і крыніцы гісторыі Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў Вільні // Аўтограф / Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. Вып.3. Мн., 2022. С. 114–122.

2. LCVA. Ф. 1016. Воп. 1. Адз. зах. 13. Арк. 1–4. Справаздача дырэктара Віленскага дзяржаўнага мастацкага інстытута Вітаўтаса Юркунаса аб адборы экспанатаў. Літ. м. 22. 05. 1945.

3. LCVA. Ф. 1001. Воп. 2. Адз.зах. 20. Арк. 7. Акт прыёма-перадачы экспанатаў, архіва і бібліятэкі Музея ў АН ЛССР. Літ.м. 01.08.1945.

4. LCVA. Ф. 1001. Воп. 2. Адз. зах. 20. Арк. 7. Акт прыёма-перадачы экспанатаў, архіва і бібліятэкі Музея ў АН ЛССР. Літ. м. 01. 08. 1945.

5. LMMA. Ф. 476. Воп. 1. Адз. зах. 9. Л. 168. Праект акта перадачы маёмасці Беларускага музея імя І. Луцкевіча ў Вільні ў БССР. Рус. м. 1945.

6. НАРБ. Ф. 249. Воп. 5. Адз. зах. 390. Ліст кіраўніка ЦДАФФД выконваючаму абавязкі кіраўніка Архіўнага упраўлення МУС БССР з просьбай аб дазvole прыняць фотаздымкі з БДМВАВ. 26. 01. 1953. Рус. м.

7. Адзел рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (АРКР ЦНБ НАН Беларусі). Ф. 1. Воп. 1. Адз. зах. 108. Л. 45. Ліст дырэктара ЦДАКФФД ў Саюз пісьменнікаў ЛССР з просьбай аб дапамозе ў ідэнтыфікацыі фотаздымкаў Музея. 03. 10. 1956. Рус. м.

8. НАРБ. Ф. 249. Воп. 5. Адз. зах. 680. Л. 18. Дакладная запіска супрацоўніка архіва кінафотафонадакументаў у Вільнюс па пытанні усталявання фондавай прыналежнасці перададзеных фотаздымкаў [1958].

9. Інвентарная кніга № 1 прадметаў Музея №№ 1–[2608]. Складзена Антонам Луцкевічам і Пётрай Сергіевічам. З пазнакамі і нумарацыяй У. Дрэмы. 1922–[1941] (ІКЛ-1) // БДАМЛМ. Ф. 518. Воп. 1. Адз. зах. 1128. 278 л.

10. АРКР ЦНБ НАН. Ф. 23. Воп. 1. Адз. зах. 560. 206 л. Карткавы каталог прадметаў; Ф. 23. Воп. 1. Адз. зах. 558. 186 л. Карткавы каталог гравюр.

11. АРКР ЦНБ НАН. Ф. 1. Воп. 1. Адз. зах. 60. Арк. 47. Успаміны Янкі Шутовіча.

12. Drėma Vladas. Autobiografija. Sausio 26 d. 1955 m. Publikacija parengė Ingrida Pajedaitė // Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka. 2011, 2007/208, p. 106–120.

13. АРКР ЦНБ НАН. Ф. 1.

14. Інвентар Беларускага Музею ім. Івана Луцкевіча. П. 4979–9421. Складзена Уладасам Дрэмай. (ІКД-2) // Архіў LNM. Воп. 3. Адз. зах. 26. 405 л.

15. Інвентарная кніга Музею ім. Ів. Луцкевіча Беларускага Навуковага Таварыства ў Вільні № 1: пач. 3 чэрв. 1922 г. / тэкст кн. падрыхт. да публ. У. Крукоўскі // Спадчына. 1995. № 1. С. 47–51; № 2. С. 85–111; № 3. С. 138–156; № 4. С. 60–79; № 5. С. 163–190.

Дадатак 1. З успамінаў Янкі Шутовіча аб інвентарных кнігах Музея.

...Нягледзячы на цяжкія ўмовы для працы, праца гэта даволі інтэнсіўна і эфектыўна вялася. Доказам гэтага – шчасліва захаваныя інвентарныя кнігі музею, якія сёння знаходзяцца ў Гісторыка-этнаграфічным музеі Акадэміі навук Літоўскай ССР¹.

Іх – дзве кнігі (тамы). Першая кніга мае запісаных інвентарных пазіцыяў – 4. 978, а усяго ў ёй запісаных і апісаных экспанатаў – 6. 422; у другой кнізе – апрацаваных і запісаных пазіцыяў ад № 4. 979 да № 9. 421. Усяго ў дзвюх кніжках з’інвентарызаваных пазіцыяў 9. 421. Часамі ў адну інвентарную пазіцыю ўваходзілі аж некалькі апісаных экспанатаў, і таму паводле інвентарных кніг, лік экспанатаў значна перавышае лік інвентарных пазіцыяў. Гэта бачым ўжо з першай інвентарнай кнігі: у ёй запісаных інвентарных пазіцыяў – 4. 978, а запісаных і апісаных экспанатаў – 6. 422. Запісы рабілі ў перадваенным перыядзе дырэктар музею Антон Луцкевіч і мастак Пётра Сергіевіч, у ваенным перыядзе – мастак-графік і гісторык мастацтва Владас Дрэма (літовец, добра валодаючы беларускай мовай). Трэба прыняць вялікія заслугі В. Дрэмы перад беларускім музеем. Ён з вялікай самааддачай прафесійных сіл і з любоўю прадмета парадкаваў скарбы музею. Ён не толькі проста запісваў у інвентарных кнігах экспанаты, але важнейшыя і найкаштоўнейшыя з іх – а іх велізарная колькасць – падаваў ў малюнках. Рабілася гэта дзеля таго, каб на выпадак знішчэння або пакражы экспанатаў можна было на падставе інвентарнай кнігі мець канкрэтнае ўяўленне пра іх. Ён болей за сваіх папярэднікаў з’інвентарызаваў экспанатаў: з агульнага ліку ў дзвюх кнігах 9. 421 пазіцыі апрацаваў 7. 442. За гэта яму належыць шчырая падзяка і прызнанне. Інвентарныя пазіцыі ўспомненых кніг ахаплялі толькі экспанаты, што датычылі гістарычнага быту, мастацтва, археалогіі, этнаграфіі, поліграфіі, мілітарыяў.

Для экспанатаў з аддзела сфрагістыкі², нумізматыкі, музычна-песеннага і інш. былі заведзены асобныя інвентарныя кнігі і каталогі; таксама асобна вяліся картатэкі і інвентарныя кнігі бібліятэкі і архіву. Паводле прыблізных дадзеных на 1942 г. у аддзеле сфрагістыкі і нумізматыкі было зінвентарызавана каля 3 тыс. пазіцыяў, у бібліятэцы – 15. 000. Адносна багаты быў аддзел фатаграфічны, а таксама картаграфічны – яны

¹ Цяпер LNM.

² Асобная інвентарная кніга сфрагістыкі не знойдзена. Вялікі раздзел пятак ёсць у ІКД-1 (1484–1660) і ІКД-2 (№№ 8049 – 8318).

належалі да архіва і бібліятэкі. Да гэта пары не ведаю, дзе падзеліся і дзе знаходзяцца інвентарныя кнігі і каталогі пералічаных аддзелаў пасля ліквідацыі музэю. Як ужо казаў, у музэі сабралася вялікае багацце, болей як палавіна экспанатаў не была з’інвентарызавана – паводле нашага падліку, на дзень ліквідацыі музэю ў ім было болей за 50000 экспанатаў, а ў бібліятэцы болей за 25 тыс тамоў кніг. Гэта, паўтараю, вялікае, мільённае багацце беларускага народу.

БДАМЛМ. Ф. 518. Воп. 1. Адз. зах. 1018. Л. 8–9.

Дадатак 2. Пералік інвентарных кніг і каталогаў Музэю з абрэвіятурамі і месцамі сучаснага захоўвання.

1. Архіў LNM. Воп. 3. Адз. зах. 11, 24–29.
2. Інвентарная кніга друкарскіх клішаў (ІКК). №№ 1–2186 // Архіў LNM. Воп. 3. Адз. зах. 11. 834 л.
3. Кніга набыткаў Віленскага беларускага музэю ім. Івана Луцкевіча ад 1942 году (КНБ). 4. №№ 1–668 // Архіў LNM. Воп. 3. Адз. зах. 24. 24 л.
5. Інвентар Беларускага Музэю ім. Івана Луцкевіча. I. 1–4978. Складзена Антонам Луцкевічам, Пётрам Сергіевічам і Уладасам Дрэмай. (ІКД-1) // Архіў LNM. Воп. 3. Адз. зах. 25. 472 л.
6. Інвентар Беларускага Музэю ім. Івана Луцкевіча. II. 4979–9421. Складзена Уладасам Дрэмай. (ІКД-2) // Архіў LNM. Воп. 3. Адз. зах. 26. 405 л.
7. Кніга рэгістрацыі манет [нумізматыкі, баністыкі і фалерыстыкі] Віленскага беларускага музэя. №№ 1–3164. Складзена Антонам Луцкевічам. (КНМ) // Архіў LNM. Воп. 3. Адз. зах. 27. 96 л.
9. Каталог карт бібліятэкі Беларускага музэю ім. Івана Луцкевіча ў Вільні. №№ 1–75. Складзена Уладасам Дрэмай. (КМ) // Архіў LNM. Воп. 3. Адз. зах. 28. 47 л.
10. Кніга дзеля запісу гасцей Беларускага музэю ім. І. Луцкевіча ў Вільні. Пачата 24 ліпеня 1939 году. Апошні запіс – 07. 12. 1943. (КГ-2) // Архіў LNM. Воп. 3. Адз. зах. 29. 17 л.
11. LMAVB. F21
12. Інвентарная кніга бібліятэкі Беларускага музэя імя І. Луцкевіча. Пералік 5427 кніг. Апісанне зроблена У. Дрэмай. 25. 01. 1941 – 19. 04. 1943. (ІКБ) // LMAVB. F21–378. 230 л.
13. Інвентарная кніга (апісанне рукапісаў) Беларускага музэя імя І. Луцкевіча ў Вільні, пачата 2. 12. 1935 (фрагмент з № 1 па 59, без канца), пералікі кніг музэя, распіскі аб пазыцы кніг і рукапісаў. 1935–1942. // LMAVB. F21–378. 120 л.
14. Кніга запісу гасцей Беларускага музэю ім. Івана Луцкевіча. 01. 01. 1932 – 21. 07. 1939. Розныя мовы. (КГ-1) // LMAVB. F21–2049. 103 л.
15. Вопіс старадрукаў і рукапісаў Віленскага беларускага музэя. Складзена Уладасам Дрэмай. 07. 05-15. 08. 1944 г. // LMAVB. F. 21–2163.
16. Каталог старадрукаў бібліятэкі Музэя, з малюнкамі вадзяных знакаў: Ч. 1. з №№ 1–318; Ч. 2. – №№ 319–411. (КС) Складзены Уладасам Дрэмай. 1943 // LMAVB. F. 21–2309
17. Інвентарная кніга кніг і перыёдыкі бібліятэкі музэя імя І. Луцкевіча. Копія (чарнавік) каталога кніг У. Дрэмы. // LMAVB. F. 21–378). [1941–1943]. 99 л.
БДАМЛМ.
18. Інвентарная кніга № 1 прадметаў Музэя №№ 1–[2608]. Складзена Антонам Луцкевічам і Пётрай Сергіевічам. З пазнакамі і нумарацыяй У. Дрэмы. 1922–[1941] (ІКЛ-19. // БДАМЛМ. Ф. 518. Воп. 1. Адз. зах. 1128. 278 л.
АРКР ЦНБ НАН

20. Карткавы каталог рукапісаў (РК) // АРКР ЦНБ НАН. Ф. 23. Воп. 1. Адз. зах. 559; LMAVB. F21–379.
21. Карткавы каталог карцін і гравюр (ГК) // АРКР ЦНБ НАН. Ф. 23. Воп. 1. Адз. зах. 558. 186 лл.
22. Карткавы каталог прадметаў (ПК) // АРКР ЦНБ НАН. Ф. 23. Воп. 1. Адз. зах. 560. 206 лл.
23. Літоўскі інстытут літаратуры і фальклору (LTR)
24. Каталог беларускіх народных песень // LTR-2464 (1-906)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЕДИНАЯ (ИНТЕГРИРОВАННАЯ) РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА УЧЕТА И ОБРАБОТКИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН И ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

И. В. Латушкин

*Министерство экономики Республики Беларусь.
ул. Берсона, 14, 220030, г. Минск, Беларусь; latushkin@economy.gov.by*

Рассматривается государственная единая (интегрированная) республиканская информационная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц, позволяющая централизованно, систематизировано и массово вести функционирование организаций, направленных на реализацию основной деятельности, связанной с обращениями. Это абсолютно новый уровень взаимодействия государства-граждане (государство-бизнес), пример возможного этапа развития электронного правительства в Республике Беларусь. Обращается внимание на актуальность внедрения и функционирования единой (интегрированной) республиканской информационной системы учета и обработки обращений граждан и юридических лиц.

Ключевые слова: единая (интегрированная) республиканская информационная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц; обращения граждан; интеграционное программное обеспечение; электронный документооборот; электронный документ; электронная цифровая подпись.

STATE UNIFIED (INTEGRATED) REPUBLICAN INFORMATION SYSTEM FOR RECORDING AND PROCESSING APPEALS OF CITIZENS AND LEGAL ENTITIES

I. V. Latushkin

*Ministry of Economy of the Republic of Belarus.
Berson str., 14, 220030, Minsk, Belarus; latushkin@economy.gov.by*

The article considers the state unified (integrated) republican information system for accounting and processing applications from citizens and legal entities, which allows centralized, systematized and mass operation of organizations aimed at implementing the main activities related to with appeals. This is a completely new level of interaction between state-citizens (state-business), an example of a possible stage in the development of e-government in the Republic of Belarus. Attention is drawn to the relevance of the introduction and functioning of a single (integrated) republican information system for accounting and processing applications from citizens and legal entities.

Keywords: unified (integrated) republican information system for recording and processing applications from citizens and legal entities; appeals of citizens; integration software; electronic document management; electronic document; electronic digital signature.

Современные тенденции усовершенствования информационного пространства направлены на развитие информационно-коммуникационных технологий через призму создания и внедрения информационных систем. Последние имеют определенные цели, задачи и перспективы. Одной из современных систем является государственная единая

(интегрированная) республиканская информационная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц. Вопросы работы с обращениями граждан, взаимодействия с гражданами, бизнесом в Республике Беларусь являются актуальными и находятся на контроле на самом высоком уровне.

Государственная единая (интегрированная) республиканская информационная система учета и обработки обращений граждан и юридических лиц (далее – система учета и обработки обращений) – информационная система, предназначенная для подачи в государственные органы и иные государственные организации электронных обращений и получения ответов (уведомлений) на них, а также для обработки электронных обращений, ответов (уведомлений) на них, электронных копий письменных обращений, электронных копий ответов (уведомлений) на письменные обращения, иной информации о рассмотрении обращений, об оставлении обращений без рассмотрения по существу [6].

2 января 2023 г. была введена в эксплуатацию вышеуказанная система, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 986 «О системе учета и обработки обращений». Владелец системы учета и обработки обращений является Министерство связи и информатизации Республики Беларусь, а оператором – Республиканское унитарное предприятие «Центр цифрового развития», пользователями – государственные органы и иные государственные организации, заявители.

Система учета и обработки обращений предназначена для автоматизации процессов подачи и учета обращений физических и юридических лиц в государственные органы и иные организации. Она обеспечивает информационную взаимосвязь между заявителями и организациями, информирование заявителей о ходе рассмотрения их обращений; предоставление возможности перенаправлять обращения для рассмотрения в другие организации в рамках их компетенции. Также система обеспечивает возможность подачи электронных обращений в несколько государственных органов одновременной получения результатов их рассмотрения. Для этого создан отдельный сайт (<http://обращения.бел>), на котором заявителям необходимо пройти бесплатную регистрацию с подтверждением подлинности используемых для регистрации данных. Подача обращений в системе учета и обработки обращений доступна только зарегистрированным пользователям. Ответы на обращения

направляются заявителю в личный кабинет (если заявителем не указан другой вид доставки).

Весьма ощутимым плюсом является то, что система учета и обработки обращений создана единым сайтом (входом) для всех граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, им не надо искать сайты республиканских органов государственного управления и иных организаций. Это единая форма подачи обращений, поэтому преимущество и польза тут очевидны. Удобно и то, что все обращения, которые направлены в различные органы, аккумулированы в одном месте. Все свои обращения и ответы на них заявитель может увидеть у себя в личном кабинете. Лицо, подающее обращение, может быть физическим или юридическим лицом. В системе учета и обработки обращений могут быть поданы как индивидуальные обращения, так и коллективные. Заявители регистрируются в системе учета и обработки обращений путем внесения в форму регистрации на интернет-сайте следующих сведений о себе:

- фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется), адрес места жительства (места пребывания), абонентский номер сотовой подвижной электросвязи, адрес электронной почты – для физического лица;

- учетный номер плательщика, наименование, адрес места нахождения организации, а также фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется), адрес электронной почты и абонентский номер сотовой подвижной электросвязи руководителя или лица, уполномоченного в установленном порядке подписывать обращения, – для юридического лица.

При этом один адрес электронной почты и один абонентский номер сотовой подвижной электросвязи могут быть использованы для регистрации не более одной учетной записи заявителя [7]. В ходе регистрации заявитель подтверждает абонентский номер сотовой подвижной электросвязи путем внесения кода подтверждения, полученного в СМС-сообщении на указанный номер. По завершении регистрации заявителя система учета и обработки обращений в автоматическом режиме формирует личный электронный кабинет заявителя [7]. Для активации личного электронного кабинета заявителю необходимо осуществить при первичном входе в порядке, установленном регламентом.

Активировав личный электронный кабинет, заявитель, который является юридическим лицом, использует средство электронной цифровой подписи (далее – ЭЦП) для идентификации и аутентификации в системе учета и обработки обращений. После активации личного электронного кабинета заявитель, являющийся гражданином, для идентификации и

аутентификации в системе учета и обработки обращений может использовать:

- логин и пароль, сформированные им при регистрации в системе учета и обработки обращений;

- логин и пароль, сформированные в процессе регистрации в национальной почтовой электронной системе; средство ЭЦП [7].

После прохождения заявителем процедур идентификации и аутентификации система учета и обработки обращений осуществляет его авторизацию путем предоставления возможности использования в личном электронном кабинете доступных ему функциональных возможностей [7].

На сегодняшний день разработчиками проводится работа по интеграции для дальнейшего взаимодействия системы учета и обработки обращений с системой межведомственного электронного документооборота государственных органов Республики Беларусь и Единой системой идентификации физических и юридических лиц. Система учета и обработки обращений обеспечивает целый ряд существенных преимуществ при ее использовании:

- идентификация, аутентификация и авторизация пользователей системы;

- возможность подачи заявителями электронных обращений в госорганизации;

- формирование личных электронных кабинетов пользователей системы;

- централизованный учет и хранение электронных и письменных обращений, поступивших в госорганизации, ответов (уведомлений) на них, иной информации о рассмотрении обращений, об оставлении обращений без рассмотрения по существу;

- автоматизация процессов рассмотрения электронных, письменных и устных обращений в госорганизациях;

- осуществление контроля за рассмотрением электронных, письменных и устных обращений в госорганизациях [8].

Однако, как любое нововведение, информационные системы имеют свои преимущества и недостатки. Наряду со всеми положительными моментами, конечно же, у системы учета и обработки обращений имеются и некоторые недоработки, которые постепенно устраняются разработчиками. Основными вопросами со стороны работника организации, который осуществляет процессы делопроизводства в

отношении обращений граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, на сегодняшний день, остаются такие, как:

- невозможность продления срока исполнения обращения, если в системе не введена резолюция;

- не видна вся история работы с обращением (обращались ли ранее, связки и т. д.), если обращение перенаправлено из другой организации;

- отсутствует функциональная возможность получения подтверждения при отправлении запроса (в рамках рассмотрения обращения) или перенаправлении обращения из одной организации в другую;

- при перенаправлении идентичного обращения, из организации, в системе делопроизводитель видит только уведомление, а во вкладке «подано», это обращение не фиксируется;

- плохо работает «связка» при подаче обращений заявителем, что приводит к потере информации о том, обращался ли заявитель в данную организацию ранее;

- определение «категории заявителя» и т. д.

Несмотря на вышеуказанные недочеты и недоработки, система учета и обработки обращений за чуть более чем полгода зарекомендовала себя с наилучшей стороны. Результатом таких выводов послужила внушительная статистика трех показателей и, на момент написания данной статьи, цифры [9] (меняются каждый день) были следующие:

- 98 737 граждан обратились по средствам данной системы;

- 17 183 организации организовали подключение и функционирование системы;

- 321 272 обращений поступило по средствам системы учета и обработки обращений.

Таким образом, благодаря системе учета и обработки обращений сделан существенный шаг в развитии информационно-коммуникационных технологий и построения информационного поля. Ключевым показателем полезности и эффективности внедрения и функционирования системы учета и обработки обращений, является прогресс взаимодействия в трех видах в рамках электронного правительства: между государством и гражданами (G2C, Government-to-Citizen); между государством и бизнесом (G2B, Government-to-Business); между государственными органами (G2G, Government-to-Government).

Числовые показатели указывают на полную состоятельность и необходимость в дальнейшем развитии системы учета и обработки

обращений, которая однозначно служит положительным примером информационного взаимодействия в Республике Беларусь на разных социально-экономических уровнях.

Библиографические ссылки

1. Указ Президента Республики Беларусь от 06. 04. 1999 № 195 (ред. от 04. 08. 2006) «О некоторых вопросах информатизации в Республике Беларусь» (вместе с «Положением о межведомственной комиссии по вопросам информатизации в Республике Беларусь»);

2. Указ Президента Республики Беларусь от 08. 11. 2011 № 515 (ред. от 16. 12. 2019) «О некоторых вопросах развития информационного общества в Республике Беларусь» (вместе с «Положением о независимом регуляторе в сфере информационно-коммуникационных технологий»);

3. Указ Президента Республики Беларусь от 04. 04. 2013 № 157 (ред. от 31. 12. 2015) «О внесении изменений и дополнений в некоторые указы Президента Республики Беларусь»;

4. Об информации, информатизации и защите информации: Закон Респ. Беларусь, 10 нояб. 2008 г., № 455-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. № 2/1552;

5. Об электронном документе и электронной цифровой подписи: Закон Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 113-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. № 2/1665;

6. Об обращениях граждан и юридических лиц: Закон Респ. Беларусь, 18 июл. 2011 г., № 300-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. № 2/1852;

7. О системе учета и обработки обращений: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 30 дек. 2022 г. № 986 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. № 5/51245;

8. Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.by/novosti/novosti-pravo-by/2023/january/72772/>. Дата доступа: 19. 08. 2023.

9. Система обращений (портал Обращения. бел) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://xn--80abnmusr7evc.xn--90ais/>. Дата доступа 06. 09. 2023

**«НЕ ТАК ТОГДА СХИЗМА ГРЕЧЕСКАЯ ИЗ ГРЕЦИИ, КАК ИЗ
МОСКВЫ КРАЯ РУС(С)КИЕ ЗАРАЗИЛА»: РОЛЬ ЕЛЕНЫ
ИВАНОВНЫ (МОСКОВСКОЙ) В ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ
МИТРОПОЛИИ ГЛАЗАМИ УНИАТСКИХ И КАТОЛИЧЕСКИХ
АВТОРОВ XVII-XVIII ВВ. ¹**

К. М. Медведев

*Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7–9,
199034, г. Санкт-Петербург, Россия, kikatimi@mail.ru*

В статье рассматривается оценка роли Елены Ивановны (Московской) в истории Киевской митрополии униатскими и католическими авторами Речи Посполитой XVII–XVIII вв. Отмечается, что они в рамках полемики о «древности» и «исконности» церковной унии старались доказать, что Киевская митрополия и ее паства всегда были верны Риму, а «схизма» всегда была чужеродным явлением и привносилась извне: сначала из Греции, а уже в XV–XVI вв. – из Москвы. При этом они подчеркивали центральную роль в этих негативных для них изменениях самой Елены Ивановны.

Ключевые слова: историческая память; антигерои; Елены Ивановна (Московская); религиозная полемика; католицизм; православие; Брестская уния; Речь Посполитая.

**«THEN THE GREEK SCHISM INFECTED THE RUTHENIAN LANDS
NOT SO MUCH FROM GREECE, AS FROM MUSCOVY»: THE ROLE
OF HELENA IVANOVNA (OF MOSCOW) IN THE HISTORY OF THE
METROPOLIS OF KIEV ACCORDING TO THE UNIATE AND
CATHOLIC AUTHORS OF 17TH–18TH CENTURIES**

К. М. Medvedev

*Saint Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Embankment, 199034, Saint
Petersburg, Russia, kikatimi@mail.ru*

The article discusses the assessment of the role of Helena Ivanovna (of Moscow) in the history of the Metropolis of Kiev by the Uniate and Catholic authors of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 17th–18th centuries. It is noted that within the framework of the debates about the «antiquity» and «originality» of the church union, they tried to prove that the Metropolis of Kiev and its flock were always faithful to Rome, and «schism» was always an alien phenomenon and was introduced from outside: first from Greece, and already in 15th–16th centuries – from Moscow, while emphasizing the central role of Helena Ivanovna herself in these negative changes for them.

Keywords: historical memory; antiheroes; Helena Ivanovna (of Moscow); religious polemics; Catholicism; Orthodoxy; Union of Brest; Polish-Lithuanian Commonwealth.

В эпоху конфессионализации и религиозных войн в Европе XVI–XVII вв. все стороны в рамках межконфессионального противостояния

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы).

обращались также к истории для обоснования своей правоты и опровержения позиции противников [8, р. 287]. В данном случае исключением не стала и Речь Посполитая, где заключение в 1595–1596 гг. Брестской церковной унии дало старт интенсивной религиозной полемике. Как отмечал О. Б. Неменский, уже вскоре после заключения унии ее сторонники смогли создать новую концепцию истории Киевской митрополии, согласно которой она с самого начала была верна Апостольскому престолу, и лишь иногда впадала в «схизму», но ее единство с Римом постоянно возобновлялось [2, с. 306]. В рамках подобной концепции, провозглашая «исконную» верность Папе, униаты и католики также стремились доказать, что подобные «схизмы» были полностью чужды Руси и всегда привносились извне: сначала из Греции, а уже в XV–XVI вв. после Флорентийской унии – из Москвы. В данном случае столь важным и «нужным» для них «антигероем» стала Елена Ивановна, дочь великого князя Московского Ивана III, жена великого князя Литовского Александра и некоронованная королева Польши, которая оказала большое влияние на историю Православной церкви в Великом Княжестве Литовском (подробнее ее биографию см.: [4, 5]). Следует отметить, что в XVII–XVIII вв. данный брак великого князя и короля Александра со «схизматичкой» иноземкой и его роль в истории Речи Посполитой убежденные католики обоих обрядов зачастую оценивали сугубо отрицательно. Так, во время обсуждения брачных планов короля Владислава IV в кругу сенаторов в 1635 г., если верить запискам литовского канцлера Альбрехта Станислава Радзивилла, смоленский воевода Александра Госевский выступил резко против женитьбы на протестантке для «успокоения» религиозных «диссидентов», ссылаясь как раз на пример Александра, который, взяв в жену представительницу другой конфессии, ожидал покоя и расширения для королевства, но в итоге только потерял многие земли, захваченные своим же тестем, и скоропостижно умер в несчастье [14, р. 484].

Одним из первых негативную роль Елены Ивановны в истории Киевской митрополии обозначил известный деятель униатской церкви Лев Кревза, который в 1617 г. в знаменитой книге «*Obrona iedności cerkiewney*» отмечал, что после митрополита Григория Цамблака и вплоть до 1516 г. Русь не признавала власти Константинопольских патриархов и была верна Риму, пока «королева Елена Московская» не поспособствовала возвышению представителей «схизматического» духовенства, которые благодаря ей заняли высокое положение и «схизму возобновили». В данном случае Кревза указывал на митрополитов Иону, Иосифа III и Макария

(Москвитянина), которые занимали кафедру по протекции Елены [10, р. 64–65, 90].

В дальнейшем униатские и католические авторы во многом практически дословно или своими словами пересказывали данный довод Льва Кревзы о новом привнесении «схизмы» на Русь извне под влиянием Елены Ивановны после «воссоединения» Киевской митрополии с Римом посредством Флорентийской унии, даже повторяя представленные в труде Кревзы ошибочные датировки правления и перечисление имен Киевских митрополитов, начиная с 1497 и до 1556 г. [10, р. 64–65] (для сравнения данных Кревзы с более точной информацией см., например: [1]). В 1622 г. униатский Полоцкий архиепископ Иосафат Кунцевич в своей знаменитой переписке с литовским канцлером Львом Сапегой, отстаивая свою жесткую политику по отношению к «схизматикам», отмечал, что вскоре после взятия османами Константинополя в 1453 г. все Киевские митрополиты, начиная с митрополита Григория Болгарина и вплоть до смерти Иосифа Солтана, утверждались Папой, пока «Елена Московская, королева, уже будучи вдовой, не выпросила у светлой памяти короля Сигизмунда Старого, чтобы ей позволили послать в Константинополь для рукоположения в митрополиты ей выдвинутого Иону», и именно «с того времени вплоть до восстановления единства [с Римом] нашими старшими эта традиция сохранялась» [6, с. 94–97]. В 1644 г. в изданной во Львове книге «Hierarchia Abo o Zwierzchnosci w Serkwi Bozey» архимандрита Дерманского монастыря Яна Дубовича отмечалось, что Киевская митрополия была верна Риму более ста лет с 1407 г. до смерти Иосифа Солтана в 1516 г., когда «схизма наступать начала после приезда королевы Елены Московской, которая духовных лиц с собой из Москвы привезла и помогла... этому, ибо [они] главными среди духовенства здесь у нас стали и ту схизму обновили». [9, р. 206].

Особенно актуальным тезис о привнесении «схизмы» из Москвы стал после официального перехода Киевской православной митрополии в юрисдикцию Московского патриархата в 1686 г. В 1704 г. иезуит Ян Алоизий Кулеша издал в Вильне книгу «Wiara prawosławna», в которой отмечал, что после смерти митрополита Иосифа Солтана в 1516 г. или 1520 г. «с подачи Елены схизматички, жены Александра, короля Польского» Киевскую митрополичью кафедру занял «проворный схизматик Иона» [12, р. 192]. Вскоре, судя по всему после Замоиского синода униатской церкви 1720 г., была написана книга «Genealogia Metropolitow Kijowskich», ныне хранящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в

Санкт-Петербурге. В ней, повествуя о том, как «после смерти митрополита Иосифа Солтана снова настало отщепенство», неизвестный автор отмечал центральную роль в этом сближения великого князя Литовского Александра с великим князем Московским Иваном III и женитьбу Александра на дочери Ивана Елене. В книге подчеркивалось, что после заключения брака Елена, пользуясь своим положением, часто побуждала духовенство Киевской митрополии к разрыву единства с Римом, а позже она и стала главной причиной объявления ее отцом войны Великому Княжеству Литовскому, так как Иван III, во-первых, использовал как повод для начала войны то, что Александр не возвел для нее православную церковь при великокняжеском дворе в Вильне, а, во-вторых, она сама, будучи настроена враждебно по отношению к католической вере, специально жаловалась на это своему отцу, желая начала войны, к чему ее подталкивал и враждебный унии Московский митрополит [3, л. 17 – 18 об.]. Неизвестный автор сообщал и о том, что уже после смерти своего мужа Елена добилась от нового короля Сигизмунда I того, что после 60 лет нахождения под властью Рима Киевская митрополия снова была отдана «дизунитам», и именно тогда «снова среди народа рус(с)кого стараниями той королевы... отщепенство греческое множиться начало» [3, л. 21 об. – 22].

В изданном в Риме в 1733 г. первом доскональном труде по истории униатской церкви «Specimen Ecclesiae Ruthenicae» архимандрит Борисоглебского (Коложского) монастыря в Гродно Игнатий Кульчинский также отметил важную роль Елены Ивановны в переходе Киевской митрополии в «схизму», так как после смерти Иосифа Солтана именно она якобы упростила брата своего почившего мужа короля Сигизмунда I отдать кафедру «схизматику» Ионе. После же Ионы митрополитами также были ее ставленники Иосиф III и Макарий (Москвитянин), личный духовник Елены [11, р. 125–126]. В 1748 г. во Львове была напечатана «Defensa Biskupstwa u Dyesezyi Kiiowskiey», посвященная Киевскому католическому епископу с кафедрой в Житомире Яну Самуэлю Ожге. В данном труде его автор Кароль Непомук Орловский, кафедральный Киевский архидьякон, коснулся также и истории «греческого обряда» на территории Киевского диоцеза, сообщая, что после смерти Киевского митрополита Иосифа Солтана в 1516 г. король Сигизмунд I, поддавшись уговорам вдовы его почившего брата Александра Елены Московской, передал митрополичью кафедру «схизматику» Ионе, и тогда же «не только плебс, но и достойные шляхетные особы, заискивая перед королевой, к отщепенству

присоединились». Оценивая роль Елены Ивановны в истории Киевской митрополии, Орловский отмечал, что «не так тогда схизма греческая из Греции, как из Москвы края рус(с)кие заразила». Что особенно интересно, он описывал Елену как явного антипода другой известной женщины, которая сыграла важную роль в судьбах христианства на Руси, – Анны Византийской, жены Владимира Крестителя: «И как края рус(с)кие Анной, царицей Греческой, к правдивой вере Христовой [были] приведены, так Еленой Московской отщепенством [были] заражены» [13, р. 344–346].

Подобный взгляд на роль Елены Ивановны в истории Киевской митрополии, нужно сказать, был характерен и для авторов, трудившихся в последние годы существования Речи Посполитой. В 1770 г. Клеменс Ходыкевич издал книгу «Dissertationes Historico-Criticae De Utroque Archiepiscopatu Metropolitano Kijoviensi, & Haliciensi, uti olim distincto, Nec non De Episcopatu Leopoliensi Ritus Graeco Uniti», посвященную униатскому Львовскому епископу и администратору всей униатской митрополии Льву Шептицкому, в которой, кратко пересказывая биографии всех Киевских митрополитов, также сообщил о том, что после смерти Иосифа Солтана стараниями Елены король Сигизмунд I передал кафедру Ионе, «самому яркому противнику унии», при котором многие «благородные мужи были оторваны от веры», и среди них был князь Константин Иванович Острожский [7, к. N2–N2v]. В 1782 г. в своем труде «Chronologia, albo porządne według lat zebranie znaczniejszych w Koronie Polskiej i w Wielkim Xięstwie Litewskiem a mianowicie na Białej Rusi w Połocku dziejów i rewolucyj» известный униатский автор своего времени Игнатий Стебельский писал, что Иван III в 1500 г. начал войну против своего зятя именно потому, что его дочери Елене не построили при дворе церкви [15, р. 44–46], а сама она активно способствовала распространению «схизмы» на территории Великого Княжества Литовского тем, что «отщепенцев» она «силой охраняла и во многих местах сама водворяла» [15, р. 50].

Таким образом, как мы видим, для униатских и католических авторов Речи Посполитой XVII–XVIII вв. Елена Ивановна стала явным «антигероем» в истории Киевской митрополии и христианской церкви в Польско-литовском государстве в целом, ведь именно она, как они отмечали, сыграла чуть ли не центральную роль в новом отходе Руси от верности Папскому престолу и возвращении в «схизму», которая в рамках подобного дискурса была чуждым для Киевской митрополии явлением, будучи фактически привнесена стараниями Елены извне – из Москвы –

после «воссоединения» с Римом по результатам Ферраро-Флорентийского собора.

Библиографические ссылки

1. Макарий (Булгаков), архиепископ Литовский и Виленский. История Русской Церкви. Том IX. Период разделения Русской Церкви на две митрополии. Книга IV. История Западно-русской или Литовский митрополии. СПб.: Типография Р. Голике, 1879.
2. Неменский О. Б. Особенности этнической самоидентификации Мелетия Смотрицкого // Леў Сапега (1557–1633 гг.) і яго час: зб. навук. арт. / рэд. кал. С. В. Марозава [і інш.]. Гродна: ГрДУ, 2007. С. 304–308.
3. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 957. Собрание польских рукописей. Пол. Q. I. № 160.
4. Тураева-Церетели Е. Ф. Елена Иоанновна, великая княгиня литовская, русская, королева польская. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1898.
5. Флоря Б. Н. Елена Ивановна // Православная энциклопедия. Т. XVIII. М.: Православная энциклопедия, 2008. С. 307–309.
6. Эпісталяцыя Сьвятога Язафата: Збор дакумэнтаў / Укладаньне й апрацоўка М. Баўтовіча. Полацак: Грэка-каталіцкая парафія Сьвятапакутніка Язафата, 2006.
7. Chodykiewicz K. Dissertationes Historico-Criticae De Utroque Archiepiscopatu Metropolitano Kijoviensi, & Haliciensi, uti olim distincto, Nec non De Episcopatu Leopoliensi Ritus Graeco Uniti. [Leopolis], 1770.
8. Ditchfield S. Martyrs on the Move: Relics as Vindicators of Local Diversity in the Tridentine Church // Studies in Church History. 1993. Vol. 30. P. 283–294.
9. Dubowicz J. Hierarchia Abo o Zwierzchnosci w Cerkwi Bozey. Lwów: Sebastian Nowogórski: Drukarnia Jezuitów, 1644.
10. Kreuzer L. Obrona iednosci cerkiewney, abo dowody ktorymi się pokazuie, iż grecka Cerkiew z iacinską ma być ziednoczona. [Wilno]: w drukarni Leona Mamonicza, 1617.
11. Kulczyński I. Specimen Ecclesiae Ruthenicae / ed. H. Casterman. Parisiis: Tornaci, 1859.
12. Kulesza J. A. Wiara prawosławna. Wilno: w Drukarni Akademickiej S. I., 1704.
13. Orłowski K. N. Defensio Biskupstwa y Dyecezyi Kiiowskiej. Lwów: w Drukarni SSS. TROYCY, 1748.
14. Radziwiłł A. S. Pamiętnik o dziejach w Polsce / przel. i oprac. Adam Przyboś i Roman Żelewski. T. 1: 1632–1636. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980.
15. Stebelski I. Chronologia, albo porządne według lat zebranie znaczniejszych w Koronie Polskiej i w Wielkim Xięstwie Litewskiem a mianowicie na Białej Rusi w Połocku dziejów i rewolucyj. Lwów: Xięgarnia Zelmana Igła, 1867.

**ДЕФИЦИТ И КУЛЬТУРА ТОРГОВЛИ В БССР В 1948–1953 гг.
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ МИНСКА)**

В. Ю. Монзоль

*ГУ «Национальный архив Республики Беларусь», пр-т Независимости, 116, 220114, г.
Минск, Беларусь, monzul89@gmail.com*

Статья посвящена реконструкции отношений советского человека и государственной розничной торговли в 1948–1953 гг. через призму истории повседневности. Рассмотрены особенности дефицита и основные нарушения в государственной розничной торговле с точки зрения горожан. Сделан вывод о двойственной реакции жителей города на возникающие проблемы – адаптации к трудностям и попыткам привлечь к ним внимание в надежде на исправление.

Ключевые слова: история повседневности; Минск; СССР; торговля; дефицит; нарушения

**DEFICIT AND THE CULTURE OF TRADE IN BELARUSIAN SSR IN
1948–1953 THROUGH A PRISM OF HISTORY OF EVERYDAY LIFE
(ON THE EXAMPLE OF MINSK)**

U. Monzul

*State Institution «National Archives of the Republic of Belarus», Niezaliŭnasci Avenue, 116,
220114, Minsk, Republic of Belarus, monzul89@gmail.com*

The article is devoted to the reconstruction of relations between the Soviet people and the state retail trade in 1948–1953 through the prism of the history of everyday life. The features of the deficit and the main violations in the state retail trade are considered from the point of view of the citizens. The conclusion is made about an ambivalent reaction of city residents to emerging problems – adaptation to difficulties and attempts to draw attention to them in the hope of correction.

Keywords: history of everyday life; Minsk; USSR; trade; deficit; violations

Антропологический поворот современной историографии нацеливает исследователя на всестороннее изучение человека прошлого, его внутреннего мира и социальных взаимодействий. Одной из наиболее адаптированных к решению возникающих задач исследовательской парадигмой является история повседневности. Её наработки удачно дополняют макроисторические выводы традиционной историографии, позволяя более полно реконструировать прошлое.

В отечественной историографии одной из малоизученных, но актуальных тем является реконструкция отношений советского человека и государственной розничной торговли в первые послевоенные годы. И. С. Кашталян рассмотрела основные компоненты экономической повседневности населения Беларуси в названный период, а А. А.

Гужаловский проанализировал распространение теневой экономики в период «оттепели» [1; 2]. Изучение данной темы позволит лучше понять механизмы взаимодействия человека и торговли, что особенно актуально в связи с тем, что они действовали в советской торговле следующие 40 лет.

Основными источниками послужили документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь: приказы, протоколы заседаний коллегии Министерства торговли БССР и документы к ним, стенограммы местных партийных конференций, различных ведомственных, профсоюзных и комсомольских совещаний, материалы проверок Государственной торговой инспекции БССР, жалобы граждан в ЦК КП(б)Б и документы об их рассмотрении. Представляется, что опора на архивные материалы при должной источниковедческой критике положительно сказывается на повышении объективности исследования.

Отмена карточной системы в СССР и одновременно проведенная денежная реформа были осуществлены с заблаговременно заготовленными на оптовых базах и в розничной торговой сети запасами продуктов питания и промышленных товаров, что имело целью утолить товарный голод, утилизировать сбережения населения и продемонстрировать преимущества социалистической экономики. Однако после исчерпания сверхнормативных запасов розничная торговля постепенно пришла к равновесному состоянию, неотъемлемыми элементами которого были дефицит и нарушения порядка торговли.

Уже в 1948 г. о многочисленных нарушениях правил торговли после отмены карточной системы сигнализировали на партийных конференциях в районах столицы и звучали призывы самым решительным образом бороться с порочными практиками [3, лл. 110–114; 4, л. 276]. Представляется, что причина, по которой проблему не скрывали, заключается в прямой заинтересованности выступающих: на местных партконференциях абсолютное большинство делегатов не относились к высшей партийно-хозяйственной номенклатуре, и поэтому пользовались теми же магазинами, что и рядовые минчане. Исправление нарушений в розничной торговле было выгодно не только трудящимся, о которых они говорили, но и им лично. В дальнейшем количество нарушений не уменьшилось. В материалах проверок торговой инспекции и общественных контролёров признавалось обилие недостатков; они не только содержали внушительные цифры нарушений, но также приводили характерные примеры. Аналогичные случаи обсуждались на различных закрытых собраниях и в жалобах граждан. В 1952 г. заместитель министра торговли

БССР Д. Л. Гелин посетовал, «насколько много у нас недостатков и вопиющих безобразий имеется в работе государственной торговли и даже в нашей столице – городе Минске» [5, л. 57]. В том же году более чем в половине магазинов Мингорпищеторга и Сталинского райпищеторга были выявлены нарушения [5, л. 5].

С точки зрения рядовых потребителей главной проблемой торговли являлся дефицит – нехватка товаров в розничной торговле, делавшая покупку невозможной. Эта проблема была характерной для большого количества торговых точек: проверки порой не обнаруживали некоторых товаров в половине обследованных магазинов. Ни один отчёт торговой инспекции в рассматриваемый период не приводил к обнадеживающим выводам относительно наличия товаров. Проверки отмечали множество отсутствующих продуктов питания и промышленных изделий по всему городу [6, л. 302, 328–329]. Особенно актуальной проблема была на окраинах города, включая рабочие посёлки автомобильного и тракторного заводов [4, л. 26; 7, л. 320; 8, л. 66; 9, л. 95; 10, л. 28–29; 11, л. 37]. Работники торговли открыто признавали не только существование дефицита, но и отмечали постепенное ухудшение ситуации в начале 1950-х гг. [11, л. 29–31]. В январе 1952 г. в двух из десяти специализированных плодоовощных магазинах ни разу не появлялся в продаже картофель, ещё в двух им торговали 3–4 дня в месяц, во всех изученных магазинах редко появлялись в продаже овощи [12, л. 4–5]. Большой проблемой была нехватка продукции лёгкой промышленности [6, л. 238]. Даже в фирменном магазине «Главлегсбыта» в 1950 г. проверка зарегистрировала отсутствие многих товаров, причём их нехватка была связана не столько с большим спросом, сколько с отсутствием поставок [6, л. 313]. Дефицит не был перманентным, и перечень дефицитных товаров был подвержен изменениям.

Восприятие дефицита характеризовалось не только недовольством горожан, но и попытками приспособления к нему. При отсутствии товара в одном магазине предпринимались попытки его поиска в других. При поступлении в магазины дефицитных товаров нередко формировались большие очереди для их скупки. Засвидетельствованы факты скупки горожанами товаров (главным образом – мяса, масла, молока, иногда – хлеба) в течение нескольких часов после завоза в магазины, из-за чего немало минчан не имели возможности купить нужные продукты после работы или во время обеденного перерыва [5, л. 20; 13, л. 300; 14, л. 3]. В условиях нестабильной работы государственной торговли огромное значение приобрели колхозные рынки столицы [15, с. 92–100].

Централизованные проверки магазинов отмечали наличие товаров по группам. В связи с тем, что одни товары группы могли пользоваться спросом, а другие не были востребованы покупателями, следует анализировать и частые сообщения о недостаточном ассортименте товаров в магазине. Например, отмечались перебои с поставками популярных видов круп, хотя манная крупа и некоторые другие товары той же группы были в наличии в магазинах из-за меньшего спроса на них. В фирменном магазине Минского мясокомбината в 1950 г. в день проверки из трёх сортов говядины в наличии была лишь говядина ниже средней упитанности, т. е. узкие прослойки мышечной ткани на костях [6, л. 312]. В одном из столичных магазинов проверка обнаружила множество различных колбасных изделий, однако там не торговали самым популярным и доступным из них – ливерной колбасой [7, л. 318]. В целом, проблема избытка на прилавках магазинов и буфетов дорогих товаров и нехватка более дешёвой продукции той же группы поднималась неоднократно, и особенно часто упоминались конфеты и папирсы [14, лл. 8, 31; 16, л. 21; 17, л. 12]. Очень скудным был ассортимент детской одежды, отличавшийся многообразием различных размеров [19, лл. 151–169]. В январе 1950 г. лишь 7 минских магазинов из 56 проверенных (12,5%) имели на прилавках все товары, предусмотренные обязательным ассортиментным минимумом [7, л. 57].

Распространённой практикой, часто отмечавшейся в отчётах проверок, были обвес покупателей и обсчёт при объявлении цены или расчёте с покупателем. Не всегда правильно выдавали сдачу, иногда при этом ссылались на отсутствие мелочи и даже выдавали её папиросами, коробками спичек или огурцами, что также считалось нарушением. К обвешиванию покупателей примыкало пользование нестандартными весами и гирями, которые должны были клеймиться, но фиксировались десятки нарушений этого порядка. Постепенное распространение весов с двусторонним циферблатом не положило конец злоупотреблениям [11, л. 5–8]. Некоторые работники торговли злоупотребляли служебным положением и, прикрываясь отсутствием ярлыков на товарах или обманывая покупателей, искусственно завышали цены на товары [6, л. 8; 20, л. 187–194; 21, л. 58]. Более дешёвые товары иногда предумышленно продавали под видом более дорогих [6, л. 239; 22, л. 373; 23, л. 61]. При массовых проверках состояния магазинов регистрировались десятки случаев обмера, обвеса, обсчёта, фальсификации, подмены сортности, пользования незаклеймёнными весами (статьи 154 и 196-2 УК БССР 1928 г.). Обвешивали и обсчитывали даже детей в школьных буфетах.

Довольно распространёнными было такое нарушение в пользу покупателей, как игнорирование норм отпуска товаров в одни руки. Неоднократно упоминаются случаи, когда нарушения нормы отпуска сопровождались обвесом и обсчётом [11, л. 21–22]. Проверяющие связывали эти нарушения: обвес и обсчёт отчасти являлись платой за выгодное для покупателя нарушение нормы отпуска [5, л. 8]. Для работников торговли продажа большего количества товаров была выгодна, поскольку позволяла выполнить план товарооборота за меньшее время. Примечательно, что о нарушениях нормы отпуска иногда сигнализировали покупатели через книги жалоб – вероятно, это было результатом внимательного отслеживания покупок других покупателей или самостоятельного контрольного взвешивания [12, л. 20].

Огромной проблемой стал массовый недопуск дефицитных товаров в продажу с реализацией их из-под полы. В 1952 г. случаи подобного недопуска составляли около 85% от общего количества нарушений в торговле промышленными товарами в городе [11, л. 17]. Продажу по знакомству было проблематично выявить, поэтому главным признаком торговли с чёрного хода является недопуск дефицитных товаров в продажу. Регулярные проверки выявляли множество товаров, которые не выставляли на продажу в самых разных магазинах, и из донесений инспекторов по торговле можно составить общее представление о круге дефицитных товаров. К числу таких товаров относились не только деликатесы, но и продукты повседневного спроса – сливочное и растительное масло, различные колбасы (включая ливерную), некоторые виды белобулочных изделий, крупы, пшеничную муку, плодоовощную продукцию (в неурожайные годы – даже картофель), молочные изделия (сгущёнку, кефир, сливки), сахар, крахмал, соль, чёрный и душистый перец, кисель, мыло, ткани, чулки, книги, различные промышленные товары и многое другое. Доказать намеренный характер недопуска товаров в продажу было не всегда возможно, поскольку инструкции требовали от продавцов производить отпуск сыпучих товаров в специальной обёрточной бумаге, которая поступала в магазины с большими перебоями (мелкая заводская фасовка различных изделий была редкой). В одном из минских магазинов за 10 дней отсутствия бумаги скопилось почти 13 т сахара, 2,4 т макарон, 1 т овсяной крупы, 600 кг ячневой крупы [24, л. 208–215]. Сообщалось о случае, когда работники одного из столичных магазинов разобрали большую партию сливочного масла за два дня, ничего не выставив в продажу [11, л. 28]. В 1950 г. в анонимном письме в ЦК КП(б)Б

пожаловались на продажу сахара «по блату, с чёрного хода, вне всякой очереди, по звонку телефона» [25, л. 164]. В 1952–1953 гг. в недавно открывшемся ГУМе торговали верхней одеждой в обход кассы [26, л. 125; 27, л. 116]. Значительная доля продукции, подпольно реализованной работниками магазинов среди знакомых и родственников, предназначалась не для личного потребления, а для перепродажи (как правило, на рынках) [28, л. 21]. Размах спекуляции снизился незначительно по сравнению с периодом действия карточной системы: во втором полугодии 1947 г. в г. Минске за спекуляцию было задержано 290 человек, а в первом полугодии 1948 г., после её отмены, – 246 человек [29, л. 19].

В минских магазинах отмечались антисанитария и общая низкая культура торговли, а частые жалобы на грубость продавцов указывают на распространённость конфликтов в магазинах. Нередко доходило до взаимных оскорблений продавцов и покупателей [12, л. 20–23]. Инструментом обратной связи с системой торговли считались книги жалоб, однако заведующие магазинами нередко делали лишь отписки о принятии мер. Проверки также подходили к их изучению формально [12, л. 14–15]. Впрочем, книги жалоб считались важными, и одна заведующая магазином завела фальшивую книгу жалоб для покупателей, предъявляя полупустую настоящую только проверке [6, л. 298].

Многие нарушения считались уголовными преступлениями и наказывались по статьям 152, 152-1, 154, 155, 196-2, 202, 255 УК БССР 1928 г. [30]. Впрочем, значение суровых наказаний не следует переоценивать: к уголовной ответственности привлекалось сравнительно небольшое количество нарушителей, и наиболее распространёнными мерами воздействия на них являлись штрафы, выговоры (в т. ч. по партийной линии) и увольнения. На практике нередко регистрировались случаи, когда нарушителей, уволенных из одного магазина, вскоре обнаруживали на аналогичной должности в другом магазине [5, л. 22, 39; 19, л. 281–283].

Таким образом, отмена карточной системы не сделала государственную розничную торговлю надёжным источником продуктов питания и промышленных товаров для жителей г. Минска. Взаимодействуя с торговлей, горожане учитывали проблемы, вызванные особенностями централизованного распределения товаров и нарушениями правил торговли работниками магазинов, и были вынуждены адаптироваться к ним, но при этом не оставляли попыток сигнализировать о существовании проблем. Однако руководство торговли не разделяло распространившегося взгляда на нарушения как на главное препятствие к беспроблемному снабжению.

Так, в 1952 г. заместитель министра торговли БССР Д. Л. Гелин на городском совещании общественных контролёров торговли и общепита отметил, что злоупотребления в торговле являются результатом нехватки товаров [11, л. 29–31]. В результате жалобы решали лишь частные проблемы. Нарушения в торговле и способы адаптации людей к ним оставались актуальными до конца существования СССР.

Библиографические ссылки

1. Кашталян І. С. Эканамічная штодзённасць БССР у 1944–1953 гг. // Репрессивная политика советской власти в Беларуси: Сб. научн. работ. Минск, 2007. С. 239–263.
2. Гужаловский А. А. Дефицит и теневая экономика в Белорусской ССР на фоне экономических реформ середины 1950-х – середины 1960-х годов // Исторический курьер. 2022. № 4 (24). С. 45–57. Режим доступа: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER-2022-4-04.pdf>. Дата доступа: 29. 08. 2023.
3. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 51. Д. 830.
4. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 51. Д. 831.
5. НАРБ. Ф. 265. Оп. 5. Д. 591.
6. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 44. Д. 118.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 44. Д. 110.
8. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 96. Д. 415.
9. НАРБ. Ф. 117. Оп. 2. Д. 60.
10. НАРБ. Ф. 117. Оп. 2. Д. 73.
11. НАРБ. Ф. 265. Оп. 5. Д. 590.
12. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 44. Д. 156.
13. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 35. Д. 221.
14. НАРБ. Ф. 273. Оп. 2. Д. 4.
15. Монзуль В. Ю. «... Соответствующие органы изучат этот вопрос...» (колхозные рынки в повседневной жизни Минска в 1944–1953 годах) // Архівы і справаводства. 2023. № 2. С. 92–100.
16. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 47. Д. 174.
17. НАРБ. Ф. 265. Оп. 5. Д. 564.
18. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 44. Д. 164.
19. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 44. Д. 157.
20. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 44. Д. 111.
21. НАРБ. Ф. 265. Оп. 5. Д. 331.
22. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 27. Д. 815.
23. НАРБ. Ф. 265. Оп. 5. Д. 80а.
24. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 65. Д. 112.
25. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 65. Д. 51.
26. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 88. Д. 1634.
27. НАРБ. Ф. 63п. Оп. 27. Д. 795.
28. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 88. Д. 1633.
29. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 29. Д. 846.
30. Уголовный кодекс БССР 1928 г. : официальный текст с изменениями на 1 февраля 1944 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: НКЮ СССР, 1944.

ПОНЯТИЕ «МОДЕЛЬ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА»

А. А. Недашковская

Белорусский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела, ул. Кропоткина, 55, 220002, г. Минск, Республика Беларусь, nedaschko@bk.ru

В статье даётся авторское определение термина «модель делопроизводства», обозначается актуальность выведения данного понятия, в том числе в рамках изучения отдельных регионов, а также подробно рассматривается в различных областях знания (философии, менеджменте, бизнес-моделировании, документоведении).

Ключевые слова: модель делопроизводства; делопроизводство; документ.

THE CONCEPT OF «RECORDS MANAGEMENT MODEL»

A. A. Nedashkouskaya

Belarusian Research Institute of Records Management and Archival Studies, 55 Kropotkin str., 220002, Minsk, Republic of Belarus, nedaschko@bk.ru

The article gives the author's definition of the term «office management model», indicates the relevance of the derivation of this concept, including in the framework of the study of individual regions, and is also considered in detail in various fields of knowledge (philosophy, management, business modeling, document science).

Keywords: records management model; records management; documentation.

Для научных исследований в области документоведения необходимо обеспечить единообразие терминологии, которое способствует точному и однозначному толкованию исследуемых явлений. В связи с этим актуально дать определение понятию «модель делопроизводства», поскольку термины отражают сущность и содержание понятий, применяемых в делопроизводстве и архивном деле. Однако терминология делопроизводства не является устойчивой и однородной. Она подвергается трансформации под воздействием различных факторов, таких как развитие науки и техники, социально-экономических и политических процессов, культурных и языковых особенностей разных стран и регионов.

Следует отметить, что в международных стандартах, авторитетных изданиях, нормативных актах и научных статьях отсутствует единое определение термина «модель делопроизводства», хотя данное понятие используется, но не получает однозначного толкования в литературе. Единый термин может поспособствовать обмену и сравнению знаний между разными научными школами и направлениями. Понятие «модели делопроизводства» позволит систематизировать и обобщить существующие подходы и термины в единую концепцию, которая отражает

сущность и содержание работы с документами в разных контекстах. Также выработка понятия способствует формированию единой терминологической базы и концептуального аппарата для дальнейшего изучения делопроизводства.

Понятие «модель делопроизводства» не является широко распространенным. Есть предположение, что модель делопроизводства – это способ организации работы с документами в организации, который основан на определенных правилах, стандартах и процедурах [1]. Однако данное определение подходит для рассмотрения процессов документирования в рамках одной организации, а не при научном исследовании моделей делопроизводства в отдельных странах и регионах.

С точки зрения англоязычной терминологии можно выделить несколько понятий, относящихся к «модели делопроизводства». Модель делопроизводства может трактоваться как «records management model» или «records and information management model». Это организационная функция, ответственная за создание и поддержание системы работы с документами на протяжении всего жизненного цикла компании.

Модель делопроизводства может основываться на концепциях и принципах, которые разработаны международной организацией по стандартизации (ISO) в стандарте ISO 15489-1:2016 [4].

Модель делопроизводства может быть также представлена в виде «records continuum model» (модели непрерывности документов), которая помогает понять и исследовать деятельность по ведению документов. Эта модель была создана в 1990-х годах австралийскими учеными Фрэнком Апвардом, Сью МакКеммиш и Ливией Яковино. Она предполагает, что документы существуют в четырех измерениях: создание, подача, организация хранения и тиражирование. Документы рассматриваются не как статичные, а как динамичные объекты, которые меняются в зависимости от контекста и потребностей.

Однако перечисленные термины нацелены на прикладной и локальный, а не теоретический характер. Для выхода на научный уровень понимания исследуемого понятия, необходимо обратиться к его внутренней сути. Составляющими понятия «модель делопроизводства» являются термины «модель» и «делопроизводство», ввиду многоаспектности их трактовки видится целесообразным рассматривать понятие в нескольких направлениях: в рамках философии, менеджмента, моделирования бизнес-процессов, документоведения.

Модель делопроизводства в менеджменте – это способ организации работы с документами в организации, который связан с управлением информацией, процессами и ресурсами. Она определяет цели, задачи, функции, ответственности, правила и стандарты документационного обеспечения управления, а также включает в себя выбор и использование подходящих инструментов и технологий для документирования и документооборота [2].

Модель делопроизводства в документационном обеспечении управления – это способ организации работы с документами в организации, который связан с созданием, захватом, обработкой, хранением, передачей и уничтожением документов. Она определяет виды, формы, содержание, структуру и реквизиты документов, а также включает в себя контроль за исполнением документов и обеспечение их юридической силы

Важным для дальнейшего выведения понятия «модель делопроизводства» видится возникшая взаимосвязь, которая продемонстрирована при процессном рассмотрении делопроизводства как в менеджменте, так и в документационном обеспечении управления.

Стоит и обратиться к более научному пониманию этимологии понятия «модель делопроизводства» с точки зрения философских подходов. Модель делопроизводства в философии – это способ понимания и исследования деятельности по созданию, сохранению и использованию документов как свидетельств или сведений об организации или лице. Модель делопроизводства в философии основывается на определении теории как взгляда или описания природы чего-либо. Природа теории, связанной с делопроизводством, рассматривается с разных точек зрения, включая информационный поиск, жизненный цикл документов и информационную политику. Она не должна рассматриваться изолированно, здесь важно использовать функциональный, профессиональный и образовательный контексты теории делопроизводства.

Модель делопроизводства в философии может быть также представлена в виде вышеупомянутой «records continuum model» (модели непрерывности документов) [4]. Эта модель отражает континуальный подход к организации документов, который предполагает, что документы не имеют однозначной структуры и смысла, а формируются и интерпретируются в разных ситуациях и сообществах. Рассмотрение понятия «модель делопроизводства» в философии позволяет выявить философские основания и предпосылки разных подходов и терминов, используемых в области документооборота, это же помогает анализировать

и сравнивать разные концепции и модели работы с документами в разных странах и регионах. Для дальнейшего выведения обобщенного понятия «модель делопроизводства» важно перенять структурность и осмысленность.

Необходимо также установить взаимосвязь между понятиями «модели делопроизводства» и «модели бизнес-процесса» в моделировании бизнес-процессов. Модель бизнес-процесса – это модель одного или нескольких бизнес-процессов, которая определяет, как выполняются операции для достижения целей организации. Эта модель создается с помощью методов управления бизнес-процессами и системной инженерии, которые позволяют представить процессы предприятия в виде графических схем или других форматов и проводить их анализ, улучшение и автоматизацию. Модель делопроизводства в данном контексте – это часть модели бизнес-процессов, которая связана с работой с документами, информацией и знанием в научной и образовательной деятельности. Эта модель описывает, как формируются, сохраняются, распространяются и применяются документы и данные в процессе философского исследования или обучения.

Взаимосвязь между понятиями «модель бизнес-процесса» и «модель делопроизводства» заключается в том, что модель делопроизводства является частным случаем модели бизнес-процесса, применяемой в определенной сфере деятельности [1]. Модель делопроизводства строится с использованием общих принципов и инструментов моделирования бизнес-процессов, но также должна учитывать специфику философского знания и его формы представления.

Исходя из вышесказанного, модель делопроизводства – это модель деятельности, обеспечивающая документирование, документооборот, оперативное хранение и использование документов в различных организациях и учреждениях. Модель делопроизводства отражает способы создания, обработки, передачи, хранения и уничтожения документов, а также правила и нормы их оформления и регистрации. Эта модель также определяет организацию и функционирование службы делопроизводства, а также способы взаимодействия с другими подразделениями организации и внешними контрагентами по вопросам документации.

Модель делопроизводства – это важный элемент модели бизнес-процесса организации, который позволяет эффективно управлять документацией и информацией. В любой организации существует собственная модель делопроизводства, которая призвана стать частью модели бизнес-процесса и обеспечивать её статическое функционирование.

С учетом всего вышеперечисленного видится необходимым перейти к изучению понятия «модели делопроизводства» непосредственно в науке о документе – документоведении. Модель делопроизводства в документоведении – это модель деятельности, связанной с созданием и работой с документами в различных учреждениях и организациях. Она отражает способы и правила документирования информации, организации документооборота, хранения и использования документов, а также их экспертизы и уничтожения, а также определяет структуру и функции службы делопроизводства, порядок взаимодействия с другими подразделениями организации и внешними контрагентами по вопросам документации.

Моделирование делопроизводства в документоведении имеет ряд свойств, которые отличают его от моделирования других видов деятельности. К таким свойствам относятся: специфика объекта изучения документа как системного объекта, имеющего информационную и материальную составляющие; специфика целей изучения не только оптимизация и эффективность работы с документами, но и сохранение исторической ценности документов как памятников культуры; специфика методов изучения применение не только общенаучных методов, но и специальных методов в документоведении; специфика источников изучения не только современные документы, но и архивные документы, имеющие различную степень сохранности и доступности.

Так, понятие «модель делопроизводства» в документоведении развивается как узкое научное понятие междисциплинарного характера, имеющего информационный уклон. Поэтому наиболее важным видится установить взаимосвязь между «моделью делопроизводства» в философии и документоведении, определив научный уровень исследуемого понятия.

Модель делопроизводства в философии – это модель деятельности, связанной с созданием и работой с документами с точки зрения философских принципов, ценностей и методов. Модель делопроизводства в философии основывается на философском понимании природы и сущности документа как особого типа знаковой системы, которая отражает реальность и служит для коммуникации между людьми, а также учитывает различные философские подходы к документу, такие как идеалистический (документ как выражение идеи), материалистический (документ как материальный носитель информации), герменевтический (документ как текст, требующий толкования), структуралистский (документ как кодированное сообщение), постмодернистский (документ как конструкт,

зависящий от контекста) и т. д. Модель делопроизводства в философии также учитывает различные философские проблемы, связанные с документами, такие как проблема истины и достоверности документов, проблема авторства и цитирования документов, проблема соотношения документов и реальности, проблема этики и ответственности в работе с документами, проблема культурного и цивилизационного значения документов и т. д.

Модель делопроизводства в документоведении – это модель деятельности, связанной с созданием и работой с документами с точки зрения научных принципов, закономерностей и методов. Модель делопроизводства в документоведении основывается на научном понимании природы и сущности документа как системного объекта, имеющего информационную и материальную составляющие, а также учитывает различные научные подходы к документу, такие как общенаучный (документ как источник информации), специально-научный (документ как объект изучения конкретных наук), прикладной (документ как средство решения практических задач).

Модель делопроизводства в документоведении также учитывает различные научные проблемы, связанные с документами, такие как проблема классификации и типологии документов, проблема стандартизации и унификации документов, проблема формализации и кодирования документов, проблема оптимизации и автоматизации документооборота, проблема сохранности и доступности документов и пр. [3].

Таким образом, модель делопроизводства в философии стремится к пониманию и толкованию документов как особого типа знаковой системы, а модель делопроизводства в документоведении стремится к оптимизации и эффективности работы с документами как системными объектами.

На основании вышеизложенного, можно прийти к тому, что модель делопроизводства – это не только совокупность правил, норм и процедур, регламентирующих документирование и организацию работы с документами в рамках определенной системы управления, но и способ отражения и регулирования социальных отношений, связанных с обменом информацией и принятием решений. Важно отметить, что модель делопроизводства имеет исторический характер и зависит от уровня развития общества, его политического и правового строя, культуры и традиций, технических и технологических возможностей.

Модель делопроизводства является научным понятием, которое позволяет анализировать и сравнивать различные системы документирования и документооборота в разных странах, регионах или эпохах. Модель делопроизводства изучается с разных точек зрения: исторической, юридической, социологической, психологической, лингвистической, информационной и т. д. Модель делопроизводства может быть представлена в виде схемы, графика, таблицы или текста, в которых выделяются основные элементы, характеристики и связи между ними [4].

Например, выделяются следующие элементы модели делопроизводства:

субъекты делопроизводства – лица или организации, участвующие в создании, передаче, хранении и использовании документов;

объекты делопроизводства – документы или информация, фиксируемая в документах;

процессы делопроизводства – действия или операции, связанные с документами или информацией;

ресурсы делопроизводства – материальные или нематериальные средства, необходимые для осуществления процессов делопроизводства;

результаты делопроизводства – эффекты или последствия процессов делопроизводства для субъектов или объектов;

цели делопроизводства – задачи или проблемы, которые решаются с помощью процессов делопроизводства;

принципы делопроизводства – основные правила или закономерности, определяющие логику и организацию процессов делопроизводства.

Для каждого элемента модели делопроизводства выделяются различные характеристики или параметры, которые могут изменяться в зависимости от времени, места или условий. Например, для субъектов делопроизводства можно учитывать такие параметры как: статус, функции, компетенции, ответственность, права и обязанности; для объектов делопроизводства – типы, формы, содержание, реквизиты, носители, форматы, языки, стили; для процессов делопроизводства – этапы, последовательность, сроки, способы, методы, технологии; для ресурсов делопроизводства – качество, количество, доступность, стоимость; для результатов делопроизводства – эффективность, надежность, прозрачность, гибкость; для целей делопроизводства – уровень (стратегический, тактический, оперативный), направленность (внутренняя, внешняя), характер (обязательные, добровольные); для принципов делопроизводства

– общие (законность, единообразие, системность) и специфические (зависящие от особенностей субъектов или объектов).

Согласно системному подходу к понятию «модели делопроизводства» можно дать следующее определение для данного термина: это система взаимосвязанных элементов (субъектов, объектов, процессов, ресурсов, результатов, целей и принципов), которые обеспечивают документирование и организацию работы с документами в рамках определенной системы. Модель делопроизводства отражает и регулирует социальные отношения, связанные с обменом информацией и принятием решений.

Дополнительно необходимо проработать термин, который позволил бы оценить специфику организации делопроизводства в различных странах. Отсюда вытекает ещё одно определение, где модель делопроизводства – это совокупность принципов, правил, норм и методов, которые определяют организацию документирования и работы с документами в соответствии с законодательством, стандартами, традициями и потребностями конкретного государства или территории. Модель делопроизводства характеризует уровень развития управления, информационной культуры и документальной коммуникации в обществе, а также может меняться под воздействием внутренних и внешних факторов, таких как реформы государственного аппарата, интеграция в международные структуры, внедрение новых технологий и т. д. Поэтому изучение именно такого понятия «модели делопроизводства» позволяет анализировать особенности и тенденции развития этой отрасли деятельности в разных странах и регионах.

Таким образом, термин «модель делопроизводства» помогает выявить общие и специфические черты делопроизводства в разных странах и регионах, а также анализировать влияние различных факторов на его формирование и развитие. Понятие «модели делопроизводства» может складываться из нескольких составляющих – философских, документоведческих, из сферы бизнес-моделирования и менеджмента, а также документоведения. Такими элементами стали системность и взаимосвязь из философии, отображение и процессность из менеджмента и бизнес-моделирования, а работа с документами в делопроизводстве – из документоведения. Термин «модель делопроизводства» нашел своё определение в магистерской диссертации как «модель делопроизводства – это совокупность принципов, правил, норм и методов, которые определяют организацию документирования и работы с документами в соответствии с

законодательством, стандартами, традициями и потребностями конкретного государства или территории».

Библиографические ссылки

1. Моделирование бизнес-процессов [Электронный ресурс] // iTeam : [blog]. – 2017. – 23 марта. – Режим доступа: <https://blog.iteam.ru/modelirovanie-biznes-processov/>. – Дата доступа: 31. 08. 2023.
2. Lappin J., Jackson T., Matthews G., Ravenwood C. Rival records management models in an era of partial automation / J. Lappin et al // Archival Science [Electronic resource]. – 2020. – Vol. 20, № 4-5. – Pp. 353-375. – Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10502-020-09354-9>. – Date of access: 09. 03. 2023.
3. Recordkeeping process [Electronic resource] // ScienceDirect Topics : [website]. – Mode of access: <https://www.sciencedirect.com/topics/computer-science/recordkeeping-process>. – Date of access: 31. 08. 2023.
4. Ummi Ali, Articles Brief History of Records Management Brief History of Records Management Early records management / ummi ali // Academia. edu [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: https://www.academia.edu/36033186/Articles_Brief_History_of_Records_Management_Brief_History_of_Records_Management_Early_records_management. – Date of access: 31. 08. 2023.

ВЫСТАВКИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ В 1930-е гг.: ОПИСАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ

Н. С. Соломкина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 22030, г. Минск, Республика Беларусь, Solomkina.
nadezhda@mail.ru*

В статье исследуется начало формирования методического описания и создания выставок архивных документов. Затрагиваются основные направления и тематики, выделяются особенности в организации выставок. Рассматриваются примеры архивных выставок 1930-х годов с описанием их структуры, документального состава.

Ключевые слова: выставка; исторические материалы; архивные документы; выставочная деятельность

EXHIBITIONS OF ARCHIVAL DOCUMENTS IN THE 1930S: DESCRIPTION AND FEATURES

N. S. Solomkina

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, Solomkina. nadezhda@mail.ru*

The article describes the beginning of the formation of a methodological description and the creation of exhibitions of archival documents. The main directions and topics are touched upon, and the peculiarities in the organization of exhibitions are highlighted. Examples of archival exhibitions of the 1930s are considered with a description of their structure and documentary composition.

Keywords: exhibition; historical materials; archival documents; exhibition activities

Выставочная деятельность 1920-х гг. носила стихийный характер. Большинство архивных процессов касались учета и сохранности архивных документов. А использование, в большинстве своём, могло состоять из выдачи материалов государственным учреждением, обеспечение оперативных запросов, поиск документов по запросу пользователей и только частично происходила организация выставочной деятельности. В основном выставки были посвящены юбилеям молодежного движения, 10-летию издания декрета Совета Народных Комиссаров, 20-летию революции 1905 и т. д [1; 2]. Подготовка выставки представляла собой обоснование выбранной темы, целевой аудитории; далее создавалась комиссия, после решались финансовые вопросы и только потом описывалась характеристика и шел поиск исторических материалов и выставочных площадей [7].

В 1930-е гг. при подготовке выставок архивных материалов появилась особенность – это обязательный план выставки с полным описанием

каждого блока и перечнем архивных документов, которые будут экспонироваться. Примером может служить выставка «К 10-летию Конституции СССР», подготовка к которой и обсуждение начались с 17. 06. 1933 г. Именно в этот день Центральное архивное управление СССР направляет письмо Центральному архивному управлению БССР с просьбой высказать свои замечания по прилагаемому к письму примерному плану выставки.

В плане присутствовало обоснование каждой секции. Данная выставка состояла из 3-х крупных блоков, которые в свою очередь делились на более мелкие разделы. Выставка строилась с учетом политики различных правительств: царского, временного, белогвардейского, советского. Первый делился на русский великодержавный национализм, завоевательскую политику, национальную политику царизма на окраинах. Второй блок включал в себя политику временного правительства на Украине, Кавказе, Закавказье и в Средней Азии. Третий блок свидетельствовал о национальной политике белых правительств на Украине, Армении, Азербайджане и Грузии. Заключительная и основная часть материалов была посвящена Советской федерации, где были отражены основные этапы образования СССР, государственное устройство СССР и союзных республик, хозяйственное строительство, культура. Выставлялись следующие документы: фото декларации прав народов России, выдержки из произведений Ленина, Сталина и партийных постановлений по национальному вопросу, текст и схема договора об объединении РСФСР с советскими республиками, отдельные карты по Таджикской ССР и Средней Азии 1924–1925 гг., диаграмма национального состава СССР, диаграммы национального состава Всесоюзного съезда Советов и ЦИК, диаграмма в виде двух кругов грамотности по национальностям: до революции по последним данным и т. д. Стоит отметить, что в плане выставки напротив каждого заголовка документа прописывался вид документа, так в выставке к 10-летию Конституции СССР использовалось большое количество диаграмм, схем, текстов, выдержка из документов, оригиналов фотографий и карт [3].

Вторым примером может служить выставка «Народы СССР в гражданской войне», которая организовывалась Центральным архивом Красной армии ко дню Конституции СССР. В письме руководства архива в адрес ЦАУ БССР говорилось: «*Выставка должна показать, что успехи Великой октябрьской революции и успехи в Гражданской войне являются*

результатом совместной героической борьбы пролетариата и угнетенным царизмом трудящихся...».

Материалы, должны были демонстрировать национальное угнетение при царизме, национальную политику буржуазного правительства Керенского и так называемых «национальных правительств», национальную политику партии и советского правительства. Они представляли собой 52 альбомных листа большого формата. Выставка была рассчитана на использование архивных материалов в политико-просветительской работе среди красноармейцев и широких слоёв трудящихся всех национальностей и республик. Основными материалами выставки послужили письменные и визуальные документы архивов, отражавшие наиболее яркие свидетельства о подвигах национальных и интернациональных частей, а также отдельных героев Гражданской войны. В них поднимались также вопросы национального беспредела в царской армии: недопуски евреев к службе, трудностях в прохождении воинской службы для нерусских в армии и др. Выставлялись образцы художественной литературы на национальных языках, в которых отражалась борьба населения с захватчиками.

В письме ЦАКА также акцентировалось внимание на том, что изучение Гражданской войны без помощи национальных архивов является невозможным, неполным в виду того, что в этом случае выпадают из истории блестящие страницы борьбы национальных, партизанских, красногвардейских, регулярных частей и отдельных героев Гражданской войны. Сама программа выставки включала в себя главу «народы СССР в Гражданской войне», которая была построена по хронологическому принципу. На выставке использовались рисунки, фотографии, таблицы и отдельные документы [3].

Еще один пример юбилейной выставки к «30-летию 1905 г.». Направляя план выставки Архивному управлению БССР, ЦАУ СССР просило при обнаружении неопубликованных ценных документов выслать в срочном порядке их копии для помещения в изданиях агитационно-массового отдела. Сам план состоял из блоков, которые касались, социально-экономических предпосылок революции (сельское хозяйство накануне революции, развитие промышленности), характера и движущих сил революции, мобилизации революционных сил, политики самодержавия, причин поражения революции и её международного значения [4].

Подводя итог, можно сказать, что в 1930-е гг. наблюдался существенный интерес к созданию архивными учреждениями выставок. В основном в них поднимались вопросы национального угнетения в период царизма, отражались события Гражданской войны, отмечались различные юбилеи. Основная целевая аудитория выставок была рассчитана на широкие массы трудящихся. Выставки носили в основном пропагандистский характер, демонстрируя различия политических режимов. Видовой состав документов был достаточно типичный, в большинстве своём преобладали диаграммы, карты, схемы, выдержки из документов, реже фотографии. Также стоит отметить, что особенностью выставок архивных документов в 1930-е гг. стало более детальное их планирование, описание и организация.

Библиографические ссылки

1. НАРБ Ф. 294. Оп. 1. Д. 40.
2. НАРБ Ф. 294. Оп. 1. Д. 286.
3. НАРБ Ф. 294. Оп. 1. Д. 536.
4. НАРБ Ф. 294. Оп. 1. Д. 601.
5. НАРБ Ф. 294. Оп. 1. Д. 625.
6. НАРБ Ф. 294. Оп. 1. Д. 634.
7. НАРБ Ф. 42. Оп. 1. Д. 4.

ИОСИФ ИОСИФОВИЧ ГОШКЕВИЧ И ЕГО РАБОТА «ВИЛЕНСКАЯ ГУБЕРНИЯ»

Е. Н. Филатова

*Институт истории НАН Беларуси, ул. Академическая 1,
220072, Минск, Беларусь, filatova@tut.by*

Рассмотрена биография И. И. Гошкевича и его работа «Виленская губерния», которая и в наше время, является важной для изучения статистики, демографии, землевладения, структуры управления, народного образования, исторического краеведения в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: список населенных мест; Виленская губерния; Российская империя; землевладение; народное образование; структура управления.

JOSIF IOSIFOVICH GOSHKEVICH AND HIS WORK «VILNA PROVINCE»

E. N. Filatova

*Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, st. Academic 1, 220072,
Minsk, Belarus, filatova@tut.by.*

The biography of I. I. Goshkevich and his work «Vilna Province», which in our time is important for the study of statistics, demography, land tenure, government structure, public education, historical local history in the late 19th – early 20th centuries.

Keywords: list of populated places; Vilna province; Russian Empire; land ownership; public education; governance education; governance structure.

В конце XX – начале XXI в. большое внимание стало уделяться изучению исторического краеведения, демографии, структуры управления, землевладения, народного образования и другим аспектам, которые ранее были недостаточно или слабо рассмотрены при изучении истории Беларуси XIX – начала XX в. Были подготовлены и опубликованы такие работы по истории районов и отдельных городов, как серия книг «Памяць», энциклопедическое издание «Гарады і вёскі Беларусі», различные энциклопедии. Очень важным для историков явилось наличие «Списков населенных мест» по каждой губернии Российской империи. Кроме Витебской, Могилевской, Минской, Гродненской губерний в состав территории современной Республики Беларусь почти полностью вошла Виленская губерния, а именно ее Дисненский, Ошмянский, Лидский и Вилейский уезды, часть Виленского и Свентянского уездов. «Списки населенных мест» с научной точки зрения актуальны и интересны и в наши дни. Они доступны каждому исследователю, в то время как сами материалы по той же Виленской губернии находятся в Историческом архиве и библиотеках Вильнюса в Литве. И это затрудняет к ним доступ. Наличие

указанного издания, а также памятных книжек Виленской губернии очень важны в разработке различных тем по белорусской истории.

«Список населенных мест» по Виленской губернии [1] был подготовлен Иосифом Иосифовичем Гошкевичем. Составитель «Списка» не так известен, как его отец Иосиф Антонович Гошкевич – востоковед, первый консул Российской империи в Японии, который в 1867 г. переехал из Петербурга в свое имение Мали. Там он женился на Екатерине Семеновне Матчиной – дочери отставного полковника. В этом же году им было подано прошение в Сенат о подтверждении дворянского звания. И его просьбу удовлетворили. Сын Иосиф родился 18 августа 1872 г. Менее чем через три года (3 мая 1875 г.) после рождения сына Иосиф Антонович умер. Иосиф Иосифович, получив начальное образование, поступил в императорский Александровский лицей. После его окончания он был зачислен на службу в Министерство земледелия и направлен в Херсонскую губернию, а затем в Государственный департамент Петербурга. В 1899 г., уже работая в Вильне, он издал последнюю работу своего отца – «О корнях японского языка» [2, с. 60–61].

«Памятные книжки Виленской губернии» дают представление о продвижении И. И. Гошкевича по служебной лестнице. Так, в 1898 г. он был коллежским секретарем в Управлении Ковенского и Гродненского генерал-губернатора [3, с. 4]. В 1900 г. стал членом Виленского съезда мировых судей и Виленско-Трокского отделения Литовского епархиального училищного совета [4, с. 224, 235], а в 1903 г. – членом губернского по городским делам присутствия и почетным мировым судьей Виленского судебно-мирового округа [5, с. 5, 231]. Немногим позже, в 1910 г, Иосиф Иосифович уже непременный член губернского по городским делам присутствия и Литовского епархиального училищного совета, надворный советник [7, с. 8, 78].

О личной жизни И. И. Гошкевича известно немного. Он был женат на Лидии Мартыновне, в 1897 г. в семье родился сын Виктор. Супруга занималась благотворительностью в обществе «Доброхотная копейка» [6, с. 94]. Жили Гошкевичи в Вильне на Муравьевской площади в доме Богдановича. В 1906 г. умерла мать Иосифа Иосифовича, которую похоронили в Вильне на Свято-Евфросиньевском кладбище. Через пять лет (в 1911 г.) там же похоронили и его самого.

Книга «Виленская губерния», опубликованная в 1905 г., является библиографической редкостью. В предисловии к ней Иосиф Иосифович отметил, что цель книги – дать список населенных пунктов Виленской

губернии. Каждый ее житель мог найти краткие сведения по ряду вопросов, не прибегая к запросам волостных правлений и полиции.

О каждом из уездов Виленской губернии даются данные о его границах, населении, участках земских начальников, судебно-следственных и сельских врачебных участках, станowych приставах, урядниках и стражниках. Также указаны благочиния и приходы православных церквей, церковно-приходские школы и школы грамоты этого ведомства, деканаты и приходы римско-католических костелов, народные училища. Есть информация о мещанских управах и управлениях, описания герба каждого уезда. Кроме сведений о населенных пунктах в этом издании содержатся подробные данные об уездных лесах и землях, список сословий и распределение земли, дана характеристика промышленности, торговли и железнодорожного транспорта. Можно также найти сведения о лечебных учреждениях: например, в Лидском уезде лечебницы были в местечках Щучин и Эйшишках, приемные покои – в Василишках, Белице, Радуне и Воронове, а фельдшерские пункты – в Острыне, Гончарах, Жирмунах [1, с. 3, 97].

Опубликованная И. И. Гошкевичем книга «Виленская губерния» не устарела и спустя более ста лет остается ценным источником.

Библиографические ссылки

1. Гошкевич И. И. Виленская губерния: полный список населенных мест со статистическими данными о каждом поселении, сост. по офиц. сведениям И. И. Гошкевичем. Вильна: губ. тип., 1905.

2. Обухова Н. И. Иосиф Антонович Гошкевич – миссионер, дипломат, лингвист, востоковед. Мн.: Мин. обл. ин-т развития образования, 2019.

3. Памятная книжка Виленской губернии на 1899 год. Вильна: губ. тип. 1898.

4. Памятная книжка Виленской губернии на 1900 год. Вильна: губ. тип. 1899.

5. Памятная книжка Виленской губернии на 1903 год. Вильна: губ. тип. 1902.

6. Памятная книжка Виленской губернии на 1905 год. Вильна: губ. тип. 1905.

7. Памятная книжка Виленской губернии на 1910 год. Вильна: губ. тип. 1910.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ В 1920-1930-е гг. : К 100-ЛЕТИЮ ВВЕДЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА В БССР

О. Ю. Юркевич

*ГУ «Национальный архив Республики Беларусь»,
пр-т Независимости, 116, 220114, г. Минск, Беларусь, yurkevichoy@gmail.com*

В статье проводится историко-правовое исследование систематизации гражданского законодательства в БССР в 1920-1930-е годы. Особое внимание уделено деятельности Народного комиссариата юстиции БССР в проведении работ по систематизации дополнений и изменений в белорусском законодательстве в области гражданского права и изданию Гражданского кодекса БССР в 1927 и 1932 годах как события, требующего дальнейшего освещения в современной исторической литературе.

Ключевые слова: гражданское право; Гражданский кодекс; кодификация; правотворчество; Народный комиссариат юстиции БССР.

СІСТЭМАТЫЗАЦЫЯ БЕЛАРУСКАГА ГРАМАДЗЯНСКАГА ЗАКАНАДАЎСТВА Ў 1920-1930-я гг.: ДА СТАГОДДЗЯ З УВЯДЗЯННЯ САВЕЦКАГА ГРАМАДЗЯНСКАГА КОДЭКСА Ў БССР

В. Ю. Юркевіч

*ДУ «Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь»,
пр-т Незалежнасці, 116, 220114, г. Мінск, Беларусь, yurkevichoy@gmail.com*

У артыкуле праведзена гісторыка-правовое даследаванне пытанняў сістэматызацыі грамадзянскага заканадаўства ў БССР у 1920-1930-я гады. Асаблівая ўвага надаецца дзейнасці Народнага камісарыята юстыцыі БССР у правядзенні работ па сістэматызацыі дапаўненняў і змен у беларускім заканадаўстве ў галіне грамадзянскага права і выданню ў 1927 і 1932 гадах Грамадзянскага кодэкса БССР як падзеі, якая патрабуе далейшага асвятлення ў сучаснай гісторыка-правовай літаратуры.

Ключавыя словы: грамадзянскае права; Грамадзянскі кодэкс; кадэфікацыя; праватворчасць; Народны камісарыят юстыцыі БССР.

SYSTEMATIZATION OF THE BELARUSIAN CIVIL LEGISLATION IN THE 1920-1930S: TO THE CENTENARY OF THE ENACTMENT OF THE SOVIET CIVIL CODE IN THE BSSR

V. Yurkevich

*State Institution «National Archives of the Republic of Belarus», Niezalieznasci Avenue, 116,
220114, Minsk, Republic of Belarus, yurkevichoy@gmail.com*

The article provides a historical and legal study of the systematization of civil legislation in the BSSR in the 1920s-1930s. Particular attention is paid to the activities of the People's Commissariat of Justice of the BSSR in carrying out work to systematize additions and changes in legislation in the field of civil law and the publication of the Civil Code of the BSSR in 1927 and 1932 as an event requiring further research in modern historical studies.

Keywords: civil law; Civil Code; codification; lawmaking; People's Commissariat of Justice of the BSSR.

Грамадзянскае права так ці інакш ахоплівае ўсе сферы жыццядзейнасці грамадства. З развіццём грамадскіх адносін з'яўляюцца новыя прававыя інстытуты і іншыя элементы сістэмы грамадзянскага права. Абвяшчэнне Савецкай дзяржавы, якая адмовілася ад палітычных і сацыяльна-эканамічных асноў Расійскай імперыі, безумоўна, адбілася і на фармаванні новай, савецкай сістэмы права ў цэлым і грамадзянскага права, у прыватнасці.

Праблемы, звязаныя з вывучэннем вопыту праватворчасці ў гэтай галіне права, па-ранейшаму з'яўляюцца актуальнымі і важнымі, дапамагаючы яснай убачыць і зразумець характэрныя рысы законатворчай дзейнасці на працягу ўсёй гісторыі беларускай дзяржавы. Акрамя таго, даследаванне гісторыі развіцця грамадзянскага права ў 1920-1930-х гадах дазваляе лепш зразумець беларускае грамадства таго часу, паглядзець на яго з іншага боку.

Па асноўных аспектах гісторыі грамадзянскага права ў 1920–1930-х гг. праглядаецца шырокі спектр аўтарскіх інтарэсаў і падыходаў. Сярод буйных і яркіх навукоўцаў, якія звярнулі ўвагу на гэтае пытанне, варта адзначыць М. В. Грэдзінгера [1; 2], П. І. Стучку [3], І. Б. Навіцкага [4], Т. Я. Навіцкую [5], Ю. І. Кавалеўскую [6], І. А. Манькоўскага [7] і інш. Разам з тым неаднароднасць і ўзаемадзейне розных даследчых пазіцый і поглядаў выклікае неабходнасць далейшага вывучэння дадзенага пытання.

Шмат каштоўных звестак па гісторыі грамадзянскага права ўтрымліваюць архіўныя крыніцы, якія адлюстроўваюць дзейнасць дзяржаўных органаў улады і кіравання БССР. У фондах Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь захоўваюцца пастановы, пратаколы пасяджэнняў, дакладныя запіскі, перапіска па юрыдычных пытаннях і іншыя дакументы. Цэлы шэраг тлумачэнняў па развіццю інстытутаў рэчавага, абавязацельнага і спадчыннага права сустракаецца ў дакументальных матэрыялах Вярхоўнага Суда БССР.

Палеміка аб Грамадзянскім кодэксе сярод беларускіх прававедаў досыць шырока прадстаўлена ў бягучай перыёдыцы тых гадоў, напрыклад, у часопісах «Савецкае будаўніцтва», «Весьці Народнага камісарыяту юстыцыі Беларускае ССР», «Рэвалюцыйная законнасць». Аналіз крынічнай базы па гісторыі грамадзянскага права 1920–1930-х гг. дазваляе меркаваць аб яе відавай разнастайнасці, шматпланавасці і шматлікасці.

Падчас Грамадзянскай вайны і ваеннага камунізму грамадзянскі абарот у яго традыцыйным разуменні практычна знік. Выбар іншай стратэгіі грамадскага развіцця, якая атрымала назву НЭП (новая эканамічная палітыка), паспрыяў узнікненню іншых форм гаспадарання, заснаваных на таварна-грашовых адносінах. Пераход да НЭП абумовіў прыняцце ў 1922 г. у РСФСР Грамадзянскага кодэкса, які ў хуткім часе ўвялі ў дзеянне на сваіх тэрыторыях і іншыя саюзныя рэспублікі, у тым ліку і БССР. Савецкі Грамадзянскі кодэкс паставіў межы для развіцця прыватнай уласнасці; замацаваў заваёвы сацыялістычнай рэвалюцыі ў галіне эканомікі; вызначыў прывілеі сацыялістычнай дзяржавы як суб'екта грамадзянскіх праваадносін; абвясціў недапушчальнасць абмежавання права- і дзейздольнасці, акрамя як у выпадках і парадку, вызначаных законам. Пры рэгуляванні права ўласнасці закон стаў на класавыя пазіцыі, адкрыта абараняючы права дзяржаўнай уласнасці. Кааператыўная ўласнасць таксама атрымала асобы статус. Абарона прыватнай уласнасці грамадзян мела свае асаблівасці, бо закон значна абмяжоўваў правы прыватнага ўладальніка.

На падставе пастановы Прэзідыума Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта БССР (ЦВК БССР) ад 2 лютага 1923 г. «О введении в действие Гражданского кодекса РСФСР» Грамадзянскі кодэкс РСФСР 1922 г. быў уведзены на ўсёй тэрыторыі Беларусі з 1 сакавіка 1923 г. [8]. У тых мясцовасцях, якія ў далейшым былі ўключаны ў склад БССР, ён лічыўся ўступіўшым у сілу з 1 студзеня 1923 г. [3, с. 20]. Гэта рэцэпцыя была праведзена без змен і абмежаванняў, таму артыкулы Кодэкса павінны былі карыстацца ў БССР законнай сілай, пакуль яны не былі б спецыяльна скасаваны законамі БССР [2, с. 20]. Тым не менш у пастанове ўжо адразу былі вызначаны некаторыя асаблівасці дзейнасці Кодэкса ў БССР. Напрыклад, здзелкі, здзейсненыя на тэрыторыі Беларусі падчас нямецкай і польскай акупацыі, прызнаваліся несапраўднымі, паколькі яны супярэчылі законам, якія дзейнічалі на той момант у РСФСР, і таму названыя праваадносіны не падлягалі судовай абароне [8, арт. 3].

Кожная саюзная рэспубліка ў справе выдання законаў і кадыфікацыі мела адносную самастойнасць, калі не парушаліся пастановы, выдадзеныя ў агульнасаюзным парадку і распаўсюджаныя на ўсю тэрыторыю СССР. Як адзначаў вядомы прававед П. І. Стучка, с цягам часу рэспублікі пачалі ўносіць «не толькі паасобныя дадаткі без узаемнага узгаднення, але як быццам на першы погляд намерана ... каб падкрэсліць сваю самабытнасць і суверэннасць» [3, с. 105].

Працэдура змянення і дапаўнення Кодэкса была даволі складаная. Дзяржаўныя органы ўлады і кіравання БССР ажыццяўлялі пошук аптымальных арганізацыйных форм і метадаў развіцця савецкага заканадаўства і кадэфікацыі. Іх дзейнасць была накіравана на падрабязную рэгламентацыю парадку ўнясення заканатворчых пытанняў на разгляд, тэрмінаў ўзгаднення, правілаў афармлення праектаў, іх рэдагаванне, візаванне і г. д. Кожны законапраект разглядаўся з усіх бакоў, на кожны з іх давалася заключэнне ўсіх зацікаўленых ведамстваў. Для ўпарадкавання заканадаўчай тэхнікі шмат было зроблена пасля стварэння ў 1924 г. Камісіі заканадаўчых праектаў пры СНК БССР, якая павінна была распрацоўваць праекты беларускіх законаў, а разам з гэтым і агульнасаюзных [9, арк. 14–17; 10, арк. 47–51]. 16 мая 1928 г. была прынята пастанова аб рэарганізацыі Камісіі заканадаўчых праектаў у Падрыхтоўчую камісію пры СНК БССР, таксама былі ўведзены пасады старшыні Падрыхтоўчай камісіі і двух яго намеснікаў [11, арк. 14].

За 1920-я гг. таксама быў унесены шэраг прапаноў аб змене і дапаўненні асобных артыкулаў Грамадзянскага кодэкса. Адны з іх былі выкліканы неабходнасцю ўзгаднення заканадаўства БССР з новымі саюзнымі законамі; другія – прабеламі ў законе ці тым, што некаторыя нормы састарэлі [12, арк. 7]. Таму з мэтай дакладнага вызначэння дзейнічаючых ў БССР норм грамадзянскага права неабходна было ўважліва прасачыць усе змены і дадаткі. Патрэба ў выданні ўласнага беларускага Грамадзянскага кодэкса пачувалася вельмі моцна.

Аднак такая карэнная перапрацоўка Грамадзянскага кодэкса не адбылася. Галоўную прычыну гэтай акалічнасці трэба шукаць у тым, што згодна з Канстытуцыямі СССР ад 31 студзеня 1924 г. і 5 снежня 1936 г. ўстанаўленне асноў грамадзянскага заканадаўства было аднесена да прадметаў ведання вышэйшых органаў Саюза. Улады БССР устрымаліся ад поўнай і карэннай перапрацоўкі Грамадзянскага кодэкса. Таму па даручэнні Прэзідыума ЦВК БССР Народны камісарыят юстыцыі БССР (Наркамюст БССР) сабраў і сістэматызаваў рад заканадаўчых змен у галіне грамадзянскага права і выдаў у 1927 г. поўны Грамадзянскі кодэкс БССР [13].

Грамадзянскі кодэкс 1927 г. нельга назваць кадэфікацыяй у звычайным сэнсе гэтага слова, бо яго ўзнікненне адбылося не ў заканадаўчым, а ў выканаўчым парадку праз Наркамюст БССР. Выдадзены Кодэкс не меў візы ЦВК БССР, і адказнасць за яго паўнату, правільнасць і сістэматызацыю цалкам была ускладзена на Наркамюст БССР [2, с. 32].

Таму ў выданні 1927 г. па-ранейшаму захоўваліся асобныя недахопы рэцыпаванага кодэкса і супярэчлівыя, састарэлыя нормы. З-за адсутнасці канчаткова ўстаноўленай, навукова-распрацаванай беларускай юрыдычнай тэрміналогіі Кодэкс быў надрукаваны на рускай мове. Грамадзянскі кодэкс 1927 г. выдання меў значна большую колькасць артыкулаў у параўнанні з Грамадзянскім кодэксам РСФСР 1922 г. і стаў складацца з 476 артыкулаў. Акрамя таго, у 1929 г. раздел аб спадчынным праве быў грунтоўна перапрацаваны і колькасць артыкулаў зноў павялічылася [2, с. 26].

Яшчэ адно адступленне праявілася ў змене нумарацыі артыкулаў, першапачаткова абазначанай у выданні 1922 г. Па меры выдання пастаноў, якімі ўводзіліся новыя артыкулы, такія навелы былі змешчаны або як увагі, або (у большасці выпадкаў) як дадаткі да ўжо існаваўшых артыкулаў з дабаўленнем да іх літар «а», «б», «в» ці лічбаў «1», «2», «3» і г. д. Артыкулы, якія страцілі сілу і практычнае значэнне, выключаліся з тэкста Кодэкса, але на іх месцы не перасоўваліся стаяўшыя за імі артыкулы [2, с. 26–27]. Нягледзячы на тое, што ў 1927 г. гутарка не ішла аб карэннай перапрацоўцы Кодэкса, Наркамюст БССР адыйшоў ад гэтага звычайнага і апрабаванага практыкай метада. Таму ў выданні 1927 г. артыкулы Грамадзянскага кодэкса, якія былі скасаваны беларускім заканадаўствам, саступілі свае месцы артыкулам, стаяўшым непасрэдна за імі. У выніку такога метада нумарацыя толькі першых 76 артыкулаў у новым выданні супадалі з Кодэксам РСФСР. Такім чынам, знешнія разыходжанні паміж беларускім і астатнімі грамадзянскімі кодэксамі, дзейнічаючымі ў розных краінах СССР, атрымаліся вельмі значныя.

У беларускім кодэксе меліся таксама некаторыя тэкстуальныя асаблівасці. Напрыклад, прыцягвае да сябе ўвагу артыкул 12. У ім запісана: «Лицо, которое ... признано безвестно-отсутствующим, может быть объявлено пропавшим, если со дня публикации о признании его безвестно-отсутствующим прошло пять лет» [14]. Беларускае заканадаўства прызнавала невядома дзе адсутную асобу прапаўшай, а не памерлай. Гэта было звязана з выпадкамі, калі асоба, якая была аб'яўлена памерлай, на самой справе з'яўлялася жывой. І прававед М. В. Грэдзінгер адзначаў, што «по затронутому вопросу белорусская новелла оказалась передовой» [1, с. 553]. Але разам з тым, той прынцып, што пасля свайго вяртання асоба была пазбаўлена маёмасці, знаходзіўся ў рэзкім кантрасце з заканадаўствам астатніх савецкіх рэспублік [1, с. 553].

Пасля выдання ў 1927 г. Грамадзянскі кодэкс не мог, аднак, заставацца без змен і дапаўненняў, бо за гэты час былі прыняты агульнасаюзныя

законы, які патрабавалі змен у грамадзянскіх кодэксах саюзных рэспублік. У 1932 г. адбылося новае ведамаснае выданне Грамадзянскага кодэкса БССР [14]. Гэта тлумачылася тым, што па-першае, выданне 1927 г. было распрадана, а па-другое, у Кодэкс было ўнесена шмат змен і дапаўненняў, якія былі раскіданы ў паасобных нумарах Збору законаў і загадаў Рабоча-сялянскага ўраду БССР. Наркамюст выдаў гэты Кодэкс на беларускай і рускай мовах. Сучаснікі звярталі ўвагу на тое, што народны камісарыят узяў на сябе вялікую адказнасць, пераклаўшы на беларускую мову артыкулы, афіцыйны тэкст якіх меўся толькі на рускай мове. Гэта мела сур'ёзнае значэнне, бо выклікала пытанне аб тым, беларускі ці рускі тэкст будзе карыстацца перавагай у выпадках, калі асобныя тэрміны ў беларускім перакладзе супярэчылі істотнаму сэнсу таго ці іншага палажэння. Напрыклад, тэрмін «требование» быў перакладзены як «прэтэнзія» (а не «патрабаванне»); паняцце «обязательство» перакладзена на беларускую мову праз слова «абавязанасць» (рускае «обязанность»), «предотвратить» (тую ці іншую небяспеку) перакладзена праз «адхіліць», між тым «адхіліць» значыць «отклонить», а не «предотвратить» і г. д. [2, с. 35–36]. Прававед М. В. Грэдзінгер прапаноўваў вырашаць гэтае пытанне на карысць рускамоўнага выдання ў тым выпадку, калі пераклад зроблены толькі Наркамюстам і не ўхвалены заканадаўчымі ўстановамі [2, с. 34].

Такім чынам, на працягу дзесяцігоддзя, якое прайшло з часу, калі Грамадзянскі кодэкс РСФСР 1922 г. атрымаў заканадаўчую санкцыю ў БССР, у яго былі ўключаны дадаткі, якія адлюстроўвалі шэраг важнейшых змен у дзяржаўнай палітыцы краіны на шляху да сацыялістычнага развіцця. Дзейнасць дзяржаўных органаў улады і кіравання БССР была накіравана на сістэматызацыю асноўных інстытутаў грамадзянскага права краіны і рэалізацыю прынцыпаў савецкай праўнай сістэмы. Вялікую ролю ў развіцці грамадзянскага права адыграла дзейнасць Наркамюста БССР, які сабраўшы і сістэматызаваўшы рад заканадаўчых змен, выдаў у 1927 г. і 1932 г. поўны Грамадзянскі кодэкс БССР. Адказнасць за яго паўнату, правільнасць і сістэматызацыю была цалкам ускладзена на Наркамюст БССР. Для характарыстыкі Грамадзянскага кодэкса БССР важнае значэнне маюць тыя артыкулы, у якіх выяўляецца асаблівасці беларускай праватворчасці ў параўнанні з іншымі савецкімі рэспублікамі.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Гредингер М. О. Гражданский кодекс БССР // Вестник советской юстиции. 1927. № 16. С. 551–554.
2. Грэдзінгер М. В. Да дзясяцігоддзя грамадзянскага кодэкса ў БССР. Мінск: Выд-ва Бел. акад. навук, 1933.
3. Стучка П. І. Уводзіны ў тэорыю грамадзянскага права. Мінск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1932.
4. Новицкий И. Б. История советского гражданского права. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1957.
5. Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М.: ИКД «Зерцало-М», 2002.
6. Ковалевская Ю. И. Граждане как субъекты гражданского права: опыт кодификации 60-х годов XX века // Юридический журнал. 2009. № 4. С. 9–13.
7. Маньковский И. А., Вабищевич С. С. Гражданское право. Общая часть: в 3 т. Т. 1. Введение в гражданское право. Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2013.
8. О введении в действие Гражданского Кодекса РСФСР: Постановление Президиума ЦИК БССР, 2 февр. 1923 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства ССРБ. 1923. № 3. Ст. 29.
9. НАРБ. Ф. 7. Воп. 1. Спр. 176.
10. НАРБ. Ф. 7. Воп. 1. Спр. 425.
11. НАРБ. Ф. 7. Воп. 1. Спр. 498.
12. НАРБ. Ф. 99. Воп. 2. Спр. 335.
13. Гражданский кодекс БССР. Минск: Издательский подотдел отдела законодательных предположений НКЮ БССР, 1927.
14. Грамадзянскі кодэкс БССР: [са зменамі з 1927 па 1-е лістапада 1932 г.]. Мінск: НКЮ БССР, 1932.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЦЕНТРА ДОКУМЕНТАЦИИ «НАРОДНЫЙ АРХИВ» МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИВНОГО ИНСТИТУТА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Д. А. Якуш

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dimaakus6@gmail.com

Народный архив, открывшийся в Москве в 1988 г., был интересным явлением не только в архивной, но и в исторической среде. Данное учреждение смогло за годы своего существования собрать интереснейший массив данных, который можно увидеть в нескольких публикациях. Однако после его закрытия интерес к сохранившейся информации резко упал. При этом про сам архив вспоминают и современные исследователи, которые изучают вопросы микроистории, социальной памяти и др. В статье приведено описание работ, в которых оценивается деятельность Народного архива.

Ключевые слова: Народный архив; микроистория; современная историография.

ACTIVITIES OF THE DOCUMENTATION CENTER «PEOPLE'S ARCHIVE» OF THE MOSCOW STATE HISTORICAL AND ARCHIVE INSTITUTE IN MODERN HISTORIOGRAPHY

D. A. Yakush

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, dimaakus6@gmail.com*

The People's Archive, which opened in Moscow in 1988, was an interesting phenomenon not only in the archival environment, but also in the historical one. This institution has been able to collect an interesting array of data over the years of its existence, which we can see in several publications. However, after its closure, interest in the preserved information fell sharply. At the same time, the archive itself is also remembered by modern researchers who study the issues of microhistory, social memory, etc. The article provides a description of the works that evaluate the activities of the National Archives.

Keywords: People's Archive; microhistory; modern historiography.

В современной исторической науке уже несколько десятилетий существует и развивается направление – микроистория. Она изучает повседневную жизнь и ментальность «простого человека». При этом данное направление имеет потребность в источниках, которые как раз и демонстрировали бы жизнь простых людей. Если в западных странах существует ряд центров по сохранению истории отдельных людей (в качестве примера можно привести Национальный архив дневников в Италии и др.), то в постсоветских странах подобные центры отсутствуют.

Тем не менее ещё в период существования СССР, во времена перестройки, был создан Центр документации «Народный архив». Он являлся независимой общественной организацией, которая была образована в Москве в 1988 г. по инициативе группы преподавателей и студентов Московского государственного историко-архивного института для принятия на хранение материалов о жизни рядовых граждан СССР. Финансовую поддержку этому проекту оказал Советско-Американский фонд «Культурная инициатива». Инициативной группой, возглавляемой профессором МГИАИ Б. С. Илизаровым, была разработана концепция сбора, сохранения и научного использования массива документов по истории семьи, быта, социальной психологии, неформальных организаций [1, с. 168–169]. В структуру архива входили:

Отдел личных фондов, в котором хранились личные и семейные архивы, отражавших жизнь разнообразных социальных групп. Фонды были сформированы по коллекционному принципу, из-за небольшого объема и однородности состава дел;

Отдел неформальных организаций, собирающий с 1989 года документы по политической истории СССР. Он состоял из архивов редакций независимых изданий, политических, культурных, экологических и религиозных обществ и движений, личных фондов участников диссидентского движения в СССР;

Отдел устных мемуаров и свидетельств, включавший десятки воспоминаний участников исторических событий, деятелей культуры, науки и искусства и материалы проведенных журналистами опросов представителей маргинальных слоев общества;

Отдел массовых источников, объектом сбора и исследования которого стали ранее уничтожавшиеся письма граждан в редакции периодических изданий, представляющие социологическую и историческую ценность [1, с. 169–170].

Как видно, все эти отделы занимались приемом документации, которая почти не хранилась в государственных архивах. При этом характерной особенностью хранящихся в ЦДНА фондов было то, что в них концентрировались документы на различных материальных носителях. По состоянию на 1998 г. уже было собрано более 470 архивных фондов и коллекций, более 100 тыс. дел и значительное количество россыпи. К моменту прекращения деятельности «Народного архива» в нем было сосредоточено около 300 тыс. единиц хранения на бумажной основе, 40 тыс. фотографий и рисунков, несколько сотен аудио и видеозаписей. Помимо этого, имелись отдельные экземпляры вещественных источников, в частности, тюремная роба известного правозащитника Валерия

Федоровича Абрамкина и оторванное крыло от танка, который в августе 1991 г. был введен в Москву по распоряжению ГКЧП [1, с. 170].

Архиву сначала выделили помещение на Никольской улице. Наиболее активно он комплектовался в период 1989–1996 гг. Но начались серьезные проблемы организационного и финансового характера. Переход к рыночной экономике привел к резкому росту платы за арендуемые площади, коммунальные услуги, расходные материалы и технику. Негативно сказался дефолт 1998 г., из-за чего благотворительные пожертвования существенно сократились. Самым пагубным стал кадровый кризис. Текучка кадров обуславливалась разными причинами, прежде всего низким уровнем оплаты труда квалифицированных специалистов. В результате осталось всего пять-шесть человек пенсионного возраста. Затем в начале 2000-х гг. городские власти предоставили центру две трехкомнатные квартиры в жилом доме в Костомаровском переулке [2, с. 116]. В 2006 г. архив был передан в Российский государственный архив новейшей истории.

Использование исследователями материалов, хранившихся в «Народном архиве», началось ещё в период существования центра. Были подготовлены статьи Е. Сенявской [3], И. Е. Горяева [4], Б. Илизарова [5] и др. [6]. Также материалы коллекции были использованы при подготовке диссертации Л. П. Афанасьевой [7] и монографии Н. Н. Козловой [8] и др. В этих публикациях можно видеть разнообразные направления исследований и активнейшее использование материала из архива.

Одной из первых работ, появившихся уже после ликвидации архива, стала монография Б. С. Илизарова, большую часть которой составляют рассказы и статьи, созданные на основе материалов центра. Практически на 300 страницах рассказываются истории совершенно разных людей, которые не имеют между собой ничего общего, кроме того факта что их (или про них) документы хранились в «Народном архиве» [9, с. 15–327]. Другой книгой того же автора, изданной уже в 2014 г., является работа, которая по сути стала переизданием «Прецедента Лазаря» [10].

Материалы архива активно использовались Н. А. Булычевой при написании диссертации. Среди источников – письма в редакции профильных журналов, для того чтобы понять и узнать мнение преподавателей о тех реформах, которые проводились в исследуемый период [11]. Присутствуют работы, раскрывающие историю создания и особенности «Народного архива». К их числу относятся статьи В. В. Алексеева [1], Н. С. Тарховой [12]. В коллективной монографии «Эго-документы: Россия первой половины XX века в межисточниковых диалогах» один из авторов (Н. В. Веселков), говорит о значении и самобытности российского Народного архива. Он обращает внимание на

влияние этого учреждения на Степана Подлубного и Евгении Киселевой, работы которых легли в основу исследований «советской субъективности» [13, с. 192–194].

Отдельно выделим «Бюллетень №4 Российские архивы в гостях у Германского исторического института в Москве. Материалы архивного коллоквиума ГИИМ 2006–2010». В нём присутствуют публикации, в которых упоминается Народный архив. Он характеризуется как новая составляющая Российского государственного архива новейшей истории, занявшая «пустовавшую до того нишу в структуре официального комплектования архивов – он специализировался на сборе источников и информации, отражающей жизнь простых людей» [2, с. 14]. В стенограмме архивного коллоквиума от 10 апреля 2008 г., в котором участвовал и Б. Илизаров, говорится об идее «Народного архива», его организации и научной перспективе, несмотря на закрытие центра [2, с. 115–121].

В статье Е. А. Мельникова повествуется о движении «поисковиков» (это люди ищущие захоронения периода Великой Отечественной войны), их возникновении, взаимодействием с властью. «Народный архив» же связан с целым рядом событий и публикаций, которые «сделали память и забвение главными категориями в обсуждении прошлого в целом и мемориальной политики в частности» [14, с. 10]. В статье И. К. Капран упоминается центр документации, как место хранения большого количества личных и семейных архивов. При этом отмечается также влияние центра на деятельность Н. Н. Козловой через предоставление материалов для её работ [15, с. 45].

Отметим, что в Беларуси существует свой «Народный архив». Речь идет о хранящейся в Национальном архиве Республики Беларусь «Коллекции документов “Народный архив”» (фонд № 1527). Всего фонд насчитывает 156 дел (622 документа), созданных в промежутке 1987–2014 гг. Идея создания фонда связана с деятельностью в 2008 г. В. В. Скалабана и редакции газеты «СБ. Беларусь сегодня». Была объявлена акция «Соберем “Народный архив Беларуси” вместе!». Люди могли отправить в редакцию газеты свои документы, которые будут изучаться специалистами. Те из них, которые представляют интерес, приняты на хранение в Национальный архив Республики Беларусь, а самые уникальные – опубликованы в газете [16].

Подводя итоги, отметим, что деятельность «Народного архива» в период его существования была эффективной. Сотрудники центра смогли сохранить большое количество материала, часть которого легла в основу разнообразных работ. Данное учреждение стало полезным опытом для всей

архивной системы России и кладезем информации по микроисторическим исследованиям.

Библиографические ссылки

1. Алексеев В. В. Центр документации «Народный архив» – незавершенный эксперимент по созданию документального хранилища нового типа // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Изд-во “Этерна”». 2017. С. 168–174.
2. Бюллетень №4 Российские архивы в гостях у Германского исторического института в Москве. Материалы архивного коллоквиума ГИИМ 2006–2010. / под ред. А. Доронина. Германский исторический институт в Москве, 2010. 144 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00011343. Дата доступа : 16.04.2023.
3. Сенявская Е. Александр Жиглинский. Нас соединил долг и общее дело: Письма с неизвестной войны // Красная звезда. 1993. 9 октября. С. 4.
4. Горяев И. Е. Судьбы Людские // Репрессированная наука / Под. общ. ред. М. Г. Ярошевского. Вып. 2. СПб.: Наука, 1994. С. 252–268.
5. Илизаров Б. Росток генеалогического дерева // Знание-сила. 1998. № 9–10. С. 94–98.
6. «Петля затягивается... «Из дневника Степана Филипповича Подлубного» // Знание-сила. 1998. № 2. С. 27–31.
7. Афанасьева Л. П. Личные архивы и коллекции деятелей диссидентского движения России в 1950–80 гг.: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. М.: Рос. гос. гуманитарный ун-т, 1996.
8. Козлова Н. Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Издательство «Европа». 2005.
9. Илизаров Б. С. И слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива. М. ; СПб.: Летний сад, 2007.
10. Илизаров Б. С. Народный архив. Живые голоса эпохи. М.: Вече, 2014.
11. Булычева Н. А. Государственная власть и педагогическая общественность СССР в условиях реформирования системы народного образования: 1985–1991 гг. : дис... кандидата исторических наук. Астрахань : Астрахан. гос. ун-т., 2012.
12. Тархова Н. С. «Ни одно научное учреждение не даст того, что может дать архив с его документальным богатством». Воспоминания историка-архивиста, археографа // Отечественные архивы 2021, № 2. С. 88–113.
13. Эго-документы: Россия первой половины XX века в межличностных диалогах: [коллективная монография] / под ред. М. А. Литовской и Н. В. Суржиковой; Институт истории и археологии УрО РАН. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2021.
14. Капран И. К. Нужны ли публикации семейных архивов? // История и архивы. Российский государственный гуманитарный университет 2016, № 4 С. 9–16.
15. Мельникова Е. А. Руками народа: следопытское движение 1960–1980-х гг. в СССР // Антропологический форум. 2018. №37. С. 20–53.
16. Макаренко Е. А. Соберём «Народный архив Беларуси» вместе! // Архіўны дыялог: зборнік артыкулаў. Вып. 1 / рэдкал.: А. К. Дземянюк (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск: Колорград, 2023. С. 240–245.

ЭТНАКУЛЬТУРНАЯ І АРХЕАЛАГІЧНАЯ СПАДЧЫНА

БЕЛОРУССКИЙ ТУРИЗМ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НАПРАВЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л. С. Иваничева

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4 220030, г. Минск, Беларусь, ivanich@bsu.by

Туризм обычно рассматривается как явление, для процветания которого необходим мир. Несмотря на данное утверждение туризм существовал не только в мирное время, но и в кризисные времена. Наследие войны само по себе является мощной достопримечательностью не только из-за любопытства путешественников, но также по причинам совершения паломничеств и вопросам сохранения культурного наследия. Вторая Мировая война оказала значительное влияние на развитие туризма во многих европейских странах, став триггером для развития массового туризма в послевоенный период. Во время войны туристическая индустрия была остановлена или сильно ограничена из-за мобилизации населения, военных действий, миграционных процессов и других факторов, связанных с кризисом. Несмотря на весь масштаб событий, происходящих в период в 1939–1945 гг., тема «войны и туризма» в данный период варьируются несколькими исследованиями, еще меньшим количеством монографических работ и тематическим выпуском журнала (*International Journal of Tourism Research* (2006)). В статье, для создания всеобъемлющей и целостной историографии туризма, рассматривается динамика исследований в области туризма и приводятся примеры работ, которые раскрывают многогранные аспекты развития деятельности в условиях и из-за конфликта описываемого периода в европейских странах.

Ключевые слова: историография туризма; военный туризм; направление исследований.

TOURISM DURING WORLD WAR II: DIRECTIONS OF FOREIGN RESEARCH

L. Ivaničeva

*Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, ivanich@bsu.by*

Tourism is commonly regarded as a phenomenon that requires peace to thrive. Despite this assertion, tourism existed not only during times of calm but also during times of crises. The innate curiosity of travelers, pilgrimages, and the preservation of cultural heritage are three further compelling reasons why the war's legacy is so remarkable. The Second World War had a considerable impact on the development of tourism in many countries across the world, serving as an impulse for the post-war development of mass tourism. The tourism business was halted or severely restricted during the war because of civilian mobilization, military activities, migration patterns, and other crisis-related issues. Despite the scope of events that occurred between 1939 and 1945, the concept of «war and tourism» in this period is represented by several studies, even fewer monographic works, and a few special issues of periodicals

(International Journal of Tourism Research (2006)). The article examines the dynamics of tourism research and provides examples of works that reveal the multifaceted aspects of the activities' development in the conditions and because of the conflict of the stated period to create a comprehensive and holistic historiography of tourism.

Keywords: historiography of tourism; military tourism; directions of research.

Мини-сериал «Картина мира» (англ.: *The World at War*) был снят в 1973 г. режиссером Дэвидом Эльштейном и рассказывает о Второй мировой войне с помощью архивных материалов, интервью с участниками войны и экспертами, затрагивая различные аспекты войны, включая влияние конфликта на туризм. Серии «Возвращение» (англ.: *Reckoning (April 1945)*) и «После войны» (англ.: *Remember*) кратко описывают влияние войны на туризм в Европе, как он был нарушен, происходило сокращение количества туристических поездок и закрытие многих курортов. Также рассказывается, как после войны развивалась туристическая деятельность, когда страны Европы начали восстанавливать свою инфраструктуру и привлекать иностранных туристов. Несмотря на то, что сериал не посвящен конкретно туризму, он содержит сцены и истории, которые отражают влияние войны на отрасль и привлекают внимание к тому, как война повлияла на жизнь людей и европейскую экономику, включая туризм.

Во время Второй мировой войны европейский туризм претерпел серьезные изменения. Война исказила туристическую картину, что привело не только к сокращению туристических потоков, но и изменению туристических мотиваций и, по сути, к изменениям в туристической инфраструктуре:

1. война ограничила возможности для путешествий и поездок (большое количество людей было призвано на передовую, а многие европейские страны ввели жесткие ограничения на передвижение граждан, что привело к сокращению международного и внутреннего туризма);

2. страны использовали туризм и путешествия в пропагандистских целях (правительственные и туристические организации предлагали специальные туры и маршруты, которые позволяли продемонстрировать процветание и силу страны, включая посещение военных объектов, пропаганду военных достижений и демонстрацию единства);

3. люди были вынуждены покинуть свои дома и искать безопасное место для проживания, что привело к появлению временного «переселенческого» туризма;

4. причины, по которым совершались путешествия, также изменились (раньше туристические поездки были связаны с отдыхом, развлечениями и посещением культурных достопримечательностей), теперь они были

связаны с военными мероприятиями или эвакуацией, возрос интерес к истории войны и увеличился спрос на безопасные и защищенные места для временного проживания);

5. во время войны туристическая инфраструктура значительно пострадала и/или была разрушена, что привело к сокращению туристической базы и необходимости ее восстановления после войны.

Идея о том, что война и туризм всегда противоречат друг другу, и что война обязательно приводит к снижению или прекращению туризма, является неправильной. Последствия войны для туризма гораздо более сложны и могут носить как отрицательный так и положительный характер [1]. Отметим, что концепция «туризма как жизненно важной силы мира» и сама идея о том, что это полезно для обеих сторон, являются взаимозависимыми [2–4]. Противоположное мнение о том, что туризм может существовать во время войны, в некоторой степени верно, но туризм редко «работает» одновременно с кризисными ситуациями.

Туризм горя стал одним из основных видов туризма в послевоенный период, включая «танатуризм» или «темный туризм» – места и маршруты, связанные с памятью о сражениях и концентрационных лагерях.

В исследованиях военного туризма как социального феномена выделяются следующие этапы: ожидание конфликта, также называемого «ложной войной», подготовка к конфликту, конфликт и последствия, включая воспоминания о путешествиях во время военных действий.

Туризм в период Второй мировой войны – это область исследований, которая вряд ли является новой. Но, несмотря на обширную литературу по туризму, военному делу и его истории, взаимосвязь между ними изучена относительно мало. Слишком часто история туризма в XX в. изображается как остановившаяся в 1939 г. и возобновившаяся снова после 1945 г. В описываемый период путешествия и туризм в Европе, несомненно, сократились, хотя движение грузов между некоторыми странами увеличилось, транспортные связи были ужесточены. Воздушные, морские и железнодорожные перевозки через границы были ограничены. Грузовые, а также военные и правительственные перевозки составили большую часть пропускной способности системы. Каждая страна ужесточила контроль за границей. Продолжались деловые поездки, но только при наличии дополнительной документации и официального участия. Финансовый контроль был ужесточен, чтобы значительно ограничить отток иностранной валюты.

Как ни парадоксально, но в таких странах Европы как Великобритания, Германия, Италия, Франция, и некоторых других, принимавших участие во Второй мировой войне, туризм, внутренний туризм продолжал свою деятельность, пусть и немного ограниченно, создавая тематику для дальнейших исследований. Так, например, туристический офис Германии (нем.: *Deutsche Reisebüro*), продолжал предоставлять информацию и услуги для туристов, как внутри Германии, так и за ее пределами, несмотря на то, что активность и масштаб работы были значительно сокращены, особенно после начала войны; главная задача французского туристического офиса (франц.: *Office National du Tourisme*) состояла в поддержке национального туризма и информировании официальных туристических маршрутов и достопримечательностей; туристический офис Великобритании (англ.: *British Travel Association*) сосредоточился на национальном туризме и поощрял отдых и путешествия внутри страны; во Флоренции (Италия) - туристический офис Флоренции предоставлял в основном информацию и помощь туристам, посещающим город и его окрестности.

Помимо этого, с туризмом, возникшим во время войны, связана ситуация, когда туризм начинается или растет, в то время как война происходит в районах, вовлеченных в сам конфликт:

«Туризм, связанный с войной, осуществляется не только постфактум, у мемориалов и памятников; это выходит за рамки туризма на поле боя и включает туризм во время самой войны. Как показывает пример путеводителя Мишлен 1942 года¹ по Оверни, туризм во Франции продолжался в период с 1939 по 1945 годы, хотя явно были изменения и ограничения. Для многих во Франции, несмотря на войну, поражение и военную оккупацию, жизнь продолжалась благодаря досугу, который часто включал туризм. Программа оплачиваемых отпусков 1936 года оставалась в силе во время войны, и многие ею воспользовались...²»[5].

Время было одним из факторов, сдерживающих международный и внутренний туризм. Несмотря на то, что большинство людей были заняты военными действиями, и туризм не был приоритетной деятельностью, были созданы программы для организации отдыха и развлечений военнослужащих и подобное продолжение активности на фоне законодательной инициативы нашло свое отражение в работе Г. Бертрама, «взгляде туриста» немецких солдат на оккупированной ими же территории:

¹ Зеленый гид Мишлен – туристический путеводитель, выпускаемый французской фирмой Michelin с 1900 г. (официально, под этим названием – с 1958 г.).

² Здесь и далее перевод Л. С. Иваничевой.

«Большинство немецких солдат ведут себя как наивные туристы, и это стало приятным сюрпризом для парижан. Это кажется забавным, но каждый немецкий солдат носит с собой фотоаппарат. Сегодня я видел их тысячами, фотографирующих Нотр-Дам, Триумфальную арку... Тысячи немецких солдат весь день собираются у Могилы Неизвестного солдата, где под аркой до сих пор горит пламя. Они обнажают свои белокурые головы и стоят, глядя...» [6–8].

Как видим, в некоторых случаях туризм был разрешен или даже стимулировался в рамках пропаганды или укрепления морального духа военных, как отмечалось ранее. В Великобритании, по аналогу американской концепции «staycation» 1930-х гг., было создано движение «Отпуск дома» (англ.: *Holiday at Home*), которое призывало британцев отдыхать и проводить время в своих собственных городах и стране, вместо того чтобы путешествовать за границу.

Несмотря на отсутствие фундаментальных исследований туризма в период Второй мировой войны, одновременно с появлением вопросов «мобилизации», «миграционной активности» стирались традиционные грани процесса туристизации. Из социально-экономического феномена туризм превратился в изолированную и ограниченную отрасль. Вместо того, чтобы привлекать туристов, объекты служили военным целям. В течение этого периода основными предметами исследований в области туризма становились: 1) вопросы, касающиеся туристических объектов, которые могли быть использованы военными, такие как географические особенности и инфраструктура курортов, места для размещения войск и тактические преимущества, которые могли быть получены от использования туристических объектов; 2) работы, касающиеся влияния войны на экономику и туристическую индустрию (как военные действия и ограничения влияют на потоки туристов, экономическую активность и развитие туристических регионов, возможные методы поддержки туризма во время войны) [9–12]. «Высокий туризм» в годы войны все больше и больше проникся духом рискованности и чрезмерной лаконичности, намечая лишь основные контуры для развития внешнего и внутреннего туризма и его активности.

Для понимания новых характеристик туризма требуется перестройка на другие источники информации, чуть ли не единственного источника информации по данному вопросу. Это-документы, характерные стремлением к созданию индивидуальной модели прошлого на фоне общей картины действительности, стали почти ежедневными источниками

информации по данному вопросу. К сожалению, эффективность таких текстов часто зависит от социального положения авторов. Таким образом, мемуары и другие эго-документы, написанные политиками и учеными, обычно носили внебытовой характер. Несомненный интерес представляют автобиография политика У. Черчилля, воспоминания Ш. дэ Голя, Ж. Ш. Клемансо, В. М. Молотова и др.

Значительно более богаты информацией о специфике туризма того периода эго-документы писателей. Литературные произведения, в которых описываются впечатления от путешествий через различные европейские страны, происходит столкновение с предвестниками войны, с разрушениями и моральными дилеммами, и как итог, изменениями обычного туристического опыта, в данном случае, помогают восполнить существующий пробел: «Время подарков» (англ.: *The Time of Gifts*) П. Ли Фермора, «Дневник Анны Франк» (англ.: *The Diary of a Young Girl*) А. Франк, «Записки из Третьего рейха. Жизнь накануне войны глазами обычных туристов» (англ.: *Travelers in the third reich: The Rise of Fascism Through the Eyes of Everyday People*) Дж. Бойд и т. д.

В целом, воспоминания писателей, которые относятся к мемуарному жанру, обладают рядом свойств. По словам филолога Т. М. Колядича, писатели уделяют большое внимание созданию фактической основы и детализации повествования. Это делает беллетризованные мемуары, которые, как правило, представляют собой литературные эссе с элементами воспоминаний, более ценными, поскольку они помогают воссоздать, в частности, детали жизни туристов во время Второй мировой войны [13]. Несомненно, литературные произведения могут помочь заполнить пробелы в знании в тех случаях, когда научные исследования недостаточны или недоступны. Идея о том, что искусство может помочь нам вспомнить прошлое, была поддержана историческим сообществом [14–18].

Информация, собранная и обобщенная в статье, подтверждает, что туристический образ жизни в конце 1930-х и середине 1940-х гг. в европейских странах был определен общественными устремлениями в условиях повседневной милитаризации. Период Второй мировой войны и последовавшие за ним изменения в туризме происходили в условиях постоянной активности – туристы нашли способ проводить время в условиях «маршрутного дефицита», несмотря на ограничения, введенные нормативными установками и запретами. Зарубежные исследователи и писатели, чаще всего, вербализировали и визуализировали измененные представления о туризме.

Библиографические ссылки

1. Kelly I. Peace through tourism: a SWOT analysis // IPT Occasional Paper 2. 1999. Mode of access: [www. iipt. org](http://www.iipt.org). Accessed 12 Jul. 2023.
2. Brown, F. Is Tourism Really a Peacemaker? // *Tourism Management*. 1989. PP. 270-271. DOI: 10. 1177/004728759803700108.
3. D'Amore L. J. Tourism: a vital force for peace // *Tourism Management*. 1988. № 9(2). PP. 151–154. [https://doi. org/10. 1016/0261-5177\(88\)90025-8](https://doi.org/10.1016/0261-5177(88)90025-8).
4. Litvin, S. W. Tourism: the world's peace industry? // *Journal of Travel Research*. 37. 1998. PP. 63–66. DOI: 10. 1177/004728759803700108.
5. Bertram M. G. The French as Tourists in Their Occupied Country // *War Tourism: Second World War France from Defeat and Occupation to the Creation of Heritage*, Cornell University Press, 2018, PP. 64–98. DOI:10. 7591/cornell/9781501715877. 003. 0003.
6. Baum T. Development of Tourism Hospitality and Leisure // *Human Resource Management for Tourism, Hospitality and Leisure*. London: Tomson. 2006. p. 34.
7. Lambert T. A Brief History Of Holidays: Holidays in the 20th Century. Mode of access: [http://www. localhistories. org/holidays. html](http://www.localhistories.org/holidays.html). Date of access: 12 Jul. 2023.
8. Bertram M. G. Introduction: Tourism, Aesthetics, and War // *War Tourism: Second World War France from Defeat and Occupation to the Creation of Heritage*. Cornell University Press. 2018. PP. 1–19. DOI:10. 7591/cornell/9781501715877. 003. 0009.
9. Cohen E. A Phenomenology of Tourist Experiences // *Sociology*. 1979. № 13 (2). PP. 179–201. DOI: 10. 1177/003803857901300203.
10. Walter T. War grave pilgrimage. *Pilgrimage in Popular Culture*. New York: Palgrave. 1993. PP. 63–91.
11. Tarlow P. Dark tourism – the appealing «dark» side of tourism and more // *Niche Tourism: contemporary issues, trends, and cases*. Amsterdam: Elsevier. 2005. PP. 59–72.
12. Reisinger Y., Turner L. W. *Cross-Cultural Behaviour in Tourism: Concepts and Analysis*. Oxford: Butterworth Heinemann. 2003. DOI: 10. 1002/jtr. 463.
13. Колядич Т. М. Воспоминания писателей: проблемы поэтики жанра. М., 1998.
14. Зверев, В. В. Новые подходы к художественной литературе историческому источнику // *Вопросы истории*. 2003. № 4. С. 161–165.
15. Иггерс Г. Г. История между наукой и литературой: размышления по поводу историографического подхода Хейдена Уайта // *Одиссей: Челове в истории*. М., Наука. 2001. С. 140–154.
16. Предтеченский А. В. Художественная литература как исторический источник // *Вестник Ленинградского государственного университета*. Серия истории, языка и литературы. Вып. 3. № 14. 1964. С. 76–84.
17. Шмидт С. О Историографические источники и литературные памятники // Шмидт С. О. *Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии*. М., 1997. С. 98–108.
18. Шмидт С. О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // *Отечественная история*. 2002. № 1. С. 40–49.

ПАМЯТЬ ОБ АНТИФАШИСТСКИХ ПОДПОЛЬЩИКАХ В УРБАНИСТИКЕ МИНСКА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ И ПАТРИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

А. А. Приборович, В. А. Будницкий

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, priborovich@gmail.com*

В условиях трансформации мирового культурного пространства в сторону упрощения моральных принципов общества и стирания национальных ценностей перед отечественной системой образования возникает необходимость качественного обновления сложившихся технологий культуры памяти (мемориализации) событий Великой Отечественной войны с помощью более широкого обеспечения учащихся информацией справочного характера. Важным условием в достижении этой цели выступает использование современных методик преподавания отечественной истории и воспитательной работы. В статье рассматриваются образовательный и патриотический аспекты культуры памяти об антифашистских подпольщиках в урбанистике г. Минска. Выводы статьи убеждают, что в условиях тотального господства цифровых ресурсов для современного учащегося важным является разработка ёмких и внешне привлекательных информационных материалов справочного характера, имеющих как печатную, так и электронную формы визуализации.

Ключевые слова: антифашистские подпольщики; Минск; образование; культура памяти; учащиеся.

MEMORY OF ANTI-FASCIST UNDERSTANDERS IN MINSK URBAN STUDIES: EDUCATIONAL AND PATRIOTIC ASPECTS

A. A. Priborovich, V. A. Budnitsky

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
priborovich@gmail.com*

In the context of the transformation of the world cultural space in the direction of simplifying the moral principles of society and erasing national values, the domestic education system faces the need for a qualitative update of the existing technologies of the culture of memory (memorialization) of the events of the Great Patriotic War with the help of a wider provision of students with information of a reference nature. An important condition for achieving this goal is the use of modern methods of teaching national history and educational work. The article deals with the educational and patriotic aspects of the culture of memory of anti-fascist underground workers in the urban area of Minsk. The conclusions of the article convince us that in the conditions of the total domination of digital resources, it is important for a modern student to develop capacious and outwardly attractive reference information materials that have both printed and electronic forms of visualization.

Keywords: anti-fascist underground workers; Minsk; education; culture of memory; students.

В 2023 г. патриотическому воспитанию молодёжи в Беларуси уделяется большое внимание. Практически в каждом еженедельном обзоре

отечественных СМИ есть место сообщениям о важности патриотизма в сплочении белорусского народа как перед внешними, так и перед внутренними угрозами.

Говоря о патриотическом воспитании ребят, в первую очередь необходимо отметить, что такое патриотизм. Чаще всего под понятием «патриотизм» подразумевается чувство гордости за свою Родину, её историю и успехи, а также желание сделать свою страну благополучной, а её народ счастливым. В этом аспекте патриотическую работу следует считать важным компонентом целенаправленного воспитания молодёжи как достойного правопреемника нашего народа.

В рамках патриотического воспитания в Беларуси особое место отводится направлению, связанному с традициями и символикой. При этом значимая роль в этой системе патриотического воспитания отводится использованию государственной символики (прослушивание гимна, поднятие флага). Однако, по мнению авторов статьи, применение на постоянной основе только одних форм патриотической работы с молодёжью приводит к ритуализации самого процесса воспитания. Современное поколение молодежи – это личности, чьё мировоззрение сформировалось под воздействием ярких и динамических цифровых образов глобальной сети [1]. В этом и кроется определённая проблема, связанная с тем, что свобода действий (потребления) в сети Интернет стирает само понятие какого-либо «порядка». Ритуализация для молодого поколения – это очередной «скетч», который нужно быстро пройти (проиграть) и забыть. От этого уже невозможно уйти, так как цифровизация белорусского общества подтолкнула к трансформации традиционных ценностей [2]. Например, события 2020 г. в Беларуси показали, как быстро может меняться у общества «палитра» национальных концептов. При этом искать среди отечественных идеологов пропагандистов, виновных в упущенном, не стоит.

Ещё раз рассмотрим ключевое понятие статьи. Патриотическое воспитание молодёжи – воспитание любви ребят к родным местам и формирование чувства своей неразрывной связи с историей своего народа (земляков). Сегодня значительно возросла роль учреждений образования (УО), в чьих учебных программах особое место уделено становлению патриотов Беларуси. Главная цель воспитательной работы в образовательном учреждении – создание условий для активного гражданско-патриотического развития и творческой самореализации учащегося.

Отметим, что в Беларуси сформировалась определённая культура памяти о Великой Отечественной войне, которая является одним из компонентов национальной идеологии. В школах, гимназиях и др. УО

страны обучающиеся начинают осознавать значимость исторических событий и включаться в процесс практик по увековечиванию и мемориализации тех событий. Мероприятия, посвящённые памяти героев и жертв войн, являются неотъемлемой частью деятельности учебных заведений. Преподаватели составляют авторские программы, направленные на организацию деятельности ребят в различных формах: конкурсы, беседы, встречи, вебинары и т. п. Эти мероприятия способствуют формированию у молодёжи правильного отношения к событиям войны.

В коммеморации (мемориализации) истории подпольного и партизанского движения в Беларуси особое внимание уделяется посещению мест и объектов памяти. За каждым учреждением образования закреплено шефство над памятным местом, которое в течение учебного года посещает молодёжь. Однако неравномерная плотность размещения учебных заведений и соответственно объектов мемориализации приводит к ритуализации самой идеи увековечения памяти об героях и жертвах войны. Нередко просматривая фото проведённых мероприятий по культуре памяти на интернет-ресурсах УО, авторы статьи заметили, что ребята посещают одни и те же места, при этом всё это напоминает лишь «ритуал». Справедливо отметить, что об этой проблеме знают научные и управленческие сообщества Беларуси. Министерство образования Беларуси и его областные институты, в сотрудничестве с местными исполнительными органами власти, БРСМ и центрами экологии и краеведения проводят работу по рационализации дестинации (размещения) объектов мемориальной памяти.

Для решения обозначенной выше проблемы авторами статьи построена картографическая модель, в которой наглядно визуализировано расположение мест памяти об антифашистских подпольщиках с учётом административного деления г. Минска. Отметим, что город Минск был выбран в качестве примера, так как это самый крупный населённый пункт Беларуси и одновременно этот город, ставший одним из главных символом героизма белорусского народа в годы Великой Отечественной войны.

Не вдаваясь в подробности технологии разработки картографической модели (более подробно она изложена в предыдущих статьях [3]), отметим, что в результате анализа модели удалось выяснить следующее. В Минске около 130 мемориальных мест и объектов памяти о подпольщиках в годы войны: мемориальных досок – 48 ед.; улиц – 39 ед.; памятных знаков – 7 ед.; бюстов – 6 ед.; переулков – 5 ед.; учреждений образования, носящих имена подпольщиков – 4 ед.; памятников – 4 ед.; братских могил – 2 ед.; остальное – аллея, учреждение здравоохранения, завод, площадь, проспект, сквер, детская железная дорога, музей, музейная комната. Также удалось выяснить, что сплошная мемориализация антифашистского подполья в

Минске прошла в 1960-1970-е гг., что было связано как с всесоюзным ростом строительства мемориальных памятников и увековечением героев войны в элементах городской инфраструктуры, так и с необходимостью обоснования присвоения Минску почетного звания Города-героя. Размещение мемориалов в указанные годы происходило от центра к внешним границам города. С расширением территории города происходило создание мест и объектов памяти во Фрунзенском, Заводском, Октябрьском, Первомайском районах столицы. В центральной части города как правило происходило увековечение реальных мест, связанных с подпольным движением – явочные и конспиративные квартиры подпольщиков, места казней, места проживания бывших подпольщиков после войны и пр. С 1980 г. обозначенная тенденция сохранилась и сегодня. С ростом города часть мемориалов исчезла, либо была трансформирована в небольшие скульптурные композиции или информационные таблички. Установлено, что появление мемориальной доски в честь подпольщика происходило одновременно с увековечением его имени в названии улицы, переулка, учреждения или в течение года (двух).

Анализ картографической модели выявил ряд качественных и количественных закономерностей, которые следует учитывать при дальнейшем обосновании мемориализации в городе событий войны. Установлено, что в ряде микрорайонов Минска (Малиновка, Серебрянка, Юго-Запад, Шабаны, Чижовка) недостаточное количество мемориалов, увековечивающих подвиг подпольщиков. Данная картографическая модель положительно влияет на общий туристический потенциал города. Пользователи этой модели могут проложить экскурсионные маршруты как по районам Минска, так и в зависимости от заданных координат своего передвижения по городу. Кроме этого, возможности модели гораздо шире. Считаем необходимым использовать модель управления образования администраций районов столицы, которые смогут качественно изменить подход в посещении мест памяти учащимися. Собранные нами сведения стали основой, для разработки интерактивной карты «Памятные места г. Минска: к истории антифашистского подполья», которая в будущем найдёт интерес среди пользователей сети Интернет. Для реализации указанной идеи уже создан в текстовом варианте одноименный проект справочного пособия.

Проект пособия является попыткой практического решения назревавшей в белорусском обществе проблемы, связанной с ритуализацией культуры памяти событий Великой Отечественной войны и патриотическо-воспитательной работой в УО. Помимо учащихся и учителей данное справочное пособие адресовано всем, кого интересует история войны. Целесообразность такого пособия связана также с тем, что Указом

Президента Республики Беларуси 2023 г. объявлен Годом мира и созидания. Выполняя требование Главы Беларуси, в начале года Совет Министров утвердил соответствующий план действий, в который вошло 68 мероприятий, направленных на консолидацию белорусского общества на основе идей мира и созидания, совершенствование системы военно-патриотического воспитания населения и др. Считаем, что описываемый проект имеет конкретное прикладное значение по выполнению задач, поставленных Главой государства на этот год.

Исторические сведения, собранные в справочном пособии, являются информативными и ёмкими для изучения. Основным новшеством, применённым в пособии, является то, что его содержание визуализировано в интерактивной карте. Сочетание справочного пособия и электронной карты позволяет читателю (пользователю) лучше изучить историю минского подполья, так как в карте широко представлен иллюстративный материал, а в пособии – текстовый [4].

Таким образом, обеспечение учащихся информацией справочного характера по истории войны является одним из главных способов патриотического воспитания белорусского общества. Мы уверены, что тематическая интерактивная карта «Памятные места г. Минска: к истории антифашистского подполья» и одноимённое справочное пособие позволят облегчить процесс воспитания молодого поколения и продолжить работу по увековечению памяти героев прошедшей войны.

Библиографические ссылки

1. Приборович А. А. Аспекты визуализации исторической информации в e-learning // Пічэтаўскія чытанні – 2022: універсітэты і архівы як састаўныя элементы экалогіі культуры. Мінск: БДУ, 2022. С. 128–133.
2. Приборович А. А. Исторический источник в век цифрового контента // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. Минск, 2022. Ч. 2. С. 131–137.
3. Приборович А. А. Память об антифашистских подпольщиках в урбанистике города Минска // Архив в социуме – социум в архиве. Челябинск, 2022. С. 230–232.
4. Приборович А. А. Интерактивные карты в обучении истории Беларуси // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. научн. ст. / Полес. гос. ун-т ; под ред. В.И. Дуная, Р.Б. Гагуа и др. – Пинск : ПолесГУ, 2023. – Вып. 8. – С. 146–148.

ПЕРСПЕКТЫЎНЫЯ ВІДЫ ТУРЫЗМУ НА АСНОВЕ КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ СЯДЗІБНА-ПАРКАВЫХ КОМПЛЕКСАЎ БЕЛАРУСІ

Д. У. Філіпчык

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь,
fdv91@mail.ru*

У артыкуле разгледжаны магчымасці развіцця на аснове культурнай спадчыны сядзібна-паркавых комплексаў Беларусі розных відаў турызму. Прыведзены прыклады арганізацыі гісторыка-культурнага, гастронамічнага, адукацыйнага, прамысловага турызму з выкарыстаннем турыстычнага патэнцыялу сядзібна-паркавых комплексаў.

Ключавыя словы: сядзібна-паркавыя комплексы; гісторыка-культурны турызм, гастронамічны турызм, адукацыйны турызм, прамысловы турызм.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ВИДЫ ТУРИЗМА НА ОСНОВЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ УСАДЕБНО-ПАРКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ БЕЛАРУСИ

Д. В. Филиппик

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, Минск, Беларусь, fdv91@mail.ru

В статье рассматриваются возможности развития различных видов туризма на основе культурного наследия усадебно-парковых комплексов Беларуси. Приведены примеры организации историко-культурного, гастрономического, познавательного, промышленного туризма с использованием туристического потенциала усадебно-парковых комплексов.

Ключевые слова: усадебно-парковые комплексы; историко-культурный туризм, гастрономический туризм, познавательный туризм, промышленный туризм.

PROSPECTIVE TYPES OF TOURISM BASED ON THE CULTURAL HERITAGE OF THE ESTATE AND PARK COMPLEXES OF BELARUS

D. U. Filipchik

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus,
fdv91@mail.ru*

The article examines the possibilities of development of various types of tourism based on the cultural heritage of estate and park complexes of Belarus. Examples of the organization of historical and cultural, gastronomic, educational tourism, industrial tourism using the tourist potential of manor and park complexes are given.

Keywords: estate and park complexes; historical and cultural tourism, gastronomic tourism, educational tourism, industrial tourism.

Сядзібна-паркавыя комплексы Беларусі з'яўляюцца вельмі важнай часткай культурнай спадчыны краіны. Дадзеныя аб'екты былі цэнтрамі

палітычнага, культурнага, эканамічнага жыцця. Таму сядзібна-паркавыя комплексы варта разумець як «частку культурнага ландшафту, дзе спалучаюцца помнікі сядзібнай архітэктуры і садова-паркавага мастацтва пэўнай мясцовасці, значную для захавання і прадстаўлення гісторыка-культурнай спадчыны краіны або рэгіёну» [2, л. 47].

Сядзібна-паркавыя комплексы нельга суадносіць толькі з захаванымі пабудовамі або іх фрагментамі. Іх трэба імкнуцца ўспрымаць шырай, а менавіта як спецыфічны культурны ландшафт. Існуе вялікая колькасць падыходаў да вызначэння сутнасці культурнага ландшафта. У артыкуле будзем разумець пад ім «прыродна-культурны тэрытарыяльны комплекс, які сфарміраваўся ў выніку эвалюцыйнага ўзаемадзеяння прыроды і чалавека, яго сацыякультурнай і гаспадарчай дзейнасці і які складаецца з характэрных спалучэнняў прыродных і культурных кампанентаў, якія знаходзяцца ва ўстойлівай узаемасувязі і ўзаемаабумоўленасці» [3, с. 16].

Комплексны характар спадчыны сядзібна-паркавых комплексаў дазваляе на іх аснове развіваць розныя віды турызму. У 2023 г. пастановай Міністэрства спорту і турызму Рэспублікі Беларусь № 36 «Аб вядзенні Адзінай класіфікацыі відаў турызму ў Рэспубліцы Беларусь» было вылучана 13 відаў турызму: аграэкатурызм, актыўны, гастранамічны, дзелавы, гісторыка-культурны, лячэбна-аздараўленчы, медыцынскі, адукацыйны, паляўнічы, прамысловы, рэлігійны, падзейны, экалагічны [5]. Ніжэй разгледзім тыя віды турызму, якія маюць патэнцыял для развіцця на аснове сядзібна-паркавых комплексаў Беларусі.

Найбольш перспектыўны для развіцця на аснове сядзібна-паркавых комплексаў гэта *гісторыка-культурны турызм* пад якім, паводле пастановы, разумеецца «турыстычнае падарожжа з мэтай вывучэння гісторыі і культуры, а таксама дзейнасць па арганізацыі гэтага турыстычнага падарожжа» [5]. Сядзібы нават у самай дрэннай ступені захаванасці з'яўляюцца крыніцамі гістарычнай і культуралагічнай інфармацыі, якая можа выклікаць цікавасць у падарожнікаў. Паколькі культурнае жыццё сядзіб было вельмі разнастайна, то на аснове іх наведвання магчыма рэалізаваць амаль усю разнастайнасць разнавіднасцяў гісторыка-культурнага турызму.

Літаратурны турызм можна развіваць на сядзібах, звязаных з жыццём і творчасцю вядомых літаратараў. Так, сядзіба Багушэвічаў у в. Кушляны (Смаргонскі раён) музефікавана і расказвае пра жыццёвы і творчы шлях паэта. У той жа час аб'ект з'яўляецца прыкладам сядзібнага дома небагатай

шляхты, ілюструе маёмаснае расслаенне прывілеяванага саслоўя на беларускіх землях. Сядзіба Мінейкаў у в. Дубнікі (Астравецкі раён) звязана з творчасцю польскага пісьменніка Г. Сянкевіча, які працаваў там над раманам «Пан Валадыеўскі».

Музычная культура беларускіх зямель таксама цесна пераплецена з гісторыяй сядзібна-паркавых комплексаў. Сядзіба ў г. п. Смілавічы (Чэрвеньскі раён) звязана з родам Манюшкаў, з якога паходзіў вядомы кампазітар Станіслаў Манюшка. Будынак сядзібы знаходзіцца на рэстаўрацыі, але ў самім пасёлку ў 2017 г. адкрылася музычная гасцёўня, дзе створана спецыяльная культурная прастора з музейнай экспазіцыяй і канцэртнай залай. Адноўлены культурны ландшафт сядзібна-паркавага комплексу ў в. Залессе, дзе жыў і ствараў свае творы вядомы кампазітар і грамадска-палітычны дзеяч М. К. Агінскі.

Сядзібна-паркавыя комплексы былі цэнтрамі тэатральнай культуры. Там не толькі ставіліся п'есы еўрапейскіх аўтараў, але і творы ўраджэнцаў нашых земляў. Для гэтых мэт адводзіліся спецыяльныя памяшканні ў сядзібках або нават узводзіліся асобныя будынкі, ствараліся балетныя і тэатральныя школы, аркестры. Палацава-паркавыя комплексы Радзівілаў у Нясвіжы (Нясвіжскі раён), Сапегаў у Ружанах (Пружанскі раён) могуць спецыялізавацца на дадзенай разнавіднасці гісторыка-культурнага турызму.

Перспектыўны для развіцця на аснове сядзібна-паркавых комплексаў *гастранамічны турызм*, пад якім разумеецца «турыстычнае падарожжа ў мэтах азнаямлення з краінай, рэгіёнам, мясцовасцю праз далучэнне да нацыянальнай гастранаміі, асаблівасцей вытворчасці і прыгатавання нацыянальных страў, іншай харчовай прадукцыі, а таксама дзейнасць па арганізацыі гэтага турыстычнага падарожжа» [5].

Кухня прывілеяванага саслоўя на беларускіх землях адрознівалася багаццем мясных страў, больш складанымі рэцэптамі і спосабамі прыгатавання ежы, наяўнасцю запазычанняў і прывазных прадуктаў. Адраджэнне традыцый шляхецкага застолля, прадстаўленне іх турыстам на анімацыйных мерапрыемствах, арганізацыя дэгустацый прадстаўляюцца перспектыўнымі крокамі для развіцця гастранамічнага турызму ў сядзібна-паркавых комплексах. У адноўленых і музеефікаваных аб'ектах (Косава, Лошыца, Мір, Нясвіж) дзейнічаюць прадпрыемствы харчавання, гэтай тэматыцы прысвечаны раздзелы экспазіцыій. Парк-музей інтэрактыўнай гісторыі «Сула» ў турыстычнай дзейнасці інтэрпрэтуе традыцыі прыгатавання алкагольных напояў на сядзібных броварах. Важна, каб у

працы па інтэрпрэтацыі шляхецкай кухні спецыялісты абаяпіраліся на мясцовы матэрыял, правяраныя факты, пазбягалі містыфікацыі.

Унікальным прыкладам захавання ў жывой форме традыцый шляхецкай кухні з'яўляецца элемент нематэрыяльнай культурнай спадчыны «Традыцыя прыгатавання «Поразаўскай банкухі». Элемент у 2020 г. прызнаны нематэрыяльнай гісторыка-культурнай каштоўнасцю [7]. Па сведчаннях мясцовых жыхароў рэцэпт і традыцыю прыгатавання банкухі іх продкі перанялі ў сядзібе Бутаўт-Андрэйкавічаў «Багудзенкі» ў г. п. Поразава (Свіслацкі раён). Пры ўмове аднаўлення сядзібы адкрываюцца магчымасці для распрацоўкі розных інтэрпрэтацыйных гастронамічных праграм, звязаных з гэтай стравой.

Сядзібна-паркавыя комплексы могуць актыўна выкарыстоўвацца для адукацыйных мэт, адпаведна, і для развіцця *адукацыйнага турызму*. Гэта «турыстычнае падарожжа ў адукацыйных мэтах, а таксама дзейнасць па арганізацыі гэтага турыстычнага падарожжа» [5]. Сядзібы даюць нагляднае ўяўленне аб змяненні архітэктурных стыляў, развіцці культуры, прыродных аб'ектах і г. д. Напрыклад, на базе сядзібы Наркевічаў-Ёдкі «Наднёман» у п. Наднёман (Уздзенскі раён) мэтазгодна рэалізоўваць адукацыйныя праграмы, якія пазнаёмяць навучэнцаў з развіццём навукі і тэхнікі на беларускіх землях, дзейнасцю эксперыментатара ў галіне медыцыны, вынаходніка электраграфіі і бяздротавай перадачы электрычных сігналаў, стваральніка метэаралагічнай станцыі Якуба Атонавіча Наркевіча-Ёдкі. Фонд імя Я. А. Наркевіча-Ёдкі плануе арганізацыю на базе адноўленай сядзібы дзеючай лабараторыі, метэастанцыі, музея, стварэнне клубаў, гурткоў, цэнтраў, правядзенне летніх школ і г. д. [6].

Неад'емная частка сядзібна-паркавага комплексу – гэта гаспадарчыя і вытворчыя пабудовы. На іх аснове магчыма развіццё *прамысловага турызму*. Частка сядзібных пабудоў у савецкія гады былі мадэрнізаваны, уключаны ў новыя прамысловыя комплексы і функцыянуюць да гэтага часу. Напрыклад, у якасці філіяла ААТ «Гродзенскі лікёра-гарэлачны завод» працуе спіртзавод, заснаваны яшчэ ў 1896 г. Святаполк-Мірскімі ў г. п. Мір. У якасці філіяла таго ж прадпрыемства працуе спіртзавод у в. Варонча (Карэліцкі раён). Ён займае будынак былой сядзібы, перабудаваны ў 1898 г. пад патрэбы бровара. На базе прамысловага комплексу Горватаў у г. Нароўля працуе і прымае экскурсійныя групы ААТ «Чырвоны Мазыранін».

Значная частка прадпрыемстваў, якія выкарыстоўвалі прамысловую спадчыну сядзібна-паркавых комплексаў, спыніла сваю працу і знаходзіцца

ў закансерваваным стане. Такі лёс прамысловай спадчыны сядзіб у Карме (Кармянскі раён), Жамыслаўі (Іўеўскі раён), Лынтупах (Пастаўскі раён).

Вытворчая спадчына сядзібных комплексаў можа быць выкарыстана і для музеефікацыі з наступным уключэннем у турыстычную дзейнасць. Яскравым прыкладам служыць выкарыстанне млына сядзібы Вольскіх у в. Дворышча (Лідскі раён) для размяшчэння шматфункцыянальнага турыстычнага комплексу «Вольны млынар». Падобным чынам пасля рэстаўрацыі, якая пачалася ў 2011 г., быў выкарыстаны бровар сядзібы Багдановічаў у в. Стайкі (Вілейскі раён). Аб'ект адноўлены і прыстасаваны для аказання паслуг па арганізацыі харчавання, правядзенні мерапрыемстваў, пражыванні.

Гаспадарчыя і прамысловыя пабудовы сядзібна-паркавых комплексаў валодаюць значным патэнцыялам у перспектыве іх аднаўлення з мэтай дэманстрацыі гістарычных форм вядзення гаспадаркі (вэнджання, вытворчасці сыроў, захоўвання прадуктаў, развядзення коней і г.д.). Праца ў гэтым напрамку вядзецца ў сядзібна-паркавым комплексе Агінскіх у аг. Залесе (Смаргонскі раён). Там у 2021 г. пачалося аднаўленне стайні, якую плануецца выкарыстоўваць па прамым прызначэнні [1]. Выкарыстанне коней для катання турыстаў аднаўляе адзін са страчаных элементаў культурнага ландшафту, дыверсіфікуе паслугі, якія прадстаўляюцца музеем.

Сядзібна-паркавыя комплексы Беларусі валодаюць значным патэнцыялам для развіцця на іх аснове розных відаў турызму. Акрамя гісторыка-культурнага турызму і яго разнавіднасцяў на аснове сядзібна-паркавых комплексаў развіваецца гастронамічны, адукацыйны, прамысловы і іншыя віды турызму. Рэстаўрацыя і даследаванне гісторыка-культурнай і прыроднай спадчыны сядзібна-паркавых комплексаў дазваляе развіваць на іх аснове новыя віды турызму, дыверсіфікаваць і абнаўляць турыстычны прадукт.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. В Залесье восстанавливают здание конюшни [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.shliah.by/news/obshhestvo/news24287.html>. Дата доступа: 16. 08. 2023.

2. Герасіме́нак Д. В. Музеефікацыя сядзібна-паркавых комплексаў Рэспублікі Беларусь як сродак актуалізацыі гісторыка-культурнай спадчыны: дыс. на саісканне вуч. ступ. канд. культ. : спец. 24. 00. 03 Музеязнаўства, кансервацыя і рэстаўрацыя гісторыка-культурных аб'ектаў. Мінск, 2018.

3. Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004.

4. Филипчик Д. В. Оценка туристического потенциала дворцово-парковых ансамблей и усадебно-парковых комплексов Беларуси. Минск: Белстан, 2023.
5. Постановление Министерства спорта и туризма Республики Беларусь от 7 августа 2023 г. № 36 «О ведении Единой классификации видов туризма в Республике Беларусь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=W22340307> . Дата доступа: 20. 08. 2023.
6. Профессор Якуб Наркевич-Иодко [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://narkevich-jodko.org#!/museum>. Дата доступа: 17. 08. 2023.
7. Традиция прыгатавання «Поразаўскай банкухі» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://livingheritage.by/nks/7704/>. Дата доступа: 16. 08. 2023.

Навуковае выданне

**ПІЧЭТАЎСКІЯ ЧЫТАННІ – 2023:
інстытуцыянальныя змены
ў гуманітарнай сферы як адлюстраванне
палітычных і эканамічных працэсаў**

**Матэрыялы
міжнароднай навуковай канферэнцыі,
прысвечанай 80-годдзю аднаўлення работы БДУ
на стацыі Сходня і 145-годдзю з дня нараджэння
У. І. Пічэты**

Мінск, 11 кастрычніка 2023 г.

На беларускай і рускай мовах

У аўтарскай рэдакцыі

Адказныя за выпуск *Т. Д. Герновіч, І. А. Яфрэменка*

Падпісана да друку 04.12.2023. Фармат 60×84/16. Папера афсетная.

Друк лічбавы. Ум. друк. арк. 25,48. Ул.-выд. арк. 25,8.

Тыраж экз. Заказ .

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.

Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Аддрукавана з арыгінал-макета заказчыка